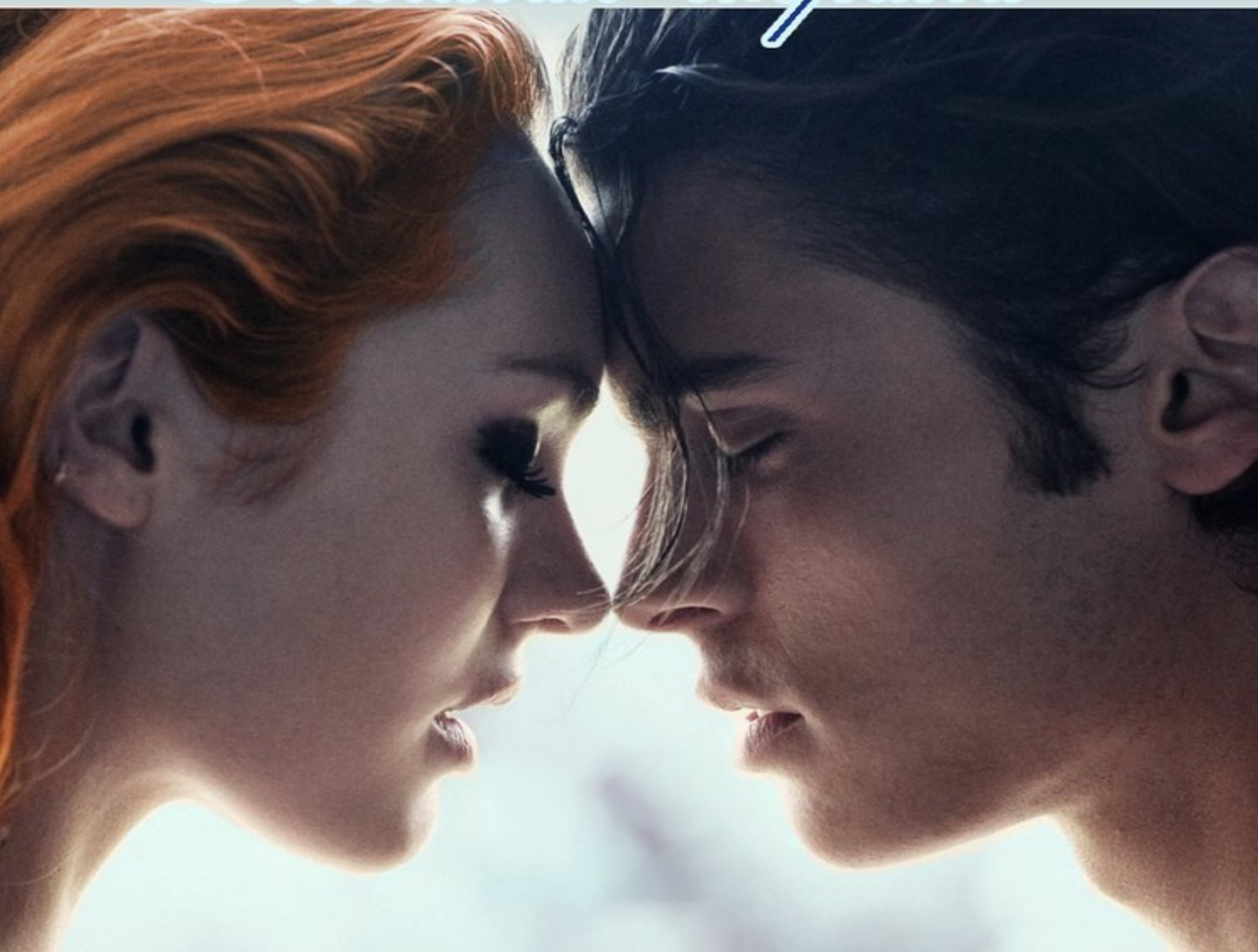

Карола Лёвенштейн

Королевская кровь
Ледяная страна

Однажды кто-то написал, что любовь исцеляет сердце. Но что стоит любовь, если ты не свободен любить? Сельма отправляется на поиск своих родителей и грааля патрициев. Она полна решимости свергнуть элиту, чтобы наконец добиться разрешения, официально быть вместе с Адамом. Но сказала ли хроника Акаши правду? Сельма всё больше сомневается в этом. Морлемы бесследно исчезли, также Бальтазар нигде больше не появляется. Всё выглядит так, будто второй год в университете начался идеально, пока не появляется новый студент, в котором очень много противоречий. Но у Сельмы нет времени удивляться. Из-за того, что примус внезапно радикально поменял направление политики, её отношениям с Адамом, с одного дня на другой, грозит опасность. Сельме становится ясно, что угроза исходит из совершенного другого направления.

Карола Лёвенштейн

Ледяная страна

Серия: Королевская кровь — 2

Переводчики: lena68169, Julia85

Редактор: Оливия Джеймс

Королевская кровь

*Могущество в королевской крови,
В темноту тебя с собой забирает.
Покрывая чёрной кровью мечи,
Будущее страданиями наполняет.
Королевская кровь разрушает страну.
Но в тени времени надежда встречает.
Проявишь слабость, жди беды,
Чёрное пламя мир сжигает.
Слышишь потерянных душ мольбы?
Королевская кровь свет похищает.
Ждёт тебя время мрачной судьбы.
Множество голос песнь силы воспевают.
— Из неопубликованного —
— Константин Кронворт, поэт и деятель искусств —*

Через мои закрытые веки проникали оранжевые лучи солнца, я пыталась как можно больше абсорбировать его тепло. Возможно ли заpastись теплом на холодное время? Скорее всего, нет. Был уже конец лета, и я открыла глаза, блуждая взглядом по саду в Каменном переулке. Я задумчиво разглядывала бабочку, которая сидела на сиреневых цветках дикой душицы. Она осторожно махала своими светло-голубыми крыльями, которые нежно переливались на тёплом солнце.

Этот цвет с полной силой напомнил мне о путешествии, в которое я очень скоро отправлюсь. Я отвернулась. Идиллия сада бабушки не трогала меня, ни грядки с цветами, на которых подсолнухи были ещё в полном цвету, ни многолетники, которые погрузили сад в бесконечное море красок. Бабушки не было здесь, а без неё сад потерял часть своей жизни.

Я бросила взгляд на наручные часы. Время уже близилось к вечеру. Однако пока наступит темнота, и Адам сможет незаметно пробраться в наш дом, есть ещё пара часов времени.

Любовь неуловима, живёт ли она в сердце или в душе? Я знала только одно: она полностью проникла в меня, и в тоже время меня разрывало на части знание о том, что её не должно быть. Не здесь, не в Шёнефельде, нет, здесь мы были бы обычной парой. Но в мире, к которому мы принадлежим, всё по-другому. Мы граждане Магического Объединённого Союза, и как токовые, поклялись повиноваться законам магического сообщества. Адам, как патриций, принадлежал к привилегированному классу, а я, как и большинство, относилась к плебеям. Отношения, которые выходили за рамки дружбы, не разрешались между нами, вступление в брак было запрещено под страхом наказания.

Но мы не были готовы принять этот запрет. Наша любовь выросла в тайне, а противодействия, которые должны были разлучить нас, ещё только больше связали нас друг с другом.

— Кофе? — спросил весёлый голос недалеко от меня.

— Лиана, — удивлённо ответила я, когда обнаружила её светлую копну волос между кустов. В руках она балансировала две большие кружки с её любимым рисунком; ромашки на зелёном фоне.

— Я ведь знаю, что так ты быстрее встанешь на ноги, — ответила она и зашла ко мне в павильон, где я всё ещё сидела на широкой лежанке, накинув тёплое одеяло на ноги.

Был конец августа, солнце уже перешло зенит и приближалось к горизонту. В становящемся прохладным воздухе чувствовался запах спелых яблок и сладких слив — на самом деле запах день рождения. Но в этом году мой день рожденья прошёл неинтересно. Ничто, по сравнению с моим восемнадцатым днём рождения в прошлом году, когда я официально узнала, что обладаю магическими силами, и моя жизнь, впредь, примет совершенно иной курс.

В зелени вокруг я обнаруживала то там, то сям жёлтый лист. Ещё немного, и начнётся второй год в Тенненбоде, университете для прикладной, магической науки, в котором я училась с Адамом, Лианой и нашими друзьями.

Когда Лиана поставила чашку с кофе на деревянный столик рядом, я сделала глубокий вдох, ощутив ароматных запах. Потом я потянулась, пытаюсь окончательно стряхнуть сон с конечностей.

— Всё хорошо? — спросила Лиана.

Я кивнула. С тех пор, как сенатор Бальтазар в начале лета, тяжело меня ранил, мои силы возвращались медленно. Я всё ещё много спала, даже в обед глаза закрывались часа на два. Как только я использовала магические силы, они очень быстро ослабляли моё тело. Сегодня утром я сделала пару упражнений, результатом чего стал послеобеденный сон в несколько часов.

Всё же я не собиралась сдаваться. Через месяц начнётся учёба, а до тех пор я должна ещё многое сделать. Больше не было времени для слабости. Лиана была единственной, перед кем я позволяла себе показать усталость, которая постоянно сопровождала меня, как хроническая болезнь.

— Ты выяснила что-нибудь новенькое?

Лиана указала на магический атлас, который всё ещё лежал на столе, и, изучая который, я уснула.

— Антарктида не пригодна для жизни, там не живут ни люди, ни маги, — сказала я, закрыв атлас, и отодвинув его в сторону. — Южный полюс населяют только пара исследователей и большое количество пингвинов.

— У тебя есть хоть малейшее представление, как ты будешь искать там своих родителей?

Лиана осторожно посмотрела на меня из-под белокурого занавеса кудрявой гривы. Я знала, что она не хочет лишать меня мужества, но мне и самой были совершенно ясны низкие шансы на успех моего предприятия.

— Пока нет. Я просто надеюсь, что удача будет на моей стороне, и я найду какой-нибудь след, — ответила я решительно.

Если нет надежды, тогда вовсе не стоит отправляться завтра в путешествие. С тех пор, как хроника Акаши открыла мне, что родители, с моими братом и сестрой — Лидией и Леандро, не погибли много лет назад в авиакатастрофе, как я до тех пор думала, а находятся в Антарктике, я не могла дождаться того момента, когда поеду туда.

Даже если почти не было шанса найти моих родителей живыми, я ещё не могла изгнать эту надежду из сердца и головы. И даже если у меня не будет шанса, хотя бы ещё раз поговорить с ними, я всё-таки должна знать, что с ними случилось. Мать скрывалась, а меня оставила здесь в Шёнефельде, на попечение бабушки, когда мне исполнилось только четыре года. Настало время окончательно выяснить обстоятельства её исчезновения.

К сожалению, во время каникул я не могла пользоваться медиатекой Тенненбоде, так что единственным справочником был только бесполезный магический атлас и конечно уйма немагической литературы и интернет.

— По крайней мере одна хорошая новость у меня есть: Бальтазар всё ещё не объявился.

Лиана села напротив меня. Потом вытащила из кармана брюк "Хронику Короны", развернула её и аккуратно разгладила бумагу.

— Работу сенатора национальной безопасности ведёт его заместитель из палаты сенаторов и не одним словом не упоминается, что существовал когда-то сенатор Бальтазар.

Она посмотрела на меня, в то время как я разглядывала круглое лицо Оливера Анген, секретаря сенатора Хеландера Бальтазара. Он взял на себя работу исчезнувшего начальника, и казалось "Хроника Короны" даже не заметила разницу в изменение кадров.

Я снова увидела ту сцену перед собой, как воткнула меч в спину Бальтазара, прежде чем он смог нанести Адаму смертельный удар. Но он повалился на пол не сразу, как я ожидала, а

вытащил меч из спины. Удивление из-за его реакции настолько парализовало меня, что я даже не защищалась, когда он так сильно ранил меня, что я и сейчас, три месяца спустя, всё ещё боролась с последствиями.

С того дня Балтазар исчез. Мужчина, который хотел сделать меня своей магической партнёршей, чтобы умножить магические силы и силой захватить в стране власть, а потом провозгласить себя королём Объединённого Магического Союза, казалось, был настолько сильно ранен, что я глубоко внутри лелеяла надежду, что он давно умер.

— Давай будем наслаждаться каждым днём, в котором так и останется, — ответила я. — Потому что, если он снова появится и займёт своё место в качестве верховного главнокомандующего Чёрной гвардии и сенатора по вопросам национальной безопасности, тогда ни жизнь Адама, ни моя, больше не будут в безопасности.

Лиана решительно кивнула и сделала большой глоток кофе из чашки.

— Ты должна восстановить силы, — настойчиво сказала она.

— Я знаю.

Я серьёзно посмотрела на неё. Мне и самой было ясно, что поездка в Антарктику в таком состоянии будет трудной.

— Я надеялась, что моя бабушка приедет хотя бы на моё день рождения.

Я посмотрела в мою чашку с кофе и слегка шевельнула пальцем, заставив содержимое крутиться.

Она бы точно могла дать совет и помогла оправиться. Будучи целительницей, она знала лекарство почти против любой болезни.

— Но, по крайней мере, она связалась с тобой и поздравила, — напомнила Лиана, откинувшись назад и начала наматывать на палец одну из своих светлых прядей.

— Она прислала мне письмо, содержание которого, в основном, состоит из повторяющихся напоминаний: не делать ничего опасного, глупого или необдуманного, — простонала я и помахала Флавиусу Гондену, который как раз вывозил в сад газонокосилку. Моя бабушка поручила ему работу в саду, что с одной стороны означало, что она скорее всего знала, что я чувствую себя не очень хорошо, а с другой, что она не собиралась появляться здесь в ближайшем будущем.

— Придётся самой найти себе укрепляющее средство, — сказала я решительно и встала.

Кофе настолько оживил моё кровообращение, что я чувствовала себя снова хорошо.

— Как ты собираешься это сделать?

Лиана тоже встала и взяла в руки пустые чашки из-под кофе.

— Я наконец-то возьмусь за большую книгу о лекарственных растениях бабушки, в конце концов, она тоже всегда находит там решение. Спасибо за кофе!

Я улыбнулась Лиане, которая ещё что-то ответила. Но её слова заглушило монотонное дребезжание газонокосилки, которую включил Флависус в этот момент. Я помахала Лиане и вернулась в дом, пройдя под тёмными буками.

Студия бабушки выглядела на первый взгляд, как всегда. Солнце святило через витражные окна и погрузило комнату в тёплый свет. Запах трав и настоек, смешивался с пыльным ароматом старых книг. На каменных плитках прыгали золотые, красные и зелёные крапинки в давно знакомом узоре.

Но также, как я с болью осознала это в саду, студия тоже казалось пустой без присутствия моей бабушки. Её жизнерадостный оптимизм, который в последние годы так естественно меня сопровождал, и благодаря которому я чувствовала себя в безопасности,

словно завёрнутая в пушистое полотенце, исчез.

Одно мгновение мне пришлось бороться с собой, пока я не преодолела тяжёлое чувство, которое внезапно навалилось. Я не одна. Я больше никогда не буду одинока, потому что Адам со мной. Так же, как луна и солнце, звёзды на небе и кровь в моих венах составляли одно целое, так было с Адамом и мной; неоспоримая правда.

Я подошла к книге о лекарственных растениях, древнему справочнику, уже на протяжении нескольких поколений находящемуся во владении нашей семьи. Он на мгновение напомнил мне хронику Акаши, книгу, в которой находились знания мира, и которой я, всего лишь несколько минут, могла задавать вопросы. Это неизмеримое сокровище уничтожил огонь, к сожалению, навсегда.

Закрыв на мгновение глаза, я набрала воздуха. И без Хроники Акаши я смогу найти новый способ, который приведёт меня к родителям. Надежда пульсировала внутри, согревая. Но сначала придётся ставить перед собой небольшие цели. Мои физические силы, так сказать человеческая сторона, были далеко не такими крепкими, как требуется, и мне нужно, как можно скорее, изменить это.

Если бы применение магических сил так не утомляло меня физически. Я понятия не имела, как избавиться от этого процесса. Нетерпеливо открыв книгу, я углубилась в нее. Никогда не была страстным любителем гербариев, не зря бабушка в один прекрасный момент прекратила углублять мои знания в этой области.

Теперь у меня была совсем другая мотивация. Раньше это был надоедливый, дополнительный урок, чей смысл я даже частично не понимала. Для меня это было все равно, что изучать язык, которым я никогда бы не пользовалась. Однако сейчас вещи полностью изменились. Теперь мне срочно нужны были эти знания, и я глубоко сожалела, что бабушка не посвятила меня в их тайны.

Я быстро пролистала мимо Огненного Корня, который нужно использовать, приготовив пасту и нанести на кожу, таким образом он создаст на один час защиту от огня. Также Голубая Фольгиста не особо меня интересовала, потому что мне не требовалось лекарства против Йодового Лешая — гнойной сыпи, которую можно заработать, если прикоснёшься к Йодовому Кактусу. Я нетерпеливо просматривала страницу за страницей, не встречая ничего, что могло бы помочь.

Спустя час бесплодных поисков, я плюхнулась в кресло бабушки и разочарованно закрыла глаза. Видимо не существует простого, укрепляющего напитка или несколько ягод, которые нужно разжевать, чтобы возобновить свои потерянные силы.

Что упоминала профессор Эспендорм в прошлом году? Я покопалась в воспоминаниях и припомнила её речь в первый день первого семестра. Сила приходит изнутри, и только в здоровом теле живёт здоровый дух. Видимо во мне не было равновесия. Атака Бальтазара спутала что-то важное. Я разочарованно вздохнула. Несколько упражнений йоги и час медитации скорее всего не помогут.

Бабушка была единственной, кто мог бы что-нибудь посоветовать, но она была так далеко, что перед нашим отъездом в Антарктику я не смогу связаться с ней. Даже сообщение я не могла послать ей, потому что точно знала, что она оградилась от любых внешних воздействий.

Это был её способ сказать, что она отвергает мой план изменить магическое сообщество, и таким образом легализировать любовь между Адамом и мной. Точно так же она не хотела, чтобы я проследила след моих родителей в Антарктике. Не потому, что

считала неправильным то, за что я борюсь и что отстаиваю. Нет, речь шла всегда только об одном — о моей жизни.

И то, что я подвергала её опасности, было для бабушки так невыносимо, что она предпочитала держаться в стороне, вместо того, чтобы помочь. Я сносила её непризнание и надеялась, что она наконец осознает, что жизнь без Адама и незнание того, какая судьба настигла мою семью, казалась мне бесполезной. А что мне ещё оставалось? Единственный способ, снова получить её расположение — это подчиниться её воли. Но это будет означать, что я должна расстаться с Адамом и отказаться от поиска родителей. Я на секунду допустила эту мысль. Даже эта секунда была чересчур. У меня закружилась голова. Расстаться с Адамом, было похоже на чувство, будто я заживо выдираю себе сердце из груди. Тошнота, которая охватила меня, была такой сильной, что я обмякла на кресле, хватая ртом воздух.

Я никогда этого не сделаю. Адам и я были неразрывно связаны. Я посмотрела на светящее, золотисто-красное солнце, направляющееся к горизонту. В этом доме должно существовать больше книг, которые могли бы помочь мне, пока я, наконец, снова не смогу войти в мидиатеку.

Может быть план Парэлсуса, подсоединить МУП, магическую универсальную память, к головам всех магов всё же не такая плохая идея, как я до сих пор думала. Я безусловно не первая, кто хотел извлечь выгоду из накопленных знаний магов.

Быстрыми шагами я покинула студию бабушки и беспокойно начала бродить по дому, в поисках книжной полки, которую я ещё не успела обыскать. На кухне я нашла только кулинарные книги и несколько инструкций по приготовлению варенья. В моей комнате я держала только немагическую литературу и знала, что классика с уроков немецкого не поможет мне в моей проблеме.

Я рискнула заглянуть в спальню бабушки. Но здесь не было даже одного листка бумаги. Я заглянула под кровать и в шкаф, даже когда опустившись на четвереньки, посмотрела под комод, ничего не обнаружилось, кроме нескольких мёртвых мух. Я продолжила поиск в нашей гостиной, переворачивала каждую картину, в надежде найти скрытый сейф, в котором бабушка хранила настоящие тайны.

Спустя полчаса я разочарованно сдалась. Либо моя бабушка очень хорошо умеет прятать от меня вещи, либо она хранит все действительно важные заклинания в памяти. Я считала, что она способна и на то, и на другое, хотя ещё точно помнила, что госпожа профессор Хенгстенберг, на своей последней лекции в прошлом семестре объясняла, что большие и важные заклинания всегда нужно записывать на бумаге, чтобы они не потерялись, а эту традицию бабушка безусловно не станет нарушать.

Возможно она забрала все свои важные записи с собой в Темллин, потому что боялась, что в противном случае, я самостоятельно научусь слишком многим, опасным заклинаниям. Да, подумала я, смирившись, это скорее подходит больше.

Я направилась в свою комнату. Мои ноги сами собой понесли меня в коридор. Взгляд остановился на белой двери, ведущей на верхний этаж. Там наверху я жила до четырёх лет вместе с моей семьёй. Бабушка заперла комнаты и запретила мне и себе когда-либо подниматься туда. Я нерешительно остановилась перед дверью, уставившись на вырезанные в раме лозы и дуги. Я не знала, готова ли окунуться в боль этих воспоминаний. Пальцем я провела по покрашенной белой краской арке. Гладкая, прохладная поверхность напомнила мне лёд и холод, которые ждали меня впереди. Мне понадобится любая, даже самая

маленькая помощь.

Я решительно нажала на ручку, но дверь была заперта. В поисках я огляделась. Бабушка ведь не могла взять ключ в Темаллин? Эта глушь друидов была от Шёнефельде на расстояние в несколько часов полёта. У меня займёт уйму времени, пока я преодолею этот маршрут.

Я закрыла глаза и сосредоточилась, чтобы услышать звук металла. Это элемент земли, а звуки элементов я мола слышать, словно песню. Моменты, когда огонь и ветер застигали меня врасплох своими мелодиями и образами, умножились в последние недели. Уже несколько дней я воспринимала даже металлическое колебание и наконец поняла, что между тем моя связь с элементами была такой сильной, что я могла в любое время, если захочу, услышать и почувствовать их. Я закрыла глаза и наострила уши.

К моему удивлению я почувствовала холодную вибрацию недалеко от себя. Я поспешно открыла глаза и ощупала дверную раму. И действительно! Спрятанный на самом верхнем изгибе искусной резьбы, лежал ключ к этажу моих родителей. Когда я медленно открыла дверь, она громко закричала. Из-за высокого тона, у меня встали на руках волосы дыбом, а запах, повеявший мне навстречу, чуть не сбил с ног. В воздухе лежала пыльная сладость, которая внезапно вбила мне в голову образ матери, и я не смогла ничего противопоставить силе, связанной с ним боли.

Я так сильно любила её, что не хотела жить дальше, когда она бросила меня. Только благодаря Адаму и бабушке с её Клубневыми Ягодами, я смогла забыть на несколько лет боль, и вести нормальную жизнь.

Было сложно поднимать ноги и взбираться вверх по лестнице. То, что я так чувствовала, крылось не в усталости, а лишь в пробуждающихся воспоминаниях, которые парализовали меня. Спустя казалось целую вечность, я преодолела лестницу и стояла в круглом коридоре, из которого несколько дверей вели в другие комнаты. Мне не нужно было долго думать. По привычке я повернула направо и открыла дверь в мою старую детскую.

Комната была погружена в тот же золотисто-красный свет, как и студия моей бабушки. Но хотя цвет был тот же, я перенеслась в другое время. Кровать, прикроватная тумбочка и шкаф всё ещё стояли на тех же местах, что и пятнадцать лет назад. Здесь наверху ничего не изменилось. Только белые занавески пожелтели, а на всей мебели лежал тонкий слой пыли, словно серый снег.

Воспоминания пробежали перед внутренним взором, словно фильм. Я увидела маму, стоящую возле окна; рыжие волосы влажные после душа. Она смеялась, когда закрывала шторы и вытаскивала книгу, из которой читала мне каждый вечер.

Я подошла к маленькому столику и провела пальцами по старому изданию "Сказки мира". Если захочу, то, наверное, вспомню ещё последнюю историю, которую она мне читала.

Но вместо того, чтобы начать листать книгу и всецело отдаться болезненному моменту, я взяла себя в руки и вышла из моей старой комнаты. Я продолжила поиски в комнате Лидии и Леандро. Двойняшкам было только два года, когда я видела их в последний раз. Я помнила пухленькие пальчики и смешной лепет неутомонных малышей.

Кровати были не убраны, погремушка и картонная книжка лежали рядом с подушкой Лидии. Я почувствовала, как на глаза навернулись слёзы. Чуть ли не в панике я стала обыскивать полки, в поисках полезной книги или чего-то необычного. Но ни между ярких, детских книжек, ни в коробке полной игрушек, я не нашла ничего пригодного.

Смирившись, я вышла из яркой комнаты, от чьей радостной обстановки, медленно, но верно, меня начинало тошнить. Войдя в коридор, я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. Спальня моих родителей была маленькой комнатой, покрашенной в светло-голубой цвет. Я избегала взгляда на поспешно брошенные кровати и внезапно больше не могла винить бабушку в том, что она закрыла верхний этаж и больше не хотела сталкиваться с болью.

Что принесёт отчаяние, которому я подвергала себя здесь? Оно не вернёт время вспять, а оставаться в этом, похожем на шок оцепенении, не сделает жизнь легче.

Гостиная и кухня были совмещены и образовывали большую комнату, в которой проходила большая часть нашей жизни. На стенах, рядом с детскими фотографиями Лидии, Леандро и моими, весели фотографии моих родителей. Также я нашла там фотографию бабушки и дедушки с их друзьями. Должно быть её сняли в то время, когда они познакомились во время учёбы в университете Тенненбоде. Рука об руку, там стояли моя бабушка и Эдгар, с которым я никогда не была знакома, и молодой, темноволосый человек в очках. Они весело смеялись, так весело, как я ещё никогда не видела, чтобы смеялась моя бабушка.

Я прошла дальше. Диван в цветочек был любимым местом моей мамы, с которого она могла смотреть на кроны буков. Теперь, когда воспоминание о ней снова стало таким отчётливым, было намного тяжелее согласовать её с той женщиной, которая хотела поднять революцию в Соединённом Магическом Союзе.

Но оглядевшись, я поняла, что она боролась за все это, за свою семью и дом. Сенаторы хотели заставить ее бросить моего отца, потому что он не был патрицием, как моя мама. Но цена, которую она должна была заплатить за то, чтобы соблюсти законы Объединенного Магического Союза, была слишком высока.

Я осмотрела книжную полку и пришла к выводу, что мама явно не питала никакой слабости к произведениям о магическом мире. Все книги на полке можно было приобрести в небольшом книжном магазине господина Лилиенштейна, в который я навещала несколько дней назад в поисках укрепляющего средства. Но господин Лилиенштейн тоже не смог мне помочь. Даже он знал, что целебные растения были профессией моей бабушки.

Я в последний раз оглядела помещения, в которых провела счастливые годы со своей семьей. После чего, с ощущением пустоты в сердце, спустилась вниз по лестнице, закрыла дверь и оставила ключ там, куда его примерно пятнадцать лет назад, положила бабушка и больше к нему не притрагивалась.

По пути в комнату я заметила, что стемнело. В пустом доме тоже воцарилась мрачная атмосфера. Все-таки я провела наверху больше времени, чем предполагала.

Тихий стук в заднюю, кухонную дверь заставил мое сердце биться чаще, а охватившее меня мрачное настроение сменилось неистовой радостью. Я заставила себя идти нормальным шагом, но нетерпение оказалось сильнее. Я так быстро распахнула дверь, как будто моя жизнь зависела от этих нескольких секунд, которые отделяли меня от Адама.

— Привет!

Он быстро зашел в дом и заключил меня в объятия.

— Мне тебя не хватало, — пробормотала я, уткнувшись в его черные волосы, впитывая тепло его объятий, как будто, если бы его не было, я бы вскоре замерзла. Именно так я и чувствовала себя там, наверху. Я всеми силами старалась прогнать мысли о моей прошлой жизни. Я хотела смотреть вперед и не позволяла себе впадать в грусть.

— Я не смог уйти раньше, — вздохнув, ответил Адам, нежно поцеловав меня в щеку. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — ответила я, стараясь улыбаться как можно шире, в то время как Адам критически осматривал меня. — Я была наверху, — наконец сдавшись, сказала я.

Мне не удалось скрыть уныние. Адам знал меня слишком хорошо.

— Зачем ты мучаешь себя этими воспоминаниями? — серьезно спросил он.

— Я надеялась найти что-нибудь полезное для нашей поездки, — быстро ответила я.

— И что? Твои усилия увенчались успехом? — спросил он более мягким голосом. — Мне не нравится, что ты добровольно предаешься воспоминаниям, которые тянут тебя вниз. Так мы не продвинемся дальше.

— Я ничего не нашла, — быстро сказала я, пытаюсь скрыть, что моя экскурсия на верхний этаж сильно взволновала меня.

— В следующий раз я пойду с тобой, чтобы у тебя был кто-то на кого можно опереться, если станет слишком страшно, — улыбнувшись, сказал он.

— Я справлюсь, — ответила я.

Мне не нравилось, когда Адам указывал на мои слабости, я и сама знала, что иногда реагирую слишком эмоционально.

— Ты всегда это говоришь, — возразил он. — И за эту настойчивость я люблю тебя еще больше.

Он поцеловал меня в лоб.

— Но для нашей поездки важно, чтобы ты была честна со мной. В Антарктике мы будем зависеть друг от друга, нам не поможет, если ты будешь слабой, но не признаешься в этом.

Я задумчиво посмотрела на нахмуренный лоб Адама, пытаюсь перебороть себя. Конечно он прав, но, если я сейчас признаюсь, что недостаточно сильна, чтобы пережить поездку в Антарктику, тогда он просто отменит её. Следующая возможность исчезнуть на несколько недель, выдастся только на следующие каникулы между семестрами, а их придётся ждать очень долго.

— Возможно, наверху я искала также что-нибудь, что немного укрепит мои силы, — осторожно сказала я, подбираясь к правде. Со смешенными чувствами я смотрела на Адама, ожидая его реакции.

Его кожа была загорелой от проведённых недель на Килеандрозе. Маленький остров в Средиземном море, на который могла попасть только моя семья, используя сложное вербальное заклинание, был раем на земле. Бесконечные песочные пляжи окружали остров, а море было таким синим, как только могут быть глаза Адама.

— Температура опасна для жизни, — сказал он в конце концов, не приняв никакого решения.

— Я знаю, — ответила я по меньшей мере так же серьёзно, как и он.

Я должна доказать ему, что не совсем обессилила, потому что именно так и есть. Привычным движением я сформировала руками чашу. Собралась с мыслями, закрыла на одно короткое мгновение глаза, пока через закрытые веки не проник яркий свет. Улыбаясь, я снова их открыла.

— Но мы маги, и у нас намного лучшее снаряжение, чем у исследователей и пингвинов.

В моих руках святился ослепительно яркий световой шар, слегка толкнув, я бросила его над головой, где он остался парить и светить, словно фонарь.

— У нас есть не только свет, но и власть над водой и огнём. Я справлюсь с небольшим

количеством снега и льда.

— Сколько в тебе на самом деле силы? — спросил Адам, и я сразу поняла, что не впечатлила его моим представлением.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, увлекая его за собой в кухню. Мой желудок урчал. Наш общий ужин стал ритуалом, на котором я настаивала с тех пор, как мы вернулись в Шёнефельде.

— Ты можешь представить себя, что это означает бродить в темноте, когда на улице шестьдесят градусов ниже нуля в поисках чего-то, что мы скорее всего всё равно не найдём?

— Я сдержу обещание, которое дала тебе. Мы поедем в Антарктику, и я получу шанс найти родителей. Если мы ничего там не найдём, тогда я оставлю это дело. Я знаю, что будет нелегко, но, если исходить из того, что хроника Акаши права, тогда мы должны что-нибудь найти.

— Хроника Акаши также считала, что ты магическая партнёрша Бальтазара, — вставил Адама, пока доставал тарелки из шкафа и накрывал на стол. — Также я не особо верю в эту историю с атрибутами власти, пока нет каких-нибудь других источников, которые хотя бы подтвердят их существование, и не говори сейчас снова, что Элеанора Донна тоже рассказывала тебе об этом. У дамы был не только старческий маразм.

— Был? — удивлённо спросила я.

— Да, она внезапно умерла летом. Родители рассказали мне.

— Жаль Дульсу и Сесилию.

Мне нравилась старая дама, но ей было уже больше девяносто, и её смерть не особо меня удивила. Всё же я с удовольствием поговорила бы с ней ещё раз.

— Но против исследований из медиатеки ты не будешь возражать, если уж не доверяешь Хронике Акаши.

Я сделала вид, что сильно занята, включая плиту и нагревая суп из Ячеечных Лесных Червей. Ячеечный Лесной Червь повышает магическую силу в несколько раз, а мне понадобится каждая унция дополнительной энергии.

— Было совсем не просто купить Ячеечных Лесных Червей, пришлось уговаривать бабушку Лианы какое-то время, прежде, чем она вытащила из-под прилавка упаковку из своего запаса.

Я умело сменила тему, потому что мы постоянно спорили с Адамом о том, можно ли полностью доверять информации, полученной из хроники Акаши или нет.

— Я вижу, что логические аргументы не остановят тебя, и ты сядешь завтра в самолёт, направляющийся в Буэнос Айрес.

— Дай мне только месяц, — попросила я. — Потом я оставлю это дело. От поездки ты меня удержать не сможешь. Но можешь помочь. Может тебе известна какая-нибудь дверь, с помощью которой мы сможем сократить путешествие или ещё лучше, попадём сразу в Антарктику? Я нашла в выдвижном ящике половник и поставила кастрюлю с супом на стол.

— Нет, пока я таковой не нашёл. Нам придётся лететь до Ушуайя, пока не окажемся на самом южном пике Южной Америки, а потом возьмём напрокат лодку.

— А что с дверью в доме твоих родителей?

Между тем я узнала, что у родителей Адама есть не только одна нелегальная дверь, ведущая на виллу в Провансе, существовала ещё вторая.

— Эта дверь в нашем подвале хотя и ведёт в Америку и немного сократит нам путь, но она также ведёт прямо в бюро моих родителей. Единственный выход, это через отдел

упаковки. Так как сейчас начинается Рождественский сезон, там круглосуточно присутствует персонал, мимо которого мы не сможем пробраться, не поднимая шума.

— Ясно. Как насчёт того, чтобы весь маршрут пролететь собственными силами? — спросила я и села рядом с Адамом, в то время, как он разливал суп в тарелки. Я не летала много дней, и мне болезненно нахватало безумного ощущения ветра, который хлестал в лицо.

Кожу на спине начало покалывать, когда я слишком долго думала о красных крыльях, которые должны были оставаться спрятанными между моих лопаток.

— Нет, при таких температурах нам нужно хорошо распределять запасы энергии, потому что полёт утомителен. Оставим это на потом. Когда начнётся наш поиск и нам придётся на льду преодолевать большие расстояния, тогда мы полетим.

— Полёт во время пурги, — размышляла я, жадно начав есть, ожидая, что от супа появится эффект. В последний раз, когда я ела суп из Ячеечных Лесных Червей, после него я произвела впечатляющее торнадо в ветровом кабинете госпожи профессора Шёнхубер.

К сожалению, я не была уверена в том, проявились ли таким способом мои собственные силы или же это всё-таки была госпожа профессор Шёнхубер, которая с помощью такой уловки хотела заманить меня во власть Чёрной гвардии, и таким образом отдать Балтазару.

— Поездка в Антарктику не будет развлечением, наоборот: подготовься выложиться по максимуму.

От серьёзного взгляда Адама по спине пробежала дрожь.

— А Чёрная гвардия не потеряет тебя? — спросила я, игнорируя реакцию моего тела. Я не хотела думать о том, что всё может пойти наперекосяк.

— Чёрная гвардия ждёт меня назад точно 1 октября, до тех пор у меня отпуск. Сейчас всё равно всё спокойно. Почти не было никаких достойных упоминания преступлений. Примус ещё в летнем отпуске, и сенаторы тоже наслаждаются своими каникулами, развлекаясь на летних балах и частных соревнованиях драконов.

— Значит, выбранные народом почтенные представители закона подобающе наслаждаются летом, — съязвила я и чуть не подавилась одним особенно большим Ячеечным Лесной Червем.

— Магический мир мы изменим сразу же после того, как в замёрзшей Антарктике выследим твоих родителей, — вздохнул Адам с напускной серьёзностью.

— Именно, — ответила я. — Мне нравится такой настрой.

Я не могла удержаться от усмешки.

— Ты закончила с едой? — спросил он.

— Звучит так, будто ты запланировал что-то ещё, а не только обсуждение деталей нашей поездки, — сказала я, улыбаясь и наклонилась к нему.

— Запланировал, потому что детали поездки прекрасно разработаны, — улыбнулся Адам и поцеловал меня в щёку. К моему сожалению он встал и убрал тарелки в раковину.

— Потом помахал мне, чтобы я последовала за ним в сад.

Я удивлённо встала и вышла в ночь. Влажный, прохладный воздух ещё нёс в себе запах цветов, но в нём также чувствовалась приближающаяся осень.

Я последовала за Адамом по влажной траве, пока мы не оказались в задней части сада. Здесь старые, самшитовые изгороди, вместе с красной, кирпичной стеной, образовывали защищённое от ветра пространство, в котором моя бабушка посадила несколько старых

сортов роз. Между ними росли любящие тепло Колючие Хоста, чьи не примечательные, коричневые плоды могли на несколько мгновений привести в эйфорию. Может, стоит упаковать несколько из них, если посреди льда нам понадобится хорошее настроение.

Я ещё размышляла о том, сможет ли приступ смеха спасти нас от агрессивных пингвинов или от замерзания, когда увидела тёмную фигуру, прислонившуюся к стене.

— Кто это? — выкрикнула я в ужасе, когда заметила, что Адам, не задумываясь, замаршировал к тени.

— Это Торин, — коротко ответил Адам и поприветствовал своего брата рукопожатием.

— Ну, солнышко, готова к поездке? — спросил Торин ухмыляясь, насмешливо разглядывая меня из-под своих светлых волос.

— Что всё это значит? — испуганно ответила я, переводя взгляд с Адама на Торуна, туда-сюда. Я представления не имела, что означает эта встреча. — Ты рассказал ему?

Чем больше человек узнавало о наших отношениях с Адамом, тем опаснее становилось, а тем более кто-то из семьи Адама. Его родители патриции, особенно его мать всегда была обо мне плохого мнения. Если бы она узнала, что у её сына близкие отношения с женщиной из низкого социального класса, она точно позаботилась бы о том, чтобы я никогда больше не смогла перешагнуть через порог Тенненбоде.

— Это было не нужно. С тех пор как я застукал вас в Марселе, мне сразу стало ясно в чем дело.

— Мы можем доверять Торину, — спокойно сказал Адам. — Ты же знаешь, я не сделаю ничего, что может подвергнуть тебя опасности.

Он улыбнулся мне, и мой гнев моментально испарился, а от его взгляда я растаяла как замерзшая вода летом.

— Откуда ты знаешь, что можешь доверять ему? — возразила я.

— Он мой брат, — настойчиво сказал Адам, как будто одного лишь факта родства было достаточно, чтобы получить огромный аванс доверия.

— Пока вы не разругались, предлагаю перейти к делу. Хотя..., - Торин посмотрел на меня с веселыми искорками в глазах. — Если ты хочешь заняться борьбой в грязи, я немного подожду, пока ты оденешь бикини.

Он выжидающе уставился на меня, а у меня челюсть отпала после его слов.

— Торин, попридержи язык! — пробурчал Адам и успокаивающе похлопал меня по руке. Я все еще смотрела на широкие плечи Торуна, которые слегка подергивались, когда он тихо хихикал.

— Надеюсь, у тебя есть убедительное объяснение того, что здесь делает Торин? — прошипела я, бросив на Торуна уничтожающий взгляд.

— Есть, потому что мы возьмем Торуна с собой в наше путешествие в Антарктику.

— Что мы сделаем? — крикнул я, уставившись на Адама. Он не избегал моего взгляда, а пронизательно смотрел на меня. Решительность в его глазах заставила меня забыть о моем возмущении.

— Я не уверен, что ты в состоянии вынести поездку в Антарктику.

Они с Торингом посмотрели на меня критическим и испытующим взглядом.

— И как я тебе уже сказал, — невозмутимо продолжил Адам. — Я ни в коем случае не буду рисковать твоей жизнью, так же как не собираюсь и свою жизнь подвергать опасности. Конечно я понимаю, что ты обязательно хочешь попасть туда. На твоём месте я бы действовал также. У меня даже не хватило бы терпения ждать все лето и только

подготавливаться к этой поездке. Но ты представляешь себе все слишком оптимистично. Мы отправимся в одно из самых непригодных для жизни мест на этой планете. Там нам мало чем поможет оптимизм, особенно если мы собираемся искать твоих родителей без каких-либо точных указаний об их месте нахождения.

— Я поняла, — тихо ответила я. Не нужно было вводить Адама в заблуждение. Конечно он заметил по-прежнему одолевавшую меня усталость.

Зачем я поддалась этой иллюзии? Теперь, оглядываясь назад, я поняла, что было совершенно очевидно, что со мной что-то не в порядке. Если бы Адам каждый вечер ровно в девять часов засыпал рядом со мной совершенно уставший, весь день не делая ничего, кроме как сидеть в интернете или изучать Атлантов, я бы, наверное, тоже удивлялась и сомневалась в его физическом здоровье.

— Ты уже давно все решил, не так ли? — спросила я.

— Да, Сельма, — решительно сказал Адам. — Потому что я люблю тебя и хочу, чтобы мы целыми и невредимыми вернулись домой. Торин пришел, чтобы мы сегодня вечером еще раз обсудили детали путешествия и согласовали алиби для наших родителей. В нашем доме у стен бывают уши.

Кивнув, он посмотрел на Торуна.

— Да, Эльза очень предана матери.

— А у меня нет права участия в принятии решения? — спросила я, по очереди глядя то на Торуна, то на Адама.

— Я конечно не буду принимать решение, полностью отказавшись от твоего мнения, — сказал теперь Адам, и я от нетерпения наострила уши. — Но только на таком условии я поеду с тобой в это путешествие. Я уверяю тебя, мы можем доверять Торину. Он на нашей стороне.

Он бросил на Торуна серьезный взгляд, казалось в этом взгляде скрыта целая история.

Я отметила, как серьезно Торин кивнул. Плутство, которое всегда искрилось в его глазах, исчезло за серьезностью, которая ясно показала мне опасность предстоящей поездки.

Я вздохнула. Четыре недели с Торинком в путешествие по всему миру будет тяжело вынести, если он продолжит мучить меня своими шуточками. Но какой у меня есть выбор? Адам оставил за мной лишь решение, остаться дома или поехать в Антарктику на его условиях.

— Согласна, — тихо сказала я.

Торин оттолкнулся от стены с соблазнительной улыбкой на губах и подошел ко мне.

— Очень хорошо, а то я уже боялся, что вы будете ещё вечность дискутировать о вопросе: "о-я-так-понимаю-твои-чувства". На мой взгляд здесь нечего обсуждать. Если не хочешь закончить кормом для рыб, Сельма, что действительно было бы очень жаль, тогда я еду с вами.

Я как раз тот тип, кому нравятся снежные отпуска, а в Антарктику я уже всегда хотел попасть. Это удобный случай для небольшого разнообразия. Постоянные балы и социальные обязанности постепенно начинают действовать на нервы. Наши родители не пропускают ни одного мероприятия, и нам всегда нужно идти вместе с ними и важничать в костюмах. Даже Рамон и Леннокс увильнули, спрятались на каком-то острове, чтобы можно было спокойно праздновать вечеринки.

— Значит, вопрос решён, — довольно сказал Адам.

— Определённо, — ответил Торин и подмигнул мне.

— Давайте зайдём внутрь и обговорим детали, — сдалась я. — И было бы здорово, если ты попытаешься держать себя в руках, — резко попросила я, прежде чем Торин начнёт спекулировать о том, стоит ли мне положить бикини в мой багаж.

— Я попытаюсь, — ответил он, и эта полная ожиданий усмешка на его губах сказала, что скорее всего дальше попытки не зайдёт.

Холодный ветер рвал на мне одежду, а ледяные кристаллы врезались в щёки. Было такое чувство, будто тысяча иголок одновременно хотят пронзить мою кожу. Я отвернулась от ветра и прислонилась к борту судна. Даже через толстое, зимнее пальто и перчатки я чувствовала ледяную температуру, которая была намного ниже нуля. Холод безжалостно проникал в конечности, но я почти не чувствовала дрожь тела. Меня охватила эйфория, благодаря которой мне даже удалось забыть о постоянной усталости. Я наконец почти у цели, после стольких месяцев ожидания и планирования. Берег находился всего в нескольких километрах, и я отчетливо чувствовала, что лёд становился всё ближе. Когда я закрывала глаза, то слышала высокое гудение, которое уже было недалеко. Но лучше я буду держать глаза открытыми, пытаясь что-то разглядеть в темноте вокруг, если учесть, как раскачивается судно на волнах, в противном случае меня сразу начнет тошнить. Лучше буду размышлять над вопросом, который не выходил у меня из головы с тех пор, как я нанесла визит хронике Акаши и который, надеюсь, решу в ближайшее время. Зачем мои родители отправились в Антарктику? Я не видела никакой причины и никакого объяснения, для чего им понадобилось бежать в эту негостеприимную местность. Теперь мне был знаком их враг и я знала, какой впечатляющей силой он обладает. Но то, что они дошли до конца света, чтобы сбежать от него, просто не помещалось в голову. Моя мать встала бы на пути у Бальтазара. После всего, что я узнала о ней, она бы сражалась за свою жизнь, даже если бы пришлось заплатить жизнью за возможность свободы. Что-то здесь было не так.

«Ты в порядке?»

Я почувствовала Адама позади, прежде чем он приблизился.

— Да, — ответила я задумчиво на его мысли, в то время, как почувствовала его руку на бедре.

Сразу же к задумчивости присоединилась утешительное тепло его прикосновения, которое всегда было чарующим, даже когда я чувствовала его, как сейчас приглушенно, через толстую куртку.

— Что делает Торин?

Адам встал рядом и обнял меня, притянув к себе.

— Он следит за тем, чтобы судно не замерзло, и мы действительно смогли доехать до места назначения. Мы привезли тебя сюда, теперь твоя очередь что-то найти.

— Спасибо, — сказала я внезапно.

— За что? — Он усмехнулся. — Ещё мы ничего не добились.

— Спасибо, что делаешь это для меня.

— Я знаю, как много это для тебя значит, Сельма. Но делаю это не только для тебя. Бальтазар имеет отношение к пропаже твоих родителей, но он также предал Черную Гвардию и все магическое сообщество. Такие как он, не должны получить власть. Когда мы выясним, что случилось, то сможем намного лучше понять его действия. Я ищу доказательства, чтобы показать магическому миру, что они доверяют террористу, который хочет разрушить магическое сообщество изнутри. Не только я, но и Торин думает также.

— Не разрушить, — мрачно сказала я, напомним ему слова Бальтазара. — Он хочет его излечить.

— Точно, — вздохнул Адам, серьезно посмотрев на меня. У него был пронизывающий

взгляд, голубые глаза магическим образом притягивали меня.

Я не забыла о своей второй цели. Чтобы свергнуть патрициев и сделать нашу с Адамом любовь возможной в Объединенном Магическом Союзе, я должна, согласно хронике Акаши, уничтожить атрибуты власти. Я не знала сколько их, не говоря уже о том, где они были спрятаны. Единственное указание, о котором я помнила, до того, как потеряла сознание, заключалось в том, что один из атрибутов власти — это грааль патрициев, спрятанный где-то в вечных льдах. К сожалению, мне не удалось узнать в каких именно льдах этого мира. Согласно собранной мною за последние недели информации, вечные льды были во многих регионах земли, в горах, пещерах и конечно в Арктике и Антарктике. Хотя поиск грааля патрициев не был целью нашего путешествия, я все равно буду смотреть в оба, в надежде получить дальнейшие указания. Пришло время превратить все планы и мысли в действия. Я не могла дожидаться, когда мы высадимся на сушу, или в данном случае на лед.

— Мы будем идти три дня вглубь региона, — тихо сказала я, пытаюсь различить в темноте очертания.

Мы внимательно изучили карты местности и выбрали маршрут так, чтобы быстро продвигаться вперед.

— Затем разобьем основной лагерь. И уже оттуда будем две недели подряд совершать разведывательные полеты по всем направлениям, — продолжила я.

— Хорошо, — ответил Адам. — Снаряжения и провизии нам хватит на две недели. Если будем экономить, то может даже на дольше.

Больше времени у нас все равно нет. Нам понадобилась неделя, чтобы заготовить еду и добраться сюда. Самое позднее через две недели мы должны будем вернуться. К началу семестра, первого октября, мы должны быть в Теннебоде.

— Мы не могли поехать раньше, ты прекрасно это знаешь.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что Адам намекает на мое беспокойство и нетерпение, которыми я замучила его.

— Антарктическая зима уже заканчивается, по крайней мере несколько часов в день будет светло. Даже температура в этот период переносится легче, если можно так выразиться. Но ты права, время не ждет. Первого октября начинается не только семестр, Черная гвардия тоже ждет нас с Торином назад. Я должен увидеть то, как они будут заминать исчезновение сенатора Бальтазара. Может наконец увижу, кто его союзники. Кроме того, есть еще кое-что, что я бы хотел сделать, — сказал Адам, тоном, который заставил меня насторожиться. Он немного помедлил, вероятно раздумывая, подходящий ли сейчас момент для его слов.

— Что ты хочешь сделать? — осторожно спросила я.

Для какого признания корабль, попавший в снежный шторм недалеко от Антарктики, был подходящим местом?

— Как только вернемся назад, я хочу наконец сказать моей семье, что мы вместе.

— Что? — спросила я хрипло.

Каким бы прекрасным не казалось мне признание семьи Адама, всё же оно было, в принципе, невозможным. Я скорее могла представить себе, что найду в Антарктике пальму, чем то, что семья Адама встретит меня с распростертыми объятиями, чтобы вместе с нами бороться за отмену классовых различий.

— Моя мама всегда проявляла ко мне понимание. Она и в этот раз поддержит. Настойчивость, с которой говорил Адам, показала, что это решение было принято уже

какое-то время назад.

— Не делай этого! — сказала я мягко.

Если Адам принял какое-то решение, его было нелегко отговорить от него.

— Почему? — спросил он, смотря на меня со скепсисом. — Я люблю тебя, и, если ты не можешь быть официально моей партнершей, тогда, по крайней мере, об этом должна узнать моя семья.

Адам казался таким решительным, что я почувствовала слабость в желудке.

— Не думаю, что это закончится хорошо, — сказала я осторожно. В конце концов он знал свою мать лучше меня, но сейчас я не хотела и не могла говорить с ним на эту тяжелую тему. В этот момент мою голову занимали другие вещи.

— А как насчет твоих родителей, они приняли ваше оправдание? Адам вздохнул, соглашаясь с изменением темы разговора.

— Да, приняли. Это был последний раз, когда я соврал. Эти прятки и обман противны мне. Они думают, что я вместе с Торинсом путешествую по Соединенным Штатам и наслаждаюсь свободой.

— Кому нужна поездка по Соединенным Штатам, если можно приехать сюда, — внезапно сказал Торин позади. Я была настолько поглощена разговором с Адамом, что совсем его не слышала.

— Но для разнообразия должен поддержать твоё солнышко. Лучше ничего не говори семье о ваших отношениях. Мать старомодна в таких вещах.

— Спасибо, Торин, — сказала я, когда он встал рядом со мной. По крайней мере хоть он на моей стороне.

— Не привыкай к этому, — усмехнулся он. — Кстати, а еда уже готова? В конце концов ты женщина в доме или на лодке и должна для нас готовить! Торин смотрел на меня искрящимся взглядом, настроение отличное, и я почувствовала, как в голову ударил жар.

"Оставайся спокойной", призвала я себя, но это было не так просто.

— Разве ты не собирался растопить парочку льдин, чтобы мы не примёрзли? — ответила я.

— Ладно, ладно.

Торин защищаясь, поднял руки, когда заметил, что снова довёл меня до белого каления.

— Я только хотел предупредить, что мы приехали. Даже если в темноте это не особо видно, но мы добрались до побережья. Капитан Моррис бросил якорь, а завтра утром мы высадимся со всеми нашими пожитками на берег. К счастью, я прихватил с собой парочку летающих тележек наших родителей.

— Из-за чего таможня чуть нас не забрала и не отправила домой, — напомнила я ему о неприятной встрече с немагическими блюстителем закона.

— Но я ведь прекрасно решил эту проблему, не так ли? Торин лукаво ухмыльнулся.

— Мужчина думает теперь, что выпил слишком много и вздремнул под своим письменным столом. С каких пор ты можешь создавать новые воспоминания?

Я и правда не осознавала насколько велики способности Торина.

— Ты много чего ещё не знаешь обо мне, но мило с твоей стороны, что ты наконец осознала, насколько многосторонние у меня таланты. Кстати, Адам тоже не плох в этом деле. Только Рамон и Леннокс отстают. У этих двоих никак не получается. Кстати есть воспоминания и похуже, которые я мог бы ему дать. Полный провал памяти в стриптиз-баре, например. Я считаю, что ему повезло. Но летающие тележки, в любом случае, стоили того.

Они могут перевозить тяжёлые грузы и работают даже в самых неблагоприятных условиях. Исследовательский отдел палаты сенаторов полагается на прогресс и включил в пилотный проект моих родителей, в котором они могут протестировать эти новейшие технические достижения. К счастью родители отдали этот проект мне.

— Мы используем технику палаты сенаторов в этом путешествии? Ты с ума сошёл? Я почувствовала, как мои брови сошлись на переносице в сердитую линию.

— Не сошёл. — Торин прорычал слова, при этом тоне я невольно вздрогнула. — Я проверил эти штуки сверху до низу. Они не выдадут нас. Ты ещё будешь благодарна, что мы взяли их с собой. С твоими магическими силами нам понадобится любая помощь.

— Хм, — ответила я, потому что он был прав, а мои опасения всё равно бесполезны, так как мы вот-вот высадимся на сушу.

— Мы здесь, и это единственное, что сейчас важно, — сказал Адам. Как всегда, когда мы поднимали шум, он пытался уладить наш спор.

— Скажи-ка, солнышко... — Торин склонился надо мной, у него были карие, совершенно другие глаза, не как у Адама. Я вновь с удивлением обратила на это внимание. Как могли родные братья быть такими разными? — Антарктика огромная, объясни-ка мне ещё раз, как ты хочешь найти родителей?

— В основном там лед, — ответила я, — Земли как таковой очень мало.

— Конечно это колоссально упрощает дело. — Торин простонал. — Ну а если серьезно, что ты намерена делать?

— Мы будем искать любые признаки жизни, магических существ или даже самих магов, живущих там. Если мы обнаружим их мертвыми, то это тоже будет ответом на мои вопросы.

Я поджала губы, избегая взгляда Торина.

— Ты рассказывал ей о мифах? — спросил он Адама.

— Торин, оставь это! — грубо ответил Адам.

— Какие мифы ты имеешь в виду?

Я смотрела то на Торина, то на Адама. Они что-то скрыли от меня, что-то, что я должна знать?

— Ты правда ничего не рассказывал ей об этой старой истории? Торин бросил на Адама укоризненный взгляд.

— Нет, и это совершенно излишне, — строго сказал Адам.

Его тон удивил меня.

— Нет, не излишне. Если мы случайно встретим Снежных волков, она будет лучше подготовлена.

— Снежные волки? — спросила я высоким голосом. — Никогда не слышала о них. Расскажи мне, Торин!

Торин проигнорировал резкий взгляд Адама и посмотрел на меня, благосклонно улыбнувшись, словно приглашая послушать фантастическую сказку.

— Ты не можешь об этом знать, потому что еще не было доказано, что Снежные волки существуют на самом деле. Несколько лет назад в "Хронике Короны" гулял пугающий людей заголовок.

— Это было летом, в мертвый сезон, и история однозначно была выдумкой, — недовольно сказал Адам.

— Что случилось? — спросила я.

— Тогда была ещё этот ученый, она искала полезные ископаемые. Всё, что находится

под землей, принадлежит гномам, а они довольно жадные ребята, которые каждый камушек переворачивают три раза, прежде чем отдать его магам. У этого профессора появилась идея искать полезные ископаемые в незаселённой Антарктике, и таким образом не вставать на пути у гномов. Объединённый Магический Союз активно её поддержал и финансировал экспедицию.

— Ясное дело, это значило бы конец зависимости от гномов. А что потом? — спросила я с нетерпением.

— Из поездки вернулась только профессор. Вся её команда пропала, и она всё время повторяла рассказ о Снежных волках, которые сожрали её коллег. Торин распахнул глаза.

— Это жутко, — ответила я, содрогаясь.

— Достаточно, — прервал нас Адам. — Это жутко, но соответствует ли действительности, вот более важный вопрос. Чёрная гвардия пыталась тогда прояснить этот инцидент, но не нашла ни исследователей, ни встретила хотя бы одного Снежного волка. А в довершение ко всему, дамочка потом ещё и исчезла. Поэтому здесь можно скорее предположить, что она вовсе не была в Антарктике, а просто удрала со всеми деньгами, которые предоставила ей палата сенаторов для исследовательской поездки. А их было не мало. Шанс на экономическую независимость Объединённого Магического Союза стоил примусу тогда несколько миллионов.

— Скоро мы узнаем, существуют ли Снежные волки или нет, но лучше, если мы будем готовы, что на нас могут напасть десятиметровые монстры, — сказал Торин.

— Десятиметровые?

Я распахнула глаза. Да, будет весело, если история действительно правдива.

— Да, так описала их профессор. Десять метров высотой, красные глаза, агрессивные.

— Всё ясно, — сказала я, как можно более безразлично. — Я мысленно подготавлиюсь к тому, чтобы поприветствовать их парочкой огненных шаров.

— Это всё, чего я хотел, — довольно улыбнулся Торин. — Я пойду ещё немного прилягу, завтра будет тяжёлый день, и он, скорее всего, будет первым из множества. Вам тоже не помешало бы поспать.

— Мы сейчас придём, — сказала я и вновь повернулась к морю. Метель между тем утихла, и корабль почти не качался.

— Забудь о том, что он рассказал, я не верю в такие сказки, — сказал Адам.

— Я тоже. Всё же хорошо, что Торин рассказал эту историю. На тот маловероятный случай, если мы, кроме снега и льда, встретим огромных волков, то я не свалюсь от испуга, а начну храбро бросать вокруг себя парочку огненных шаров.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Я не рассказал тебе эту историю не потому, что думал, что ты с ней не справишься. Просто я считаю абсолютно неправдоподобным то, что мы встретим Снежных волков. Нет никаких причин добавлять себе страха такими историями. Важно, чтобы мы оставались сосредоточенными. — Ты готова к этой экспедиции? — внезапно спросил Адам. — Это последняя возможность передумать.

Я знала, куда он клонит. Как я буду себя чувствовать, если мы ничего не найдём спустя две недели, и нам придется уехать с пустыми руками? Возможно лучше сохранить надежду, а не менять её на разочарование? Я до сих пор не допускала эту мысль, и у меня были на это все основания.

— Мы что-нибудь найдём, я в этом уверена, — решительно сказала я и взяла Адама за

руку. — Я использую время, проведённое здесь и переверну каждую глыбу льда. Я уверена в том, что хроника Акаши не ошиблась. Я просто обязана сделать это для моих родителей.

Адам кивнул и ответил на пожатие моей руки.

— А если мы ничего не найдём, то ты сдержишь своё обещание и оставишь это дело в покое.

Он серьёзно смотрел на меня, и мне ничего другого не оставалось, как кивнуть.

В полумраке начинающегося дня мы выгрузили наш багаж в надувные лодки и попрощались с капитаном Моррисом. Он снова заберет нас через две недели на этом же месте и будет ждать, пока мы действительно не появимся. Адам манипулировал его мысли так, что он не в коем случае не забудет эту встречу. Также он не сможет заговорить об этом путешествии ни с кем, кроме нас. Я не могла не восхищаться дальновидностью Адама в этом путешествии. У него всё было под контролем, и даже шутки Торина, казалось, не могли нарушить его спокойствия.

Когда мы сели в раскачивающиеся надувные лодки, я всё же почувствовала слабость в желудке. Холодная вода ударялась о внешнюю стенку маленькой ореховой скорлупы, а когда "Амалия" с капитаном Моррисом на борту отплыла, я в первый раз осознала, что теперь мы действительно сами по себе. Внезапно я очень обрадовалась, что Торин отправился с нами в это путешествие. Если мои силы действительно полностью откажут, тогда он сможет вмешаться и спасти Адама. Я бросила на него долгий взгляд, в то время, как он следовал за нами на надувной лодке полной багажа. Потом я вновь повернулась к берегу. Нужно направить внимание на сбережение сил и обострения всех чувств, чтобы от меня не ускользнула никакая вибрация. Сомнения Торина были не безосновательны, я не знала точно, что мне искать. Это был полёт вслепую на необъятной территории, с крошечной надеждой найти иголку в стоге сена.

Море было тихим, и наша переправа прошла беспрепятственно. Мы вместе вытащили надувную лодку на лед и помогли Торину выгрузить вещи. Потом мы протащили пустые лодки за собой один километр и утяжелили их ледовыми глыбами, чтобы их не унесло сильным ветром. После того как я намела достаточно снега, чтобы спрятать их, дело было сделано.

— Вперед! — улыбнувшись сказала я и с надеждой посмотрела на Адама.

— Вперед к Снежным волкам! Наше солнышко жаждет приключений.

Торин оседлал одну из летающих тележек, как выючную лошадь и щелкнул языком, после чего поднялся вверх, готовый отправиться в путь.

— Он когда-нибудь прекратит?

Я беспомощно взглянула на Адама, также сев на тележку и поднявшись вверх.

— Наверное, нет. Поедемте, пока еще светло.

Он коротко кивнул мне и привел свою тележку в движение. На расстоянии нескольких метров надо льдом, мы полетели в сторону южного полюса. Тележки оказались удобным средством передвижения. На большой высоте и с удивительной скоростью мы быстро продвигались вперед, без проблем преодолевая даже скалы и ледники.

Но легкое начало путешествия оказалось обманчивым. Уже несколько часов спустя наступила кромешная тьма и поднялся такой сильный ветер, что даже тележки с трудом справлялись с ним. В тусклом свете световых шаров, мы кое-как продвигались вперед, сидя на тележках раскинув руки в стороны, давая отпор ветру. Борьба со штормом давалась

хорошо, но стоила мне огромных усилий. Когда мы наконец добрались до конечной цели первого дня и приземлились, я устало упала с тележки и тяжело дыша, осталась лежать на земле.

— Сельма! — Адам немедленно подбежал ко мне. — С тобой все в порядке?

Я видела волнение в его взгляде и точно знала, что он немедленно вернется назад, если узнает, насколько на самом деле я была слабой. Но я не вернусь домой, пока не найду следы родителей.

— Нормально, — ответила, попытавшись встать. — Я просто устала и замерзла.

— Что, уже нужно возвращаться?

У меня перед глазами возникло озабоченное лицо Торина. Я стиснула зубы и села.

— Нет! Я сейчас встану.

— Займись делом и установи палатку, Торин.

Я как можно дружелюбнее посмотрела на Торина, в то время как Адам скептически смотрел на меня и мои наигранные эмоции. Благодаря одной лишь силе воли, мне удалось подняться на ноги.

«Нужно продержаться еще несколько минут», — призывала я себя. Как только будет стоять палатка, и мы занесем в нее вещи, я смогу поспать. Каждое движение было мучением, а ледяной ветер, от которого перехватывало дыхание, не облегчал задачу.

Я мужественно помогала разгружать тележки и ставить палатку. Пока Адам готовил ужин, я легла в спальный мешок и едва коснувшись земли, заснула.

— Доброе утро, сурок.

Я увидела глубокий, синий ночной океан и по телу распространилось приятное жужжание. Губы Адама на моей щеке были теплыми и мягкими и напомнили мне о неделях, которые мы провели на Килеандресе. Они казались такими далекими, как будто прошла целая вечность, но эти воспоминания о мирных днях на пляже и в маленькой хижине у моря, всегда будут согревать мое сердце. И не только.

— Нам нужно собираться в путь, если хотим добраться до сегодняшней цели, — напомнил мне Адам и воспоминание улетучилось, как легкий туман на ветру. — Как самочувствие?

— Очень хорошо.

Я села и с облегчением заметила, что усталость вчерашнего дня испарилась.

— Неудивительно, ты спала больше 12 часов.

Хотя Адам улыбался, я все равно заметила критическое выражение на его лице.

— Это волнение, — объяснила я. — Что у нас на завтрак?

Ячеечные Лесные черви и Живчики, у Торина есть ещё несколько тюбиков пасты из Лапчатки, тебе стоит лучше принимать её в последующие дни.

— Паста из Лапчатки? Звучало не очень вкусно.

— Да, одна из маленьких хитростей Чёрной гвардии, паста помогает при сильном утомлении, а после ранений способствует быстрому выздоровлению. Запасы делала еще твоя бабушка.

Я сняла спальный мешок с ног и выползла из палатки. Если бы бабушка поддерживала меня, было бы всё намного проще. С облегчением я обнаружила, что по крайней мере ветер за ночь полностью стих.

— Доброе утро, солнышко. Торин как раз наливал суп в чашки и протянул мне одну.

— Доброе утро, — ответила я в хорошем настроении и понюхала горячий суп из

Ячеечных Лесных червей.

У меня было хорошее предчувствие в животе. Узкая полоска света на горизонте возвещала о коротком дне. Адам был прав, когда сказал, что нам нужно торопиться, чтобы хорошо продвинуться вперёд. В декабре здесь было бы почти круглые сутки светло, но сейчас нам придется обходиться несколькими часами, когда светит солнце.

— Что с тобой случилось? Никаких упреков, никакого ворчания? — Торин смотрел на меня с разочарованием.

— Нет, для этого у нас нет времени.

Я быстро вычерпала чашку и открыла одного Живчика. Уже после первой ложки я почувствовала, как по телу потекла энергия. Больше всего мне хотелось расправить крылья и полететь, но, к сожалению, этот отрезок нам придётся вместе с багажом проделать по земле. Как только мы разобьем базовый лагерь, тогда начнется настоящий поиск. До тех пор нужно экономить силы и оставаться спокойной.

Погода весь день оставалась стабильной, так что мы и в темноте хорошо продвинулись вперёд. Лишь ночью поднялся новый шторм, который заставил нас завтракать в палатке. В путь мы отправились поздно, после того, как освободили наше снаряжение от снега, который разметал и нагромоздил ветер. Без наших магических сил нам пришлось бы провести день в палатке.

Чем дальше мы удалялись от берега, тем слабее становился ветер и тем ниже опускалась температура. Сухой холод окутывал нас, затрудняя дыхание. Ночью температура опустилась до минус пятидесяти градусов, и даже Торин и Адам прибегли к пасте из Лапчатки, которая и меня держала на ногах с удивительной силой.

После ещё одного ледяного дня мы наконец добрались до цели и построили наш базовый лагерь. Еще посреди ночи я сидела, склонившись над картой и пыталась оценить участок, который мы сможем облететь днём.

— Начнём здесь, — сказала я и указала на небольшой горный хребет. — Попытаемся оставаться ближе к земле. Пять метров будет достаточно, чтобы можно было всё хорошо разглядеть.

— Это должно сработать, — ответил Адам, задумчиво разглядывая место, на которое я указывала пальцем. — Пока погода будет на нашей стороне, нужно использовать время. Если ли же поднимется новый шторм, то застрянем здесь на какое-то время.

— Без проблем, я зажгу несколько огненных шаров, тогда здесь внутри будет тепло. Ты ведь положила в свой багаж бикини, не так ли? — Торин загоготал, когда увидел моё объятое ужасом выражение лица.

— Иди спать в свою палатку! — сказала я угрюмо. — Не то получишь у меня огненными шарами.

Я угрожающе подняла руки, злобно смотря на Торина.

— Ладно, ладно, — засмеялся он и встал. — Мне любопытно, какие тайны ты выведает завтра у этого континента и будь осторожна со Снежными волками!

Усмехнувшись в последний раз Торин исчез, и я с облегчением услышала жужжание застёжки молнии, когда он забирался в свою палатку.

— Не могу обещать тебе, что ещё долго буду терпеть его шуточки.

Я прислонилась к Адаму. Через толстые слои одежды я почти не чувствовала его тела, но хотим мы того или нет, нам следующие две недели придется примириться с этой ситуацией. Адам взял меня за руку и хотел ответить, когда нас прервало угрюмое рычание.

— Я вас слышу! — крикнул Торин, находящийся поблизости.

— Чёрт! — прошептала я. — Никакого личного пространства.

— А чего ты ожидала, при пятидесяти градусах ниже нуля в Антарктике это не может стать романтическим путешествием. Просто игнорируй его колкости, чем больше ты на них реагируешь, тем больше он развлекается.

Адам застегнул застежку молнию своего спального мешка и надел на голову капюшон. Я последовала его примеру, отложила карты в сторону, потушила световой шар и укуталась потеплее.

На следующее утро я с воодушевлением встала первой и одела пригодную для полёта, зимнюю одежду. Потом выскользнула из палатки и приготовила завтрак. Температура, тридцать градусов ниже нуля, была для антарктических условий относительно мягкой, и я приняла это за хорошее предзнаменование для предстоящего дня. Скоро встанет солнце, небо уже начало окрашиваться. Моя обувь хрустела на снегу, в то время, как я готовила чай и подогревала суп из Ячечных Лесных Червей.

В последние недели я скрупулезно следила за правилами питания, которым научилась в Тенненбодде. Учитывая обстоятельства, я была настолько здоровой и отдохнувшей, насколько возможно.

— Женщина у плиты — сцена, которую я люблю. — Торин высунул свою голову из палатки и улыбнулся, в то время как я возилась с чашками.

— Тогда хорошо её запомни, сегодня вечером ты будешь отвечать за еду. Одевайся, через десять минут мы хотим отправиться в путь, — сказала я, сунув ему в руки чашку.

Он многообещающе подмигнул, но моя организованная дисциплина, казалось, впечатлила его, и вскоре он действительно стоял одетый рядом со мной. Адам тоже встал и пока ел свой завтрак, он ещё раз проверил карту.

— Почему в этот раз мы не едим на тележках? — спросил Торин, дрожа, он переступал с ноги на ногу.

— Потому что тележки издают звуки. Они хорошо подходят для перевозки багажа, но для того, чтобы сосредоточенно и тихо разведывать местность, они будут скорее обузой. Держащее их в воздухе заклинание такое сильное, что Сельма из-за него не ощущает тонкую вибрацию металла или крови.

— Крови? — одновременно спросили Торин и я.

— Конечно крови, ты ещё не думала об этом?

Адам смотрел на меня, как будто я пропустила что-то важное.

— Что за вибрации? Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

Торин нетерпеливо застучал пальцами по своей кружки с чаем.

— Сельма ощущает вибрации элементов.

— А, у неё тот же дефект, что и у этого Кронворта. Торин с удивлением посмотрел на меня.

— Константин Кронвот чувствительный маг, он тоже способен ощущать вибрации элементов.

— Что? — Я удивлённо посмотрела на Адама. — Я думала это может любой маг.

— Нет, не любой. Так же, как не каждый маг теряет сознание, когда слушает музыку, — напомнил он мне о моей маленькой слабости. — Ты, по крайней мере, сможешь уловить разницу между водой и кровью, в этом я почти уверен.

— Кронворт старый плут, обманул тебя, так что ты сильно ошибаешься. Я не верю в

этот фокус-покус, — скептически сказал Торин.

— Но тебе стоит поверить, — сказала я и улыбнулась, уверенная в победе. — Потому что я точно знаю, в какой части тела у тебя вставлен пирсинг, а если ты всё ещё не веришь мне, тогда я заставлю сейчас это маленькое колечко хорошенько накалиться.

Я обаятельно улыбнулась Торину, который в первый раз, с тех пор, как мы отправились в путь, потерял дар речи.

— Хорошо, значит полетим, а тележки оставим здесь, — в конце концов сказал он и принялся собирать и мыть посуду от завтрака.

С довольной улыбкой я повернулась к багажу.

Чуть позже мы взлетели и пока я сильно размахивала крыльями, я всё ещё не могла поверить в то, что всё действительно началось. Мне пришлось ждать столько месяцев, пока погода стала достаточно приемлемой, пока мы всё подготовили и спланировали, а теперь я, наконец, достигла своей цели. Я находилась в Антарктике, и мы начали искать моих родителей. Через моё тело потекло возбужденное покалывание, и я почувствовала себя совершенно бодрой. В этот момент я почти не чувствовала мою постоянную усталость и была за это очень благодарна. Я не раз боялась, что отсутствие выносливости, заставит меня преждевременно прервать это путешествие.

Но с Адамом и Торинем рядом, я чувствовала себя сильной, и даже холодный ветер и убывающий свет, который исчез уже после пары часов, не могли испортить мне настроение. Час за часом, мы, в свете наших световых шаров, скользили по воздуху. Я разглядывала сугробы, пытаюсь, кроме масс воды, окружающих меня, ощутить что-то другое, тонкое гудение металла или холодный звон, который мог указывать на кровь.

В конце дня я, в голубой монотонности из замерзшей воды, наконец действительно что-то почувствовала. К этому постоянному гудению, которое уже шумело в ушах, примешался слабый, высокий тон, действительно напомнивший мне метал. Только он был намного слабее и тише, так что я почти пропустила его, когда мы пролетали мимо. Я подала Адаму и Торину знак и сразу же развернулась.

С онемевшими коленями и замерзшими пальцами на ногах, я приземлилась рядом со снежным сугробом. Не теряя время на согревание конечностей, я сняла перчатки и потрогала лед подо мной. Понадобилось время, чтобы мои силы дошли от рук до запястий и пальцев. По телу разлилась приятная теплота, я с облегчением почувствовала, как под руками начал таять лед. Одновременно я заметила сколько мне понадобилось приложить усилий, чтобы выработать эту энергию. Чем глубже я продвигалась, тем громче становился звук. Неужели мне уже в первый день повезло, и я встречу с родителями? Я немного помедлила. Если подо льдом действительно были они, то значит я нашла их трупы. Я испуганно замерла на месте. Нет, сказала я себе, нельзя медлить! Я нахожусь здесь, чтобы выяснить правду, а значит должна смириться и с тем, что они действительно могли здесь умереть. Я закрыла глаза и мысленно еще больше накалила пальцы. Источник звука постепенно приближался. Сейчас я все узнаю. Открыв глаза, я наконец увидела, что скрывалось под вечной мерзлотой — это был пингвин.

Адам приземлился рядом и в знак утешения положил мне руку на плечо.

— Черт!

Я опустила руки. Какое разочарование. По крайней мере теперь я знала, что Адам был прав со своим предложением, я могу учуять кровь. Если я была в состоянии найти пингвина, то кровь членов моей семьи должна буду услышать намного лучше.

— Давайте искать дальше! — решительно сказала я.

Энергичном жестом сметая снег со снежного сугроба, я закопала пингвина обратно в его ледяную могилу, после чего, не оглядываясь, поднялась в воздух.

Бесконечный лёд

Подо мной, снова и снова проносилось мимо снежная пустошь. Белые льдины надвинувшись друг на друга, образовали забавные изгибы, нагроможденные ветром, который постоянно бушевал на равнине, неся перед собой ледяные кристаллы.

И всё снова заканчивалось белым; в какую сторону не посмотришь. Если бы я приехала сюда, как турист, то смогла бы найти что-то поразительное в пейзаже. Но в прошедшие дни мой взор притупился для его причудливой красоты.

Между тем мне до того надоел этот цвет, что я ужасно радовалась, когда иногда просвечивали несколько чёрных скал. Уже девять дней мы с Адамом и Торинном пересекали эту замороженную пустыню во всех направлениях, обыскивая квадрат за квадратом. Но кроме снега, льда, скал и ещё двух замороженных пингвинов, мы пока что больше ничего не обнаружили.

Время поджимало. Уже через два дня нас будет ждать капитан Моррис, чтобы снова забрать в Южную Америку. Нам нужно придерживаться графика, даже если я почти отчаялась из-за нашей неудачи.

Все приготовления, надежды и старания, которые мы вложили в эту экспедицию, были напрасны?

Мне было трудно принять это. Но мы не могли оставаться дольше. Если Адам и Торин не будут присутствовать на их первом служебном совещании Чёрной гвардии, молва об этом быстро разнесётся и привлечёт внимание, которое нам не нужно.

Последний свет только что исчез, и я зажгла несколько световых шаров, чтобы осветить землю внизу. Торин и Адам, которые следовали справа и слева на расстояние в пять метров, сделали тоже самое. Я бросила на Адама быстрый взгляд, но он не заметил, а сосредоточенно смотрел на землю. Точно так же, как и Торин. Они привыкли в течение нескольких недель наблюдать за местностью и выискивать маленькие, казалось бы, несущественные детали. Ни тот, ни другой ни разу не пожаловались за всё это время.

Они сосредоточенно выполняли поставленную им задачу. В этом отношении они намного превосходили меня в терпении и выносливости. Я снова обратила взгляд вниз и в тоже время прислушалась к себе, смогу ли ощутить что-нибудь ещё, кроме воды. Но моя надежда была напрасной.

Прошло ещё несколько часов, но мы так и не нашли ничего необычного. Вечером, уставшие, мы в конце концов достигли нашего базового лагеря.

Мы не разговаривали, а бывало выполняли каждый свою работу. Адам зажжёт огненные шары для приготовления еды и освободил лагерную площадку между палаток от снега, который в течение дня скопился здесь.

Атмосфера была напряжённой, это чувствовала не только я. Ни говоря ни слова, Торин принялся готовить ужин, в то время, как я отсортировала дневной багаж и убрала сумки в палатки.

Я стиснула зубы. Сегодня был последний день нашей экспедиции. Уже завтра мы упакуем оборудование и отправимся в обратный путь. Я не могла обратить в слова то, что было ясно нам всем.

Эта поездка была разочарывающим провалом, мы ничего не нашли, и нам придётся уехать с пустыми руками. Наши продовольственные запасы закончились. Сильная

физическая нагрузка при низких температурах вызвала такой голод, который даже при обычных рационах питания было бы сложно вынести. Не только я сбросила в весе, Адам и Торин тоже похудели.

В конце концов Торин прокашлялся.

— В Шёнефельде сейчас осень, она покажется мне серединой лета. Обычно эта дыра действует мне на нервы, но для разнообразия, я прямо-таки буду рад находиться там.

Он опрокинул предпоследнюю консервную банку с супом из Ячeecных Лесных червей в кастрюлю и расположил её над огненным шаром.

К горлу подступили рыдания, пока я наблюдала за тем, как он помешивает суп.

Мрачное настроение от неудачи, которое уже несколько дней окружало и затягивало всё сильнее, теперь окончательно сразило меня.

Я настолько приблизилась к родителям и просто не могла поверить в то, что здесь ничего нельзя найти. Может мы неправильно искали, или здесь тоже были скрытые здания или храмы? Но Адам и Торин применили заклинание, которое должно было дать хоть и ненадёжную, но всё же какую-нибудь ссылку, если бы здесь были скрывающиеся заклинания.

Но и они ничего не обнаружили, а после того, как я, вот уже почти три недели, наблюдала своими собственными глазами за тем, как дотошно и дисциплинированно они выполняют миссию, я больше не сомневалась в их способностях. Видимо мне придётся просто смириться с тем, что поиск провалился.

Провалился? Это слово окончательно заставило выступить на глазах слёзы. Я ведь просто хотела определённости, не больше и не меньше.

В отчаяние я сильнее укуталась в куртку и сделала несколько шагов в белую пустыню.

— Сельма! — позвал Адам позади. Он знал, каково мне. Не нужно было подробно объяснять ему. Он уже давно подозревал, что у меня много всего накопилось внутри, и насколько тяжёлым было разочарование, что наше путешествие оказалось напрасным.

— Я немного пройду, мне нужно побыть одной.

Я пошла дальше, не оглядываясь. Ветер усилился, трепал мою куртку и сдувал слезы с лица. Внутри я чувствовала себя пустой, без всякой цели.

Что делать дальше? Я пообещала оставить это дело в покое, но в данный момент не была к этому готова. Ноги автоматически понесли меня в сторону южного полюса. Я ничего не видела в снегу, поднятом ветром в воздух. Да мне и не нужно было ничего видеть. Сильная, магнетическая сила южного полюса притягивала меня и указывала дорогу.

Чем дальше я удалялась от нашего лагеря, тем глубже я дышала. На меня давило ощущение, что нужно во что бы то ни стало добиться успеха. Но именно эти завышенные ожидания с моей стороны и привели к провалу.

Конечно все это было просто абсурдом. Антарктика? Что здесь забыли мои родители? Я пошла по ложному следу, и уже намного раньше должна была понять это. Во всем этом никогда не было смысла. Я не магическая партнерша Бальгазара, а моих родителей нет в этой ледяной пустыне. Хроника Акаши была таким же ненадежным источником, как и предсказания Сибилл.

Монотонный хруст снега под ногами успокаивал меня все больше, чем дальше я шла. Эта прогулка не помогла мне избавиться от чувства досады. Я с яростью швырнула несколько огненных шаров в чертов снег и побежала, да так, что начали гореть легкие.

Физическая нагрузка, наконец, помогла мне избавиться от бессмысленного гнева.

На расстоянии примерно трех километров от нашего лагеря, я заметила, что звук моих

шагов внезапно изменился. Глухое эхо, раздававшееся после каждого движения, заставило меня насторожиться. Ледяное пространство подо мной было пустым, и не только, я вдруг ощутила, что кроме льда, подо мной находилось что-то еще.

Я остановилась и прислушалась в темноте, но не услышала ничего, кроме завывания ветра, с бешеной скоростью поднимавшего в воздух снег.

Я медленно отступила на шаг, не хорошее предчувствие в животе всё возрастало. Хруст внезапно усилится, и я хотела ещё отпрыгнуть в сторону. Но вдруг земля подо мной стала уходить вниз. Всё произошло так быстро, что я не смогла больше сделать никаких движений.

Затрещав, лёд треснул и рассыпался на мелкие кусочки, а земля подо мной исчезла.

Закричав, я полетела вниз, ещё пытаюсь, пока лечу, расправить крылья. В панике я забила крыльями в узком углублении, так что они чуть не снесли мне уши.

Но внезапно места снова стало достаточно, чтобы выпрямить крылья, и я нервно трепыхала ими, зависнув в воздухе. Моё сердце всё ещё бешено стучало от испуга, в то время как я пыталась разглядеть, что происходит вокруг. Меня окружало слабое, голубое сеяние и высокое гудение, как электрический заряд, который мягко протекал через меня. В этом помещении была магия, и не мало.

Шум паники в ушах постепенно отступил, уступив место любопытству.

Я начала медленно опускаться вниз и вскоре приземлилась на твёрдый грунт. Крылья я спрятала на спине и огляделась. Сияния было таким слабым, что я почти ничего не видела.

Тихий звук заставил меня испуганно обернуться. Это был слабый стон, почти не слышимый в громком завывании ветра. Там кто-то был или что-то. С любопытством и в то же время со всей осторожностью, я повернулась в сторону звука.

Я сформировала ладонями чашу, и один за другим заставила появиться четыре световых шара, пока не стала видеть достаточно в пустом пространстве. Стены со всех сторон были гладкими, а ледяные плоскости отражали свет моих световых шаров как зеркало.

Лёд вокруг меня как собор поднимался вверх, образуя помещение примерно десять метров в высоту.

На самом верху я увидела дыру, через которую провалилась. Я заглянула глубже в пещеру, открывшуюся передо мной, и действительно: там в трещине во льду застряли белые волосы, маленькая, кривая ручка торчала между ними. Снова послышался стон, уже слабее, чем раньше. Казалось, что слабый крик о помощи почти совсем истощил силы маленького существа.

Я не стала долго думать, что делать. Руками я начала топить лёд, и чем дальше продвигалась, тем больше понимала, что находится передо мной.

Кажется, это был гном, замороженный во льду. По крайней мере он выглядел так, как я представляла себе гномов. Он был маленьким, не больше одного метра, и всё-таки сильный и массивный.

Его руки были мускулистыми, так же, как и ладони. Только волосы до плеч и густая, коротко подстриженная борода были белоснежными, но не из-за возраста. Казалось он ещё довольно молод, потому что на коже не было морщин, а черты лица, в отличие от приземистой фигуры, были тонкими.

Узкий нос и высокие скулы придавали ему благородный вид, что ещё больше подчёркивалось ухоженностью его внешности. Для меня было загадкой, как этот гном попал в такую ситуацию. Вся нижняя часть его тела, начиная от груди, была заморожена в ледяной панцирь. Понадобилось какое-то время, пока я освободила его из него. В конец концов я

вытащила его из этой тюрьмы и положила на землю.

Его веки дёргались, казалось в нём ещё теплиться жизнь. Я быстро ощупала карманы и нашла, что искала. У меня был с собой ещё последний тюбик пасты из Лапчатки. Казалось, что этому бедолаге она нужна сильнее, чем мне. Я приоткрыла его рот и выдавила в него немного пасты.

Потом прислонила его в сидячем положении к стене и подула ему в лицо тёплым ветром. Много времени не понадобилось, и паста из Лапчатки сделала своё дело. Его веки начали подрагивать, а пальцы двигаться.

Он тихо застонал, начал жевать и проглотил, а потом медленно открыл веки. Вид его глаз сильно напугал меня; они были красными, как у альбиносов, и именно им он казалось и был. Может поэтому его раса изгнала его, потому что он отличался от них.

— Чего ты хочешь?

Его голос прозвучал слабо и хрипло. Он свёл брови на переносице и с подозрением на меня смотрел.

— Ты выглядел так, будто тебе нужна помощь, — запинаясь ответила я. Собственно, я ожидала немного больше благодарности за мою спасительную операцию. — Кто ты и как попал сюда?

Он приблизительно фыркнул, как будто я была не достойна того, чтобы тратить на меня хотя бы ещё одно слово.

— Отвечай, не то я снова заморожу тебя, гном! — пригрозила я, когда он всё ещё не хотел говорить со мной.

— Гном? — яростно набросился он на меня и расправил плечи.

Теперь, очевидно, мы задели тему, о которой он хотел поговорить. Он выглядел так, будто привык отдавать приказы. Видимо он был не из тех, кто голыми руками роют землю в поисках сокровищ.

— Я Снежный гном.

Гордость в его голосе заставила меня прислушаться. Снежный гном? В памяти что-то всплыло о том, что я уже когда-то о них слышала.

— Хорошо, значит Снежный гном, — сказала я примирительным тоном. Я хотела узнать больше, наверняка он не единственный кто здесь живёт.

— Ты одна из них, я не буду с тобой разговаривать. Он говорил с трудом, при этом у него дергались ноги, а глаза хаотично бегали, как будто он искал путь к побегу.

— Хорошо, с- вздохнула я. — Я Сельма Каспари. Кто заморозил тебя здесь? Ты ведь не по своей воле оказался в таком неприятном положении?

— Это были они, — прошипел он, еще сильнее дергая ногами. Своими уклончивыми ответами он испытывал мое терпение, которого сегодня не было. Я подскочила и села на корточки прямо перед ним.

— Кто они? — настойчиво спросила я. Значит на этом проклятом континенте все-таки есть кто-то еще.

Снежный гном неторопливо покачал головой, чем окончательно вывел меня из себя.

— Кто они? — крикнула я.

— Ты разбудила их, — внезапно прошептал он. — Можешь и дальше кричать, скоро они придут и заберут тебя.

— Что?

Я подумала, что ослышалась. Вечная мерзлота вероятно неблагоприятно отразилась на

маленьком мозгу этого человечка. Я находилась в этой ледяной пустыне почти две недели и за это время не встретила ни одной живой души. Даже пингвины встречались в замороженном варианте.

— Видишь там на льду светящееся желтым место? — вдруг спросил он с наигранной дружелюбностью. Я последовала за его взглядом и разглядела нечто бледно-желтое на голубом льду.

— Растопи его! — потребовал он.

— Зачем?

— Ты же можешь, просто сделай это! Потом сама все поймешь.

Он сказал это резким голосом, все еще беспомощно дергая ногами.

Я задумчиво смотрела на него. Убежать от меня ему не удастся, может там действительно скрывается что-нибудь интересное. Недолго думая, я направила руки на это место и начала растапливать лед. Он был всего несколько сантиметров толщиной, но тем не менее мне понадобилось время.

Покалывание в руках было таким сильным, что мне пришлось приложить почти все силы, чтобы пробить лед. Видимо он был защищен волшебным заклинанием, может быть своего рода магией гномов, или в данном случае магией Снежных гномов.

Когда я наконец пробила лёд, чёртова стена ударила меня сильным электрическим током. Оглушённая, я упала на землю, не понимая, что происходит.

Мои руки и ноги дрожали, как будто я всё ещё держу в руке электропровод.

Не способная двигаться, я лежала на земле, могла лишь беспомощно смотреть. Я освободила узкий туннель, такой узкий, что я, не смотря на антарктическую, голодную диету, не помещусь в него.

Потом я перевела взгляд на Снежного гнома. Его глаза были жадно направлены на туннель, в то время как он с трудом вставал.

Как здорово! Он сбежит, а я даже не могу пошевелить языком, чтобы проклясть его за это.

— Я дам тебе хороший совет, — сказал он совершенно спокойно и сосредоточенно. — Это только небольшая благодарность за твою любезность, что спасла меня от смерти. — Он смотрел мне в глаза, проходя мимо. Его красный, умный взгляд был жутким. — Беги так быстро, как можешь и уезжай из Антарктики! — На последних словах он запрыгнул в туннель, который я для него открыла, и исчез.

В тот момент, когда он проскользнул в него, напряжение из моего тела ушло, и я снова могла двигаться. Я вскочила на ноги и побежала к туннелю, через который убежал Снежный гном.

— Спасибо за совет, выкрикнула я гневно в отверстие. За моими отдающими эхом словами последовал глухой хруст, и когда осталось слышно только моё дыхание, я поняла, что Снежный гном забаррикадировал свой путь бегства изнутри. Маленький мужичок умно меня провёл. Не удивительно, что его изгнали из клана. Скорее всего снаружи уже стояли наготове несколько из них, чтобы привлечь меня к ответственности за то, что я воскресила смутьяна группы, от которого они с трудом избавились.

Я направила один световой шар в туннель, и он заскользил по нему. Однако подтвердил только то, что я уже слышала, туннель был закрыт с другой стороны.

В данный момент я ничего не могла здесь сделать. Лучше вернуться к Адаму и Торину и обсудить с ними, что предпринять относительно Снежного гнома.

Отношения между гномами и магами уже и так относительно сложные. Будет не мудро спровоцировать политический конфликт, потому что я преследовала Снежного гнома огненными шарами через подземный, ледяной лабиринт.

Мы сможем ещё раз обследовать эту пещеру завтра утром и поискать другие скрытые туннели и входы, но сейчас мне срочно нужна передышка.

Удар током, который вlepил мне предохраняющий механизм этой пещеры, сильно на меня подействовал, я отчётливо чувствовала, как мои силы вновь стремительно покидают меня.

Я расправила крылья и взлетела вверх, насколько позволяло узкое отверстие, ведущее на улицу. Потом сделала бросок, прижала крылья к телу и пронеслась вдоль стены. Вцепилась в один из выступов, подтянулась и вылезла из ледяной пещеры. Между тем ветер возрос до шторма, взметнув вверх массы снега. Пришло время вернуться назад к лагерю и спрятаться от экстремальных погодных условий. Кроме того, мне нужно наконец поспать, я едва держалась на ногах.

Я коротко ориентировалась, установив, в какой стороне находится Южный полюс, и только хотела развернуться, чтобы побежать в противоположном направлении, как вдруг кое-что увидела, чего не должно было быть там.

Крик замер у меня в горле, а кровь буквально застыла в жилах. От снега передо мной отделились огромные волки; белые волки, с горящими красными глазами и огромными лапами, которые они обнажили в диком рычании.

Только жуткий тон их чудовищных глоток заглушал порывистый ветер. Они действительно были величиной в десять метров, если не больше, с головами такими большими, как грузовик. Значит вот кто эти ОНИ.

"Адам", — мысленно закричала я, в то время как моё сердце пустилось вскачь. "Снежные волки!" Ещё пока я отправляла это предупреждение, я расправила крылья и, как стрела, взметнулась так высоко вверх, как могла. Насколько мне известно, волки не умеют летать, и сейчас мне казалось это единственной возможностью спастись.

И в самом деле, казалось волки приросли к земле. Они щёлкали зубами и подпрыгивали вверх, обезумевшие бестии, вероятно с ненасытной жаждой крови.

Я изо всех сил боролась с ветром и всё-таки продвигалась очень медленно в сторону базового лагеря.

"Сельма, ты где?" Я услышала обеспокоенный голос Адама в голове. "Ты серьёзно насчёт Снежных волков?"

"Да", — в панике ответила я и посмотрела вниз, где пять этих бестий кусали друг друга, чтобы занять лучшую позицию подо мной. "Они действительно величиной в десять метров и следуют за мной. Я наверху в воздухе, чтобы они не могли до меня добраться. Пакуйте самое необходимое и валите с земли!"

Немного погодя Адам и Торин присоединились ко мне.

— Невероятно, — крикнул Торин, заглушаемый ветром, глядя на диких бестий, которые стали окончательно невменяемыми, увидев над собой три лакомых кусочка. — Они действительно существуют.

— И что теперь? — в отчаянии спросила я, посмотрев на Адама. Я безумно устала за день, и вместо того, чтобы наконец забраться в спальный мешок, мне придется провести ночь здесь наверху.

— Видимо нам не остаётся ничего другого, как лететь к побережью, — ответил Адам,

глядя вниз. Снежные волки обнаружили палатки и начали рвать на кусочки наш лагерь. — Багаж потерян, по крайней мере нам стоит спасти жизнь, это сейчас главное. Как только избавимся от Снежных волков, сможем отдохнуть, спальные мешки я взял с собой. — Адам указал на рюкзак, который прицепил себе на живот. — У нас у каждого есть по тюбику пасты из Лапчатки, она поможет добраться нам до побережья. Капитан Морис будет ждать нас там завтра. Мы сможем это сделать. — Адам с уверенностью посмотрел на меня.

— Я отдала мою пасту из Лапчатки Снежному гному, — пристыженно призналась я.

— Кому?

Адам смотрел на меня будто я не в своём уме.

— Снежному гному, я обнаружила пещеру подо льдом. К сожалению, он сбежал от меня через туннель. Мне нужно ещё раз вернуться туда.

Эта пещера была необычной, и я надеялась, что найду в ней ещё что-то другое.

— Вполне возможно, что здесь живут Снежные гномы, — сказал Адам. — Но они так же, как и гномы не особо хорошо относятся к магам, и в их пещеры ты не попадёшь, если они этого не хотят. Мы летим домой, нет никаких оснований оставаться здесь дольше.

Адам решительно посмотрел на меня, и я уже хотела начать возражать, как вдруг один из Снежных волков, чуть не сцапал меня за ногу, подпрыгнув особенно высоко. Испуганно я взлетела ещё на пару метров выше.

— Ладно, летим домой! — крикнула я Торину, смирившись с ситуацией и направилась к побережью.

Снежные волки следовали за нами всю ночь и казалось не уставали драться и пытаться сцапать нас, как только мы немного снижали высоту. Мои силы заметно убывали, чем дальше мы находились в пути. Адам отдал мне свой тюбик пасты из Лапчатки, без этого небольшого подкрепления, я, скорее всего, давно упала бы на землю.

Только когда ветер утих и начало светать, казалось, Снежные волки потеряли к нам интерес и отступили. Хотя опасность на данный момент была предотвращена, мы оставались в воздухе и летели дальше, пока короткий антарктический день снова не подошёл к концу.

Я едва ещё могла держаться в воздухе, ноги и руки я не чувствовала уже несколько часов и только мрачное лицо Адама заставляло меня оставаться наверху, иначе я уже давно опустилась бы на землю.

— Думаю, теперь мы в безопасности, — в конце концов сказал Адам. Я потеряла счёт времени.

Он показал знаком следовать за ним. В низкой расселине он приземлился, а я упала прямо рядом с ним на землю. Моё дыхание было поверхностным. Из последних сил я втянула крылья, как меня уже накрыла темнота изнеможения.

Я открыла глаза и увидела наверху что-то коричневое. Два раза я моргнула, как будто мой мозг не хотел верить в то, что разыгрывают ему глаза. Там, где я должна находиться, было всё белым. Но цвет надо мной оставался коричневым, сколько бы я не открывала и не закрывала глаза. Так же я не ощущала холода, как привыкла за последние недели. Напротив, вокруг меня было тепло и уютно. Я несколько раз вдохнула тёплый воздух, пока наконец не поняла, что лежу в каюте «Амалии». Снова я осталась в живых и догадывалась, кому за это обязана.

— Адам, — прошептала я.

— Пусть он поспит, — тихо сказал Торин. Я медленно села и пристально посмотрела на

него. Он сидел на стуле, положив ноги на маленький стол, который занимал почти всё место в каюте. Его светлые волосы торчали во все стороны. Он выглядел по-другому без шапки и толстой куртки, в которые последние две недели всегда был закутан.

— Что случилось? — спросила я, прислушиваясь к равномерному дыханию Адама на кровати надо мной.

— Когда ты провалилась в коматозный сон от изнурения, Адам и я решили, что пролетим ещё и наступающую ночь, чтобы убрать тебя с холода. Мы укутали тебя в спальный мешок и транспортировали в гамаке. Ты, скорее всего, не пережила бы ещё одну ночь на открытом воздухе.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Спасибо тебе, — ухмыляясь ответил Торин, его улыбка на одно мгновение сбила меня с толку. Тот факт, что я чудом избежала смерти, не особо веселил меня.

— За что? — хрипло спросила я.

— Не знаю, как тебе удалось навести Снежных волков на свой след, но что касается этого, кажется ты очень удачливая. По правде говоря, я не верил в то, что они действительно существуют, но благодаря тебе увидел этот раритет собственными глазами. И я это очень ценю. Как тебе удалось привлечь Снежных волков?

Торин с интересом смотрел на меня. Всё же я одно мгновение колебалась с ответом.

— Я наорала на Снежного гнома, — пристыженно ответила я.

— Что?

Уголки губ Торина подозрительно задёрнулись. Потом она начал ухмыляться.

— На Снежного гнома? — он тихо рассмеялся.

— Лёд подо мной провалился, и я разморозила замороженного гнома. Когда он не захотел рассказать, кто его там запер, я наорала на него.

— Очень дипломатично, — захихикал Торин.

— Я знаю, — смирившись ответила я. — Это не величайшее достижение с моей стороны. Но после того, как мы искали две недели и ничего не нашли, я была немного напряжена.

— Ты смотришь на это неправильно. — Внезапно Торин посмотрел на меня очень серьёзно. — Мы кое-что выяснили, Сельма. Мы теперь знаем, где твоих родителей нет, и это тоже чего-то стоит.

— Ты прав, — признала я. — Я не сожалею о поездке. Если бы я не поехала, то до конца жизни задавалась бы вопросом, что может они все-таки были здесь. Теперь я все знаю, хотя это и больно осознавать. В Антарктике есть пингвины, Снежные гномы, Снежные волки и невыносимо много снега, льда и холода.

— Наши задачи в Черной гвардии не всегда увенчивались успехом, но я понял одну простую вещь. Самое главное нельзя падать духом. Ты не должна терять цель из виду. Неудачи являются частью жизни, но они учат нас выдержке и способности держать удар. Не забывай об этом!

— Не забуду. Торин, я рада, что ты с нами.

Я серьёзно посмотрела на него.

— Адам принял правильное решение, когда попросил меня поехать с вами в Антарктику.

Без меня вы, вероятно, замёрзли бы сегодня там снаружи, — быстро сказал он и стремительно встал. Я подавленно смотрела в его сторону. Конечно он прав. Адам не

оставил бы меня одну, а я его, что, вероятно, стало бы нашим смертным приговором.

Торин серьезно на меня смотрел.

— Я поехал вместе с вами, потому что не хочу потерять брата. Я знаю, как сильно он тебя любит и даже готов умереть за тебя. Ты делаешь его невероятно счастливым, Сельма, ты знала об этом?

Я медленно кивнула.

— Адаму повезло, что ты у него есть, — в конце концов сказал он. — Может быть я тоже найду когда-нибудь женщину, которую смогу любить так сильно.

Торин кивнул мне и вышел из каюты. Он оставил меня в подавленном настроении. Последнее, чего я хотела, это смерть Адама. Но мы были так тесно связаны, что опасности, которым я подвергала себя, угрожали также и Адаму. Я несла ответственность за его жизнь, в этот момент я это с болью осознала. Больше я не могла себе позволить легкомысленные решения. Я пообещала Адаму перестать искать родителей, если это путешествие будет напрасным, а теперь я должна сдержать своё обещание.

Я неуклюже опустилась на подушки. Но прежде, чем даже успела начать примириться с этим фактом, я уже снова заснула.

Помощь от неизвестного

Было ещё раннее утро, когда я позвонила в дверь дома Лианы. Я ещё раз помахала Торину, который высадил меня у дома в Каменном переулке, а теперь поехал с Адамом дальше. Ощущение, что Адам уезжает от меня, было неприятным. Я не хотела отпускать его и всё же заставила себя стоять на месте, а не бежать вслед за автомобилем.

«Я люблю тебя.» Его слова ещё звучали в голове, а серьёзный взгляд пылал в глазах. Но время, когда мы незамеченными путешествовали по миру, закончилось. После, казалось бы, бесконечного лета, мы окончательно вернулись в нашу жизнь, а эта жизнь была сложной и опасной.

Сейчас нам нужно расстаться, даже если это причиняет боль после тех недель, которые мы провели так близко друг с другом. Первые люди и маги в Шёнефельде уже куда-то направлялись, нам нельзя рисковать, чтобы даже хоть один из них начал подозревать, что Адам и я пара.

Я вздохнула. Каким бы утомительным и бесплодным не было путешествие в Антарктику, но в нём всё-таки было своё преимущество — Адаму и мне не нужно было притворяться.

Несмотря на все невзгоды, которые мы пережили, надеюсь, что смогу надолго сохранить в сердце это чувство свободы.

Наконец я услышала звуки за большой дверью.

— Сельма?

Лиана сонно смотрела на меня. Её белокурые локоны ещё больше торчали во все стороны, чем обычно.

— Извини, что разбудила тебя так рано, но я потеряла в Антарктике ключ от дома, когда нам пришлось удирать от стаи Снежных волков. Мне нужен запасной ключ, который я оставила у твоих родителей.

— Э?

Лиана какое-то время смотрела на меня растерянно, в то время, как её ещё спящий мозг пытался понять мои слова.

— Ради бога, — выкрикнула она, когда до неё наконец дошло. — Заходи!

Она дёрнула меня за руку, распахнула глаза и внезапно полностью проснулась.

— Я уже начала беспокоиться, ты не давала о себе знать. Вы же хотели вернуться только завтра?

Шлёпая босиком, она потянула меня в кухню. Светло-жёлтая комната была тёплой и уютной, и я с удовольствием в неё вошла.

Достаточно часто я пекла здесь с Лианой наши первые печёные творения, когда мы возвращались со школы. Должно быть нам было тогда тринадцать или четырнадцать, но казалось с тех беззаботных времён прошла уже сотня лет.

— Я знаю, но кое-что пошло не по плану. Нам пришлось поспешно уехать.

Я устало плюхнулась на один из стульев.

— Ты должна мне всё рассказать, я чуть не умерла от беспокойства. Ты говорила серьёзно насчёт Снежных волков?

Лиана наполнила кофеварку и вытащила из шкафа чашки.

— Где твои родители? — спросила я и огляделась. Поездка в Антарктику была одной из

тайн, которая должна остаться между нами.

— Не волнуйся.

Лиана энергично села рядом, в то время, как вода булькала в кофеварке.

— Родители в первый раз, с тех пор, как я помню себя, осмелились поехать в отпуск без меня. Они осматривают летающие острова Гиннинг, их доверительно посоветовала им госпожа Трудиг.

— Точно, их обязательно нужно увидеть, — сказала я, улыбнувшись.

Мне нравилась скука родного города. Переносить её было намного легче, чем поспешное бегство из ледяного мира.

— Так думают по-видимому многие. Мои родители считают, что острова просто переполнены, а если добавится ещё с десятков магов, то первые свалятся с края и упадут в Средиземное море.

— Звучит так, будто твои родители совсем не в отпуске.

Я ухмыльнулась.

— В отпуске, но им никак не удаётся расслабиться, когда я не в поле их зрения. Мне приходится дважды в день сообщать, что со мной всё в порядке. Они вообще уехали только после того, как я выполнила их условие: так долго практиковалась в передачи сообщений, что они смогли бы общаться со мной, даже из Африки.

Лиана закатила глаза.

— Бедная.

Я улыбнулась, но слишком хорошо понимала родителей Лианы. Я всё ещё не рассказала ей о её сестре Мире, которую много лет назад похитили Морлемы, до сих пор скрывая эту тёмную тайну.

По спине пробежала дрожь, пока я боролась с собой, и в конце концов пропустила момент, чтобы рассказать Лиане об этой тайне именно сейчас. Когда-нибудь мне придётся рассказать, в этом не было сомнений, но я хотела получше подготовить Лиану, а этот момент казался не подходящим для таких серьёзных разоблачений.

Лиана встала и налила кофе в чашки. Я с благодарностью взяла одну из её руки и осторожно вдохнула аромат. Почти уже месяц я отказывалась от всего, что могло сократить мои силы. Нужно найти другое решение, подумала я, в то время как бережливо сделала первый глоток, смакуя давно недостающий вкус.

— Давай, расскажи наконец, что случилось!

Лиана снова села и с нетерпением посмотрела на меня.

— Бегство от Снежных волков, собственно, уже и есть кульминационный пункт нашего путешествия.

— Снежные волки, звучит жутко.

Лиана смотрела на меня, распахнув глаза и наклонилась ближе.

— Так и было. Они прогнали нас в последний день, как раз, когда я освободила Снежного гнома, и он ускользнул от меня.

Я поставила чашку на стол.

— Снежного гнома?

— Да, именно, но, к сожалению, больше действительно ничего не произошло. Не было никаких указаний на моих родителей или грааль патриций, только снег, лёд и холод.

Смирившись, я пожала плечами.

— Как жаль, — сочувственно сказала Лиана, с тёплым оттенком в голосе.

— Ты так много ожидала от этого путешествия. Значит оно того не стоило?

— Нет стоило, — призналась я со вздохом. — По крайней мере теперь я знаю, где моих родителей нет, и это тоже кое-что значит. Я пообещала Адаму прекратить поиски.

— И ты сможешь?

Она с напряжением на меня смотрела.

— Будет сложно, — вздохнула я. — Мне бы хотелось ещё раз вернуться и искать дальше. Эта пещера, в которой я нашла Снежного гнома, была необычной. Может быть я что-то там пропустила. Но в одиночку я не могу отправиться в это путешествие, а Адам не поедет туда со мной ещё раз, не после того, что случилось со Снежными волками, — пожалала я плечами. — Так что пока останусь и полностью посвящу себя поиску галля Патриций. А что произошло здесь?

Я сделала глоток из чашки и выжидательно посмотрела на Лиану.

— Было всё спокойно, и это спокойствие не внушало никаких подозрений. По шёнефельдовским меркам у нас прошло совершенно нормальное, ужасно скучное лето. Ширли и Лоренц только один раз связались со мной из Берлина, кажется им там очень весело. Бальтазар не появился, Морлемов не было замечено. "Хроника короны" весь месяц сообщала только о балах патрициев, в принципе это был бесконечной показ мод. Даже о драконах не было никаких заголовков, чтобы наконец заполнить газету какими-нибудь новостями.

— Хорошо, что всё спокойно, — рассудительно сказала я и зевнула, прикрыв рот рукой.

— Ты совсем обессилила от путешествия, а я тут мучаю тебя вопросами. Подожди, я достану ключ, тогда ты сможешь прилечь и наконец отдохнуть. Поговорить обо всём мы сможем позже. Почту я складывала тебе на кухонный стол.

Я рассмеялась, когда увидела её озабоченное лицо. Её локоны разметались в разные стороны, когда она соскочила с места и поспешила принести ключ.

— Прежде всего я изнываю по горячему душу, — сказала я и последовала за Лианой в коридор. — И конечно по... — Я не успела сказать, как радуюсь гардеробу с чистым бельём, потому что в этот момент увидела, как по лестнице спускается Пауль.

Его светлые волосы были немного длиннее, чем я помнила, кроме того, он стал стройнее и более мускулистым.

— Значит я правильно расслышал, — сказал он и ухмыльнулся.

Нельзя было не узнать его хорошее настроение и беззаботный смех.

— Пауль!

Я всё ещё никак не могла справиться с неожиданностью.

— Вот это да, — пролепетала я, вопросительно взглянув на Лиану, пока сортировала в усталой голове неразбериху.

— Да, ну, Пауль и я, э-э, ну, я и Пауль, мы...

— Да расскажи ей уже, — рассмеялся Пауль. — Мы вместе.

Между тем он уже дошёл до Лианы и обнял её рукой за плечи.

— Ничего себе! — сказала я, озадаченно смотря на ласковый жест. — Это действительно новость. Поздравляю!

Я действительно хотела порадоваться за Лиану, но в этот момент испытывала только страх за неё.

Она посмотрела на меня с осторожной улыбкой, и я ободряюще кивнула. Она знала, что поставлено на карту. Потому что точно так же, как нельзя жениться между собой патрициям

и плебеям, так плебеям и немагическим гражданам.

Конечно это находится не так сильно в центре внимания высокопоставленных стражей морали, как связи патрициев, но всё же они следят за тем, чтобы законы соблюдались, а Лиана знала законы, которые клялась соблюдать, точно так же хорошо, как и я.

Я была последним человеком, кто мог бы взывать к ее совести.

— Желаю вам всего хорошего, — улыбнувшись сказала я, и взяла у Лианы ключ.

— Я хотела сказать тебе раньше, но все произошло так внезапно.

Она смотрела на меня распахнув глаза, на мгновение я даже потерялась в ее теплом взгляде. Кто ищет любовь, тот найдет. Но куда она заведет, могли выбрать лишь немногие.

— Я серьезно желаю вам, чтобы все получилось. Я поддерживаю тебя, — сказала я, глядя на нее твердым взглядом. — Ты знаешь, за что я борюсь, я делаю это и для тебя тоже.

— Ты не за меня должна бороться, потому что я не хочу, чтобы ты из-за меня погибла.

Лиана бросила на меня жгучий взгляд, который мало меня впечатлил.

— Слишком поздно, — улыбнулась я.

— Мне нужно в душ, — сказала я, повернувшись к Паулю. — Может еще увидимся сегодня вечером.

— Охотно, но можно не спешить. Думаю, что в скором времени я буду часто проводить выходные в Шенефельде. Близость к вам хорошо на меня влияет.

Пауль поцеловал волосы Лианы, отчего моё сердце разрывалось от боли.

Пауль был в опасности, а Лиана тем более. Она не сказала ему, что мы маги. Ей нельзя было говорить, но как состоять в романтических отношениях, имея столько тайн, если даже дружба чуть из-за них не рушиться?

Когда я снова открыла глаза, уже смеркалось.

Наступил вечер, а с ним подошло к концу и лето. Завтра утром начинался семестр в Теннебоде, и я была рада, что сегодня вечером увижу Лоренца и Ширли.

Кроме того, я наконец снова встречаюсь с Парэлсусом, а от него я ожидала получить некоторую информации о граале патриций. Я не знала, ни как он выглядит, ни какие в нём скрываются силы. Но были также вещи, с которыми будет трудно справиться, очень трудно. Я резко встала и прогнала мрачные мысли, которые становились всё громче в этом пустом доме, чем дольше я оставалась одна. Я оделась, а потом начала складывать вещи для Тенненбоде.

Дел было много, но не считая их, пришло время продолжить работать над образованием моих магических сил.

Когда в руки попала пригодная для полёта куртка из кожи Вингтойбыля, на меня нахлынула тоска.

Бабушка подарила её мне в прошлом году на восемнадцатилетие. С тех пор так много изменилось. Было бы всё гораздо проще, если бы она была рядом. Мне не хватало её всё больше, чем дальше она отдалялась от меня. Лучше не размышлять над тем, какой запутанной была ситуация между нами. Я могла только надеяться на то, что бабушка в конце концов поймёт, что я не хочу идти другим путём. Вдыхая, я положила куртку в сумку и прошла к письменному столу. На нём всё ещё лежал атлас, в нём я читала, прежде чем уехать.

Я полистала его, но не захотела отслеживать маршрут, по которому мы шли; просто пока ещё не могла. Не сейчас, когда поиск моих родителей закончился так неудачно.

Разочарование сидело ещё так глубоко, что я сама не могла оценить его масштабы.

Мой гнев на Бальгазара не ослаб, и я действительно надеялась, что он действительно не пережил моё нападение. За то, что он разрушил мою семью и мне не выпало счастливой, нормальной жизни с родителями, братом и сестрой, в моих глазах он заслужил именно это.

Я быстро захлопнула атлас, подошла к моей сумке и закрыла замок-молнию. Потом вынесла большую сумку в коридор.

Теперь меня ждала только почта на кухне, а потом время уходить. К ужину я хотела уже быть наверху на массиве.

Я прошла в кухню и опустилась на кухонный стул. В комнате было холодно, но у меня не было настроения разжигать в камине огонь. Лучше поторопиться, и исчезнуть из этого пустого дома.

Почты было не много. Я просмотрела несколько писем, которые все были адресованы бабушке. На столе ещё лежал маленький пакет, и к моему удивлению на нём стояло моё имя. Я быстро его развернула и нашла внутри письмо и небольшую шкатулку. Ларец был из дерева и украшен множеством крошечных орнаментов. Я развернула письмо и прочитала несколько слов, которые были написаны старомодным, витиеватым почерком.

Положи порошок в стакан с тёплой водой и сразу выпей залпом. Корни Уоло устранят твои блокады и вернут тебе твои силы.

Подписи в письме не было, и я с подозрением открыла маленькую шкатулку. В ней находился флакон, наполненный белоснежным порошком. Я задумчиво взяла бутылочку в руки.

Почерк в письме не принадлежал бабушке, если бы это она хотела мне помочь, то сделала бы это лично, а в следующий момент потребовала бы, воздержаться от любых опасных предприятий.

Тихий стук в заднюю дверь заставил меня прислушаться. Я быстро бросилась к двери, и чем ближе подходила, тем сильнее чувствовала, кто меня там ждёт.

— Адам, — сказала я с улыбкой и открыла дверь. — Какой сюрприз, я думала, что мы увидимся снова только завтра утром. Что случилось? Твои родители всё-таки отпустили тебя из дома?

Он зашёл и принёс с собой много свежего, ночного воздуха. Но по сравнению с бурными ветрами Антарктики, он показался мне нежным, летним ветерком.

— Я просто ушёл.

Он обнял меня и крепко прижал к себе. Его низкий голос сразу согрел моё сердце, но также вернул все страхи.

— Мне не хватало тебя.

— Не так сильно, как мне тебя, — ответила я с тревогой, а Адам вздрогнул при интонации моего голоса.

— Что случилось? — спросил он и нежно провёл мне кончиками пальцев по щеке.

— Мне понравилось, что нам не нужно было притворяться всё лето, — сказала я.

— Мы снова привыкнем, — ответил Адам. — Или у тебя есть опасения? Это слишком для тебя?

— Нет, — быстро заверила я. — Я люблю тебя. Для тебя я сделаю что угодно.

— Хорошо, тогда я спокоен. Но сегодня вечером я пришёл не для того, чтобы хандрить с тобой, — сказал он и обнял меня за талию.

Тепло его прикосновений перекачивало с кожи к животу. Его голос звучал так низко и соблазнительно, что я не смогла подавить вздох.

— Я здесь, потому что хочу насладиться этим последним, вечером с тобой наедине. Кто знает, когда снова появится время для нас двоих?

Он улыбнулся, и эта улыбка была такой тёплой, что меня затопило чистое счастье, такое что аж закружилась голова.

— Наверное, только на рождественских каникулах, — вздохнула я, положив руку ему на плечо. Однако у меня было срочное дело, которое нужно разъяснить. Я подняла вверх бутылочку, которую ещё крепко держала другой рукой.

— Что это? — спросил Адам, рассматривая ее с недоверием.

— Кто-то отправил мне корень Уоло, по крайней мере так написал.

— Корень Уоло, — скептически ответил Адам и взял бутылёк в руку. — Для чего он?

— Укрепляющее средство, — ответила я.

— Ты уверена? — по-прежнему скептически спросил он.

— Нет! — сказала я, вывернувшись из его объятий, и побежала в бабушкино ателье, где открыла гербарий.

Действительно, это был корень Уоло.

Корень дерева Уоло обладает регенерирующими свойствами и хорошо снимает блокаду. Регенерирующие свойства выражены так ярко, что Уоло-дерево можно сжечь лишь огнем из титановых щепок.

Я пролистала гербарий, пока не дошла до абзаца о титановых деревьях. Уоло — и титановые деревья растут в одних и тех же местах, и чтобы уничтожить друг друга, отравляют друг другу почву. Это привело к тому, что Уоло-дерево было замечено в последний раз около 1500 года по нашему летоисчислению, в то время как титановые деревья и сегодня распространены по всему миру, но не имеют для магов никаких полезных свойств.

Я задумчиво захлопнула гербарий. Я всегда искала только укрепляющие средства, но не средство, которое может снять блокаду.

Но кто знает о моей слабости? Я рассказала об этом только Лиане, Адаму и Торину.

Даже Ширли и Лоренц были не в курсе.

— И ты не знаешь, кто это прислал?

Адам внезапно появился рядом со мной, пока я сравнивала содержимое флакона с рисунком.

— Нет, я и правда не знаю. Но точно не бабушка. Значит, либо это фальшивка и кто-то хочет меня убить, либо есть кто-то, кто следит за мной и хочет помочь.

— Риск слишком велик, — решительно сказал Адам.

— Я знаю, но так больше не может продолжаться. Мои приступы слабости чуть не стоили нам жизни в Антарктике. Ты знаешь так же, как и я, что путь, который нам предстоит пройти полон опасностей.

— Я знаю предсказание, — проворчал Адам. — Бальтазар уже хотел убить тебя один раз. Что если сейчас он пытается снова?

— Не думаю, — решительно сказала я. Что-то внутри меня подсказывало, что есть кто-то, кто хочет мне помочь.

— Когда он соберётся меня убить, то захочет посмотреть в глаза. Присылать яд, это не в его стиле. Если бы это сделал он, то обставил бы все так, чтобы я ничего не заметила. А

отправлять флакон с ядом было бы слишком нелепо для него.

— Не делай этого! — настойчиво сказал Адам, когда увидел решительный блеск в моих глазах. Но я уже приняла решение. Я прошла в кухню и взяла из шкафа стакан, потом наполнила его водой и нагрела сосредоточенным взглядом. Флакон открыть оказалось не просто. Маленькая пробка была запечатана воском, и понадобилось какое-то время, пока у меня это получилось. В конце концов я её открыла, и поднесла бутылочку к стакану.

— Вода должна окраситься в фиолетовый цвет. По крайней мере так написано в гербарии моей бабушки.

Я видела гневный взгляд Адама. Он сейчас вырвет стакан у меня из рук, если я не смогу убедить его.

— Если она окрасится, то я попробую, согласен?

— Нет! Риск слишком велик.

Голос Адама стал громче.

— У меня не будет никакого шанса против Морлема, с которым я столкнусь в следующий раз, если вскоре что-то не изменится.

Быстрым движением я высыпала порошок в стакан. Потребовалась одна секунда, но потом жидкость, к моему облегчению, окрасилась в фиолетовый.

Казалось, мне так и не удалось убедить Адама. Его губы были сжаты в тонкую линию, и он сердито смотрел на меня своими тёмно-синими глазами. Всё же он сдерживал себя, оставаясь на месте.

— Не делай этого Сельма, я не хочу тебе потерять.

— Ты не потеряешь, потому что я не готова уйти.

Прежде, чем Адам смог поднять руку, чтобы всё-таки остановить меня, я опустошила стакан одним залпом.

— Сельма!

Его отчаянный крик потонул в оглушительном шуме, который сразу же раздался в ушах. Мой взгляд затуманился, меня внезапно затошнило, и я начала дрожать всем телом. Потом силы оставили меня, и я повалилась на пол.

— Как долго меня не было? — прошептала я хрипло, когда снова открыла глаза. На кухонном потолке парило по меньшей мере двадцать световых шаров. Для чего Адаму понадобилось столько света?

— Пять минут и двадцать девять секунд, — очень холодно сказал Адам.

Слабым движением руки я потушила все световые шары одновременно. Наконец-то они больше не ослепляли меня. Но теперь у меня появилось ещё другое ощущение.

— Мне холодно, — задрожала я.

Здесь на полу действительно неприятно. Нужно было всё-таки чуть раньше разжечь огонь в камине.

— Сельма!

Голос Адама звучал незнакомо. Казалось, что-то крайне его напугало. Пришло время встать и осмотреть беспорядок, который я устроила.

Хотя, подумала я, когда легко вскочила на ноги, на самом деле я чувствую себя отлично.

— Я не могу в это поверить, — сказал Адам, уставившись в камин.

Что с ним? Я последовала за его взглядом. В нём всё-таки уже пылал огонь, но, видимо, его только что зажгли. Понадобится какое-то время, прежде чем комната согреется. Мило с его стороны, что за эти пять минут и двадцать девять секунд, пока ждал, когда я приду в

себя, он успел ещё разжечь огонь.

— Я знаю, что ты злишься из-за того, что я выпила этот сок корня, но очевидно, что это был не яд. Подействовал он или нет, я ещё не могу сказать, но я определённо чувствую себя хорошо.

— Он подействовал, — сказал Адам, устремив взгляд на меня. — Ты разожгла огонь только при помощи мысли. Ты снова в отличной форме.

Он рассмеялся и рванул меня в свои объятия. Я озадаченно уставилась на весело мерцающие дрова, и не могла в это поверить.

Усталость, которая преследовала меня несколько месяцев, наконец-то в прошлом?

Я не знала, кого благодарить за это доброе дело, но кто-то хотел, чтобы со мной было всё хорошо.

Я с удовольствием упала в объятия Адама и провела руками по его мягким, тёмным волосам.

— Нужно это отпраздновать, — сказала я.

— Правильно, поэтому эта последняя ночь принадлежит только нам двоим.

Адам притянул меня к себе, и я сразу же почувствовала в животе сладкое покалывание. Воздух между нами затрещал, когда его губы прикоснулись к моим.

Вздыхнув, я закрыла глаза и сильнее обвила руками шею Адама, в то время, как отвечала не его бурный поцелуй, в котором также чувствовалось облегчение.

Я никогда не смогу им насытиться. Его близость опьяняла, и я больше не о чём не могла думать, только о его руках, которые нежно скользили вниз по моей спине. С тех пор, как мы вернулись с Килеандроса, мы не были близки, а это определённо слишком долго. Я потянула Адама в свою комнату и движением руки зажгла несколько свечей на письменном столе.

Нетерпеливо я сняла с него футболку и прижалась к груди. Его кожа была мягкой и тёплой, а мышцы под ней идеальной формы. Иногда моё счастье с ним всё ещё казалось нереальным.

— Я люблю твои волосы, — вздохнул он и зарылся в них лицом. — Я люблю тебя.

Он потянул меня с собой в постель, и я плюхнулась вместе с ним на мягкие подушки, не прерывая наш контакт.

По мне, так пусть эта ночь длится вечно, потому что для некоторых вещей даже вечность слишком коротка.

Новые знакомства

Глухой звук, будящий утром, раздался именно в тот момент, когда я поднялась на верхний этаж жилой башни Теннебоде. Я с трудом высвободилась из теплых объятий Адама. Сегодня утром должна была состояться встреча Черной гвардии после долгих летних каникул, не только Адам, но и я хотели узнать, куда исчез сенатор Бальтазар.

Я поставила сумку и сделала глубокий вдох. Все выглядело так же, как и в июле, когда я в последний раз была здесь. За большими окнами было еще темно, уютные диваны и кресла в большом, открытом помещении, напомнили мне о прекрасных часах, которые мы провели здесь.

Теперь, когда дом бабушки опустел, у меня было ощущение, что я вернулась домой.

— Кто это тут крадется на цыпочках?

Я вздрогнула, когда позади меня появился Лоренц. На нем была бледно-желтая атласная пижама и даже ночью у него была идеальная прическа, глаза сияли радостью, как никогда.

— Лоренц, мне тебя не хватало, — сказала я, бросившись ему на шею.

— Я тебя понимаю, сладкая, — ответил он, похлопав меня по спине. — Я даже больше скажу, ты срочно нуждаешься во мне. Глядя на твои волосы, мне становится страшно.

Он немного оттолкнул меня и критически осмотрел мой, надо признать, не слишком ухоженный внешний вид.

— Чем ты занималась на каникулах? В любом случае не своей внешностью. Не удивляйся, если темный герой покинет тебя.

— Не волнуйся, Лоренц, у нас была восхитительная ночь.

Я подмигнула ему, и он восторженно распахнул глаза.

— Но у нас и правда было мало времени. Мы только вчера вернулись из Антарктики.

— Да, Лиана мне уже рассказала. Вы не нашли ни твоих родителей, ни грааль патрициев.

Лоренц сочувствующе вздохнул.

— Но ваша полоса неудач уже закончилась, потому что теперь мы здесь. Ты же знаешь, вместе мы добьемся большего. Но прежде чем спасти мир, мы должны будем найти время, чтобы позаботиться о твоих волосах и одежде.

— Одежда, — раздался нервный голос, и я увидела страдальческое лицо Лианы, спрятанное под копной белокурых волос. Она выглядела как маленький, заспанный эльф с ее тонкими конечностями и непослушными, золотистыми локонами. И лишь регистр голоса не подходил к ее внешнему виду.

— Я больше не могу слышать об этом, Лоренц. Я нахожусь рядом с тобой всего 12 часов, но, если я еще раз услышу что-нибудь о бальных платьях летнего сезона, я вся покроюсь прыщами.

— Даже если и так, — продолжил распинаться Лоренц. — Их можно будет закрасить, но я не могу не упомянуть о том, как дочь Оттиль фон Хоэнштайн-Эрнстбах опозорилась в своем ярко-красном бальном платье. Как можно было выбрать такой цвет, если девиз вечера был "Кристалльно-синий"? Прошу тебя, об этом мы будем говорить еще через десять лет.

Лоренц так душещипательно вздохнул, что я поверила в то, что этот модный провал действительно озадачил его.

— Я не буду, — решительно крикнула Лиана. — Доброе утро, Сельма.

Она приобняла меня, подмигнула и направилась в ванную.

— Мне так вас всех на хватало, — улыбнувшись, сказала я. — А где Ширли?

— Ты будешь шокирована, лучше тебе ее не видеть, — вздохнул Лоренц.

— Как это?

Я непонимающе посмотрела на него.

— Что случилось? Я думала, вы провели чудесное лето в Берлине. Макияж, прически и все такое.

— Так и было, все было феноменально. Заведение, в котором мы работали, было просто супер. Ширли прямо-таки расцвела.

— И что потом?

Я бросила взгляд на закрытую дверь комнаты Ширли.

— Потом, она неделю назад уехала домой, а вчера я увидел ее снова, и честно говоря, не узнал. Она не хотела ни с кем разговаривать, даже со мной, что кстати, очень задевает меня. Потому что я бы охотно рассказал ей о том, что последнюю неделю провел в объятиях восхитительного мужчины, который заставил меня снова поверить в любовь.

Лоренц мечтательно улынулся.

— Что-то серьезное? — тут же спросила я.

— Нет, нет, просто безумно увлекательный, летний флирт, но теперь я однозначно забыл о Брайане и готов к новой любви.

— И Ширли действительно ничего не хотела об этом знать?

Я удивленно подняла брови.

— Не делай так! — крикнул Лоренц, глядя на мой лоб. — Только заработаешь себе морщин.

— Ладно, — ответила я испуганно.

По-видимому, морщины нельзя так хорошо закрасить.

— Не знаю, какая муха укусила Ширли. — Лоренц пожал плечами. — Надеюсь, она скоро возьмёт себя в руки.

Он бросил взгляд на мои наручные часы.

— Пойду сначала подготовлюсь, сейчас снова начнётся беготня. Это точно не та часть, по которой я скучал.

Лоренц юркнул в свою комнату, а я задумчиво смотрела ему в след.

Ширли уже осуществила некоторые впечатляющие метаморфозы. Сначала она была светской львицей шёнефельдовской школы на высоких каблуках и в дизайнерских шмотках. После того, как в первый день в Тенненбодде потерпела с этим неудачу, стала на длительное время тихой, как мышка, пока внезапно не превратилась в очень хорошую подругу, на которую можно было положиться. Она была мужественной, решительной и имела такую непосредственность, которой я иногда завидовала.

Мне было жаль, что она снова потеряла равновесие.

Я задвинула сумку в мою комнату и закрыла за собой дверь. Внутри было ещё темно, свет начинающегося дня лишь медленно проникал в комнату. Двор крепости я пересекла ещё в полной темноте, что было явным знаком того, что холодное время года окончательно вступило в свои права. Но после Антарктики осень Центральной Европы действительно казалась мне как позднее лето.

Я быстро скользнула в одежду для бега, а потом поспешила с другими во двор. Госпожу

профессора Эспендорм я узнала уже издали. Её волосы, поднятые вверх в замысловатую причёску даже в полутьме нельзя было не заметить.

Она собрала вокруг себя группу первокурсников, и как раз пыталась заразить их своим энтузиазмом для утренней пробежки. В усталых лицах я читала тот же недостаток энтузиазма, которого в прошлом году для такого начала дня не хватало и мне. Но сейчас я действительно радовалась, что снова окунусь в структурированную повседневную жизнь.

Профессор Эспендорм теперь быстро побежала, а процессия, ворча, последовала за ней. Я тоже разогналась и в первый раз подняла взгляд. От испуга я тут же снова остановилась.

— Лоренц, — крикнула я.

— Я бегу.

Слегка пританцовывая и оснащённый потрясающими, серебряными кроссовками, Лоренц встал рядом.

— Что здесь случилось? — спросила я, указывая на тёмные стены, окружающие меня.

Пики башен возвышались в тёмное, утреннее небо, фасады были чёрными, а на них нарисованы угрожающие орнаменты и фигуры. Тела, покрытые кровью, обвивали друг друга, как змеи, будто стены хотели рассказать об истории давно прошедших, жестоких сражений. Если бы ещё вокруг башен каркая, кружилось несколько ворон, то у Теннебоде был бы хороший шанс подойти в качестве кулисы в кровавом фильме ужасов.

— У Константина Кронворта депрессия, или почему он мучает нас этим фасадом? Если Теннебоде действительно его самый главный объект искусства, то теперь он окончательно лишился в моём лице своего поклонника.

— Нет, нет, всё не так, — сказал Лоренц в замешательстве. — Тебе не следует его судить. Он переживает сейчас ужасно трудное время. Разве ты не читала "Хронику короны"?

Лоренц с удивлением посмотрел на меня, как будто я пропустила что-то чрезвычайно важное.

— Нет, я была сначала на Килеадросе, а потом в Антарктике, как ты знаешь. Я не читала газет, кроме того в них всё равно не печатали ничего важного.

— Ты ошибаешься. Там было напечатано даже очень много новостей, — решительно ответил Лоренц, в то время, как мы побежали рысцой, а я с подозрением разглядывала отвратительные морды горгулий надо мной. — Это лето было сумасшествием из красок и торжеств, ода для чувств.

Лоренц умоляюще поднял руки вверх, как будто хотел убедить меня в этом, используя всё своё тело.

— Да, — терпеливо ответила я. — И что же теперь случилось с нашим народным деятелем искусств?

— У него творческий кризис, бедный, поэтому он в настоящее время ничего не создаёт. То, что ты здесь видишь, это оригинальный фасад Теннебоде, и пока Константин Кронворт вновь не обнаружит свою креативность, тебе придётся его выносить.

— Ах вот как, мне очень жаль, — ответила я, и мне действительно было жаль. Я и в правду больше предпочитала красочные, радужные квадраты, чем эту камеру ужасов.

— Да, мы все только можем надеяться на то, что он скоро вновь найдёт себя.

Лоренц сочувственно вздохнул, в то время как мы бежали по осеннему ландшафту за пределами замка. Шиповник выделялся ярким цветом, а разноцветные листья покрыли дорогу, как ковёр. В отличие от замка, пейзаж казался почти опьяняюще весёлым.

— Мне нравится так, как есть.

Я узнала голос Ширли рядом и огляделась. Угрюмый оттенок её голоса должен был предупредить меня, но её вид всё же так сильно удивил, что я на самом деле споткнулась и лишь в последнюю секунду смогла удержать равновесие и не распластаться на ярком ковре из листьев.

Я кое-как выдавила из себя "доброе утро" и уставилась на Ширли. Мне понадобилось время, чтобы осознать необыкновенные изменения ее внешнего облика. Когда-то светлые и длинные волосы стали черными и короткими, а над ушами были почти наголо выбриты две широкие полосы.

Глаза и губы тоже были черными, а в носу торчало толстое кольцо, придававшее ей сходство с быком. И только высокий рост, и стройная фигура фотомодели не сочетались со всем выше перечисленным.

— Как дела? — спросила я подчеркнуто весело.

— Плохо, — коротко пробурчала она, дала газу и оставила меня, все еще удивленную, стоять.

— Я же тебе говорил, — сказал Лоренц, подняв брови. Теперь я поняла его зловещие намеки. — Она очень странная. Избегает любого разговора.

Ширли не хотела рассказывать о причине таких метаморфоз, но было ясно, что произошло нечто ужасное.

Зайдя в Восточный зал, я заметила кое-что необычное. Утреннее солнце окунуло помещение в золотой свет. Круглые столы были заняты, на каждом из них лежали скрипыши, живчики, мюсли и стояли дымящиеся кружки травяного чая. Однако не было слышно звона тарелок и столовых приборов, разговоров и болтовни, как это обычно бывает.

Стояла необычная, тяготящая тишина, все студенты сидели и внимательно читали. Я подошла к круглому столу, за которым в том же положении сидели Лоренц, Лиана и Ширли.

— Что случилось? — спросила я, заняв свое место.

— Ты не поверишь, — только и успел сказать Лоренц, как ко мне подошел фавн и сунул какое-то письмо.

— Что такое? — недоуменно спросила я, в то время как Лоренц все еще качал головой. Я вскрыла конверт и обнаружила в нем расписание занятий и письмо палаты сенаторов.

Уважаемые студенты,

добро пожаловать на новый семестр. Мы надеемся, что вы хорошо отдохнули. Ваше обучение очень важно для нас, потому что вы бесценны для будущего Объединённого Магического Союза.

Тем более мы обеспокоены вашей безопасностью и после событий, произошедших в прошлом семестре, мы хотим сделать всё, что в наших силах, чтобы подобные инциденты не повторились.

Расследование по делу профессора Шёнхубер Чёрная гвардия окончательно завершила, и так как это дело коснулось вас лично, мы с удовольствием поделимся с вами результатами заключительного отчёта.

Профессор Шёнхубер, по личным мотивам, угрожала студентам и ставила под угрозу ход обучения. Её участие в отравлениях было однозначно доказано, а мотивы этих отравлений удовлетворительно обоснованны.

Госпожа профессор Шёнхубер действовала в одиночку и получила справедливое наказание после надлежащего слушания дела перед судом Объединённого Магического

Союза под руководством Теодора Дус.

Вашей безопасности больше ничего не угрожает. Чтобы гарантировать это и в будущем, хочу ещё раз настоятельно сослаться на принесённую вами клятву, в которой вы обязались соблюдать и принимать правила и законы Объединённого Магического Союза (смотрите "Правила и этикет для современных магов"). Последствия любых проступков вам известны.

Желаю вам и дальше успешной учёбы.

С уважением,

Оливер Ансген

Сенатор по вопросам национальной безопасности

— Это невероятно, — сказала я, опуская письмо.

Вокруг меня стало громче, все принялись завтракать, после того, как и другие закончили чтение почты из палаты сенаторов. Наш разговор, к счастью, затонул в звоне столовых приборов и шуме разговоров, которые вспыхнули вокруг нас. Я не смогла бы сейчас ни шептаться, ни молчать.

— Да, но признайся честно, чего ты ожидала?

Лиана смотрела на меня с интересом.

— Пока нет никаких убедительных доказательств, которые больше никто не сможет игнорировать, палата сенаторов не за что не обвинит публично такого высокопоставленного политика, как Бальтазар.

— Правильно, — задумчиво сказала я. — Потому что это будет означать, что они сами, в течение многих лет, обхаживали лжеца. Где собственно скрывается Ширли?

Я оглянулась в её поисках.

— Во время пробежки она была ещё здесь, — ответил Лоренц и огляделся. — Думаю, она снова в постели. Если в скором времени не возьмёт себя в руки, тогда я задам ей жару. Не дам ей снова свалиться в пропасть.

— Попытайся достучаться до неё, — настоятельно сказала я. — Сейчас у тебя с ней самые лучшие отношения.

— Да, так и сделаю, — сказал решительно Лоренц.

— Если у тебя вообще будет для этого время, — вставила Лиана.

— Почему?

Я взяла одного скрипыша, разломил его, прежде чем он смог выпрыгнуть у меня из рук, и начала вычерпывать ложкой, скользя взглядом по профессорам, которые сидели за большим столом возле окна и возбуждённо разговаривали.

— Расписание уроков просто забито до предела, этот семестр будет ужасным. Одна только работа, так что даже, наверное, не останется времени для сна, — простонала Лиана.

— Неудивительно, в следующем году уже начинается специализация и подготавливающие к работе курсы, поэтому они ещё раз хотят укрепить основы, — сказал Лоренц. — В магическом мире мы, между тем, уже хорошо освоились.

Я слушала только вполуха, как Лоренц размышлял вслух, какую выбрать специализацию после изучения основ, в то время, как я разглядывала профессора Боргиен. Казалось он похудел, также в его волосах появилось много седых прядей. Видимо огонь изнурил его или ему постепенно надоело каждый год снова и снова рассказывать одно и то же.

Внезапно мне пришло в голову, что, возможно, корень Уоло мог послать мне один из

профессоров? Я перевела взгляд дальше. Может это профессор Пфафф? Он был добродушным мужчиной, кругленьким, с густыми, чёрными усами, добрые дела подошли бы к нему. Ему нравились все, кто на его занятиях имел хорошую успеваемость, а с водой я хорошо справлялась. Не так хорошо, что он сделал бы для меня исключение, но достаточно хорошо, чтобы недурно выглядеть в его глазах. Если бы я ещё была патрицием, то ситуация бы полностью изменилась, потому что даже добродушный профессор Пфафф придерживался системы, в которой избранным давали привилегии.

Я задумчиво разглядывала его, в то время, как он жевал свой мюсли и иногда смеялся над каким-то замечанием профессора Хенгстенберг. Его симпатии было недостаточно для такого великодушного жеста. Этот флакон с порошком корня Уоло точно был очень дорогим.

Только тот, кто действительно заботится обо мне и верит в меня послал бы такой ценный подарок. А где собственно Парэлсус и Грегор Кёниг? Я тщетно искала их головы за столом профессоров. Я считала, что на такое способны скорее они оба.

— Нам пора, — сказала Лиана и потянула меня за руку. — У нас сейчас будет теория элемента воздуха. Мне любопытно, какую замену они нашли для профессора Шёнхубер.

— О, мне тоже.

Я быстро допила чай, схватила сумку и последовала за остальными в вестибюль, где в длинном коридоре к жилой башни первокурсников, находились двери, ведущие в аудитории.

Я прошла через дверь под номером 55, используя моё удостоверение личности и вошла в ветровой кабинет с куполообразным потолком сразу после Скары и её подружек. По этим четырём я точно не скучала.

Я попыталась пройти мимо, направив взгляд вверх. Через стеклянный купол было видно светло-голубое небо, по которому ветер быстро гнал маленькие облака.

На другой стороне комнаты я узнала Дульсу и её сестру Сесилию и помахала им. Но ещё прежде, чем смогла подойти к ним и поприветствовать, передо мной встала Скара, взгляд полный ненависти.

— Ну, Сельма, собираешься в этом году разрушить ветровой кабинет до основания, или уничтожишь лучше какой-нибудь новый объект?

Для неё в отравлениях, произошедших в прошлом семестре, никогда не была виновата профессор Шёнхубер. Для неё всегда было ясно, что только я была в этом замешана. Даже официальное письмо из палаты сенаторов, казалось, не изменило её мнения.

Глаза Скары внезапно расширились, пока я искала подходящий ответ на её провокацию. Я не хотела раздувать ненависть между нами уже в первый день нового семестра. Последний год наглядно показал, что я только раню саму себя, если позволяю гневу вырваться наружу и делаю себя мишенью для Скары.

Может мне удастся подружиться с ней и воспользоваться её контактами в палате сенаторов. Фальшивая дружба была более полезной, чем разжигаемая бесконечной ненавистью вражда.

Но когда я услышала голос Ширли позади, мне стало ясно, чему удивилась Скара, а также, что шанс на любую, даже фальшивую дружбу упущен.

— Если ты, маленькая гадюка, наконец не возьмёшь себя в руки, тогда я, при первой возможности, подкараулю тебя в тёмном углу, и мы проясним твои детские обвинения на мой лад.

Из-за угрожающей нотки в голосе Ширли в сочетании с её новым внешним видом Скара

и в самом деле побледнела в лице. Не сказав ни слова, она прошла к своим подругам, Алексе, Дорине и Эгони, которые тоже смотрели на Ширли округлившимися глазами.

— Спасибо! — сказала я с усмешкой и повернулась к Ширли, но холодный взгляд, которым она одарила меня, заморозил улыбку на губах. Казалось, Ширли решила ненавидеть всё, и вся и не делать больших различий между другом и врагом.

Она коротко мне кивнула, а потом прошла к другой стене, где села на пол. Даже стиль одежды согласовывался с её новым образом жизни. На ней были одеты чёрные, кожаные брюки, тяжёлые ботинки и широкая футболка с длинным рукавом, которая свободно ложилась на её бёдра и укутывала в тёмное. Не удивительно, что Лоренц был так шокирован состоянием Ширли. Всё в ней кричало о протесте.

— Я же тебе говорил, — сказал Лоренц, пожимая плечами, между тем он подошёл ко мне. — Ширли полностью закрылась, сейчас к ней невозможно пробиться.

— Дай ей немного времени, когда-нибудь она выложит, что с ней случилось. Ничего другого нам, собственно, и не остаётся.

Я ещё раз посмотрела в сторону Ширли, которая закрыла глаза, будто хотела забыть о том, что её окружает.

— Я что-то пропустила?

Лиана подошла к нам.

— Определённо, — ответила я. — Ширли, как чёрный скорпион, опасная и впечатляющая. По крайней мере она будет держать от нас на расстояние Скару и её компанию. Где ты так долго была?

Лиана наклонилась ко мне.

— Я посла Паулю парочку сообщений. Здесь внутри мой мобильный не работает, но за пределами замка, если дойти до края массива и вытянуть сотовый над пропастью, то связь появляется.

— А что будешь делать, когда батарейка сядет?

В конце концов, эта главная причина, из-за которой я могла использовать моё техническое оборудование здесь наверху только короткое время. Не считая того факта, что связь здесь наверху была неприемлемой.

Мой сотовый уже тоже долгое время лежал незаряженный в ящике письменного стола, хотя прошлым летом я приложила усилия и занесла в него все телефонные номера моих друзей. Но обмениваться сообщениями магическим способом было намного проще, так что я больше так и не использовала телефон.

— Я всегда отключаю его, таким образом мне хватит батареи до конца недели. В пятницу вечером я, в любом случае, пойду домой. Мои родители возвращаются с отпуска и хотят меня видеть, и кроме того, в пятницу приедет домой Пауль.

Она улыбнулось нежной и сияющей улыбкой.

— Пауль ваш друг со школы, не так ли?

Лоренц разглядывал восторженное выражение лица Лианы, которая радостно закивала.

— Ты рассказала ему? — осторожно спросила я.

— Нет, — вздохнула Лиана. — Он бы наверняка упал в обморок, узнав всё, а сейчас, после получения письма из палаты сенаторов, я и подавно буду молчать. Это всё равно не играет никакой роли. Мои чувства такие, какие есть, и точка. Паулю не обязательно знать в деталях, какими способностями я обладаю. Я не собираюсь делать большую, магическую карьеру, просто перейму бабушкин магазин и буду иметь нормальную работу, которая не

будет привлекать внимание.

— Если только не будешь продавать из-под полы Ячеечных лесных червей или парящих стеклянных шаров.

— Думаешь, это сработает?

Лоренц произнес вслух то, о чем я подумала, но не решилась сказать.

— Конечно сработает.

Лиана поджала губы и решительно посмотрела на нас.

— Я плебейка. То, чем я занимаюсь, все равно никого не интересует. И до тех пор, пока я не начну выставлять свою личную жизнь напоказ, я буду жить спокойно.

— Добро пожаловать.

По помещению пронесся глухой, авторитетный голос. Все разговоры умолкли, а взгляды устремились к входной двери, в которую только что вошел стройный мужчина средних лет.

Несмотря на свои примерно 50 лет, он не выглядел сухим и тощим, а скорее энергичным и атлетически сложенным.

У него были темные волосы с несколькими седыми прядями на висках, выдававшими его настоящий возраст.

Правильные черты лица и явно выраженная мужская красота вызвали заинтересованные взгляды у студенток.

Мелкие морщины между бровей и на лбу придавали ему еще более интересный вид.

Этот мужчина был без сомнения привлекателен, но казалось не замечал тихого восторга, который вызвало его появление.

— Меня зовут профессор Пошер, я ваш новый учитель по элементу "воздух", — сказал он чистым голосом. — Для меня большая радость быть здесь и поделиться с вами моими скромными знаниями. Мне важно не только то, чтобы вы понимали этот предмет, но и могли на деле применять ваши знания. Ваши будущие работодатели ожидают от вас, чтобы вы и во сне помнили основы науки об элементах. Чтобы настроить вас на наши совместные занятия, я бы хотел продемонстрировать сегодня несколько техник, владения которыми я в скором времени ожидаю и от вас. Пожалуйста следуйте за мной!

Профессор Пошер вышел через открытую дверь, ведущую на улицу. Я удивленно смотрела ему вслед.

Госпожа профессор Шёнхубер, за весь последний год, ни разу не выходила за пределы ветрового кабинета и не показывала нам своих способностей. Ее коньком было преподавание теории, нагонявшей на нас скуку.

Как я заметила, мы стояли на небольшом островке, на площади перед учебным заведением. Под нами плавно спускался вниз зеленый, лесистый холм, заканчивавшийся у самого моря. Возможно это был потухший вулкан, чья застывшая лава образовала каменный пляж. Обдуваемая свежим ветром, я глубоко вдохнула. Профессор Пошер не теряя времени, расправил крылья и поднялся над нами в воздух.

— Для того чтобы я понял, на каком уровне ваши способности, прошу вас вернуть меня на землю.

По рядам прокатились возгласы удивления, это занятие обещало быть интересным.

Встав в один ряд, мы друг за другом пытались достать профессора Поршера с неба, где он парил на высоте примерно трех метров. Как выяснилось, госпожа профессор Шёнхубер в прошлом году научила нас совсем немногому. Ни Скаре, ни Дорине, ни Алексе или Эгони не удалось даже пошатнуть профессора Поршера. Томас Кекуле и Лоренц также потерпели

неудачу, да и я сама почти не сдвинула профессора Поршера с места.

Слава богу, никто не упомянул ситуацию с торнадо, которое я устроила в прошлом году в ветровом кабинете, хоть я и видела, как у Скары подергивались уголки губ. Но видимо стоявшая рядом со мной Ширли настолько впечатлила ее, что она держала язык за зубами.

Ширли сразу же провалила задание, да и Лиана, как ни старалась, не смогла ничего сделать. И лишь Дульсе и Сесилии, объединив усилия, как магической пары, почти удалось вернуть профессора Поршера с небес на землю, после того, как все остальные на курсе не справились с заданием.

Лишь в последний момент профессору удалось удержаться в воздухе, видимо он просто не знал о связи сестер Донна. Больше такого не повторится, в этом я была уверена, взглянув на его удивленное лицо.

— Очень хорошо, — сказал он, когда в конце концов приземлился перед нами. — Вы оба единственные добились приемлемого результата. Остальным студентам этого курса, к сожалению, должен сказать, что ваши достижения гораздо ниже тех, что я ожидал от второкурсников. Мы увидимся снова в четверг, и тогда я жду явного улучшения ваших результатов. Сегодня же зрелище, которое вы преподнесли мне, было жалким. Как граждане Объединённого Магического Союза, вы обязаны, уже только чисто из уважения к вашей истории, достичь лучших результатов.

Строгий голос профессора Пошера достиг каждого.

Потом он продемонстрировал цели обучения для этого семестра и показал ветровые течения различной силы, перенёс воду, а также камни и брёвна, только при помощи ветра. Это было тонкое искусство, которое, во-первых, требовало практики, во-вторых нужно было хорошо чувствовать элемент ветер.

— Да уж, будет весело, — сказала Лиана, когда занятие закончилось, и мы взяли наши сумки и вернулись в Тенненбоде.

— Зато, по крайней мере, он, кажется, решительно настроен, научить нас чему-нибудь, — сказала я.

Всё же до четверга мне придётся внести в ежедневный график один час упражнений, чтобы достичь поставленных целей профессора Пошера до следующей лекции.

— Я ничего против не имею. Чем лучше я смогу защищаться, тем безопаснее будет моя жизнь, — ответила я.

Не только профессор Пошер стартовал на большой скорости, требуя результатов, также профессор Боргиен и профессор Пфафф не собирались от него отставать. Равно, как профессор Пошер, они начали с презентации намеченных целей для следующего семестра, нагрузив нас упражнениями и целями.

Когда мы шли ужинать, я была полностью уверена в том, что в прошлом году мы научились немногому, и нужно было срочно наверстывать упущенное, чтобы достичь тех результатов, которые профессора будут требовать от нас в конце семестра на экзаменах.

— Парикмахер действительно классная профессия, — сказал Лоренц, переворачивая свои овощные шашлыки из садов Акканки справа налево.

— Да-да, — согласилась Лиана. — Я, после окончания университета, перейму магазин бабушки. Это тоже прекрасная профессия. Я уже с нетерпением этого жду.

— А чем ты хочешь заняться после обучения? — спросила я Ширли, которая сидела рядом с нами также тихо, как в прошлом году. Только её тёмная аура отличала её от бледного облика, который был присущ ей тогда.

— Открою тату или пирсинг салон, возможно даже салон для нанесения клейма, в Шёнефельде нужен такой магазинчик, — сказала она, не моргнув глазом, в то время, как Лоренц подавился едой.

— Обязательно, — ответила я, распахнув глаза, и постучала Лоренцу по спине.

В этот момент я почувствовала что-то тёплое внутри, что-то знакомое и заботливое, оно подходило всё ближе, из-за чего на моём лице расцвела улыбка. Адам недалеко. Он в любой момент должен появиться. Я ухватила крепче за вилку с ножом и сосредоточилась на тарелке. Теперь снова начнётся спектакль, который мы решили разыгрывать, и счастье в моей жизни зависит от того, как хорошо мы будем играть наши роли. Я пыталась сохранять спокойствие.

Почему я так нервничаю? В прошлом семестре мы ведь хорошо справились. Напротив, я помнила, что эта игра в прятки даже чем-то привлекала. Но после того, как мы получили письма из палаты сенаторов, мне стало не по себе.

Краем глаза я увидела, как Адам зашёл в комнату, тёмная тень, высокая и впечатляющая. Конечно он привлекал взгляды девчонок. И кто мог бы их в этом обвинить.

Официально у Адама не было девушки, поэтому только логично, что он находится в центре внимания студенток. Волосы на затылке вздыбились, когда я ощущала тепло, становящееся всё сильнее, чем ближе подходил Адам.

Только не сделать бы сейчас какой-нибудь неверный шаг, повторяла я про себя. Нужно оставаться естественной. Я сосредоточенно дышала, заставляя себя снова и снова подносить вилку ко рту.

— Привет!

Голос Адама прозвучал низко и дружелюбно. Сразу по спине пробежала тёплая дрожь и отвлекла меня.

Моё "привет" вышло напыщенным, хотя я старалась произнести его так же непринуждённо, как сделали Лиана и Лоренц. К счастью этого никто не заметил. Также то, что Ширли одарила его только коротким кивком, осталось без внимания.

Потому что, когда он сел за стол, я заметила, что он не один. Последнее свободное место за нашим столом занял молодой человек, которого я не знала.

Незнакомец коротко нас поприветствовал, разглядывая по порядку. Он занял место рядом с Адамом так естественно, что должно быть они пришли вместе. Я тоже тщательно его изучила. Он выглядел посредственно со своими каштановыми волосами и коричневыми глазами. Обычно я не заметила бы его в толпе студентов, но его губы выражали пренебрежение и высокомерие, и мне стало любопытно. Его одежда тоже была необычной. На нём был одет своего рода костюм или униформа и то, как он выпятил грудь, можно было подумать, что он носит её с той же гордостью, что была написана у него на лице.

— Привет, с кем мы имеем честь? — спросила я после того, как оба взяли себе еды с блюд посередине стола.

— Сельма, ты будешь рада познакомиться с моим новым другом. Он просто невероятен. — Восторг Адама действительно настоящий? Мне не хватало страстного блеска в глазах, когда он по-настоящему радуется. Теперь мне стало интересно.

— Приятно познакомиться. Я Сельма Каспари, — сказала я вежливо, выжидательно взирая на нового друга Адама. — Откуда ты?

Он пристально посмотрел на меня, прежде чем ответить.

— Я с юга, — сказала он уклончиво.

— Насколько далеко с юга? — спросила я с интересом. Я продвинулась почти до Южного полюса, поэтому более-менее ориентировалась.

— Из Южной Африки, — в конце концов ответил он.

— Это действительно захватывающе, — ответила я. — Ваша драконья команда просто легенда. Дульса играет в Войну драконов исключительно с фигурами из африканской команды.

— Как интересно, — ответил он, имея в виду совершенно другое. — Вы ещё играете в Драбеллум, мне он наскучил уже в восемь.

— Ах вот как, — ответила я, растягивая слова.

Этот тип действительно утомлял, а его высокомерное поведение начинало всё больше действовать на нервы. Почему Адам подумал, что мне будет интересно с ним познакомиться. Я бросила на него вопросительный взгляд, но он не отреагировал. Может нужно просто немного спровоцировать новенького?

— Такая ледышка как ты, кажется, скорее приехал из Антарктики.

Слова слетели с языка быстрее, чем хотелось. Но они сразу показали желаемый эффект.

Новый друг Адама сразу залился багровой краской, у него даже сначала заплёлся язык, когда он захотел возмущённо ответить. Пока он искал подходящие слова, Адам укоризненно на меня посмотрел. Чёрт! Лучше бы я сдержала этот комментарий.

Видимо у меня всё ещё не выходила из головы наша экскурсия в ледяной мир, хотя я пообещала Адаму оставить это дело в покое. Я заставила себя спокойно вдохнуть и выдохнуть, и подумать о проклятой роли, которую должна играть в этом театре.

— Прости меня пожалуйста за моё легкомысленное замечание, — сказала я насколько возможно серьёзно. — В Антарктике конечно нет жизни.

Я с уверенностью могла сказать это, в конце концов, я была там.

— Ты странная!

Карие глаза смотрели на меня испытующе и оценивающе.

— Что же, твои мысли не такие уж и ошибочные. Люди думают так ограниченно, когда полагают, что многие участки земли не заселены лишь потому, что они не могут их контролировать. Но ты ведь маг, поэтому твой горизонт должен быть немного шире. Конечно маги могут колонизировать Антарктику. Однако у меня нет более подробной информации, как я уже сказал, я из Южной Африки.

— Я так не думаю, — сказала я как можно спокойнее. — Кто там будет жить? Этот участок земли один из самых враждебных мест в мире. Там можно встретить только пингвинов и тому подобных. Даже маги, в конечном итоге, достигают там предела своих возможностей.

В конце концов я испытала это на себе.

«Прекрати!» Наш разговор, видимо, становился Адаму всё более неприятным. Но я ничего такого не сказала, чего не знал бы любой другой человек.

Чужак насмешливо улыбнулся. Казалось, он насмехается надо мной или, что более вероятно, он как раз собирался рассказать мне изощрённую небылицу, чтобы произвести впечатление. Но со мной такое не пройдёт.

— Меня шокирует то, насколько ты невежественная, — вдруг сказал он. — Что ты делала до этого момента? Засоряла себе голову бессмысленными телепередачами людей, так что в ней больше не осталось места для настоящих знаний мира? В Антарктике живут Снежные гномы, близкие родственники гномов. Надеюсь, о гномах ты уже слышала?

Он смотрел на меня, будто я совсем тупая.

Я сделала глубокий вдох.

— Да кто ты такой? — спросила я также высокомерно, как и он.

— Меня зовут Энакин Арпади! — сказал он гордо, нетерпеливо взирая на меня, как будто думал, что я должна сейчас благоговейно упасть на колени.

— Энакин? — спросила я с усмешкой. — Видимо твои родители убеждённые поклонники Звёздных войн?

Он снова улыбнулся этой снисходительной улыбкой, а я прикусила язык, когда поняла, что только что подтвердила его предубеждение.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — сказал он спокойно. — Имя Энакин означает на санскрите воин и именно им я и являюсь. Я получил всестороннюю подготовку, не только в истории, но также в использование приёмов защиты и нападения. У меня самые лучшие оценки по большинству предметов, моё мастерство, как наездника дракона, легендарно.

С виду, Адам казалось позволил интонации голоса Энакина Арпади, с которой тот рассказывал о своих блестящих достижениях, произвести на себя впечатление.

— Да, это действительно было удивительно, как ты сегодня уложил адмирала на лопатки. Хорошая тренировка, действительно сногшибательный успех.

Распахнув широко глаза, я смотрела, как Адам, казалось, попался на удочку этого скользкого хвастуна, но внезапно я поняла его изысканную игру. Даже если он смог обмануть других, меня он не мог одурачить. Его восторг Энакином был не настоящим, а великолепно разыгранным. Я на мгновение задумалась, но потом решила, что у Адама, скорее всего, есть свои причины для такого поведения и не колеблясь стала делать тоже самое.

— С нетерпением жду, когда увижу тебя на драконе, — сказала я улыбаясь. Казалось, Энакина не удивило моё дружелюбие. Может он думал, что наконец образумил меня, перечислив свои достижения.

— Ты увидишь, меня уже приняли в гоночную команду драконов. Завтра начнётся тренировка. Не могу дождаться, когда покажу тебе, что я умею.

— Почему именно мне? — удивлённо спросила я.

Почему этот сноб сосредоточился именно на мне? Моё озадаченное лицо казалось развеселило его.

Он усмехнулся.

— Это действительно невероятно. Я стою тут перед последним потомком королевской семьи фон Норденах, а она представления не имеет о своей почётной семейной истории. Хотя тебя, из-за твоей матери, понизили до плебея, но я не ожидал, что ты так быстро свыкнешься с жизнью простого народа, который не гордится своими корнями, своей историей, живёт тривиальной жизнью, полной простых развлечений. Ну да ладно, так как ты видимо ещё не интересовалась ни историей нашей страны, ни своей собственной семейной историей, я тебе немного помогу.

Он великодушно мне улыбнулся.

Я сглотнула, ахнула и ещё раз сглотнула от удивления. Он знал меня, как казалось, даже очень хорошо, а я не имела ни малейшего представления, кто передо мной. Арпади?

Это имя мне ничего не говорило, что, видимо, было роковой ошибкой.

Энакин Арпади явно наслаждался тем, что я потеряла дар речи, и теперь повернулся к

остальным, сидящим за столом, и принялся рассказывать им.

— Почти две тысячи лет пять королевских семей определяли судьбу этой страны. Это потомки пяти королей, которые объединились в нулевом году нашей эры, чтобы покончить с враждой магов между собой. Это были сильные и могущественные женщины, которые действовали мудро, чтобы создать мирную страну, в которой могли бы процветать наука, искусство и культура и позволила бы магам жить друг с другом в гармонии. Это были Патриция Торрел, Эдита Бальгазар, Конкордия Арпади, Марселла фон Некельсхайм и Мартье фон Норденах, заключившие союз для создания этого государства. Они договорились всегда передавать руководство страной одному из своих. После смерти королевы власть должна переходить к следующей семье. Не считая некоторых исключений, этот порядок хорошо работал, и страной, в установленной последовательности, постоянно управляла одна из королевских семей. Почти две тысячи лет эта система работала, пока её наконец не сменила демократия.

Он вызывающе на меня посмотрел, и я окончательно не смогла сдержаться. Я видела, что Адам нахмурился, когда заметил моё воинственное выражение лица. Но больше не смогла себя остановить.

— Понимаю! — медленно сказала я. — Значит ты потомок королевы. Но так как в нашей стране демократия, ты не принц, а твоя значимость в этом сообществе в любом случае низкая. Единственный шанс придать твоей бессмысленной жизни немного значения ты, видимо, видишь в том, чтобы жить в прошлом и мечтать о померкнувшей славе своих предков, а также прятаться за иллюзией, представляя себя воином, потому что никто не ведёт сейчас никаких войн. Я дам тебе хороший совет, у тебя будет шанс снова стать важной шишкой, если ты баллотируешься на выборы примуса. Но, к сожалению, никто не выберет такого высокомерного сноба, как ты. Ах да, и большое спасибо, Ваше Величество, за бесплатный урок по истории.

Сказав это, я встала, развернулась и ушла, прежде чем Энакин, челюсть которого отвисла из-за моего бесстыдного ответа, смог сказать хоть слово.

— Это действительно было так необходимо? — спросил раздражённо Адам, когда поздним вечером вошёл в мою комнату.

— Я сожалею, — ответила я угрюмо. Между тем я проверила историю Объединённого Магического Союза в МУП, и каждое чёртово слово, которое сказал Энакин, было правдой.

Арпади исчезли несколько лет назад и больше не появлялись. Возможно они действительно устроились где-то в Южной Африке со всем своим семейным кланом. Монархия была прекращена, для королевской семьи больше не обязательно находится в Объединённом Магическом Союзе. Но не это сбивало меня с толку. Что-то в нём казалось мне странным.

— Откуда ты его знаешь? — спросила я.

— Он появился на встрече Чёрной гвардии, а это значит, что его пригласили с самого верху.

Адам подошёл ко мне и сел рядом на кровать.

— Мне тоже не особо нравится его высокомерная манера поведения, но пока я не могу определить, является ли он шпионом из палаты сенаторов или почему действительно оказался здесь, я считаю более разумным, иметь с ним дружеские отношения. Так мы скорее выясним, что с ним на самом деле такое.

— Ты думаешь, Оливер Анген подослал его к вам?

Самообладание Адама пристыдило меня. Я снова не слишком хорошо держала себя в руках. Хотя у меня было такое чувство, что я выпытаю из Энакина больше честных ответов, если буду время от времени провоцировать его.

— Да, вероятно, о сенаторе Бальгазаре, кстати, мы больше не обронили ни слова, а когда я спросил, адмирал дал мне чётко понять, что мне никогда больше не стоит упоминать эту тему. Просто невероятно, что это дело замалчивают.

Адам серьёзно на меня посмотрел, и взглянув в его захватывающие глаза, мне внезапно стало грустно.

- Сельма, я знаю, что он тебе злит, но его социальное положение делает его опасным. Тебе нужно научиться сдерживать свои порывы.

— Я знаю, это было не очень умно с моей стороны. Больше такого не повторится, — пообещала я. — Я буду с ним милой, но всё же я не доверяю ему. Что-то с Энакином не так.

Адам нахмурился.

— Дай мне немного времени, я поспрашиваю и попытаюсь что-нибудь разузнать о нём. В остальном он ведь довольно забавный. Хорошо, слишком горд своим происхождением, что не слишком нормально, ну да ладно, есть черты характера и похуже.

— Согласна, я буду держать себя в руках, — ответила я задумчиво.

У меня по-прежнему было нехорошее предчувствие, когда я думала об Энакине. Странное, неприятное ощущение, которое я просто не могла объяснить.

— Но он не должен узнать о нас с тобой, — сказала я настойчиво.

— Кто знает, что он сделает с этой информацией.

— Ты слишком осторожна.

Адам вздохнул и нежно поцеловал меня в щёку.

— Но нам не стоит также перегибать палку. Не все незнакомцы, появляющиеся в нашей жизни, планируют убийство. Может он хочет просто подружиться, и это его странный способ установить контакт.

Я долго смотрела на Адама, разглядывала его нос и элегантный изгиб скул.

Действительно ли я преувеличиваю, когда вижу в любой тени врага? Возможно! Но я никак не могла избавиться от нехорошего предчувствия.

— До сих пор это ты был скорее слишком осторожным, — вставила я.

— Это верно, — сказал он медленно и растягивая слова. — Но я уже какое-то время размышляю, не слишком ли мрачно смотрел в будущее. Возможно это сообщество всё же готово к большим изменениям.

— Скорее всего так быстро не получится, — сказала я, снова вспомнив, как долго Адаму требуется времени, чтобы вынести решение. Но когда решения приняты, он стоит за ними, чтобы не случилось. И сейчас он, казалось, снова вёл внутреннюю борьбу.

— О чём ты думаешь? — осторожно спросила я.

— Не о чём особенном, — быстро сказал он, и я поняла, что он ещё не готов поговорить со мной о своих мыслях. — Расслабься, — сказал Адам глубоким голосом, и я позволили ему успокоить себя.

— Ты знал, что я родом из королевской семьи? — спросила я тихо, спустя какое-то время, когда только молчала и прислушивалась к биению сердца Адама. — По-крайней мере наполовину, потому что эта королевская кровь в моих жилах уже больше не настолько чиста.

— Да, конечно я знал это, — сказал он нерешительно. — В моих и твоих жилах течёт печально известная, королевская кровь. Даже сейчас, более чем пятьдесят лет спустя после

отмены монархии, кажется для некоторых, это играет важную роль.

Он обхватил моё лицо руками и серьёзно посмотрел мне в глаза, как будто хотел дать обещание.

— Для меня, однако, это совсем не имеет значения. Я люблю тебя, какая бы кровь не текла в твоих жилах.

Его нежные слова, странным образом, всё же навеяли на меня печаль.

— Плохо, что для многих — это всё ещё так важно.

— Что ещё беспокоит тебя? — спросил Адам, намотав себе на указательный палец прядь моих волос.

— По правде говоря, я чувствую себя после лекции Энакина довольно глупой.

Я вздохнула.

— Ах вот оно что.

Адам тихо рассмеялся.

— Ты ещё недолго в магическом мире. Тебе не стоит забывать, что меня посветили во все детали довольно рано, Энакина видимо тоже. Ты не можешь наверстать эти знания в течение одного года. Зато ты узнала о других вещах, о которых большинство магов не будут иметь представления всю свою жизнь.

— Да, — согласилась я. — Ты прав.

— Конечно, я прав, и всё же поведение Энакина злит тебя. Почему?

— Просто у меня странное чувство, которое я испытываю из-за него. Ничего больше, но я постараюсь поладить с Энакином, — пообещала я.

— Ты справишься, — ответил Адам, и я кивнула, хотя не знала, смогу ли действительно сдержать это обещание.

Потайная дверь

На следующее утро я выбралась из жилой башни ещё до того, как все встали. Я скучала по Ариэлю и другим драконам, по Грегору Кёниг и идиллии Акканки.

Всё лето мне пришлось обходиться без них, и мои мысли часто обращались к подземному миру. Кроме того, мне нужно было время, чтобы подумать. Я должна понять, как справиться с Энакином Арпади. С одной стороны, я хотела выведать у него информацию, а с другой он не должен узнать слишком много о моей собственной истории.

Независимо от того, что я предприму, это будет так, будто ходишь по лезвию ножа, и потребует все моего внимания, чтобы не сказать снова что-нибудь нечаянно, что лучше оставить при себе.

Я прошла по пустому холлу и вышла в тёмный двор замка. Ещё никого не было видно, и я могла незаметно немного сократить дорогу. Я расправила крылья и влетела в туннель, который вёл меня глубже и глубже под землю, мимо выхода, через который можно попасть в Шёнефельде, и дальше вниз, пока я наконец не достигла дна.

Я открыла первые, а потом вторые ворота с помощью сложного словесного заклинания, которое между тем слетало с моих губ само по себе, так часто, как я уже входила и выходила из Акканки.

Потом я вышла на небольшое плато как раз в тот момент, когда в Акканке взойшло искусственное солнце. Это было захватывающее зрелище, когда из густой листвы леса поднялась стая хамелеонерей и полетела через подземный рай, делая большие круги. Температура была здесь неизменной, приятные 28 градусов, а воздух тропически-влажным. Я сразу снова почувствовала себя хорошо, втянула тёплый воздух, который был сладковатым и тяжёлым от аромата множества цветов, лежащего передо мной леса.

Я снова расправила крылья и с ухмылкой на губах спрыгнула с плато. Тёплый воздух хлестал мне навстречу, когда я на большой скорости пролетела огромные круги и из чистого ухарства вставила мёртвую петлю, прежде чем элегантно приземлиться перед пещерами драконов.

— Если ты будешь также ездить на драконе, как летаешь, то мы выиграем следующие соревнования.

Грегор Кёниг стоял в тени пещер, скрестив на груди руки, и улыбался.

— Рад, что ты снова здесь.

Он подошёл ко мне и крепко пожал руку. В этот момент у меня появилось неприятное чувство в животе, когда я подумала о неприятностях, что были у Грегора Кёниг из-за меня.

— Вы сомневались в том, что я вернусь? — спросила я с осторожной улыбкой.

— После волнений прошлым летом у меня были опасения, но я никогда не сомневался. Я и так уже удивлялся, как ты смогла так долго выдержать без драконов.

— Было сложно, охотно в этом признаюсь.

Я часто думала об Ариэле.

— Ты всё больше становишься похожа на Катерину, — внезапно сказал он, внимательно меня разглядывая.

— Эти рыжие волосы и зелёные глаза и конечно же нельзя забывать твой стиль полёта. Не дурно, откуда такой огромный прогресс? В прошлом июле ты была ещё довольно слаба в области груди.

Грегор Кёниг смотрел на меня своими ярко-голубыми глазами.

В отличие от меня, он почти не изменился. Как всегда, загорелый, высокий и широкоплечий. Только его светлые волосы, которые он собрал на затылке в хвост, стали немного длиннее.

— Я провела каникулы в отдалённом районе, там я могла летать.

Две недели, когда весь день находишься в воздухе, да ещё при температуре почти минус сорок градусов, действительно ощущались.

— Ты случайно не навещала свою бабушку? — спросил он с надеждой в голосе. — Трудно обходится без целительницы. Я надеюсь, что в этом году не будет новых травм.

— Нет, у бабушки я не была, — смущённо призналась я.

Это было только её решение удалиться от своей жизни в Шёнефельде, но я знала, что могла бы его предотвратить.

— Понятия не имею, кто сейчас занимается целительством.

— Если я правильно понял профессора Эспендорм, то сперва работу целителя возьмёт на себя этот новый профессор, пока мэр Шёнефельде не найдёт подходящую замену для твоей бабушки. Но я бы предпочёл, чтобы Жоржетта наконец вернулась. Не думаю, что новенький так же хорош, как она.

Грего Кёниг вздохнул.

— Профессор Пошер?

Если он был таким же деятельным целителем, как проводил лекции, тогда Шёнефельде получит достойную замену моей бабушки.

— Пошер! Да именно так его и звали. Кстати очень интересный малый. Вчера в Сумеречном баре профессора, как и каждый год, надлежащим образом праздновали начало семестра, но новенький не притронулся ни к одной рюмки водки из колючей актиноствелы. Представь себе! Кажется, он человек с принципами, поэтому я его уважаю, но что касается лечения, сначала ему ещё нужно убедить меня.

Грегор Кёниг решительно кивнул.

— Собственно вам будет снова нужен кто-нибудь для драконов?

Я бросила взгляд в тёмные пещеры, из которых уже слышала нетерпеливое фырканье голодных драконов.

— Да, будет нужен, но тебя я не возьму.

— Почему?

Я была в ужасе.

— Не смотри так! — Грегор Кёниг расхохотался глубоким смехом. — У тебя не будет времени. По опыту знаю, что профессора так завалят вас работой, что ты будешь с трудом находить время приходить регулярно на тренировку. Кстати, с тренировкой начнём уже сегодня и потом три раза в неделю, всегда во вторник, среду и четверг. Всё ясно?

— Я в игре, и в этом году, надеюсь, соревнования состояться.

— Обязательно состояться, катастроф с меня пока что достаточно. Впрочем, как балов и частных драконьих соревнований. Вот это было лето, просто не могу выразить словами. Я постоянно был в пути с Ариэлем и Пико, чтобы устраивать развлекательную программу для высшего общества. Просто ужасно, и всегда приходилось носить костюмы. Если мне в этом месяце снова придётся надеть галстук, я в нём задохнусь. Как же я рад, что семестр снова начался.

Он похлопал себя по кожаным штанам и жилетке. Мне тяжело было представить

Грегора Кёниг в костюме. Этот мужчина был просто создан для своего кожаного облачения.

— Мне бы хотелось увидеть вас в костюме, — рассмеялась я и прошла к драконьим пещерам.

— Как чувствуют себя Ариэль и Пико и конечно другие?

— Ариэль и Пико всё ещё возбуждены, они вволю повеселились, и представь себе, Аврора три недели назад снесла яйцо.

— Правда? — Я заглянула в драконью пещеру. — Об этом ничего не было написано в "Хронике короны".

— Я бы поосторожился сообщать такие новости этим любопытным репортёрам. Этим летом они чуть не умерли со скуки. Если бы они узнали о яйце, то сразу бы приехали сюда и осадили Аврору, а она бы долго с этим не мирилась. В конце я оказался бы виноват, если бы один из них стал кормом для драконов. А как объяснить репортёру, что он действует на нервы, так, чтобы на следующий день это не появилось в газете? Я рад, что палата сенаторов теперь закончила свою летнюю паузу. На следующей неделе сюда заглянет один из "Мира драконов", и тогда я объявлю об этой новости. До тех пор Аврора останется в одной из пастбищных пещер с вингтойбелями.

— Звучит здорово, я рада, что с драконами всё хорошо. И я вам точно не нужна? Я как-нибудь смогу всё организовать.

— Оставь это, Сельма, ты можешь приходить во время каникул и конечно всегда, когда у тебя будет время и желание. Кроме того, мы каждую неделю будем видеться во время занятий. В конце концов я всё ещё преподаю магическую флору и фауну. Кроме того, Нёлль побил свой рекорд. На прошлой неделе у меня было десять первокурсников, которые работали здесь в наказание. Такими чистыми пещеры драконов не были уже много лет. Если Нёлль так продолжит, то мне больше не понадобится нанимать помощника.

— Вот как.

Звучало очень многообещающе. Я не могла дождаться, что пойду сегодня на занятия профессора Нёлля, когда он в таком грандиозном настроении. Однако казалось, что сейчас он занят тем, что мучает первокурсников, так что надеюсь, меня оставит наконец в покое.

— Итак, — Грегор Кёниг кивнул. — Теперь мне нужно заглянуть к Авроре.

— Да, конечно. Увидимся сегодня после обеда во время тренировки.

В то время как Грегор Кёниг направился к Авроре, я зашла в драконью пещеру.

Я сразу же узнала Ариэля. Он был самым большим драконом из тех, что здесь жили, а также самым шаловливым.

Когда он меня узнал, он прекратил валяться в угольной пыли и подошёл.

Его огромное тело было покрыто чёрным слоем, а когда он встряхнулся, я оказалась в облаке из мелкой, тёмной пыли.

— Я тоже рада тебя видеть, — сказала я, закашляв и погладила его морду, которую он с нетерпением протянул мне. — Ты позволишь в этом году ездить на тебе верхом или будешь снова сбрасывать?

Он с силой подтолкнул мою руку, что я приняла за обещание, что и в этом году он будет часто сбрасывать меня в воду.

Я быстро огляделась, чтобы убедиться в том, что поблизости действительно никого нет. Ариэль уже однажды совершенно неожиданно раскрыл мне тайну.

— Ты знаешь что-нибудь о граале патрициев? — спросила я тихо и прижалась головой к его морде.

— Ньё, — прорычал он, что на старом языке означает "нет". Это было бы слишком хорошо.

— Ты уже бывал раз в Антарктике?

Ариэль неистово замотал головой. Конечно же нет, ему нравится, когда тепло и влажно. Тропический климат в Акканке был специально разработан для драконов.

— А что с Арпади! Ты их знаешь?

Ариэль замер и пристально посмотрел на меня своими алмазными глазами. Это взгляд был мне знаком, Ариэль хотел что-то рассказать, и внезапно я увидела образ мужчины перед собой. Он был долговязым, с каштановыми волосами, высоким лбом, умными, карими глазами и круглыми очками на носу.

Каким-то образом он показался мне знакомым. Когда образ исчез мне стало ясно почему. Не считая очков и старомодной одежды, он был похож на Энакина, а это означает, что он в самом деле связан родственными узами с Арпади, которого Ариэль видел в далёком прошлом.

— Спасибо! — сказала я и погладила Ариэля по морде. — Увидимся сегодня после обеда во время тренировки.

Размышляя, я возвращалась через Акканку пешком. Я спустилась в маленький городок и пересекла рыночную площадь, на которой в первый раз встретила Ариэля.

Пока я шла через лес к выходу, я как всегда старательно следила за тем, чтобы не сходить с дороги. В этих лесах жили некоторые опасные существа, с которыми мне не хотелось встречаться. Не сейчас, когда я напряжённо размышляла над тем, что услышала.

Кажется, Арпади, после долгого отсутствия, действительно снова появились в Объединённом Магическом Союзе. И казалось, в этом нет ничего примечательного. Энакин был студентом, который стажировался в течение одного семестра в Тенненбоде. Это было обычное дело, встречающееся на каждом углу. В прошлом году в Тенненбоде тоже были студенты по обмену из других регионов мира. Похоже поблизости у нас просто появилось на одного капризного аристократа больше, которого нам придётся выносить. Скорее всего будет лучше, если я вообще перестану думать об Энакине. Существует так много других вещей, которыми нужно заняться; например, поиском грааля патрициев или захватывающим вопросом, кто послал мне корень Уоло.

Грегор Кёниг ничего о нём не знал, в противном случае всё сейчас рассказал бы. Значит он уже отпадает в качестве таинственного спасителя. Может Парэлсус имеет с этим какое-то дело?

Я бросила взгляд на мои наручные часы. Уже половина седьмого и на самом деле я должна быть сейчас на утренней пробежке, но вместо этого решила ещё раз заглянуть к нему в медиатеку. Как раз заодно смогу спросить, выяснил ли он что-нибудь о граале патрициев. Вероятно, он снова работает без паузы над какой-нибудь идеей. Похоже укрылся в медиатеке и не покидал её даже во время приёмов пищи.

Немного не долетев до выхода из туннеля, я приземлилась на платформе и спрятала крылья. Не хотелось бы сейчас наткнуться на профессора Эспендорм. Если она заметит, что я прогуливаю утреннюю пробежку, то может сильно рассердиться. Я заглянула во двор замка, но не считая нескольких отдельных бегунов, которые ещё не успели выбежать за территорию замка, казалось всё было тихо. Я бегом пересекла двор и открыла входные ворота.

— Сельма фон Норденах!

Энакин Арпади внезапно появился передо мной, как будто уже ждал под дверью.

— Как хорошо, что мы встретились. Давай побежим вместе. Я немного припозднился и ты тоже, как мне кажется.

Он взял меня за руку и потащил обратно во двор замка.

Чтобы оставаться вежливой, как я пообещала Адаму, мне ничего другого не оставалось, как побежать рядом с Энакином. Я твёрдо намеревалась выполнить то, что задумала, а именно быть милой.

— Обычно я не люблю опаздывать, но эта мадам Виллури только что перехватила меня в коридоре и попыталась объяснить правила внутреннего распорядка. Как будто я не знаю, что такое дисциплина. Моя семья уже пару тысячелетий вхожа в этот университет, ещё задолго до того, как вообще родилась эта дама. Может мне стоит ознакомить её по новой с историей моей семьи.

Он выжидающе посмотрел на меня, как будто действительно ожидал серьёзного ответа на этот абсурдный ход мыслей. Может у него просто была навязчивая идея, рассказывать каждому часть истории, кто казался неосведомлённым.

— Почему бы нет? — ответила я улыбувшись. Уж мадам Виллури задаст ему встряску.

— Мне тоже можешь рассказать немного о своей семейной истории, я с удовольствием послушаю. Меня очень интересует, куда Арпади внезапно исчезли в шестидесятых?

Мои визит к Парэлусу, волей-неволей, придётся передвинуть, но может мне удастся воспользоваться этим разговором и выяснить некоторые вещи об Энакине. Мне станет спокойнее, если я узнаю, что он всего лишь безобидный чужак.

— Я впечатлен, ты сделала своё домашнее задание.

Энакин доброжелательно кивнул.

— Хорошо, что мы встретились, потому что я, собственно, ещё раз хотел поговорить с тобой о вчерашнем вечере.

— Я тоже, — ответила я, в то время, как мы не спеша выбежали за территорию замка. Всё шло лучше, чем я думала, даже Энакин понял, что вёл себя вчера дурно. Может всё же будет проще поладить с ним. Полная положительных мыслей, мне было не сложно сделать первый шаг:

— Я была вчера слишком несдержанной по отношению к тебе и хочу за это извиниться.

Я в ожидание посмотрела на него.

— Хорошо, что ты это осознаёшь, — ответил Энакин великодушно. Я от удивления распахнула глаза. — Тогда не потребуется никаких замечаний на тему самоконтроль с моей стороны.

Невольно я ускорила темп, в то время как Энакин продолжал убеждать меня.

— Знаешь, тебе нужно научиться контролировать свой темперамент. Я думал, что возможно смогу немного в этом помочь, но если ты сама уже чувствуешь, что правильно, а что нет, тогда ты на правильном пути.

Между тем я уже догнала первых бегунов, но казалось Энакину быстрая скорость не мешает продолжать свою лекцию. Невольно я отметила, что не увеличилась даже частота его дыхания.

— Меня удивляет, что этими вещами так сильно пренебрегли во время твоего воспитания, но должно быть это как-то связано с твоим социальным статусом.

Он услужливо посмотрел на меня.

Наконец ноги достаточно горели, и я слышала, как в ушах застучала кровь.

"Соберись!" — призвала я себя и сжала губы. Напряжение помогло, и действительно я

постепенно успокоилась.

— Спасибо... что... ты... так... волнуешься... за... меня, — пропыхтела я.

— Не за что, — ответил он явно довольный моим вежливым ответом. — Я рад, что ты более сговорчива, чем вчера. Даже если ты не можешь себе этого представить, но я действительно рад, что мы встретились. Осталось не так много человек, у кого в жилах течёт королевская кровь, и это чистое расточительство, что здесь с тобой так обращаются. Я действительно хочу тебе помочь.

С каждым словом Энакина я уменьшала скорость. В конце концов, я снова бежала так, что могла говорить. Но я не стала, потому что его слова совершенно сбили меня с толку. Я привыкла к высокомерию, присущую патрициям, но, очевидно, Энакин испытывал сочувствие ко мне и моей ситуации.

— Интересно, что ты видишь это так, — в конце концов ответила я.

— Правда? — он смотрел на меня с удивлением. — Меня вообще удивляет, что ты до сих пор не приложила никаких усилий, чтобы изменить свой социальный статус.

— Изменить?

— Да, твоя семья ведь достаточно состоятельна, а у твоей бабушки, безусловно, есть достаточное влияние. Заплатить там, где нужно, и ты, наверняка, смогла бы таким образом чего-то добиться. Если бы Жоржетта фон Норденах доверительно предоставила свои способности палате сенаторов, то наверняка смогла бы что-нибудь для тебя выиграть. Даже сейчас ещё не все шансы потеряны.

Я молча слушала предложение Энакина, в то время, как кровь всё громче пульсировала в ушах. Но в этот раз вовсе не от напряжённого бега.

— Моя бабушка ушла из политики, — сдавленно ответила я и побежала быстрее. Я пообещала Адаму больше не оскорблять Энакина и быть с ним более вежливой. В своём странном мировоззрении он, безусловно, аргументировал логично, но одна только мысль о том, чтобы давать взятки и перед кем-то выслуживаться, вызывала во мне отвратительную тошноту.

Ведь как раз политика палаты сенаторов привела к тому, что моя мать попала в это бедственное положение. Если бы они просто приняли её отношения, то дело бы никогда не дошло до того, что ей угрожала ссылка в Хаэбрам. Никогда в жизни я не буду выслуживаться перед этой системой.

Но как бы сильно эти слова не жгли язык, и как бы сильно не хотелось швырнуть их Энакину в рожу, я всё же с трудом взяла себя в руки и просто промолчала.

Наконец в поле зрения появились Лиана и Лоренц.

— До... скорого! — пропыхтела я, прервав разговор на этом месте, прежде чем скажу что-нибудь необдуманное.

Разогнавшись, я оставила Энакина позади, втиснувшись между Лоренцом и Лианой. Я понятия не имела, что будет так сложно с ним ладить.

— Доброе утро.

Лоренц улыбнулся мне сияющей улыбкой, но мне потребовался ещё один момент. Сначала, чтобы отдышаться, а потом, чтобы перевернуть разговор с Энакином. Я ещё никогда не встречала такого типа. Он даже затмевал Скару Энде.

— Всё в порядке? — спросил он. — Ты выглядишь так, словно снова проглотила лжеколокольчик, и были разблокированы новые воспоминания. — Лоренц, как обычно, элегантно пританцовывал рядом со мной, а его серебряные кроссовки блестели на утреннем

свете.

— Нет, всё не так, — сказала я, когда наконец отдышалась. — Лжеколокольчики лежат аккуратно сложенные наверху, в прикроватной тумбочке моей комнаты. Я только что разговаривала с Энакином Арпади. Он предложил мне подкупить палату сенаторов, чтобы я снова стала патрицием. Его аристократическое высокомерие и отсутствие чувства такта сводят меня с ума.

— Это понятно, но он ведь патриций телом и душой, однако совсем отстал от мира. Он понятия не имеет, что такое Звёздные войны, не говоря уже о кино. Он ещё никогда ничего не слышал о Константине Кронворте, не говоря уже о десяти торговых марках, которые я ему перечислил.

— Это странно, — задумчиво сказала я.

— Именно, кто скажи мне на милость, ещё ни разу не слышал о Гизелле Верпочи?

— Кто такая Гизелла Верпочи?

— Только не говори, что ты тоже её не знаешь! — простонал Лоренц в отчаяние. — Здесь что, нет никого, кто хотя бы заглядывает в газету?

— Гизелла Верпочи самая знаменитая марка для бальных платьев, — объяснила мне Лиана с другой стороны.

— Спасибо! — Лоренц с облегчением выдохнул. — По крайней мере один человек слушает меня.

— Мой мозг упорно отказывался сохранять эту информацию. Но после того как ты уже в первый день повторил её примерно десять раз, она, всё же, каким-то образом там застряла. Не можешь наконец вытащить Ширли из её депрессивного состояния? Ей гораздо больше нравилось говорить с тобой о моде.

— Подождите, — сказала я, взяв Лоренца и Лиану под руки. — Я не имею в виду, что это странно, что он не знает какую-то там Гизеллу.

— Гизелла Верпочи, — терпеливо поправил меня Лоренц.

— Да-да, разве не странно, что он даже не знает, что такое кино, и если честно, кто ещё никогда в жизни не слышал ничего о Звёздных войнах?

— Может его родители имеют что-то против средств массовой информации и всю его жизнь запрещали ходить в кино или включить телевизор, — предложил Лоренц.

— Возможно, — задумчиво сказала я, разглядывая Энакина Арпади, который быстрым бегом промчался мимо нас. — Но какой мятежный подросток не сделает сначала то, что запретили ему родители?

— Тоже верно, — сказала Лиана.

— Именно, — сказала я. — Он кажется мне совершенно отставшим от мира.

Лоренц задумчиво кивнул.

— Если смотреть на это в таком свете, то это конечно объясняет, почему он не имеет представления о важных вещах в жизни.

— И что за вещи? — спросила Лиана и посмотрела на Лоренца так же нетерпеливо, как и я.

Лоренц стал внезапно серьёзным. В его глазах больше нельзя было ничего прочесть о шуточках и анекдотах о моде и манерах.

— Однажды кто-то написал, что любовь исцеляет сердце. Но что стоит любовь, если ты не свободен любить?

Слова Лоренца глубоко меня тронули и были такими неожиданными, что я

действительно остановилась.

— Ты прав, — медленно сказала я.

— Не я, — быстро сказал он. — Это не мои слова, а Вэндолина Габриэль, — сказал Лоренц.

— Новая звезда на литературном небе? — улыбнувшись, спросила я.

— Понятия не имею, я купил книгу по дороге сюда в книжном магазине Шёнефельде, потому что новую публикацию Константина Кронворт пока что перенесли на неопределённое время.

Я одно мгновение подумала о книжном магазине господина Лилиенштайн внизу в городе. Мама купила мою старую детскую книжку там. Эта мысль снова отдалась болью в груди. Рана никогда не закроется, если я наконец сама не покончу с этой темой.

Я пообещала Адаму не возвращаться к этой истории, и мне нужно наконец выполнить обещание.

— С каких пор господин Лилиенштайн продаёт магическую литературу? — задумчиво спросила я.

— Понятия не имею, я спросил его о новой книге Константина Кронворта, и тогда он, больше не задав не одного вопроса, провёл меня на верхний этаж, где у него находится уголок с магической литературой. И я тебе так скажу, у него там действительно стоит парочка изысканных литературных лакомых кусочков. Он понимает своё дело.

— Странно, когда я спросила его летом об укрепляющем средстве, он сделал вид, что не знает, о чём я говорю, и сказал, что моя бабушка знает о таких вещах намного лучше, чем он. Я действительно подумала, что он не маг.

— Странно, — согласился со мной Лоренц.

— Нам пора завтракать, — ответила я и пошла дальше. Воспоминания о слабости, одолевавшей меня летом, воскресили также воспоминания о бесплодной поездке в Антарктику. Даже если Торин попытался объяснить, что путешествие было не напрасным, всё же я чувствовала, как меня грызёт разочарование. Я так много ожидала от этого путешествия, и предприняла его также ради родителей и бабушки. Глубоко внутри я думала, что смогу снова помириться с ней, когда наконец выясню правду.

Солнце медленно поднималось, и небо окрасилось в кроваво-красный. Не знаю точно, откуда вдруг появилось такое настроение, в то время, как я разглядывала роскошную игру красок надо мной, но в этот момент мне вдруг стало ясно, что я, скорее всего, слишком сильно увлеклась. У меня никак не выходила из головы Антарктика, и пока что толку от этого было мало.

— Что случилось?

Внезапно Лиана оказалась рядом.

— Я просто как раз думала об Антарктике и моих родителях, — вздохнула я, разглядывая первокурсников. Они останавливались на другой стороне двора, уставшие после пробежки. — Не так просто забыть об этом.

— Я знаю, — сострадательно сказала Лиана. — Но ты должна покончить с этим делом и смотреть вперёд. Это не значит, что ты оставила на произвол судьбы своих родителей, но сейчас тебе нужно сосредоточиться на других вещах.

— Точно, — подтвердил Лоренц. — В данный момент важнее думать о будущем. Мы еще ничего не предприняли, чтобы найти этот грааль.

— У нас до сих пор не было времени, — сказала Лиана, после чего начала вместе с

Лоренцом раздумывать над тем, как в таком плотном графике найти хотя бы час, чтобы нам всем вместе сесть и начать строить планы.

Я, ухмыляясь, слушала их, в глубине души понимая, что они правы. Мы должны разрушить атрибуты власти, от этого зависит наше будущее, а один из них я уже превратила в пепел. Мы хорошо продвинулись вперед, нужно придерживаться этого и в будущем. Цепляться за то, что было в прошлом, все равно ничего нам не дало.

Я решительным шагом зашла в вестибюль и уже хотела подняться вверх по лестнице, как вдруг в конце коридора мелькнула седая голова Парэльсуса, направлявшегося в аудиторию. У меня появилась возможность узнать что-нибудь о развитии последних событий в палате сенаторов, да и об оставшихся атрибутах власти Парэльсус наверняка тоже что-то знал.

— Я приду позже, — обратилась я к Лиане и Лоренцу, и уже хотела последовать за Парэльсусом, как Лоренц схватил меня за рукав.

— Ничего подобного, если так, то мы пойдем вместе.

Лоренц проследил за моим взглядом и вероятно понял, что я намереваюсь сделать.

— Точно, — решительно сказала Лиана, в то время как остальные студенты взбегали мимо нас по лестнице.

— Я не против, — сказала я и побежала вслед за Парэльсусом, исчезнувшем в одной из аудиторий.

— Что ему понадобилось в аудитории?

Мне показалось странным, что он бродит здесь.

— Без понятия, но мы это выясним. Из меня получится великолепный Шерлок Холмс. Вчера вечером я перерыл МУП в поисках какого-нибудь указания на грааль патрициев, но к сожалению, ничего не нашёл.

— Я знаю, — ответила я.

МУП я обыскивала уже в июле, и между тем, казалось, не было добавлено никакой новой информации.

— Меня бы удивило, если бы ты нашёл записи об атрибутах власти в общедоступных средствах массовой информации. Поэтому-то я и хотела ещё раз поговорить с Парэльсусом. Если кто и может получить конфиденциальную информацию, то это он.

Между тем мы дошли до первого лекционного зала, и я приложила ухо к двери. Ничего, только абсолютная тишина.

— Я проверю здесь, — сказала я, — а вы в других комнатах.

Лиана и Лоренц кивнули и прошли немного дальше вдоль коридора к следующим аудиториям.

Комната была пыльной, а в углах с прошлого года собралось ещё больше паутины. Я скользнула взглядом по множеству рядов стульев и только в последний момент заметила бледное сияние за старым, резервуаром для воды. Я быстро спустилась по ступенькам вниз, мимо кафедры, а потом прошла между огромными резервуарами, в которых когда-то, десятилетия назад, проводились демонстрации для урока теории воды.

Но за резервуарами была только пустая, серая стена и больше ничего. Может я ошиблась? Но я явно видела сияние, и так как в этот момент не звучало никакой музыки, которая могла затуманить мой разум, то это означало, что сияние точно там было.

Я задумчиво прогуливалась по рядам, ожидая, что сияние вернётся. Имена исчезнувших девушек были выжжены на сиденьях стульев. Каждое имя было написано для одной из

девушек, похищенной Морлемами.

Я ощутила горечь, когда напомнила себе, что сделал Бальтазар. Но к сожалению, я не имела ни малейшего понятия, что случилось с этими девушками. Бальтазар приказывал Морлемам похитить их, чтобы проверить, какая из девушек могла бы стать его магической партнёршей. Я задумчиво провела пальцем по спинке стула и собрала пыль в кучку. А что он сделал с ними потом?

Как раз, когда я безуспешно пыталась поставить себя на место Бальтазара и рассуждать так же безумно, как он, чтобы понять, что он мог сделать с девушками, которые были ему больше не нужны, сияние снова вспыхнуло. Я как можно быстрее подбежала к резервуарам и оказалась там как раз в тот момент, когда Парэлсус вышел мне навстречу. У него на губах играла лёгкая и непринуждённая улыбка, что совсем не подходило к его, как правило, угрюмому настроению.

— Доброе утро, — сказала я, с любопытством его разглядывая.

— Сельма! — Парэлсус испуганно выкрикнул моё имя. — Ради Бога, что ты здесь потеряла?

Он прижал руку к груди, глядя на меня широко распахнутыми глазами через толстые стёкла очков, у меня было такое ощущение, будто на меня уставилась сова.

— Вы нашли нелегальную дверь? — сказала я, смотря поверх его плеча. Видимо дверь на чердаке, что вела на Виллу дель Мар, действительно была не единственной в замке, незарегистрированной палатой сенаторов. Но стена выглядела такой же пустой, как и раньше. Нельзя было даже предположить, что здесь есть дверь.

— Чего ты хочешь? — спросил он нетерпеливо, не обращая внимания на мой вопрос. Сразу же стало ясно, что между нами всё ещё царит напряжение. В прошлом семестре я шантажировала Парэлсуса, чтобы выведать у него информацию, которую он не хотел давать мне добровольно. Хотя я в свою очередь рассказала ему обо всём, что открыла мне хроника Акаши, он, видимо, всё ещё злился на меня.

— Я хотела поговорить с вами, может быть вам будет интересно узнать, что я на каникулах была в Антарктике.

Собственно, он хотел промчаться мимо, но услышав слово Антарктика остановился и посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

— Я же уже неоднократно извинялась, — сказала я, когда увидела его напряжённое выражение лица. — У нас же одинаковая цель, — напомнила я ему. — Я ищу грааль патрициев, чтобы наконец изменить курс власти в стране, и вы тоже.

— Шантаж — это не хорошая основа для такого деликатного дела, и прошу тебя, не разбрасывайся такой информацией, не то попадёшь в Хаэбрам быстрее, чем успеешь сказать судебный процесс. Ещё раз Жоржетта, скорее всего, не будет спасительницей в последнюю минуту.

— Я знаю, но Бальтазар исчез и не появлялся всё лето. Похоже, что я действительно так сильно его ранила, что он, надеюсь, между тем уже скончался. Вы знаете, что творится в палате сенаторов? Почему нет никакой информации об исчезновении Бальтазара?

— Ты что, не понимаешь?

Он насмешливо посмотрел на меня.

— Чего я не понимаю?

Видимо я была тугодумом.

— Бальтазар не хочет, чтобы кто-то узнал, что он ещё жив, прежде всего ты, —

пробормотал он.

Я удивлённо посмотрела на Парэлсуса. Каким-то образом его слова не помещались мне в голову.

— Если ты не убила его сразу, то он выжил. Это ведь логично, здесь даже нечего размышлять. — Парэлсус прошёл мимо меня. — Ты обрела чрезвычайно сильного врага. Что касается других вещей, чтобы ты наконец оставила меня в покое: об этом граале я действительно ещё ничего не слышал и между тем сильно сомневаюсь в сказке, которую рассказала тебе хроника Акаши. Кажется, что ни одно её слово не подтвердилось, а если бы ты нашла что-то интересное в Антарктике, то, скорее всего, тебя бы здесь не было, ты бы находилась ещё там. В будущем я больше не собираюсь заниматься этими теориями заговора, а сосредоточусь на МУП. Я достиг значительных успехов и скоро закончу. Может ещё один два года разработки и дело сделано. Наконец кто-то в меня верит, поддерживает и видит потенциал, который содержится в этой идеи.

— А кто вас поддерживает? — с интересом спросила я. Госпожа профессор Эспендорм была на стороне Парэлсуса, в противном случае не дала бы ему свободу разрабатывать МУП в Тенненбоде. Но её нельзя было назвать благосклонной поддержкой, скорее она с уважением его терпела, в надежде, что из его исследований получится когда-нибудь что-нибудь полезное.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, Парэлсус начал объяснять свои идеи, напыщенно жестикулируя.

— Разве это не ужасная расточительность, что все мысли, чувства и воспоминания мага будут потеряны, когда тот умрёт? Всё, что он понял и чему научился — исчезнет. Разве не лучше было бы сохранить все эти вещи, они могли бы продолжить жить в МУП, а другие извлечь из этого выгоду?

— Да, звучит здорово, — ответила я как можно спокойнее. — И кто ваш новый покровитель?

— Очень хорошо, тогда мы оба согласны с тем, что эти вещи намного важнее, чем поиск потерянных артефактов.

Он кивнул мне, не ответив на вопрос, и прошёл мимо быстрым шагом.

— А что за дверью-то? — крикнула я ему вслед.

— Ничего, — захихикал он и вышел из лекционного зала.

Я долго смотрела на стену. Парэлсус что-то замышлял и знал больше, чем говорил. Я понимала, что его отсутствие интереса к атрибутам власти было ложью. И почему он не захотел сказать мне, каких новых спонсоров нашёл для дальнейшего развития МУП?

Его ненависть к патрициям была настолько сильной, что он никогда не пропустит возможности навредить им. Только меня он, видимо, оценивал как непредсказуемый риск, поэтому больше не доверял.

Нужно найти способ как выяснить, что Парэлсус планирует и кто его новые спонсоры. Я задумчиво вышла из лекционного зала и встретила в коридоре Лиану и Лоренца.

— Я только что видел, как он уходит, когда выходил из зала, — сказал Лоренц.

— Я смогла поговорить с ним, — ответила я.

— И что? — с нетерпением спросил Лоренц, в то время, как Лиана вышла из другого лекционного зала в конце коридора. Вместе мы направились в жилую башню. Завтрак сейчас начнётся, первые студенты уже шли нам навстречу.

— Он что-то замышляет, но больше не доверяет мне, — сказала я.

— Неудивительно, — ответил Лоренц.

Я рассказала обоим о скрытой двери, а также о том, что Парэлсус наговорил мне.

— Я буду за ним следить, — решительно сказал Лоренц. — Так или иначе мы узнаем, что это за дверь. Может, найдём за ней бифштексную. Кафе-бар — это так захватывающе, но и бифштексная тоже была бы кстати, не находите? Лоренц ущипнул Лиану в бок. Только теперь я заметила бледность её кожи.

— Ты в порядке? — спросила я с беспокойством.

— Мне не хорошо, — пробормотала Лиана, больше из неё было не вытянуть.

Вместо того, чтобы собираться на завтрак, она снова легла, когда мы добрались до верха.

— Надеюсь, она не подхватила что-нибудь заразное, — пробормотал Лоренц и исчез в ванной.

В то время как он заблокировал душ, я прошла в мою комнату и начала складывать в сумку всё, что понадобится сегодня.

— Сельма.

Адам внезапно появился в моей комнате, и интонация голоса, с которой он произнёс моё имя, была такой многообещающей, что больше всего хотелось захлопнуть дверь и забаррикадироваться с ним на весь оставшейся день в комнате.

— Где ты был сегодня утром, мне не хватало тебя во время пробежки, — спросила я, послав в сторону двери сильный порыв ветра, так что та с грохотом захлопнулась. — Я приложила все усилия и была милой с Энакином, хотя мне пришлось очень постараться, чтобы сдержать себя. Ты бы мной гордился.

Потом я обняла его за шею. Он так хорошо пах, что я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— Не переусердствуй с дружелюбием, ты принадлежишь мне. Не стоит забывать об этом при всей любезности, а то Энакин сделает ещё не правильные выводы, — прорычал он и поцеловал меня.

Его поцелуй был захватывающим и настойчивым.

— Мне не хватало тебя, когда я проснулся. Где ты была?

Его губы прикоснулись к моим нежнее, и поцелуй стал интенсивнее. Моё дыхание участилось, и по всему телу начало распространяться тёплое покалывание, как будто я погрузилась в чистое счастье.

Но пришлось в конце концов отстраниться от Адама, чтобы ответить на его вопросы.

— Я навещала Грегора Кёниг, мне так хотелось увидеть драконов. Кроме того, я поймала Парэлсуса на том, как тот исчез в потайной двери, в одном из старых лекционных залов.

— Кто знает, что старый чудаков снов замышляет, — вздохнул Адам, полный нескрываемой антипатии.

Он никогда не утаивал, что не слишком хорошего мнения о Парэлсусе.

— Это чудо, что он заполучил одно из пользующихся большим спросом мест в исследовательской программе палаты сенаторов.

— Что? — испуганно спросила я.

— Ты помнишь летающие тележки?

— Конечно, — медленно сказала я, потому что не могла поверить в то, что Парэлсус в будущем отдаст свою горячо любимую идею, усовершенствованный МУП, на служение

палаты сенаторов.

Нельзя даже представить, что случится, если палата сенаторов получит доступ к разуму всех магов.

Представление было пугающим.

— Разве ты не беспокоишься?

— Из-за Парэлсуса? — он с сомнением посмотрел на меня. — Нет, конечно, нет. Есть много исследовательских проектов и испытательных проектов, которые поддерживает палата сенаторов, но только самые успешные разрабатываются дальше. Я не верю в то, что Парэлсус сможет пройти дальше статуса испытательного проекта.

— Но его связь с палатой сенаторов, в любом случае, делает его подозрительным. Я бы с удовольствием узнала, что он скрывает за этой дверью.

Я задумчиво нахмурилась.

— Скорее всего ничего слишком ценного для обычного мага.

Нежным движением Адам разгладил мне лоб.

— К сожалению, у меня не слишком хорошие новости, — сказал он тихо, как будто хотел что-то мягко сообщить. — Собственно я хотел сказать тебе об этом уже сегодня утром. Меня, Торуна, Леннокса и Рамона отправляют на повышение квалификации Чёрной гвардии, и мы уезжаем уже сегодня.

Мой желудок неприятно сжался. Я не хотела остаться одна.

— Ты снова покидаешь меня?

— Только на пару недель, — сказал Адам и нежно погладил меня по щеке. — Адмирал тоже поедет, и я хочу использовать возможность, чтобы ещё раз попытаться выведать у него, что там происходит с кадровым изменением в палате сенаторов. Ведь не может такого быть, что Бальтазар исчезает, и внезапно никто больше не хочет о нём вспоминать.

Я слышала возмущение в его голосе и огонь, который пылал в нём, потому что эту ложь всё ещё выдавали за правду.

— Кроме того речь пойдёт о некоторых тонкостях самообороны, я не могу пропустить их. Они наняли специалиста по теме вода.

— Научи меня всему, когда вернёшься! — сказала я. — Нужно ожидать, что Бальтазар появится вновь. Парэлсус не верит в то, что он мёртв. Он думает, что Бальтазар всё это подстроил.

— Возможно в этом есть смысл. — Адам задумчиво нахмурился. — Для разнообразия я думаю, как он.

— Забери с собой Энакина и пожалуйста, а потом забудь его в лагере, — попросила я.

— Энакин останется здесь, с него пока достаточно принимать участие в занятиях. Кроме того, всё, что касается темы самообороны, его не переплюнуть. Если хочешь чему-нибудь научиться, спроси у него.

— Правда?

— Нет, лучше не спрашивай. Пока меня нет рядом, я не смогу следить за тем, чтобы он держался от тебя подальше.

Он крепко обнял меня за талию, а я не смогла сдержать смех.

Потом его голос снова стал серьёзным.

— Это действительно так, с ним не может справиться даже адмирал. У Энакина есть кое-какие трюки в рукаве, которые являются для меня полной загадкой. Действительно впечатляюще.

— Душ свободен! — услышала я голос Лоренца из рабочей комнаты.

— Мне пора, — сказала я и с тяжёлым сердцем высвободилась из объятий Адама.

— Позаботься о себе и... — Он улыбнулся. — Будь на связи.

Я приложила руку к сердцу и смотрела, как он покидает мою комнату.

— Каждый час, а если хочешь, то и каждую минуту.

Он в последний раз улыбнулся мне, а потом ушёл.

"Я люблю тебя", ещё услышала в голове его слова, а потом окончательно осталась одна.

Параграф 501

Октябрь прошёл, и температура всё чаще падала ниже нуля. Профессор Нёлль, вопреки моим ожиданиям, выбрал своей целью не только первокурсников. Нет, он с удовольствием и при любом удобном случае взваливал работу в качестве наказания студентам всех курсов.

После того, как Грегор Кёниг неоднократно пожаловался, сказав, что драконы не могут столько какать, чтобы каждый день обеспечивать работой сразу пятнадцать студентов, он запретил профессору Нёлль назначать уборку навоза в драконьих пещерах в качестве наказания. Профессор Нёлль был в ярости, когда плебей посмел дать ему указания. Но после того, как Грегор Кёниг объяснил профессору Эспендорм, что стоящие без дела студенты уже только своим присутствием сводят Аврору с ума и мешают высидеть ей яйцо, профессор Нёлль проиграл.

Потому что против «Святого яйца», как его между тем называли, у него не было ни малейшего шанса. Если бы репортёры «Мира драконов», которые были теперь постоянными гостями в Акканке прознали, что благополучие будущей матери в опасности, то это означало бы конец профессиональной карьере профессора Нёлль. Он в конце концов понял это и оставил Грегора Кёниг в покое. «Святое яйцо» находилось в центре внимания всего магического мира. Делали ставки, в какой день вылупится малыш в следующем году. «Хроника Короны» призывала к конкурсу в выборе имени, и почти все высокопоставленные патриции уже подали заявку, чтобы стать крёстным отцом или матерью нового дракончика.

После того, как он потерпел неудачу с Грегором Кёниг, у профессора Нёлль появилась идея раздавать наряды на уборку и дежурство по кухне. Но таким образом он только настроил против себя фавнов, которые гордились своей работой, а теперь боялись, что будут больше не нужны. Они всеми силами пытались избежать угрозы быть сосланными в Акканку. Из-за того, что они ненавидели драконов, они терпеть не могли это место, поэтому теперь все дружно испытывали неприязнь к профессору Нёлль. При каждом удобном случае они выполняли работы, которые выдавал профессор Нёлль ещё прежде, чем наказанные студенты могли взяться за тряпку или швабру. Об этом быстро разнеслась молва и как только профессор Нёлль наказывал кого-то штрафной работой, об этом самыми первыми узнавали фавны.

Так как все наказания профессора Нёлль были теперь впустую, большинство студентов даже больше не проявляли к нему должного уважения. В результате чего профессор Нёлль ходил по коридорам Теннебоде, словно паровой котёл, который вот-вот взорвётся и только того и ждал, что кто-то нарушит правила хорошего поведения.

Когда он все-таки захотел вышвырнуть из университета Скару Энде, потому что та использовала ветер во время его лекций, чтобы привести в порядок свою причёску, он окончательно лишился расположения профессора Эспендорм, которой пришлось встречать и успокаивать разъярённого отца Скары.

С другой стороны, профессор Пошер, который всё ещё не преодолел разочарование по поводу неудовлетворительной успеваемости студентов Теннебоде и преследовал честолюбивую цель снова поднять общий уровень успеваемости. В конце каждой лекции и каждого семинара он проводил с одним из студентов пятиминутное тестирование.

Если студент заваливал тест, то все должны были после ужина появиться на повторной лекции. Так как, не считая Энакина, чаще всего все проваливались, у нас каждый

понедельник и каждую среду занятия длились до девяти часов вечера, благодаря чему оценка популярности профессора Пошера среди студентов упала ниже нуля.

Так же он вызвал недовольство Грегора Кёниг, потому что жокеи теперь почти каждую среду пропускали тренировку. Но как будто этого было ещё недостаточно, профессор Пошер оказался настолько некомпетентным в качестве целителя, что скорее представлял для здоровья больных и раненных угрозу, чем помощь.

Энакин однако пользовался большим уважением среди студентов, потому что был гарантией свободного вечера. Также он показал своё мастерство, как наездник дракона. Он был первым и единственным жокеем в памяти Грегора Кёниг, который тридцать два дня подряд не был сброшен со спины Ариэля, и с каждым последующим днём, когда он летал на Ариэле, и тому не удавалось сбросить его с помощью своих крутых поворотов и безрассудных петель, его слава возрастала.

Репортёры «Мира драконов», которые устали постоянно наблюдать за «Святым яйцом», ревностно набросились на нового чудо-жокея. Меня это прекрасно устраивало, потому что теперь почти никто не обращал на меня внимания. Будучи плебеем, я всё равно не играла в команде слишком большой роли, пока Энакин фигурировал в качестве одарённого патриция. За это я действительно была ему благодарна, даже если он, при любой возможности, действовал мне на нервы своими неустанными лекциями об исторических кульминационных моментах. Но я сдержала обещание, и редко была грубой по отношению к Энакину, что он вознаградил своего рода простосердечной дружбой в мой адрес.

— Парень действительно попал на первую страницу «Мира драконов», — сказал Лоренц, когда в одно туманное утро мы сидели за завтраком, и он поднял вверх экземпляр газеты.

— Ничего удивительного, — ответила Лиана, рассматривая улыбающегося ей с обложки Энакина. — Он патриций и смог показать свой талант в управлении драконами. Меня скорее удивляет, что «Хроника Короны» до сих пор ещё ничего не сообщила об этом вундеркинде. Кстати, где он, обычно он сама пунктуальность?

Лиана огляделась вокруг. Энакин действительно еще не вышел к завтраку, что было для него необычно.

— В старой аудитории его не было, — устало зевнул Лоренц. — Точно так же, как и Парэльсуса.

— Он наверняка уже давно знает, что мы некоторое время следим за ним.

Я задумчиво помешивала мюсли. Несмотря на то, что меня отвлекали дела, появившиеся с наступлением семестра, я снова погрузилась в сковывающую темноту, которая особенно усиливалась в те моменты, когда Адама долго не было со мной.

Я снова подумала о Парэльсусе. Эта дверь, за которой он исчез, имеет какое-то отношение к его плану по свержению патрициев, либо через нее можно зайти в палату сенаторов. Но я никак не могла понять почему вдруг Парэльсус связался с палатой сенаторов, ведь он терпеть не может патрициев, которые не давали ему того, что, по его мнению, ему причиталось. Или его подкупили, и он не смог устоять перед щедрым вознаграждением?

Мысли крутились в голове, мне так хотелось пролить свет на эту темную историю. Но Парэльсус был очень осторожен и не раскрывал карт. Со мной он вообще не разговаривал и постоянно избегал, обращаясь со мной как с воздухом. Просто проходил мимо, когда я оказывалась на его пути. Ему давно было известно, что Лиана, Лоренц и Ширли были моими

друзьями, поэтому с ними он поступал точно также. Тем не менее это дело не давало мне покоя, я буду и дальше преследовать его. Парэльсус уже доказал, что имеет свои способы добывать информацию.

— Возьму-ка я себе еще кофе в Вилла дель Мар, а то засну на лекции.

Лоренц снова зевнул. Я посмотрела на наручные часы.

— Энакину уже пора бы появиться. Когда он присутствует на семинаре водной теории, то профессор Пфафф просто душка, а чем лучше настроение профессор Пфафф, тем меньше домашнего задания он даёт на выходные.

— Может он действительно пытается уклониться от лётной школы? — ухмыльнулась Лиана.

Сегодня после обеда начинались теоретические занятия в автошколе господина Трудиг, а Энакин выглядел не слишком воодушевлённым, когда узнал, какая учебная программа его ожидает. Хотя, подумала я. На самом деле никто не выглядел воодушевлённым, когда мы узнали, что в пятницу после обеда нужно появиться в Шёнефельде, чтобы отсидеть там два часа на теоретических занятиях. Большинство студентов пересекали Шёнефельде только чтобы попасть в Тенненбодде или вернуться домой.

— По правде говоря я тоже не горю большим желанием, но это всего десять уроков, которые нужно будет выдержать, а потом, наконец, начнутся практические занятия. Я не могу дождаться, когда увижу мои крылья. А их можно будет перекрасить?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Понятия не имею, Лоренц. Крылья имеют тот же цвет, что и волосы, но я бы не стала пробовать. Риск разбиться слишком высок, если у тебя внезапно начнут выпадать перья.

— О! — Лоренц распахнул глаза и понимающе кивнул.

— Мы смогли бы потом пойти ещё в кино, — предложила Ширли.

В последние недели она стала немного мягче, как будто шок, который она пережила и последовательно от нас умалчивала, постепенно тускнел.

— Там сейчас показывают Ночь-убийца, новый фильм про зомби.

— Уже опять выходные и показывают кино? — спросила я удивлённо, пока размышляла, как дипломатично избежать резню зомби. Я посмотрела на кольцо в носу Ширли, снова гадая, что случилось в последнюю неделю каникул.

Между тем я уже навестила бабушку Лианы в магазине в Шёнефельде, но и она не смогла рассказать ничего нового о семье Мадден. С родителями Ширли было всё в порядке, а день рождения Ширли будет только весной, так что о нём семья тоже не могла забыть.

— Да, уже опять конец недели. Невероятно, что действительно существует город, в котором кинотеатр открывают только один раз в неделю. Если вы поедите в Берлин, надо будет сходить в кино по-настоящему, на 3D и купить попкорна. Здесь даже прохладительные напитки нужно приносить с собой.

— И всё же это работает, — ответила я нахмурившись. — А что с тобой, Лиана, тебе хочется провести вечер за просмотром фильма о зомби.

— Сожалею, — сказала Лиана и взяла горсть орехов, — но я уже кое с кем встречаюсь. Может в другой раз.

— Позволь угадать, Пауль уже ждёт тебя? — спросила я с усмешкой.

— Именно, — ответила Лиана и собрала свои вещи. — Я пойду вперёд, нужно ещё раз взглянуть на это треклятое заклинание, с помощью которого водяной столб поднимается до потолка. Почему-то у меня получается поднять его всего лишь на один метр.

— Используй обе руки и сосредоточься на потолке, тогда всё выйдет, — крикнула я ей вслед.

Лоренц тоже встал.

— Мне нужен ещё кофе, в противном случае я не продержусь.

— Я пойду с тобой, — решительно сказала Ширли и встала. — Эта чайная бурда действует на нервы.

— Хорошо, тогда увидимся скоро на лекции.

Я смотрела вслед Лоренца и Ширли, как они проталкиваются мимо переполненных столов и в конце концов выходят из Восточного зала. Я вздохнула. Может с Ширли всё-таки всё наладится. Уже только мысль об этом, казалось, вдохнула мне в сердце тёплое чувство, как будто я внезапно услышала чарующую мелодию, которая полностью мной завладела.

Подожди, для одной только мысли здесь слишком много тепла. И это было особенное тепло, которое наполняло меня, проникая везде, так что прогоняло темноту из сердца. В этот момент в Восточный зал вошёл Энакин, а с ним был Адам. Внезапно я поняла, откуда так неожиданно появилось тёплое чувство. Я думала, что он вернётся только завтра, и его внезапное появление удивило меня. Щёки затопило жаром, когда я смотрела на то, как он приближается, на его широкие плечи, поэтому подчёркнуто спокойно вдохнула и выдохнула.

Чего бы я не отдала сейчас за то, чтобы броситься в объятия Адама. Он был рядом и в то же время так далеко, что это причиняло боль. Но мне удалось сохранить спокойствие, даже если между тем мои щёки светились, вероятно, так же ярко, как волосы.

— Доброе утро! — сказал Энакин и сел.

— Доброе утро, — ответила я на приветствие, глядя на то, как Адам равнодушно садится за стол и берёт кусок хлеба из обрубочного жёлудя. Пока он ел, он неожиданно направил на меня свой горящий взгляд.

"Сегодня вечером исчезнем отсюда." Он моргнул, потом опустил взгляд на стол, в то время как Энакин тщательно перемешивал свой мюсли. "Нам нужно поговорить."

"Куда ты собрался?" — спросила я, и тревога, которая охватила меня, когда я услышала его тон, молниеносно вытеснила всё утешительное тепло из моих конечностей. Я ожидала ответа, в то время, как пустым взглядом наблюдала за Энакином, который положил себе салфетку на колени и принялся есть мюсли.

"Встретимся в девять часов вечера в Глиняном переулке под номером 13. Если на первом этаже будет гореть свет, то всё безопасно, и ты можешь зайти. Если свет будет выключен, тогда уходи так быстро, как сможешь. Возьми с собой только необходимое и проследи за тем, чтобы тебя никто не видел!"

— Я пойду уже на лекцию! — сказал Адам, как будто этот разговор никогда не состоялся в наших мыслях.

— Хорошо. — Энакин поднял взгляд. — Кстати говоря, как прошло ваше обучение?

— Очень хорошо, — сказал Адам. — Мы работали со стрелочным заклинанием и действительно достигли успехов.

— Стрелочное заклинание? Хорошо.

Энакин одобрительно кивнул, и я вопросительно посмотрела на Адама. Но не осмелилась спросить, что такого особенного в этом стрелочном заклинании. Нужно сдерживать своё любопытство, сегодня вечером мы сможем обо всём поговорить.

Если Адам вообще собирался поговорить о чём-то настолько тривиальном, как стрелочное заклинание. "Нам нужно поговорить" — звучало так, будто между нами что-то

совершенно не в порядке, и что на милость он собирается делать в Глиняном переулке?

Это был самый тёмный переулок в Шёнефельде, и насколько я знала, там стояли ещё только полуразвалившиеся дома, в которых уже давно никто не жил. Городской совет каждый год подавал заявление с просьбой наконец снести этот ряд домов, но мэр города Хельмут Нойфрид ещё не отказался от надежды, что найдётся щедрый благодетель, который оценит исторический потенциал этих построенных в 1750 году зданий. Эти дебаты каждый год печатались в «Шёнефельдовском курьере» и даже в школе нам пришлось ознакомиться с историческим значением этого переулка во всяких проектных работах.

Кто бы мог подумать, что эти знания мне ещё раз пригодятся.

После того, как Адам и Энакин ушли на лекцию, я закончила завтракать и последовала за ними к двери под номером 23, которая находилась в коридоре прямо рядом с входом в ветровой кабинет. Коридор был пустым, потому что я ещё какое-то время сидела за столом и размышляла над словами Адама. Я достаточно хорошо его знала, чтобы понять, что всю оставшуюся часть дня он будет обращаться со мной, как с воздухом. В последний раз, когда он вёл себя так, он хотел держаться на расстоянии, пытаюсь таким образом предотвратить, чтобы мы стали парой.

Может с ним что-то случилось, что наглядно напомнило ему об опасности, угрожающей нам, если нас обнаружат. Но что бы это могло быть? В последние месяцы мы почти ежедневно обменивались сообщениями, и по нему ничего не было заметно. Вздыхая, я вытащила удостоверение личности из сумки. Хочу я того или нет, мне придётся подождать до вечера, пока узнаю причину, по которой Адам ведёт себя так.

Я уже протянула удостоверение личности и хотела подставить его к маленькому блоку контроля, на котором была наклеена наклейка с надписью: "калиброван в соответствии с предписанием 12, контрольный номер 455989", как вдруг услышала грохот и увидела, как Лоренц сбегает по широкой лестнице вниз и бегом пересекает вестибюль. Промчавшись мимо Восточного зала, он направился прямо ко мне.

— Сельма, — запыхтел он, когда оказался передо мной. Я опустила удостоверение личности. — Мне нужно с тобой поговорить. — Он хватал ртом воздух. — У меня есть новости.

Его взгляд говорил, что дело настолько важное, что будет лучше, если нас никто не услышит. Я потянула Лоренца в пустой вестибюль, а потом мы, как можно более неприметно, зашагали к коридору, ведущему к пустым лекционным залам.

— Что случилось? — спросила я, когда закрыла за собой дверь и прислонилась к ней. Лекционный зал, как всегда, был пустым и пыльным, но между тем эта комната больше не страшила меня. Этот эффект уже поизносился после множества часов, которые я провела здесь по очереди с Лоренцем и Лианой, подстерегая Парэлсуса.

— Я был на вилле дель Мар и случайно подслушал разговор, пока ждал мой кофе.

Лоренц был бледным и таким серьёзным, каким я ещё его никогда не видела.

— Что произошло? — спросила я, не в силах подавить чувство страха, пробудившегося в животе, которое, казалось, превратило мой завтрак в кусок льда.

— Ты помнишь письмо из палаты сенаторов?

Лоренц спустился на несколько ступеней вниз.

— Конечно помню. Они выставили профессора Шёнхубер сумасшедшей преступницей, действовавшей в одиночку.

Я последовала за Лоренцом по лестнице.

— Да я не про это. Напоминание о сдерживании клятвы и о последствиях, в случае ее нарушения. — Лоренц остановился рядом со столом и посмотрел на меня.

— Да, конечно помню. И что дальше?

— Палата сенаторов снова вводит § 501.

У Лоренца был глухой голос.

— Что это означает? — хрипло спросила я.

— Перечитай еще раз!

Он указал на серый ящичек, стоящий на столе рядом с ним. Я положила на него руку и связалась с МУП. Аудитория поплыла у меня перед глазами, и я очутилась в виртуальной библиотеке, которую создал Парэльсус, снабдив ее всей доступной ему информацией. Сконцентрировавшись, я нашла параграф 501, и статья к нему тут же появилась перед моим мысленным взором.

§ 501 Правила и формы поведения для современных магов

После достижения восемнадцатилетнего возраста каждый маг Объединенного Магического Союза, дававший клятву для вхождения в магическое сообщество, обязуется подать заявление о намерении вступить в брак и в установленном порядке заключить его в последующие 5 лет.

(1) Патриции могут вступать в брак только с патрициями, плебеи с плебеями.

(2) Заявление о намерении вступить в брак подается обеими сторонами при обоюдном согласии. В случае если заявление подается только одной стороной, без встречного заявления предполагаемого партнера, то заявление о намерении вступить в брак все равно считается действительным.

(3) Брак только тогда считается законным, если его заключили по закону в загсе, признанном верховным судом Объединённого Магического Союза и подтвердили ритуалом в Виннле, ещё известной как Царство грёз.

(4) Заявление о намерении вступить в брак нужно сдать в течение восьми недель после достижения восемнадцатилетия, в противном случае подходящий партнер будет определён сенатором по делам молодёжи.

(5) Заявление о намерении вступить в брак обязывающее, и его нельзя отменить.

(6) Заявление о намерении вступить в брак не может исходить от однополых партнёров.

(7) Условие для вступления в законный брак, это сдача заявления о намерение вступить в брак.

Абзац 265 примечания к параграфу 501 и последующие страницы документа.

Закон был принят в нулевом году нашего летоисчисления, сразу, когда основали Объединённый Магический Союз, как управляемую монархией страну. Из-за многочисленных столкновений между враждующих регионов перед основанием Объединённого Магического Союза численность магов так сократилась, что угрожало их полное исчезновение. Благодаря заявлению о намерение вступить в брак в оригинальной версии магов, в возрасте четырнадцати лет, связывал с подходящим партнёром опекун, а в шестнадцать они женились.

У пары было обязательство в следующие пять лет зачать по меньшей мере двоих

потомков. Магическое образование в эту эпоху не имело никакого значения в повседневной жизни магов.

Заявление о намерение вступить в брак было изменено королевой Людминдой Арпади в 104 году нашей эры настолько, что отныне, после подачи заявления о намерении вступить в брак патрициям было разрешено окончить магическое образование и только потом заключить брак и консумировать его. В 904 году это изменение вступило в силу и для плебеев.

Последний вариант закона из 1928 года. Основные изменения состоят в том, что отныне было разрешено выбирать партнёра самому, не выходя за рамки правил и законов, а обязательство зачать потомков отменено. В 1955 году закон был упразднён в процессе преобразования Объединённого Магического Союза из монархии в демократию.

Я с трудом оторвала руку от МУП. Оставаясь неподвижно сидеть, я уставилась на испещрённую прожилками деревянную панель передо мной. Это невозможно! Это был такой фатальный регресс всего сообщества, что я не могла поверить в то, что что-то подобное можно осуществить.

— От кого ты это узнал? — спросила я хрипло и наконец подняла взгляд.

— Несколько фавнов, которые принадлежат к бригаде уборщиков в палате сенаторов обсуждали это. Закон уже одобрен примусом, и все десять сенаторов поддержали его. Они беспокоятся, куда это приведёт. Ширли сказала, что останется весь день сидеть на вилле дель Мар и держать уши остро, возможно сможет узнать больше.

— Это невозможно, — прохрипела я. — Это фатальный регресс. Как будто кто-то хочет повернуть время вспять. Знаешь, насколько далеко это решение продвинулась через все инстанции? Может, осталась ещё какая-нибудь одна, которая сможет отклонить этот закон?

— Кажется, что всё уже решено. Чтобы принять закон требуется только, чтобы примус и сенаторы пришли к соглашению.

— Я могу понять фавнов, — сказала я с горечью. — Они волнуются не зря. Если это действительно правда, тогда возможно всё. Это и впрямь невероятно. Виллибальда Вернера выбирали как либерального политика, который всегда ясно выступал против Бальтазара, а теперь это.

— Я не понимаю, что это значит, — задумчиво сказал Лоренц.

— Что это значит — это очевидно. Регресс вместо прогресса. Такое ощущение, будто примус хочет вернуться к монархии.

Я посмотрела на Лоренца. Таких как он официально не существует в Объединённом Магическом Союзе и по воле палаты сенаторов, так и должно остаться. Вернёмся к монархии! Каким-то образом мне показалось это очень знакомым.

Внезапно я поняла невообразимое.

— Этого не может быть, — прошептала я.

— Сельма, что случилось? Да ты бледная, как мел!

Лоренц схватил меня за руку. Но я не могла выразить словами то, о чём только что подумала.

— Бальтазар, — выдохнула я.

— Что? — Глаза Лоренца округлились. — У тебя видение или ты получила сообщение? — Он затряс мою руку.

— Это Бальтазар, разве ты не понимаешь?

Я посмотрела на Лоренца.

— Парэльсус был прав. Бальтазар не исчез, он дергает за ниточки где-то на заднем плане. Если снова введут это заявление о намерении вступить в брак, то это будет первым шагом к монархии, то есть к тому, чего всегда хотел Бальтазар. То, что он появится и найдет способ стать королем, лишь вопрос времени. Газета тоже находится под его контролем, очевидно, что «Хроника короны» поддерживает его ложь.

— Это... — Лоренц ахнул.

Но прежде чем я успела подумать, как нам справиться с ситуацией, позади резервуара с водой вспыхнул яркий свет.

— Быстрее!

Я потянула Лоренца за руку, и мы бросились под стол. Раздался звук захлопнувшейся двери. Этот металлический звук еще долго звучал в помещении, я надеялась он заглушал мое учащенное дыхание. Затем свечение исчезло, и послышались быстрые шаги. Я затаила дыхание и прислушалась, когда мимо края стола прошли чьи-то ноги. Лоренц рядом со мной тоже перестал дышать, глядя неподвижным взглядом на коричневые туфли, проходившие мимо нас.

Мы одновременно облегченно вздохнули, когда дверь закрылась, а шаги удалились по коридору.

— Значит Парэльсус выбрал новое время, чтобы ходить через свою дверь, — сказал Лоренц.

— Очень умно, — вздохнула я.

Теперь мне придется прогулять лекцию, чтобы выяснить, как открывается эта дверь. Мое отсутствие быстро заметят. Я выползла из-под стола и вытянула ноги. Затем сбежала вниз по лестнице и снова обследовала пустую стену.

Положив обе руки на холодные камни, я закрыла глаза. Холод пробирался в руки, а под кожей ощущалось легкое жужжание. Здесь была магия, причем довольно много, но она была так далеко, что я не слышала и не чувствовала ничего конкретного. Никакого жужжания металла или воды, никаких звуков огня или ветра. Я открыла глаза. Без волшебных слов, с помощью которых можно было бы открыть дверь, мы не продвинемся дальше. Добровольно Парэльсус их нам не скажет. Я в последний раз погладила шершавую стену и бросила мрачный взгляд на Лоренца, стоявшего позади меня.

— Что нас ждет? — тихо спросил он, и я сразу поняла, что он имеет в виду.

— Думаю, теперь всё станет намного серьезнее, — сказала я с мрачной ноткой в голосе, который испугал даже меня. Верить в то, что всё будет продолжаться так же гармонично, как до сих пор, было иллюзией. В палате сенаторов что-то происходит, и совершенно очевидно, что Бальтазар на заднем плане задаёт тон, чтобы подготовить Объединённый Магический Союз стать снова монархической страной.

— Бальтазар хотел тебя убить, после того, как ты перестала быть ему полезной, — напомнил мне Лоренц, когда мы медленно поднимались по ступенькам. — Он способен на всё. Что, если речь идёт снова о тебе.

— Наверяд ли. — Я отмахнулась. — С меня ему больше нет никакой пользы, а для его амбициозных целей я стала совсем неважной.

— Он даже приказал отравить студентов, чтобы подобраться к тебе.

Лоренц положил руку на ручку двери.

— Возможно, но тогда я ещё представляла для него ценность. Между тем я стала просто

крошечным камешком на краю его пути. У него уже давно появился новый план. Он, как и прежде, преследует цель свергнуть Виллибальда Вернера, чтобы короновать самого себя, но каким способом он собирается этого достичь?

— Боюсь, скоро мы это выясним, — мрачно сказал Лоренц.

— Нужно возвращаться на лекцию, — вздыхая ответила я. — Продолжим разговор сегодня вечером, после того, как посмотрим фильм про зомби.

— Я скажу Ширли, что мы пойдём вместе с ней, — сказал Лоренц.

— Хорошо, иди вперёд, а я последую за тобой через десять минут.

Лоренц кивнул, и мы направились к лекции профессора Пфафф, разделившись.

Вечером без пяти четыре дрожа от холода, мы выстроились на небольшой рыночной площади Шёнефельде, ожидая, что господин Трудиг наконец откроет двери своей автошколы. В том, что ученики ждут перед дверью автошколы, не было ничего необычного, поэтому спешащие мимо жители Шёнефельде не обращали на нас внимания. Я переступала от холода с ноги на ногу.

— Энакину каким-то образом удалось увильнуть от уроков автошколы, — отметила я, скользнув взглядом по лицам собравшихся.

Лиана кивнула.

— Адам тоже отлынивает, но я не могу себе позволить что-то подобное. Благородные патриции всегда получают специальное разрешение, когда просят.

— Ну, для разнообразия должен сказать, что я рад, что ни Энакина, ни Адама здесь нет, — сказал Лоренц. — Это вызвало бы у меня только депрессию. Эти оба могут отлично летать, и, наверное, уже давно получили свои лётные права. В отличие от тебя, моя дорогая. Ты ведь даже не можешь устало запорхать крыльшками, — напомнил ей Лоренц.

— Я рада, что вы все пойдёте на войну зомби, — сказала Ширли, которая очевидно не хотела углубляться в тему о лётной школе.

— С удовольствием, — сказала я.

В девять часов вечера фильм заканчивался, и тогда у нас будет ещё один час времени, чтобы поговорить, прежде чем я встречу с Адамом.

После кино будет в любом случае легче исчезнуть в темноте, чем сейчас, когда ещё много жителей Шёнефельде ходили по магазинам и делали покупки на выходные. Я посмотрела в сторону магазина бабушки Лианы. Госпожа Гольдманн, с достойным подражанию терпением, обслуживала одного клиента за другим из длинной очереди, которая выстроилась перед её кассой. На другой стороне возле мэрии уже стоял рекламный щит перед дверью, возвещающий о кинематографическом гвозде программы сегодняшнего вечера.

— А потом пойдём ещё что-нибудь выпить? — спросила я, чтобы ещё раз утвердить решение, которое мы обговаривали в течение дня на переменах.

— А разве ваш маленький ресторан не закрывается, как только наступает темнота? — Лоренц бросил подозрительный взгляд через рыночную площадь. На первом этаже уютного фахверкового дома находилась «Гостиная Шёнефельде», единственный ресторан в городке.

— Пойду предупрежу хозяина, что мы ещё придём, — предложила я.

— Так будет лучше, не то точно окажемся перед закрытыми дверями, — кивнул Лоренц.

— Я сказала Паулю, что приду поздно, — сказала Лиана. Я посмотрела на неё. В прошлом году она ещё упорно отказывалась принимать участие в опасных встречах. Но сегодня восторженно согласилась, когда я рассказала ей на перемене, что выяснил Лоренц.

Она серьёзно кивнула, когда я направились к «Гостиной Шёнефельде». Посередине рыночной площади у меня внезапно появилось чувство, что за мной наблюдают. Но это были не случайные взгляды прохожих.

Мой взгляд непроизвольно остановился на маленьком книжном магазине господина Лилиенштайна. Я не была там с самого лета. Ступеньки, ведущие к входной двери в сумерках, казались серыми. Внутри горел слабый свет, едва пробивавшийся сквозь влажный, осенний воздух и не дававший заглянуть внутрь. Даже большие витрины были заставлены книжными полками, а позади едва вырисовывался чей-то силуэт. Я в деталях знала, как и с какой любовью оборудован этот магазинчик; гладко отполированные паркетные полы из дуба, старомодные люстры и тяжелые кожаные кресла, окончательно придававшие помещению вид и шарм старинной библиотеки. Я даже знала, что, сделав четыре шага, я ступлю на то место, где скрипят полы. Высокие книжные полки из темного дерева были украшены искусными орнаментами и вероятно стоили целое состояние.

Господин Лилиенштайн со вкусом отбирал литературу и всегда точно знал, где стоит та или иная книга. Был период, когда я часто заглядывала сюда после школы в поисках новых, книжных сокровищ, которые затем с гордостью несла домой и чаще всего прочитывала за ночь. Я до сих пор точно знала, где какую книгу найти. Отдел с детскими книгами находился рядом со входом с правой стороны, книги для школы стояли слева, а на задней стенке располагалась классика, которую я всегда с удовольствием читала. А между ними, плотно прижимаясь друг к другу, стояли полки с современной литературой.

За прилавком господина Лилиенштайна находилась крутая лестница, ведущая на верхний этаж, куда он время от времени приглашал мою бабушку. Она и некоторые другие шенефельдовцы раз в месяц устраивали там литературный кружок. Бабушкин литературный кружок вдруг приобрел совершенно иное значение, когда я поняла, что там наверху в том числе располагается и отдел магической литературы.

Я бы охотно завернула в книжный магазин и посетила верхний этаж. Но так как с минуты на минуту должна была открыться лётная школа, мне придётся перенести свой визит на другой день. Сегодня у меня были куда более важные дела, которые предстояло уладить.

Я зашла в "Гостиную Шенефельде" и заказала столик. Снова перейдя торговую площадь, я заметила, что тень в книжном магазине куда-то исчезла. Как раз, когда я снова стояла рядом с Лоренцом, наконец со скрипом открылась дверь автошколы.

— Надо бы смазать, — захихикал маленький, худой мужчина, который, по-моему, совсем не подходил пышной госпоже Трдуиг. Она, что касается размера тела, могла бы конкурировать даже с Сибиллами. — Заходите, заходите! — выкрикнул он и отошёл в сторону, прежде чем его собьют с ног повалившие в дверь студенты.

К моему удивлению интерьер комнаты выглядел не так, как я полагала. В моих воспоминаниях автошкола была большим помещением, наполовину офисом, наполовину классной комнатой, в которой господин Трудиг проводил свои уроки вождения.

Но передо собой я увидела два стула и скамейки, а позади примыкала отделённая стеклом комната, в величину со спортивный зал. Размеры высокой комнаты, которая была ярко освещена и современно оборудована, не подходили к размерам фахверкового дома, в который мы вошли.

Господин Трудиг казалось заметил удивлённые взгляды того или иного и торжествующе улыбнулся, так, будто точно знал, что ему удалось устроить колоссальный сюрприз.

— Новейшая техника из палаты сенаторов. Моя жена достала для меня эту дверь.

Он указал на входную дверь и теперь я увидела небольшой ящик, с расположенным рядом номером регистрации.

— Я принимаю участие в пилотном проекте научного отдела. Это параллельная рама, потрясающая вещь, правда. С помощью только одной рамы можно объединить любое количество пунктов назначения, действительно феноменально. Если всё поучится, моя жена сможет наконец расширить свой магазин, и ей больше не нужно будет освобождать стены для дверей с новыми пунктами назначения.

— И это действительно работает? — скептически спросил Фалько Гёрнер, внимательно разглядывая ящик, в то время как я с удивлением поняла, что палата сенаторов вкладывает удивительные усилия в свои научные проекты.

— Конечно! — ответил господин Трудиг с полной уверенностью. — Почему она не должна работать? Техника палаты сенаторов ещё никогда не создавала нам с женой проблем. Обычно студентам, которые учатся летать, всегда приходилось предпринимать утомительные поездки. Сначала в палату сенаторов, а оттуда в комнаты лётной школы. Теперь будет всё намного быстрее. Я установил раму, сразу совместив её с входной дверью. Её легко программировать, и за четыре недели, в течение которых я уже работаю с ней, не было никаких сбоев.

— Почему они не установят раму наверху в Теннебоде, тогда нам не придётся каждую неделю спускаться сюда вниз? — спросила Скара без всякой мотивации.

— Я попрошу вас, юная леди. Лётная школа — это моё дело и таковым останется, Теннебоде не имеет с ним ничего общего. Профессор Эспендорм уже и так получила более, чем достаточно льгот от палаты сенаторов. В конце концов в её доме даже находится вход в Акканку, а также под её руководством гоночная команда драконов. И как я слышал, её библиотекарь получил новую лабораторию. Этого действительно должно быть достаточно. Палата сенаторов не осмелится отдать под её руководство ещё и лётную школу. Раньше всё было по-другому. Я помню мою молодость, когда Шёнефельде был ещё действительно столицей Объединённого Магического Союза, а не просто так назывался. Тогда даже не встал бы вопрос о том, чтобы отдать столько ведомств под ответственность одного человека.

— Но политики уже много лет назад переехали в Берлин, — вставил Фалько Гёрнер.

Господин Трудиг сосредоточенно уставился на Фалько Гёрнера, как будто хотел убедить его только своим пронизывающим взглядом.

— Всё же здесь ещё находились известные учреждения, такие отделения, как исследование и развитие. Но и они переехали десять лет назад в Берлин. Ещё немного и нам всем придётся переселиться в большой город, но я не поеду туда добровольно. Почему бы не оставить их значимость и малонаселённым регионам?

Господин Трудиг всё больше распыхлялся.

— Видимо вы друг децентрализации?

Пока Фалько Гёрнер вовлекал господина Трудиг в теоретическо-политический разговор, мы с Лоренцем, Лианой и Ширли заняли места в последнем ряду.

— Кажется профессор Эспендорм не везде так популярна, как в Теннебоде, — сказал Лоренц и опустил на стул.

— Что под её руководством много важных учреждений мы уже давно знаем. Такое всегда кому-то не нравится, — сказала Лиана, пожимая плечами, и села справа от меня.

— Над завистью нужно тяжело трудиться, — сказала Ширли, не моргнув глазом.

— Если заявление о намерении вступить в брак действительно вступит в силу, господин

Трудиг определённо одобрит его, — прошептала я ей, в то время, как господин Трудиг особенно громко жаловался на расшатавшуюся мораль, царящую в настоящее время в Тенненбоде.

В то время как Фалько Гёрнер вежливо пытался закончить разговор, ряды стали заполняться. Шушукаясь и болтая, все заняли свои места. Я обвела взглядом примыкающий зал. Он был полностью оборудован пенопластом, и мне сразу вспомнились мои первые попытки летать, хотелось бы и тогда иметь такую роскошь. Болезненные раны, полученные во время полета, запомнились мне надолго.

— Добро пожаловать в летную школу Трудига.

Тонкого голоса господина Трудига было недостаточно, чтобы в помещении воцарилась тишина. Он два раза кашлянул и возмущенно сощурился, пока наконец Фалько Гёрнер не заметил его беспомощные попытки навести порядок и громко не крикнул — "Тишина", после чего все разговоры умолкли.

— Спасибо.

Господин Трудиг расправил плечи и кивнул Фалько Гёрнеру.

— На следующих десяти занятиях я познакомлю вас с основами летного искусства. На первом двойном уроке мы займемся расправлением крыльев, на следующей неделе стартом, а затем последуют два урока по приземлению. Ну и не забываем об изучении правил полета, чтобы вы знали, как вести себя в воздухе. В последующие недели мы будем заниматься, во-первых, различным лётными манёврами, которые вы должны будете освоить к экзаменам и во-вторых всеми юридическими вопросами, которые касаются полётов. В конце этого семестра у вас будет теоретический экзамен. Если вы его успешно сдадите, то на летнем семестре начнём здесь практические занятия. — Господин Трудиг указал на обложенный пенопластом спортивный зал. — Вопросы по этому поводу есть?

Скара Энде грациозно подняла руку.

— Не могли бы мы всё ускорить? Я думала, что смогу летать уже на каникулах.

— Если вы действительно талантливы, то вполне сможете уже во время каникул пролетать длинные дистанции.

Он пристально посмотрел на Скару, как будто хотел оценить насколько она способна.

— Но, чтобы вам официально разрешили перемещаться в утверждённых воздушных коридорах Объединённого Магического Союза, вам нужны лётные права, а их вы получите у меня только в том случае, если посетите все уроки и успешно сдадите все экзамены.

— Официально? — спросила я слишком громко. Я и до сих пор летала, но ещё ничего не слышала об официальном воздушном пространстве.

— Да, официально. Хотя экскурс о правовых параметрах полёта мы будем обсуждать только на пятой лекции, но кажется вас это очень интересует, поэтому я с удовольствием забегу немного вперёд и расскажу некоторые вещи.

Я кивнула, хотя уже догадывалась, что то, что сейчас услышу, ничего общего не будет иметь с необыкновенной свободой в полёте.

— У Объединённого Магического Союза есть официальные лётные коридоры, которые могут использовать маги, имеющие лётные права. Лётные коридоры — это маршруты, которые так оборудованы палатой сенаторов, чтобы немагическое население не могло их просматривать. Есть официально утверждённые взлётные и посадочные места, которые нужно использовать. Вы регистрируетесь с помощью удостоверения личности на взлётном месте, а также на посадочном, когда покидаете лётный коридор. Это служит безопасности

полётов, если по дороге возникают турбулентности.

Таким образом палата сенаторов может быстро понять, где вы, по всей вероятности, упали. Лётные коридоры вы можете использовать только в определённые часы. О них вы узнаете прямо на взлётном месте, также актуальное на день расписание можно найти в МУП или в «Хронике Короны». Запрещено летать вне официального времени и по не официальным маршрутам, хочу ещё раз это подчеркнуть, потому что здесь постоянно происходят недопонимания. То, что вы можете летать, не означает автоматически, что вам разрешено.

Если только ваша жизнь не находится в опасности, и вам нужно спастись от вражеских нападений. Это исключение из правил лётного порядка, которое, к счастью, больше не приходилось использовать в последние месяцы. А опоздания на какие-нибудь встречи или свидания не входят в это исключение из правил.

Я своевременно обращаю ваше внимание на то, что палата сенаторов интерпретирует эти правила очень строго и уже при одном нарушении забирает лётные права. Чтобы получить их снова, вам придётся после годового срока запрета, ещё раз пройти весь процесс лётного обучения. А если потеряете лётные права три раза, то получите пожизненный запрет.

— Пожизненный запрет летать? — удивлённо прохрипела я, на самом деле больше всего меня сбilo с толку не это. Запрет был лишь вершиной айсберга в чрезмерно урегулированном контроле.

— Да пожизненный.

Господин Трудиг усердно закивал, так будто был рад, ещё раз подтвердить им сказанное.

— Вам конечно знаком 1 параграф из руководства, где обговаривается как нужно обращаться с немагическими гражданами, а если нет, то вы в любом случае здесь не к месту.

Господин Трудиг выжидательно смотрел на меня, и я почувствовала себя вынужденной процитировать указанный параграф.

— Маги Объединённого Магического Союза должны по отношению к немагическим лицам хранить в абсолютном секрете все детали, касающиеся магии и Объединённого Магического Союза. Нарушение этого закона наказывается как минимум пятидесятилетним пребыванием в Хаебраме.

— Правильно. Таким образом вы совершенно верно процитировали законодательные основы всех правил в воздушном движении Объединённого Магического Союза, — похвалил меня господин Трудиг с убедительной искренностью.

— Но тогда и удовольствия-то никакого не останется, — сухо заметила я.

— А речь вовсе не об удовольствии. Речь о безопасности Объединённого Магического Союза, а это, безусловно, важнее. Так как я на данный момент ответил на ваши вопросы, то перейдём к первому уроку, расправлению крыльев. Сейчас я раздам рабочий бланк, который описывает это процесс в пяти простых шагах, и мы проработаем его вместе.

Господин Трудиг вытащил стопку бумаги и начал раздавать рабочие бланки. И всё было так, как они и пообещал, удовольствия от полёта совсем не осталось, он сократил это волнующее и захватывающее приключение до теоретической конструкции, которая была далека от физической реальности, ожидающей студентов.

О боли, которая чуть не сводит с ума, когда в первый раз расправляешь крылья, тоже ничего не упоминалось, так же, как и об остром ощущении от адреналина, когда летишь.

Остальную часть урока я провела, пытаясь не думать о том, что ожидает меня сегодня вечером с Адамом. Его утреннее настроение не обещало ничего хорошего, а беспокойство, которое вызвали его слова, уже весь день сопровождало меня.

Глиняный переулочек 13

"Гостиная Шёнефельде" был по деревенским меркам довольно культовый ресторан и, по мнению Лоренца, составил бы конкуренцию какому-нибудь хипповому берлинскому району. За выделанным под старину фасадом скрывался современный дизайн с чистыми, прямыми линиями, бамбуковым деревом и бордово-красными акцентами на стенах и столах.

Даже Ширли, заняв свое место, удивилась. Видимо она также, как и я не была здесь несколько лет. От грубого, деревенского стиля, который я помню с детства, не осталось и следа.

— Чего желаете? — приветливо спросил улыбающийся тип с бородой и очками в черной оправе.

— Дай-ка мне адрес твоего декоратора! — улыбаясь, попросил Лоренц. — Как так вышло, что в таком заспанном местечке как Шёнефельде, кто-то знает толк в стиле?

— Здесь не работал декоратор, все сделано своими руками, но спасибо за комплимент, — ответил тип, должно быть он был новым владельцем "Гостиной Шенефельде".

— Где-то я тебя уже видела, — задумчиво спросила я, рассматривая густую бороду.

— Возможно, меня зовут Ким Гёрнер, мой младший брат учится в Тенненбоде. Вы, наверное, тоже.

— Да, точно, — сказала я. Если убрать бороду, он был действительно похож на Фалько Гёрнера.

— Вы родом из Мюнхена, не так ли? — спросила я.

— Точно, было непросто перестроиться, когда мы снова переехали в Шёнефельде.

Ким Гёрнер бросил беспокойный взгляд в блокнот.

— Снова?

Я удивленно посмотрела на него, размышляя, встречала ли я когда-нибудь в Шёнефельде семью Гёрнер.

— Да, мои родители уехали отсюда, когда я был ребенком, Фалько тогда был год. Моему отцу принадлежал этот дом, и после его смерти мне пришлось думать, что делать с "Гостиной Шенефельде". Прежний арендатор собирался на пенсию, поэтому я решил вернуться в Шёнефельде. Кроме того, я хотел время от времени присматривать за Фалько.

— Но должно быть это случилось не так давно, — задумчиво заметила я.

— Летом я ремонтировал, а в прошлом месяце было новое открытие.

— Ремонтировал магическим или немагическим способом? — спросил Лоренц с пристальным вниманием.

— Конечно магическим, иначе никогда бы не закончил, — рассмеялся Ким.

— А когда ты закончил Тенненбоде?

— Я никогда его не заканчивал, никогда не ходил в этот славный университет, — сказал он с неожиданной серьезностью в голосе. — И всё же я владею достаточными навыкам, чтобы идти по жизни.

Он быстро огляделся, но кроме нас в "Гостиной Шёнефельде" никого не было. Потом он поднял руки, и из его пальцев хлынули крошечные, светящиеся огоньки и распределились вокруг всего стола.

— Не обязательно посещать Тенненбоде, чтобы научиться чему-то в магии.

Его глубокий голос был тихим и приятно вибрировал у меня в ушах. Вся комната светилась золотисто-красным, в свете множества маленьких огоньков.

— Ого, ты настоящий художник, — восхищённо вздохнул Лоренц.

— Нет, я не художник.

Он опустил руки, и огоньки исчезли, как будто их никогда и не было.

— Я всего лишь простой хозяин ресторана в скучном, маленьком городке, который не верит всякому слову, что ему преподносят. Но теперь довольно всякого фокуса-покуса, что вы хотите пить и что есть, ведь именно поэтому вы здесь, не так ли?

Мы быстро заказали чего хотим, и пока Ким исчез за своим прилавком и мешал коктейли, которые выбрал для нас Лоренц, я наконец перевела своё внимание на Лоренца, Лиану и Ширли.

— Интересный тип, — сказал Лоренц.

— Да, интересный, — ответила Лиана. — Но всё же он какой-то странный. Он каждому показывает это представление или оно было только для нас?

— Скорее каждому, только чтобы доказать, что что-то умеет, хотя не учился в университете. Я не могу его в этом винить. Наверное, от патрициев ему достаётся не особо много уважения. Но теперь давайте поговорим о другом, — призвала я.

— Прежде чем обсудим эти слухи, ты можешь сначала рассказать, что ты до сих пор выяснила о граале патриций, — решительно сказала Лиана.

Я с удивлением взглянула на неё. Мне уже почти хотелось поблагодарить её за интерес. Это было именно то, чего я хотела от неё в прошлом году, а теперь получила без особых усилий? Может дело в Пауле? Вполне может быть, что опасность, которая теперь нависла над ней и Паулем, подтолкнула её к тому, чтобы переосмыслить свою точку зрения.

— По правде говоря, я ничего не выяснила и между тем уже серьёзно сомневаюсь в высказываниях хроники Акаши, — ответила я. — Ничего из того, что она говорила, не подтвердилось. Я не оказалась магической партнёршей Бальтазара и не нашла родителей в Антарктике. Вечный лёд встречается во множестве местах на земле, а сейчас у меня нет времени, чтобы путешествовать по миру и объезжать все регионы. И если даже я найду нужное место, грааль, скорее всего, будет защищён заклинанием, так же, как это было в случае с хроникой Акаши.

— Не густо.

Лиана разочарованно смотрела на меня.

— И это всё, что у тебя есть?

— У меня нет веских фактов, — оправдывалась я. — Однако имеются кое-какие идеи на этот счёт.

— Рассказывай, может нам удастся сложить головоломку всем вместе!

— Хорошо. Энакин навёл меня на эту мысль. Он сказал, что существовало пять королевских семей, а Элеонора рассказывала, что патриции берегут атрибуты власти, чтобы сохранить в стране власть. Атрибуты власти очень древние, и я бы даже сказала, что они играли роль в основании Объединённого Магического Союза две тысячи лет назад. Я думаю, что королевы, которые основали эту страну, использовали атрибуты власти, чтобы покончить с военными конфликтами и самим захватить власть. Поэтому я полагаю, что существует пять атрибутов власти, каждая королевская линия владела одним из них и передавала дальше, из поколения в поколение.

— Интересно, — сказала Лиана, размышляя над этой мыслью. Лоренц и Ширли тоже

склонились вперёд и напряжённо слушали.

— Это звучит логично и имеет смысл, — наконец сказала Ширли.

— Да, но это чистое предположение, — ответила я. — Куда исчезли атрибуты во время преобразования Объединённого Магического Союза в демократию, очень сложно выяснить. Хроника Акаши принадлежала когда-то семье Бальтазар, по крайней мере, об этом рассказывал Парэлсус. Но в конечном итоге она оказалась под присмотром примуса, что говорит о том, что и другие атрибуты власти тоже ещё могут находиться в распоряжении палаты сенаторов.

— Значит, это путь ведёт в палату сенаторов? — задумчиво спросила Лиана.

— Или атрибутами снова владеют семьи? — предположила Ширли.

— Я уже думала об этом, — ответила я. — Но я не знаю об атрибутах в нашей семье. Адам тоже, если бы что-то знал, уже давно сказал мне. Поэтому я полагаю, что атрибуты власти по-прежнему находятся во владении палаты сенаторов.

— Примус их добровольно не отдаст, чтобы ты смогла уничтожить.

Лоренц задумчиво выпятил губы.

— Конечно, нет, вы же знаете, как усиленно охранялась хроника Акаши, — вспомнила я.

— И все-таки, ты сумела попасть в храм.

Ширли смотрела на меня своими обведенными черным карандашом глазами.

— Да, но только потому, что Бальтазар отвлек охрану Виллибальда Вернера. Мне просто повезло. Он хотел, чтобы я как можно ближе подобралась к храму, а потом схватить меня. Он наверняка не рассчитывал, что я и в самом деле попаду туда, а сам храм разрушится во время битвы Морлемов с охраной Виллибальда Вернера.

— Тогда будем исходить из того, что атрибутами власти все еще владеет палата сенаторов. В данный момент это единственное логическое заключение. Нам нужно найти способ поговорить с примусом, — задумчиво сказала я.

Если кто-то и знает об этом, то это он.

— О чем ты хочешь поговорить с примусом? — спросила Ширли. — Думаешь, он вот так запросто скажет тебе, где спрятаны атрибуты? Он знает, на что они способны и не будет тебе ничего рассказывать.

— Ширли права, — вставила свое слово Лиана.

— Я хочу поговорить с примусом и о том, что идеи, которые он воплощает в жизнь, принадлежат Бальтазару. Хочу знать, почему он предает страну!

— Что? — Лиана в ужасе уставилась на меня.

— Почему ты так думаешь?

Лицо Ширли застыло.

— Заявление о намерении вступить в брак — это шаг назад к монархии, а Бальтазар всегда угрожал вновь установить монархию, — ответила я.

— Не знаю, — задумчиво сказала Ширли. — Мне кажется это неправдоподобно, как думаете?

— Вилибальд Вернер единственный, кто может дать ответ на этот вопрос, — решительно сказала я.

— Тогда нам нужно ещё выработать план, как выпытать информацию у примуса, — решительно сказала Ширли.

— Прежде всего нам нужны идеи, как мы вообще сможем близко к нему

подобраться, — сказала я. — Только когда это станет ясно, можно будет заняться вопросом, как выпытать информацию. Тогда было бы неплохо, если бы мы хотя бы выяснили, о каких предметах идёт речь.

— Это значит, что нам нужно интенсивно заняться семейной историей королевских семей. Может какой-нибудь атрибут всплывёт в семейной хронике. Кто вызовется добровольцем для парочки дополнительных часов в медиатеке? — спросил Лоренц.

— Это я возьму на себя, — ответила Ширли. — Я всё равно ничего не запланировала на выходные.

— Хорошо. А я проверю на вшивость Энакина, в конце концов он Арпади, и таким образом именно тот, кто нам нужен, — сказал Лоренц.

Я обрадовалась, что он захотел взять это на себя, потому что у меня не было большого желания углублять отношения с Энакином.

— Хорошо, тогда я покопаюсь в моей собственной семейной истории, в конце концов моя бабушка фон Норденах, и где-то в доме возможно ещё найдётся парочка реликвий, которые смогут дать ключ к разгадке.

Я задумчиво разглядывала бордовую скатерть перед собой.

— Хорошо, тогда остаётся ещё вопрос с заявлением о намерении вступить в брак.

— Пока это только слух, — вставил Лоренц, — но, если о нём уже говорят на вилле дель Мар, тогда много времени не потребуется, и мы получим публичное объявление из палаты сенаторов.

— И что потом? — спросила Лиана. — Мне просто попросить неизвестно кого, хочет ли он жениться на мне?

Ширли прокашлялась.

— Это целиком зависит от того, какую версию заявления о намерении вступить в брак огласят...

В этот момент подошёл Ким с напитками и поставил их на стол.

— Еда скоро будет, мой повар быстро готовит.

— Отлично! — ответил Лоренц, с восхищением разглядывая искусно декорированные коктейли. — Не думал, что смогу пережить что-то подобное в Шёнефельде, даже не осмеливался мечтать. Спасибо, чувак, что ты решил переехать сюда.

Ким Гёрнер посмотрел на Лоренца, приподняв брови, а потом снова удалился за свою стойку, где начал громко мыть стаканы.

— Если они признают официальной версию, что действовала в самом начале Объединённого Магического Союза, тогда нам придётся бросить учёбу и сразу начинать рожать детей, — мрачно сказала Лиана.

— Этого никто не сделает, — вставила Ширли.

— Правильно, — задумчиво сказала я. — Скорее они обнародуют версию с 1928 года. На большее палата сенаторов не осмелится, и даже её некоторые не примут беспрекословно, по крайней мере, я надеюсь, что так будет.

— Ты что думаешь, я хочу обручиться с кем-то, кого не знаю, и на ком должна буду потом жениться?

Лиана смотрела на меня, округлив глаза, и я опять могла только удивляться, как сильно изменился её настрой с прошлого года.

— Этого никогда не будет, я буду сопротивляться.

— Если мы все откажемся, — сказала я, — тогда они не смогут внедрить этот закон.

— Тогда ты очень плохо знаешь палату сенаторов, — горько сказала Ширли. — Если ты не назовёшь кандидата, тогда они, скорее всего, просто назначат тебе одного, и готово.

— В этом ты права.

Я задумчиво мешала в ярко-красном коктейле и выпила маленький глоток.

— Если откажется парочка плебеев, это никому не будет интересно. Нам нужно организовать что-то публичное.

— Хочешь раздавать листовки, как твоя мать? — спросил Лоренц, приподняв вверх брови.

— Нет, в этом не было толку, — сказала я. — И они никого не расшевелили.

— Мы можем выбрать следующее публичное мероприятие Объединённого Магического Союза и попытаться там подобраться к Виллибальду Вернеру. Может быть было бы не плохо начать какой-нибудь отвлекающий манёвр, чтобы у тебя был повод выжить из него ответы.

Ширли с энтузиазмом посмотрела на меня, и я кивнула.

— Ты хочешь выкрикивать враждебные лозунги, а затем попасть в Хаебрам? — Лоренц покачал головой. — Нет, я этого не допущу, это никому не поможет, а если Адам узнает, что ты обдумываешь использовать такую компанию, он больше не спустит с тебя глаз, ты это знаешь сама. Помимо всего прочего, подобные действия просто не имеют никакого стиля.

— А я и не собиралась действовать так, здесь нужно предпринять что-то более умелое, — сказала я. — Никто не должен узнать кто мы такие. Мы должны оставаться неуловимыми и всё же занять совершенно ясную позицию.

Лоренц вдумчиво кивнул.

— Это звучит уже получше. Я непременно приму в этом участие, похоже на драматичный фильм про шпионов, — его лицо внезапно помрачнело. — Но вы ведь осознаёте, что рискуете попасть в Хаебрам, — вставил он. — Вспомните § 1. Я говорю это так, чтобы вы не забыли.

— Надеюсь, что это всем ясно, — тихо сказала я, оглядывая собравшихся.

— Да-да, — нетерпеливо сказала Ширли.

— Хорошо, зимний бал в феврале будет следующим общественным выдающимся событием, которое подойдёт для подобной компании, — сказал Лоренц. — Я займусь деталями этого мероприятия.

— Я придумаю что-нибудь сенсационное, так чтобы в жилах патрициев стыла кровь.

С удивлением я заметила, что Ширли в первый раз за несколько недель весело улыбнулась. Это компания, казалось, как раз на её вкус.

— Хорошо, а я попытаюсь убедить Адама, чтобы он рассказал мне, как организованы меры безопасности. Ведь его родители были на каждом балу, проходящих летом. Он определённо знает, где есть брешь в системе безопасности на таких мероприятиях.

— Вам нравятся мероприятия? — в этот момент спросил Ким, балансируя и ставя на стол пять тарелок. — В следующем месяце у меня будет выступать здесь группа.

— Это как раз в моём вкусе, — подчёркнуто весело сказал Лоренц, но я чувствовала, что его голос немного дрожит.

Сколько услышал Ким?

— У тебя есть листовки? — спросила я. — Мы могли бы выложить их в Теннебоде.

— Было бы шикарно, — ответил Ким.

Он неловко поклонился и исчез на кухне.

— Уф, чуть не попались. В будущем нужно будет найти другое место для наших тайных

встреч, — сказал Лоренц, задумчиво глядя вслед Киму Гёрнору.

— Да, было бы лучше, в противном случае веселье закончится ещё прежде, чем начнется.

Я кивнула и повернулась к моей тарелке, но Ким Гёрнер не производил впечатления хитрого слухача, находящегося на службе палаты сенаторов, который только того и ждёт, чтобы мы сделали ошибку.

Но безопасность была тем, на что мы должны были обращать сейчас больше всего внимания, если не хотели, чтобы нас слишком быстро вывели из строя.

Мы вышли из «Гостиной Шёнефельде» почти в десять вечера и договорились через две недели сравнить результаты наших расследований и постановить, какими будут наши следующие шаги. Хотя я была довольна тем, что мы обсудили, меня охватило беспокойство, когда вышла за дверь.

Темнота была молочно-мутной, клубы тумана легли на переулки и улицы Шёнефельде. Лоренц и Ширли отправились назад в Тенненбоде, а Лиана быстро прошла в Каменный переулок, где её уже ждал Пауль.

Я взвалила на спину мой небольшой рюкзак и после того, как несколько раз огляделась и удостоверилась в том, что на рыночной площади больше никого не видно, отправилась к месту назначения. Вместо того, чтобы пересечь рыночную площадь, я прокралась вдоль её края, а потом завернула на Кирпичную улицу, ведущую на север. И только когда увидела стоящие перед школой голые платаны, я повернула направо и ступила в Глиняный переулок.

Маленькие дома плотно прижимались друг к другу, и казались крошечными под своими низкими крышами. Тяжёлая часть вечера была ещё впереди, до сих пор я успешно избегала мысли об Адаме.

В то время как я шла в тусклом свете газовых фонарей по гладко вымощенной камнями улице, а туман поглощал звуки моих шагов, беспокойство всё росло.

Моя любовь к Адаму была словно тёплый свет внутри меня, который неизменно и надёжно согревал. Любое потрясение этого чувства отнимало у меня силу, и я не была готова допустить это. Мы принадлежим друг другу, как начало и конец, как жизнь и смерть — две неразделимые вещи.

Тихо шагая, я покинула последний источник света. Оставшаяся часть узкой улицы лежала в темноте. Но мне не пришлось идти в полной темноте, так как туман сопровождался рассеянным светом. Странно, но я нисколько не боялась идти по пустой улице, а мои тихие шаги поглощал туман.

Наконец, передо мной предстал последний дом. Здесь Глиняный переулок заканчивался крошечной площадью, на середине которой стояла сучковатая липа. Дом номер 13 когда-то был вполне респектабельным строением, но сейчас было отчетливо видно, что он уже долгое время стоял пустым. Со стен отваливалась штукатурка, а за наглухо закрытыми окнами висели пожелтевшие занавески.

Я подошла к входной двери, Адама нигде не было видно. Посмотрев вверх, я действительно заметила на первом этаже слабый свет. Если специально не искать, то его можно и не заметить. Это был знак того, что Адам здесь и все под контролем.

Нажав на ручку, я открыла дверь. Должно быть кто-то смазал дверные петли, потому что дверь открылась слишком легко для старого, заброшенного дома. Я закрыла за собой дверь и даже не успела почувствовать себя одиноко, сразу поняла, что Адам здесь.

— Сельма, — прошептал он неестественно отрешенным голосом. В нем слышалась

грусть и боль, отчего у меня возникло мрачное предчувствие.

— Пойдём, я хочу уйти с тобой отсюда!

Он закрыл входную дверь, взял меня за руку и ни слова не говоря, притянул к себе. Я не сопротивлялась, а с трудом пыталась отвлечься от охватившей меня угрожающей темноты. Виноват в этом был не мрачный дом и не тёмная улица, по которой я кралась, а голос Адама. "Нет", — укоряла я себя. Я не должна делать поспешных выводов.

— Что особенного в этом доме? — тихо спросила я, в то время как Адам зажег слабо светящийся световой шар.

— Это дом Миро, одного моего хорошего друга. Он не против того, чтобы я воспользовался им на выходных.

— На выходных?

Я в недоумении посмотрела на Адама. Ну, с таким же успехом мы могли бы прокрасться в темноте в дом бабушки, там бы мы тоже были одни. Хотя в этом случае, мы всегда должны иметь в виду, что за нами может кто-то наблюдать. А по этой улице бродили разве что крысы да кошки.

— Нет, дело не в доме, видит бог, есть гораздо более приятные места, где бы я встречался с тобой, если бы мог. Но может быть я нашел для нас кое-что, близкое к этому.

Он впервые улыбнулся, с тех пор как мы встретились и постепенно напряжение, поначалу охватившее меня, спало.

В доме было холодно и у меня по спине пробежал холодок. Адам почувствовал это и приобнял меня за плечи, потянув к лестнице.

— Здесь живет твой друг?

Я скептически оглядела отклеившиеся от стены обои и лежавший на полу хлам.

— Нет, конечно нет. Последние жильцы выехали отсюда в 1952 году. Он купил этот дом, потому что его интересовало определенное помещение. Дом принадлежал человеку, ухаживавшему за драконами при дворе королевы, царствовавшей в 1900 году. Поговаривают, что у них была любовная связь.

— Правда? И он надеялся, что в подвале можно найти парочку потайных дверей? — гадала я.

— Верно. И он действительно нашел одну дверь в подвале, но сразу же замуровал ее; она ведет к комнате пыток. А на первом этаже он нашел еще одну дверь, она являлась одним из маленьких секретов королевы.

— Ты можешь ему доверять? — осторожно спросила я, пока Адам тянул меня по лестнице на второй этаж.

Резкий ветер задул через прохудившуюся оконную раму и холод снова охватил мои конечности.

— Ты знаешь, какие у меня отношения с товарищами из Чёрной гвардии, — сказал Адам, в то время как мы в гостиной перелезли через диван, чтобы добраться до двери, которая виднелась за полу-разорванным гобеленом. — Мы доверяем друг другу наши жизни. Ни один из них не предаст меня или соврёт.

— Почему твой друг не нанял людей, чтобы отремонтировать дом?

Я пыталась не думать о том, на что только что мягкое наткнулась моя нога.

— Он собирается это сделать, но это ещё также и финансовый вопрос. В Чёрной гвардии богатым не станешь. Кроме того, он не хочет привлекать к зданию внимание. В данный момент сюда никто добровольно не зайдёт. Городской совет Шёнефельде внёс его в

список грозящих обрушиться. Ещё немного, и мы на месте.

Адам отодвинул гобелен в сторону и вытащил связку ключей. Он выбрал большой ключ, с переплетёнными друг с другом сердцами.

Световой шар последовал за нами наверх и освещал деревянную дверь. Так же, как и ключ, её оформили с большим вниманием к деталям, но главным образом сердца разных размеров обвивались вокруг цветов и бутонов. Королева и её любовник казалось были очень романтичными.

— Вперёд!

Адам засунул ключ и замочную скважину и повернул.

Я сделала глубокий вдох, когда он закрыл глаза и произнёс на старом языке сложное вербальное заклинание. Он вложил в слова много магии, я чувствовала тихое гудение в руке Адама, переходящее в мою.

Когда последнее слово утихло, из-под двери начал проникать яркий свет, как будто всеми силами хотел вырваться из своей тюрьмы. Адам открыл дверь, и я ослеплённая, закрыла глаза. Но прежде чем я смогла привыкнуть к внезапному свету, Адам уже схватил меня за руку и потянул через дверь.

Сначала я почувствовала тепло, которое укутало меня после первого шага. С глухим звуком дверь за нами закрылась, и теперь я осмелилась медленно открыть глаза.

Золотистое мерцание лежало на всём, что я видела. Нежная, тёплая рябь, которую обычно можно было встретить только поздними, летними днями, когда жизнь всеми силами сопротивляется приближающейся зиме.

Зелёные луга тянулись нежными изгибами под старыми деревьями. Их лишь иногда прерывали лениво-текущие речки, над которыми выгибались узкие мостики, как раз такой ширины, чтобы по ним могли пройти, держась за руки, двое влюблённых.

Хотя я не видела солнца, оно казалось светило везде. Я сделала шаг вперёд и почувствовала, как моя нога потонула в мягком мху, как в пушистом ковре. Каждый мой шаг сопровождался нежным звоном, такт которого, казалось, задавала я.

— Где мы? — восторженно прошептала я, и когда произнесла слова, с неба посыпались лепестки роз. Нежно пахло любовью, солнцем и летом. Когда Адам увидел мою радость, он улыбнулся такой сияющей улыбкой, что я забыла на одно мгновение, как дышать.

— Где мы? — спросила я, рассмеявшись, и в ответ оказалась под дождём из красных цветов. — Это сон или по-настоящему?

— Это сад королевы, созданный для того, чтобы соблазнять чувства и дарить радость.

За его словами последовал бриз из красных лепестков роз, а с ними в нос проник сладкий аромат.

— Я понятия не имею, где он находится, но полагаю, что его невозможно найти в реальном мире. Это магическое пространство, которое существует только за этой дверью. Он мог бы стать нашей тайной, нашим убежищем?

Адам обнял меня рукой, и мы пошли к одному из мостиков.

— Звучит заманчиво, — сказала я, улыбаясь, в то время как мы наблюдали за группой грациозных лебедей, как они проплывают под мостком.

Как будто случайно, на лужайке рядом с мостом оказалась маленькая лодка. В ней находилась корзина для пикника, а на скамейке лежало одеяло.

— Хочешь проехаться со мной на лодке? — Адам улыбаясь смотрел на меня.

— Только не говори, что желания исполняются?

— Попробуй, поэтому-то он и называется садом удовольствия. Думаю, он выполнит все твои желания, которые сделают твоё пребывание здесь ещё более прекрасным.

— Как насчёт качелей под деревом, вон там?

Я закрыла глаза и когда открыла их вновь, с дерева на длинных верёвках действительно свисали качели.

— Это невероятно, — прошептала я, снимая толстую, зимнюю куртку и сапоги. — Невероятно прекрасно.

Босиком я подбежала к дереву и села на качели. Мелодия моих шагов была быстрее, когда я бежала, и звонко звенящие нежные звуки ещё разносились по парку, в то время как я раскачивалась всё выше и выше. На самой высокой точке я спрыгнула, быстро расправив крылья. Над верхушками деревьев я потерялась в тёплом ветерке, чувствуя Адама поблизости, он тоже поднялся в воздух.

Мы приземлились на покрытой цветами поляне, и я знала, что там уже стояла кровать с балдахином, когда закрыла глаза и пожелала её.

Поцелуй Адама был в одно и тоже время нежным и требовательным, и я с удовольствием отдалась его объятьям. Тёплый ветер нежно обдувал мои ноги и руки. Звон превратился в уже хорошо знакомое потрескивание, которое раздавалось только тогда, когда между Адамом и мной текла эта сильная энергия, сплачивающая нас воедино.

— Я так сильно люблю тебя, что это причиняет боль.

Голос Адама был хриплый, глубокий и полный страсти. Но он также был наполнен страхом; такой же страх, который регулярно охватывал меня, страх потерять его. Но сейчас я не хотела бояться. А только быть счастливой, не больше и не меньше.

— Давай забудем обо всем на пару часов, — хрипло попросила я, снимая с плеч Адама рубашку.

Я хотела поговорить с ним о заявлении о намерении вступить в брак и о моих предположениях относительно атрибутов власти, а также о том, что заставило его стать таким серьёзным, что ему захотелось поговорить со мной. Но всё это внезапно стало совсем неважным.

Его кожа пылала под моими прикосновениями, и между нами перепрыгивали туда-сюда нежные искры, когда Адам кивнув, потянул меня к кровати с балдахином.

— Я люблю тебя, — сказала я, обнимая его за шею.

Я зарылась руками в его тёмные волосы и прижала к себе, в то время, как мои губы накрыли его в жадном поцелуе.

Потом я отпустила, давая всем моим желаниям волю, которые обычно тщательно контролировала, чтобы не сделать ошибки и не выдать себя и Адама. Между нами была любовь; такая тёплая и яркая, такая страстная и безоговорочная, что её не могла постичь моя голова, и лишь сердце было полностью ей пропитано.

Почему так не может быть всегда? Но сколько пар существует там снаружи, которые даже не осмеливаются признаться в своих чувствах, потому что их им запрещает Объединённый Магический Союз.

Адам медленно целовал моё плечо, руки и живот, в то время, как мой разум окончательно отключился, перестав задавать вопросы, и я наслаждалась только этим редким моментом, когда мы были свободны и за нами никто не наблюдал.

Только на следующее утро я наконец проснулась. Действительно настало уже утро? Я точно не знала. Свет в этом саду никогда полностью не угасал. Казалось он стал в течение

ночи немного тусклее, как будто на сад опустились короткие сумерки.

— Доброе утро.

Ленивым движением я провела по шее Адама, после чего он устало открыл глаза.

— Знаешь, почему я взял тебя сюда? — спросил он и повернулся ко мне. Взгляд из его тёмно-синих глаз был такой глубокий, что я с удовольствием терялась в нём.

— Может потому, что в нашем окружение существует не так много мест, где мы могли бы уединиться, и на следующее утро не найти об этом статью в «Хронике короны»?

Адам улыбнулся.

— Сад мне кажется раем, и пока у меня этот ключ, в этот рай никто не сможет проникнуть, понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что здесь нас никто не найдёт? Разве у Миро нет копии этого ключа?

— Это невозможно, по крайней мере для мага. Видишь этот тёмный металл?

Он вытащил ключ из штанов, которые лежали рядом с кроватью на траве, и поднял его вверх. Я внимательно разглядывала маленький шедевр.

— Это особенная руда, с помощью которой к металлу можно привязать необыкновенно сильные волшебство. Ни один маг не сможет сделать что-то подобное, это чистое искусство гномов. Только они знают, где можно найти такую руду, они очень хорошо зарабатывают на этой тайне. Помнишь ещё мой меч и кинжал?

Я кивнула, об этом я всегда буду помнить, в конце концов таким кинжалом я лично убила Морлема, а меч всадила в спину Бальтазара.

— Эти кинжалы изготавливаются гномами, только им мы обязаны тем фактом, что вообще можем убивать Морлемов. Тоже самое с ключом. В нём заключена такая сильная магия, что только с ним ты можешь открыть дверь в этот сад. Только гном, который сделал этот ключ знает, как работает механизм.

— А этому гному, следовательно, должно быть уже сто пятьдесят лет.

— А это невозможно, потому что гномы живут столько же, сколько и мы. Поэтому существует только один этот ключ, а значит сад безопасен.

— Что ты хочешь мне этим сказать? — нетерпеливо спросила я, потому что мне всё ещё было не совсем ясно, куда Адам хочет направить меня своими вопросами. Но я вспомнила его настоящий голос, когда он захотел со мной поговорить.

Адам коротко закрыл глаза, и в этот момент рядом с кроватью появился поднос с кувшином воды и большой тарелкой с разной едой.

— У нас есть здесь всё, что нужно для жизни, — сказал он, пристально на меня уставившись, и теперь я наконец поняла, что он планирует.

— Ты хочешь исчезнуть? — хрипло спросила я.

— Не я. Я хочу, чтобы в безопасности была ты. Палата сенаторов собирается через пару недель вновь утвердить закон о сдаче заявления о намерении вступить в брак.

— Я знаю, — ответила я, и теперь внезапно поняла, откуда появилось беспокойство Адама.

— Откуда ты опять все знаешь?

Адам вздохнул, упал на подушки и провел руками по лицу.

— До Лоренца в Вилле дель Мар дошел один слух, — объяснила я извиняющимся тоном. — Мы хотим оказать сопротивление.

Короткими и осторожными фразами я описала разговор, который вела с Лоренцом,

Ширли и Лианой в «Гостиной Шенефельде».

— Это безумие, этот план приведет тебя прямо в Хаебрам, — несдержанно сказал Адам. — Забудь об этом как можно скорее! Политическая ситуация накаляется все больше. Я ошибся. Ситуация в Объединенном Магическом Союзе вовсе не разрядилась, а наоборот становится все опаснее для нас. Не знаю, что нашло на Виллибальда Вернера, но он собирается изменить свой политический курс. Это еще одна причина для того, чтобы наконец позаботиться о твоей безопасности.

Он снова поднялся и нежно провел пальцем по моей щеке.

— О моей? — я в ужасе посмотрела на Адама. — А как же ты?

— Мы конечно же вернемся сюда вместе.

— Об этом не может быть и речи, — быстро сказала я. — Я не могу оставить моих друзей в беде. Кроме того, я не собираюсь сидеть здесь взаперти.

— Взаперти?

Лицо Адама изменилось, он стал замкнутым, а в глазах вспыхнули искорки гнева.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Никто не собирается запираить тебя здесь. Речь идет о твоей безопасности. Я уже несколько дней ломаю себе голову над тем, как вести себя в этой ситуации, — громко сказал он и встал. — Я не могу в открытую рассказать о наших отношениях, потому что мы тут же нарушим клятву. И тогда ничто не помешает открытию судебного процесса. Не помилуют ни тебя ни меня. Наша судьба была бы предрешена, стоит мне только открыть рот или если кто-то узнает, что мы встречаемся.

Адам провел рукой по густым, черным волосам, а я плотно сжала губы. Должно быть что-то произошло. Еще недавно он говорил, что считает возможным сделать наши отношения публичными, по крайней мере в кругу семьи.

Казалось Адам не замечал мое подавленное лицо.

— Сенаторы не ожидают ничего другого от дочери Катерины фон Норденах. Нас никто не спасет. Поэтому не остается ничего другого, кроме как продолжать хранить наши отношения в тайне. Я могу с этим смириться. Но с чем бы я не смог смириться, так это если бы я обручился с другой женщиной, а ты с другим мужчиной. Ты принадлежишь мне, и больше никому.

Эти слова он сказал решительно и проницательно посмотрел на меня. На мгновение я потеряла самообладание, увидев его жгучий взгляд, в котором бушевал океан чувств.

— Это принадлежит только тебе, — прошептала я, положив руку ему на грудь. Он взял ее и поднес к губам.

— Я не могу допустить, чтобы ты обручилась с другим мужчиной! — жестко повторил он. — И я тоже не буду встречаться с другой женщиной. Никогда! Это безумие!

В его голосе звучал гнев, гнев и неистовая ярость.

— И тем не менее, я не буду прятаться здесь, — решительно сказала я. — Мы должны что-то предпринять. С большой уверенностью можно сказать, что за этой внезапной смерной курса стоит Бальтазар. Каким-то образом он нашел способ повлиять на Виллибальда Вернера.

Я подошла к нему совсем близко, так близко, что видела искры в его глазах.

— Бальтазар?

Лицо Адама приняло еще более жесткое выражение.

— Конечно! Кто же еще? — мрачно сказала я.

— Ещё на одну причину больше убрать тебя с линии огня. Ты знаешь, что я к тебе чувствую.

Его взгляд изменился, стал мягким, черты лица тоже внезапно расслабились. За его гневом и яростью я разглядела глубокую обеспокоенность, которая подгоняла его.

— Ты знал, что будет не легко, — тихо сказала я.

Он страдальчески вздохнул.

— Ты смогла бы всё упростить. Остайся со мной здесь! Мы могли бы жить спокойно до конца наших дней и вместе умереть, когда придёт время. Каждый момент, когда мы врозь, причиняет боль — вот здесь, глубоко внутри, — он положил руку себе на грудь. — Если ты любишь меня хоть чуть-чуть также сильно, как я тебя, этого будет достаточно, чтобы быть счастливым целую жизнь. Давай исчезнем! Сейчас у нас ещё есть возможность.

Я в отчаяние сглотнула. Я была в смятении из-за того, что он требовал от меня этого решения.

— Ты знаешь, как сильно я тебя люблю, намного больше, чем ты, возможно, догадываешься, и всё же наша жизнь вращается не только вокруг нас, — сказала я тихо. — Это место прекрасно, одно из самых прекрасных, которые я когда-либо видела в жизни. Но здесь внутри не та жизнь, которую я хочу провести. Там снаружи кто-то собирается причинить боль стольким людям, и я не смогу просто стоять в стороне и делать вид, как будто меня это не касается. Я не знаю, будет ли у меня достаточно силы, чтобы остановить его, но я сделаю всё, что смогу, чтобы попытаться.

Лицо Адама помрачнело. Он запрокинул голову назад.

— Сельма, ты свяжешься не только с одним человеком, а со всем Объединённым Магическим Союзом, — резко сказал он. — Все сенаторы поддерживают примуса Виллибальда Вернера и, если он действительно поддался давлению и больше не принимает собственных решений, ты окажешься перед лицом непобедимой силы. Морлемы всё ещё там, в этом я не сомневаюсь. Даже адмирал безоговорочно выполняет все приказы палаты сенаторов. Никто в этом чёртовом обществе ничего не ставит под вопрос. Они следуют за примусом, как тупые, слепые овцы в пропасть. Я постепенно начинаю верить в эту историю об атрибутах власти, по-другому просто не могу объяснить, как такое возможно.

Адам направил свой взгляд на меня.

— Мне следует пойти прямо в палату сенаторов и поговорить с Виллибальдом Вернером, — решительно сказала я. — Он несёт ответственность за этот политический курс, и должна быть причина, почему он так радикально поменял своё мнение.

— Ты не можешь просто так войти туда. Входы заблокированы. Палата сенаторов охраняется, как тюрьма строгого режима.

— Тогда я подкараулю Виллибальда Вернера где-нибудь в другом месте.

— Нет!

Адам решительно смотрел на меня, его тёмные глаза сверкали.

— Адам! — настойчиво сказала я и приложила руку к его щеке. — Я люблю тебя, даже ещё больше за то, что ты сделал это для меня. И я обещаю, что буду приходить с тобой сюда так часто, как только возможно. Каждые выходные, если хочешь. А если ситуация будет действительно такой безнадежной, что нам ничего другого не останется, кроме как умереть, тогда я приду с тобой сюда.

Но если с Объединённым Магическим Союзом всё действительно будет настолько плохо, тогда мы возьмём с собой Лоренца, Лиану и Ширли. И конечно же Пауля и родителей

Лианы, и бабушку Лианы. Ах, всех кого я люблю и хочу защитить. Я ведь не могу бросить их на произвол судьбы. Они все своим способом сражаются за свободу, и я не оставлю их сражаться одних. Мы хотим встретиться с Виллибальдом Вернером и поговорить. Лоренц говорит, что Зимний бал следующее большое мероприятие, на которое мы сможем пробраться, а потом мы убедим Виллибальда Вернера, что он объединился с преступником.

— Сельма!

Адам тяжело вздохнул, но в его голосе слышалось смирение. Потом он просто молчал и смотрел на меня. Молчание длилось долго, пока я ждала, что он что-то скажет. Я видела, как дрожат его зрачки, что, не смотря на неподвижность, в нём всё-таки происходит движение.

— Зимний бал, — в конце концов сказал он, спустя бесконечный отрезок времени, который потребовал от меня всё моё терпение.

В его голосе не было чувств. Там ничего не было, что могло бы подсказать, как выглядит внутри него.

— Да, — нерешительно и в тоже время ободряюще сказала я.

— Моих родителей пригласили на него, и я наверняка могу пойти с ними, — в конце концов сказал он, растягивая слова.

— Ты? А что со мной? — спросила я с возрастающим нетерпением. — Я что, должна ждать тебя всё время здесь и бить баклуши, пока ты решаешь мои проблемы?

— Нет, Сельма, ты неправильно поняла, — сказал Адам. — Ты не просто какая-то незнакомка, которая может исчезнуть в толпе. Ты слишком сильно похожа на свою мать, а её историю, вероятно, знает каждый патриций на этом бале. Кроме того, это не только твои проблемы.

— Это наши проблемы, я знаю, — ответила я примирительным тоном. — Я хочу что-то сделать и не позволю никому помешать мне, Адам. Ты знаешь моё мнение на эту тему, и оно не изменилась с прошлого года.

— Как я мог забыть? — вздохнул он. — Может у меня была хрупкая надежда, что ты стала немного мудрее.

Он сердито смотрел на меня, а его глаза выглядели как покрытое звёздами ночное небо.

— А я и стала, но по-другому. Я теперь знаю, что нужно делать и что нет способа избежать этого.

— Нам не поможет, если ты будешь сидеть в Хаебраме, а ты окажешься там, если, будучи плебеем, появишься на этом балу. Если пойду я, то это не привлечет большого внимания. Нет ничего предосудительного в том, чтобы вовлечь Виллибальда Вернера в разговор о его новом политическом направлении.

— Ну ладно, — скрипя зубами согласилась я.

Это была хорошая идея с его стороны, нужно было признать, несмотря на ощущение, что я нахожусь под опекой. Он находился в куда более удобной позиции, чтобы сблизиться с Виллибальдом Вернером.

— Теперь твой настрой мне нравится гораздо больше, — сказал Адам, но мне не хватало улыбки на его лице.

Его внутренние противоречия никуда не исчезли, у него явно было что-то на душе.

— Могу представить, — ответила я.

Если заявление о намерении вступить в брак действительно введут, Адам должен будет принять решение, и я знала, что такие решения давались ему с трудом. Он боролся с собой целую вечность, пока не удостоверился, что находится на правильном пути. Но если уж Адам

принял решение, то ничто не могло заставить его изменить его.

— Но слухи в палате сенаторов не единственная причина, по которой ты привел меня сюда?

Я задумчиво смотрела на Адама, в голове всплыли слова, сказанные им сегодня утром. Теперь мне казалось, что он перегнул палку. Заявление о намерении вступить в брак было не более чем слухом, а не непосредственной угрозой, чтобы тут же начинать действовать.

— Это было главной причиной, — сказал Адам, растягивая слова, при этом у меня все похолодело внутри.

Он вел с собой какую-то борьбу, о которой еще не рассказал мне.

Холодок распространился уже по всему телу, и я почувствовала, как начала дрожать нижняя губа.

— А какая второстепенная причина? — тихо спросила я, чтобы Адам не почувствовал моего страха.

Он расправил плечи.

— Я рассказал матери, что мы встречаемся, — наконец сказал он.

— Что? — спросила я черезчур громко.

Теперь мне стало понятно, что бегство Адама сюда было как-то связано с реакцией его матери на это признание.

То, что мы сидели здесь, а не в гостиной его родителей за чашкой чая, свидетельствовало о том, что их восторг по поводу меня был не слишком большим.

— Мама против моего решения, — медленно сказал он. — Мы поругались.

— И используя эту возможность, она сразу же сказала, что отношения со мной все равно не имеют смысла, потому что скоро ты женишься на девушке из патрициев? — предположила я.

— Примерно так, — пробурчал Адам и вскочил на ноги. — Я не ожидал, что она так ополчится против меня.

— Ты что, правда думал, что она примет меня с распростертыми объятиями в вашу семью?

Я распахнула глаза от удивления.

— Я надеялся, — серьезно ответил Адам и подошел ко мне. — У твоей бабушки была власть что-то изменить в политике, но она не поддержала твою маму.

— И ты надеешься, что твои родители думают по-другому и захотят что-то изменить ради тебя?

— Я надеялся, но мои надежды не оправдались.

— Значит это бегство от семьи? — спросила я, но ещё более мрачная догадка охватила меня в этот момент, которая окончательно открыла мне бурную реакцию Адама. — Они угрожали тебе выдать меня?

Адам молчал, но его молчания было достаточно в качестве ответа. Меня охватил холод, было так холодно, как ещё никогда в жизни. Тайнственный сад сразу выполнил моё желание, и я почувствовала, как внезапно вокруг меня закружились нежные снежинки. Сначала их было немного, но потом становилось всё больше.

— Моя мать не осмелится сделать этот шаг, — сказал Адам, полный явного гнева.

— Значит, ты должен как можно быстрее со мной расстаться, я права? — пренебрежительно спросила я.

— Я не позволю запрещать мне, быть рядом с тем, с кем я хочу быть вместе, тем более

моей матери. Я не позволю ей шантажировать меня, потому что не верю в то, что она действительно сделает это.

— Всё не так просто, — прошептала я, мои губы дрожали, в то время как Адам позаботился о том, чтобы снежинки исчезли, а мои щёки начал ласкать тёплый ветерок. — Твоя мать Торрел, она потомок королевской линии, и ты сам знаешь, как важно её мнение. Кроме того, я не хочу рисковать и выяснять, было ли это только угрозой. Ты должен сказать ей, что расстался со мной и...

Адам прервал меня:

— И что? Что найду девушку, которая подойдёт моей матери лучше? Никогда в жизни!

— Адам Торрел, — строго сказала я. — Ты настоящий упрямец. Ты предпочитаешь вечно скучать со мной в этом саду, чем соврать своей матери?

— Ты переживаешь, что будешь скучать со мной? — спросил Адам, приподняв брови.

— Нет! Конечно, нет, — простонала я в отчаянии.

— Неважно.

Адам снова стал серьёзным, и всё же его гнев смягчился.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, и на данный момент у меня нет другого выбора. Ты не хочешь использовать эту возможность перебраться в безопасное место, и всё же я не брошу тебя. Поэтому сейчас мне не остаётся ничего другого, как врать матери и обходить её стороной, пока делаю всё возможное, чтобы заявление о намерении вступить в брак не обрушилось на нас.

— Через две недели мы снова встречаемся с Ширли, Лианой и Лоренцом, — сказала я и улыбнулась. — Мы будем тебе рады.

— Да уж, будет весело, — вздохнул Адам, и теперь он наконец снова улыбнулся мне.

Декабрь всё приближался, а с ним пришли и первые метели. Ночью температура часто опускалась ниже нуля и скоро дня уже будет недостаточно, чтобы растопить снег, который каждую ночь оставлял всё более толстый слой. Бег за пределами замка становился всё утомительней, но профессор Эспендорм настаивала на том, чтобы мы продолжали бегать, даже если нам регулярно приходилось сражаться с тем или иным сугробом.

Благодаря белому снегу, черный фасад замка казался ещё более мрачным и угрожающим. Хотя Лоренц каждый день, тщательно просматривал «Хронику короны» в поисках заметки о Константине Кронворте, тот оставался в своей выбранной творческой паузе, и перспектив на то, что внешний фасад наконец изменится, становилось всё меньше.

Но чаще всего я всё равно проносилось, словно загнанная, мимо уродливых и частично жестоких сцен побоищ, потому что уже даже рано утром у меня был стресс, точно так же, как и у всех остальных на третьем семестре.

Оказалось довольно сложной задачей, наряду со становящимися всё более сложными лекциями, выполнять ещё и исследовательскую работу о королевских семьях Объединённого Магического Союза.

Тренировки у Грегора Кёниг тоже забирали много времени, потому что он был решительно настроен выиграть следующие соревнования драконов. Успехи Энакина окрылили его, и теперь он пытался мотивировать и остальных членов команды достигнуть такого же мастерства.

Но моему абсолютному успеху в тренировках всё ещё препятствовало желание профессора Поршер экспоненциально улучшить наши результаты. Так как мы не соответствовали его высоким стандартам, то есть мы вообще были далеко от них, он всё ещё не отказался от коротких тестов и дополнительных занятий.

Но на самом деле я даже радовалась, что у меня мало времени на раздумья, потому что настроения Адама становились всё более непредсказуемыми, чем дальше он искал выход из грозящего утверждения закона о заявлении намерения вступить в брак. От своих родителей он действительно держался на расстоянии, как мы и договорились.

К моему большому облегчению, он также принял моё решение о том, что я не готова прятаться всю оставшуюся жизнь в таинственном саду. Свою мать он тоже успокоил ложью. Но всё ещё не мог смириться с этой ситуацией.

Тем временем Лиана, Лоренц и я пытались разгадать тайну двери Парэльсуса. Сменяя друг друга, мы по очереди пропускали утренние лекции, чтобы следить за ним в старой аудитории на первом этаже. И мы действительно регулярно подлавливали Парэльсуса на том, как он около девяти утра открывает потайную дверь. Но мы уловили лишь обрывки заклинания, которых не хватало, чтобы произнести его полностью. Наше потайное место под столом во втором ряду было удобным, но оттуда мы не могли разобрать слова Парэльсуса. Тем не менее, я была уверена в том, что собрать воедино все кусочки пазлов — это только дело времени.

— Заклинание состоит из шести фраз, это уже можно сказать наверняка, — сказал Лоренц, когда мы одним декабрьским вечером сидели и обсуждали события дня.

Наши конспиративные встречи мы вновь перенесли в жилую башню, после того как решили, что не можем со стопроцентной уверенностью доверять Киму Гёрнеру. Не

исключено, что время от времени он мог уловить обрывки нашего разговора.

За большими окнами учебной комнаты бушевала первая вьюга, а внутри было уютно и тепло. Помещение освещалось нашими яркими световыми шарами, и в этот момент я и правда поверила, что слухи о заявлении намерения вступить в брак, были не более чем слухами. Объединённый Магический Союз распространил их, чтобы напомнить нам с дисциплине и соблюдении правил, то, чего они всегда требовали от нас. Однако до сих пор не последовало никаких официальных заявлений, хотя слух уже дошел до всех студентов.

Лоренц проделал всю работу и вместе с Ширли распространил эту новость как можно незаметнее. Перешептывания можно было услышать даже в туалетах. Может именно поэтому палата сенаторов не торопилась с официальным заявлением. Хотя слухи и вызвали легкое возмущение, однако вовсе не шокировали студентов так сильно, как я надеялась.

Напротив, это вызывало шушуканье и хихиканье, когда студенты, прикрывая рот рукой, дискутировали по поводу того, кто будет на ком жениться или выходить замуж. Один раз, я даже услышала на лестнице дискуссию об именах детей, которые родятся в заключенных в скором времени браках.

— Каждая строчка начинается с одинакового слова — «Релине», что на древнем языке означает что-то вроде «Откройся!»

Лоренц задумчиво погладил свои тщательно уложенные волосы.

— Вторую и четвертую строчку я уже знаю полностью, но этого недостаточно.

— Я знаю, — ответила я. — Завтра я попытаю счастья с Ринусовой мазью, которую нашла на рынке в Акканки. Она должна в десять раз улучшить слух, интересно получится ли.

— Как ты вообще до такого додумалась? — удивленно спросила Лиана.

— Позавчера Дульса упомянула об этом вскользь, — ответила я и вытащила мазь из сумки. — Она как раз разбирает вещи своей бабушки в Акканке, и перечислила мне только парочку диковинок, которые собрала её бабушка. Она обнаружила под кроватью бабушки большое количество Ринусовой мази и с удовольствием отдаст её мне. Но сначала я должна испытать, работает ли она вообще. Завтра после обеда я хочу помочь Дульсе разобрать вещи.

— Думаешь, Элеанора Донна спрятала грааль патрициев в своём шкафу в спальне?

Лоренц хохотнул.

— Я не поэтому иду туда. Я хочу помочь Дульсе, в последнее время она выглядит такой подавленной. Она даже не пришла в понедельник вечером поиграть, хотя очень сильно любит Войну драконов.

— Смерть бабушки должно быть сильно расстроила её, — серьёзно сказала Ширли, и в этой серьёзности я внезапно увидела вспышку настоящих, глубоких чувств. В её глазах вдруг появилась такая глубокая печаль, что я с удивлением посмотрела на неё, когда заметила это. — Дульса была единственной, кто ещё по-настоящему общался со своей бабушкой, а не деградировала её в почти мёртвую старуху. Я могу понять, что она оплакивает члена семьи, которого потеряла. Но смерть, возможно, также самый честный способ потерять кого-то; намного лучше, чем быть забытым или не желанным. Элеаноре очень повезло, что у неё была Дульса.

Лиана и Лоренц тоже удивлённо замерли и выжидательно смотрели на Ширли.

Она наконец готова рассказать нам, что её так изменило? Но было не похоже, что она осмелится сделать этот шаг, потому что при виде нашего внезапного интереса, Ширли сразу замкнулась и уставилась в пол.

— Что? — пробурчала она. — Это ведь правда!

Потом она перенесла всё своё внимание на скорпиона, которого заколдовала с помощью простого вербального заклинания для урока магической флоры и фауны, после чего он продолжал так долго расти, пока не достиг размера кошки.

— С Энакином не так просто поговорить спокойно, — упомянул вскользь Лоренц, как будто хотел быстро поменять тему разговора, чтобы больше не расстраивать Ширли. При этом он с подозрением наблюдал за агрессивным существом, которое махнуло своим жалом в его сторону.

— Почему? — ответила я и вскинула руку, чтобы поднять чай из чашки Лоренца и накрыть скорпиона небольшой тюрмой из льда. — У меня такое чувство, будто он постоянно крутится возле меня. На самом деле мне даже больше не нужно идти в медиатеку, чтобы узнать что-то о моей семейной истории, — вздохнула я, откинувшись назад и со скукой начала листать сделанные мной записи, в которых собрала вместе историю семьи фон Норденах.

— Сегодня на теории воды Энакин подробно рассказал мне о моей прародительнице Мэхтхильт фон Норденах, правившей с 1648 по 1705 года. Эта эпоха ничем не знаменовалась, потому что за это время она не ввела никаких изменений, её прозвище было «Надёжная». Всё же Энакин подробно рассказал мне всё о её решениях и предпринятых важных поездках.

Я разглядывала скорпиона, который не особо радовался своей ситуации с тюрмой и пытался своим жалом разбить ледяной колокол над ним.

— А меня он, кажется, избегает, и это при том, что я решительно настроился изучить его семейную историю. Я не особо гожусь в качестве агента, — Лоренц вздохнул. — В течение недели он не отходит от тебя, и всегда, когда у меня в выходные наконец появляется время, чтобы спокойно заняться этой темой, тогда я нигде не могу его найти. Чтобы расширить знания, мне остаётся только медиатека. А куда собственно пропал Адам? Я думал, что он представит нам здесь пробелы в системе безопасности зимнего бала.

— Он с Торином в дороге, — тихо сказала я.

— Ага! — ответил Лоренц, он был настроен скептически, как будто знал, что Адам не особо верит в нашу исследовательскую работу об атрибутах власти.

Сейчас он все силы сосредоточил на том, чтобы найти выход из положения, которое создаст заявление о намерении вступить в брак.

В этот момент Лоренц подскочил.

— Ширли, ты не можешь наконец заставить исчезнуть этого монстра! Я из-за него нервничаю.

— Но он же милый.

Ширли с недоумением посмотрела на Лоренца.

— Милые — это щенки и котята, душенька. А это тебе не плюшевая игрушка, даже если вы сейчас хорошо сочетаетесь цветами. Я не имею ничего против приключений в постели, но не потерплю скорпиона на простынях.

— Как скажешь!

Ширли произнесла вербальное заклинание задам наперёд, и скорпион снова уменьшился, пока не стал маленьким, как жучок, и Ширли убрала его в коробку, которые раздал Грегор Кёниг.

— Лучше проследи за тем, чтобы этот скорпион не ужалил тебя. Если профессору Пошеру придётся тебя лечить, то у тебя вероятно вырастит третья рука.

— Именно, — захихикал Лоренц. — Как это случилось с Дориной. Грегор Кёниг был в ярости и послал Пошера в Таберанскую пустыню. Великолепно!

Лоренц ещё раз хихикнул.

— К счастью Эникин знал, как избавиться от третьей руки, чудо-мальчик.

— Но где он торчит по выходным, я тоже не знаю, — вздохнула я, просматривая абзац, в который внесла драгоценности и ценные вещи, что были упомянуты в записях. — Скорее всего он баррикадируется в своей комнате и усердно тренируется, чтобы не потерять своё место медалиста. Вы знали, что он живёт в одном из номеров люкс на пятом этаже?

— В одном из номеров люкс для посетителей? — с любопытством спросил Лоренц.

— Да, он пожаловался, что еда всегда холодная, когда он заказывает её в свои покои.

Я страдальчески закатила глаза, когда подумала о странном разговоре.

— Еду можно заказать в номер?

Лоренц внезапно выпрямился в своём кресле.

— Да, если ты патриций, тогда да. Адам тоже мог бы жить в одном из номеров люкс, если бы захотел. В конец концов он принадлежит к высшему дворянству, — объяснила я.

— Что ты выяснила о своей семье? — спросила Ширли, в то время как превращала парочку световых шаров в огненные.

— Задokumentировала, не оставив никаких пробелов, начиная от цвета парика на Летнем бале в 1632 и кончая достойными решениями, которые королева семьи принимала каждый день и которые можно объединить следующими словами: изменения можешь поискать с помощью лупы. Действительно бросается в глаза то, что очевидно ничего не происходило. Итак, либо в последние два тысячелетия, не считая преобразование Объединённого Магического Союза в демократию, действительно ничего не происходило, либо историки хотят, чтобы складывалось именно такое впечатление. Примечательно также то, что редко кто-то считал необходимым написать что-нибудь о мужчинах королев.

Я встала и начала ходить по комнате туда-сюда.

— Но я ещё даже не прочитала и малую часть того, что в хронике Объединённого Магического Союза написано о моей семье. Скорее всего понадобятся годы, чтобы просмотреть все записи. У нас нет столько времени.

— Что ты выяснила о Виллибальде Вернере? — спросила Лиана. — Может быть здесь найдётся ключ к разгадке.

— Этот мужчина сделал образцовую карьеру в палате сенаторов.

Я пролистала мои записи.

— После окончания Тенненбоде — конечно же он закончил 5 уровень — он сразу начал работать ассистентом сенатора Герлах, тогдашнего сенатора по правовым вопросам. Его быстро назначили его заместителем. Это место он занимал десять лет, и после того, как сенатор Герлах ушёл на пенсию, он стал сенатором по правовым вопросам. То, что у него были амбиции занять должность примуса, он дал понять уже довольно рано, завоевав расположение сенаторов. В пятьдесят он в первый раз баллотировался в примусы, но проиграл занимающему тогда пост примуса Паульсу Омер. Вторая попытка оказалась успешной, потому что Омер был уже немощным, и у него случилось несколько провалов на публичных мероприятиях. С тех пор он занимает место примуса, теперь уже на втором сроке. Личная жизнь выглядит почти также скучно, он рано женился, но его жена сама хотела сделать карьеру в науке. Она специалист по аэробным магическим организмам. Оба относительно поздно произвели на свет ребёнка, тогда им обоим было уже за сорок.

Единственную дочь, что родилась у пары, зовут Кассандра, и она прошлым летом окончила университет Тенненбоде. Она обручена с патрицием, грандиозная свадьба должна состояться следующим летом.

— Не плохо, — сказал Лоренц. — Но ты пропустила парочку важных деталей. Патриций не просто кто-то, а Пьетро Точелли, знаменитый жокей итальянской команды, высок, широкоплеч, хорош собой и сексуально привлекателен. Я уже упомянул, что он хорош собой? Камера его любит, а он любит камеру. Кассандра подходит ему, как дракону, сидящий на спине жокей. Они пара из высшего общества, однако на последних летних балах их не было видно. Но поговаривают, что таким образом они хотят увеличить напряжение в ожидание свадьбы. Свадебное платье конечно же, будет сшито Гизеллой Верпочи, и уже сейчас заключаются горячие пари о том, будет ли оно кремовым или цвета шампанского.

— Спасибо, Лоренц, эти важные детали я как-то упустила, — вздохнула я.

— Не за что.

Лоренц благосклонно кивнул, а Лиана усмехнулась.

— В конце концов для этих маленьких деталей у вас есть я.

— Всё же я не нашла никаких отклонений. Лето семья провела, как всегда, в своей усадьбе и лишь иногда появлялась на летних балах. Никаких поездок за границу, никаких государственных визитов, никаких болезней или других странных вещей.

— У магов есть другие способы общаться друг с другом, может Бальтазар предложил ему заманчивый альянс? — предположила Ширли, заправляя свои чёрные волосы за ухо.

— Возможно, но это мы сможем узнать, только если прямо спросим Виллибальда Вернера, — задумчиво сказала я.

— Наверное! — пробормотала Ширли. — Но Адам прав. Это безумие, идти на такую вечеринку без приглашения. На таких мероприятиях действуют строгие правила безопасности. Ты не сможешь просто так зайти, каждого сотрудника просветят прежде, наверное, раз 5.

— Я знаю, — процедила я сквозь зубы. — Лучше, если пойдет Адам. Но он не считает это важным. Он пытается заключить альянсы, чтобы противостоять решению с помощью политики.

— Это тоже хороший способ, — успокоил меня Лоренц. — Хотя не думаю, что у темного богатыря есть шансы на успех.

— Да, я тоже так думаю. Кроме того, я хочу пресечь зло на корню и лишить патрициев власти, но в данный момент дело не сдвигается с мертвой точки.

— Мы просто должны искать дальше, — решительно сказала Ширли. — Честно говоря, у меня тоже нет никакой новаторской идеи, чтобы шокировать патрициев, хотя эта история со скорпионами была не так уж плоха.

Она улыбнулась.

— Сладкая, мы хотим изменить их точку зрения, а не совершить массовое убийство.

Лоренц вздохнул, словно потерянную душу Ширли было уже не спасти. Вдруг он распахнул глаза.

— Я знаю, что тебе нужно, чтобы снова стать нормальной.

Он смотрел на Ширли со сверхъестественным свечением в глазах.

— Чего?

Ширли похоже испугалась, увидев решительное лицо Лоренца.

— Никаких отговорок, мы идем на шоппинг, и ты пойдешь с нами. Я больше не могу

выносить это уныние. У госпожи Трудиг появилась новая дверь, и отгадайте, куда она ведет?

Он выжидающе посмотрел на нас.

— Без понятия, — призналась я.

— Я бы удивился, если бы ты знала. — Лоренц одарил меня снисходительным взглядом. — Ну да ладно, я скажу вам. Новая дверь ведёт в аутлет Гизеллы Верпочи!

Голос Лоренца на последних двух словах взмыл вверх и теперь он смотрел на нас, ожидая, что мы начнём восторгаться.

— Ах! — ответила я, чтобы порадовать его.

— Замечательно. — Он закрыл глаза. — Я сейчас же назначу нам время на завтра у госпожи Трудиг, иначе мы не сможем войти. Наплыв говорят там огромный.

— Завтра? — спросила Ширли сиплым голосом, таким образом избавляя меня от прелюдии к длинной дискуссии о стиле в повседневной жизни.

— О да! — Лоренц открыл один глаз и пронизывающе посмотрел на Ширли. — И я упакую тебя в тюль, бархат и корону, пока ты не станешь снова нормальной.

Он снова закрыл глаз и послал сообщение госпоже Трудиг.

— Получилось, завтра в пять часов вечера я ожидаю вас в полном составе у госпожи Трудиг, будет очень весело.

Лоренц нетерпеливо захихикал.

— И только попробуй струсить.

Он вызывающе посмотрел на Ширли, но та только пробормотала что-то непонятное и отправилась в постель.

— Хорошо, — сказала я, растягивая слова. — Что касается наших планов, то встретимся снова через две недели. Надеюсь, к тому времени сможем выяснить немного больше. Я пошла спать.

— Хорошая идея.

Лиана зевнула.

— Точно, — сказал Лоренц и встал. — Не хочу завтра никого видеть с кругами под глазами. Платья Гизеллы Верпочи заслуживают сияющий цвет лица. Не могу дождаться, когда наконец снова займусь чем-то прекрасным. Пойду-ка ещё раз всё заново перечитаю.

— Это верно, Лоренц, — сказала я. — Немного разнообразия будет нам полезно.

Я встала, сопротивляясь импульсу зайти в комнату Адама и ждать его там. У меня закрывались глаза, и Лоренц прав: нам срочно нужен сон.

Я неохотно прошла мимо двери комнаты Адама и исчезла в своей собственной.

Когда на следующее утро я спустилась к завтраку, то поняла, что время пришло. Я долго надеялась, что это останется всего лишь сплетней, но когда увидела множество серьёзных и сосредоточенных лиц, то поняла, что надеялась напрасно.

Медленно я прошла мимо заполненных столов. Я долго принимала душ, поэтому пришла к столу последней. Молчание в Восточном зале было пугающим. Все головы низко склонились над столами, напряжение было ощутимым. Когда я опускалась на стул, ни Ширли, ни Лиана, ни Лоренц не подняли взгляда от «Хроники короны». Только Адам кивнул мне не улыбувшись. Мой взгляд коротко задержался на нём, и я заметила ледяной взгляд его глаз. Моё сердце пустилось вскачь, страх сковал конечности, словно болезнь.

Всё же я сделала глубокий вдох и открыла лежащую передо мной газету.

Уполномочено повторное введение заявления о намерении вступить в брак.

Единогласно было принято прошение Виллибальда Вернера о повторном введении заявления о намерении вступить в брак. Закон был отменён в процессе преобразования Объединённого Магического Союза в демократию в 1955 году. Примус Виллибальд Вернер обосновал необходимость закона тем, что численность населения Объединённого Магического Союза снижается, и негативную тенденцию нужно срочно остановить. В своём заявлении он сравнивает актуальную ситуацию с годом основания Объединённого Магического Союза.

Сенаторы единогласно проголосовали за прошение, таким образом, закон в пересмотренной версии вступает в силу немедленно. Все, кого касается этот закон, получают от палаты сенаторов письменное приглашение сдать заявление о намерении вступить в брак. Палата сенаторов надеется, что благодаря этому закону, численность населения со временем снова восстановится.

Я медленно подняла взгляд и посмотрела в глубокий, голубой цвет океана. Моё сердце хотело пуститься вскачь и радоваться, что Адам сидит так близко, но оно билось слабо, потеряв силу. Потому что хотя он и находился рядом, я не могла протянуть руку и почувствовать утешительное тепло его прикосновения.

И теперь это произошло. Мы не могли официально стать парой, это стало ещё сложнее, чем когда-либо раньше. А хуже всего был мой страх на реакцию Адама. Его глаза сверкали от подавляемого гнева, и я увидела, как сильно он сжал кулаки, так что костяшки пальцев побелели.

«Давай пока подыграем», — передала я ему мысль. Да и что нам ещё оставалось? Но время пока есть, и я не собиралась отказываться от надежды, что нам ещё каким-то образом удастся предотвратить реализацию этого закона.

Адам сидел напротив меня, будто окаменел. Я могла только гадать, что с ним происходит, и только уже эти догадки заставили моё сердце застыть.

«Пожалуйста!» — мысленно умоляла я. Он ведь не мог потерять надежду.

В то время как студенты вокруг нас, громко дискутируя, начали завтракать, я не могла проглотить ни кусочка.

Я медленно скользила взглядом по залу, в то время как все занимались своими обычными делами. Я уже ожидала, что люди не будут слишком сильно возмущаться, но тут и там я видела столы, за которыми тему горячо обсуждали, и с облегчением приняла это к сведению. Дюльса и Сесилия завтракали безучастно, но Фалько Гёрнер и Томас Кекуле углубились в интенсивный разговор со своими соседями по этажу. Скару и её подружек эта новость, казалось, не особо взволновала. Скорее всего, они даже радовались, что в Объединённом Магическом Союзе наконец восстановится порядок.

«Я не позволю, чтобы тебя присудили другому мужчине!» Я испуганно развернулась, когда услышала гневный голос Адама в голове. Выражение его глаз чуть не выбило у меня почву из-под ног. Я уже сталкивалась с его отчаянием, страхом за меня и силой в сражении. Но безудержный гнев, который прочитала теперь в глазах, был мне ещё не знаком.

«Мы сможет как-нибудь это остановить», — устало ответила я, даже не надеясь, что мои слова утешат его и вернут ко мне.

«И я не буду смотреть на то, как тебя выдают замуж за другого мужчину». Адам встал и

быстро шагая, вышел из Восточного зала

Я, вздыхая, откинулась на спинку стула.

— Что случилось? — спросила Лиана и тоже закрыла газету. — Он ведь знал, что этот день настанет.

— Да, — ответила я. — Но он не примет это так просто.

Я вздохнула и попыталась выкинуть из головы мысль, что его гнев может отдалить нас друг от друга.

— Что вы собираетесь теперь делать?

— Я могу попробовать внести в формуляр предпочитаемого мной кандидата, — захихикал Лоренц. — Но боюсь, это приведёт к множеству неприятностей.

— Сначала подождём и посмотрим, какой крайней срок они установили. Если принимать решение нужно будет только через два года, тогда нет никакой необходимости так сильно суетиться.

Ширли решительно кивнула и взяла свою сумку.

— Я согласна, — ответила я. — Тогда я уже пойду.

Сегодня в лекционном зале дежурила я, а перед этим хотела ещё размять немного ноги, прежде чем придётся сидеть под скамейкой несколько часов.

— Увидимся позже! — крикнула Лиана мне вслед, когда я пошла.

Ровно в 14:00 я стояла перед драконьими пещерами и удивлялась, что других ребят из гоночной команды драконов ещё нет на месте.

— Сельма, что ты здесь делаешь? — Грегор Кёниг шёл ко мне. — Я же попросил профессора Пошера передать вам, что тренировка сегодня отменяется.

Чёрт, это было наказанием за прогул сегодня утром, и он даже не окупился, потому что Парэлсус не появился. Вместо этого, я прочитала книгу Вэндолина Габриэля, новую звезду Лоренца на литературном небе, пока Константин Кроворт находился в длительной, творческой забастовке.

Эмоциональные стихи действительно хорошо помогли скоротать мне время, и даже не пришлось размышлять о том, кого внести в заявление о намерении вступить в брак и тут же не попасть в хаебрам. Но мне не удалось побороть страх. Я понятия не имела, где пропал Адам, не говоря уже о том, какое у него было сейчас настроение.

— Должно быть, я прослушала, — пробормотала я. — Что-то случилось? С драконами всё в порядке?

— Да-да, с драконами даже больше, чем всё в порядке. Аврора высиживает «Святое яйцо» так терпеливо и скучно, что репортёры из «Мира драконов» наконец-то уехали и заглядывают сюда лишь время от времени, чтобы убедиться, что ничего не изменилось. Они все вернуться следующим летом, когда подойдёт время дракончику вылупиться. Я ужасно рад, что они исчезли. Эту суету невозможно вынести даже час, — вздохнул Грегор Кёниг. — Но тренировка выпадает по другой причине, — тон его голоса стал резким.

— Что случилось? — с тревогой спросила я и терпение Грегора Кёниг лопнуло, как будто он только и ждал, чтобы выплеснуть на кого-то свой гнев.

— Эти проклятые, жаждущие вечеринок господа. Я уже обрадовался, что летний сезон наконец закончился, а теперь они устраивают зимний бал. Здесь никогда не будет спокойно. Мне жаль, но тренировка пока выпадает. Мне нужно тренироваться с Ариэлем, чтобы он научился вновь выполнять это увеселительное шоу. Репортёры из «Мира драконов» от скуки откормили его, малый стал ленивым и медлительным. Ему не удаётся сбросить с себя даже

Берта, а это значит, что он совсем не в норме. И, похоже, мне ещё и самому придётся лететь на нём, потому что наш господин звезда-жокей на выходных принципиально блистает отсутствием.

— Энакина Арпади здесь нет?

Куда он исчезает каждые выходные? Это становилось всё более странным.

— Этот чертов феодальный подход к жизни! — пробурчал Грегор Кёниг, а мне вдруг пришла в голову безумная идея.

— Давайте полечу я, мне все равно нечего делать, — сказала я как можно спокойнее, хотя внутри бушевал вулкан. Это была возможность приблизиться к Виллибальду Вернеру.

Адаму возможно не удастся подобраться к нему, если он вообще пойдет на этот бал. Но зато я бы могла взять быка за рога. Грегор Кёниг задумчиво наморщил лоб, серьезно обдумывая мое предложение. Я знала, что он не слишком охотно летал на драконах, чтобы, как он говорил, не подвергать свои старые кости опасности. Тем более, когда ему угрожало лечение у профессора Пошера, если бы он упал с дракона.

— Не пойдет, на драконе они хотят видеть человека, которому можно доверять, — он нахмурился. — Предпочтительно Энакина Арпади — дамам и господам понравилась статья в «Мире драконов», и они хотят увидеть живьем нового героя команды по соревнованиям на драконах.

— Но меня ведь никто не узнает в этом ярко-оранжевом костюме и смешном шлеме, — сказала я, пытаюсь всеми силами скрыть волнение.

— Даже не знаю, — Грегор Кёниг в нерешительности посмотрел на меня.

Мне почти удалось его убедить. Осталось только дать ему последний толчок.

— Ну хорошо, если Вы хотите лететь сами... Это была всего лишь идея, чтобы не нагружать вашу спину, — сказала я, выжидающе посмотрев на него.

— Ну ладно, в принципе, ты ни в чем не провинилась. К тому же ты почти патриций, по крайней мере, наполовину, — он улыбнулся. — Но никакой пропаганды!

— Пропаганды? — удивленно спросила я. Он что, может читать мои мысли?

Грегор Кёниг посмотрел на меня со скепсисом во взгляде.

— Твоя мать использовала бы такое мероприятие, чтобы основательно и громко прорекламировать своё дело.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь распространять пропаганду.

И моё обещание вовсе не было ложью, я только хотела поговорить с Виллибальдом Вернером. А с благодарностью пожать своему примусу руку в конце концов не запрещается успешному наезднику на драконе.

Теперь мне ещё только нужно придумать, как заставить Виллибальда Вернера поговорить со мной.

— Я и не ожидал от тебя другого, знаешь. Даже если внешне ты всё больше становишься похожа на свою мать, я надеюсь, что тебя ожидает лучший конец, чем был у неё.

Его глаза внезапно наполнились теплом, и мой живот неприятно свело, потому что я собиралась воспользоваться его добродушием.

Но я не могла по-другому. Если мы действительно правы, и за новым политическим курсом Виллибальда Вернера стоит Бальтазар, тогда речь идёт о безопасности всех.

— Я позабочусь о себе! — улыбнувшись, сказала я, и я могла пообещать это со спокойной совестью.

Я неторопливо спустилась вниз к рыночной площади. Так как тренировка выпала, у

меня было ещё немного время. Я бы с удовольствием провела его с Ариэлем и Авророй, но у меня было такое чувство, что Дульсе я нужна больше. Поэтому я направилась через узкие улочки Акканки к дому бабушки Дульсы. И действительно, когда я зашла в квартиру, Дульса была уже там.

— Сельма, тренировка уже закончилась? — крикнула она в изумление, выглядывая из-за ящиков.

— Видимо ты тоже не была на лекции профессора Пошера? — хмурясь спросила я.

— Нет, я уже весь день складываю вещи.

Она вытерла рукой лоб.

— Тренировку отменили, но как вижу, помощь не помешает тебя уже сейчас.

Я, ухмыляясь, посмотрела на множество стоящих вокруг коробок.

— Разумеется, я ещё сегодня хочу закончить. Нужно всё вывести, представь, я уже нашла нового арендатора. Он хочет оставить почти всю старую мебель.

Дульса протёрла пустую полку и с размаха забросила тряпку в ведро.

— Ты? Значит ты унаследовала дом?

Я сняла куртку и повесила её на гвоздь, вбитый в стену.

— Да, моя мать не захотела его, а продать я тоже не смогла. Бабушке очень нравился этот дом. Она любила жить в Акканке, хотя не все принимали её здесь всерьёз.

Дульса вздохнула и начала заворачивать большую коллекцию кофейных чашек в бумагу и складывать в коробку.

— Хорошо, что мне делать?

Я закатила рукава.

— Начинай уже упаковывать в коробку её книги, пока что мы уберём их на чердак!

— Ясно.

Я начала с книг, и когда наконец закончила с ними, мы вынесли из квартиры парочку старых шкафов, которые больше нельзя было использовать. Потом мы разобрали остатки.

Когда три часа спустя на чердаке исчезли также одежда, подушки и постельное бельё, остались ещё только две коробки.

— А куда это?

Я указала на коробки и вытерла со лба пыль. Уборка вещей оказалась утомительнее, чем я думала. Но тяжёлая работа была сегодня как раз то, что надо, потому что она не давала размышлять мне слишком много о том, что прямо сейчас делает Адам и какие принимает решения.

— В коробках личные вещи, их нужно отнести на чердак, — ответила Дульса, наливая в ведро чистую воду.

Я взяла коробки и подняла их. Они были тяжелее, чем выглядели, и я тяжело дышала, когда поднималась по узкой лестнице на чердак.

Здесь наверху было тесно, под скатной крышей места нашлось всего для двух узких коморок, из которых одна уже до верху была забита личными вещами бабушки Дульсы. В правую из обеих коморок мы уже тоже начали складывать коробки.

Я протиснулась в дверь и когда хотела с размаха присоединить первую коробку к стопке возле задней стены, дно прорвалось, и масса чёрно-белых фотографий посыпалась на пыльный, деревянный пол.

Нет!

Ругаясь, я опустилась на колени, сложила коробку и склеила её скотчем. Потом обеими

руками снова начала заполнять коробку фотографиями.

Я старалась не сосредотачиваться на фотографиях, но мой взгляд то и дело останавливался на смеющихся лицах. Мне нравились старые альбомы, но я точно знала, что от меня будет мало толку, если я начну рассматривать фотографии. Однако старые истории всегда были такими заманчивыми, что я сдалась.

Мы почти закончили работу, так что никто не будет возражать против небольшой паузы. Держа в руках последнюю стопку фотографий, я прислонилась к деревянной стене. Через круглое окно в потолке, внутрь светило солнце Акканки, и я начала рассматривать снимки. В большинстве своем, это были семейные фото, изображавшие молодую Элеонору Донна с её сестрами и кузинами. На днях рождениях дядей, двоюродных братьев и бабушек, они показывали небольшие представления, формируя из пламени животных. В прошлом веке это считалось хитом на вечеринках. Особенно у Элеоноры был талант создавать необычных и больших драконов.

Иногда попадались снимки, сделанные на больших мероприятиях в Акканке, где она позировала среди незнакомых мне политиков. Точно! Она же была на службе у семьи Бальтазар! Я так и не узнала, что она делала для них, но мне казалось, что она была близко знакома со всеми высокопоставленными лицами того времени.

На одной из фотографий она изобразила дракона, делающего элегантный поворот. Но мое внимание привлек не дракон. На заднем плане я узнала бабушку, стоявшую под руку с видимым молодым человеком. Должно быть это был мой дедушка Эдгар. Я не была с ним знакома, так как он исчез, когда моей маме не было и года.

У него были темные волосы и открытая улыбка. Они выглядели счастливыми и беззаботными. Такой беззаботной я еще никогда ее не видела. Она никогда не рассказывала об Эдгаре, и не считая того, как он выглядит, я ничего о нем не знала.

Рядом с ним стоял человек, которого я уже где-то видела. Я прищурилась, чтобы лучше разглядеть его. Позади огненного дракона Элеоноры его трудно было узнать, так как фотография была недостаточно четкой. Это был мужчина, и дедушка положил руку ему на плечо, как будто они были близкими друзьями.

Подождите-ка! Я уже видела это лицо. Мне показал его Ариель, и похожее на это фото висело на этаже моих родителей в Шёнефельде.

Как я могла все это время не замечать его?

Я узнала этого мужчину, когда занималась поиском информации. Это был Томас Арпади, последний Арпади, побывавший в Тенненбоде, до того, как вся семья бесследно исчезла. Я перевернула фотографию и обнаружила сделанную карандашом запись: май 1966 года, Выступление "Пылающих искр" в Акканке.

Я уставилась на дату. Это было за месяц до исчезновения бабушки.

Должно быть это была одна из последних его фотографий. Я прислонилась головой к деревянной стене и сделал глубокий вдох. Сколько моей бабушке в своей жизни пришлось перенести страданий — просто неизмеримо. Даже уже просто мысль о том, что Адам с одного дня на другой исчезнет и никогда не вернется, заставила моё сердце заледенеть в глыбу. Я провела пальцем по улыбающимся лицам. Ещё они не догадываются, как скоро разойдутся их пути.

Я снова медленно встала и закончила работу. Когда коробка с фотографиями была сложена, я остановилась и уставилась на кучу старых газет. Из аккуратно сложенной друг на друга бумаги, выглядывал пожелтевший выпуск, носивший число, когда мне было четыре.

Я замерла, когда увидела это число. Это тот год, когда исчезли мои родители и брат с сестрой. Внезапно я была на сто процентов уверена, что "Хроника короны" должна была что-то сообщить об исчезновении моих родителей.

Мои пальцы дрожали, когда я поспешно вытасила следующий выпуск из стопки, а затем следующий. Но не на одном из них не было заголовка, который я искала. Мои руки продолжали рыться в старой бумаге и потом наконец я увидела число, которое искала. 8 Сентября. Как раз, вскоре после моего четвёртого дня рождения и исчезновения моих родителей. Из-за того, что я так сильно нервничала, я опрокинула другие газеты на пол, но мне было всё равно, когда я прочитала заголовок на первой странице:

Мятежница погибла в авиакатастрофе

Прошлой ночью разбился маленький самолёт, пересекавший Ла-Мани. Выживших не было.

Известной пассажиркой была Катерина фон Норденах, имя которой мелькало в прошлом скорее в бесславных заголовках. Потомок признанной королевской семьи после своей провокационной свадьбы с плебеем Тони Каспари, упорно отказывалась аннулировать незаконно заключённый брак в немагическом загсе. Палата сенаторов была вынуждена лишить её статуса патриция. Но когда она и после этого не уступила, и продолжала настаивать на этом браке, палата сенаторов начала подготавливать судебный процесс. "Хроника короны" подробно сообщала об этих инцидентах.

Несмотря на трагические обстоятельства, таким образом она опередила свой собственный смертельный приговор в виде пожизненного заключения в хаебраме. Тем не менее выражаем соболезнования семье и другим жертвам, в числе которых находились Тони Каспари, Лидия и Леандро Каспари и двое других пассажиров.

Я все ещё держала газету в руке, но рука, казалось, больше не принадлежит моему телу. Каким-то образом я парила над телом и казалось перетеряла к нему контакт.

Всё, о чём я пыталась в последние месяцы забыть, в этот момент обрушилось на меня в полную силу.

Я никогда в жизни не смогу оставить эту клевету так, как есть. Как только я могла подумать, что смогу смириться с этой ситуацией.

Я знала, что пообещала Адаму, но больше не могла держать обещание.

Мои родители не заслужили, чтобы о них помнили вот так — как о клеветнице и о несчастной жертве. Моя мать сражалась за хорошее дело и пожертвовала для него всем, что ей было важно, скорее всего даже своей жизнью. Я больше не могла игнорировать потерю моих родителей и делать вид, будто оставила прошлое далеко позади.

Я должна и дальше работать над тем, чтобы их помнили, уважали за мужество и отвагу.

Медленно я пришла в себя и сложила упавшие газеты в кучу. Потом спустилась по узкой лестнице вниз к Дульсе, которая как раз протирала гостиную.

— Ты не возражаешь, если я возьму эту фотографию? — спросила я, поднимая вверх помятый снимок, который смяла, когда меня наполнила решительность. — На нём есть мои бабушка и дедушка.

— Конечно. Покажи! — сказала Дульса, отставляя швабру в сторону. Потом она посмотрела на фотографию.

— «Пылающие искры!» — она улыбнулась. — Моя бабушка гордилась тем временем, когда была артисткой. В то время она была по-настоящему популярной и много путешествовала. Можешь спокойно взять её, моя бабушка, наверняка, не возражала бы.

— Спасибо!

Я сунула снимок в карман брюк.

— Тебе спасибо. Без твоей помощи я бы ещё долго не закончила.

— Нет проблем, — ответила я. — Ты зайдёшь снова поиграть с нами в "Войну драконов"?

— Да, — протянула Дульса. — В последнее время я редко появлялась. Дело не только в моей бабушке. Сесилия чувствует себя не хорошо.

— Что с ней?

Я уже задавалась вопросом, почему её сегодня не было.

— Она с моей мамой в Шёнефельде.

Дульса так энергично повезла ведро с шваброй на кухню, что вода из ведра выплескалась, пролившись на паркет.

— Я могу тебе помочь? — осторожно спросила я, когда увидела, как Дульса сжала губы.

— Ты уже и так достаточно помогла, а что касается Сесилии: нет, ты не можешь помочь. Сесилия должна наконец справиться собственными силами, ей никто не может помочь, но она делает успехи, так что скоро все получится, — сказала она, испаряя заклинанием воду с пола.

Дульса впервые так откровенно говорила о сестре-близняшке.

— Давай на сегодня закончим, — решительно сказала она с натянутой улыбкой на губах. Дульсе было тяжело, но она хотела быть сильной. Я четко видела это.

— Что случилось с Сесилией? — тихо спросила я.

— Сельма, не надо, — энергично сказала Дульса. — Я не хочу об этом говорить!

Одним рывком она слила воду из ведра в раковину и убрала средства для уборки в кладовку.

— Хорошо, но если ты когда-нибудь захочешь, то знай, я всегда буду готова выслушать тебя. Ясно?

Я посмотрела на нее пронзительным взглядом, и лицо Дульсы смягчилось.

Слегка кивнув, она подтолкнула меня к выходу.

Несколько часов спустя я стояла с Лоренцом и Лианой на рыночной площади в Шенефельде и с нетерпением ждала того, что запланировал для нас Лоренц. Я была рада отвлечься, чтобы не сидеть наверху в учебной комнате и ждать возвращения Адама. Меня все сильнее одолевал страх, что он мог принять рискованное решение.

В ожидании Ширли, я, дрожа от холода переминалась с ноги на ногу. Хотя утренний снег растаял в течении дня, приближающаяся ночь снова принесет с собой холод, и, наверняка, скоро с неба начнут падать первые снежинки.

Я весь день не решалась спросить Адама, чем он занят, но теперь мое нетерпение так выросло, что я захотела наконец все выяснить.

— Где ты?

Я быстро послала ему короткий вопрос, прежде чем передумаю.

— Только не говори, что ты волновалась за меня? — ответил он на удивление спокойно, и я облегченно выдохнула. Кажется, его гнев не стал сильнее.

— Ты воин Черной гвардии, и прекрасно справляешься один, — ответила я. — Мне тебя не хватает. Я сейчас пойду в аутлет Гизелы Верпоччи. Я, Лоренц, Ширли и Лиана собираемся примерить бальные платья.

— Гизела, кто? — удивленно спросил Адам, вызвав у меня улыбку.

— Лоренц расскажет тебе при удобном случае, — ответила я.

— Не нужно, — быстро ответил Адам. — Возвращаясь к твоему вопросу: мы с Торином направляемся к адмиралу. Хотим завести с ним деликатный разговор об актуальных, политических событиях.

Его голос снова стал серьезным, я мысленно представляла себе, как он напряженно поджал губы.

— Удачи, — облегченно сказала я, радуясь, что его настроение не ухудшилось. — Мне пора, наконец-то пришла Ширли.

Я уже даже не рассчитывала, что она придет. Поэтому с сомнением наблюдала за худой, высокой фигурой в конце рыночной площади. Но это действительно оказалась Ширли. С угрюмым выражением лица, она присоединилась к нам.

— Чудесно, — улыбаясь сказал Лоренц, как будто вовсе и не сомневался, что Ширли придет. — Можем начинать.

Мы друг за другом зашли в турбюро госпожи Трудиг, и правильно сделали.

Когда я услышала, как ахнул и кашлянул Лоренц, который зашёл первым, я уже знала, что нужно подготовиться к странному зрелищу.

— А вот и вы наконец.

Госпожа Трудиг стояла между стойками доя проспектов в сиреновом, обтягивающем котельном платье, которое почти не позволяло ей дышать.

— Просто не вероятно, что я заполучила дверь в аутлет Гизеллы Верпоччи. Посмотрите на это платье! Последнее моего размера, да ещё за пол цены.

— Ничего себе! — выдохнул Лоренц.

Он первый взял себя в руки.

— Мой муж тоже так сказал, — улыбнулась госпожа Трудиг. — Что ж, идёмте быстрее, вы уже и так потратили в пустую много драгоценного времени.

Госпожа Трудиг засеменила так быстро вперёд, как позволяло обтягивающее платье и отодвинула в сторону занавеску, прячущую вход в заднюю комнату. При этом она позволила заглянуть нам в своё пышное декольте, которое пробудило во мне впечатление, будто оно хочет сбежать от платья.

— Ваша дверь розового цвета в самом конце под номером 1001, хорошо повеселитесь.

— Спасибо! — пробормотала я, когда проходила мимо, стараясь не смотреть на её грудь.

— Не стоит благодарности, Сельма, и не забудьте, вам нужно вернуться в 7 часов, и тогда я закрою магазин.

Она бросила на меня предупреждающий взгляд, а я послушно кивнула.

Я точно не собиралась вечно оставаться у Гизеллы Верпоччи. Что касалось Лоренца — это уже другое дело. Его лицо так сильно сияло, как будто он вот-вот попадёт в рай. Для него ощущения, возможно, действительно были такими. Ширли, однако, вложила много времени, чтобы одеться и накраситься сегодня в особенно тёмные тона. Но я уже догадывалась, что Лоренц ожидал этого. Потому что чемоданчик, который он так крепко сжимал, когда с благоговением открывал розовую дверь, определённо содержал столько

макияжа и средств для укладки, чтобы превратить Ширли в улучшенную версию её самых лучших шёнефельдевских дней.

В то время, как Лоренц с нетерпеливым вздохом прошёл через дверь, а Лиана быстро последовала за ним, я огляделась.

Там была простая, белая деревянная дверь, рядом с которой красовался номер 75, и эта дверь вела в палату сенаторов.

Пока Ширли ещё нерешительно стояла перед розовой дверью и казалось размышляла, хочет ли действительно сделать это с собой, я подошла к белой двери.

Попытка не пытка! Может мне повезёт, и Виллибальд Вернер находится ещё в офисе.

Это было бы удобным случаем, чтобы спокойно поговорить с ним. Я подняла руку к ручке и нажала на неё.

Она была заперта. Чёрт!

Тогда я взяла моё удостоверение личности и решительно поднесла его к чек-боксу.

Сейчас должен был раздаться щелчок, но из замка не послышалось ни звука.

Вместо этого я услышала громкий шорох, и в дверном проёме внезапно появилась госпожа Трудиг, как огромная конфетка.

— Сельма! — угрожающе сказала она, и этот тон мог означать только одно: она каким-то образом заметила, что я сейчас сделала.

— О извините, — заикаясь сказала я, подбирая подходящую отговорку. Она что, может видеть сквозь стены? — Я ошиблась дверью.

— Ага! — приняла к сведению мою очевидную ложь госпожа Трудиг. — Тогда я сообщу палате сенаторов, что это было только недоразумение, а не попытка взлома.

— Именно! — сказала я и как можно быстрее подошла к Ширли, подтолкнув её через дверь, а потом и сама сделала шаг в розовый свет, сияющий мне навстречу.

Потом глубоко вдохнула и попыталась пока забыть о моей неудачной попытке взлома.

Когда-нибудь мне подвернётся новая возможность. Нужно только подождать и быть наблюдательной.

Но сейчас настало время немного развлечься. Следующие два часа будут другими, это ясно, но на самом деле это даже хорошо, чтобы развеять все мрачные мысли, которые между тем управляли нашей повседневной жизнью.

Когда я снова открыла глаза, у меня отвис подбородок. Это был не просто аутлет на каком-то складе, а настоящий храм, где всячески поощряют потребление.

Лоренц восторженно завизжал и лишь с трудом успокоился. Огромный магазин действительно был впечатляющим. Посередине зала с куполом плескался фонтан, струи воды которого доставали до потолка. Вокруг фонтана крича, летали несколько хамелеонерий.

Огромные картины с экзотическими животными и растениями украшали высокие, как дерево стены, на которых были аранжированы соблазнительные творения Гизеллы Верпочи. Я сделала шаг на мягкий, светло-розовый ковёр и встала рядом с Лоренцем, который между тем изумлённо поворачивался вокруг своей оси.

— Здесь всё совершенно, — сказал он.

— Да, дух захватывает, — согласилась я. — Мне даже хочется примерить платье, — сказала я уверенно.

— Я знаю, поэтому позволил себе кое-что подготовить. Ку-ку! Он махнул худенькой продавщице, распаковывающей за прилавком всевозможных монстров из тюли.

— Меня зовут Лоренц Сильвер, вы все подготовили?

— Ах, это вы. Именно так я Вас себе и представляла. Я Виолетта.

Виолетта приветливо улыбнулась и оглядела Лоренца профессиональным взглядом. На нем были джинсы с леопардовым принтом и черная, зимняя куртка. Как по мне, так сегодня он был одет довольно скромно.

— Ах, Виолетта.

Он крепко пожал ей руку.

— Я представлял вас как-то ярче.

Он смотрел таким же испытующим взглядом на ее светло-серый брючный костюм и невзрачную короткую стрижку.

— Ярче?

Виолетта подняла тщательно выщипанные брови, выражая тем самым неодобрение по поводу слов Лоренца. Однако Лоренц не менее решительно смотрел на нее, так что у меня появилось ощущение, что я мешала дуэли их взглядов.

— Пройдите, пожалуйста, сюда, — в конце концов сказала она, прекратив невербальный обмен колкостями.

Мы проследовали к угловому дивану, где уже стояли вешалка с необычными бальными платьями и бутылка шампанского с пятью бокалами.

— Чудесно! — пролепетал Лоренц, опустившись на белый, кожаный диван.

— Желаю Вам приятного времяпрепровождения, если возникнут вопросы, я к вашим услугам.

Улыбнувшись, Виолетта исчезла, а Лоренц начал ухмыляться.

— Давайте, давайте! — сказал он, подгоняя нас к примерочной.

Некоторое время спустя я уже стояла перед зеркалом в восхитительном, изумрудного цвета платье, которое не хотелось снимать. Лоренц убрал мне волосы наверх и нанес легкий макияж.

— Если ты его не купишь, то я сам его тебе куплю, — вздохнул он. — Ты сотворена, чтобы носить такие платья.

Я покрутилась вокруг и ощутила прохладный, тяжелый материал, приятно прилегающий к телу.

— Сидит идеально, — сказала я.

— Так и должно быть. Модели от Гизелы Верпоччи принимают форму тела своих носительниц.

— Это действительно так! — сказал я, покрутившись перед зеркалом. Теперь я поняла, почему платье сидело так, словно было сшито специально для меня.

— Ширли, выходи! — крикнул Лоренц.

За занавеской раздалось шуршание и из примерочной нерешительно вышла Ширли.

На ней было темно-синее платье, мягко струящееся по ее стройной фигуре. Я совсем забыла, что у нее было идеальное тело, достойное топ модели. Платье, открывавшее плечи, превосходно подчеркивало все ее формы. Похоже, что Лоренц не ошибся.

Прежде чем Ширли смогла подойти к зеркалу, он усадил ее в кресло и начал делать прическу. Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы умелыми руками уложить ей волосы наверх. А после того как Лоренц смыл с ее лица все черные краски и сделал макияж в нежных тонах, она стала выглядеть так, словно сошла с одного из модных проспектов Гизеллы Верпоччи, лежавших здесь повсюду.

Даже Виолетта подошла к нам, бросая на Ширли восхищенные взгляды.

— Вообще-то это платье должна была носить Кассандра Вернер, но она так его и не забрала. Какое расточительство! — вздохнула она.

Лоренц повернулся к ней.

— Это было платье для бала, где темой был «Кристалльно-синий», не так ли?

— Верно. А Вы хорошо разбираетесь в этом.

Кажется, эти двое заключили перемирие.

— Спасибо, мода — это моя слабость, — улыбнулся он. — Скажите, вам случайно не известно, какое платье носила Кассандра Вернер в последний раз?

— Конечно, — со знанием дела сказала Виолетта. — Это было в июне, на ней было бледно-желтое вечернее платье для бала, посвященного началу лета.

— Гизелла Верпоччи это единственная марка, которую она носит, верно?

Лоренц поднял брови.

— Точно. Вы чудесно выглядите в этом платье.

Виолетта искренне улыбнулась Ширли.

— Исчезни, девочка, — ответила Ширли.

Виолетта выглядела так, словно проглотила язык, после чего с возмущенным лицом вернулась к прилавку.

— Вовсе необязательно было так вести себя с ней, — вздохнул Лоренц. — Она подтвердила мои наблюдения.

— Какие наблюдения? — спросила я.

— Возможно поведение Виллибальда Вернера как-то связано с дочерью, — задумчиво сказал Лоренц.

— Ты имеешь в виду, что она исчезла не добровольно с поля зрения общества для того, чтобы увеличить свою рыночную стоимость в журнальных сплетнях? — спросила я.

Лоренц серьезно кивнул.

— Именно так я и думаю. Я не нашёл её ни в одних новостях. А чтобы кто-то, с её происхождением и страстью попраздновать, не посещал всё лето и осень балы и другие мероприятия — это почти уже абсурд.

— Ты имеешь в виду, что она исчезла.

Ширли распахнула глаза, и без чёрной подводки и теней выглядела даже по-настоящему очаровательно.

— Да, и я хочу обсудить это с вами, — кивнул Лоренц.

— Всё сходится.

Ширли встала. На высоких каблуках она всё ещё могла ходить, будто это были кроссовки.

— Бальтазар похищает дочь Виллибальда Вернера, а потом шантажирует его. Любой отец, кроме моего, лучше выполнит желания безумца, чем рискнёт жизнью дочери.

— Что сделал твой отец? — спросила я растерянно.

— Он хотел разрушить мою жизнь, — холодно сказала Ширли.

— Что он натворил? — спросил Лоренц, озадаченный этим внезапным моментом откровенности.

— На последней недели каникул сообщил мне, что я должна выйти замуж.

— Что? — Лоренц шокировано смотрел на Ширли.

— Именно это я и сказала. Спросила, живёт ли он в средневековье или у него какой

другой заскок? Но он был серьёзным. Он уже тогда знал, что введут заявление о намерении вступить в брак.

— И что потом? — хрипло спросила я.

— Я отказалась, а он пригрозил, а в конце лишил меня наследства, и с тех пор мы больше не виделись.

Ширли пожалала плечами, и через голубой, блестящий материал прошла волна до самого пола.

— Но, если он уже знал, тогда он работает в палате сенаторов? — запутавшись, спросил Лоренц.

— Правильно, мой отец там в бухгалтерии большая шишка.

— Я всегда думал, что ты плебей.

Лоренц явно был в растерянности.

— Мне бы хотелось быть им, но я патриций, и мой отец хотел, чтобы я вышла замуж за определённого патриция.

— Брак по договорённости? Всё это очень неожиданно.

Я села.

— Чёрт, — прорычал Лоренц. — А я думал, что мы смогли бы пока пожениться.

— Я бы с удовольствием, но не могу, если ты не хочешь попасть в хаебрам, — сказала Ширли.

— Туда я и так попаду в скором времени.

Голос Лоренц звучал мрачно.

— Если насчёт дочери Виллибальда Вернера правда, тогда это только начало.

— Мы сможем выяснить правда это или нет только в том случае, если лично упомянем перед ним эту информацию, — задумчиво сказала я. — И похоже, у меня скоро появится для этого возможность, — тихо сказала я.

— Ты не можешь просто взять и появиться на зимнем балу, — сразу же сказал Лоренц.

— Я буду там в качестве наездника дракона, — торжествующе сказала я. — Я нужна Грегору Кёниг, и несомненно подвернётся возможность пообщаться с людьми.

— Тогда ты просто обязана купить это платье, — решительно сказал Лоренц. — Ты ведь не можешь появиться на танцплощадке в ярко-оранжевом костюме и шлеме.

— Танцевать? — спросила я, приподняв вверх брови.

— Сладкая, у тебя и правда пробелы в знаниях, — сказал серьёзно обеспокоенный Лоренц. — Но это не страшно.

— Для это у меня есть ты, — улыбаясь, сказала я.

— И не что не принесёт мне больше радости, как научить тебя, как танцевать на балу.

— А ты сможешь? — обеспокоенно спросила я.

— Это, наверное, шутка! — Лоренц фыркнул. — Я даже улитку смогу научить танцевать польку, с тобой будет куда проще.

Он галантно поклонился.

— Но сначала мне нужен подходящий наряд, даже если я никогда не смогу показаться в нём на людях, но кто знает. Может, я скоро одену его на мою собственную свадьбу, прежде чем меня забракуют в этом обществе.

Голос Лоренца стал саркастичным.

— Ты женишься на мне, — сказала Лиана и вышла из-за занавески. — Я не допущу, чтобы ты куда-то исчез.

— Но только если на тебе будет одето это платье, — ухмыльнулся Лоренц и взял Лиану за руку. В этом тёмно-красном платье и со своими белокурыми волосами она выглядела просто очаровательно.

— За падение!

Лоренц взял бокал шампанского и поднял его вверх.

— Но, если мы падём, тогда со стилем.

Ширли взяла один бокал и чокнулась.

— Если падём, то не без боя, — добавила я.

— Мы не падём, мы одержим победу, — сказала очень серьёзно Лиана.

— За это давайте и выпьем! — решительно сказала я. — За победу!

Наши бокалы, ударившись друг о друга, зазвенели, и в этот момент я ничего другого не хотела так сильно, как чтобы это желание исполнилось.

Нежные лучи солнца ласкали мою кожу и в воздухе чувствовался запах соли. Я закрыла глаза, наслаждаясь теплом на лице. Здесь, на вилле дель Мар, даже в декабре можно было сидеть на улице в одной футболке, в то время, как в Тенненбоде бушевали метели, каких не было уже много лет.

Так как снег днём больше не таял, сугробы становились всё выше. Даже дорожки во время утренней пробежки приходилось очищать с помощью магических сил.

— Мы могли бы использовать скорпионов, чтобы посеять страх и ужас, — только что размышляла Ширли.

— Забудь наконец про скорпионов, — ответила я и открыла глаза.

Внешний вид Ширли стал мягче после нашего посещения аутлета Гизеллы Верпочи. Волосы всё ещё были покрашены в чёрный цвет, но выбритые места теперь отросли. От чёрного макияжа она отказалась, и не считая кольца, которое всё ещё торчало в носу, она была больше похожа на себя, какой была раньше. Всё же черты её лица стали более строгими, и это невозможно было закрасить макияжем.

— Нам нужно более элегантное решение.

Мой взгляд блуждал, переходя от одного посетителя к другому и остановился на нескольких фавнах, которые расположились прямо возле дверей.

— Скажи, Лорец ведь слышал слухи про заявление о намерении вступить в брак здесь, не так ли? — спросила я и вытаскала из кармана брюк Ринусовую мазь, которую всё ещё носила с собой.

— Да, точно, — задумчиво сказала Ширли. — Как насчёт своего рода компании с листовками? Ты могла бы сбросить с дракона Гизские ракушки.

— Мне нельзя распространять пропаганду, я пообещала Грегору Кёниг, — я втёрла в уши мазь. — И сбрасывать их с дракона было бы не особо секретно. Когда буду спускаться с него, Адаму придётся самолично препроводить меня в Хаебрам. А что вообще такое Гизские ракушки? — я наострила уши и повернулась к фавнам, сидящим в паре столов от нас.

И действительно, они говорили о грязи, которую всегда оставляет сенатор Дусс в конференц-зале номер 12, что означало, что это скорее всего те фавны, которых подслушал Лоренц.

Гизские ракушки довольно коварные, при каждой возможности они разбрызгивают красную краску, а её ты потом в жизни не сможешь убрать с кожи.

— Значит ты всё-таки хочешь устроить массовое убийство?

— Это было бы только иллюзией, — ухмыляясь встала Ширли.

В этот момент фавны начали шептаться, и я подала Ширли знак, чтобы та замолчала, и я могла лучше подслушать.

— Они совсем с ума посходили, если снова вытаскивали на свет старые предписания, — прошептал тот, у кого была сломана часть рога. — Такое ощущение, будто они хотят аннулировать весь прогресс, достигнутый в последние годы.

— А что будет дальше? Не успеешь оглянуться, и они выставят нас за дверь и что тогда? — спросил молодой фавн, гладкие, чёрные волосы которого доставали до плеч.

— Тогда долго ждать не придётся, и мы закончим в качестве корма для драконов, — предвещал другой.

— У меня появилась идея, — сказала я Ширли и встала. Спонтанно она забрала у меня из рук Ринусовую мазь и ободряюще улыбнулась.

Я медленно подошла к столу фавнов, в то время как сердце стучало от волнения всё быстрее.

— Привет, — сказала я тоненьким голоском.

— Чего ты хочешь, маг? — спросил меня фавн со сломанным рогом.

— Я ищу кого-то, кто мне поможет, — осторожно начала я, но фавны казались не прочь выслушать меня. — Меня зовут Сельма Каспари и...

Когда прозвучало моё имя все трое громко втянули в себя воздух.

— У меня проблема с палатой сенаторов.

— У кого её нет? — прошипел молодой фавн.

— Но становится всё хуже, и не один не может себе объяснить, что там происходит. Например, это дело с заявлением о намерении вступить в брак, о котором недавно писали в газете. Если палата сенаторов не узнает, что не все с этим согласны, боюсь произойдёт самое худшее, — сказала я и посмотрела на троих, как будто ожидала от них ответа.

Надеюсь они не заметят, как сильно я нервничаю.

— И как ты хочешь исправить ситуацию? — снисходительно спросил фавн со сломанным рогом, как будто наблюдал за мухой, которая всё время бьётся в оконное стекло.

— Лучше всего было бы конечно поговорить с Виллибальдом Вернером. Вы знаете, как мне попасть в палату сенаторов?

Тот, что со сломанным рогом заулыбался.

— Тебе понадобится вот это!

Он поднял вверх удостоверение.

— И их не продают на рынке в Акканке. Так что выброси подобные идеи из головы!

— Неужели нет никакой возможности попасть в палату сенаторов? Может с почтой или вывозом мусора?

— Невозможно! — сказал молодой фавн, глядя на меня большими глазами. — С наступлением лета меры безопасности усилились в три раза. Теперь даже мышь не проскочит незамеченной.

— Может есть какой-то другой способ, — задумчиво сказала я. Мне прямо на ходу пришла в голову одна мысль. — Может кому-то удалось бы украсть письма с требованием подать заявление о намерении вступить в брак.

— Не знаю, о чем ты говоришь, маг. Лучше тебе уйти, — сказал фавн с длинными волосами и огляделся вокруг.

— Это была всего лишь идея, не в обиду будет сказано, — сказала я извиняющимся тоном. — Просто забудьте об этом!

Я встала и пошла к Ширли, которая заказала нам еще кофе.

— Ты сумасшедшая! — захихикала она.

— Надеюсь я не перестаралась, — вздохнула я и склонилась с отрешенным видом над кофе.

— Думаю, нет.

Ширли надвинула солнцезащитные очки на глаза.

— Они шушукаются... подожди-ка, да, они говорят о тебе... а теперь спорят. Тот, что с длинными волосами считает твою идею классной, а фавн со сломанным рогом не хочет в этом участвовать.

Я взяла немного мази и нанесла ее на левую мочку уха. Мазь оказалась удобной штукой, хоть ее действие длилось совсем недолго. К счастью Дульса оставила мне целую упаковку, которую нашла на чердаке у бабушки.

Теперь я тоже могла слышать фавнов. Закрыв глаза и с безучастным видом наслаждаясь солнечными лучами, я слушала, с какой остротой дискутировала эта троица.

— Она права, кто-то должен что-то предпринять.

— Ты не можешь это сделать, иначе лишишься работы.

— Что в этом такого, если я случайно перепутаю парящую тележку с макулатурой и тележку с выходящей почтой, а в следующий раз и у тебя случится тоже самое. В глазах правителей мы же всего лишь глупые фавны. Пришло время показать им, что без нас они даже не смогут вынести письмо из дома.

— Мне нравится, — глубоким голосом сказал до сих пор молчавший фавн. — Я знаю, кто всегда выносит почту. Томер не отличается умом, я без проблем смогу отвлечь его.

— Ну я не знаю!

Фавн со сломанным рогом казалось пошел на уступки.

— Чего тут не знать, или ты хочешь закончить кормом для драконов? Смотри, как стараются коллеги в Теннебоде. Если они продолжают в том же духе, то скоро выживут профессора, или вы думаете Нёлль продержится долго? Кор сделал всю работу.

— Кор хороший, — пробурчал молчаливый.

— Дайте мне ночь на размышления! Пока эти бюрократы отпечатают наконец все письма, пройдет еще минимум неделя. Удивительно, как с такой рабочей скоростью они могут управлять целой страной.

Я услышала шум отодвигающихся стульев и тяжелые, удаляющиеся шаги. После этого действие мази опять закончилось.

— Это они хорошо придумали.

Ширли снова сдвинула очки на голову.

— Это даст нам немного времени, не более того, — ответила я и сделала глоток кофе, задумчиво глядя на море.

— Он все еще не успокоился, да? — спросила Ширли.

— Не очень. Он уже всю неделю в пути и пытается использовать свои связи, чтобы изменить решение по поводу заявления о намерении вступить в брак. Но, кажется, есть не так много людей, кого беспокоят эти новые правила, — сказала я мрачно.

— Такие же, как мой отец, ты не сможешь вдолбить им это в головы, — вздохнула Ширли. — Ты сказала ему, что пойдёшь на Зимний бал?

— Я рассказала ему о нашем подозрении, что дочь Виллибальда Вернера похитили, но о моём участии в бале я ещё ничего не говорила. И думаю будет лучше, если Адам не узнает. Он только остановит меня.

— Скорее всего, — сказала Ширли. — Что, если мы соберём заклинание, которое будет произносить имена пропавших девушек? Это разрушит атмосферу и напомнит, что эту часть происходящего «Хроника короны» постоянно умалчивает. Пиком программы будет объявление о том, что ответственность за похищения несёт Бальтазар. Чтобы всем наконец стало ясно, по какой причине ублюдок на самом деле исчез. Это ясное послание ответственным, что мы знаем об их грязных делишках.

Я удивлённо посмотрела на Ширли и на одно мгновение забыла о моих заботах.

— Это блестяще. Действенно и анонимно, и пока этот эффект будет отвлекать массы, я

каким-нибудь образом заставлю Виллибальда Вернара поговорить со мной. Гениально!

Я сияла на всё лицо.

— Каким-нибудь образом? — ухмыльнулась Ширли. — Здесь ещё определённо серьёзная проблема. Но сначала нам нужна помощь с заклинанием. Может быть Дульса и Сесилия смогут что-то сделать?

— Я сразу в понедельник поговорю с Дульсой. Она хотела прийти на игровой вечер, — задумчиво ответила я.

— Ну, наконец-то кто-то закончит победную серию Лианы. Это отстой постоянно проигрывать.

Ширли закатила глаза.

— Чёрт! — я бросила взгляд на наручные часы. — Нам нужно торопиться. Семинар Нёлля сейчас начнётся, а его настроение и без нас всегда эксплозивное.

Я второпях выпила кофе.

— Пусть взрывается, я останусь здесь. Увидимся позже, в лётной школе. Достаточно будет скуки и там.

Я кивнула Ширли, которая заказала себе третью чашку кофе, и поспешно отправилась назад. Через дверь я прошла без проблем, на чердаке тоже никого не встретила. На пятом этаже я подкралась к углу, а оттуда присоединилась к нескольким студентам, направляющимся в жилую башню.

Незаметно я разглядывала картины королевских семей, висящих здесь на стене.

Как будто случайно, я должно быть попала в коридор с картинами семьи Арпади, что по крайней мере объясняло, почему Энакина поместили в номер люкс именно на этом этаже.

Как раз, когда я хотела завернуть на лестницу, ведущую на четвёртый этаж, я услышала, как кто-то позади кричит моё имя.

— Ты тоже направляешься к профессору Нёлль, — заметил Энакин.

— Да, — коротко ответила я.

— Это хорошо, я заметил, что в последнее время ты часто пропускаешь лекции. При твоём-то плохом образовании, думаю, лучше тебе не пропускать, а проявить больше добросовестности.

— Да, — терпеливо ответила я.

— Никаких возражений? — Он встревоженно посмотрел на меня, пока мы спускались по лестнице. — Ты заболела?

— Всё в порядке, — ответила я. Наверное, стоит вовлечь его в разговор на одну из его любимых тем. — Скажи, что, собственно, ты знаешь о Томасе Арпади? Когда ещё раз твоя семья эмигрировала в Южную Африку?

— Хорошо, что ты спросила, — сказал он. — Мне кажется, тебе очень идёт, когда ты интересуешься немного более претенциозными темами. Это действительно делает тебя привлекательной.

Я прикусила язык и вежливо кивнула, мысленно желая ему упасть на кровать полную Йодовых кактусов.

— Итак, мой дедушка Томас Арпади, надеюсь Виннла милостиво приняла его душу, эмигрировал летом 1966 года в Южную Африку.

— 1966? — удивлённо спросила я.

— Правильно, хорошо запомни эту дату! Моему отцу Гвидо было тогда всего два года.

— Очень интересно, — ответила я, и в этот раз меня действительно заинтересовала его

смертельно скучная лекция. Мой дедушка и дедушка Энакина, казалось, исчезли в одно и то же время.

Невозможно, чтобы было столько совпадений. Эти события должны быть как-то связаны.

— Ты знал, что мой дед и твой были хорошими друзьями?

Я внимательно наблюдала за Энакином, когда мы входили в вестибюль, но он, казалось, не удивился моему вопросу.

— Возможно, но как бы сильно мне не хотелось продолжить с тобой болтать о семейной истории, нам придётся это отложить. Семинар начнётся через минуту, а я не собираюсь опаздывать. Давай лучше продолжим этот разговор на следующей недели! — предложил Энакин, открывая для меня дверь в аудиторию профессора Нёлль.

Да, подумала я, когда молча проходила мимо, потому что на выходных ты всегда куда-то исчезаешь.

— На следующей недели звучит не плохо, — ответила я подчёркнуто вежливо, прежде чем опуститься на свободное место между Лоренцем и Лианой.

— Ну? — спросил Лоренц, который сразу заметил по мне, что есть новости.

— У Ширли была действительно блестящая идея, но её мы обсудим в понедельник вечером с Дульсой и Сесилией, — прошептала я, потому что уже почувствовала, как меня коснулся агрессивный взгляд профессора Нёлль, когда тот вошёл в класс.

— Руки на стол, волшебные палочки в сумку. А если поймаю кого-то на том, что он невнимательно слушает, увидите, что случиться! — недоверчиво выкрикнул он.

Я слышала, что несколько студентов во время занятий подсунули ему в дипломат парочку яиц Огненного питона, из которых потом действительно вылупились маленькие трёхглавые змеи. Хотя поговаривали, что его ожоги были болезненными, потому что профессор Пошер перепутал травы и волдыри после его лечения стали в два раза больше, профессор Эспендорм не разрешила ему отплатить студентом таким же способом.

«Увидимся сегодня вечером?» — внезапно услышала я голос Адама в голове. — «Я скучаю. Не выдержу больше и часа без тебя.»

«Я на лекции у Нёлля и не могу уйти, а также ещё нужно отсидеть обязательные часы в лётной школе.»

«Притворись, что упала в обморок или что тебя тошнит!»

Адам рассмеялся, и этот тон проник до самого живота. Такой смех я уже давно не слышала. Наверное, у него были хорошие новости.

«Я и так кое-как сижу тут, не делай всё ещё сложнее, в нашем распоряжение целые выходные», — попросила я.

Под бдительным оком профессора Нёлля я не смогу исчезнуть.

«Как хочешь, но не опаздывай даже на минуту, в противном случае я умру от тоски.»

«Обещаю!»

«Я люблю тебя.»

Слова Адама затихли, а мне, волей-неволей, пришлось снова повернуться к раздражённому профессору Нёллю, который видимо решил в пятницу после обеда надоесть нам до смерти, читая теоретический курс, который рассказывал о извлечении минеральной пыли из земли.

Вечером я вышла немного позже остальных после занятий господина Трудиг. У меня было ещё немного времени, которое нужно было чем-то занять, прежде чем я встречу с

Адамом, чтобы отправиться в таинственный сад.

Между тем слой снега был таким высоким, что покрывал рыночную площадь и снабдил газовые фонари и крыши домов круглыми колпаками. Всё было погружено в оранжевый свет, и предрождественская атмосфера, одновременно прекрасная и ужасная, окутывала площадь.

В этом году я ужасно боялась Рождества. Бабушка до сих пор не подавала ни одного признака жизни, и было похоже на то, что Рождество мне придётся проводить в одиночестве.

Как раз, когда я хотела выйти из тени двери автошколы «Трудиг», я увидела кое-кого на другой стороне рыночной площади.

Скрытая под толстым слоем одежды фигура быстро двигалась вдоль края площади. В этом не было бы ничего необычного, потому что ещё не пробило и семи вечера, но этот человек постоянно оглядывался, почти так, будто ожидал, что за ним кто-то следует.

Это было определённо странно, и почему-то походка показалась мне знакомой. Когда фигура не смогла уклониться от пятна света газового фонаря, я так же смогла разглядеть, кто ранним вечером крадётся по шёнефельдовской рыночной площади.

Это был Энакин Арпади, и казалось он спешит. У меня была ещё уйма времени до встречи с Адамом. Выяснить, где Энакин проводит свои выходные показалось мне лучшей альтернативой, чем ждать в одиночестве в бабушкином доме и считать минуты до встречи с Адамом.

Когда он дошёл до конца рыночной площади и свернул направо, на засаженную каштанами алею, я отделилась от тени порога автошколы господина Трудиг и последовала за Энакином через свежевывпавший снег. Мягкий белый снег поглощал звук моих шагов, а в густом снегопаде приглушался любой тон.

На безопасном расстоянии я следовала за Энакином мимо аккуратных садов горожан Шёнефельде.

Не смотря на сильный снегопад, некоторые усердные владельцы частной собственности уже убирали снег с тротуаров. Вдоль улицы ехал небольшой снегоочиститель и позади него я перешла на другую сторону. Энакин теперь не оглядывался, а следовал по направлению улицы вокруг массива.

Может у него была тайная подруга, которую он посещал на выходных? Трудно представить, что существовала женщина, которую бы могли привлечь его надменность и невежливость. Его внешность была довольно хороша для парня. Высокий и накачанный, не красавец, но с нормальной внешностью. Но как только он начинал свои нравоучения, первое положительное впечатление тотчас же пропадало.

Если он зайдет в дом, то по крайней мере я смогу по табличке со звонком определить, с кем он проводит время. Но Энакин не останавливался, шел все дальше, пока не достиг последних домов. Аллея уже давно превратилась в узкую улочку, а теперь переходила в широкую туристическую тропу. Я знала, куда она вела, ходила по ней позапрошлым летом и очутилась в саду у родителей Адама.

Однако Адам был на ужине в Тенненбодде, откуда должен будет уйти около десяти вечера. Он делал так часто по пятницам, прежде чем мы встречались за школой в Глиняном переулке номер 13.

После того как Энакин исчез на опушке леса, мое любопытство разгорелось окончательно. Что делал патриций королевской линии пятничным вечером в лесу? Я быстро

проследовала за Энакином, оставив позади последнюю лампу и последний дом. Лес оказался совсем не таким темным как я боялась. От снега все вокруг сияло белым светом, так что дорога между деревьями была хорошо видна.

Я шла не по следам Энакина, а немного в стороне, в тени деревьев. Каждые десять метров Энакин оглядывался, чтобы убедиться, что один. Он не мог видеть меня под деревьями. Казалось, он наконец добрался до цели. С меня уже ручьем тек пот, так как ходьба по высокому снегу была очень утомительной, но я не решалась применить волшебство из страха выдать себя.

Энакин свернул с дороги и в одночасье исчез. Моргнув два раза, я нигде его не увидела. Несмотря на затрудненное дыхание, я побежала, чтобы ни в коем случае не потерять его след.

Я дошла до места, где следы Энакина сворачивали в лес и пошла по ним. Уже через несколько метров я обнаружила полуразрушенную руину. Я знала это место, летом это была заросшая вьюном груда камней, но сейчас с крышей из снега, это строение выглядело устрашающим у угрожающим. Я сосредоточилась на следах Энакина и последовала за ними вокруг старой колонны, где они исчезали в узком отверстии в земле.

Боже мой, не было никаких сомнений. Энакин забрался в это отверстие.

Недолго думая, я проскользнула в щель, где было темно. «Надеюсь это сырой подвал», — вздохнула я про себя, в то время как шла на ощупь, в темноте, по узкому проходу. Вдруг откуда ни возьмись появился голубой луч света, указавший мне дорогу. Пока он не исчез, я побежала вперед и достигла маленькое подвальное помещение, как раз в тот момент, когда дверь уже закрывалась. Я успела заметить ногу Энакина, исчезнувшую в свете и прыгнула вперед, чтобы удержать дверь.

Мне удалось просунуть ногу в дверь, прежде чем она захлопнется. Я облегченно вздохнула, надеясь, что Энакин не заметит, что дверь не закрылась за ним до конца.

Я минут пять ждала возвращения Энакина, но ничего не происходило. Мне повезло, он не заметил узкую щелку в двери, из которой пробивался мягкий, голубоватый свет.

Я медленно открыла дверь и проскользнула внутрь.

Я уже столько всего пережила, проходя в магические двери, но здесь это было что-то невероятное. От удивления у меня глаза полезли на лоб и отпала челюсть.

Я стояла на стеклянном выступе, надо мной простирался огромный, светлый купол. А подо мной раскинулся помпезный город, который казалось, весь состоит из белых кристаллов, а вдалеке над городом, как роскошная корона, возвышался белоснежный замок.

Однако я не успела насладиться открывшимся видом, потому что в этот момент чья-то сильная рука обхватила мою шею, перекрыв кислород, а дверь позади меня с грохотом закрылась на замок.

— Привет, Сельма! — сказал Энакин с довольной ухмылкой. — Ты что, серьезно думала, что я тебя не замечу?

Он смотрел на меня каким-то странным, чужим взглядом. Такое ощущение, что передо мной стоял совершенно другой человек, не тот, что постоянно мучил меня своими рассказами про историю Объединенного Магического союза.

— Хм!

Я слабо кивнула, стараясь вдохнуть в лёгкие воздуха. В то время, как я чувствовала, что мои силы всё больше покидают меня, во мне созрело осознание, что я позволила ему полностью себя обмануть. Но я не была готова позволить ему задушить себя. Энакину тоже

не стоит совершать ошибку и недооценивать меня. Я сжала руки в кулаки и образовала резкий ветер, так, как мне однажды показал Адам. Удар в живот сделал своё дело. Отшатнувшись, Энакин отпустил мою шею и с удивлением на одно мгновение прижал руку к животу.

Однако прежде, чем я смогла нанести ему следующий пинок, который хотела оснастить небольшим огнём, чтобы поджечь его одежду, Энакин ухмыляясь, поднял руки вверх.

— Ладно тебе, я уже понял. Ты не из тех беззащитных девушек, и я не хочу навредить тебе серьёзно. Кажется, Адам многому тебя научил.

— Ты ошибаешься, — холодно ответила я, заняв готовую к бою позицию, в то время, как подозрительно наблюдала за Энакином, чтобы предупредить возможную атаку с его стороны. — Как ты правильно отметил, я одна из фон Норденах, и у меня есть доступ к боевым техникам.

Ложь с лёгкостью слетела с моих губ, потому что я защищала кое-что ценное.

— Перемирие! — Энакин поднял руки вверх. — Не стоит мне лгать, я знаю стиль Адама.

— Ты ошибаешься! — спокойно повторила я и в этот момент решила, как можно скорее обратиться к Торину. Он должен помочь мне научиться применять это воздействующее на разум заклинание и изменять воспоминания других. Энакин вполне способен подвергнуть опасности Адама и меня.

— Но этот тип атакующих заклинаний тебе, как плебею, нельзя ни знать, ни использовать.

Тем временем Энакин уже опустил руки, и я приняла это за знак, что он больше не хочет меня убивать.

— Это верно, однако я могу защищать себя. 3 абзац соответствующего закона разрешает мне в таких условиях применять технику самообороны. А так как ты только что хотел задушить меня, мне конечно пришлось защищать свою жизнь.

— Я не собирался тебя душить, — сказал виновато Энакин. — Я только немного сильнее, чем нужно прижал. В конец концов ты преследовала меня посреди ночи. Кстати § 215 абзац 3 относится только к патрициям, а не к плебейам, — сказал Энакин, и в интонации его голоса коротко промелькнул Энакин, которого я знала.

Но, казалось, это только тень, лежащая на его лице, как маскарад, который он правдоподобно играл мне в течение многих недель. За ботаном, который хотел блистать во всех предметах, прятался совершенно другой маг.

— Я никому не открою твой секрет, — сказал он теперь серьёзно, и в его взгляде я прочитала обещание, действительно заставившее меня поверить его словам.

— Где мы? — спросила я.

Я больше не собиралась говорить с Энакином на эту тему, потому что не доверяла ему, тем более сейчас.

— Если ты знал, что я последую за тобой сюда, — я указала на глазурную панораму, — тогда видимо хотел, чтобы я пошла за тобой.

— Попался.

Он загадочно мне улыбнулся.

— Где мы и почему ты заманил меня сюда? — спросила я резко.

Энакин ухмылялся теперь нахально.

— Мы в Антарктике, Сильма фон Норденах.

Земля под ногами казалось вдруг превратилась в грязь. Но это были только мои колени, в которых я почувствовала слабость, таким образом теряя всю стабильность.

— Ты хочешь меня одурачить? — спросила я дрожащим голосом. — В Антарктике ничего нет.

Такой разговор мы уже вели однажды, я как раз только что вспомнила об этом. Но почему-то голова казалась в этот момент довольно пустой.

— И тебе это так хорошо известно, потому что...?

Энакин вызывающе на меня смотрел. Видимо он понятия не имел, что я уже была один раз в Антарктике.

— Потому что здесь нет никаких известных поселений магов, это ты можешь прочитать в любом учебнике, — высокомерно ответила я, горячо надеясь, что он поверит в моё заумное замечание и не заметит, как дрожит мой голос.

— Так думаешь ты, потому что мы хотим, чтобы ты так думала. То, что об этом поселении не знают, ещё не значит, что его не существует. Мы инвестировали очень много средств в защиту безопасности. Эта пещера находится подо льдом. Сверху её даже невозможно заметить.

— Мы? — спросила я неохотно и огляделась.

Если это Антарктика, тогда то, что я приняла за сахар и стекло, казалось всё было льдом.

— Ты живёшь здесь? Значит всё то, что ты наплёл насчёт Южной Африки действительно было ложью?

— Верно. Необходимая ложь, которая служит защите моей родины.

— И зачем тогда ты взял меня с собой сюда, если всё так секретно? — спросила я.

— Это я объясню тебе позже, сначала хочу кое-что показать.

Он показал жестом следовать за ним к лестнице, но я не сдвинулась с места.

— Идём со мной Сельма, тебе понравится.

Энакин дружелюбно мне улыбнулся, и я почувствовала, как растёт моё любопытство. Я всё ещё не знала точно, действительно ли мы находимся в Антарктике. Но если это так, то я не могла пропустить этот шанс и не использовать его, чтобы продолжишь поиск моих родителей, не имеет значение как сильно меня раздражает Энакин.

Я медленно последовала за ним и покинула террасу с двумя дверями.

Видимо это был туристический портал жителей Антарктики. Спускаясь по лестницам, я осматривала прекрасную местность, постепенно исчезающую за огромной стеной.

В конце лестницы путь нам преградили высокие ворота и стеклянная стена. На стук Анакина, двери открылись, перед нами стояло несколько стражников. Они были почти двухметрового роста и пугающей ширины.

Я хорошо запомнила, что мне нужно пройти через левую дверь, чтобы вернуться в Шёнефельде. Я довольно хорошо бегала, так что пока эти массивные боевые машины начнут двигаться, меня уже и след простынет.

Пока я прикидывала шансы на побег, гиганты сделали что-то совершенно неожиданное. Узнав Анакина, они опустили на колени и склонили головы.

— Добро пожаловать домой, принц, — пробурчал один из них.

— Спасибо, Морфей. Это Сельма фон Норденах, позаботься о том, чтобы во всем королевстве ей оказали должное уважение.

Морфей кивнул и повернулся ко мне с тем же покорным взглядом, каким он смотрел на

принца Энакина.

— Сельма фон Норденах, для меня большая часть поприветствовать в нашем королевстве последнего потомка одной из пяти королевских линий.

Королевство? Потеряв дар речи, я смотрела на все происходящее передо мной, отчаянно пытаюсь понять, что происходит. Кроме того, что у меня было ощущение, что я попала в плохое кино, выяснилось, что история Магического Объединенного Союза была настольной книгой каждого жителя. Здесь что, остановилось время? Или в чём дело?

— Арпади исчезли в шестидесятых годах, потому что создали здесь собственное королевство? — пролепетала я, после того как Морфей встал, чтобы пропустить нас.

— Очень хорошо скомбинировала, — улыбаясь сказал Энакин, пока мы шли по белоснежной улице, ведущей к роскошному городу. — Я взял тебя с собой, потому что хочу предложить тебе шанс, когда с тобой будут обращаться достойно твоему положению. Просто позор, что в Шенефельде ты не получаешь должного уважения.

Мы остановились.

— Я плебей, потому что моя мать боролась за то, чтобы отменить классовые различия. Я с удовольствием ношу это наказание, — резко ответила я.

— Ты говоришь так, потому что у тебя нет выбора. Люди, у которых нет выбора со временем мирятся с судьбой, как с незыблемой реальностью и соответствующим образом организуют свои будни. Они довольствуются тем что имеют и утрачивают всяческое честолюбие, чтобы как-то изменить ситуацию.

— Это не правда! — грубо ответила я.

В конце концов я уже предприняла некоторые усилия. Но Энакину нельзя знать об этом, поэтому я вовремя прикусила язык.

Казалось он не заметил, что я внезапно замолчала.

— Я знаю, это трудно принять, но я предлагаю тебе получить опыт, которого у тебя больше не будет. Посмотри на жизнь с другой стороны, это изменит тебя, вот увидишь.

Я набрала в легкие воздуха, но не знала, что сказать.

— Ты не обязана сейчас что-то говорить, — пробормотал Энакин, словно понимая, какой хаос творился в моей голове. — Посмотри, как мы живем, и правильное решение появится само собой.

Я прямо-таки онемела, чтобы сказать что-нибудь остроумное и последовала за Энакином, целенаправленно идущему к городским воротам.

— Здесь живут тысячи людей, — сказал Энакин.

На улицах города царил оживление, пешеходы спешили по широким тротуарам, а улицы переполняли странные транспортные средства, которые тащили гигантские червяки. Я зачарованно наблюдала за существами, довольно быстро и ловко тянущими по улицам повозки.

Несмотря на переполненные улицы, не было толкучки, да и продвигались мы не так уж медленно. Казалось, каждый житель знал Энакина и уступал нам дорогу, так что мы без помех передвигались по улицам. Дома были трех-четырёхэтажные, меня даже охватило удивительное ощущение городской жизни, какого не было в Шенефельде или Акканке. Температура воздуха была чуть выше нуля, но лед, из которого состояла улица, все равно не таял.

Анакин заметил мой вопросительный взгляд и улыбнулся.

— Лед — это наш строительный материал, потому что здесь его более чем достаточно.

У нас есть собственное министерство, занимающееся превращением воды в надежный стройматериал. На это ушли десятилетия исследований.

Он дотронулся до угла дома, и я сделала тоже самое. Лед был гладким и прохладным, но не влажным, и не растаял даже от моего прикосновения.

— Наш министр может превращать лед так, что на ощупь он становится похож на дерево или бетон, смотря в какой форме он нам нужен на данный момент. Даже предметы быта изготавливаются из льда.

— Впечатляет!

Я погладила гладкую поверхность.

— Ты еще не видела наши защитные механизмы на поверхности, там мы вообще превзошли самих себя.

— Ты имеешь в виду снежных волков? — удивленно спросила я и быстро добавила: — О них сообщала "Хроника короны".

Энакин в недоумении остановился.

— Удивительно, ты запоминаешь такие детали.

Он смотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Но ты права, я имею в виду именно их. Среди нас есть маг, который владеет пятым элементом и может оживлять ледяные скульптуры. В тени снежных штормов они следят за тем, чтобы какой-нибудь исследователь не пробурил дыру в неполюженном месте. Очень эффективный метод.

У меня голова шла кругом от мыслей, когда я следовала за Энакином по широкой аллее, украшенной ледяными скульптурами драконов. Кто или что еще в этом мире нашел убежище под землей? Если Арпади сбежали из Объединённого Магического Союза, то, возможно, что они взяли с собой не только свои семьи и свиту, но и семейное наследство. Может мой дедушка тоже здесь? Или даже мои родители и брат с сестрой?

— Дай отгадаю! Раз ты принц, значит живешь там наверху, да?

Мы пришли на большую площадь, обрамленную роскошными зданиями. Она переходила в шикарную аллею, ведущую прямо ко входу в замок, доминировавший во всем городе своей роскошью.

— Именно туда я тебя и веду.

Его взгляд смягчился, когда он посмотрел наверх, и я поняла, что этот замок был его домом, тем местом, с которым у него были связаны приятные воспоминания.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

Перед нами в воздух поднялась стая серебристых птиц, которые казались такими нежными и прозрачными, словно тоже состояли из льда.

— Как я уже сказал, я считаю неправильным впустую расходовать королевскую кровь, ведь ее осталось не так уж много в этом мире. Пойдем, мы еще успеем к обеду.

— К обеду?

Я посмотрела на свою одежду. Джинсы, и теплый свитер под толстой зимней курткой совсем не подходили для званого обеда в замке.

Энакин заметил мой взгляд.

— Тебя конечно же переоденут. Мой отец уже ждет нас, нужно поторопиться.

Я поджала губы. Если его отец ждёт, тогда Энакин подкараулил меня возле лётной школы и предположил, что я последую за ним из чистого любопытства. То, что он спланировал всё это, теперь и правда в значительной степени сбивало меня с толку.

Мы шли по парку, окружавшему замок, и я зачаровано оглядывалась. Даже деревья и кусты были искусно вырезанные изо льда фигуры.

— А чем вы питаетесь? — спросила я, когда мы спешили мимо замёрзшего фонтана.

— Мы импортируем все продукты из Австралии. Вторая дверь ведёт туда.

— О, это значит, что путешествовать вы можете только в Шёнефельде и в Австралию?

Энакин постучал в ворота замка.

— Здесь никто не хочет путешествовать, да и для чего? Здесь рай на земле.

Ворота открылись и Энакин вошёл в высокую залу. Сразу перед нами, словно из неоткуда, появились старомодно одетые слуги.

— Оденьте её для торжественного вечера! Поспешите! Мой отец уже ждёт!

Он указал на меня, и две женщины повели меня к лестнице. В то время, как мы поднимались по застланном ковром ступенькам, я услышала, как Энакин раздаёт другие приказы. Казалось, что он привык к такому тону, и в то время, как в Теннебоде я смеялась над ним за его манию величия, здесь все сразу же спешили как можно быстрее выполнить его желания.

Вскоре я стояла перед двустворчатой дверью в платье, которое было бы достойно Гизеллы Верпочи, а моё сердце стучало, как бешеное.

Цвет платья Лоренц несомненно назвал бы цвета шампанского, а дальше не прекращал бы вздыхать от умиления, увидев все эти оборочки и вышитые розочки.

Я улыбнулась, когда подумала о нём. Мне хотелось поскорее рассказать остальным о моём открытии. Наша подозрительность была с самого начала справедливой. Теперь мне стало ясно, почему Энакину не были знакомы ни Звёздные войны, ни Гизелла Верпочи. С другой стороны, это, возможно, хороший шанс узнать больше о его семье. Может после ужина я смогу ещё раз оглядеться в замке. Где-то у них безусловно выставлены в витрине семейные реликвии. Может мне повезёт и случайно грааль патрициев окажется атрибутом власти, которую берегут Арпади. И возможно грааль переехал вместе с Арпади в вечные льды Антарктики.

Я отругала себя за такие идеи. Просто невозможно, чтобы мне так повезло, прежде всего потому, что скорее всего атрибуты хранит примус. Всё же Арпади, возможно, знают что-то о местонахождении их атрибута власти. Было бы уже прогрессом узнать хотя бы, что мы ищем.

Может мне удастся незаметно перевести разговор на эту тему и что-то выяснить.

Двойные двери открылись и мне навстречу полилась нежная музыка. Представитель прислуги прокашлялся, что видимо означало, что это мой выход. Я сделала шаг вперёд и вошла в салон.

— Сельма фон Норденах, — объявили меня громко. Мне пришлось контролировать себя, чтобы никто не заметил моё удивление. Я внезапно почувствовала себя как в сказке.

Свечи освещали комнату, в которой стоял большой, накрытый стол. Кроме этого величественного предмета мебели, который казалось почти ломится под тяжестью поставленных на него яств, в этом зале мало что ещё стояло, и всё же он не выглядел пустым.

На стенах был вырезан рельеф, показывающий белоснежных драконов в разных воздушных манёврах. В мерцающем свете свечей они выглядели почти живыми. Вид драконов успокоил меня, в то время как я шагала к месту за полным столом, которое отвели мне.

Только после того, как мне с трудом удалось сесть в этом широком платье, я снова подняла взгляд и заглянула в любопытные глаза.

Серебристо-звонкий звук заставил меня повернуться. Музыка изменилась, и сердечная настойчивость песни потребовала от меня всей концентрации. Сейчас был не очень уместный момент, чтобы повалиться под стол. Я закрыла свой разум. И хотя теперь больше не могла получать сообщения, но также была уверена в том, что не потеряюсь в чарах музыки.

— Ты выглядишь очень элегантно, — улыбнулся Энакин, в то время, как гостей обходили официанты и раздавали бокалы с шампанским. — Всё это время, когда мне приходилось выносить тебя в неподходящей мужской одежде, я представлял, как ты будешь выглядеть в платье. И я оказался прав, ты прямо-таки расцвела.

Хотя его формулировка была немного высокопарной, но я расценила это как комплимент.

— Спасибо, — сказала я всё же скорее из вежливости.

В этот момент с места встал мужчина, который был так сильно похож на Энакина, что мог быть только его отцом, Гвидо Арпади.

Он постучал серебряной ложкой по бокалу шампанского, после чего собравшееся общество прекратило все разговоры. Я обвела взглядом около двадцати присутствующих персон. Дресскод был строгим. Все мужчины носили странную красную униформу, которую охотно надел и сам Энакин. Женщин здесь принимали только, если на них были надеты шуршащие платья, да и вообще все женские атрибуты были выставлены на всеобщее обозрение. Если Энакин действительно считал это нормальным, то ему и вправду было странно находиться в Теннебоде.

— Добро пожаловать, — сказал Гвидо Арпади. — Я очень рад, что сегодня среди нас присутствует гость, происходящий из одной из старинных родословных. Поприветствуйте вместе со мной Сельму фон Норденах!

Теперь все дружно застучали ложечками по бокалам с шампанским. Видимо этот перезвон служил чем-то вроде аплодисментов. Анакин подтолкнул меня, и я улыбаясь встала. Они что, ожидают что я скажу речь? Я в недоумение посмотрела на Анакина, но зря, так как Гвидо Арпади продолжил свое выступление.

— Анакин много рассказывал о вас, и мы рады, что такая милостивая и образованная дама сегодня у нас в гостях и хочет познакомиться с нашей скромной страной. Сегодня в вашу честь состоится полет драконов.

Раздалось радостное ура и я тоже не могла не втянуться в атмосферу всеобщей радости, царившей за столом.

Гвидо Арпади открыл ужин, после чего все набросились на еду, попутно забрасывая меня вопросами о моей семье, драконах в Теннебоде и о жизни в Шёнефельде. У меня самой даже не было времени поесть, когда я начала рассказывать об Ариеле, Авроре и «Святом яйце». Истории про Акканку, Теннебоде и профессоров также были приняты с восторгом. У меня закралось подозрение, что здесь мало что происходит, поэтому они так радуются каждому гостю, который может рассказать что-то новое.

Когда после ужина мы вышли на балкон, и я увидела двух белоснежных драконов, устремившихся в небо и изрыгающих огонь, я даже немного влюбилась в эту кристальную страну. Город у подножия замка выглядел в сумерках романтическим зимним пейзажем, красивые улицы и чистые, белоснежные площади светились в темноте.

— В Шенефельде раньше тоже было так? — спросила я Энакина, когда мы поздним вечером возвращались к portalу. Свое прекрасное платье я оставила здесь, но взяла с собой приятные воспоминания об этом вечере.

— Да, нечто похожее, родители сохранили позитивные вещи того времени, — сказал Энакин. — Я хочу, чтобы ты пришла еще, прямо на следующих выходных. Я хочу показать тебе Антарктику, здесь столько всего можно увидеть.

— Что именно? — спросила я с надеждой в голосе.

— У нас есть музей со всевозможными экспонатами из семейной истории Арпади, или, например, горячие источники, может ты уже слышала о них? Возможно тебя заинтересуют драконы? Сегодня ты видела только двоих, всего у нас их двенадцать.

— Я охотно приду еще, — улыбаясь сказала я, когда мы подошли к Морфею, все еще прилежно охранявшему стену, за которой располагались порталы. — Честно говоря, я бы хотела узнать побольше об истории твоей семьи. В следующий раз пойдем в музей, — решительно сказала я.

Может мне и правда повезет.

— Я знал, что в тебе кроется больше, чем кажется на первый взгляд, — довольно улыбнулся Анакин и кивнул Морфею, который открыл ворота и пропустил нас.

— У меня есть еще одна просьба, — сказал Анакин, когда мы поднялись по ступеням.

— Да?

— Никому не говори ни слова, — серьезно сказал он, когда мы стояли возле двери, ведущей назад в Шенефельде. — Ты поняла?

Его взгляд внезапно стал таким ледяным, что я нервно сглотнула.

— Ты же не будешь опять нападать на меня, да? — спросила я, робко улыбнувшись, но внутренне уже приготовилась в случае чего защищаться.

— Тайна, которую мы храним, важнее жизни индивидуума. Чтобы защитить свою родину, я даже готов пролить твою драгоценную кровь, хотя и с болью в сердце. Но допустить, чтобы палата сенаторов узнала о существовании королевства Антарктика было бы фатальной ошибкой.

— Это значит, ты и твоя семья, собираетесь искать подход к Объединенному Магическому Союзу?

— Конечно, по этой причине я и появился в Шенефельде. Если в далеком будущем я унаследую от отца престол, мне могут пригодиться связи. Этот рай нужно во что бы то ни стало сохранить, поэтому открытие королевства произойдет только на наших условиях и в тот момент, когда мы посчитаем нужным.

— Ты можешь доверять мне, я умею хранить тайны, — серьезно сказала я.

— Я надеюсь.

Анакин кивнул. Он положил руки мне на плечи, словно хотел обнять на прощание. У него был гипнотизирующий взгляд, я только через какое-то время я поняла, что он делает.

Слава старого языка полились из его уст и соединил нас друг с другом. Без усилий он проник в мой закрытый разум, и в этом мог быть виноват только момент неожиданности.

Мы были на пути в царство грёз и мне стало ясно, что Энакин взывает к смерти.

Крича, я попыталась вырваться из его хватки, но он вцепился пальцами в мои плечи и не отпустил.

— Что ты сделал? — крикнула я, когда он наконец отпустил меня. — Ты чёртов безумец! Что ты сделал?

Он навязал мне какое-то заклинание, а я не знала какое.

— Ничего такого, чистая самозащита. Теперь ты должна идти, — холодно ответил Энакин. — Увидимся в понедельник на теории огня.

Потом он произнёс заклинание и дверь открылась. Он даже не удосужился говорить тихо, что я приняла за приглашение и разрешение в любое время приходить в Антарктику.

— А в следующую пятницу я жду тебя точно в 8 часов вечера на ужин.

Он открыл дверь и толкнул меня через неё.

Я, дрожа, стояла в темноте, пытаюсь сориентироваться. Я бросила взгляд на наручные часы. Было уже пол одиннадцатого, и Адам, скорее всего, с нетерпением меня ждёт.

В то время, как я шагала через снег на негнущихся ногах, возвращаясь в Шёнефельде, я лихорадочно размышляла над тем, что мне делать. Магия Энакина была невероятно сильной, а я понятия не имела, что он натворил. Моя бабушка, без сомнения, смогла бы помочь, но я потеряла её благосклонность, и на любую попытку связаться с ней, она не отвечала.

В любом случае, в том, что случилось, она обвинит меня. В конце концов в шёнефельдский лес меня заманило собственное любопытство, и ответственность за то, что случилось, действительно должна была нести я одна. Но мне также нельзя пропустить шанс, открывшийся передо мной. Я смогу ещё раз заново познакомиться с Антарктикой, и может быть это была совершенно новая возможность всё же найти моих родителей или грааль патрициев, или след моего деда. Возможно даже, что моя семья незаметно живёт среди населения этой страны, и мы сможем снова встретиться.

Появились первые огни, и я медленно шла вдоль тротуара. Когда я ступила на пустынную рыночную площадь, мне было не очень хорошо. Нужно будет обсудить с Адамом, что делать. Он в таких ситуациях мог сохранять ясность мыслей.

Вместе мы решим, каким образом действовать.

Независимо от того, что я пообещала Энакину, у меня никогда в жизни не будет тайн от Адама. Я завернула в узкий Глиняный переулок за школой. Только когда я стояла перед домом 13 и увидела пламя свечи в окне на втором этаже, я с облегчением выдохнула. Я два раза коротко постучала в дверь и стала ждать.

Что скажет Адам, когда узнает об Антарктике? Адам сделал мне одолжение, и летом мы съездили туда. Меня всегда мучило чувство вины, что мы напрасно предприняли это путешествие. Но теперь оказалось, что мы просто искали не в том месте.

Возможности, которые теперь открылись передо мной, на самом деле вызвали эйфорию. Что ж, Энакину я до сих пор не доверяла. Его амбиции заманить меня в свой мир, были понятны, учитывая его понимание феодального мира, но он не станет колебаться и пожертвует мной, если я не буду делать то, что он хочет.

Дверь медленно открылась, и за ней появилась тень Адама. Не смотря на тусклый свет, который окружал нас, я сразу же увидела беспокойство в его тёмно-голубых глазах. Я улыбнулась и протиснулась мимо него в дом. Причины для беспокойства не было, скорее была причина для праздника.

Всё изменилось, и вместе с Адамом я смогу выяснить что-нибудь о родителях. И возможно нам даже сказочно повезёт и вечные льды, в которых по словам хроники Акаши должен лежать грааль патрициев, находятся в Антарктике. Мне хотелось поскорее поделиться моими мыслями с Адамом.

— Почему ты так поздно? — нетерпеливо спросил он, когда дверь за нами захлопнулась.

— Ты никогда не догадаешься, что со мной только что произошло, — сказала я и бурно поцеловала его в щёку. — Это невероятно, и всё ещё раз изменит.

— Что-то невероятное? — в замешательстве спросил Адам, обеспокоенно притягивая меня к себе и обнимая.

Тепло его тела, которое я сразу же почувствовала на животе и груди, заставило меня вздрогнуть.

— Да, — ответила я. — Эна..., - заикнулась я, а мои глаза внезапно начали бесконтрольно дёргаться.

Почему-то я больше не могла произнести это имя. Тут же меня охватила паника, изгнав любое приятное ощущение из тела. Я понятия не имела, что со мной только что случилось, Адам, казалось, тоже сразу заметил произошедшее со мной изменение. Широко распахнув глаза, он смотрел на меня.

Но я не могла ответить на его взгляд, мои зрачки, будто кто-то другой управлял ими, обыскивали плохо освещённую комнату и останавливались на каждом остром предмете.

Я открыла рот и хотела сказать, что больше не контролирую себя. Но не смогла выдать ни слова, только удушье застряло в глотке и жгло горло.

— Сельма?

Паника в голосе Адама заставила меня понять, что я выгляжу ненормально.

Я попятилась назад. Чёрт, я прямо сейчас теряла контроль над собой и понятия не имела, почему. Я хотела сказать Адаму, что была в Антарктике, что Энакин отвёл меня туда.

— Ант..., - подавилась я, но не смогла сказать и это слово.

Вместо этого мои руки легли на сломанную палку от метлы, прислонённую к стене. Я попыталась сопротивляться, когда поднимала её. И когда она в первый раз обрушилась на Адама, я поняла, что случилось.

Энакин наложил на меня заклинание, которое не позволяет мне рассказывать другим о его тайне, и каждый слог, который я выкрикиваю, приведёт к тому, что я своим собственными руками совершу убийство.

— Чёрт! — выкрикнул Адам и в последнюю секунду увернулся, прежде чем я воткнула сломанную палку ему в грудь. — Что ты делаешь? — он смотрел на меня округлившимися от ужаса глазами.

Я открыла рот и хотела объяснить, что случилось.

— Эн..., - начала я, и почувствовала, как мои руки вновь взметнулись вверх.

— Что происходит?

Адам испуганно смотрел на меня.

Я отчаянно закашляла, в то время как мои руки снова нанесли удар и в этот раз ранили Адама. Палка от метлы застряла в его бедре, и он закричал.

Я шокировано смотрела вниз на кровь, которая пропитала брюки Адама. Шок, казалось, на одно мгновение заблокировал заклинание. Я почувствовала, что снова владею своим телом.

Этот момент я должна использовать только для одного: задыхаясь, я выбежала из дома, прежде чем руки и ноги вновь откажутся мне служить, и я опять атакую Адама. Что я натворила? Никогда в жизни я не смогу простить себя, что ранила Адама. Я бежала в ночи, в то время, как по щекам текли горячие слёзы.

Почти вслепую, я, спотыкаясь и рыдая, неслась по тёмным улицам. Как только Энакин мог сделать со мной такое? Он вбил клин между мной и Адамом, отвратительный,

боллезненный клин, а я понятия не имела, как это исправить.

Корнель Лилиенштейн

Мрак окружал меня, чёрное и безрассветное горе. Когда я закрыла за собой дверь дома моей бабушки, я так же заперла за ней мир. Мне требовалось безопасное расстояние между мной и Адамом. На самом деле между мной и любым существом, которое начнёт задавать неверные вопросы.

Во мне всё онемело, и образовалась пустота, когда я опустилась на пол. Холод был как раз то, что нужно. Каменные плитки в коридоре были ледяными. Уже много недель и месяцев дом стоял пустым, и никто не топил.

Много времени не потребовалось, и холод обжёт щеку, но я поприветствовала боль. Я заслужила её. За то, что причинила Адаму, я заслужила намного больше боли.

Он безоговорочно доверял мне, а я собственными руками утопила это доверие в крови. Должно быть он считает меня сумасшедшей психопаткой. Кто ещё в такой момент нападает на своего парня с твёрдым намерением убить. Рыдая, я обхватила руками согнутые колени, ожидая, что боль сожжёт меня. Я хотела вспыхнуть ярким пламенем, чтобы наконец убить в себе это чувство стыда. Но раскаяние из-за моего омерзительного поведения жгло внутренности всё горячее и глубже и разъедало сердце как кислота.

Но время не стояло на месте, и ночь закончилась, а я так и не вспыхнула огнём.

Но счастье ушло, а также тепло, которое поддерживало в моём сердце жизнь. Остались только холод и тёмное одиночество.

Энакин нашёл самое ранимое место, потому что без Адама я чувствовала себя такой слабой, что даже дыхание больше не имело смысла. Для чего дышать? Для чего жить? И какой смысл в жизни без Адама?

Когда пришёл рассвет, а я, всё ещё дрожа, лежала на полу, я начала искать в себе что-то; искру любви, немного надежды. Но как бы ни искала, там ничего не было, что могло бы придать мне сил.

В этот раз никого не было рядом, кто мог бы дать мне Клубневые ягоды и позволить забыть. Никого не было рядом, кто мог бы утешить и поставить на ноги.

Темнота окончательно поглотила меня, и я потеряла счёт времени. Часы проходили, а я не замечала их. Я застыла, как цветок на морозе, сердце всего лишь мышца, которая неохотно и упорно выполняет свою работу.

Когда солнце в какой-то момент осветило коридор, а золотистые лучи коснулись моих век, я услышала стук. Он звучал как далёкое сердцебиение, нетерпеливо, но оживлённо.

Я не двигалась. Для чего? Пусть и Энакин ждёт вечность в своём ледяном царстве когда я вернусь.

— Сельма!

Я услышала голос Адама за дверью, но не смогла его почувствовать. В этот момент мне стало так от этого больно, что я чуть не задохнулась.

— Открой дверь!

Его голос не был злым или гневным, а скорее решительным и упрямым.

— Нет! — слабо прошептала я и с трудом села.

У меня занемели руки и ноги после ночи, проведенной на полу. В кончиках пальцев побежали мурашки, когда я пошевелила ими.

— Я знаю, что ты здесь. Открой эту чертову дверь! — сказал Адам уже громче, теперь в

его словах слышался гнев.

Он справедливо злился на меня. Может проще было вынести его гнев, чем разочарование?

— Сельма!

В его голосе появились угрожающие нотки. Я должна отреагировать.

Медленно поднявшись, я неуклюже побрела на кухню. Ноги были такими тяжелыми, будто прошлой ночью разучились ходить и теперь с трудом вспоминали как это делается.

С каждым шагом, ведущим к двери, ко мне возвращались и оживали воспоминания. Как в кино, я прокручивала в голове тот момент, когда вонзила в ногу Адама палку от метлы. В пальцах появилось то самое притупленное ощущение, хотя мне хотелось задвинуть это воспоминание в самый дальний угол. В сетчатку моих глаз врезался полный боли и одновременно шокированный взгляд Адама, от которого я не могла избавиться.

Я никогда не избавлюсь от него.

Чем ближе я подходила к двери, тем медленнее становились шаги. Я нерешительно сделала последний шаг, прислонилась лбом к двери и прислушалась, пытаюсь почувствовать Адама. Я слышала его дыхание, но в душе у меня было пусто. Энакин заблокировал все мои ощущения.

— Сельма, я хочу поговорить с тобой, — потребовал Адам, и я стиснула зубы, чтобы не открыть дверь и броситься в его объятия.

Одно не верное слово с его стороны и объятие могло превратиться в смертельный удар. Если бы я только могла дать ему понять, что сделал со мной Энакин.

— Что случилось? Ты должна поговорить со мной! — потребовал он и у меня появилось нарастающее стремление рассказать ему правду.

Одновременно я ощутила странное подергивание рук, а глаза без моего ведома начали беспокойно бегать по комнате, пока не остановились на наборе ножей рядом с холодильником.

— Уходи! — крикнула я, испугавшись до смерти. — Уходи и не возвращайся!

— Сельма?

Хотя Адам почти шептал, я расслышала холод в его голосе. Еще никогда он не произносил мое имя с такой болью.

— Ты можешь все рассказать мне, — сказал он настойчиво. — Вместе мы справимся.

— Я не могу, — с трудом пролепетала я, чувствуя, что ноги сами ведут меня к набору ножей.

Что-то взяло надо мной контроль, я должна спасти Адама, прежде чем снова нападу на него. Придется смириться с тем, что я сейчас разбиваю ему сердце, если я хочу спасти его жизнь. Спасти от меня же самой! Никогда в жизни не подумала бы, что стану смертельной угрозой и буду угрожать нашему счастью. Эта мысль пульсировала во мне, вызывая тошноту.

— Исчезни! — крикнула я, так грубо как могла, после чего выбежала в коридор, спустилась в подвал и закрылась в одной из кладовок, где не было слышно звуков сверху, а значит и вопросов Адама.

Сидя в темноте, и перестав плакать, я вдруг совершенно успокоилась.

Слезы иссякли, и я ощутила оглушительную пустоту внутри.

И вдруг, посреди всей этой безнадежности и отчаяния, у меня в голове возникла мысль. Колдовство такого рода живёт только, пока жив человек, от которого оно исходит, значит если этот человек умрёт, то вместе с ним исчезнет и колдовство.

Существует крошечная надежда, и даже если Адам, глядя на мое поведение, перестанет доверять мне, я все равно когда-нибудь смогу рассказать ему, почему все так произошло. Если и это не получится, то по крайней мере я умру при попытке все исправить.

Я не позволю без боя забрать мою любовь. Энакин точно знал, что между Адамом и мной больше чем просто дружба. Он должен был знать об этом. Иначе ему хватило бы моего обещания, что я буду хранить молчание, и не было бы необходимости наводить на меня такое сильное колдовство.

От темного облака отчаяния отделилось это острое чувство и стало таким сильным, что окончательно затянуло меня. Во мне росло чувство злости на Энакина. Он заплатит за все, что сделал. Жажда мести полностью накрыла меня, постепенно отодвигая отчаяние и занимая его место.

Когда я в понедельник не пришла в Тенненбоде, после обеда перед моей дверью появились Ширли и Лоренц. Но что мне сказать им, так, чтобы не навредить? Я и сама до сих пор не знала, насколько далеко могу зайти, не теряя над собой контроль.

Пока я боролась с собой, Лоренц все нетерпеливее звонил в дверь, а Ширли даже пригрозила взорвать ее, если я не открою.

В конце концов я взялась за ручку, чуть приоткрыла дверь и высунулась наружу.

— Я плохо себя чувствую, — тихо сказала я, готовая в любое время захлопнуть дверь и сбежать в подвал, если проклятье начнёт действовать. — Скорее всего грипп.

Мне не нужно было ничего разыгрывать, мой голос хрипел, и я знала, что отчаяние не пошло на пользу моему внешнему виду. Лоренц испуганно отступил на шаг и, казалось, поверил в ложь, которую я только что рассказала ему. Я ненавидела себя за то, что не могу быть честной.

— Сельма, сладкая, ты выглядишь смертельно больной. Если тебе нужна какая-то помощь...

Он замахал руками в воздухе.

— Только отдых, — выдохнула я устало. — Я дам знать, когда почувствую себя лучше.

Я быстро закрыла дверь и прислушалась к отдаляющимся шагам Лоренца и Ширли и их разговору о том, насколько я действительно заразна.

Я с облегчением поняла, что всё получилось. Пока никто не задаёт мне конкретных вопросов, казалось проклятье дремлет. Потихоньку я делаю успехи в оценке того, насколько далеко могу зайти. Возможно я даже смогу вести более-менее нормальную жизнь, если все будут знать, какие темы им нельзя затрагивать. Но как мне это объяснить? Времени было не так много.

Я приняла решение вернуться в Антарктику и потребовать у Энакина объяснений. Если буду действовать спокойно и рассудительно, то возможно даже смогу убедить его освободить меня от этого проклятья. Если он не захочет, я, в случае необходимости, решительно настроилась освободиться от проклятья применив силу. Я снова вспомнила слова Адама. Энакин был невероятно хорошим бойцом, и будет не просто застать его врасплох.

Я задумчиво зашла в мою комнату и села за письменный стол. Решительно вцепившись в карандаш, я попыталась ещё раз написать слово Антарктика. Я медленно выводила закорючку буквы А, но, когда карандаш дошёл до верхней части, рука начала бесконтрольно дёргаться. Я сосредоточилась, борясь с блокадой внутри, пока, сжав зубы, не закончила корявую букву А. На букве Н мои пальцы потерпели неудачу. Как бы сильно я не старалась, я

не могла написать последовательность букв.

Гневно я смяла бумагу и вместе с карандашом бросила в стену. Зашуршав, лист упал на пол, где уже лежал стопка неудавшихся попыток письма, которые я изготовила сегодня утром. Я закрыла глаза и попыталась ещё раз передать сообщение Адаму.

Но как только я пыталась сформулировать сообщение, меня накрывала острая головная боль и яркая вспышка света мелькала перед глазами, так что я непроизвольно начинала кричать. Это проклятье полностью блокировало мою способность посылать сообщения, и это состояние не менялось.

Расстроено я встала и заставила себя наконец что-то съесть из запасов, которые были в доме. Скоро мне понадобится моя сила. Энакин был сильным, и я не смогу противостоять ему, если буду слабой и истощённой.

Но ненависть не должна препятствовать моей затее. Поэтому я запретила растущему гневу затуманивать мне голову. Я не могла просто выйти ему навстречу и воткнуть в грудь нож. Энакин был великолепным бойцом и уже весьма впечатляюще доказал это.

Я должна успокоиться и потратить время на то, чтобы разведать ситуацию. Поспешное, неразумное решение было неуместным, и уничтожит всё.

Кристалльно чистые мысли крутились в голове, когда я принимала в пятницу после обеда душ. Чувства я свела к абсолютному минимуму и не разрешала себе размышлять о том, почему Адам не пришёл ко мне ещё раз. Я только могла догадываться, какое разочарование должно быть завладело им. Но как только мои мысли шли в том направлении, я заставляла себя думать об Энакине и подготавливать рассудительные слова. Боль не должна блокировать меня, в противном случае всё будет напрасно.

Я тщательно помылась, расчесала и уложила волосы в одну из самых сложных причёсок, которые были реликтом со времён монархии и которые когда-то любили носить женщины высшего класса. Я попыталась представить себя на месте Энакина. Мне нужно завоевать его доверие. Потому что только благодаря этому доверию, он подпустит меня к себе достаточно близко.

Вздыхая, я закрепила последнюю заколку в волосах. Я исчерпала все мои возможности в подготовке к этой встрече. Даже просмотрела ещё раз письменные заметки, чтобы хорошо знать историю и традиции прошедших столетий.

Видимо королевство Антарктика образовывало своего рода вечную монархию, в которой тогдашние порядки были так идеализированы, что из этого образовалась сказочная страна. Таким образом Томас Арпади был одним из представителей в королевской семье, не согласный с отменой монархии, точно так же, как была не согласна семья Бальтазар.

Я размышляла о мотивах Энакина, когда наносила яркий макияж, чтобы убрать тёмные круги под глазами. Он вырос в этом мире, и смотрел на монархию, как само собой разумеющееся. С его точки зрения было нормально относиться с уважением к королевской крови, естественный порядок вещей.

Но мне до сих пор было не понятно, почему он именно меня заставил следовать за ним в его страну. Достойные почестей попытки расширить мой кругозор, как-то не сочетались с Энакином. Я нанесла блестящие тени и посмотрела на себя в зеркало. Мои рыжие волосы были убраны в аккуратную причёску, и если я заставлю себя улыбаться, то действительно буду выглядеть свежо. Но вот от отчаяния, читавшегося в моих зеленых глазах, мне не удастся избавиться так быстро.

От Адама мне не удастся что-то скрыть, но Энакин не знал меня настолько хорошо,

чтобы уметь читать поглазам. Да и что он вообще знал об отчаянии и страхе? Мысль об Адаме вскрыла в моем сердце болезненную рану, которая постоянно болела и не заживала. Я быстро попыталась избавиться от этих мыслей. Эта боль парализовывала меня, но сейчас мне нельзя давать слабину. Посмотревшись в зеркало, я глубоко вздохнула. Мое лицо расслабилось, и я даже смогла улыбнуться.

Я была готова.

В начале восьмого вечера я надела теплое пальто и сапоги, потушила свет в доме и отправилась в путь. Улицы были пустынными, так как температура опустилась ниже нуля и дул ледяной ветер. Надвинув шарф на рот и нос и засунув руки в карманы, я спешила по хрустящему под ногами снегу. Никто не подошел и не заговорил со мной, никто не остановил меня, когда я покинула Шенефельде и исчезла в лесу. Медленно забравшись в руины, я проговорила вербальное заклинание.

Мое сердце бешено заколотилось, когда дверь со скрипом открылась.

Моя ненависть к Энакину была безгранична, но все же мне придется сразиться с ней сегодня, потому что иначе я ничего не добьюсь. Я не допущу, чтобы наши с Адамом страдания оказались напрасными.

Глубоко вдохнув и дипломатично улыбаясь, я прошла через дверь.

— Как хорошо, что ты пришла вовремя, — Энакин принял меня с победной улыбкой на губах, в то время как я от всей души желала, чтобы его улыбка в скором времени исчезла.

— Ты сомневался, что я приду? — спросила я, стараясь сделать приветливое выражение лица.

— Тебя всю неделю не было на лекциях и семинарах. Это заставило меня немного поспекулировать.

— Не волнуйся, я никому не говорила о твоей тайне. У меня просто был грипп, — ответила я. — Но теперь мне лучше, да и сейчас у нас двухнедельные каникулы. Так что я буду посещать лекции с нового года.

— Я рад. Я действительно волновался о твоём здоровье.

Он посмотрел на меня проницательным взглядом, и мне без слов стало ясно, что он знал настоящую причину моего отсутствия.

— Я рада сегодняшнему вечеру, — быстро сказала я, пока его недоверие не стало сильнее. — В 549 году по нашему летоисчислению во владении Арпади находилась великолепная корона, изысканной красоты. Я надеялась, что сегодня ты мне ее покажешь.

— А! Корона Милларда.

Глаза Энакина вспыхнули, и я заметила, что он доволен моим поведением.

— Обожаю образованных женщин, — признался он и повел меня вниз по лестнице.

— Знания, которыми я обладаю далеки от идеальных, — скромно ответила я, как того требовали правила поведения для знатных особ.

Казалось, он даже не заметил моего наигранного поведения, так как тотчас же начал рассказывать про корону.

— Сходим сегодня в музей? — спросила я, когда мы подошли к замку и открылись двери. — Я была бы очень рада.

— Ну как я могу отказать тебе, — сказал он с теплотой в голосе.

Я кивнула, после чего слуги, как и в прошлый раз отвели меня переодеваться.

Когда я пришла на званый вечер в чёрном платье, моё появление вызвало положительное перешёптывание. Причёска и опущенный вниз взгляд, казалось, сделали

меня в глазах дворянства Антарктики привлекательной. Я стиснула зубы, когда шла к месту рядом с Энакином.

И когда я увидела, как он там сидит, среди своей благородной семьи, направив на меня благосклонный взгляд, меня охватило страшное подозрение, что он мог привести меня сюда, чтобы я заняла место рядом с ним.

Внезапно всё встало на свои места. Он пошёл в Тенненбодде не только для того, чтобы установить дипломатические отношения, нет, он искал невесту. Сколько подходящих для него женщин существует ещё в этом мире? С его точки зрения, скорее всего, одна или две. Мой дедушка был родом из семьи фон Некельсхайм и таким образом в моих жилах течёт кровь даже двух королевских семей. Конечно Энакин знал это очень хорошо, и в его глазах я, вероятно, была воплощением идеальной жены.

Видимо он никогда не планировал идти дружественным путём, и насильно вогнал клин между мной и Адамом.

Но он не знал, что ещё я надеюсь найти в Антарктике, а также, на что меня делает способным отчаяние.

На глаза навернулись слёзы, когда я садилась. Рыдание, застрявшие в горле, я проглотила, и сделала глубокий вздох, чтобы восстановить самообладание. Нельзя показывать здесь свою слабость, в противном случае даже последняя надежда будет напрасной.

— Как я слышал, вы плохо себя чувствовали на этой неделе, — спросил отец Энакина, пока вносили первое блюдо.

— Легкая простуда, — ответила я, заставив себя улыбнуться.

— Сельме уже намного лучше, — добавил Энакин.

Я проглотила замечание о том, что могу сама за себя говорить и добавила:

— Я ни в коем случае не хотела пропустить этот вечер. Как часто можно встретить шанс познакомиться с такой замечательной страной.

С высоко поднятой головой я улыбнулась собравшимся и заработала благожелательные кивки.

Гвидо Арпади польщённо улыбнулся.

— Здесь действительно есть много чего, на что стоит посмотреть. Обязательно сходите к горячим источникам! Я обожаю это место. Моя жена каждый день ходит туда купаться, и я уверен, что благодаря этому ритуалу она так прекрасно выглядит, — Гвиндо Арпади улыбнулся своей жене, которая сидела рядом с ним, скромно опустив глаза.

Видимо кроме королев минувшей монархии, женщинам высшего класса не разрешалось действовать уверенно, заметила я, разглядывая опрятный внешний вид жены Гвидо Арпади. Она заколола свои тёмные волосы в такую же искусную причёску, какую сделала сегодня вечером я, только в её волосы были вплетены ещё переливающиеся жемчужины, благодаря которым она действительно выглядела как королева.

— Звучит замечательно, — сказала я, не отрывая взгляда от робкой королевы, которая казалась больше аксессуаром, чем индивидуумом. — Эникан уже хотел показать мне сегодня ваш семейный музей. Я с нетерпением жду, когда его увижу.

— Значит он сразу выбрал самое лучшее, чтобы произвести на вас впечатление.

Гвидо Арпади сделал глоток из своего бокала и произнёс тост в честь богатства Антарктики, к которому с энтузиазмом присоединилась вся компания за столом.

После ужина Энакин вывел меня из салона, и мы прошли через парк замка к

прилегающему музею.

Так как мы были единственным посетителями, я предположила, что хранящиеся здесь сокровища доступны только для феодального общества. Моя надежда, что грааль патрициев находился среди этих сокровищ, выросла.

Но как же мне его идентифицировать? Я понятия не имела, как он выглядит. Единственное, что я знала это то, что ему примерно 2000 лет и что он укрепляет власть семьи Арпади. Как именно я его опознаю, было не ясно, я могла только надеяться, что Энакин даст мне какую-нибудь подсказку.

С чрезмерным энтузиазмом я оценила корону Милларда, которую Энакин показал мне в первую очередь. Она действительно была изумительной и наверняка бесценной. Сделанная из чистого золота, на ней красовались пять драгоценных камней, из которых каждый был размером с куриное яйцо.

— Корону одевает только правящий король на самых больших праздниках, — объяснил Энакин. — На Рождество, это как раз снова произойдёт. Парад в праздничные дни — это традиция.

— Корона действительно достойна короля, — сказала я под впечатлением. — А аллеи и улицы Антарктиды превосходные кулисы для парада.

Энакин прислонился к витрине и посмотрел на меня.

— Что с тобой? — спросил он совершенно неожиданно.

— А что со мной не так? — небрежно спросила я в ответ, в то время, как моё сердце неистово стучало от волнения.

Я перегнула палку? Он заметил мой маскарад и теперь разоблачит меня?

— Ты ведёшь себя необычайно мягко, — сказал он, задумчиво вытянув губы в трубочку. — Это кажется мне странным.

Я лихорадочно размышляла, как спасти ситуацию.

— Знаешь что, Энакин, — в конце концов сказала я. — Я соврала насчёт простуды.

Я посмотрела на него с вызовом.

— Я уже догадывался, — улыбнулся он, уверенный в победе и оттолкнулся от витрины.

— Правда в том, — продолжила я твёрдым голосом, — что мне нужно было время, чтобы подумать.

— Правда?

Энакин смотрел на меня, будто ожидал пощёчину. В этот момент я поняла, что он боится того, что я отвергну его. Глубоко внутри он видимо действительно надеялся, что всё это было по-настоящему. Что его план, переманить меня на свою сторону сработает.

Но его представления о любви были так далеки от моих, что нас никогда в жизни не будет связывать больше, чем ненависть.

— Я пришла к выводу, что ты прав, — сказала, глядя ему прямо в глаза.

— Королевская кровь слишком дорога, чтобы не придавать ей надлежащим образом значения. Я не принадлежу к низам. Моё происхождение требует большего.

Я гордо подняла голову, чтобы ещё подчеркнуть мои слова, и отметила, как выражение лица Энакина от отклоняющейся осторожности превратилось в удивлённую радость.

— Мои предки были королевами, гордящимися своей страной и историей. Все они были сильными женщинами, ведущими целый народ. Это не справедливо, что в конце такой могущественной линии получаешь только презрение. Имя фон Норденах не следует забывать. Мои прародительницы заслужили, чтобы о них помнили с уважением.

— Речь, достойная королевы.

Энакин был впечатлен и поцеловал мне руку.

— Спасибо, — сказала я, сопротивляясь импульсу отобрать у него руку. Каким бы воодушевляющим не был этот момент для Энакина, и какое бы я не чувствовала облегчение, что он поверил в мои слова, такой же неприятной была интимность, которая внезапно воцарилась между нами.

— С какими драгоценностями мне следует ещё познакомиться? — спросила я с улыбкой, забрала у Энакина руку и прошла к следующей витрине, в которой стоял большой, золотой кубок.

— Ах! Ты выбрала следующее наше сокровище, почти такое же ценное, как корона Миллрада, — он последовал за мной и встал рядом. — Происхождение этого грааля датируется началом образования монархии. Говорят, что в день основания Объединённый Магического Союза его передавали из рук в руки, чтобы связать друг с другом королевские семьи.

— Правда? — спросила я с благоговением, и в этот раз моё волнение не было разыграно.

Неужели я нашла грааль патрициев?

Я закрыла глаза и полностью сосредоточилась на гудение вокруг. Воду и лёд я воспринимала как голубое мерцание и как нежную пульсацию. Наконец я совершенно ясно почувствовала перед собой холодный звук металла. Но больше там ничего не было, только металл и вода. Я не чувствовала особенной магии в вещах, которые меня окружали.

Но это ещё ничего не значит, потому что Энакин заблокировал некоторые мои ощущения.

— Изумительная вещь, — сказала я, когда снова открыла глаза.

Кончиком указательного пальца я провела по похожей на стекло поверхности витрины. Как и всё в этой стране, она была сделана из льда.

Я рассмотрела грааль более внимательно. Он был необычно большой и по сравнению с короной Милларда на нём не было никаких украшений. Только пять прямых линий тянулись от верхнего края вниз к широкой ножке.

— Верно, и для моей семьи этот грааль имеет особое значение, но ты обязательно должна посмотреть вот на это кольцо. Оно принадлежало моей прапрабабушке, и она получила его от народа гномов в день своей коронации, — Энакин прошёл к следующему экспонату, и я неохотно последовала за ним. — Это был важный момент в истории. Он показал, что гномы наконец готовы принять своё место в магическом сообществе.

— Правда? — рассеяно спросила я.

Что он имел в виду, когда сказал что этот грааль имеет особое значение для его семьи? Это могло значить только одно. Я нашла грааль патрициев. Только подобраться к нему будет не так просто.

Мой взгляд всё ещё был направлен на витрину с граалем. Войти сюда будет, вероятно, не так сложно, но витрина, казалось, представляет из себя проблему посложнее. Да и пройти с добычей мимо Морфея и его охранников тоже будет не простым делом.

Мне нужно время, чтобы изучить привычки магов, живущих здесь. Может быть какая смена караула, которую я смогу искусно использовать, или какой-нибудь другой пробел в системе, который внесёт преимущество в мои планы. Я не сосредоточенно следовала за Энакином по рядам экспонатов и слушала только в пол уха его подробные объяснения к

каждой драгоценности.

Пока я следовала за Энакином через музей, мои мысли обгоняли одна другую, в то время как я перебирала в уме разные возможности.

Чего бы я не отдала за шанс поговорить с Адамом и вместе с ним подумать над тем, какой способ будет самым лучшим. Но пока наши разговоры начинались с того, что он спрашивал, что же случилось, мы не могли быть вместе.

— Ты обязательно должна прийти на Рождественский парад! — сказал Энакин, когда мы поздно вечером стояли возле двери, ведущей из Антарктики и прощались. — Я настаиваю на этом.

— Я буду рада принять участие в параде, — ответила я.

— Хорошо, тогда встретимся через четыре дня. Я жду тебя здесь в 4 часа вечера.

Энакин взял мою руку и слегка дотронулся до нее губами.

— Жду не дождусь, — ответила я и проговорила заклинание, открывающее дверь.

У меня было четыре дня, чтобы принять решение. Я могла бы придумать план похищения грааля патрициев или подумать, как заставить Энакина снять заклинание.

Или я могла бы выиграть время, чтобы лучше познакомиться с Антарктикой и поискать следы родителей, либо никогда не возвращаться в это место, а вместо этого спрятаться у бабушки в Темаллине.

Энакин помахал мне вслед, когда я подошла к двери, после чего стало темно. С меня тут же спало напряжение и подогнулись колени. Я сидела в темноте на ледяном полу и вдыхала и выдыхала спертый воздух. Прошло довольно много времени, прежде чем я успокоилась и нашла в себе силы встать. С напряжением ушла и вся моя решительность. Мне вдруг стало плевать и на грааль и на парад. Адам — это единственное, что было важно.

Я должна еще раз попытаться поговорить с ним, а если попытка не удастся, то может у кого-нибудь другого будет достаточно терпения для разговора со мной.

Должна же быть возможность посоветоваться с кем-то, кто мог бы помочь мне выбраться из этой запутанной ситуации.

Я медленно побрела домой, открыла дверь в темный дом, поднялась в комнату и стала искать сотовый, которым в последний раз пользовалась когда-то прошлым летом. Идея с телефоном была не такой уж плохой, ведь я была далеко от того, с кем разговаривала и не могла ранить его. Единственная проблема заключалась в том, что почти никто из моих наделенных магической силой друзей не пользовался сотовым.

Я нашла свой в прикроватной тумбочке и подключила к зарядному устройству. Подождав пока он оживет и сделав глубокий вдох, я набрала номер Адама.

Когда включился автоответчик, я поняла, что его телефон выключен. Я попробовала позвонить Лоренцу, Ширли и Дульсе, но у всех включался автоответчик. Тогда я попробовала дозвониться до Лианы. С тех пор, как они с Паулем стали встречаться, она всегда носила сотовый с собой. Однако и ее телефон тоже был выключен.

У меня остался лишь один номер.

Когда пошли гудки, я еще раз глубоко вдохнула.

— Да, — коротко ответил мужской голос.

— Торин, ты мне нужен.

Мне стоило невероятных усилий произнести это предложение.

— Чего ты хочешь? — сварливое настроение Торина сразу стало заметно. — Разве мало того, что ты подвергла опасности жизнь Адама? Тебе нужны новые жертвы для твоих

бессмысленных атак?

Значит Адам уже рассказал своему брату, что случилось, и Торин был в бешенстве.

— Я не могу рассказать тебе, что случилось, но ты должен помочь мне положить этому конец.

После моих слов наступило молчание.

— Солнышко, ты почти кого-то убила.

Настоятельный голос Торина заставил меня понять, насколько все было плохо между мной и Адамом.

— Если не можешь помочь, тогда по крайней мере пообещай, что не подпустишь ко мне Адама. Я очень сожалею о том, что случилось, но я не могу это объяснить, а без объяснения не могу сейчас встретиться с Адамом.

— Ладно, — примирительно прорычал Торин. — Я зайду к тебе завтра утром в 10 часов. Сначала поговорим, а потом посмотрим, могу ли я тебе помочь. Я люблю чёрный кофе с сахаром и настаиваю на обильном завтраке.

— Как скажешь, — вздохнула я. — Спасибо, Торин.

— Ещё не за что благодарить.

— Всё равно спасибо.

Но Торин уже положил трубку и не услышал моё последнее предложение.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. В этот момент я услышала тихий звон, и этот тон внезапно вернул меня в прошлое. Лиана так часто звала меня на улицу в павильон маленьким колокольчиком возле моего окна, что я не могла бы сосчитать сколько раз это было. Я быстро прошла к кухонной двери и вышла в зимний сад.

Хотя температура ещё больше понизилась, и мороз щипал за щёки, я пошла дальше. На грядках лежал толстый слой снега, а кусты согнулись под весом белого великолепия. Когда я зашла в павильон, то была ещё одна. Но мне не пришлось долго ждать.

Наконец я услышала тихие шаги в снегу. На короткое мгновение я подумывала сбежать, но может мне всё-таки удастся построить с Лианой какую-нибудь связь.

— Где ты была? — она смотрела на меня широко распахнутыми глазами. — Я ещё не спала и случайно увидела, как ты идёшь.

— Я просто гуляла, — тихо сказала я и зажгла световой шар. — Я нехорошо себя чувствовала.

Только теперь я заметила глубокую морщинку у неё на лбу, которая свидетельствовала о том, что она ужасно злиться. Она злилась на меня, что было вполне понятно. Всё же мне причинило боль то, что даже Лиана, казалось, не была готова попытаться меня понять.

— В полночь? А что с тобой и Адамом? — набросилась она. — Я просто не понимаю. Насчёт простуды ты соврала, не так ли? Сначала у вас вроде как нескончаемая любовь, а теперь внезапное молчание, и ты не пошлешь ему даже сообщения?

— Лиана! — попросила я. — Я всё ещё люблю Адама. Мои чувства не изменились. Мне только нужно немного время.

Почему всё так сложно? Почему никто не может вести со мной пустяковый разговор?

— Что? — выкрикнула она. — Почему тебе нужно время? Ты прямо сейчас лжёшь мне, а мне так надоела ложь, ты даже не можешь себе этого представить. Где ты действительно была в прошлые выходные? Адам совсем впал в отчаяние. Тебе стоит выложить всё начистоту.

Она воинственно сверкнула глазами.

— Хорошо, — тихо сказала я и попыталась вновь. — Я была в А...

Но уже началось удушье, заставившее меня замолчать. Нужно убираться отсюда, да побыстрее.

— Чёрт, да что с тобой такое?

Лиана смотрела на меня с разочарованием.

— Лиана, прекрати! — потеряв самообладание ответила я, с трудом сдерживаясь.

Я отчётливо чувствовала, как мои зрачки беспокойно мечутся в поисках острого предмета. К счастью здесь ничего не было, кроме павильона и большого количества снега.

— С чем? Разве ты не понимаешь? Адам сказал, что может всё пережить, только не твою ложь.

Её слова были словно удар в живот, и я снова вернула над собой контроль.

— Он так сказал, да? — я печально смотрела на Лиану. — Как у него дела?

— Плохо, или чего ты ожидаешь? — обрушилась она. — Скажи наконец, что случилось?

— Но я не могу об этом говорить, — с трудом ответила я, мой голос звучал как-то деревянно.

— Мне кажется, ты совершаешь огромную ошибку. Как ты можешь отказаться от всего, за что боролась?

Лиана сверкала на меня глазами и ее гнев передался и мне.

— У тебя есть другой мужчина?

— До тебя не доходит, да? — грубо ответила я. — Нет никакого другого мужчины. Но есть что-то, о чем я не могу говорить. Я борюсь с этим, но в одиночку это не просто, — я подскочила в ярости. — Если тебе действительно надоело все это вранье, тогда прими лжеколокольчик!

Бросив ей в лицо эти слова, я побежала домой.

Заперев кухонную дверь, я прислонилась к ней. Я злилась на Лиану, потому что она даже не попыталась понять меня, я также сердилась и на себя, так как сказала ей про лжеколокольчики. Когда-то я хотела дать ей один из засушенных цветов, чтобы она могла вернуть подавляемые воспоминания. Но я хотела сделать это в подходящий момент, после того как подготовлю ее к тому, чтобы она узнала правду о своей пропавшей сестре Мире.

Я не знала была ли она готова сейчас.

И вообще, существовал ли подходящий момент для этого? К такой правде никогда не бываешь подготовленным.

И все же я хотела бы быть рядом с Лианой, когда она всё узнает. Но в данный момент я была для нее не подругой, а угрозой, и это нужно срочно менять.

На следующее утро я встала вовремя, прибрала кухню и опустошила почтовый ящик. Повседневные дела отвлекли меня от того, что мне предстояло в этот день. Среди почты последних недель, я обнаружила письмо от бабушки. Оно было тоненьким и наверняка содержало лишь обязательное поздравление с рождением и пустые увещевания, держаться подальше от любой опасности, которые я уже получила в день рождения.

Я небрежно отложила письмо в сторону, даже не вскрыв его. По крайней мере среди писем не было требования подать заявление о вступлении в брак. Я надеялась, что фавны вставляют палки в колеса бюрократической машины Объединенного Магического Союза. Заглянув в холодильник, я поняла, что придется идти за покупками к госпоже Гольдманн, если я хочу выполнить желания Торина.

К счастью этим субботним утром она была так занята выполнением желаний своих

клиентов, что не задавала мне никаких вопросов, пока я укладывала в корзину яйца, сало, хлеб для тостов и апельсиновый сок. Быстро пройдясь по рядам и взяв кофе и свежие фрукты, я поспешила покинуть магазин. Конечно было глупо думать, что кто-то спросит меня о том, где я была в прошлые выходные, но все же на меня напал какой-то параноидный страх, что мне зададут этот вопрос.

Энакин сделал свое дело. Из страха причинить вред кому-то из друзей или знакомых, я избегала разговаривать с ними. Он изолировал меня ото всех, но одновременно хотел предложить мне альтернативную родину, куда я могла сбежать и которую он изо всех сил расхваливал. Постепенно я начала понимать все коварство его хорошо продуманного плана.

— Привет, солнышко.

Торин стоял ровно в 10 утра у ворот и смотрел на меня с осторожной улыбкой.

— Спасибо, что пришел, — сказала я, впуская его.

— Сначала я должен позавтракать, — сказал Торин, снимая куртку и шапку. — Ты же знаешь, как мне важен завтрак, а пока я наслаждаюсь твоими великолепными кулинарными способностями, можешь рассказать, для чего я здесь.

— Все готово.

Я кивнула и пошла на кухню. Торин был в более или менее в деловом настроении, и я надеялась, что это поможет нам продвинуться дальше.

Наливая ему кофе и кладя на тарелку яйца и сало, я подыскивала невинные слова, которыми бы могла описать свое состояние.

Я села напротив Торины с чашкой кофе в руке.

— Итак?

Он выжидающе смотрел на меня из-под светлого чуба.

— Сначала я должна предостеречь тебя от меня, — сказала я, серьезно посмотрев на него.

— От тебя?

Торин улыбнулся, взяв столовые приборы.

— Пожалуйста, воспринимай это серьезно. Я напала на Адама, — сказала я.

— Он говорит, это был несчастный случай! — Торин подцепил на вилку яйцо и отправил его в рот. — Но он обиделся и не понимает, что происходит.

— Это не был несчастный случай, — тихо ответила я. — В этом-то и проблема.

— Ага! — Торин сделал большой глоток кофе. — Значит ты собиралась убить Адама?

— Нет, конечно нет, — ответила я. — Я не могла по-другому, понимаешь?

Торин удивленно посмотрел на меня, словно до него постепенно начало доходить, в чем дело.

— Мы за тобой наблюдали, — тихо сказал он. — Точнее говоря, мы следим за тобой все время и в этом и заключается проблема.

— Что ты имеешь в виду? — недоумённо спросила я.

— Мы наблюдали за тем, как ты постоянно исчезаешь в этой руине, тогда Адам начал искать в городских архивах, и искал до тех пор, пока не выяснил, что ты укрываешься в старых владениях Арпади.

— Хорошо, — ответила я, запинаясь, потому что чувствовала, что темные силы внутри меня были не согласны с тем, что Торин нащупал часть правды.

— Ничего хорошего! — возразил Торин. — Потому что Адам видел, как Энакин тоже прячется там, и он не в восторге от этого.

— О, нет! — прошептала я.

Адам ревнует меня к Энакину?

— По твоему взгляду я вижу, что ты понимаешь, что это означает.

Я слабо кивнула.

— Возможно ты этого ещё не знаешь, но он склонен к ревности.

Торин взял тост и намазал его толстым слоем масла, продолжая осторожно наблюдать за мной.

— Я уже догадывалась, — ответила я слабо.

Наш разговор принимал совсем плохое направление, а мы ведь уже были так близко к правде.

— Конечно он ему ничего не сделает, — сказал теперь Торин, неправильно истолковав мои широко распахнутые от страха глаза.

— Если это твоё решение встречаться с Энакином, тогда он должен его принять.

— Нет, — сказала я. — Разве ты не понимаешь, что происходит?

Я в отчаяние смотрела на Торина. Больше всего мне хотелось сказать, что я ничего против не имею, если Адам выведет Энакина из строя, но как только я сформулирую это предложение, то скорее всего попытаюсь воткнуть Торину нож для масла в горло.

— Я понимаю, что здесь что-то неладно.

Он внимательно разглядывал меня, в то время как я стиснула зубы, стараясь сохранить концентрацию.

— Не то, что думает Адам, — сразу ответила я.

— А что это, сказать ты мне не можешь. Ситуация крайне сложная.

Торин отложил столовые приборы в сторону и вытер салфеткой рот. Потом наклонился ко мне и посмотрел глубоко в глаза. Я знала, что он собирался сделать и не сопротивлялась.

Режущая боль в моей голове нахлынула так быстро, что у меня даже не было времени закрыть глаза. Яркая вспышка ударила в голову, и я услышала, как кто-то кричит как резанный.

— Сельма?

Когда я снова пришла в себя, испуганный голос Торина звучал, как издали. Я обнаружила, что лежу на кухонном полу, в руке вилка, которую я должно быть схватила со стола, когда падала.

О, о, демон во мне ужасно разозлился.

— Убирайся! — выдохнула я, когда почувствовала руку Торина на моей.

— Мне так жаль, Сельма. Я понятия не имел.

Пока я пыталась встать, я почувствовала, как моя рука крепко сжимается вокруг вилки, а глаза прицеливаются.

— Уходи! — закричала я теперь.

Мой голос дрожал, и когда я подняла руку, я увидела замешательство в глазах Торина. Но наконец он отступил от меня на шаг, когда я снова вскочила на ноги.

— Попытайся привести сюда бабушку! — заикалась я. — Иди!

Когда Торин увидел мои сверкающие глаза, казалось ему стало ясно, что он больше ничего не сможет здесь сделать, не подвергая себя опасности.

— Всё ясно, — сказал он с порога. — Оставайся здесь в доме и никого не впускай, пока мы не вернёмся.

Потом он захлопнул дверь и исчез.

Я провела день в своего рода оцепенении, выглядывая из окна и наблюдая за жителями Шёнефельде, как те готовятся к Рождеству. Силы окончательно покинули меня, уступив место всепоглощающему отчаянию. Только когда на улицы опустилась темнота, я сдвинулась с места, бесцельно бродя по дому.

Эта ситуация должна закончиться как можно быстрее. Тоска по Адаму съедала меня, как огонь, горящий во мне, и скоро он поглотит всю пищу.

Его ревность была вполне понятной. Я ранила его и прогнала. Если бы он в такой же совокупности находился со Скаррой Энде, я бы тоже злилась. Надеюсь Торин понял, что моя бабушка, казалась, была сейчас единственным магом, кто смог бы мне помочь в этой ситуации. Либо она, либо я сама закончу это дело!

Эта жгучая боль была невыносимой, и моя готовность пойти на крайность, чтобы наконец избавиться от неё, становилась всё сильнее.

Готова ли я убить Энакина?

Снова и снова эта идея вертелась в голове. Она была угловатой, и не подходила мне. Да и вероятность того, что он заметит, что я собираюсь сделать и убьёт меня первой, была высока.

Если только не появится элемент неожиданности, который я смогу использовать.

Однако я не знала, способна ли на такое. Но что-то я должна была сделать. Я не могла сидеть здесь и в отчаяние ждать, что Адам и Торин возможно смогут уговорить мою бабушку вернуться и помочь

Нужно самой ещё раз попытать счастья. Но отнять жизнь у мага, даже если он такой невыносимый, как Энакин, была той границей, которую я не хотела переступать. Я пойду на рождественский парад и сделаю всё, что в моих силах, чтобы Энакин снял с меня заклинание.

Решение было принято, и меня охватило странное спокойствие.

Внезапно я оказалась возле двери, ведущей на верхний этаж. Я зажгла световой шар и открыла её. Потом поднялась по ступенькам и зашла в свою старую детскую.

Видимо пришло время попрощаться окончательно. Я хотела ещё раз быть поближе к семье, и здесь наверху это было легче всего сделать. Я осторожно опустилась на мою старую детскую кровать и взяла в руки книгу сказок, которая всё ещё лежала там.

Задумчиво я начала её листать, в то время как другая моя рука, как уже часто, переместилась к кулону, который я носила день и ночь, с тех пор, как моя мама подарила мне его в прошлом году к моему восемнадцатилетию.

На самом деле я ещё до сих пор помнила, какой была последняя сказка, которую она мне прочитала. Я медленно листала дальше, пока не нашла историю о Йоринде и Йорингеле. Я медленно начала читать сказку и было действительно такое ощущение, как будто я ещё раз слышу голос мамы.

Грусть прокралась в сердце и ненасытная тоска. Каким бы я стала человеком, если бы моя мама не ушла в тот день? Если бы наша жизнь просто продолжала течь дальше? Я знала, что никогда не получу ответа на этот вопрос.

Эти решения были приняты в прошлом, и теперь я должна жить, неся последствия. Когда я открыла последнюю страницу и история счастливо закончилась, я оторопела.

Под последним предложением была написана записка тонким карандашом. Её почти не было видно, и я зажгла ещё один световой шар, чтобы разобрать маленькие буквы.

Там стояло: "История здесь не заканчивается." Но не только история о Йоринде и

Йорингеле кончалась здесь, сама книга закончилась, потому что эта история была последней в книге сказок. Я ещё раз проверила последние страницы, но не увидела там ничего необычного. Я даже просветила последнюю страницу, но не нашла никакого скрытого шрифта. Что бы это могло значить?

Я закрыла книгу, снова и снова поворачивая её туда-сюда. Она не была тяжелее или легче, чем другие книги такого же размера. Но моя мать не стала бы оставлять подобную записку без причины. Она знала, что в какой-то момент я начну искать ответы, и у меня было сильное подозрение, что и здесь меня ожидает скрытое послание, которое я должна расшифровать. Может это снова упоминание кого-то, кто смог бы меня поддержать.

Кто бы смог помочь мне в таком вопросе?

Ответ был ясен, потому что я кое-кого знала, кого уже давно хотела навестить, и кто прекрасно разбирался в книгах.

Я не торопилась, потому что даже не знала, открыт ли ещё сегодня вечером книжный магазин господина Лилиенштейна. Рыночная площадь была украшена множеством огней и светилась празднично и торжественно.

Я медленно шла по тротуару и всё разглядывала. Внезапно я снова почувствовала, что за мной наблюдают. Чувство казалось знакомым. Я повернулась и правда, в книжном магазине господина Лилиенштейна я обнаружила фигуру, хорошо выделяющуюся в сияние света.

Я быстро взбежала вверх по маленькой лестнице, ведущей к входной двери. Я почти ожидала, что она будет закрыта, но ручка с лёгкостью опустилась вниз, и я зашла внутрь. Колокольчик тихо зазвонил, когда я входила в магазин, и дверь за мной закрылась.

Всё выглядело так же, как всегда в этом магазине. Господин Лилиенштейн не был большим поклонником сезонных декораций, и сегодня я была рада найти свободную от рождественских украшений зону.

— Добрый вечер, Сельма, — сказал приятный голос.

— Добрый вечер, — вежливо ответила я, в то время, как господин Лилиенштейн шёл ко мне, чтобы пожать руку.

Он был плотным мужчиной, не толстым, но всё же у него было заметно пузо. Оно было как раз такого размера, что на первый взгляд он казался неспортивным человеком. Но его серьёзный взгляд и строгая причёска с пробором, которую он держал в форме с помощью помады, немного сглаживало впечатление комфортно живущего человека.

— Что привело тебя ко мне? Тебе снова нужно укрепляющее средство?

Он ободряюще мне улыбнулся, и у меня сразу появилось к нему доверие.

— Нет, дело не в этом, — ответила я. — Эта проблема уже решена. Неизвестный помощник послала мне корень Уоло. Кстати, вы могли бы спокойно рассказать, что у вас на верхнем этаже продаётся магическая литература. Летом она бы мне пригодилась.

— Действительно, — ответил господин Лилиенштейн. — Я полагал, что в таких вещах тебя поддержит бабушка.

— Моя бабушка в Темалине, — ответила я.

— Знаю, знаю, но вы ведь несомненно поддерживаете связь друг с другом?

Господин Лилиенштейн внимательно на меня смотрел, и меня удивляли его подробные вопросы.

— Нет не поддерживаем, — ответила я и не смогла сдержать горький тон в голосе. — Хотя помощь мне сейчас срочно необходима.

— Вот как, — задумчиво ответил господин Лилиенштейн, мне было интересно, о чём

он задумался.

— Если всё так, то я могу признаться в том, что это я был тем, кто послал тебе корень Уоло, — в конце концов через некоторое время сказал он.

Мне понадобилось какое-то время, пока его слова дошли до меня.

— Что? — растерянно спросила я.

— Ты всё верно расслышала, — улыбнулся он. — Я прошлым летом разговаривал с твоей бабушкой о том, как у тебя дела, вскоре после того, как ты столкнулась с Бальтазаром.

— Правда?

Я понятия не имела, что моя бабушка настолько доверяет господину Лилиенштейн, что рассказала ему об этом.

— Да, я предложил помочь тебе, но твоя бабушка не захотела. Видимо она надеялась, что твоя слабость будет сдерживать тебя, и ты не станешь ввязываться в слишком опасные дела.

— Это на неё похоже, — подавленно ответила я.

— Я знаю, что её сложно понять. Но ей пришлось пережить уже гораздо больше горя, чем можно справиться за одну жизнь. Не вини её за осторожность. Однако у меня было другое мнение по этому вопросу. После того, как ты пришла ко мне, спустя много времени с тех пор, как она уехала, а ты всё ещё не устранила свою проблему, я в конце концов решил тебе помочь.

— Спасибо, — серьёзно сказала я, и совершенно внезапно в моё сердце проникло теплое чувство и прогнало из него чуточку темноты.

В этом мире всё-таки кто-то есть, кто понимает меня и хочет помочь.

— Для тебя и твоей бабушки я с удовольствием отдал корень, потому что она сделала для меня гораздо более ценный подарок.

— Правда?

Что-то встало здесь на своё место, я сразу это почувствовала.

— Может у вас есть продолжение книги "Сказки всего мира"? — улыбаясь спросила я. — Прекрасная книга, которая якобы ещё не закончилась.

Эта улыбка удивила меня, потому что я не улыбалась с тех пор, как атаковала Адама.

— Существует бесчисленное множество замечательных книг, — мечтательно сказал господин Лилиештейн, и в этом взгляде была такая большая любовь к книгам, что я точно знала: он как раз тот, кто мне нужен.

— Это очень особенная книга, к которой привязано множество воспоминаний, — сказала я.

— Они самые лучшие из всех. Такие книги, которые читаешь снова и снова и в которых можешь быть как дома, — улыбаясь ответил он и жестом пригласил меня сесть в широкое кресло в своём уголке для чтения. На негнущихся ногах я приняла его приглашение и опустилась в кресло. Тысяча вопросов вертелось в голове, и я не знала, какие задать первыми.

— Если вы так хорошо обо всём осведомлены, может тогда оберегаете и грааль патрициев? — тихо спросила я, с любопытством смотря на него.

Я раскрыла свои карты, и если он невзначай не знает о граале, то самое плохое, что может случиться это то, что он посмеётся надо мной.

Его правый глаз внезапно задёргался. Ага! Значит он что-то знает.

— Как ты до такого додумалась? — спросил он тоненьким голоском.

— Господин Лилиенштейн, — вздыхая сказала я. — Если вы можете мне помочь, тогда пожалуйста помогите! Что бы там не думала об этом моя бабушка. У меня нет времени ждать, когда она поспешит мне на помощь.

— Ты понятия не имеешь, что находится в моих руках, не так ли?

Он с удивлением смотрел на меня.

— Если это случайно не грааль с особенными свойствами, нет, тогда я не знаю, — ответила я, пожимая плечами.

— К сожалению, граалья у меня нет, но я слышал о нём. Говорят, что он наделяет своего владельца безмерной властью, и как ты видишь, я ей не благословлён. Ты ищешь грааль? Хочешь управлять судьбой страны?

— Нет, я ищу его по другой причине, — я размышляла о том, как описать ситуацию, не упоминая Арпади. — Где его видели в последний раз?

Семья Арпади хвасталась своим богатством, а не властью, что у неё была. Поэтому, скорее всего, грааль в семейном музее Арпади был не тем граалем, который я искала. Это было бы слишком легко.

— Даже если меня удивляет, что тебя интересуют старые реликвии, я рад, что ты увлекаешься историей. Конечно подтверждённых свидетельств нет, но я слышал, что грааль видели в последний раз в шестидесятых.

— Откуда вы это знаете? — удивлённо спросила я.

— Скажем так, я интересуюсь историей, а после преобразования Объединенного Магического Союза в демократию древние реликвии королевских семей были переданы палате сенаторов, например, корона Милларда или серебряный скипетр с бриллиантом неизмеримой ценности. Я работал в отделе антиквариата в палате сенаторов, когда он еще был здесь, в Шенефельде.

— Интересно, — ответила я. Видимо господин Лилиенштейн даже не подозревает, что некоторые из этих ценных вещей являются атрибутами власти.

— Сам грааль я конечно не видел. У меня было только его описание из каталога для внутреннего пользования.

— И как он выглядел? Вы еще помните? — напряженно спросила я.

— Конечно помню. Помню каждое прочитанное слово. Фотографическая память, знаешь? — он постучал пальцем по лбу. — Грааль описывается как очень роскошный предмет, его украшают 25 диамантов. Он не очень большой, в выставочном каталоге была помечена высота в 20 сантиметров. Не плохо, да? — он выжидательно посмотрел на меня. — Даже спустя более пятидесяти лет я все еще помню каждую деталь.

— Здорово, — сказала я не очень восторженно. Этот грааль не имел ничего общего с тем, который я нашла в семейном музее семьи Арпади.

— Я знаю, — вздохнул господин Лилиенштейн. — Цитаты из выставочного каталога редко вызывают бурный восторг.

— Не в этом дело, — быстро сказала я.

— Перейдем к более интересным вещам. Я уже много лет храню здесь для твоей бабушки очень деликатный манускрипт. Я знаю, она наверняка не хочет, чтобы он попал к тебе в руки, но после того, как я узнал, какие у тебя враги, мне кажется, ты должна его прочитать. Тем более, что я тоже самое сделал и для Катерины.

— Это значит, моя мама доверилась вам?

— Не совсем так, — ответил господин Лилиенштейн. — К сожалению, это Жоржетта

узнала о манускрипте и каким-то образом завладела им. Она попросила меня сделать копию для твоей матери, а сам манускрипт хранить так, чтобы он не попал в чужие руки. У твоей бабушки были напряженные отношения с твоей матерью, ты должна это знать. Бабушка хотела помочь, но было уже поздно.

— Я уже знаю об этом, — сказала я. — Вы пробудили мое любопытство.

— И правильно, но я должен предупредить тебя, что этот текст деликатнее всего того, что ты когда-либо читала, потому что он полностью перевернет твоё представление об Объединённом Магическом Союзе. Конечно нужно учитывать, что это всего лишь теория. Она никогда не была доказана. Помогать твоей маме было уже поздно, хотя твоя бабушка думает иначе. По её мнению, этот манускрипт направил твою маму в совершенно неправильное русло. Ей, наверное, не понравится, если я разрешу тебе взглянуть на него.

— И что написано в этом манускрипте?

Меня подгоняло не только любопытство. То, что именно моя бабушка заполучила манускрипт, имело для меня огромное значение, ведь она была могущественным магом и мне бы не только пригодилась её помощь, возможно от неё зависело мое выживание.

— Хорошо, пойдём со мной!

Господин Лилиенштейн с помощью мыслей закрыл входную дверь и опустил жалюзи. Потом убрал загораживающую верёвку с лестницы, ведущей на верхний этаж, он начал подниматься по ступеням. Я поспешила за ним, не имея ни малейшего представления, что меня ждёт.

После того, как господин Лилиенштейн тщательно запер дверь на верхнем этаже, а окна закрыл тяжёлыми занавесками, казалось он почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы вытащить манускрипт. Он одним единственным маленьким жестом зажёл десять световых шаров, что я удивлённо приняла к сведению. Кажется, господин Лилиенштейн, как и моя бабушка, обладает поразительными силами.

— Отойди немного в сторону, — попросил он. — Я защитил манускрипт заклинанием. Если кто-то узнает, что он находится у меня, мне не поздоровится.

— Вот как? — спросила я, распахнув глаза, но отошла подальше, так что врезалась спиной в одну из книжных полок, стоящих возле стен.

Господин Лилиенштейн развёл в стороны руки и пробормотал заклинание. Я не успела вскрикнуть, потому что пламя огня, который внезапно загорелся посередине комнаты, появилось без предупреждения. Жар чуть не опалил мне брови, и я прижалась ещё сильнее к книжной полочке, с округлившимися глазами наблюдая, как господин Лилиенштейн, не моргнув глазом, зашёл в огонь.

Когда он исчез в нём, я действительно вскрикнула от испуга. Это было невозможно. Маг может вызвать огонь, может потушить его и управлять им, но он точно в нём сгорит.

Профессор Боргиен достаточно часто предупреждал нас о силе пламени, из-за чего я почтительно обращалась с огнём.

Я ещё раз задержала дыхание, когда господин Лилиенштейн снова появился.

— Ах, Сельма, вот ты где.

Он направился ко мне и лёгким движением руки заставил исчезнуть огонь.

— Как вы...? — заикаясь спросила я, показывая на место, где ещё совсем недавно комнату наполняло пламя.

Жар всё ещё находился в комнате, но видимо ни паркет, ни бесчисленное количество книг не пострадали.

— Ты не имеешь даже малейшего представления о том, какие силы живут в тебе! — многозначительно сказал он. — И на что ты способна, если владеешь пятым элементом. В Тенненбоде, кстати, ты никогда об этом не узнаешь.

— Что?

Я совсем не понимала, что он хочет мне сказать.

Господин Лилиенштейн вздохнул и подозвал рукой к круглому столу в углу, за которым стояло восемь стульев.

— Об этом идёт речь в этом манускрипте. Книга из Мантао. Кстати так называется место, где её написали, маленькая, незначительная деревушка в глуши.

Он поднял вверх толстый фолиант, а я заняла за столом место напротив него.

— Но незначительные места чаще всего скрывают самые большие тайны, — он заговорщически улыбнулся, с каждой проходящей секундой он становился мне всё симпатичнее. — Но достаточно на сегодня философии, пришло время изменить твоё мировоззрение. Начнём с Теннебоде. У этого старого и почтенного университета всегда было только одно предназначение — он сдерживал магов, лживо уверяя их в том, что они больше ни на что не способны, кроме как зажечь парочку свечей и переместить воду из одной ванны в другую. Королевы, которые когда-то основали Объединённый Магический Союз, позаботились о том, чтобы древние знания исчезли из памяти магов. Древние усовершенствовали боевое искусство магов. Они использовали элементы, чтобы разрушать. Старые легенды о героях, живших до нашего времени умалчивались. Воины должны были умереть, а с ними все воспоминания о великих битвах прошлого. Остался только один единственный памятник, но никто не знает его истинного значения.

— Тенненбоде, — прошептала я хрипло. — Сцены побоищ.

— Они последние свидетели того времени. Никто не должен когда-либо узнать, на что может быть способен маг, тренирующий свои силы в течение десятилетий.

— Это невероятно!

Я смотрела на господина Лилиенштейна округлив глаза.

— Да, я был так же поражён, как и ты, но всё сходится. Тенненбоде был ответом на все конфликты. Речь шла о том, чтобы контролировать магию каждого отдельного племени. Для этого королевы объединили племена под одну корону. Распри до нашего времени привели только к тому, что маги почти истребили самих себя. Племена были забыты, и маги нашли новые принадлежности. Система монархии, высший и низший класс давали народу достаточно возможностей идентифицировать себя с ними и направить своё внимание на другие вещи.

— Всё дело было только в контроле? — спросила я.

— Конечно дело только в нём. Каждый маг, который владеет пятым элементом, может уничтожить мир и поколебать его в самом основании. Ты можешь затопить землю или покрыть всю планету пожарами. Ты можешь разрушить всё, понимаешь, абсолютно всё.

— Вы имеете в виду, что в Тенненбоде магов, владеющих пятым элементом, изолируют, а потом дают им только столько знаний, чтобы они не представляли собой опасности.

— Не только их, даже обычный маг, достаточно поупражнявшись может так усовершенствовать своё умение, что в состоянии нанести много ущерба. Конечно он не сможет снять с орбиты землю, как маг, который владеет пятым элементом, но всё же у него есть достаточно могущества, чтобы принести разрушения. Царствующая королева была единственной, кто владел этим манускриптом. Не знаю, как твоей бабушке удалось

заполучить его. С последней королевой окончательно было забыто старое писание. Примус уже больше ничего о нём не знает. Он наблюдает за магами, которые владеют пятым элементом, потому что они могут принести ему большую пользу. Палата сенаторов своевременно привязывает этих магов к себе и использует их способности для собственных целей.

— Невероятно, — сказала я. — Это означает, что вы последний владелец манускрипта.

— Так и есть, — господин Лилиенштейн медленно кивнул. — В то время я сделал для твоей матери копию, которая, однако исчезла вместе с ней. Твоя бабушка больше не смогла её найти, поэтому я не могу рисковать ещё раз. Нельзя, чтобы эта книга попала в чужие руки. Если хочешь, можешь прочитать её и сделать себе пару заметок, но потом я снова спрячу её в тайнике.

— Это даёт мне снова надежду, — сказала я, на губах вновь появилась улыбка.

— Подожди, пока не прочитаешь вот это.

Он указал на манускрипт в кожаном переплёте.

— О чём идёт речь в книге из Монтао? — спросила я.

— Назовём её последним изданием учебника, используемого до нашего времени. Летописцы описали техники боя и методы обучения воинов и не только. В этой книге ты узнаешь всё о героях того времени, о великих сражениях, в которых они участвовали и самых тёмных врагах, которые когда-либо существовали в этом мире. Это особенное произведение, я долго корпел над ним, переводя со старого языка и выучил при этом наизусть.

— Поэтому вы так хорошо владеете огнём?

— Это мелочь. Я обращаюсь ответственно с моими знаниями и скрываю их. После того, как ты это прочитаешь и усвоишь методы, твоя связь с элементами будет другой. Но узнать об этом могут, самое большее, твои поверенные, в противном случае у тебя будут неприятности со всей Чёрной гвардией. Не то, чтобы они смогли победить тебя, они такие же кастрированные маги, которых ты найдёшь везде. Но было бы неразумно бросать им вызов. Жизнь не будет проще, если весь Объединённый Магический Союз станет твоим врагом. Кроме того, ты должна пообещать мне делать упражнения не спеша. Они сложные и скрывают в себе большую силу, потому что используют не только твои магические способности, но также силу твоего разума, и особенно в начале может случиться так, что ты не всегда сможешь всё контролировать. Иногда твои силы будут слишком большими, а иногда слабыми, но всё это только вопрос практики. Пока ты не будешь уверена в том, что хорошо собой владеешь, лучше тебе сдерживаться и не использовать силы в сложных ситуациях.

— Почему бабушка не рассказала мне о нём раньше? — спросила я и посмотрела на манускрипт, в невзрачном коричневом, кожаном переплёте.

— Ты ведь это и сама знаешь, не так ли?

Господин Лилиенштейн понимающе посмотрел на меня и кивнул. Этот манускрипт означал борьбу.

— Могу я ещё что-нибудь для тебя сделать?

Я нерешительно подняла взгляд.

— Мне нужна помощь, чтобы избавиться от кое-чего, о чём я не могу говорить, — медленно сказала я.

Господин Лилиенштейн склонил голову на бок, задумчиво глядя на меня. Потом взял меня за руку и закрыл глаза. Одно мгновение он не двигался, потом я внезапно

почувствовала жгучую боль в пальцах и вырвала руку.

Господин Лилиенштейн улыбнулся.

— Кто бы это не сделал, обладает довольно приемлемыми силами. Сложное заклинание, ты можешь либо сама убрать его, если будешь достаточно сильной, либо просто убьёшь виновника, если он добровольно не захочет убрать заклинание.

— То, что я должна убить виновника, я уже и так знала. Однако я не знала, что также могу сама убрать заклинание.

— Ты духовный странник? — спросил господин Лилиенштейн, выжидающе глядя на меня.

— К сожалению, нет. Бабушка говорила, что для этого нужно очень долго учиться.

— Это верно, но лучше, если ты станешь духовным странником, потому что в таком случае, с тобой такого даже не случилось бы. Никто не может взять духовного странника в мир грёз против его воли и наложить на него заклинание такой силы.

— Я попрошу бабушку обучить меня в духовного странника, как только она вернётся в Шёнефельде, — вздохнула я, очень надеясь, что Торину удастся убедить бабушку вернуться ко мне.

Господин Лилиенштейн сочувственно кивнул.

— У тебя могущественные враги, если они угрожают тебе такими заклинаниями. Выбери время и изучи манускрипт. Там ты найдёшь так же информацию об обучении в духовного странника. Заклинание, чтобы спрятать манускрипт, ты найдёшь сразу на первой странице. Используй его и для того, чтобы защитить свои заметки.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, но на самом деле тебе стоит поблагодарить свою бабушку. В конце концов это она нашла манускрипт. А лучшей благодарностью будет, если ты выживешь. Приступай сразу к делу!

Он протянул мне книгу из Мантао и встал, чтобы зажечь свет. Мне показалось, что он хочет, чтобы я поторопилась и побыстрее начала изучать книгу.

Как будто догадывался, что у меня не так много времени, чтобы проработать этот толстый фолиант.

Рождественский парад

Я не спала всю ночь и весь следующий день. Дочитав утром книгу и вернувшись из книжного магазина господина Лилюенштейна, я заперлась у себя в комнате. Удобно расположившись на теплой перине, я начала снова и снова перечитывать сделанные мной заметки.

Книга затянула меня, может быть потому что автор этих строк не просто сухо перечислил исторические факты, а описал проникновенными словами судьбы тысячи магов.

Я полностью погрузилась в боевую магию и гущу военных действий из мира прошлого, так что у меня до сих пор голова шла кругом от множества фактов.

Я быстро поняла, что магия того времени занимала особое, более значимое место в магическом сообществе. Она была распространена повсеместно и никого не волновало, что люди заметят, на что были способны маги. Часто они сами воевали друг с другом, поэтому принимали тлеющие распри магов, выражавшиеся в эпических битвах, за тяжелые природные катастрофы.

Имена героев магических войн передавались из поколения в поколение, а их портреты украшали павильоны и залы всемогущих того времени.

Маги постоянно стремились к власти, их единственной целью было завладеть миром. Одни их имена вызывали страх, но всегда находились мужественные воины, которые боролись со злом и снова и снова уничтожали его.

Подробно описывалась сила духа, с помощью которой можно управлять элементами. Вплоть до абзаца о магии пятого элемента. Некоторые маги были в состоянии создавать креатуры из огня, существ из ветра и воды. Они оживляли их и отправляли на войну, чтобы выигрывать битвы. Из-за огромного количества жертв женщины, оставшиеся дома и растившие детей без отца, в отчаянии объединились, чтобы положить конец этим войнам.

Из своих рядов они выбрали пять знатных женщин, владевших пятым элементом и имевших достаточно сил и мощи, чтобы взять верх над воинами.

Но воины были не готовы закончить борьбу и установить мир в стране. И тогда, женщины хитростью проникли в головы воинов и стерли все воспоминания о вражде, которая существовала уже на протяжении нескольких поколений, так что никто даже толком не знал, с чего она началась.

Таким образом ненависть была забыта, и королевы смогли объединить племена. Бои прекратились, а в законах и головах закрепился мир и внимательное отношение друг к другу. Чтобы подобная эпоха войны больше не повторилась, магия стала доступна магам только в том случае, если они могли с умом обращаться с ней.

Магов обучали только до определенного уровня, чтобы они приносили пользу обществу, но при этом не могли разрушить его.

Мое уважение к этим сильным женщинам росло с каждой прочитанной страницей и каждой жертвой, на которую им пришлось пойти, чтобы добиться своей цели.

Главу с упражнениями, которая занимала почти половину книги, я просто пробежала глазами. Если это было правдой и действительно работало, то в Тенненбодде нам преподавали лишь малую часть упражнений для пальцев. Азы магии, которыми в те времена обладали даже дети.

В своих заметках я собрала воедино несколько исторических деталей и главным

образом начальные упражнения по технике нападения и защиты.

Ближе к вечеру силы меня покинули и начало клонить в сон.

В то же мгновение я заснула.

На следующее утро я встала вовремя. Я проспала почти 12 часов и чувствовала себя бодрой и готовой открыть новую страницу. Я запланировала себе достаточно времени, чтобы подготовиться к сегодняшнему дню. Приняв душ, я пошла в кухню достала из шкафа мюсли, после чего с полной тарелкой села за стол и разложила перед собой заметки.

Я еще раз углубилась в водившие в курс дела пометки. Перед началом учебы рекомендовался недельный пост, чтобы укрепить магические силы, но в данный момент у меня не было для этого времени. Тем не менее я с интересом прочитала, как с помощью поста можно укрепить и сконцентрировать магические силы. Также я очень внимательно изучила список продуктов, которые нужно было принимать после поста, чтобы повысить концентрацию. Живчики, скрипыши и ячеечные лесные червяки стояли в конце списка. Существовали куда более действенные продукты, такие как водоросли Нургол или бузина.

О них я никогда ничего не слышала, не говоря уже о том, чтобы знать, где растут эти растения. Включив кофеварку, я достала гербарий бабушки и занялась поиском страниц с описанием водорослей Нургол и бузины.

Конечно я их не нашла, что меня совсем не удивило, ведь этот факт идеально согласовался с утверждениями книги из Мантао.

Задумчиво налив себе кофе, я вернулась за стол и стала рассматривать техники боя, списанные из книги. Пригодятся ли они мне или я просто теряю время, я узнаю только, когда попробую, и действительно что-то произойдет.

Подход к магии был совершенно другим. В то время, как упражнения, которые я выучила в Тенненбоде, в принципе ограничивались немногими движениями рук и ладоней, в этой технике использовалось всё тело.

Каждому элементу был посвящён отдельный раздел, начинающийся введением, потом предусматривалось усовершенствование и в конце концов описывалось состояние совершенства, когда сливаешься с соответствующим элементом и его силой.

Чем мощнее заклинание, тем сложнее становились движения, которые нужно было выполнить. Использовали тело, чтобы символизировать силы, которые хочешь создать.

Я бросила так же взгляд в заметки о пятом элементе и то, что прочитала там, резко заставило моё сердце забиться быстрее. Состояние совершенства можно превзойти, если стремишься к состоянию полного проникновения. Достичь совершенства непросто, потому что это означает, что нужно полностью, как физически, так и умственно, посвятить себя элементам. Разница с обычным магом заключается в том, что ты владеешь не только элементами, но и энергией в них. Маги, владеющие пятым элементом, могут превращать воду в огонь или ветер в землю. Они могут объединить элементы друг с другом и дополнительно вдохнуть в них энергию, что в конце концов делает созданных существ живыми.

Я испуганно отодвинула заметки в сторону. Было мудрым решением искоренить такие знания, потому что подобных существ не должно существовать в мире. Я допела кофе и встала.

Я задумчиво выглянула в покрытый снегом сад. Если бы это не бабушка достала когда-то книгу для мамы, тогда я была бы сейчас скептически настроена. Что я вообще знала о магии? Недостаточно, чтобы идентифицировать тёмные силы и их опасность.

Но в моей ситуации эти техники могут меня спасти. Какой ещё у меня есть выбор?

Любовь всей моей жизни больше не понимает меня и ревнует к кому-то, кого я ненавижу.

Это просто абсурдно. Нужно схватиться за любую, даже самую тоненькую соломинку, чтобы освободиться из этой ситуации.

Когда я стояла в подвале, а заметки лежали на стуле рядом, я чувствовала себя достаточно глупо. Я больше года училась магическим жестам, а также коротким и длинным вербальным заклинаниям и пыталась получить более-менее хорошее чувство в обращении с элементами, а теперь стою в самой большой комнате нашего подвала и дышу глубоко в живот, так, как предусматривает первое упражнение.

Я дышала, пока мой пульс не успокоился. Потом заглянула в книгу. Что теперь? Ах да! Моё тело всего лишь сосуд для моего могущественного духа, и дыхание поможет мне сосредоточиться на этой энергии.

Первое движение, которое нужно было выполнить, было скорее похоже на атакующее движение азиатского боевого искусства, чем на магические жесты, которые демонстрировала нам госпожа профессор Хенгстенберг.

Я пожала плечами, попытка определённого того стоит. Я точно запомнила последовательность движений, потом несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, сосредоточившись на образе и ощущение огня, и в конце концов исполнила упражнение.

Выдыхая, я сделала выпад вперёд и выполнила удар рукой, как будто передо мной стоит воображаемый противник, которому я хочу снести голову, ударив ребром ладони.

Ничего не случилось. Это действительно глупо. Я даже чуть не рассмеялась, если бы это только не было настолько угрожающим. Я трачу драгоценное время на ерунду. Последние два дня я могла бы инвестировать на преодоление заклинания, которое на меня наложил Энакин, или попытаться объяснить с одним из моих друзей.

Я прочитала отрывок ещё раз. Может я сделала что-то не так? Действительно! Удар должен идти сверху, а не со стороны.

Я ещё раз размахнулась, но мой выпад был неуверенным, и я зашаталась, когда поставила ногу на пол.

Так ничего не выйдет. Я выругалась и начала с самого начала, с дыхательного упражнения.

Потом попробовала снова.

Не знаю, получилось ли всё из-за того, что я так сильно этого хотела, но это действительно сработало. Огромный огненный кнут стремительно вырвался из моей руки, производя разрушение там, куда попал. Старая табуретка, стоящая в углу, сразу же загорелась, когда я удивлённо обернулась.

Испугавшись и в то же время охваченная пьянящей эйфорией, я остановилась с округлившимися от изумления глазами и очень осторожно двинула рукой. Кнут был примерно четыре метра длиной и от жара, который исходил от него, сразу же покраснела моя кожа. Я размахивала им туда-сюда и зачарованно наблюдала за шипящим, жгучем пламенем. Это было просто сумасшедшее чувство! Казалось, будто я что-то открыла в себе, что уже всегда там было, однако я никогда этого не замечала. Я снова глубоко вдохнула и выдохнула, и убрала кнут.

Вода! Я уже всегда хорошо ощущала воду, а с огнём никак не могла сдружиться. Я быстро пролистала дальше, пока не дошла до упражнений с водой. Вчера я только бегло

прочитала это место, чтобы ознакомиться, но теперь сосредоточивалась на каждом слове и попыталась их усвоить.

Вода была везде, и даже пот и кровь можно было превратить в оружие.

Я прочитала о том, как можно сформировать воду в огромные водовороты, как использовать дождь, чтобы стереть с лица земли поселения, а озёра и моря, чтобы опустошить целые регионы. На главе, как сражаться в поединке я наконец остановилась. Даже можно было использовать воду из воздуха, чтобы навредить противнику, но величайшее искусство, которое знали маги, это то, в котором использовались жидкости тела противника, чтобы уничтожить его: заклинания крови. Необратимое волшебство, с помощью которого можно атаковать мага изнутри.

Заставить воду закипеть или замёрзнуть — это не сложное дело. Самая большая сложность в этой технике заключается в том, чтобы преодолеть самозащитные механизмы разума противника. Только так вообще можно заполучить власть над чужим телом. Я прочитала последнее предложение ещё раз:

Самозащитный механизм мага — это его самый важный защитный щит против магии любого рода. С помощью физического контакта можно преодолеть этот барьер, но также требуется сильная воля, чтобы проникнуть в разум мага-противника.

Ссылку на обучение в духовного странника я выделила, подчеркнув. Время заканчивалось, и я должна сейчас решить, на чём сосредоточится. Абзац о контроле разума был длинным и сложным. Мне понадобится время, чтобы научиться.

Я вспомнила Рамона и Торина, которые в некоторой степени владели этими навыками. Кончено именно здесь и была моя лазейкой из заклинания Энакина. Я должна преодолеть силу его разума и тогда смогу разрушить чары и освободиться от них, как от докучливой цепи, которую одел на меня Энакин, и которая была намного сильнее, чем в этот момент могла быть я.

Энакин был хорошо обучен, намного лучше, чем маги в Теннебоде. Но до искусства, которое описывалось в книге из Мантао, ему тоже ещё как до луны. Если мне действительно удастся добиться прогресса, тогда у меня будет шанс справиться с ним. Либо я смогу освободиться от его заклинания, либо одолею в поединке. Моё сердце пустилось вскачь, когда я поняла, какие у меня есть возможности. Единственно, что требовалось — это время, а я понятия не имела, сколько времени даст мне ещё Энакин.

Я должна решить. Я быстро перелистнула назад к абзацу о водных заклинаниях и начала первое упражнение.

На Рождество я повторила тщательную процедуру подготовки к встрече. Я пол ночи практиковала в подвале техники нападения и защиты. Только ранним утром спрятала мои заметки в подвале с помощью огненного заклинания, которое так же применил господин Лилиенштейн. Когда после долгого колебания я наконец осмелились зайти в огонь, то действительно не сторела, а положила мой полностью исписанный блокнот посередине комнаты.

После того, как я выполнила описанный там жест, огонь и правда снова исчез, а с ним и мои заметки.

После первоначального успеха практиковаться дальше оказалась утомительным занятием, потому что эти техники бросали вызов не только моим магическим силам, но и

физическим. Со стоном я подняла руку, чтобы нанести на глаза тени. Боль в мышцах от перенапряжения была просто ужасной.

Но я готова терпеть её, потому что была довольна. В течение двадцати четырёх часов я достигла большего, чем за один год в Тенненбоде. Я медленно вышла в коридор и одела зимнее пальто. В этот момент я услышала гудок мобильного из моей комнаты. Я быстро вернулась и вытащила телефон из ящика.

Торин написал, что добрался до входа в Темаллин и теперь уже два дня пытается убедить друидов разрешить ему войти.

Кроме того, он напомнил мне оставаться дома и ни с кем не говорить.

Я приняла это к сведению, а также тот факт, что он не упомянул ни слова об Адаме. Но я точно знала, что дело плохо, если его заставляют ждать. Если бы моя бабушка захотела с ним поговорить, то ему давно разрешили бы войти. Волей-неволей мне придётся самой взяться за это дело.

Я засунула телефон обратно в ящик и закрыла мою комнату. Потом вышла из дома. На одно мгновение я задержалась возле садовых ворот.

Это в первый раз, когда я буду праздновать Рождество не в традиционном стиле. Странно, но я не почувствовала грусти. Господин Лилиенштейн и бабушка сделали мне невероятный рождественский подарок, за который я буду благодарна им вечно.

Я решительно покинула дом, шагая по глубокому снегу. Единственной болью, которая отзывалась в сердце, напоминая, что в моем мире не все в порядке, была неутолимая тоска по Адаму.

Я не забывала для чего делаю это, но тем не менее пыталась как можно дальше отогнать эти мысли, потому что болезненная тоска парализовала меня и мешала двигаться к цели.

Я была одна на улице, когда около 4 часов дня быстро шла по аллее, ведущей через весь Шенефельде. Я усиленно отгоняла от себя мысли о многочисленных счастливых семьях, которые сидели в своих домах, пели рождественские песни и с нетерпением ожидали получения подарков.

Я не знала, что меня ожидает, но парад всего населения Антарктики был довольно крупным событием.

Никого не встретив на своем пути, я достигла леса, радуясь, что больше не вижу мерцающие огни и световые декорации. Здесь между деревьями царили мир и покой, которые помогали мне сконцентрироваться на себе. Когда я уходила в себя и ни на что не отвлекалась, то даже могла предвидеть нападение других магов.

Я еще раз огляделась, но не увидела и не почувствовала никого, кто мог бы за мной следить. Проникнув в отверстие в руинах, я глубоко вдохнула, проговорила волшебные слова и прошла через дверь.

— Привет!

Энакин уже ждал меня с восторженной улыбкой на губах.

— Привет, — ответила я на его приветствие и закрыла за собой дверь. Мой взгляд тут упал на похожий на кристалл город позади него, который выглядел еще праздничнее, чем раньше. Над домами парили огромные шары, а между домами висели сверкающие гирлянды. Даже отсюда я слышала хлопанье и ликование тысяч рук и голосов. Казалось, вся Антарктика вышла на улицы, чтобы поучаствовать в рождественском параде.

— Я опоздала, кажется парад уже в самом разгаре, — сказала я, прислонившись к поручням, чтобы лучше разглядеть запущенные в небо ракеты и волшебство с огнем. — Не

знала, что вы с таким размахом празднуете Рождество. У нас в Шенефельде это тихий праздник. После рождественского богослужения в церкви, все тихо празднуют в кругу семьи. У вас есть вера или это своего рода праздник огней?

Глядя на декорации не сразу можно было догадаться, что празднуется классическое рождество. Однако здесь не было даже зеленого листочка, не говоря уже о настоящей рождественской елке. Также нужно было учитывать тот факт, что почти 50 лет изоляции привели к созданию новых, собственных традиций, которые возможно, не имели ничего общего с празднуемым в Европе рождеством.

— Это особенный праздник, — сказал Анакин, не вдаваясь в подробности. — Пусть это будет для тебя сюрпризом. У нас еще есть время. В данный момент проезжают празднично украшенные машины ремесленных мастерских. Гвоздем парада будет шествие королевской семьи, но это будет через час. После состоится большой фейерверк, и празднование продолжится на улицах и в ресторанах. Вечером королевская семья устраивает в замке прием для патрициев, куда приглашены 190 гостей.

— Ожидается большая вечеринка, — попыталась я пошутить, хотя на самом деле мне было совсем не до шуток.

— Это самое главное событие года. Пойдем, у нас мало времени. Нам нужно тебя одеть. Для парада тебе потребуется особое одеяние.

— Действительно, — медленно сказала я и выжидательно посмотрела на Энакина. — Почему я должна принимать участие в параде? — спросила я.

— Я же уже тебе объяснял. — Энакин скрестил руки на груди и высокомерно посмотрел на меня. — Я не согласен с тем, что в Объединённом Магическом Союзе ты не получаешь должного уважения. В тебе течет королевская кровь, и здесь ты наконец будешь оценена по достоинству, согласно твоему происхождению. Честно говоря, мне даже не понятен твой вопрос. Тебе не нравится Антарктика? До сих пор у меня не возникало ощущения, что тебе был не приятен оказываемый тебе здесь почет.

Он вызывающе взглянул на меня и напомнил, для чего я здесь.

— Это чудесное место, — сказала я, осматривая захватывающую дух панораму подо мной. — Что это за волшебство, которым ты околдовал меня? — осторожно спросила я.

— Ты его испробовала?

Энакин приподнял бровь.

— Я конечно любопытная, — ответила я вскользь, — но не стала этого делать.

Ложь давалась мне легко, я обдумывала как мне воспользоваться ситуацией, чтобы заставить Энакина снять с меня колдовство.

— Ты мне не доверяешь?

— Еще не совсем.

Энакин выжидательно улыбнулся. Его честность задела меня. Несмотря на все мои усилия изображать идеальную, знатную спутницу, мне все же не удалось быть до конца убедительной.

— Может тебе лучше довериться мне, — сказал я, опустив глаза. — Я королевских кровей, нас осталось совсем мало. Мы не должны усложнять друг другу жизнь.

Он удивленно посмотрел на меня и поправил свою красную униформу.

— Я подумаю, — сказал он. — Пойдем, а то опоздаем на парад.

Энакин пошёл вперёд, а я быстро последовала за ним. Я точно видела, что мои слова были семенем, упавшим на плодородную почву. Даже если он правдоподобно лгал, что не

хочет от меня ничего другого, кроме как показать богатство и красоту своей страны, казалось за этим скрывается больше, чем он признался.

Меня накрыло небольшое чувство эйфории. Казалось Энакин не совсем против того, чтобы снять с меня заклинание, и это хорошо. Если я стерплю ещё один или два визита в Антарктику, то он, возможно, добровольно будет готов освободить меня от проклятия, и не нужно будет применять силу. Может быть у меня даже будет возможность лучше осмотреться в Антарктике.

Я снова смогу говорить с Адамом, не представляя опасности для его жизни. Мы сможем прояснить недоразумение и вместе подумать, как разыскать в этой стране изо льда грааль патрициев или найти след моих родителей. Вместе проблемы решаются в сто раз легче.

Находясь в гораздо лучшем настроении, я вновь отдала себя в умелые руки служащих в королевском дворце. Время пролетело, пока меня одевали и укладывали волосы. На главных праздниках дамы высшей аристократии видимо носили ещё более сложные причёски, чем в будни. С большим мастерством множество рук заплетали и укладывали, в то время как мои мысли находились только с Адамом и возможностью, что наша разлука скоро закончится.

В отличие от роскошных платьев, которые одевали на ужин, сегодня меня облачили в простое, бардовое платье из тончайших кружев.

Когда я спускалась вниз по лестнице, а Энакин ждал меня в своей красной униформе, я почувствовала, что эта ситуация в корне неправильная. Это был не счастливый взгляд, который внезапно появился в глазах Энакина, нет, это был тот факт, что там внизу стоит и ждёт меня не Адам. Выражение восторга читалось не в тех глазах.

Я подавила крик отчаяния, когда моё сердце сжалось, и у меня было такое чувство, что оно сейчас предстанет биться. Но я отважно продолжила спускаться, пока не оказалась возле Энакина.

— Ты выглядишь сногшибательно. В тебе течёт королевская кровь, — сказал он с умилением, но это умиление не тронуло меня, даже больше, его торжественные слова показались мне сквернословием. Я не просила о том, чтобы в моих жилах была эта проклятая кровь, и многое отдала бы за то, чтобы бремя моего происхождения больше не лежало на мне.

— Да, течёт, — мужественно ответила я. — И ты не должен накладывать на мою кровь заклинаний.

Я выпрямила плечи и величественно прошла к выходу, молясь про себя, чтобы Энакин наконец откликнулся на мои слова.

— После парада я избавлю тебя от него, — прошептал он мне в ухо, когда мы вышли из замка.

Его слова были для меня словно тёплый дождь, и я на одно мгновение удивлённо остановилась.

— Правда?

Он кивнул. Но у меня не было времени долго радоваться его словам, потому что моим вниманием полностью завладели двенадцать огромных саней, стоящих на полозьях изо льда. В сани были впряжены ледяные драконы, которые от скуки качали головами и беспокойно топтались на месте.

В каждой санях сидели аристократы и другие вельможи, которых я уже знала с ужина. Из одних особенно роскошных саней мне махали родители Энакина.

На Гвидо Арпади была сегодня одета корона Милларда, и он, под всем этим золотом и

драгоценными камнями, выглядел величественным и могущественным, и я внезапно вспомнила слова господина Лилиенштейна, который упомянул, что грааль патрициев дарует владельцу безмерную власть.

Возможно грааль в семейном музее был не единственным, которым владела семья Арпади?

Всё отлично соединялось в одно целое. Как только Энакин освободит меня от этого заклинания, я смогу обсудить с Адамом, как действовать дальше. Я снова смогу поговорить с Лианой и наконец вновь увидеть Лоренца и Ширли.

Особенно сильно мне не хватало Лоренца и его весёлого оптимизма, который до сих пор всегда проводил меня через любое тёмное время. Я попыталась представить в какой экстаз он впадёт, когда увидит помпезность и роскошь, выставяющиеся здесь на показ.

Энакин взял меня за руку и потянул к последним саням. Слуга подал руку, чтобы я могла безопасно подняться по высоким ступенькам наверх, и в конце концов я опустилась на мягкое одеяло из меха.

— Спасибо, — сказала я Энакину, когда он сел рядом. Радость невообразимых размеров охватила меня, в то время, как сани пришли в движение, а драконы быстро зашагали вперёд, когда им наконец разрешили двигаться. Всё снова будет в порядке, я была в этом уверена.

Мы спускались из замка на большую площадь, и Энакин великодушно кивнул мне.

Когда мы завернули на первую аллею, и я увидела огромное количество людей, стоящих вдоль тротуара, я потеряла дар речи. Энакин начал махать, и я последовала его примеру, после чего толпа принялась неистово ликовать, размахивая флажками.

Обоз повернул в следующую аллею и здесь я не переставала восторгаться. Я восхищалась лояльностью, с которой население Антарктики относилось к королевской семье. Гвидо Арпади, видимо, был хорошим королем, если к нему относились с таким восторгом.

Мы целый час ехали по аллеям и улицам огромного города, а поток людей все не уменьшался. Наконец мы повернули на большую площадь, располагавшуюся под замком. В конце площади была возведена трибуна, которую я раньше не замечала.

Сани целеустремленно направились к трибуне, в то время как площадь начала наполняться людьми. Сюда стекались люди со всех улиц. Друг за другом драконы останавливались, и знатные персоны спускались и занимали места на трибуне. Наконец подошел черед и наших саней. Энакин высадился первым и протянул руку, чтобы помочь выбраться и мне.

Под взглядами тысяч людей я поднялась по лестнице на трибуну. Энакин подвел меня к одному из стульев, где я заняла место. У меня появилось дурное предчувствие, которое не исчезло даже когда я попыталась уговорить себя, что сейчас состоится официальное обращение, после чего рождественский парад закончится и народ отправится по домам праздновать дальше.

Тысячи глаз, направленных на меня, заставляли меня нервничать, так же, как и абсолютная тишина, царившая, несмотря на большое скопление людей. Когда я села и Энакин занял место рядом со мной, раздался нежный звук скрипки, он был таким меланхоличным и чистым, что застал меня врасплох. В том, что я так внезапно утратила контроль, могло быть виновато лишь мое напряжение.

Белоснежные лепестки роз опускались перед моими глазами, и я почувствовала, как во мне отзывается болезненная грусть, разрывает сердце. Одно единственное слово раздавалось

эхом в моей голове, сердце и ушах снова и снова. "Адам" пел глубокий голос в моём сердце, и я чувствовала, как меня покидают силы, когда мелодия, которую играли на скрипке просто забрала меня с собой.

Голова опустилась вперёд на подбородок, и именно в этот момент мой взгляд метнулся через толпу зрителей вниз. Если раньше это была ещё недифференцированная масса, то теперь я различала отдельные лица. Мой взгляд перепрыгивал через светлые и тёмные волосы, через голубые, карие и серые глаза и в конце концов остановился, словно притягиваемый магнитом, на одном лице.

Казалось, будто я смотрю в зеркало, и моему пропитанному музыкой мозгу понадобилось мгновение, чтобы реализовать, что я нахожусь на трибуне, а не стою в своей комнате перед зеркалом.

Внезапно я снова пришла в себя и смогла освободиться из чарующего соблазна мелодии, которая звучала точно с тактом моего болящего сердца.

Зелёные глаза смотрела на меня с любопытством, а рыжие локоны обрамляли узкое и бледное лицо. Это могла бы быть моя сестра, растерянно подумала я. Мышцы внезапно инстинктивно напряглись, так что Энакин удивлённо посмотрел в мою сторону.

Я кивнула ему, чтобы успокоить и вновь перевела взгляд к девушке, которая так сильно была на меня похожа. Но её уже не было на том месте. Мой взгляд нервно метнулся через толпу. Краем глаза я увидела её недалеко от трибуны, у входа в узкий переулок. Она ждала, когда мой взгляд коснётся её и показала мне энергичным жестом следовать за ней.

Недолго думая, строго говоря я вообще не думала, а действовала как по рефлексу. Посредине мелодии я вскочила и побежала к краю трибуны. Она была всего два метра в высоту, и я просто спрыгнула вниз. Люди стояли не так близко друг к другу, так что я без проблем смогла протиснуться мимо них. Я не оглядывалась, а бежала так быстро, как могла к месту, где ещё несколько секунд назад видела мою копию.

Когда я добралась до домов, позади меня поднялся удивлённый ропот. Но мне было всё равно. До кульминационного момента этого рождественского парада казалось в любом случае пройдут ещё часы, а я не могла пропустить этот шанс. Я так долго ждала, когда получу какой-нибудь знак от моей семьи. Никогда не простила бы себя, если бы пропустила этот шанс, не использовав его.

Я скользнула в узкий переулок, который был не шире двух метров. На углу, далеко впереди, я увидела рыжую шевелюру, только что завернувшую направо. Я подняла платье, чтобы можно было бежать быстрее и помчалась. Как раз, когда я завернула за угол, я услышала топот тяжёлых сапог позади и поняла, что Морфей и его охранники отправились в путь, чтобы поймать меня. Видимо рождественский парад мог закончиться только в полном составе, но мне внезапно стало совершенно наплевать на Энакина.

Я заскользила за угол, врзалась в противоположную стену дома и снова встала. Промчалась ещё пять метров, потом меня внезапно кто-то схватил и затянул влево в низкую дверь.

Дверь тихо закрылась, и маленькая рука легла на мой рот, чтобы подавить крик удивления.

Я могла бы сопротивляться, но не стала. Стояла совершенно тихо, пока тяжёлые сапоги простучали за дверью, пробегая мимо. Голос Морфия прокричал приказ, только в метре от меня. Казалось прошла вечность, пока наконец снова стало тихо. Но потом шаги и голоса затихли, и я прислушалась к тишине и темноте вокруг меня. Когда я была уверена, что

Морфий находится достаточно далеко, я сделала глубокий вдох в живот и при выдохе зажгла прямо над моей головой сразу десять ярко-пылающих световых шаров и посмотрела в испуганные зелёные глаза.

Мои новые навыки работали безупречно, ещё несколько дней назад я смогла бы создать не больше одного светового шара среднего качества.

— Как у тебя так получается...? — заикался нежный голос, удивлённо оглядываясь.

Она убрала руку от моего рта и отошла на шаг назад. Мы находились в маленьком коридоре без окон, с двумя дверями и узкой лестницей, ведущей на верхний этаж.

— Просто получается, — ответила я, внимательно разглядывая девушку передо мной.

Я заблуждалась, когда предположила, что передо мной моё отражение. Девушка хотя и была похожа, но ни её волосы, ни глаза не были того же цвета, что и мои. Так же в фигуре и лице не было большого сходства, если посмотреть близко. Всё же она могла быть моей сестрой.

— Почему ты хотела, чтобы я пошла с тобой? — прямо спросила я. — Ты меня знаешь?

— Ты невеста принца Энакина, — констатировала она.

— Невеста? — спросила я на октаву выше.

— Ты этого не знала?

При виде моей бурной реакции она недоуменно уставилась на меня.

Я медленно покачала головой.

— Я опасалась этого, но не знала, — в конце концов сказала я с хорошо слышной дрожью в голосе.

Почему только я не прислушалась к моему внутреннему голосу?

— Кто ты? — спросила я, чтобы выиграть время и подумать. Моя иллюзия о том, что мотивы Энакина, привести меня в Антарктику, были всё же не настолько плохими, как я иногда подозревала, в этот момент распалась в грязную пыль.

— Я Анна, — тихо сказала она. — Идём!

Она показала знаком следовать за ней вверх по лестнице.

— У нас есть немного времени, прежде чем охранники начнут обыскивать дома.

— И часто они это делают? — спросила я.

— Временами, если ловят нас на том, как мы встречаемся в переулках, но тогда мы убегаем по крышам города. Там они плохо ориентируются и у них нет шансов поймать нас.

Улыбка на губах Анны сказала мне, что она уже часто сбегала от Морфия и абсолютно гордилась этим фактом.

— Ну хорошо, Анна, чего ты хочешь от меня? — спросила я, когда мы поднялись на освещённый верхний этаж.

Маленькое помещение оказалось очень уютным. В нем имелись теплые одеяла, стол и шкаф. Ожидая ответ Анны, я выглянула через открытую дверь на узкую террасу, от которой лестница вела вниз к маленькому садику. Он был огорожен стеной изо льда, как, наверное, все здесь.

Бросив взгляд в сад, я с удивлением обнаружила, что он был полон прекрасных цветов. Но несмотря на всю свою красоту, сад не был живым. Он был из чистого льда и наверняка останется таким целую вечность.

— Меня прислал совет, — вдруг с серьезным видом сказала Анна, и я взглянула на нее. — Он наблюдал за твоими посещениями города. Ты приходишь из внешнего мира, и мы хотим кое-что узнать о нем.

— Охотно, — ответила я.

— Есть еще кое-что, что я должна передать тебе. Городской совет уже долгое время работает над тем, чтобы сломить власть Арпади. Если ты станешь женой принца Энакина и родишь ему королевских наследников, ты, тем самым, только укрепишь эту власть. Совет этого не одобряет.

— Я? Королевских наследников?

У меня участилось дыхание. Я была еще слишком молода для детей, а Энакин совсем не тем мужчиной, который был мне нужен. Существовал только один человек, с которым бы я хотела в далеком будущем, если улучшатся условия в Объединенном Магическом Союзе, иметь детей.

— Да, конечно ты! — сказала Анна. — Ты урожденная фон Норденах и Некельсхайм. Твои предки были королевами и управляли огромной страной. Совет хочет, чтобы ты исчезла из Антарктики прежде, чем Энакин сможет продолжить свою династию.

— Вы меня переоцениваете, — тихо сказала я. — Я из Объединенного Магического Союза, где являюсь всего лишь простым плебеем. Фамилия фон Норденах уже давно не имеет такого значения, как раньше.

— Но тебя привел принц Энакин, — возразила Анна, словно мнение принца Энакина само по себе, являлось сертификатом качества.

— Он пригласил меня, чтобы я познакомилась с вашей страной и приняла участие в ежегодном рождественском параде, — объяснила я.

О детях не было и речи. Еще пару часов назад Энакин отрицал, что его приглашение подразумевает нечто большее, чем осмотр достопримечательностей.

— Что такое рождество? — удивленно спросила она. — Это был первый парад на моей памяти, народ вышел сегодня на улицы, потому что кронпринц пригласил на свою свадьбу.

— Свадьбу?

Я в недоумении смотрела на Анну.

— Я что, только что сбежала с собственной свадьбы? — слегка истерично засмеялась я.

Боже мой! Что я наделала? Энакин будет вне себя от ярости и никогда не избавит меня от этого проклятия, если конечно он вообще собирался это сделать. То, как грандиозно он меня обманывал, означало только одно, а именно, что сегодня он намеревался окончательно удержать меня в этой ледяной стране и еще раз применить колдовство, чтобы я никогда не покинула Антарктику. Анне удалось в последний момент спасти меня.

После того, как Энакин практически лишил меня друзей, никто даже не заметит, что я пропала. Несмотря на всю злость, которая переполняла каждую клеточку моего тела и от которой пылали щеки, я должна была признать, что это был идеальный план.

— Вам так плохо живется при власти Арпади? — спросила я.

— Нам живется хорошо. Лед — это моя родина, мне хорошо с друзьями и семьей. У нас больше чем достаточно еды, но тем не менее, мне часто хочется знать, что скрывается за этими стенами. Иногда вместе с доставкой товара нам привозят растения, но в холоде они живут не долго. Вся наша страна состоит из льда и камней. Нет ни воды, ни земли. А я хочу увидеть, что еще есть в этом мире.

— А кто привозит вам продукты? — удивленно спросила я, ведь это значило, что снаружи должны были быть союзники.

— Эту задачу взяли на себя снежные гномы. Они используют один из порталов, которые охраняет Морфий и приносят с собой продукты и товары в Антарктику. Кроме того, они

продают вещи, которые мы производим в мастерских.

— Снежные гномы работают на магов? — удивлённо спросила я.

Дело становилось всё более запутанным. Гномы, о которых я слышала на уроках, были гордыми людьми и никогда не стали бы работать на магов Объединённого Магического Союза. Между магами и гномами преобладал настороженный мир, который только благодаря экономическим отношениям оставался в силе.

Гномы скорее объявят кровопролитную войну, вместо того, чтобы покориться магам. Я всегда полагала, что у снежных гномов был похожий менталитет, такой же, как и у их родственников. Странно! снежный гном, которого я несколько месяцев назад освободила на поверхности изо льда, тоже казалось был решительно настроен никогда не подчиняться магу. Что-то здесь было не так.

— Вы уже когда-нибудь боролись с этой системой? — осторожно спросила я.

— Мы пытаемся, снова и снова, но терпим неудачу. Всегда, когда мы планируем встречу, Арпади знают о ней уже заранее, и спустя короткое время в наши двери стучат охранники. Тогда мы убегаем по крышам. Как заколдованный круг. Совет встречается в разных местах.

— Вы уже когда-нибудь выходили на поверхность? — выжидательно спросила я.

— Я слышала о поверхности, — ответила Анна. — Предположительно надо льдом существует небо и настоящее солнце, но я понятия не имею, где находится выход. И ни с кем не знакома, кто бы об этом знал.

— Это невероятно, — в изумлении сказала я.

— Мы это изменим, это только вопрос времени, — решительно сказала она и выглянула в сад. — И поэтому ты должна сейчас уйти.

Её слова прозвучали как приказ, и я вздрогнула от её тона.

— Я здесь не добровольно, — ответила я. — Но я исчезну, поверь мне, уж это точно. Если Энакин думает, что может жениться на мне, ничего не сказав, то я исчезну. Я здесь только потому, что надеялась Энакин освободит меня. Он наложил на меня заклинание, от которого я обязательно хочу избавиться.

Я, испугавшись, прижала руку ко рту и одновременно меня пронзило осознание, что здесь, в Антарктике, я могу говорить свободно.

— Я тебе сочувствую, — сказала Анна, в её словах я услышала настоящее участие.

Внезапно я решила рассказать ей всю правду. Правду, не известную Энакину.

— Я вернулась сюда ещё потому, что ищу родителей и брата с сестрой. Они без следа исчезли примерно пятнадцать лет назад и должны находиться в Антарктике. Кроме того, я разыскиваю также грааль. Он примерно вот такого размера, золотой и украшен множеством драгоценных камней, — я показала пальцами размер грааля, как мне описал его господин Лилиенштейн. — Возможно он находится в собственности Арпади и может быть одной из причин, почему они вообще так долго смогли оставаться у власти. Если я найду этот грааль и украду его у Арпади, тогда они, рано или поздно, потеряют свою власть. Я надеялась обнаружить их здесь, но до сих пор не нашла ни того ни другого.

— Грааль, который дает власть Арпади? — задумчиво спросила Анна.

— Именно! — ответила я. — Я хотела найти мою семью и уничтожить этот грааль, но учитывая, какая теперь сложилась ситуация, я сейчас уйду. Энакин больше не встретит меня с распростертыми объятьями.

— Понимаю, — пробормотала Анна. — Этот грааль заинтересует совет.

— Его нужно уничтожить, — действительно сказала я. — Ты слышала о моих родителях? — с надеждой в голосе спросила я. — Моя мать очень на меня похожа, её зовут Катерина, а отца Тони Каспари. Кроме того, у меня есть ещё брат и сестра, Лидия и Леандро?

Я нетерпеливо смотрела на Анну, которая задумчиво ходила по светлой комнате.

— Мой дед Эдгар фон Некельсхайм пропал в шестидесятых, ты уже слышала о нём?

— Мне известна твоя родословная, Сельма фон Норденах. Ты родом из королевской семьи, а генеалогическое древо этих семей изучают здесь уже в начальной школе, — Анна снова остановилась рядом со мной. — Но если бы один из членов твоей семьи находился здесь, то Арпади знали бы об этом и уже давно соответственно оказали честь королевской крови.

— Да, скорее всего, — слабо ответила я.

— Но я спрашиваю, может кто-то и знает что-нибудь о местонахождении твоей семьи.

— А что с вашими магическими силами? — спросила я.

— У нас их нет, — неуверенно ответила Анна. — Только у патрициев есть силы и конечно у охранников.

— Это неправда, — выпалила я, но вспомнила, что и сама, без руководства, никогда бы не заметила, что у меня есть магические силы. Арпади водили за нос целый народ.

Внезапно мне пришло в голову, что пять королев седлали тоже самое, когда решили убрать из сознания жителей насилие. Видимо маги у власти мало доверяют чувству ответственности и марали своего народа. Вместо того, чтобы учить магов брать на себя ответственность за себя и своё окружение, правящие решили стереть из памяти знания.

— Вам только нужно осознать, что у вас есть силы, — сказала я. — Так же, как и патриции, вы имеет магические силы. Просто вспомните об этом и попробуйте. Расскажи это своему совету! — действительно сказала я, и Анна в изумление кивнула. — Просто попробуй. Ты можешь вызвать свет в своих ладонях.

Я образовала ладонями чашу и зажгла в ней световой шар. Потом кивнула, побуждая Анну повторить за мной. По её взгляду я видела, как она колеблется и сомневается, и не хочет отказываться от многолетнего убеждения.

— Попробуй! — повторила я более строго, тогда и Анна образовала ладонями чашу. — Ты должна закрыть глаза и следить за дыханием. Вдохни глубоко в живот и представь себе, как это происходит.

Анна следовала моим инструкциям и закрыла глаза.

Я ждала, что увижу, как что-то вспыхнет между её пальцев, но как бы сильно мне этого не хотелось, там не появилось даже крошечной искры.

— Начинать всегда сложно, — успокоила я. — Ты должна много практиковаться, не сдавайся, тогда в конечном итоге добьёшься успеха. Как маг, у тебя есть власть над элементами, и ты можешь управлять огнём и льдом, ветром и землёй.

— Я доложу совету и об этом тоже, — сказала она и уставилась на свои руки, как будто ожидала, что они дадут ей ответ.

— Пробудить в себе магию — это тяжёлая работа, — действительно сказала я. — Но это работа стоит того, потому что даст вам в руки власть, с помощью которой вы сможете противостоять Арпади.

Анна недоверчиво посмотрела на меня.

— Звучит очень хорошо, но я не особо в это верю.

— Поверь мне, — тихо сказала я и вышла на балкон. — Я вернусь, и тогда хочу увидеть прогресс.

Я закрыла глаза и расправила крылья. С режущим звуком ткань платья на спине порвалась. Чёрт, оно не было сшито для полётов.

Из-за этого мой уход был немного лишён достоинства, но Анна, казалось, ничего не заметила, потому что всё ещё смотрела округлившимися глазами на мои крылья.

— И это тоже ты можешь, — крикнула я, ухмыляясь и поднялась в воздух. Я бы с удовольствием ещё осталась, но почему-то меня охватило странное беспокойство. Нужно проваливать, и я надеялась, что смогу незаметно пройти через дверь, не встретив случайно Энакина.

Я поднялась немного выше, перемещаясь по крышам. Когда видела, что переулочек подо мной пуст, я пересекала его. Таким образом перелетая с крыши на крышу, я сделала большой круг, пока наконец не увидела стену, за которой находилась дверь, ведущая в Шёнефельде, мой путь к спасению из мира вечного льда.

Моё сердце пустилось вскачь, и я глубоко вдохнула в живот, следя за чувствами, чтобы предугадать внезапное нападение Энакина или его охранников. Спрятавшись на какое-то время за карнизом крыши, я ждала и наблюдала за стеной, которую казалось не охраняли. Потом собрала всё своё мужество и быстро через неё перелетела.

Но слишком рано я обрадовалась. Моё сердце екнуло, когда я узнала Энакина, сидящего на ступеньках, казалось он ждёт меня.

Бежать не имело смысла, может я смогу ещё впечатлить его словами. Я замедлила скорость полёта и приземлилась у подножия лестницы.

Медленно поднявшись по ступенькам, я в конце концов остановилась перед Энакином. Я удивилась, увидев его выражение лица. Он казался подавленным, когда поднял свой взгляд и не говоря ни слова, посмотрел на меня.

— Я опоздала на рождественский парад? — спросила я, даже не заботясь о том, чтобы подавить в голосе сарказм. — Кстати, у вас необычно способ праздновать Рождество. Скорее напоминает свадьбу.

Энакин всё ещё молчал, и его потеря дара речи разозлила меня.

— Как ты мог поступить так со мной? — спросила я, даже не пытаясь говорить тихо.

— Добровольно ты никогда не сказала бы "Да", — только и ответил он.

— Правильно, — подтвердила я. — Потому что я не согласна. Для свадьбы нужна любовь, а любовь так не работает. Любовь — это дар, ты отдаёшь её и получаешь в ответ. Любовь строиться только на доверии, а не на предательстве. Ты разрушил всё, что могло бы быть между нами. Не осталось даже дружбы, потому что друзья не накладывают смертоносных заклинаний и не обманывают друг друга.

— Возможно, — спокойно ответил Энакин и встал. — Сегодня я всё разрушил.

— Сегодня?

Я удивлённо посмотрела на него. Он что думает, что мы просто переспим ночь и забудем о его неудавшемся предложении руки и сердца, а завтра отважимся начать всё сначала?

Когда он сделал шаг в мою сторону и попытался схватить за плечи, я внезапно поняла, что он задумал.

— Нет, — сказала я и отступила на шаг.

Я не допущу, чтобы он стёр воспоминания сегодняшнего дня.

— Хорошо.

Он пожал плечами.

— Ты знала, что Адам проводит рождество с семьей?

Глаза Энакина были холодными, и я испуганно вскрикнула.

Значит Адам находился не с Торином в Темаллине, чтобы убедить бабушку помочь мне.

— Нет, — хрипло прошептала я. Все указывало на то, что он поверил в предательство и отвернулся от меня.

— Да, именно так, а когда он дома, то по привычке около 11 часов вечера выходит на террасу на северной стороне, ты знала об этом? — он улыбнулся. — Наверное нет, зато я знаю, и если ты не хочешь, чтобы Морфей стоял сегодня в 11 часов на террасе и покончил с Адамом, то останешься здесь и согласишься выйти за меня замуж.

— Ты не посмеешь, — хрипло сказала я.

— Именно так я и сделаю. Точнее говоря я уже отдал приказ. Морфей в Шенефельде, и, если ты сейчас быстро примешь решение, я отзову его назад. Так что подумай, насколько дорога тебе жизнь Адама! А если его жизнь тебе не важна, то может тогда жизни твоих друзей?

Я смотрела на него и видела, с какой надеждой блестят его глаза. Во мне все сопротивлялось, мне не хотелось принимать его слова. Я судорожно искала выход. Я всю ночь тренировалась, чтобы убить Энакина и освободиться от проклятия, а теперь стояла здесь и не знала, что делать, ведь убив его, я бы также погубила Адама и своих друзей.

— Да, — сказала я тоненьким и таким слабым голоском, что мне даже показалось, что Энакин не расслышал.

Но увидев, как он расплылся в улыбке, я поняла, что он всё же услышал.

Что я наделала? Меня обожгла эта мысль, все казалось таким неправильным, что мое сердце готово было перестать биться, так болело у меня в груди.

— Прекрасно, тогда я отдам приказ заново подготовить церемонию. Это может занять довольно много времени, а до тех пор мы останемся здесь.

— Сколько времени понадобится? — спросила я монотонным голосом и огляделась вокруг.

Надеюсь он не собирается снова мобилизовать все население.

— После этой испорченной церемонии, потребуется несколько недель.

— Недель? — хрипло спросила я.

— Именно, ты должна будешь запастись терпением на несколько недель.

Я смотрела на Энакина и увидела по его лицу, что он говорит абсолютно серьезно. Он хотел навеки запереть меня в своей ледяной стране.

Если думаешь, что груз, который несёшь, больше почти невозможно держать, то ты ещё далеко не исчерпал все свои силы. Я раздражённо открыла глаза и посмотрела в белоснежный потолок, который выглядел как ледяная пещера. Это и была пещера, здесь меня держали пленницей вот уже ровно шестьдесят дней.

Время, проведённое в Антарктике, не было приключением, я кое-как выносила его и, словно парализованная отмечала, как дни превращаются в недели, и как время, каким бы невыносимым оно иногда не казалось, всё же шло вперёд.

Были хорошие дни, которые просто проносились мимо, и я почти их не замечала. И плохие, когда моя голова была полна сомнений и тоски, и я снова и снова задавалась вопросом, поступаю ли я правильно. Дело не в том, что я страдала от голода или мне приходилось выносить бесчестие. Замок, сад и вся страна Антарктика были необыкновенно красивыми, и всё же я никогда не забывала, что нахожусь здесь не по доброй воле.

В плохие дни я часто задумывалась о Теннебоде, моих друзьях, драконах и занятиях, которые пропускала. Экзамены третьего семестра уже прошли, да и зимний бал закончился. Страдая от тоски, я снова закрыла глаза.

Осмелились ли Лоренц, Лиана и Ширли предпринять попытку сорвать мероприятие без меня? Как бы мне хотелось знать, как у них дела. Я вздохнула, когда вспомнила, что пообещала Грегору Кёниг быть жокеем на зимнем балу и лететь на Ариэле, а теперь разочаровала его. Также шанс поговорить с Виллибальдом Вернером остался неиспользованным.

Думать об Адаме я себе запретила. Но иногда он без разрешения прокрадывался в мои сны, и тогда я говорила ему, что у меня не было выбора. Не было другого способа защитить его жизнь.

Даже если цена, которую придётся заплатить, была высокой. Для него мне пришлось отказаться от моей жизни, и всё же оно того стоило.

Мрачные мысли преследовали меня не каждую минуту бодрствования. Всё же мне казалось, что они лежат на мне, словно неизменная тень. Почти как будто внутри меня не хватало тепла, как будто моё сердце билось медленно, с трудом, скорее из чувства долга, а не потому, что радовалось жизни, так как жизнерадостность полностью меня покинула.

Как пустая оболочка, я молча проводила день. Только во сне я сбегала из моей тюрьмы. Но чем прекраснее были эти сны, тем сложнее получалось вернуться в реальность.

Тем не менее рутина моих новых будней не давала мне просто остаться лежать и забыть о том, что я вообще ещё существую, как мне того хотелось.

Я знала каждое движение персонала, что было не так уж и сложно, потому что здесь работали по заведённому порядку. По сути дела, здесь каждый день происходило почти одно и то же. Конечно я надеялась, что смогу использовать эти закономерности, и внимательно за всем наблюдала. Я знала, что персонал любит часто проветривать обеденный салон. Но Энакин тоже это знал и никогда не выпускал меня из поля зрения, пока двери на террасы были открыты.

Также ритм уборки и работ в саду был мне знаком. Я знала, что Гвидо Арпади любит проводить время до обеда в своём тронном зале, где он осуществлял государственные дела. Я знала, когда убирали семейный музей и когда кормили драконов. Я скрупулёзно впитывала в

себя всё это и запоминала, но Энакин делал тоже самое. В то время, пока я выискивала в буднях пробел, когда смогу сбежать или использовать какую-нибудь ситуацию, чтобы шантажировать Энакина, он наблюдал за мной каждую секунду и казалось, догадывался, когда у меня появлялась надежда, или я заметила необычную деталь.

Моя готовность встать и задушить Энакина за всё то, что он причинил мне, росла с каждым днём. Но даже здесь я не находила возможности, потому что куда бы мы не пошли, Морфий или один из его людей всегда был поблизости. Прежде чем моя рука окажется на горле Энакина, они свяжут меня, в этом я была абсолютно уверена.

Поэтому я проживала будни и проявляла терпение. Где-то глубоко внутри меня ещё теплилась надежда, которая усердно нашептывала, что моё время придёт, а пока что нужно изучать привычки моего нового дома.

В замке между тем я ориентировалась так же хорошо, как в Тенненбоде. Я знала, где находятся комнаты Энакина и апартаменты его родителей. Я заглянула в кухню, так же, как и в прачечную, но всё равно не нашла ничего ценного, никакого грааля или указание на то, где он может быть, только треск и хруст льда, которые сопровождали меня весь день.

Каждое утро меня рано будили, я вставала и завтракала с моей новой королевской семьёй. Атмосфера была такой ледяной, как сама страна, заморожена на минимум учтивости.

Родители Энакина с трудом простили меня за то, что я сорвала большой парад, и относились ко мне, хотя и вежливо, но с отчуждённостью, которая отступала медленно и которая, вероятно, была наказанием за мой проступок.

Я была не против того, чтобы родители вели себя так отстраненно, ведь в конце концов это они решали, когда наступит подходящее время, чтобы выбрать день свадьбы с Энакином. А я не стремилась стать его женой.

До тех пор мне нечем было заняться, кроме как ждать, когда пройдет время. Первую половину дня я проводила за чтением в библиотеке замка, у меня была хоть и маленькая, но надежда, найти где-нибудь что-то стоящее, что могло бы подсказать, где спрятан грааль патрициев.

Библиотека состояла в основном из исторических трудов о временах монархии. За последние два месяца я действительно перечитала всю скучную пятисотлетнюю историю, но у меня даже не возникло чувства, что я что-то пропустила в этом давно ушедшем времени.

В послеобеденное время Энакин настаивал на том, чтобы мы посещали захватывающие дух достопримечательности Антарктики или учувствовали в развлечениях королевской семьи. Не выражая никакого протеста, я ежедневно купалась с королевой в термальных источниках и посещала с Энакином и его отцом королевский музей и снежных драконов, которым я нравилась, так что они даже позволяли, чтобы я их кормила.

Морфей не отходил от меня ни на минуту и препятствовал тому, чтобы жители вступали со мной в контакт. Все мои яростные протесты ни к чему не привели, поэтому мне не удалось снова пообщаться с Анной.

Это казалось мне словно насмешкой, я находилась здесь, возможно рядом с моими родителями, но мне не позволяли найти их. С каждым днём моё отчаяние росло, пока я искала какую-нибудь лазейку. По крайней мере пару часов я хотела пробродить по улицам, отправившись на их поиски.

Но это было невозможно, за мной постоянно следили, не выпуская из виду даже на секунду.

Эникан точно знал, что заставил меня согласиться на свадьбу, но на удивление, он, кажется, также надеялся, что мой гнев когда-нибудь остынет, превратившись в симпатию. Как же сильно он ошибался! Всё было совсем наоборот. Мой гнев рос с каждым днём, пока я была заперта здесь.

Я откинула одеяло в сторону и встала. Как раз вовремя одела платье, расчесала волосы и заколола их наверх, когда в дверь постучали.

Я не любила, когда персонал захватывал меня врасплох, пока я спала. А потом они одевали меня и сопровождали к завтраку, как маленького ребёнка. Я всегда пыталась проснуться ещё до того, как они придут, чтобы избежать унижительного ритуала одевания.

Дверь сразу же открылась, но вместо женщин, чьи лица менялись почти каждый день, в дверях я увидела Энакина.

Не ожидая моего приглашения войти, Энакин ступил в помпезную комнату, в которой я жила с Рождества, и перед дверью которой круглосуточно дежурили либо сам Морфей, либо один из его людей, следя за тем, чтобы я не исчезла, вновь отказавшись от угрожающей свадьбы.

Я ненавидела эту тюрьму, полную ненужных вещей, письменный стол, заваленный бумагой и ручками, чаши для огненных шаров, которые согревали, в то время, как внутри меня всё замёрзло.

— Решающий момент наступит сегодня вечером, — сказал он, когда зашёл и прошёл к окну, где я сидела на поддоннике и выглядывала на улицу через зарешеченное стекло, которое не смогла разрушить даже с помощью моих новых, усовершенствованных сил.

Учёные Антарктиды были настоящими специалистами. Это я знала так хорошо, потому что каждый вечер повторяла упражнения из книги из Мантао, которые ещё остались в памяти, и каждый вечер безуспешно пыталась уничтожить оконную решётку.

— Что будет сегодня? — спросила я, не отрывая мрачного взгляда от зарешеченной панорамы, где снежные драконы вылетели на свою утреннюю прогулку. Они восторженно издавали высокие тона, гонялись и боролись друг с другом в воздухе, так же, как делали Ариэль, Аврора и другие драконы, по которым я так скучала.

— Сегодня вечером мы поженимся, — сказал Энакин с надеждой и так мягко, что я удивлённо оглянулась. — Время пришло, когда мы станем парой.

— Действительно, — лаконично констатировала я. Но моё сердце пустилось вскачь, как паровоз при попытке поднять на 5000-метровую гору.

— Это действительно настолько ужасно быть за мной замужем? — внезапно рассерженно спросил Энакин.

Я растерянно подняла взгляд.

— В Объединённом Магическом Союзе тебе ведь в любом случае пришлось бы сейчас выйти замуж за какого-нибудь плебея сомнительно происхождения или ты думаешь, что палата сенаторов сделала бы для тебя исключение?

— Конечно нет, — спокойно ответила я.

Мне уже были знакомы беспомощные обвинения, но он просто не понимал, что любви и уважения нельзя добиться силой.

— Отпусти меня и освободи от проклятия, — ответила я безразличным голосом.

Это требование я формулировала всегда в тот момент, когда мне казалось, что он забывает, почему я нахожусь здесь.

— Ах!

Энакин сердито фыркнул, развернулся и вышел из комнаты. Он хлопнул дверью, так что раздался грохот, а я, сознавая своё бессилие подумала, как часто ему ещё придётся повторить эту процедуру, пока он наконец не поймёт, что я никогда его не люблю.

Пока слушала, как затихают его шаги в коридоре, я вновь повернулась, продолжая смотреть из окна, где стало немного светлее и драконы носились теперь по небу, как белые стрелы.

Странный, скребущий звук внезапно заставил меня развернуться. Что это такое? Тон был ритмичным и звучал так, будто в стене сидит мышь, собираясь её проесть. Но здесь не может быть никаких мышей. Это окружение было для любых вредителей слишком неудобное.

Я встала и начала искать причину шорохов. Осторожно прокравшись вдоль стены, я в конце концов остановилась напротив кровати, где звук раздавался громче всего.

В тот момент, когда я опустила на колени и хотела приложить ухо к стене, от стены отделился крошечный кусочек льда и упал со звоном на пол.

С любопытством я заглянула в отверстие, которое было не больше монетки в десять центов.

За стеной оказался красный глаз. Мне пришлось прикусить язык, чтобы не закричать во всё горло. Всё же у меня из глотки вырвался страдальческий звук, и от испуга я осталась неподвижно сидеть.

Только бы Морфий ничего не услышал. На всякий случай я ещё раз прокашлялась, но снаружи оставалось всё спокойно.

Потом я снова заглянула в отверстие в стене. Красный глаз всё ещё был там и в этот момент я вспомнила, где уже видела такой глаз.

— Ты снежный гном, которого я освободила изо льда, — тихо и ничего не понимая прошептала я.

Как этот парень оказался за моей стеной?

— Ты Сельма Каспари, — ответил мне голос, который я точно уже один раз слышала.

Это действительно было он.

Прежде чем я успела пожаловаться, что он сбежал от меня летом и оставил на волю снежных волков, он уже перешёл к делу.

— Арпади держат тебя в плену, — сказал снежный гном. — Я пришёл, чтобы освободить тебя. Я всё ещё у тебя в долгу.

Что же, по крайней мере он понимает, что за мой милосердный поступок полагалось немного благодарности. И к моему удивлению слух о том, что я нахожусь здесь не по доброй воли, видимо дошёл уже даже до снежных гномов.

— Я не могу бежать, — сказала я, и глубокая печаль, охватившая меня, была слышна в голосе. — Как только я исчезну, Арпади убьют моих друзей.

— Я хочу оплатить мой долг и спасти твою жизнь, так как ты спасла мою, — повторил снежный гном, видимо не понимая, что я не могу оставить моих любимых людей, чтобы Арпади выместили на них свой гнев, если сорву и эту свадьбу.

— Если хочешь мне помочь, найди грааль патрициев! — прошипела я, злясь на его тупость.

Какое-то время за стеной было тихо. Затем снежный гном кашлянул.

— Откуда ты о нём знаешь? — осторожно спросил он.

Я немного подумала, могу ли довериться ему и рассказать то, что знаю. Потом пожала

плечами. Мне больше нечего терять. Поэтому я тихо поведала ему о хронике Акаши, о моей семье и плане, лишить власти патрициев, чтобы я могла когда-нибудь вновь встретиться с мужчиной, которого действительно люблю, и не бояться проклятия, запрещающее мне говорить с ним открыто.

Пока я, тихо шепча, изливала моё сердце стене изо льда, я не слышала ни слова с другой стороны. Либо моя история уморила Снежного гнома от скуки, либо ему действительно было интересно то, что я рассказывала.

— Вот почему я ищу грааль патрициев, — закончила я мой рассказ. — Я должна уничтожить его.

— Уничтожить? — спросил хриплый голос за стеной. — Ты глупый маг! — добавил он шипя.

— Я знаю, — ответила я, скорее себе, чем ему — я и правда ожидаю от Снежного гнома чуткие и сочувствующие слова? — Совершенное безумие уничтожать атрибуты власти, но я думаю, они не принесли магам счастья, — задумчиво размышляла я.

— Это не безумие, — внезапно сказал снежный гном. — Уничтожить грааль, это единственно верное, что нужно сделать. Но не в твоих силах найти его или уничтожить.

— Значит ты знаешь, где он? — спросила я слишком громко.

— Конечно, знаю, — прошипел снежный гном. — Только тебе это ничего не даст. Грааль защищён сложным заклинанием. Его хорошо видно, он лежит на дне озера, глубоко подо льдом, но как только прикоснёшься к нему, он несёт смерть. Пытаясь заполучить его, умерло не мало снежных гномов. Только по вине этого грааля наш народ попал в рабство. Мы стали для магов половой тряпкой. Тебе тоже не удастся захватить его, — он зашипел, и казалось, из его красных глаз посыпались искры. — Доступ к озеру находится в пещере, в которой ты нашла меня. Мне даже не удалось добраться до озера. Я заслужил попасть в одну из ловушек магов. За моё спасения я перед тобой в долгу, и хочу быстрее рассчитаться. Мне противно, что мы не квиты.

— Я с удовольствием помогла бы тебе, — сказала я, сползая вниз по стене. — Но ты не можешь спасти меня, и очевидно достать грааль патрициев ты тоже не можешь.

Я, покорившись судьбе, вздохнула.

— Я никогда не принесу грааль тебе, — возмущённо ответил он. — Он принадлежит снежным гномам, и мы не сдадимся. Когда-нибудь нам удастся заполучить его, и тогда мы с радостью его уничтожим, и разрушим союз, приковавший нас к магам. Даже если сотням из нас придётся умереть, — прошипел снежный гном зловеще. — Мы были гордым народом и добывали ископаемые в самых неприветливых местах. Мы обладали искусством и волшебством очищать металлы, придавая им особую чистоту и величие. Мы могли изменить судьбу с помощью драгоценных камней, которые наделяли силой, а что теперь? Посмотри, какая жалкая судьба нас постигла. Грааль заставляет нас следовать приказам Арпади, хотим мы того или нет. Грааль никогда не должен был покидать мир снежных гномов, его даже нельзя было изготавливать. Его нужно уничтожить.

— Я согласна с тобой, но прямо сейчас мы топчемся на месте, — обобщила я. — Только когда Арпади лишаться власти, и народ станет свободен, твой народ и люди Антарктики, я смогу уйти, и ты тоже сможешь уйти. Итак, если хочешь меня спасти, тогда добудь грааль патрициев, но ты в любом случае собирался так сделать. Так что это не будет считаться спасением, освободившим тебя от твоего долга.

— Наивный маг! — прошипел снежный гном, что я приняла за согласие с моими

достоинствами.

— Ты мог бы передать для меня сообщение, — предложила я, подошла к письменному столу и записала всё самое необходимое. Потом сложила записку и вернулась к стене. — Скажи Адаму Торрел, что Энакин Арпади держит меня в плену в Антарктике.

Я была ужасно рада, что наконец могла снова сказать эти слова, но этот факт делу не поможет, потому что любому, кому я говорила их, это было совсем неинтересно. Я поднесла записку к отверстию.

Но снежный гном презрительно фыркнул, и я снова опустила руку.

Конечно он не станет для меня посыльным, уж слишком для этого гордый. Я спрятала записку в лифчике, чтобы её не нашла одна из женщин, которые ежедневно убирали мою комнату.

— Ты случайно не знаешь мою маму? — продолжила я расспрашивать, в поисках способа, избавиться от его благодарности. — Она похожа на меня, исчезла пятнадцать лет назад, и предположительно, находится здесь в Антарктике.

Раздражённый снежный гном, сидящей за ледяной стеной в виде тёмной тени, и ожидающий, каким бы способом спасти тебе жизнь, не та ситуация, которую я хотела бы иметь долгое время. Не тогда, когда я уже и без него почти отчаялась.

— Глупый маг! — снова зашипел он, что видимо означало, что он ничего о ней не знает. Я услышала, как за стеной зашуршало, а затем звук удалился. снежный гном, вероятно, пока что отказался от надежды освободиться от своего долга.

В этот момент в дверь постучали, и почти сразу же в мою комнату зашли две женщины. Я лишь коротко посмотрела на них. Я уже давно перестала запоминать почти каждый день меняющиеся лица и имена.

Энакин, вероятно, не доверял мне даже на секунду, и часто менял персонал, чтобы я не могла построить дружеские отношения ни с одним из моих сторожей.

Так как я уже оделась, для женщин не осталось работы, кроме как проводить меня к завтраку. Я следовала за ними через белоснежные коридоры, которые благодаря красивым фрескам были такими чарующими, что при виде изобилующей роскоши, меня затошнило. Я затосковала о моей простой комнате в Теннебоде и дому в Каменном переулке, где всё было таким приятно нормальным. Я не смогу больше ни дня выдерживать это фиаско.

В этот момент меня внезапно осенило. Встреча со снежным гномом отвлекла меня от того, что сказал Энакин.

— Свадьба, — хрипло прошептала я.

Это мысль, словно накалённая игла, впиалась мне в голову, заставляя немедленно остановиться.

Моё дыхание становилось всё быстрее и быстрее, когда я поняла, что должна буду выйти сегодня замуж. Что скажет Адам, когда узнает о том, что Энакин стал моим мужем.

Я не могла избавиться от удушья в горле. Он подумает, что его ревность была с самого начала обоснованной.

Женщины заметили, что я остановилась, и растерянно оглянулись.

— Меня тошнит, — слабо сказала я, прислонившись к стене, в то время, как моё дыхание становилось всё не спокойнее. Ещё немного, и у меня закружилась голова.

Я почувствовала, как женщины поддерживают меня. Но вместо того, чтобы вежливо отвести назад в мою комнату, преданные королю предательницы затолкали меня в салон, где семья уже сидела за завтраком.

— Доброе утро, — поприветствовал меня Гвидо Арпади, когда я зашла в комнату, где семья имела обыкновение завтракать. На нём была одета красная, стандартная униформа королевской семьи, а рядом с ним сидела его жена Моник Арпади в аккуратном, коричневом с фиолетовым оттенком, атласном платье и выглядела такой потрясающе красивой, как и каждое утро. Она казалась мне живой, но всё же скучной картиной, когда доброжелательно улыбнулась, в то время, как Энакин даже не поднял взгляда со своего завтрака, когда я садилась рядом с ним.

Он снова исчезнет на всё утро и будет дуться, и самое позднее сегодня вечером предпримет новую попытку убедить меня в том, что мне досталась самая невероятная удача в мире, когда я столкнулась с ним.

— Энакин сказал мне, что вы выбрали новую дату для свадьбы, — я положила салфетку на колени и попросила, чтобы мне подали немного фруктов.

— Так и есть, — ответил Гвидо Арпади. — Мы надеемся, что на это раз всё пройдет гладко.

— Так и будет, — обречённо сказала я.

Кончено в этот раз Арпади с самого начала исключили все потенциальные угрозы безопасности, а Энакин и без того знал, что я у него в руках, пока он угрожает убийством Адама. Скорее всего меня информировали только сегодня утром, чтобы я не смогла составить какой-нибудь запутанный план бегства.

— Что ты запланировал на сегодня? — спросила я.

— Я полностью посвящу себя подготовке нашего праздника, — сказал он, не поднимая взгляда.

Потом обратился к своим родителям.

— Кстати, вчера я был на зимнем балу и представьте себе, какой-то сумасшедший саботировал бал.

— Правда?

Я удивлённо подняла взгляд. Возможно я наконец что-то узнаю о моих друзьях и родине... об Адаме.

— Он назвал себя Красным мстителем, пронёсся в красном костюме через зал, раздавая листовки, в которых обвинил палату сенаторов в том, что они губят либеральное общество. Ему видите ли хочется свободы слова! Представь такое, да ещё в красном костюме. Он сделал себя посмешищем, — Энакин самодовольно рассмеялся. — К сожалению, ему удалось скрыться от Чёрной гвардии, прежде чем они смогли его схватить. Меня правда интересует, кто скрывается за этим идиотским одеянием. Надо же, Красный мститель!

Энакин снова рассмеялся, на этот раз вместе с отцом. Мне стало дурно от их выставленной напоказ надменности.

— Без грааля патрициев вам пришлось бы задаваться тем же вопросом, а так вам никто не сможет возразить, если вы отдадите какое-то распоряжение, — злобно прошипела я.

У Гвидо Арпади смех застрял в глотке, превратившись в хрип и кашлянье. Его жена обеспокоенно смотрела на него и хлопала по спине, в то время как я с довольным видом отметила, какой эффект произвели мои слова.

Он посмотрел на меня покрасневшими глазами. Затем перевел взгляд на Энакина.

— Ты рассказал ей о нём? — прошипел он в ярости.

— Конечно нет! — грубо ответил Энакин, расправив плечи, оба больше не обращали на меня внимание, повернувшись друг к другу. — Я умею хранить тайны. Даже не знаю, откуда

ей известно.

— Мне известно многое, — ответила я не менее яростно и снова попыталась вмешаться в разговор.

Может быть кто-то в пылу ссоры обмолвится, как можно обойти защитное заклинание грааля.

— По крайней мере достаточно, чтобы знать, что я не особо стремлюсь стать частью этого общества. Отпустите меня наконец!

— Я тебе сразу сказал, что это безумная идея жениться на этой девушке.

Гвидо сверкал глазами на Энакина, соскочившего и нервно ходящего туда-сюда по комнате. Они совсем не обращали на меня внимание. Так же, как и на ходящее и говорящее полотно, коим была его жена. Видимо Гвидо уже не помнил, что в Объединенном Магическом Союзе когда-то правили женщины.

— Что если кто-то начнет задавать глупые вопросы?

— Никто не будет задавать глупых вопросов. На зимнем балу я ясно дал понять, что Сельма добровольно уехала со мной.

— Что? — шокировано спросила я. — Что ты сделал?

Теперь Энакин посмотрел на меня, и я увидела, как в его глазах светится решимость.

— Ты правильно расслышала. Адам Торрел поверил, что ты здесь со мной счастлива и выйдешь за меня замуж. Никто по тебе не скучает. Он был на балу вместе со Скаррой Энде, и из них обоих получилась очаровательная парочка.

— Нет, — беззвучно выдохнула я.

Это не может быть правдой. Адам отвернулся от меня? Поверил в ложь, которую наплёл ему Энакин?

— Я женюсь на Сельме, — решительно сказал Энакин, повернувшись к родителям. — Это моя ясно выраженная воля. Я пообещал, что она больше не доставит неприятностей, и она не доставила.

Энакин смотрел на своего отца с такой решительностью, что тот и в самом деле постепенно успокоился.

— Это вздор, и совершенно излишне, — сказал Гвидо Арпади, но по голосу было слышно, что его сопротивление слабеет.

— Это не так, и я настаиваю, — прорычал Энакин.

— Как пожелаешь, — в конце концов уступил Гвидо. — Но она останется под замком, пока не начнётся церемония. И после того, как представим её народу, она снова исчезнет в своей комнате. Ты гарантируешь, что она больше не создаст проблем.

— Да гарантирую, отец.

Энакин склонил голову, и видимо таким образом дело порешили. Я чувствовала себя куском мяса на базаре. Гвидо Арпади встал и вышел из комнаты, а с ним ушла и его жена.

Только Энакин и я ещё остались сидеть.

— Даже если ты ещё не можешь свыкнуться с мыслью, что станешь моей женой, всё же я советую тебе это сделать, потому что у тебя нет выбора. Если сегодня, во время церемонии, ты снова станешь источником проблем, тогда я начну действовать серьёзно и прикажу убить одного из твоих друзей. Ты поняла? — он холодно смотрел на меня, сверкая глазами.

Мои глаза горели, когда я взирала на его ненавистное лицо, заставив себя кивнуть. Однако сделала это, ничего не чувствуя, потому что мои мысли обгоняли одна другую, ходили по кругу, опускаясь всё ниже. Скара и Адам стали парой? Адам так быстро забыл меня? Я не

могла в это поверить, после всего, что мы пережили.

Но разве я не сама прогнала его прочь моим поведением? Значит Торин ничего не достиг, ни с Адамом, ни с моей бабушкой.

Вечером женщины принесли мне сногшибательное, белое платье из шифона и шёлка, которое вызвало бы у Лоренца по меньшей мере пятиминутный восторженный крик.

В то время, как женщины расправляли платье на кровати, у меня на глаза навернулись слёзы, когда я подумала о Лоренце и об Адаме, и о Лиане, просто обо всех, кого мне так не хватало.

Я быстро сморгнула слёзы, потому что если действительно снова собрался весь город, то я не хотела выглядеть заплаканной. Я хотела встретить судьбу с поднятой головой, даже если внутренне сломаюсь от этого бремени.

В то время, как женщины одевали меня, я пыталась не о чём не думать, чтобы паника не стала ещё сильнее. Но это не сработало, потому что перед глазами снова и снова всплывало лицо Энакина и бесило меня. Мысленно я начала перечислять имена драконов из Теннебоде, чтобы снова успокоиться.

Если бы только этот проклятый снежный гном не был таким упрямым.

Я выругалась вслух, когда поняла, насколько безнадёжной была ситуация, а женщины, которые как раз закалывали мне волосы, вздрогнули от неожиданности.

— Принеси другие заколки, — сказала одна, почему-то её голос показался мне знакомым. — Ты же видишь, что эти причиняют ей боль. Господин сказал, что она должна чувствовать себя комфортно.

Я удивлённо оглянулась, после того, как одна из женщин вышла из комнаты.

Эти зелёные глаза, рыжие волосы и бледное, узкое лицо, похожее на моё и всё же не похожее, если приглядеться.

— Анна, — удивилась я.

— У меня мало времени, — ответила она и приподняла длинную, тёмно-красную юбку до колен.

— Тебя послал совет? — спросила я. — Вы чего-нибудь добились?

— Не совет, — загнано сказала Анна и посмотрела на дверь, за которой я уже слышала голоса. Женщина, что пошла за заколками, уже вернулась и только что попросила Морфия впустить её.

Анна вытащила лист бумаги из-под ленты, привязанной к бедру.

— Убери его! — прошипела она, когда ручка двери уже опускалась вниз.

Я быстро взяла бумагу и бросила на пол, задвинув её ногой под туалетный столик.

— Карта, — прошептала Анна мне в ухо. — Там ты найдёшь женщину во льду, возможно она твоя мать.

Другая женщина, бряцая, положила на стол горсть новых заколок, в то время как Анна делала вид, будто сдула с моего плеча несколько ворсинок.

Пока Анна и другая женщина укладывали мне волосы и красили, я сидела, будто застыла в лёд.

Возможно моя мама всё-таки где-то рядом. Но что это значит, почему её называли женщиной во льду? Она живёт одиноко на окраине этого сообщества?

Несомненно, я должна это выяснить. Но сначала я хотела прочитать, что написала Анна. Мне хотелось ещё раз расспросить её. Смогла ли она обнаружить свои магические силы, или нашёл ли совет какую-нибудь зацепку о граале патрициев. Но возможности,

оказаться с ней ещё раз наедине, больше не представилось. По крайней мере я смогу поднять бумагу под туалетным столиком и прочитать. Как минимум, я должна убрать её в безопасное место, прежде чем её обнаружат во время утренней уборки.

Как раз, когда обе женщины закончили свою работу, и я учуяла мой шанс опуститься на колени и подобрать бумагу, в комнату вошёл Энакин. На нём была одета одна из его парадных униформ, сегодня это была белая. Ах да, мы же хотим пожениться.

Я страдальчески вздохнула, когда он подошёл и фамильярно положил свои руки мне на плечи.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал он, на полной серьёзности выражая свой восторг.

Я встала и вырвалась из его хватки.

— Я чувствую себя очень плохо. Позволь мне наконец уйти и освободи меня от проклятья, — повторила я мою вечную мантру, надеялась, что она скоро сведёт его с ума.

— Может быть, — сказал он к моему удивлению.

— Правда? — удивлённо спросила я и сделала шаг в его сторону.

— Почему бы и нет, — сказал он дружелюбно и снова положил мне руки на плечи. — Когда мы поженимся, я подумаю об этом, — он примирительно улыбнулся, в то время как я чуть не взорвалась от ярости.

Он снова лгал, чтобы заставить меня принять участие в его трагедии.

Но прежде чем я успела дать выход чувствам и что-то ответить, он сказал:

— И не забудь, никаких необдуманных действий сегодня вечером. Морфий и его команда готовы и сразу вмешаются, если ты вновь решишь исчезнуть. Если что-то пойдёт не так, то ещё сегодня ночью закончится жизнь Адама или Лианы, или возможно жизнь обоих, поняла?

Что мне ещё оставалось, кроме как кивнуть и поклясться себе, что Энакин когда-нибудь заплатит за это.

Прежде чем я смогла спасти записку Анны, Энакин взял меня за руку и хотел вывести из комнаты.

— Подожди! — сказала я в панике, я должна подобрать эту записку, прежде, чем она попадёт кому-то в руки. Я не могла пропустить этот шанс.

— Мне ещё нужно в уборную.

— Это обязательно? — застонал Энакин.

— Ты хочешь прервать парад, потому что невесте приспичит в туалет?

Энакин проворчал что-то непонятное и вышел за дверь.

Я нырнула под туалетный столик и взяла сложенный лист бумаги в руку. Потом исчезла в ванной комнате и встала за дверь. Быстро и нетерпеливо я развернула записку.

Она нарисовала мне карту Антарктики. Я узнала большую площадь и замок. Далёко за пределами поселения Анна нарисовала пещеру и написала рядом женщина во льду.

Я знала дорогу, нужно было только дойти до горячих источников, а потом тропинка вела круто вверх в стену изо льда. Я уже часто сидела в горячей воде и рассматривала крутые стены, где заканчивалась Антарктика. Где-то там должен находиться вход в пещеру.

— Нам пора, — услышала я голос Энакина за дверью.

— Сейчас выйду, — крикнула я и быстро сложила бумагу. Потом засунула её в лифчик, где уже хранила записку, которую когда-нибудь заставлю взять с собой Снежного гнома.

Нужно будет позаботиться об этом позже, позже, когда я уже буду замужем. Мне стало

плохо, когда я выходила из ванной.

Я бросила последний взгляд на комнату, в которой жила теперь уже два месяца, потом поспешила в коридор. Будет ли Эникан настаивать на том, чтобы мы жили вместе, когда поженимся?

Я понятия не имела, но лучше пока не размышлять над этим, в противном случае меня, наверное, стошнит, и я неизбежно испорчу чудесное платье, которое было на мне одето.

Уже в вестибюле я услышала бормотание тысячи глоток, которые пришли, чтобы увидит, как кронпринц получит желаемое и всё-таки женится на сбежавшей невесте.

Как загипнотизированная, я следовала за Энакином, который сопровождал меня из моей комнаты в вестибюль. Мне всё казалось таким нереальным. Я ничего не хотела настолько сильно, как наконец проснуться из этого бесконечного кошмара.

Но жестокий фильм, в котором я застряла, не прерываясь шёл дальше. Моё сердце было пустым и холодным, я даже не могла больше испытывать грусть из-за того, что Адама нет рядом. Потому что в таком случае нужно было надеяться на то, что в моей ситуации ещё может что-то измениться. Но надежда сегодня полностью оставила меня.

Энакин взял меня за ледяную руку, но не так, как держат за руку, когда ищут близость человека. Он держал мою руку так судорожно крепко, как будто боялся, что я вырвусь и убегу, как только представиться случай.

Когда я садилась в сани, в которые был запряжён снежный дракон, было такое ощущение, что вместо желудка у меня в животе кусок льда. Дракон узнал меня и издал успокаивающее шипение. Но он не мог утешить, потому что я чувствовала себя так, будто направляюсь на свои собственные похороны.

Сани резко тронулись, и я отметила, что нас сопровождают несколько охранников. Видимо Энакин считал, что я представляю огромный риск или хотел изо всех сил доказать отцу, что он в состоянии охранять женщину.

Когда мы медленно спускались вниз, отъезжая от замка, люди выстроились вдоль аллеи, как это уже было на Рождество. Но улицы и площади не украсили, также Арпади отказались сегодня от длинной поездки через город. Обоз направился прямо на большую площадь, где народ уже ждал знатных особ. Я сразу же увидела, что побег сегодня невозможен.

Вокруг трибуны соорудили ограду из ледяных блоков, отделяющую дворянство от народа. Намеренно или нет, она символически подчёркивала, как функционирует это общество. Я неохотно вышла, когда сани остановились перед трибуной. Сразу же команда Морфия заняла место недалеко от моего стула.

С застывшим лицом, я позволила Энакину провести меня наверх по лестнице. Тишина на огромной площади была жуткой. Никто не говорил и не смеялся, над головами даже не дул ледяной ветер.

Словно марионетка, я села на стул, скользя взглядом по лицам людей, стоящим далеко от меня, так что я едва могла различить детали в толпе. Сегодня никто не сможет позвать меня спуститься с трибуны, никто не спасёт от того, что меня ждёт.

Высокий тон скрипки резал воздух, а звуки легко поднимались вверх. Мелодия была прекрасна, но она больше не достигала моего сердца. Оно было холодным, потеряло всякую надежду. В моей душе больше ничего не осталось, что могло бы звучать и вибрировать.

Последний тон замер, и Гвидо Арпади встал. Он подошёл к небольшому подиуму и начал говорить о красоте и уникальности Антарктики. О прекрасных людях, живущих в этой стране и счастье, что ему и его семье так повезло быть здесь.

— И чтобы это прекрасная история нашей страны не закончилась, — продолжил он радостно, — мой сын Энакин Арпади возьмёт в жёны Сельму фон Норденах. Таким образом королевские линии соединятся и ещё больше укрепят нашу страну.

Он кивнул нам, и Энакин заставил меня подняться. Ноги казались какими-то странно онемевшими, как будто вовсе не принадлежали мне. Я почувствовала, как зашаталась, холод всё продолжал распространяться во мне. Холод, из которого казалось состоит вся эта страна.

Только благодаря тому, что Энакин всё ещё крепко держал меня за руку, я смогла пройти вперёд, пока не оказалась рядом с Гвидо Арпади. То, что я здесь делала, было так неправильно, так ужасно неправильно.

Мой взгляд затуманили слёзы, когда отец Энакина произносил брачную речь и в ожидании спросил Энакина, хочет ли тот взять меня в жёны.

Его «Да» прозвучало как раскат грома в моих ушах. Было неизбежно то, что должно произойти, и мой разум стал внезапно совершенно пустым.

— Хочешь ли ты Сельма фон Норденах взять в мужья Энакина Арпади?

Вопрос громко завис между нами. Гвидо Арпади строго на меня смотрел. В этом взгляде было столько гнева, столько ожиданий и в то же время обещание, что, если я сейчас скажу нет, он не проявит милосердия. Но «Нет» вертелось у меня на языке и не собиралось исчезать. Я не хотела выходить за Энакина. Существовал только один мужчина, за которого я желала выйти замуж. Но шанс, быть счастливой с Адмом, я упустила. Он отвёл меня в таинственный сад и предложил остаться там. Но я отказалась, а теперь глубоко сожалела о своём решении.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, когда подняла взгляд и посмотрела на людей, стоящих передо мной.

В тот момент, когда я хотела повернуться и вынужденно сказать «Да», я увидела вдалеке какую-то оранжевую вспышку.

Я удивленно присмотрелась.

Действительно! Посреди толпы сверкала оранжевая точка. Маленькое, едва заметное сияние, которого там не должно было быть. Теперь вдруг появились две точки, потом три, четыре, пять, потом их стало столько много, что я сбилась со счета.

Энакин и Гвидо тоже заметили и испуганно повернулись.

Свечение усиливалось, и я увидела, что каждый человек зажег над головой огненный шар. Там стояли не люди. Это были маги, обнаружившие, что скрывается у них внутри. Это был потрясающий момент, даже Энакин в ужасе отпустил мою руку и отшатнулся назад, как будто боялся, что эти шары превратятся в орудия.

В толпе раздался голос, тоненький голосок, снова и снова кричавший что-то. Теперь к нему присоединились остальные голоса, и я начала понимать, что кричали стоявшие передо мной маги.

— Свобода! — хором орали они, их голоса становились все громче и громче.

У меня по спине пробежали мурашки, когда я поняла, что только что стала свидетельницей революции.

В этот момент я увидела, как первый ряд начал притеснять Морфея и его охранников. Морфей не знал, что делать. Он в полном недоумении смотрел то на магов, то на Гвидо Арпади, как будто ожидая приказа или какого-то решения.

Дворяне позади меня испуганно перешёптывались и в недоумение смотрели на непривычно решительную толпу.

Гвидо и Энакин тоже всё ещё безмолвно стояли, словно окаменев, в то время как море из огней покачивалось и становилось всё беспокойнее. Они хотели услышать точку зрения своего короля.

— Подавите восстание! — хрипло прошептал Гвидо Арпади.

— Вы ведь это не серьёзно! — крикнула я. — Эти люди хотят перемен. Дайте им то, чего они требуют без кровопролития!

— Никогда! — крикнул Гвидо Арпади, — Морфий подави восстание!

Энакин схватил меня за руку, чтобы я не смогла убежать.

Морфий в ужасе посмотрел сначала на Энакина, потом на Гвидо Арпади. Перед ним стояло несколько тысяч магов, которые между тем вполне хорошо знали, что у них есть магические способности. Я почувствовала, что успокаиваюсь. Эти люди больше не беспомощны. Совет очень хорошо проинформировал, на что способен каждый из них. Я восхищалась, насколько хорошо организованны маги Антарктики. Если бы в Объединённом Магическом Союзе тоже имелся такой совет, было бы намного проще сформировать сопротивление.

Беспокойство становилось всё громче, в то время как Морфий колебался и не мог решиться вступить в борьбу с собственными людьми. Я не могла его в этом винить.

Морфий и его команда насчитывала не более тридцати человек. И даже если они сражаются лучше, всё равно даже близко не смогут противостоять решительно настроенной толпе.

Внезапно Энакин поднял руку и издал решительный вой. Видимо он стремился всеми силами обеспечить тишину, чтобы закончить свадебную церемонию.

В тоже момент, когда я поняла, что он собирается сделать, я уже отреагировала. Я вырвалась из его хватки быстро повернувшись, вращаясь дальше, я сделала глубокий вдох, рёбра моих ладоней ударили по направлению Энакина, и ветер, который я произвела, подействовал как оружие, так сильно он ударил в грудь Энакина, а также сбил с ног Гвидо Арпади.

Оба полетели назад, врезавшись в ряд стульев и сорвали с мест нескольких кричащих патрициев. Одно мгновение я даже подумывала убить его, чтобы избавиться от проклятия. Но прежде чем смогла принять решение, на трибуну прыгнул невысокий человек, обе его руки были подняты над головой.

Я сразу узнала Анну, когда она подбежала ко мне, взяла за руку и резко подняла её вверх. Раздавшееся ликование, когда я стояла с ней перед толпой, было оглушительным.

— Свобода для Антарктики! — скандировала теперь Анна, и толпа ответила тысячью голосов.

— Теперь тебе нужно идти, — прошептала она, и я увидела беспокойство в её глазах. — Сегодняшняя ночь наша! Мы позаботимся об Арпади. Найди свою мать, а потом для будет безопаснее, если ты покинешь Антарктику.

Я испуганно взглянула на неё, в то время как началась суматоха, и первые огненные шары полетели в трибуну, где Энакин и Гвидо Арпади выбирались из стульев. Полный ненависти взгляд Гвидо Арпади потряс меня. Конечно он во всём винил меня, и кажется в этом была доля правды.

— Я хочу вам помочь, — сказала я.

— Совет решил, что тебе лучше уйти, и в этом ничего не изменилось. Если не хочешь оказаться вместе с Арпади в одинокой темнице, тебе стоит воспользоваться случаем.

Сегодня ночью мы собственными силами хотим добиться нашей свободы.

Анна отодвинула меня в сторону и подняв руки, снова закричала:

— Свобода для Антарктики.

Народ больше невозможно было удерживать. В ярости маги с поднятыми вверх огненными шарами бросились на трибуну, а я решила последовать совету Анны и обезопасить себя.

Я закрыла глаза, и мои крылья прорвались через свадебное платье на спине. Прыгнув вверх, я поднялась в воздух и полетела, так быстро, как могла. Как раз вовремя, прежде чем первые маги штурмовали трибуну и набросились на Гвидо Арпади. Наблюдая за тем, как люди хватают аристократов, во мне прорвалась дамба.

Это был шанс вернуть мою собственную жизнь. Шанс, от которого я уже давно отказалась.

Но я также была достаточно свободна, чтобы найти маму, и лишь потом исчезнуть. Это, скорее всего, был мой последний шанс добиться здесь чего-нибудь. Я полетела не в сторону дверей, а описав дугу, направилась к горячим источникам. Пока я летела, я вытащила набросок, который дала меня Анна и проверила, правильное ли я выбрала направление.

Внезапно я почувствовала жгущую боль в ноге. Я повернула голову и увидела позади Энакина. Он тоже поднялся в воздух и следовал за мной с огромной скоростью, обстреливая острыми ледяными стрелами. Внизу я увидела, как маги одержали полную победу над аристократами, они все восторженно кричали. Казалось никто не заметил, что Энакин ускользнул и был полон решимости помешать мне покинуть страну.

Еще одно острие попало мне в спину, и от испуга я выронила записку Анны. Я почувствовала, как по спине заструилась теплая кровь. Нет! Наконец-то я нашла след, ведущий к матери и была так близко к цели, я не могу позволить, чтобы мне помешали пойти по этому следу.

Но когда в меня попала еще одна стрела и я закричала от боли, я потеряла надежду, что смогу сбежать от Энакина без боя и что смогу в этот момент найти свою мать.

Я должна спасти свою жизнь, если хочу ещё раз увидеть Шёнефельде. Я быстро посмотрела назад и увидела, что Энакин следует за мной на большом расстоянии. Ещё есть шанс добраться до спасительного выхода. Я изменила направление и направилась к двери в Шёнефельде. Энакин следовал за мной по пятам. Меня отделяли от двери ещё только сто метров, когда мне в бок попала ещё одна болезненная стрела, и я почувствовала, что она впилась глубоко в плоть.

В этот момент я поняла, что нужно сражаться. Под огнём Энакина я не смогу пройти живой через дверь. Я обернулась с искажённым от боли лицом.

Теперь были только он и я. Всё зависело от того, насколько хорошо я смогу сосредоточиться.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, потом дала волю мыслям, представляя себе огонь. Вокруг меня распространилось тепло, становясь всё сильнее. Когда я снова открыла глаза, я увидела пламя, окружающее меня. Кольцо из огня защищало меня от ледяных стрел Энакина.

На одно мгновение у Энакина отвисла челюсть. Он никогда не догадывался на что я способна, и я наслаждалась этим выражением на его лице.

Но Энакин на удивление быстро пришёл в себя. Он поднял руки, вызывая шторм, из-за которого моё пламя на короткий момент беспорядочно закружилось.

Мои силы постепенно ослабевали. Я чувствовала, как сложно сохранять защитное кольцо. Раны непрерывно кровоточили, а потеря крови лишала медленно, но верно сил.

Я ещё раз сосредоточилась на дыхательных упражнениях, я много раз тренировалась выполнять их, и в последний раз мобилизовала силы. Прежде чем Энакин собьёт меня с искусственного неба, был ещё крошечный шанс, который я могла использовать. Заклинание крови.

Я подняла руки и сосредоточилась на жидкости в теле Энакина. С моим умением мне было ещё далеко до этого заклинания, но ведь нужно только на пару секунд отвлечь Энакина, чтобы сбежать через выход.

Я хотела заморозить воду в его теле и правда, по его испуганному выражению лица я увидела, что чего-то добилась. Недостаточно, чтобы причинить ему серьёзный вред, но достаточно, чтобы выиграть немного время.

Его лицо застыло, а взмах крыльев замедлился. Он опустился на землю, а я использовала шанс, который мне представился и помчалась прочь, хотя у меня кружилась голова, а из-за прикладываемых усилий кровь из тела вытекала ещё быстрее.

Но у меня не было времени позаботиться о ранах. Я перелетела через незащищённую стену и понеслась к спасающей двери. Ещё когда я врезалась в дверь, я начала говорить вербальное заклинание. Вокруг меня ударяли огненные шары. Из-за паники я запуталась, и мне пришлось повторять заклинание ещё раз.

Огненных шаров становилось всё больше. Я повернулась и увидела, как Энакин снова набирает высоту. Но между тем маги заметили, что он сбежал и последовали за ним. Это были их огненные шары, наполнившие воздух. Всё больше магов стекалось к выходам и стреляло в Энакина оранжевыми шарами, и всё чаще шары попадали в него. Я повторила вербальное заклинание и наконец дверь открылась. Последнее, что я увидела, это искажённое от ярости и боли лицо Энакина, когда я отвернулась и прошла через дверь.

Но даже когда дверь захлопнулась за моей спиной, и я стояла в темноте руины, я всё ещё не чувствовала себя в безопасности. Возможно Энакину удастся освободиться, и он последует за мной. В Шёнефельде была ночь. Это означает, что свидетелей рядом не будет, если он захватит меня в лесу врасплох и потащит обратно в Антарктику.

Я, спотыкаясь, принялась выбираться из руины, длинное платье цеплялось за каменные выступы, было такое ощущение, как будто меня хватают руки и хотят удержать в этом тёмном подземелье.

Я в панике неслась дальше, и теперь в полную силу почувствовала болезненные раны.

Меня бросало то в холод, то в жар, когда я спотыкаясь, шла в тонком, белом платье по мокрому снегу. Но не смотря на панику, которая полностью завладела мной, я всё же замечала деревья вокруг, раскачивающиеся на холодном ветру. Ветви сосен так мягко шелестели, как будто проводишь рукой по ткани, таким нежным был звук и так ясно звучал в моих ушах. После того, как я привыкла слышать только треск и хруст мороза, таинственное шелест ночного леса звучал как божественное обещание.

Но постепенно чудесный звук ускользал, и я чувствовала, как теряю сознание. Я хотела сосредоточиться на дыхании. Где-то в книге из Мантао, много недель назад, я читала в абзаце о самоисцелении. Теперь я проклинала себя за то, что в пользу какой-то техники боя, я только быстро пробежала его глазами.

Мне было плохо, когда я добралась до тропы, перед глазами всё расплывалось. Казалось, будто ко мне направляется тёмная фигура. Потом силы меня покинули, и я упала в

ледяной снег.

Таинственный сад

Слабый ветерок медленно кружил над лугом белые семена ивы, словно снежинки. Всё было погружено в золотистый, спокойный свет. Воздух пах летом, травой и цветами, а тихое жужжание насекомых подчёркивало сцену, как нежная мелодия.

Во всё это, гармонично вписывался тот факт, что я не чувствовала боли.

Странно! Мне казалось, что я должна ощущать боль, что случилось что-то тёмное и угрожающее. Этот факт шевелился где-то на пороге сознания.

И как бы я не старалась прогнать темноту и задержаться в золотисто-светящейся идиллии, она всё же неудержимо затекала мне в голову, постепенно наполняя воспоминаниями о случившемся. Сцены боя были мне чужды. Перед глазами снова так ясно появилось взбешённое лицо Энакина, как будто кто-то заснял его фотоаппаратом высокого разрешения и выжег в моих мозговых извилинах. И всё же я отодвинула это воспоминание прочь, как будто оно было не моим.

Но постепенно всё неумолимо соединялось в общую картину, и я, хотела того или нет, должна была посмотреть правде в глаза. Население Антарктики восстало против Арпади и свергло их с трона.

Я, тяжело раненая, сбежала из этого переполоха, после того, как совет граждан Антарктики практически выставил меня за дверь. И снова мне пришлось покинуть Антарктику, не найдя родителей. Меня охватило жгучее разочарование, которое, однако, быстро сменилось другими мыслями.

Кажется, меня кто-то спас. Спас? Почему-то это не совпадало с моим нынешним состоянием. Я должна испытывать невыносимую боль, в конце концов Энакин несколько раз настолько сильно ранил меня, что потеря крови окончательно лишила меня сознания. Странно, может ранения были такими сильными, что я умерла и теперь нахожусь в спокойном месте в Виннле, где встречаются души умерших.

Но голубое небо надо мной, со своими маленькими, нежными, похожими на вату облаками, казалось таким настоящим. Но где же тогда солнце? Свет был, а солнца нет.

Неожиданно мне стало ясно, где я, но прежде всего с кем. Я знала только одно место, где погода, даже зимой, всегда была великолепной, и только одного человека, у кого был ключ к этому месту — к Таинственному саду.

Я резко села и посмотрела в обеспокоенные глаза Адама. Тёмно-синий цвет был почти чёрным, так сильно полыхал его взгляд. Я почувствовала себя так, будто вспыхнула пламенем, таким интенсивным был жар внутри, вызванный его присутствием. Он изменился, и мне понадобилось какое-то время, чтобы заметить детали. Под его глазами были тёмные круги, а лицо покрыто колючей бородой, как будто он не брился целую вечность.

Меня сразу же наполнила тревога, и в то же время в сердце потекло счастье, такое чистое и ясное, какого я никогда ещё не испытывала раньше. Я хотела поднять руку и погладить его по щеке, хотела прижать его к себе и никогда больше не отпускать, но остановилась.

Моя грудь была готова разорваться на части, так сильно стучало сердце в этот момент, но меня охватила непоколебимая истина. Даже если я всё ещё люблю его так сильно, что моё сердце бьётся только для него, всё же мне было известно, что он отвернулся от меня.

Я ранила его, а он поверил в ложь Энакина. Он верил, что я добровольно ушла с Энакином. Он принял предательство за правду и сблизился со Скаррой.

— Сельма, — сказал он глубоким голосом, как будто должен был убедиться в том, что это действительно я. Потом осторожно положил свою руку на мою.

— Нет! — произнесла я дрожащим голосом и высвободила руку.

Это был болезненный, но необходимый рефлекс. Мой голос задрожал ещё сильнее, когда вернулись воспоминания о той ночи, когда я напала на Адама, а с воспоминаниями пришёл страх.

— Это из-за него? — голос Адама прозвучал холодно.

Он испытующе посмотрел на меня, и из-за этого взгляда мой страх перерос в панику. Значит я действительно потеряла его.

— Нет, — слабо прошептала я.

Я хотела объяснить всё с самого начала: о том, что произошло, но на мне всё ещё лежало проклятье.

Я подумала об огненном кольце, с помощью которого держала на расстоянии Энакина. Такого нападения Адам не будет ждать, и именно это подвергнет его жизнь абсолютной опасности.

— Лучше не задавай мне никаких вопросов! — попросила я.

Мой страх, причинить Адаму боль, остался прежним, и я закрыла глаза, чтобы они не начали вновь оглядываться по сторонам в поисках острых предметов.

Если он снова захочет узнать, где я была и что случилось, мне просто нужно молчать. Тогда с Адамом ничего не случится. Если я не буду отвечать на его вопросы, это, определённо, будет самым действенным методом. Моё поведение, в любом случае, нельзя простить, не говоря уже о понимании.

— Нам нужно поговорить!

Он положил свою руку на мою, и тепло, которое затопило меня, было таким соблазнительно знакомым и исцеляющим, что я проявила слабость и не смогла убрать руку во второй раз. Я лишь беспомощно вздрогнула, и на этом попытка высвободить её закончилась.

С губ сорвался тоскливый вздох, а моё холодное сердце вновь начало чувствовать и пылать. Я так сильно тосковала по близости Адама. Эта тоска накрыла меня с головой, и была такой болезненно прекрасной, что меня охватило искушение забыть о том, что Энакин наложил на меня проклятье. По крайней мере на один крошечный, утешительный момент. Но жизнь Адама была слишком высокой ценой за моё эгоистичное счастье.

Я зажмурилась.

— Я не буду задавать тебе неправильных вопросов. Торин объяснил мне, что с тобой случилось, — тихо сказал он.

Прошло какое-то время, лишь потом его слова дошли до меня.

Я осторожно открыла глаза и удивлённо посмотрела на Адама.

— Он смог поговорить с моей бабушкой? — спросила я с надеждой в голосе. Она будет знать, как мне помочь.

Но когда Адам затряс головой, надежда сразу исчезла. Неожиданно его взгляд стал серьёзным, а из-за измождённого выражения, лежащего на его щеках, он казался ещё мрачнее и опаснее, чем я когда-либо видела.

— Мне нужно знать только одно, — он твёрдо смотрел мне в глаза, а его голос не

допускал возражений. — Ты что-то к нему испытываешь?

— Да, — я выпрямила плечи и не моргнув, ответила на измученный взгляд Адама. — Я чувствую ненависть, бесконечную ненависть.

Я отметила его облегчённый кивок.

— Ты вышла за него замуж?

— Нет, — холодно ответила я. — Расскажи мне обо всём, что случилось, — тихо попросила я.

Я должна знать, что с ним произошло.

Адам смотрел на меня некоторое время, как будто ему нужно было подобрать слова или признаться себе в чём-то, что было неприятно.

— Когда ты отослала меня прочь, я был сбит с толку, — начал он. — Твоё поведение причинило мне боль. Я не понял тебя и отдалился. Это была роковая ошибка, — голос Адама стал холодным.

— Нет, — сказала я, накрыв в утешение его руку своей. — Моё поведение было непростительным.

Но Адам покачал головой.

— Я упустил драгоценное время. Я был зол и разочарован, — Адам колебался, признавая свою слабость. — Слишком поздно я доверился Торину, и мы начали следить за тобой и собирать информацию. Появилась связь с Арпади, и я просто не мог в это поверить.

— Торин был у меня, — сказала я, побуждая его таким образом продолжать.

— Да, Торин был у тебя и частично понял, что случилось. Мы сразу же отправились в Темаллин, чтобы попросить твою бабушку о помощи. Я думал, что в Шёнефельде ты в безопасности. Почему ты просто не осталась дома?

— Это была ложь, — потрясённо сказала я. Адама даже не было в Шёнефельде, когда Энакин угрожал его убить.

— Я хотела сама избавиться от проблемы, — тихо призналась я.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что это было одно из моих самых необдуманных решений.

— Упрямица, — сказал Адам, и я увидела, как на его губах появилась крошечная и знакомя улыбка.

— Сам, — ответила я, но мне было ещё сложно улыбаться.

— Когда мы вернулись в Шёнефельде, ты исчезла, и было только одно объяснение. Ты снова пошла к нему и осталась.

— Не по доброй воле, — тихо сказала я, и воспоминания о длинных неделях в Антарктике нахлынули на меня.

— После нашего возвращения из Темаллина я больше не отходил от этой двери, и мы по очереди с Торинем дежурили в старой руине. Я каждый день проклинал себя за то, что в самый решающий момент потерял самообладание, что меня не было рядом, и я не смог остановить тебя, когда ты вошла в эту дверь.

— Ты меня ждал? — я недоверчиво, смотрела на него. Он все эти недели провёл на другой стороне двери?

— Каждый день и каждую ночь, — нежно ответил он. — А ты что думала?

— Я думала, что ты бросил меня. Учитывая то, как сильно я тебя ранила, я бы это поняла. Твоя нога..., — я замолчала, потому что воспоминание причиняло боль даже спустя такое долгое время.

— Это была ошибка, — прошептал он с болью в голосе. — Я принял совершенно неверное решение. С самого начала не нужно было отпускать тебя. Не отходить даже на метр. Я сомневался, и это была самая большая ошибка в моей жизни.

Я хотела сказать ему, что он не виноват, что я не приняла бы от него помощи, даже если бы он попытался помочь. Но просто больше не смогла выговорить ни слова. Слёзы бежали по щекам, и я начала безудержно рыдать.

Я думала, что всё потеряла, и теперь, когда узнала, что это не так, совершенно расклеилась.

— Всё закончилось. Торин запечатал дверь. Никто не сможет последовать за тобой, — настоятельно прошептал Адам, и в этот момент мой взгляд упал на его руки.

Костяшки его правой руки были стёрты до крови, а под царапинами проглядывали синяки. Когда он заметил мой взгляд, он спрятал свою правую руку под левую.

— Что случилось? — всё же спросила я. Раны были ещё довольно свежими.

— Он был в списке гостей на зимнем балу. После того, как я ждал тебя неделями, и мой страх, что я никогда тебя больше не увижу, становился всё сильнее, я должен был призвать его к ответу. Когда он сказал, что женится на тебе, и что я не в силах помешать этому, я потерял контроль, — Адам спрятал свою руку, накрыв другой. — Чёрная гвардия заперла меня на ночь. Когда меня снова выпустили, он исчез.

— Ты избил его? — я подняла взгляд.

— Да, — сказал Адам. — Но какая в этом была польза? Я упустил шанс. Мне жаль, что я так с тобой поступил, — вздохнул Адам, нежно обхватив моё лицо руками, как будто я была маленькой, хрупкой пташкой, и в этот момент именно так я себя и чувствовала. — Мне так жаль, что я сомневался. Я проклинаю себя за то, что не послушал тебя. Ты с самого начала говорила, что у тебя плохое предчувствие насчёт него, — продолжил Адам.

Меня охватила дрожь, когда я подумала о том, как всё началось. Если бы я только не последовала за ним в Антарктику. Но Адам замер, истолковав мою дрожь иначе.

— Я так сильно обидел тебя, что ты больше не можешь быть со мной? — спросил он, и боль, прозвучавшая в его словах ранила мне сердце. — Как ты можешь доверять мне после того, как я бросил тебя в беде?

— Нет, — быстро ответила я, качая в подкрепление моих слов головой.

Ведь всё было совсем наоборот. Это я была той, кто вёл себя более чем странно.

— Ты нужен мне. Ты должен быть сильным за меня, когда я больше не могу.

Его взгляд стал мягким, и он накрыл мой подбородок рукой. Потом вытер слёзы со щёк.

— Как я ещё могу быть сильным, когда так боюсь потерять тебя? — слабо спросил он. — Я не вынесу, если ты ещё раз исчезнешь.

— Между нами не должно быть секретов. Никому не позволяй встать между нами. Ты должен мне это пообещать. Каким-то образом мне нужно рассказать тебе, что случилось, — я снова всхлипнула.

Я так хотела избавиться от ноши. Больше ни секунды не желала скрывать что-то от Адама.

— Тебе не нужно рассказывать, не сейчас. Не спеши! Возможно нам удастся каким-нибудь образом обойти заклинание. Но мы в безопасности, и у нас полным-полно времени. Нет ничего, из-за чего нам нужно торопиться.

— Как можно обойти заклинание? — настоятельно спросила я. — Я хочу сделать это немедленно!

— Ты уверена, что хочешь попробовать уже сейчас?

— Я провела недели в ожидание, — сказала я. — Нет никаких причин откладывать ещё дольше.

— Хорошо, потому что можешь мне поверить, что я сгораю от нетерпения и хочу узнать, что случилось, — сказал Адам.

— Я попробую сделать это, только когда ты будешь от меня на безопасном расстоянии, — нерешительно ответила я. — Я не хочу причинить тебе боль.

Адам взял меня за руку и крепко сжал.

— Я это выдержу. Если ты ранишь меня, значит я заслужил. Это моя вина, что ты не в порядке. Я так долго ждал, когда ты вернёшься, — его голос сорвался от боли. — А потом ещё и это. Ты была тяжело ранена.

Он прорычал слова, в его голосе слышался гнев, благодаря которому я поняла, что Энакину стоит остерегаться не только меня, хотя сейчас у него, скорее всего, другие проблемы.

— И что ты собираешься сделать? — спросила я.

— Торин навёл меня на эту мысль, я хочу кое-что попробовать, чтобы обойти заклинание.

— Что именно?

Я с нетерпением взглянула на Адама. Торин очень хорошо владел этим видом магии, что уже доказал. Но против заклинания Энакина он тоже был бессилён.

— Его идея очень проста, — объяснил Адам. — И думаю, что попытаться стоит. Заклинание кажется не даёт говорить тебе определённые вещи и именно в тот момент, когда тебе будет не хватать слов, я пойму, что это правда. Хотя потребуются длительный допрос, пока мы таким путём подберёмся до правды, но это наш выход.

— Но ты знаешь, что произойдёт, если заклинание активируется?

Я смотрела на Адама, надеясь, что он помнит, в какое состояние я впала, когда мы в последний раз попытались вести открытый разговор.

— Я знаю, — тихо сказал Адам, проводя свободной рукой по месту на бедре, где я его ранила. Другой рукой он ещё крепче обхватил мои пальцы.

— Мы будем действовать очень осторожно. Я остановлюсь, когда станет опасно и укроюсь. Если что-то пойдёт не так, мы всё прекратим.

— Не знаю, хорошая ли это идея, я могу причинить тебе боль и никогда себе этого не прощу. А ты знаешь, что теперь стало ещё опаснее разговаривать со мной в таком состоянии?

— Почему? — Адам скептически оглядел меня.

Я сделала глубокий вдох и зажмурилась. Мой пульс успокоился, и я снова почувствовала в себе силу. Потом я сосредоточилась на как можно большем количестве световых шаров над моей головой.

Наверное я была ещё слишком слаба и произведу не больше обычных десяти или возможно двадцати, но этого будет вполне достаточно, чтобы показать Адаму, что я имею в виду.

Когда он, шипя, втянул в себя воздух, я поняла, что ещё могу это делать. Я открыла глаза и так сильно испугалась, что снова закрыла их и ещё раз открыла. Надо мной парило не десять или двадцать световых шаров, а всего лишь один единственный, да и тот был не особенно ярким.

— Нет!

Я с недоверием смотрела на световой шар. Значит вся работа была напрасной? Но чего я ожидала? Неужели потратила столько много сил в бою с Энакином, что почти больше ничего не осталось?

— Лихорадка очень сильно ослабила тебя, — медленно сказал Адам. — Тебе потребуется ещё много времени, чтобы восстановиться.

— Лихорадка?

Я с изумлением уставилась на Адама. Я не могла вспомнить ни о какой лихорадке. Должно быть Энакин ранил меня сильнее, чем я думала.

— Нет ничего необычного в том, когда от магических травм поднимается температура. В сражениях с Морлемами меня часто ранили, поэтому мне знаком этот процесс исцеления. Думаю с опросом стоит подождать ещё несколько дней, пока ты действительно не будешь чувствовать себя лучше.

— Мне нужны мои заметки, — словно оглушённая сказала я.

— Заметки? — нахмурился Адам.

— Да, я сделала их по книги из Мантао. Я научилась, как защищаться. Там так же написано, как освободиться от самого волшебства. Я должна забрать её!

Я решительно поставила ноги на мягкую траву и услышала нежный звон. Потом встала. Хотя мои ноги ещё немного дрожали, но в остальном я чувствовала себя довольно хорошо. Травм я даже не заметила. Только мои бёдра выглядели тоньше, чем я помнила. Странно! Я разглядывала их в замешательстве. Лихорадка так сильно истощила меня?

— Сегодня ты уже никуда не пойдёшь, — решительно сказал Адам, поднялся и подошёл ко мне.

Я посмотрела на его наморщенный от недовольства лоб. В его глазах горела хорошо знакомая решительность. Сегодня Адам никуда меня не отпустит. Ах, да я, собственно, и не хотела никуда идти.

— Почему? — вздохнула я и снова опустилась на край кровати.

— Ты спала семь дней, и у тебя нет сил. Тебе ещё долго не стоит выходить. Он не получит возможности, повторить это ещё раз.

Я недоверчиво уставилась на Адама.

— Я спала семь дней?

— Да, именно. У тебя снова и снова поднималась температура, но твои раны зажили невероятно быстро, и иногда ты даже храпела, — он усмехнулся и обнял меня.

— Храпела? — я приподняла одну бровь вверх.

— Да, храпела, но твой храп был очаровательным и милым. Я так рад, что ты снова проснулась.

Глубокое беспокойство, звучащее в его словах, напомнило мне о том, как сильно меня ранил Энакин. И в этот раз не из-за того, что беспокоился, будто я могу выболтать его тайну. В конце концов он знал, как предотвратить это с помощью заклинания. Нет, в этот раз он атаковал меня, потому что не мог смириться с тем, что не получил желаемого.

— Давай начнём опрос, — сказала я с горькой решимостью.

Я не могла дождаться, когда наконец всё расскажу, и, если Адам действительно нашёл способ обойти заклинание, тогда я немедленно хотела это сделать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Нет! — сказал он и нежно провёл мне рукой по волосам. — На сегодня вполне достаточно того, что ты открыла глаза и проснулась.

— Но я хочу это сделать! — непоколебимо ответила я.

— Нет, я не собираюсь проводить нашу первую ночь, подвергая тебя мучительному допросу.

Внезапно я кое-что вспомнила.

— Ох, я совсем об этом забыла, — утомлённо сказала я, исследуя мою одежду.

Хотя Адам снял с меня свадебное платье, но лифчик ещё был на мне.

Я залезла в него и действительно, там всё ещё лежал маленький клочок бумаги.

— Это написала я, — возликовала я, и развернула маленькую записку.

Конечно она довольно сильно пострадала и была покрыта пятнами крови и грязью. Но большинство слов можно было разобрать, а это самое важное. Я протянула Адаму бумагу. Нахмурившись, он углубился в записку, пытаясь расшифровать написанные мною наспех слова.

— Антарктика? — удивлённо пробормотал он. — Здесь написано вербальное заклинание для двери. Очень хорошо. Не так много, но это начало.

— Задай мне еще вопросы, — попросила я. Я хотела все рассказать Адаму о том, почему Энакин заманил меня туда, но сжала губы, почувствовав, что мой взгляд стал в одно мгновение беспокойным.

Пока я судорожно раздумывала, как вернуть самообладание, спонтанная энергия вновь покинула меня.

Колени подогнулись и я опустилась на усыпанную цветами лужайку. Я вдруг ощутила ужасную усталость, но не только от нанесенных мне ранений и лихорадки, державшейся несколько дней. Нет, я почувствовала, что меня покидает напряжение последних недель.

В данный момент у меня не было сил бороться, встать и продолжить бороться.

— Думаю, я знаю, что тебе сейчас поможет.

Адам подошел, опустился на колени и поднял меня на руки. Даже не закричав, он встал и понес меня на край лужайки, где деревья были гуще и повсюду лежали большие камни. Он обошел один из камней, и к моему удивлению за ним оказалась не лужайка или папоротники, а несколько лестниц, ведущих к большей ёмкости из камня, наполненной горячей водой.

Адам осторожно опустил меня на землю и помог раздеться. С отрядным вздохом я окунулась в горячую воду.

Когда Адам сел на лавку на краю бассейна, я долго смотрела на него. В теплой воде мое тело расслабилось, и я укрепилась в своем решении.

— Лучше, если ты начнешь расспрашивать меня прямо сейчас, — осторожно сказала я, пропуская горячую воду сквозь пальцы.

— Ты еще не готова, давай перенесем это, — быстро ответил Адам.

— Я же просто должна отвечать на вопросы, — возразила я. — Я справлюсь. Кроме того, я наконец хочу поделиться с тобой тем, что произошло. Даже хорошо, что я слаба, потому что в случае чего, я не смогу слишком сильно ранить тебя.

— Хм, — задумчиво пробурчал Адам. Это был веский аргумент, я знала это.

— Ты уже подготовил какие-нибудь вопросы? — спросила я, чтобы осветить организаторскую сторону этого замысла.

— Конечно, — мрачно сказал Адам. — Я провел недели в снегу, пока ждал тебя. У меня было достаточно времени, чтобы придумать парочку искусно сформулированных вопросов.

— Просто попробуй, и мы увидим сработает ли это. Но я настаиваю на одном. Если я

стану опасной, ты должен будешь заморозить меня, — серьезно сказала я, показывая на воду.

Это была отличная идея, Адам не мог этого отрицать. Но его напряженное лицо выражало решительное «Нет».

— Если я еще раз раню тебя, то брошусь с тенненбоденского массива, — решительно сказала я, подумав, что немного драматизма подчеркнёт мою точку зрения.

— Самоубийство? — Адам подозрительно на меня посмотрел. — Ты действительно рассматриваешь этот вариант?

— Нет, — вздыхая ответила я. — Я люблю и дорожу жизнью. Просто так я не от неё не откажусь.

— Как же ты меня обрадовала. Ладно, мы попробуем, — ответил Адам после минуты размышлений, встал и засунул руки в карманы джинсов. Я чувствовала себя уже настолько хорошо, что заметила, как замечательно он в них выглядит.

— Ну тогда давай, — сказала я. — Я готова.

Адам ещё раз обошёл каменный бассейн, потом снова сел на скамейку и повернулся ко мне.

— Давай начнём с чего-то простого. Попробуй сказать имя своего сокурсника, о котором идёт речь, наоборот.

— Никанэ! — произнесла я, сама изумляясь, насколько легко всё получилось.

Облегчение в голосе Адама придало мне мужества, что заклинание Энакина имел пробелы, и мы сможем его как-нибудь обойти.

— Очень хорошо, а теперь я задам тебе вопросы, на которые ты должна ответить честно, ладно?

Я кивнула. Теперь начиналась игра в вопросы, и Адам сможет прочитать по моим ответам, что случилось. Конечно я понимала, что не смогу выступить с длинной речью или вдаваться в подробности. Не смогу произнести больше, чем парочку коротких ответов, а как только почувствую, что Адам находится в опасности, я, в любом случае, не скажу больше ни слова.

Теперь всё зависело от того, насколько умело Адам будет формулировать свои вопросы.

Он долго думал, прежде чем прокашляться и начать.

— Ты добровольно прошла через дверь?

— Какую дверь? — выпалила я, и по моему испуганному выражению Адам должно быть понял, что это предложение было не совсем моим. Демон внутри меня проснулся и следил за тем, какие слова могут покидать мои уста.

— Через дверь, ведущую в этот сад, — ответил Адам со страстной убеждённой и подмигнул мне.

Посмотрим можно ли обмануть демона маленькой игрой в ложь.

— Да, — ответила я, и слово вышло из моих уст легко и просто.

— Хорошо, значит из этого мы можем заключить, что ты можешь проходить через дверь свободно и по собственной воли.

— Безусловно, — сказала я и подумала о двери в Таинственный сад, чтобы успокоить демона. Но я знала, о чём говорит Адам. Теперь он знал вербальное заклинание, чтобы открыть дверь, а это значит, что мы могли приходить и уходить, когда захотим.

— Ты уже заходила в то место, куда ведёт дверь, используя другой путь?

Я с восхищением посмотрела на Адама. Очень умный вопрос, на который я, без проблем, могла ответить «Нет». В конце концов мы были только на поверхности, а не

глубоко подо льдом. Я кивнула ему ожидая следующий вопрос.

— Мы обыскали эту чёртову ледяную пустыню сверху до низу и ничего не нашли. Значит это скрытое место? — спросил Адам, и когда я кивнула, он удивлённо распахнул глаза.

— И...

Я хотела сказать, что место находится подо льдом, но когда мой голос затих, а руки поднялись вверх, без того, чтобы я управляла ими, я поняла, что сделала ошибку. Мой внутренний демон прекрасно понял, что Адам узнал его секрет, а всех, кто знает секрет, он должен убить. Мои руки взлетели вверх, но демон, казалось, был очень примитивным, вместо того, чтобы использовать воду в качестве оружия, я только почувствовала, как направилась в сторону Адама, не отрывая глаз от его горла.

Внезапно я почувствовала ледяной холод и вскрикнула от испуга. Я больше не могла сдвинуться с места, только ещё мои руки махали беспомощно над головой.

— Чёрт, как же холодно, — выдохнула я. Адам действительно заморозил меня во льду.

— Кажется испуг работает, кроме того, я не хочу рисковать, чтобы ты действительно бросилась с тенненбодевского массива, — Адам разглядывал меня с тревогой. — Ты ещё чувствуешь потребность меня убить?

— Нет! — дрожь сказала я правду. — Давай уже, размораживай меня! — потребовала я и начала сама превращать лёд вокруг в тёплую воду. Но мои силы были просто смешными. Было сложно даже растопить лёд в воду поблизости, не говоря уже о том, чтобы довести её до приятной температуры.

Адам поднял руки, и я наблюдала, как лёд топится, и я снова могла двигаться. Потом Адам повысил температуру, и я со вздохом поплыла на прежнее место.

— Хорошая идея с замораживанием, шок полностью отвлекает тебя от моего вопроса, — задумчиво сказал Адам. — Давай продолжим! Я бы с удовольствием дал тебе Ячечных лесных червей или Скрипыша, чтобы ты могла подкрепиться, но этот сад, к сожалению, производит только немагическую еду.

— Все в порядке, — ответила я, наслаждаясь ощущением тепла в теле. — Если уж на то пошло, то я бы предпочла несколько ягодок бузины, они намного действеннее.

— Правда?

Адам снова сел на лавку, не особо раздумывая над моими ботаническими предложениями. Видимо он уже обдумывал следующий вопрос.

— Во время нашего путешествия летом, — начал он. — Предположим, если бы мы остались еще на пару недель, думаешь, нам удалось бы найти что-то другое, кроме того, что мы нашли.

— Нет, — сразу же ответила я на его запутанный вопрос.

— Значит это место спрятано с помощью заклинания, — рассуждал вслух Адам. — Или находится под поверхностью.

Он внимательно наблюдал за мной пока говорил, и когда я попыталась кивнуть, чтобы подтвердить второй вариант его слов, я опять с поднятыми руками бросилась к горлу Адама.

Не успела я сдвинуться даже на метр, как уже снова застряла во льду. Физический шок был таким же как раньше, видимо к такой резкой перемене от тепла к холоду невозможно привыкнуть. Я испуганно вскрикнула и тут же забыла, что хотела задушить Адама.

— Может прекратим? — спросил Адам, разморозив меня.

— Нет, — решительно сказала я. Этот путь был труден, но он вел нас дальше и это было

единственное, что имело значение.

— Следующий вопрос! — потребовала я и стиснула зубы, чтобы они перестали стучать.

— Сельма, ты уверена? Я не буду тебя мучать.

— Ты меня не мучаешь. Просто вода холодная, — успокоила я его, хотя мне было трудно говорить. Я пристально посмотрела на Адама. — Ты должен это сделать, иначе мы не продвинемся дальше. Еще раз. Как только ты все узнаешь, мы закончим.

— Ты точно уверена? — повторил он свой вопрос?

— Да, уверена, — решительно сказала я. — И не говори, что тебя не удивило то, что ты до сих пор узнал, а это только начало. Спрашивай дальше!

Адам кивнул и задал следующий вопрос. Потребовались часы, потому что Адам задавал всё более подробные и искусные вопросы и постепенно подбирался к правде.

Мой смертоносный инстинкт пробуждался безошибочно, как только Адам попадал в точку, и он использовал этот рефлекс, чтобы окончательно доказать свои догадки. Несмотря на то, что ему давалось это тяжело, ему всё же пришлось ещё шесть раз заморозить меня, пока мы наконец продвинулись достаточно, чтобы исследовать значение испачканного кровью, белого платья.

— Значит это действительно было свадебное платье, — Адам выпалил это слово с отвращением. — Если он ещё раз попадётся мне на глаза, я задушу его собственноручно.

— Лучше этого не делать, — дрожа сказала я.

Горячей воде требовалось всё больше времени, чтобы вновь согреть меня.

— Я знаю, из-за его отряда охраны, — отмахнулся Адам. — Я придумаю что-нибудь получше.

— Кроме того, я хочу продолжить искать маму, да и дело о граале патрициев ещё не завершено. Ты можешь задушить его, как только мы с этим покончим, — предложила я. — И ещё кое-что, ты знал, что мой дедушка и Томас Арпади пропали примерно в одно и то же время?

— В самом деле! — рассеянно сказал Адам.

Я прекрасно знала, что он размышляет не над этими неувязками, а о том, как при следующей удобном случае отплатить Энакину за то, что тот причинил ему.

— Свадьба! — снова пренебрежительно пробормотал он, и мне стало ясно, что он больше не может сосредоточиться на опросе.

Но с меня и правда было достаточно. Я устала и обессилила, и всё же чувствовала облегчение и свободу. Хотя это и было утомительно, но Адаму удалось обойти заклинание и постепенно попытаться до истины. Я даже смогла сообщить ему об Анне, её семье и начавшейся революции.

— Ты устала, — тихо сказал Адам, он внезапно оказался очень близко. Я зевала и совсем не заметила, когда он разделся и спустился ко мне в воду. — Невероятно, что тебе пришлось пережить. Мне так жаль, что меня не было рядом.

— Ты теперь рядом, и ты не мог знать, что он задумал.

— Если бы не было этих проклятых классовых различий, то этого никогда бы не случилось. Тогда после лекции мы пошли бы вместе домой, и я никогда бы не допустил, чтобы ты исчезла в руине.

— Верно, но если бы всего этого не было, то и я, даже близко, не была бы ему так интересна, — согласилась я с Адамом. — Но там, где мы живём, эти различия всё же есть.

— Нам не обязательно там жить, — напомнил мне Адам.

— Ты знаешь моё мнение, и оно не изменилось.

Я со вздохом закрыла глаза, когда он притянул меня к себе на колени.

— Даже воинственно-настроенный, высокопоставленный аристократ, который посягает на твою жизнь, потому что ты отказалась выйти за него замуж, не может привести тебя в чувство?

Я почувствовала, что моя рука беспокойно задёргалась.

— Будь осторожней с тем, что говоришь, — напомнила я Адаму и быстро уплыла на другую сторону бассейна.

— Извини, — вздохнул он. — Только то, что я узнал, действительно очень сложно вынести, — он страдальчески застонал, закрыл глаза и провёл рукой по лбу.

— Я знаю, — ответила я. — Но на данный момент он больше не может навредить. Я вполне уверена, что сейчас у него совсем другие проблемы, — я снова зевнула.

— Да у тебя глаза слипаются, — заметил Адам и снова подошёл ко мне. — Тебе обязательно нужно отдохнуть. Пока тебе не станет лучше, больше не будем говорить об этом.

— Это хорошая идея, — пробормотала я.

Напряжение, которое в последние часы не давало мне заснуть, внезапно покинуло меня. Язык стал тяжёлым, веки невозможно было держать открытыми.

Горячая вода тоже не способствовала тому, чтобы оставаться бодрой. Но мне так сильно хотелось не засыпать ещё какое-то время. Было так замечательно ощущать Адама рядом. Темнота ушла, а с ней отступило и мучительное одиночество. Я не хотела снова терять утешительное чувство близости Адама, никогда больше.

— Я отнесу тебя снова в постель.

Голос Адама звучал уже далеко, когда он взял меня на руки и вынес из воды. Потом я ещё почувствовала мягкое полотенце, в которое он завернул меня, а затем, как он кладёт меня на мягкую кровать. А потом я уже спала.

Возвращение

Тяжёлые шаги загремели по белоснежной аллее, они направлялись ко мне. Я хотела убежать, потому что ничего хорошего они не предвещали. Это я моментально поняла, чем ближе они подходили и чем громче становился барабанный звук их сапог в моих ушах. Красные униформы сидели идеально, а гнев, читающийся в их одинаковых глазах, метал искры.

Они пришли ради меня, хотели наказать. В их бесстрастных лицах я видела только желание мести. Энакин шел впереди, рядом с ним отец, а сзади, плечом к плечу, шли Морфей и 30 человек его охраны.

Мне оставалось только бегство, но, когда я захотела обернуться и убежать, я заметила, что ноги примерзли к полу. Лед медленно поднимался по ногам, и как бы я не двигалась и не тянула, я не могла сдвинуться с места. В панике я пыталась растопить лед руками, но моя магическая сила совершенно иссякла. Я потеряла даже само ощущение этой силы. Они были уже в нескольких метрах от меня, и я начала кричать, когда Энакин протянул ко мне руку. Я кричала что было сил, все громче и громче.

— Сельма!

Кто-то схватил меня за плечи и начал трясти. Я распахнула глаза, все еще продолжая кричать.

— Это просто сон, успокойся!

Утешающий голос Адама вернул меня в реальность, но я все еще испытывала страх, ощущая ледяной холод в пальцах рук и ногах.

— Снова тот же сон? — спросил Адам, и чтобы согреть, притянул меня к себе. Он знал, что нужно делать. Кошмар быстро испарялся, когда он просто обнимал меня, и я каждой клеточкой своего тела могла ощутить, что это был просто сон.

Этот кошмар снился мне каждую ночь, с тех пор как я вернулась из Антарктики. Снилось всегда одно и то же, хотя я точно знала, что Энакин больше не может причинить мне вред. Арпади потеряли свою власть в Антарктике и даже грааль патрициев ничего не смог изменить.

Я пыталась думать только о том, что было в последнее время и постепенно ужасы ночи окончательно исчезли, и на моих губах появилась улыбка.

Солнечные, ясные дни в Таинственном Саду пролетели, как прекрасный сон. Нам нужно было столько всего наверстать, ведь мы уже долгое время не были вместе.

Я спала в объятиях Адама, питалась вкусными блюдами, которые приходили и исчезали по нашему желанию. И мне действительно удалось расслабиться и успокоиться, не считая ночей. Каждую ночь кошмары возвращали меня к моим глубинным страхам, а самое ужасное заключалось в том, что я не могла рассказать о них.

На мне все еще лежало проклятье, а Адам навряд ли согласится еще раз задавать мне вопросы.

Я не знала точно, сколько прошло времени, но однажды мной овладело необъяснимое беспокойство. Продолжительный сон и хорошая еда сделали свое дело, и я стала чувствовать себя бодро, пополнила запасы энергии и уже была готова взяться за дела. С каждым новым утром, которое мы встречали вдвоем, это становилось все более очевидным.

— Я вернусь назад, — сказала я, отогревшись в объятиях Адама. — Наверняка скоро

начнутся лекции в Теннебоде.

— У тебя удивительное ощущение времени, — пробурчал Адам, крепко обхватив меня за талию.

— Почему?

Я положила руку ему на голову, которая теперь лежала у меня на животе.

— Семестр начинается завтра.

— Что, уже апрель? — испуганно спросила я.

— Мы останемся здесь, — сказал Адам.

Казалось он даже не заметил, как меня напугало количество потерянного времени. С тех пор, как я покинула Шенефельде, прошло уже больше трех месяцев.

— Если он вообще появится в Теннебоде, Никанэ не посмеет выволочь меня из университета перед глазами профессоров. Кроме того, я не верю, что он когда-нибудь снова появится в Теннебоде. Я хочу вернуться к занятиям. Уже достаточно плохо то, что я пропустила экзамены. Надеюсь, что смогу наверстать их. Не говоря уже о всех пропущенных лекциях. Да и к тренировкам я тоже хочу вернуться. Я не в коем случае не могу пропустить соревнования драконов, — я с нетерпением уставилась на Адама.

— Мы не уйдём отсюда, — настаивал он.

Его лоб оставался напряжённым, а голос звучал строго.

— Ты знаешь, что мы пропустили крайний срок сдачи заявления о намерении вступить в брак? — он поднял голову и с укоризной посмотрел на меня. — Между тем нам уже назначили партнёра, и я не думаю, что хочу увидеть это своими глазами.

Когда я увидела морщинку на его лбу, я снова вспомнила, как сильно Адам ненавидел это и как отчаянно искал выход.

— Заявление о намерении вступить в брак — это ещё не свадьба, — ответила я, пытаюсь приуменьшить значение этого документа. — Это только кусок бумаги, который не имеет значения. Если нам не удастся решить эту проблему до заключения брака, тогда мы исчезнем, — сразу же заверила я. — Давай вернёмся. Ты забыл, что мы хотели поговорить с Виллибальдом Вернером? Кроме того, я скучаю и хочу увидеть моих друзей, — я посмотрела на Адама, широко раскрыв глаза.

— Виллибальд Вернер не захочет с тобой говорить. Я видел его на зимнем балу. Его личная охрана везде, и не подпускает к нему даже патрициев. Это тупик.

— Правда? Ты пытался поговорить с ним? — я разглядывала Адама, который сел и повернулся, спустив ноги с кровати.

— Нет, — признался он. — В этот вечер у меня были другие заботы.

— А что с книгой из Мантао? Ты должен прочитать мои заметки, а потом мы могли бы вместе тренироваться. Если мы будем достаточно сильными, тогда никто не сможет причинить нам вред, и что-то подобное никогда больше с нами не случиться.

— Я не знаю, — нерешительно ответил Адам.

Я увидела, как в его глазах вспыхнуло любопытство. Я подробно рассказала ему о том, что прочитала, и его привлекала мысль о том, чтобы улучшить свои силы и способности.

— Мы не можем прятаться здесь всегда, — сказала я, пододвинулась к нему и нежно погладила по щеке. — Я твёрдо верю в то, что родилась не только для того, чтобы находиться здесь. Я пришла в мир, чтобы что-то изменить, и иногда нужно просто прыгнуть в неизвестность, даже если нет страховочной сетки и двойного пола. Кроме того, сны будут и дальше мучить меня, если я не начну предпринимать что-то против моих страхов.

— Страхи не смогут тебя убить, а вот Энакин сможет, а спрятаться ещё как можно на всю жизнь, — серьёзно ответил Адам. — Я уже один раз предлагал тебе остаться здесь, и предлагаю вновь.

— А что с Лианой и Лоренцем и с Ширли и твоей семьёй? Ты никогда не захочешь увидеть их снова?

Адам колебался.

— Если я смогу взамен защитить твою жизнь, тогда я откажусь от них, — в конце концов сказал он. — Иногда нужно чем-то жертвовать.

— Ты серьёзно хочешь позволить Никанэ победить?

— Нет, конечно нет, — резко ответил он и встал. — Я не дам запугать себя такому пижону. Если бы речь шла только обо мне, я бы наточил оружие и начал компанию кровавой мести, какую ещё не видел Объединённый Магический Союз.

Я увидела строгую линию, которую образовывали его брови, и эта резкость чувствовалась во всех чертах, особенно вокруг рта. Его пальцы нетерпеливо барабанили по бедру, пока он ходил туда-сюда, и каждый его твёрдый шаг вызывал тихий звон.

Казалось, он даже не замечает нежную гармонию, звучащую под его ногами, так сильно он сосредоточился на мысли о мести.

— Но речь не обо мне, — в конце концов сказал он. — Я уже однажды допустил ошибку, полагая, что всё будет в порядке. В результате ты ускользнула от меня. Эту ошибку я не совершу во второй раз. Важна только ты и твоя безопасность. Мне нельзя упускать это из виду.

— Я уже однажды дала отпор Никанэ и сделаю это вновь, — мрачно сказала я. — Нам нужно вернуться. Почему мы должны позволить такому, как он запугать нас и прогнать? Это не наш стиль. Послушание, смирение, дисциплина, моя жизнь на службе Чёрной гвардии! — напоминала я ему девиз, который сопровождал его до сих пор. В нём ничего не говорилось о том, что можно сдаться или спрятаться. — А что с адмиралом? Ты не думаешь, что он тебя хватится?

— Сельма, — хрипло прорычал Адам. Уголки его глаз начали дёргаться, и я видела, что он кое-как сдерживается. — Я соглашусь только при одном условии, — в конце концов сказал он. — Пообещай мне, что ты сосредоточишь все свои усилия на том, чтобы избавиться от проклятия.

— Обещаю, — сразу ответила я.

— Ты останешься в Шёнефельде. И не будешь больше приближаться к руинам Арпади.

— Согласна, — улыбнулась я. Я легко смогла пойти на эту уступку, потому что в данный момент меня ничто не тянуло обратно в Антарктику. — Но есть одно обещание, которое должен дать мне ты.

— Какое? — спросил Адам со скептическим выражением лица.

— Больше никаких сомнений, никогда. Я люблю тебя и никого другого.

— Обещаю, — сказал Адам, закрепив обещание длинным поцелуем.

Когда мы вечером отправились в Шенефельде, окровавленное свадебное платье я оставила в Таинственном саду. Я в последний раз бросила взгляд на идиллию, которую собралась покинуть, чтобы снова вернуться к реалиям моей жизни. Но я не ощущала тоски, потому что знала, что могу вернуться сюда в любой момент.

Во мне пылала лишь дикая решительность побороть страх, который каждую ночь я испытывала в кошмарах. Мы заперли дверь ключом в форме сердечка и спустились по

лестнице на темный этаж ветхого дома номер 13 в Глиняном переулке. Возле двери мы ненадолго остановились. Адам был так близко, что я чувствовала на виске его горячее дыхание.

— Я пойду первым. Мы полетим к дому твоей бабушки. Так будет безопаснее. Как только я буду в воздухе, ты подождешь две минуты, затем последуешь за мной. До скорого.

Он чмокнул меня в щеку и исчез.

Я терпеливо выждала время и когда Адам не вернулся, я решила, что опасности нет.

Тогда я последовала за ним на улицу. Снег давно растаял, и воздух пах влажной землёй и приближающейся весной.

Улица была так плохо освещена, что я никого не видела, поэтому предположила, что и меня никто не увидит. Всё же осторожность казалась мне преувеличенной. Кто вообще захочет околачиваться в этом заброшенном переулке? По крайней мере Энакин будет обходить его за километр, потому что переулок не достоин его происхождения.

Я закрыла глаза и расправила крылья. Знакомое, тяжёлое ощущение крыльев успокоило меня, и я, тихо зашуршав, поднялась в воздух. Пока я летала над крышами Шёнефельде, чарующая атмосфера Таинственного сада постепенно покидала меня. Было полезно какое-то время ощутить холодный воздух на щеках. Я упорядочила мысли, дала им новое направление к целям, которые собиралась добиться и когда приземлилась в тёмном Каменном переулке, я уже точно знала, что делать дальше.

В доме моей бабушки всё было тихо. Казалось сюда никто не приходил, потому что, когда я зашла в коридор, всё выглядело так, как я покинула на Рождество. Я прошла в кухню и запустила Адама через заднюю дверь.

— Знаешь, чего я действительно хочу? — спросила я, вздыхая, когда он зашёл и запер за собой дверь. Потом закрыл её занавеской и только после этого я включила свет.

— Понятия не имею! — он бросил взгляд в коридор. — Шоколада? Горячую ванну? Уютный вечер перед телевизором? Что-нибудь, позволяющее забыть, что на самом деле ожидает нас там снаружи; то есть точнее говоря тебя. Если бы я только знал, почему он выбрал именно тебя? Почему он просто не мог выбрать Скару Энде? Она безусловно с удовольствием согласилась бы, позволив короновать себя в новую королеву.

— Скорее всего, — вздохнула я. — Но нет, я не это имела в виду.

Адам подошёл ко мне, в то время как я всё ещё нерешительно стояла на кухне.

— Я буду рад, если у тебя есть желание, которое я смогу выполнить. Потому что существует столько много желаний, которые я разделяю с тобой и которые с удовольствием выполнил бы, но просто не в моих силах осуществить их.

Я снова вздохнула.

— Я хочу, чтобы мы, по крайней мере на протяжении короткого времени, могли вести себя как обычная пара, и чтобы стражи морали Объединённого Магического Союза не забили сразу тревогу.

Адам обнял меня.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно я хочу того же самого.

— Поэтому ты согласился вернуться в Шёнефельде?

Мне было интересно, какие мои аргументы в конце концов убедили его отказаться от своих сомнений.

— Нет, — сказал Адам. — Не поэтому. Я согласился с тобой, потому что ты права. Всё очень просто. Прятаться — это не твой и не мой стиль, и мы ничего таким образом не

добьёмся.

— Признай, что ты беспокоился, что в какой-то момент мы всё-таки начали бы скучать, — подразнила я.

— Я так не думаю, — он смело мне ухмыльнулся, и я догадалась, о чём он думает и почувствовала, как мои щёки краснеют. — Но это не та жизнь, которую я желаю для себя. Конечно я хочу быть с тобой вместе навсегда, но также встречаться с братьями и друзьями. Я не хочу подводить моих товарищей в Чёрной гвардии и думаю, что тебе тоже нужны подруги или даже Лоренц, — его лицо скривилось в невольную улыбку. — Моя учёба важна для меня, а осенью начнётся специализация, тогда я не смогу постоянно отсутствовать. Магический мир большой и полон чудес, и мы только начали открывать его вместе.

— Я рада, что ты так об этом думаешь, — с облегчением сказала я.

— Ты всегда будешь самой важной частью моей жизни, — настоятельно сказал он. — Но насыщенная жизнь включает в себя гораздо больше, и я не хочу лишать тебя её.

— Именно этого я желаю и для тебя тоже; жизнь без ограничений, включающую в себя все возможности, — сказала я, потому что как раз об этом размышляла во время полёта.

— Хорошо, тогда давай продолжим воплощать нашу мечту в жизнь, — ответил он.

— Так же, как делали до сих пор. Давай спустимся в подвал и возьмём записи, а потом раздобудем грааль патрициев и уничтожим его, согласен?

— Согласен, — ответил он. Он подошёл очень близко, и я почувствовала тепло его кожи на моей. — Хотя сегодня ночью мне хочется совсем другого.

Он преодолел последний сантиметр, отделяющий нас друг от друга и обхватил руками мою талию. Потом наклонился и нежно поцеловал в шею. Возбуждение, последовавшее за его поцелуями, действительно отвлекло меня.

— Мы должны быть готовыми, потому что не знаем, что ожидает нас завтра утром в Тенненбодде, — вставила я, но моим словам не хватало твёрдости.

— В Тенненбодде никто не посмеет напасть на тебя. Нужно будет хорошо следить за теми моментами, когда ты будешь одна или находится далеко от общественных мест. Тогда кто-то всегда должен быть рядом и если понадобится, позвать на помощь, пока твои способности коммуницировать ограничены, — пробормотал Адам, в то время, как его губы всё ближе приближались к моим. Адам ещё крепче прижал меня к себе, и я почувствовала повсюду тепло его тела.

— Хорошая идея, — ответила я, отвлекшись на его прикосновения. — Может будет достаточно, если мы начнем завтра утром, — прошептала я, чувствуя его руки, скользящие по моей спине.

— Я тоже так считаю, — пробормотал он, погрузив руки в мои волосы. — Уже почти полночь, нам надо прилечь.

Он нежно поцеловал меня и когда его губы коснулись моих, я забыла, о чем хотела сказать. Возбуждение охватило мое тело, я хотела прижаться к нему так близко, как только возможно. В связи с моим подорванным здоровьем, у нас до сих пор не было интима. Но в данный момент я чувствовала себя сильной и чем ближе находилась к нему, тем сильнее ощущала внутри эту силу и оживление.

Я потянула его за собой в комнату, задернула шторы и зажгла две свечи, которые стояли на моем письменном столе.

Когда я снова повернулась к Адаму, я увидела, как пылают его глаза, это пламя делало его взгляд ещё темнее. Моё сердце пустилось вскачь, когда он сделал несколько быстрых

шагов в мою сторону и обхватил моё лицо руками. Покалывание на коже было таким интенсивным, что мне сложно было поверить в то, что прошло уже больше года с момента нашего первого поцелуя.

Чувство было таким чарующим и интенсивным, как будто он в первый раз прикасался ко мне. Может дело просто в том, что мы никогда не знали, что принесёт следующий день. Каждый день и каждая ночь могли быть последними, и чем яснее нам это становилось, тем интенсивнее мы наслаждались небольшими островками покоя, что нам оставались.

Когда поцелуи Адама стали ещё более неистовыми, моё возбуждение возросло. Я чувствовала, как его губы крепко прижимаются к моим. Сегодня ночью только это важно, ничего более. Я нетерпеливо стащила с него футболку через голову и прижалась к его сильной груди. Тёплая кожа под моими пальцами была мягкой, и когда я прислонилась к ней, вдохнув чарующий аромат Адама, мне показалась, что я попала на седьмое небо.

Адам потянул меня к кровати, и пламя свечей сразу же вспыхнуло, что я приняла к сведению с весёлой усмешкой. Я сняла футболку и когда легла на Адама, а его рука провела вверх по моей голой спине, мне показалось, что воздух наполнился яркими искрами.

— Я люблю тебя, — выдохнул Адам и посмотрел мне в глаза. — Ты самое лучшее, что со мной когда-либо происходило. Ты делаешь меня таким счастливым, что я не переживу, если с тобой что-то случится.

— Не думай об этом, — пробормотала я, лаская его. В свете свечей его кожа переливалась тёплым светом. — А если со мной что-то случится, то когда-нибудь мы снова встретимся на другой стороне.

— Ты действительно думаешь, что все души попадают в царство грёз?

Он убрал прядь рыжих волос у меня со лба и заправил за ухо.

— Да, — уверенно ответила я — Я в это верю. Не может всё просто закончиться. Во мне столько много всего, что я чувствую, и я возьму эти чувства с собой. Обещаю.

— Даже если мы не знаем, что происходит после, я всё же надеюсь, что ты права. Я хочу, чтобы ты навеки была рядом, понимаешь, навеки! — он серьёзно посмотрел мне в глаза.

— Магам не дано бессмертие, — напомнила я, опускаясь в его объятьях рядом с ним на кровать, так близко, что между нами не оставалось даже воздуха, и я чувствовала тепло его кожи на моей. — Мы никогда не живём дольше обычных людей.

— Я знаю, — вздохнул он. — Но я буду доволен, если наши души снова встретятся в Виннле, и мы навеки будем там вместе.

— Я буду там, — ответила я, улыбаясь, и всё же этот момент был таким серьёзным, что глаза наполнились слезами.

Смерть в какой-то момент разлучит нас, и действительно ли наши души найдут друг друга в Виннле, за это я не могла ручаться головой.

— Я люблю тебя, — хрипло сказала я. И всё же этих слов было недостаточно, чтобы описать то, что горело во мне.

Адам поцеловал меня нежно и осторожно.

— Каждый вздох, который я делаю, только для тебя, каждый удар сердца предназначен тебе и когда меня больше не будет, я всё же буду тебя любить, потому что моя любовь сильнее смерти.

Из уголка моего глаза отделилась одна единственная слезинка. Но прежде чем она успела скатиться по щеке, Адам уже нежно вытер её.

Я легкомысленно говорила о смерти и всегда соглашаясь, принимая её в расчёт. Но даже если мы не хотели признавать этого, смерть когда-нибудь разлучит нас, и эта мысль была такой тёмной, что я едва могла её вынести.

Я закрыла глаза и поцеловала Адама, а когда он настойчиво ответил на мой поцелуй, я решила сегодня ночью больше не думать.

Когда следующим утром я вошла в восточный зал, меня охватило напряжение. Мы мало спали прошлой ночью, и даже если теперь я чувствовала себя усталой, я не жалела ни секунды. Я не ожидала встретить Энакина и всё же была готова столкнуться с ним, если он вдруг появится здесь, в Тенненбоде. У меня была поддержка, и я была уверена, что он ничего не сможет мне сделать, пока мы с Адама держимся вместе и работаем против него.

Мой взгляд блуждал по толпе, и не один раз я подумала, что узнала его красную униформу. Но это был всего лишь красный пуловер или тёмная сумка, напугавшие меня до смерти.

Неприятное чувство всё ещё сопровождало меня, когда я наконец увидела стол, за которым уже сидели и завтракали Лоренц, Лиана и Ширли. Меня раздражало, что мы не могли поговорить о том, что случилось в прошедшие месяцы. Адам рассказал моим друзьям самые важные детали и обратил внимание на опасность, исходящую от меня. Теперь он отправился на встречу с Торинном, чтобы посвятить его в подробности, которые узнал от меня.

— Доброе утро, — сказала я и опустилась на свободный стул рядом с Лоренцем.

Но в этот момент радость была сильнее, вытеснившая беспокойство из-за того, что я могу представлять опасность для моих друзей.

Я с трудом верила, что действительно нахожусь здесь, сижу за завтраком в Тенненбоде, а не провожу остаток дней в замерзшей Антарктике.

— Доброе утро, милая, — лучезарно улыбаясь, сказал Лоренц. Я была так рада видеть его, что даже обняла.

— Мне тоже тебя не хватало, — сказал он, погладив мои волосы. Немного отстранившись, он испытующе посмотрел на меня. — Ты выглядишь такой расслабленной, каким я себя не чувствовал уже целую вечность. Трудно поверить, что все это действительно произошло, но думаю Адам не стал бы выдумывать сумасшедшие истории. Я так рад, что ты вернулась целой и невредимой.

— Это верно, — просто сказала я, не вдаваясь в подробности.

— Ну, в любом случае я не чувствую себя даже наполовину таким отдохнувшим, как ты выглядишь. Амор меня недолюбливает, — он вздохнул, а я скользнула на своё место и налила себе чашку чаю. — Даже на каникулах в Берлине мне не повезло, хотя я не пропустил ни одной вечеринки. Все хорошие партии уже разобрали. Какая досада, — жаловался Лоренц. — Я как цветок, в самом расцвете сил и засыхаю, потому что ни один принц не смилостивится и не сорвет меня.

— Все еще наладится, — утешила я Лоренца и только сейчас заметила пронзительный взгляд Лианы.

— Прости за то, что я сказала.

Я посмотрела ей прямо в глаза и когда ее взгляд задрожал, я поняла, что она догадалась, что я имею в виду.

— Ничего, не нужно сожалений, — серьезно ответила Лиана.

Она показалась мне какой-то зрелой, рассудительной и это было странно. Лиана была

моей самой лучшей, самой заботливой и хаотичной подругой. Однако от сумасбродного кудряша с заразительно хорошим настроением не осталось и следа.

— Единственное, о чем ты должна сожалеть, так это о том, что не сказала мне раньше, что у меня есть сестра или когда-то была.

Взгляд Лианы был по-прежнему серьезен и теперь я поняла, что она это сделала. Съела цветок и оживила забытые при помощи Клубневых ягод воспоминания.

— Я хотела это сделать, правда, но знала, что это круто изменит твою жизнь. Я все ждала подходящего момента, чтобы рассказать тебе. Прости, что меня не было рядом. Я столько всего пропустила за последние три месяца.

— Ну, не так уж и много, — Лиана беспокойно вертела в руках кружку с травяным чаем.

— Будь с ней помягче — попросил Лоренц, вытащив из-под стола небольшой термос. — Ты же говорила, что у тебя и так уже были подозрения.

Оглядевшись, он налил себе в чашку содержимое термоса.

Кто не угадал по цвету, что это был кофе, теперь мог догадаться по запаху, который начал распространяться вокруг Лоренца. Не обращая ни на кого внимания, Лоренц вытащил маленький пакетик из кармана и посыпал кофе голубой травой.

— Ты уже догадывалась? — переспросила я, с интересом наблюдая за Лоренцом.

Голубая трава источала отвратительный запах коровьего навоза, резко перебившего запах кофе.

— Я увидела имя Мира Гольдманн, когда мы в первый раз проследили за Парэльсусом, и уже тогда у меня возникли подозрения. Но я постоянно искала отговорки, вроде тех, что фамилия Гольдманн наверняка распространена в Объединенном Магическом Союзе и речь идет о другой семье. Я и представить не могла, что родители стали бы скрывать от меня такое. Честно говоря, я всегда отгоняла от себя мысли, что это могло быть правдой. Часто подумывала, не съесть ли цветки, но всё же не ела. Мне просто не хотелось в это верить.

— Мне жаль.

Я протянула руку через стол и накрыла руку Лианы. По крайней мере это объясняло ее повышенную активность в последние полгода.

— Ты разговаривала с родителями?

— Еще лучше, — улыбнулась Ширли, насыпав в тарелку мюсли. — Она съехала.

— Что?

Я удивленно посмотрела на Лиану. И это называется, я не много пропустила. Впечатляющие новости.

— Ты должна все мне рассказать!

— Да нечего рассказывать, — успокоила Лиана. — Я призвала родителей к ответу и потребовала, чтобы они объяснили мне, почему решили забыть Миру. Потому что в моих глазах это выглядит именно так.

— Наверняка твоим родителям было не просто, это тяжелый удар судьбы, — указала я. Моя бабушка тоже выбрала забвение вместо борьбы. — Может им просто нужно время, чтобы привыкнуть к новой ситуации.

— Да сколько угодно, но и мне самой тоже нужно время. Это хорошо, что мы пока не будем встречаться. Всё было бы по-другому, если бы они открылись и сделали шаг в мою сторону, но я думаю, им понравилось бы больше, если бы они могли опять подсыпать мне в чай парочку Клубневых ягод. Они действительно не хотели, чтобы я узнала о сестре.

— И поэтому ты сразу съехала? — задумчиво спросила я.

Я хорошо понимала Лиану. Возможно на ее месте я поступила бы также.

— Их позиция сводит меня с ума. Они сосредоточились лишь на том, чтобы оберегать меня и при этом совершенно забыли, что мне уже скоро исполнится двадцать и я больше не хочу, чтобы меня оберегали. Как будто винят себя в том, что Мира исчезла, и хотят восполнить свою ошибку на мне. Они просто не понимают, что у меня своя голова на плечах. Они даже не захотели узнать, кто за всем этим стоит.

— Но это действительно очень опасная правда, — указала я. — У нас нет ничего в руках, что доказало бы наше предположение, и пока Бальтазар остаётся где-то в тени, а палата сенаторов по-видимому танцует под его дудку, здесь тоже ничего не изменится. А как, собственно, прошёл зимний бал?

— Это был полнейший провал, — выпалила Ширли. — Мы всё подготовили, но после того, как Адам и ты одновременно исчезли, нам конечно, больше не подвернулось случая попасть в бальный зал.

— Хватит тебе гнать, — простонал Лоренц. — Идея Ширли была гениальной, но с её реализацией мы колоссально провалились. У Дульсы не было для нас времени, а сами мы не смогли создать заклинание, которое может читать вслух. Адам исчез и не хотел идти на этот бал, а потом, по-видимому, всё-таки появился там. Он ничего не рассказывает об этом, но я от кого-то слышал сплетню о довольно неприятной драке. Но потом мне показалось это таким странным, что я больше не буду доверять слухам.

— Слухи верны, — сказала я, не вдаваясь в подробности. — А каким будет следующее большое социальное мероприятие?

— Он подрался? — Лоренц удивлённо на меня уставился, но, когда я покачала головой, чтобы как-то сигнализировать ему, что не могу говорить сейчас о деталях, он сразу понял.

— Всё ясно! — сказал он, распахнув глаза. — Следующее социальное событие? Дай подумать! Это соревнование драконов. Однако для него будет сложно планировать, потому что об этом мероприятии до сих пор почти нет никаких деталей.

— Вот как, — сказала я.

— Но не только мы виноваты в том, что наша идея не сработала, — добавила Ширли.

— Верно, — подтвердил Лоренц. — Ведь ещё появился этот Красный мститель. Тот тип, что испортил всю вечеринку. Скорее всего наша операция затерялась бы на фоне его действий.

— А что с заявлением о намерении вступить в брак? — мрачно спросила я.

— Ещё не пришла, — ухмыльнулась Ширли, и я с удивлением перевела на неё взгляд. — Фавны сделали свою работу.

— Видимо, не считая переезда Лианы, я действительно не так много пропустила, — с облегчением сказала я.

— Да, это действительно здорово, теперь мы живём вместе — мы девочки, — улыбаясь сказала Ширли.

— Вместе? Правда? — спросила я. — Ты тоже?

Лиана и Ширли кивнули.

— Да, мы переехали в квартиру над бабушкиным магазином на каникулах. Пауль так обрадовался, что у меня теперь собственная квартира, и нам больше не придётся встречаться у наших родителей. Он клеил обои. Без него мы не смогли бы организовать переезд так быстро.

— Ничего себе! Значит твои каникулы тоже были скорее неприятными? — я с

удивлением посмотрела на Ширли.

— Определённо! Такое ощущение, будто мои родители оградили свою голову огромной доской. Они снова завели старую шарманку о том, что я должна выйти за муж за какого-то там сноба, да побыстрее, но пусть даже не думают об этом. Ты понятия не имеешь, как хорошо я себя теперь чувствую. Мой отец рассвирепел, когда я заявила ему, что уйду. Я прямо-таки сбросила с плеч огромный груз, — Ширли удовлетворённо улыбнулась, и я могла себе представить, что ей понравилось наконец стать самостоятельной. — Я ещё и на работу устроилась.

— Ты могла бы найти и кое-что получше, — вставил Лоренц и с наслаждением выпил глоток кофе. И кажется ему вовсе не мешал неприятный запах, который распространялся всё больше и больше.

— И чем ты занимаешься? — спросила я. Найти работу в Шёнефельде было не так-то просто.

— Работаю официанткой по выходным в «Гостиной Шёнефельде», чтобы заработать деньги на аренду квартиры, — она улыбнулась так беззаботно, что напомнила мне девушку, какой была в школе, когда проводила время с парнями и носила дизайнерские шмотки.

— Это хорошие новости, — ответила я. — И прежде всего они восхитительно обычные.

— Кому вообще нужно что-то обычное? — вздохнул Лоренц и элегантно оттопырил мизинец, держа свою чашечку с кофе. — Ведь мы могли бы открыть свой салон. У неё есть для этого все задатки.

— Мы все ещё можем это сделать, — сказала Ширли. — Но мне для начала будет достаточно несколько часов по выходным подрабатывать официанткой.

— Я не против, но не потеряйся там среди мытья посуды и протирки столов. Я тебе этого никогда не прощу.

Лоренц сверкнул глазами на Ширли, после чего повернулся ко мне, пока она не запротестовала.

— Думаю, я тоже попробую что-нибудь новенькое! Хочу организовать парочку больших праздников. Мне кажется, это мое. Как прошли твои каникулы? — спросил он, сделав глоток кофе. Едва он произнес эти слова, как за столом мгновенно воцарилась тишина.

Лиана первой взяла себя в руки.

— Я же тебе говорила, не начинать этот разговор, если не хочешь получить вилкой в глаз.

Лоренц покраснел и недоверчиво посмотрел на меня.

— Извини, я забыл, — испуганно пробормотал он.

— Если хотите узнать подробности, спросите Адама, но ради бога не меня, — серьёзно сказала я.

— Хорошо, — пробормотал Лоренц и уставился на мои руки, как будто в любой момент ожидал, что я схвачусь за смертельное оружие.

Я не смогла сдержаться и сделала резкое движение, отчего Лоренц громко взвизгнул.

— Лиана права, это опасно, — хихикнула я, в то время как Лоренц схватился за сердце. — Кстати, остатки каникул я провела очень романтично, но тебе действительно не стоит задавать мне неверные вопросы. Хотя, как только станет опасно, я постараюсь как можно быстрее убежать, но ведь никогда не знаешь, что случится.

— Я постараюсь, — пыхтя уверил меня Лоренц и в этот момент до меня снова дошла волна запаха коровьего навоза.

— Что ты вообще делаешь, Лоренц? — голос Лианы был пронзительным. — Это омерзительно воняет. Если ты таким образом хотел перекрыть запах кофе, то тебе удалось.

— Я тоже не знаю, что пошло не так, — Лоренц замахал руками над синей травой, из-за чего запах стал ещё интенсивнее.

У Ширли началась рвотный рефлекс, и она вскочила на ноги.

— Я пойду уже вперёд, и никогда больше не приноси с собой это дерьмо!

— Да-да, — Лоренц начал соскребать синюю траву и попытался засунуть её назад в мешочек.

— Кобальтовая трава, я права? — спросил нежный голос.

Лоренц резко повернул голову, я тоже обернулась. Дульса стояла перед нами и с любопытством разглядывала синие пятна, которые Лоренц оставил на деревянном столе.

— Если ты хочешь использовать её в качестве нейтрализатора запаха, тогда её нужно сначала положить в воду. Только водный раствор убирает запах. А то, что ты сделал, просто убого воняет.

— Слушайся Дульсу, — захихикала Лиана. — Она обычно права, что касается таких вещей.

— Спасибо, — мрачно ответил Лоренц. — Я уже и сам заметил, что сделал что-то неправильно.

— Без проблем, — ответила Дульса, не обращая внимание на плохое настроение Лоренца. — Я не видела тебя вечность и просто хотела ещё раз поблагодарить за твою помощь, Сельма. Без тебя я не смогла бы так быстро закончить с квартирой. Мне жаль, что в тот раз я так и не смогла добраться до вас, чтобы поиграть в Войну драконов. Я подумала, что возможно теперь у меня будет время, чтобы прийти.

— Конечно, — ответила я. Тот вечер, который она имела ввиду, я тоже пропустила, и не только тот один.

— Просто приходи сегодня вечером примерно к восьми! Вы ведь ещё играете по понедельникам в Войну драконов, не так ли? — я вопросительно посмотрела на Лиану.

— Конечно, с нетерпением жду, — кивнула та, и теперь её голубые глаза засияли также беззаботно, как я помнила. — Наконец я смогу поиграть с кем-то, кто играет также хорошо, как я.

— А я вот думаю, — сказал Лоренц и нахмурился, — что ты каким-то образом мухлюешь. Не может такого быть, что ты выигрываешь почти каждую игру.

— Почему не может? — возмутилась Лиана, а её светлые локоны подпрыгнули, когда она резко повернула голову.

В то время, как Лиана и Лоренц громко спорили, можно ли в Войне драконов мухлевать или нет, я встала и пошла с Дульсой в сторону выхода. Сегодня утром у нас была лекция у профессора Пошера, и я с нетерпением ожидала её. Прежде чем выйти из дома сегодня утром, я специально выполнила ещё несколько дыхательных упражнений, но на мобилизацию моих сил больше не осталось времени.

По крайней мере мои заметки лежали, хорошо защищённые, наверху в моей комнате, и там они останутся, пока я найду время, снова заняться ими.

— Как твоя сестра? — спросила я, когда мы вышли из восточного зала и зашагали к дверям, ведущим к лекциям.

— Немного лучше, думаю на следующей недели она снова начнёт посещать занятия, — ответила Дульса, и я ждала, что она добавит что-нибудь ещё, но видимо Дульса

всё ещё не собиралась рассказывать, что случилось с её сестрой.

Внезапно я кое-что вспомнила.

— Скажи, ты знаешь заклинание, с помощью которого можно прочесть вслух текст? — спросила я.

— Не знаю такого, но могу разузнать. Поговорим ещё раз об этом сегодня вечером, — Дульса пронесла своё удостоверение личности через контрольный ящик рядом с дверью и зашла в аудиторию.

— Да, с радостью, — ответила я.

Я уже хотела последовать за ней, когда увидела, как на другом конце коридора исчезает за углом седая шевелюра.

Это Парэлсус, я была в этом уверена. Какое искушение! Решение я приняла интуитивно, а разуму запретила говорить.

— Я скоро приду, — крикнула я вслед Дульсе, повернув в другом направлении и как раз увидела, как шевелюра Парелсуса исчезает в туалете.

Он направлялся к старым лекционным залам и если я потороплюсь, то обгоню его и смогу подслушать. Недолго думая, я огляделась и скрылась в толпе.

Все студенты теперь направлялись в аудитории, и никто не заметил, что я протиснувшись мимо них, в конце концов, исчезла в пустом коридоре.

Проход был слабо освещён только несколькими световыми шарами, и я пыталась ступать тихо по каменному полу. Открыла дверь и спряталась под столом, под которым всегда сидел один из нас и стала ждать Парелсуса. В заклинание не хватало ещё только нескольких слов, и тогда наконец эта дверь откроется.

Как только заклинание будет полным, я наконец узнаю, что прячет Парелсус. Его связь с палатой сенаторов была очень подозрительной, но может быть именно эта связь была нашим шансом узнать что-то о Виллибальде Вернере.

Парелсус разбирался в тонкостях работы палаты сенаторов и механизмах магического мира. Кроме того, он имел доступ к неисчерпаемым знаниям в своей медеатеки, не говоря уже о МУП, с которым он, безусловно, продвинулся теперь намного дальше.

От скуки я рисовала завитки в пыли, пока минуты нескончаемо тянулись.

Когда прошёл час, и я почти готова была сдать, дверь всё-таки открылась, и прозвучали шаги. Как раз, когда уже хотела обрадоваться, я заметила, что слышу не лёгкие шаги Парелсуса, а стук каблуков, сопровождаемый тяжёлыми шагами одного предполагаемого высокого и тяжёлого мужчины в сапогах.

— И вы уверены в том, что он регулярно проводит время в этом зале? — спросил глубокий голос, и я сразу его узнала. Там стоял адмирал, а если шеф Чёрной гвардии задаёт такие вопросы, тогда кажется, он в чём-то подозревает Парелсуа.

— Не регулярно, — ответил явно раздражённый женский голос, принадлежащий профессору Эспендорм. — Я видела один или два раза, как он заходил сюда. В туалете он, несомненно, бывал чаще.

— Вы не воспринимаете этот вопрос серьёзно, — ответил адмирал, расхаживая по комнате туда-сюда.

Я перестала дышать, потому что, если он обнаружит меня сейчас, то мне понадобится много воображения, чтобы объяснить, как я попала под стол.

— Конечно воспринимаю, — резко ответила профессор Эспендорм. — В противном случае сидела бы сейчас в своём офисе и занималась бесконечной процедурой с заявлениями

о намерении вступить в брак, которую передала мне палата сенаторов. Лучше объясните, почему эти высокооплачиваемые чиновники не в состоянии отправить несколько писем? Кроме того, я действительно не понимаю, почему Чёрная гвардия должна контролировать моего сотрудника. Вы скучаете, с тех пор, как Морлемов больше не стало видно или отправились теперь на поиски Красного мстителя? Во всяком случае, в моём доме вы не по тому адресу.

Адмирал издал не поддающийся определению звук, в то время как я, от удивления, чуть не ударились головой о крышку стола. Фавны хорошо постарались, но всегда было ясно, что палата сенаторов найдёт другой способ, чтобы раздать письма студентам. Значит это тяжёлое задание было доверено профессору Эспендорм.

— Если вам нечего делать, тогда лучше найдите мне Константина Кронворта, — продолжила бушевать профессор Эспендорм. — Этот фасад снаружи лишает меня последних нервов. Сначала он обязывается взять на себя эту сложную задачу, а потом просто исчезает. На прошлой недели я попросила одного сотрудника палаты сенаторов взять на себя это дело, и знаете как потом выглядел фасад? Он был коричневого цвета! Нет, серьёзно, конечно под искусством можно понимать многое, но о таком цвете не может быть и речи. И он не убрал этих ужасных горгулий. Всё выглядело так, будто кто-то размазал по стенам навоз драконов. Это действительно было ещё отвратительнее, чем раньше. Халтурщик, каких ещё нужно поискать, совершенно бездарный, если спросите меня.

— Но я вас не спрашиваю, — ответил адмирал, явно раздражённый. — Здесь нет ничего особенного, кроме пыли. Вы уверены, что это была именно эта комната?

— Конечно нет, как я уже всё это время пытаюсь вам разъяснить. У меня есть более срочные дела, чем следить за моими сотрудниками. Мы работаем здесь над обучением молодёжи, чтобы подготовить их для магического сообщества. Это задача не из лёгких и занимает много времени, понимаете?

— Может это была комната рядом, — помог ей адмирал выйти из затруднительного положения.

— Может быть, — ответила профессор Эспендорм. — Вы знаете, что я должна организовать раздачу писем с требованием о сдачи заявления о намерение вступить в брак всего за двадцать четыре часа? Палате сенаторов требуются месяцы, и она так ничего и не добилась, а я должна урегулировать эту задачу в течение одного дня.

— Хорошо, тогда давайте осмотрим ещё другую комнату, но вы будете ждать перед дверью! — голос адмирала звучал решительно.

— Вы и сами можете осмотреться, тогда я смогу заняться своими делами, — резко ответила профессор Эспендорм. — Это ведь вы настояли на том, чтобы я пошла с вами.

— И это было ошибкой, — прошипел Адмирал, и я услышала, как тяжёлые шаги и стук каблучков удалились, и в конце концов дверь закрылась.

Я с облегчением выдохнула и выбралась из-под стола, чтобы вытянуть ноги. Когда я была уверена в том, что услышала голос профессора Эспендорм в соседней комнате, я прокралась к двери и медленно её открыла, чтобы выглянуть в коридор. Он был пустым.

Я облегченно закрыла за собой дверь и прокралась по коридору до холла. Там меня уже ждали те самые широкие плечи, одетые в черную кожу.

— Где ты была? — голубые глаза Адама сверкали, и у меня вдруг все похолодело внутри. — У нас было соглашение. Лоренц сказал, что ты не пришла на лекцию.

— Не так громко! Что, если нас кто-то услышит, — прошипела я.

— Честно говоря, мне все равно. Пусть каждый знает, что ты моя.

Я испуганно посмотрела на Адама. «Упрямец», — подумала я.

— Лучше тебе не говорить об этом громко, — прошептала я, услышав стук дверей, когда первые студенты начали покидать аудиторию. — Потому что самое позднее завтра на твоём столе окажется требование сдать заявление о намерении вступить в брак.

— Что?

Гнев тут же исчез с лица Адама. Я потянула его в сторону, так как в холл хлынул уже целый поток студентов. В толпе никто не обратил внимание, что мы стояли с краю и тихо разговаривали.

— Я только что подслушала профессора Эспендорм и адмирала. Адмирал следит за Парэльсусом, а профессор Эспендорм должна подготовить заявления о намерении вступить в брак, причем до завтра.

— Торин об этом ничего не знал, — нахмурившись ответил Адам.

— Возможно, всё выглядело так, будто адмирал самостоятельно расследует это дело, а значит это приказ сверху.

— Правильно! — Адам заговорщически посмотрел на меня. — Ты теперь чертовски хорошо во всём разбираешься.

Его черты лица снова ожесточились.

— Ты видела своего безумного поклонника?

— Нет, — ответила я. — Его не было за завтраком и на лекции кажется тоже, в противном случае Лоренц рассказал бы тебе.

— Наверху в его люкс номере его тоже не было, — добавил Адам. — Кажется, принца действительно лишили власти.

— Определённо, — решительно сказала я.

Я видела, как на него набросилась неистовая толпа. Его не только лишили власти, а применив силу, свергли.

— Он больше не появится здесь, — уверенно ответила я.

— Всё же я прошу тебя делать то, что мы обсудили, — он серьёзно посмотрел на меня. — По крайней мере говори кому-нибудь, куда идёшь. Мы не знаем, кто с ним ещё в сговоре, и пока опасность витает в воздухе, я немного беспокоюсь.

— Хорошо, — вздохнула я. — Но ты должен проявлять на публике осторожность, в противном случае нас скоро начнёт преследовать палата сенаторов и зарезервирует для нас место в Хаебреме.

— Я постараюсь, но мне так надоела эта игра в прятки. С тех пор, как я два месяца думал, что ты навсегда исчезла из моей жизни, мне стало сложно врать, — он взял меня за руку и мягко сжал.

— Я чувствую тоже самое, всё же нам стоит оставаться осторожными, — сказала я. — Я не хочу, чтобы нас снова разлучили.

— Согласен, я буду сдерживаться. Тебе пора идти.

— Ты бы тоже мог пойти на лекцию, — ответила я.

— Я хочу ещё закончить разговор с Торинном, — серьёзно сказал Адам. — Особенно теперь, когда ты дала мне новую тему для обсуждения. Мне совсем не нравится, какое направление взяло развитие в Чёрной гвардии.

— Будь осторожен! — попросила я. — Мне пора!

— Увидимся сегодня вечером! — ответил Адам и улыбнулся.

Потом отвернулся и пошёл в сторону входной двери. Внезапно мне стало сложно вынести даже такие небольшие расставания, и я почувствовала укол в сердце. Я могла понять, что моё исчезновение изменило отношение Адама ко многим вещам, но я также знала, какими методами может бороться палата сенаторов. В конце концов судьба моей матери убедительно это доказывала.

Вздыхая, я отвернулась и пересекла холл. Только когда я почти добралась до дверей в лекционные залы, я увидела Скару Энде. Она стояла в тени колонны и не отрывала от меня взгляда.

— Что собственно происходит между тобой и Адамом? — пронзительно спросила она, небрежно убирая прядь волос с лица. — Вы довольно часто проводите друг с другом время, не так ли?

— Мы живём вместе, и мы друзья. Разве это запрещено? — резко спросила я, ответив на её взгляд не моргнув глазом. — С Лианой я провожу столько же много времени, или у тебя с этим проблемы?

— Ну, если это так, тогда всё в порядке, — улыбнулась Скара, и мне почему-то стало холодно, в то время как она развернулась и зашла в лекционный зал.

Она следила за нами? То, что она что-то подозревает, было только что совершенно очевидно. С неприятным чувством в животе я пошла на лекцию профессора Хенгстенберг.

Когда я заняла место рядом с Лианой, я подняла глаза и как раз ещё заметила, как меня коснулись взгляды Дорины, Эгони и Алексы. Они смотрели на меня не так явно. Только быстро бросили взгляд в мою сторону, как обычно делают, когда кто-то другой говорит об этом человеке и ты бессознательно смотришь на него.

Значит Скара только что рассказала подружкам о своём подозрении, что между мной и Адамом что-то есть. Теперь нужно быть ещё более осторожными, чем когда-либо прежде, но Адам, казалось, придерживался совсем иного мнения. Однако пока нет никаких доказательств, Скара может утверждать всё что угодно.

Кроме того, в настоящий момент у меня есть более срочные проблемы, чем завистливая сокурсница.

— Завтра мы получим заявления о намерении вступить в брак, — прошептала я Лиане. Она испуганно распахнула глаза и передала новость Лоренцу и Ширли.

Я увидела, как лицо Лоренца застыло, как он испугался и почти с болью закрыл глаза. Я выругалась про себя. Для него всё было ещё тяжелее, чем для нас, потому что ему приходилось скрывать своё истинное я, если он не хотел подвергнуть опасности свою жизнь.

В этот момент в лекционный зал грациозно вошла профессор Хенгстенберг, красивая и совершенная, как всегда, со своими бесконечно длинными, каштановыми волосами и нежными, прозрачными крыльями на спине. Кроме неё я ещё никогда не видела феи, и в этот момент мне стало интересно, а где живут другие её вида.

К сожалению, я не успела расспросить её об этом, потому что профессор Хенгстенберг начала свою лекцию с краткого перечисления тем, которые хотела осветить в четвёртом семестре. Помимо того, что мне нужно было прикладывать усилия, чтобы не потеряться в её мелодичном голосе, окунувшись в обвитые цветами грёзы, в этот момент я поняла, сколько действительно пропустила материала.

Поэтому я как следует сосредоточилась, пытаюсь зафиксировать в памяти каждое слово профессора Хенгстенберг.

Красный мститель

— Я дам вам две недели времени, наверстать пропущенный материал, — сказала профессор Эспендорм со строгим взглядом.

За своим столом она выглядела не такой высокой, как в те моменты, когда величественно расхаживала по залам, не проявив почтения даже к адмиралу. Однако в этой впечатляющей комнате, заполненной папками, книжными полками с юридическими текстами и огромным столом для конференций, она выглядела так, будто у неё просто слишком много работы. Среди обычного офисного оборудования в глаза бросалось предпочтение профессора Эспендорм только к одному определённого виду домашнего растения.

Здесь наверняка стояло десять растений, и, хотя они и были все зелёные, но со своими толстыми, мясистыми вьющимися ветками, выглядели не очень. Что ж, возможно они особенно красиво цветут, подумала я, пока незаметно разглядывала офис. В это же время я кивала, стараясь показать, как можно больше благодарности и прислушивалась к её словам.

— Хотя две недели не так много времени, чтобы подготовиться к экзаменам, но вам не стоит забывать, что летний семестр уже начался, и добавляется новый материал. В противном случае вы сильно отстанете. Вам просто нужно приложить все усилия, чтобы наверстать упущенное.

Я скользила взглядом по всем рабочим поверхностям, но не нашла и следа от заявлений о намерении вступить в брак, которые она должна сегодня подготовить.

— Спасибо, что вы предоставляете мне эту возможность, — сказала я.

— Что ж, такое случается не в первый раз, когда студенту требуется удивительно много времени, чтобы вылечиться от гриппа, но мы все были молодыми, — она заговорщически подмигнула, а я сдержалась и не стала скептически поднимать вверх бровь. — Энакин Арпади уже признался мне на зимнем балу, что вы собираетесь вступить в союз, и, честно говоря, я считаю это хорошим решением в вашей ситуации.

Она добродушно посмотрела на меня, а я затаила дыхание.

Что сделал Энакин?

— Вам действительно стоит переехать в Южную Африку, если эта страна предлагает вам повысить ваш социальный статус. Университет Теннебодде, конечно, не будет препятствовать вам. До сих пор ваши успехи были хорошими, и если в следующем семестре вы пожелаете перейти в африканский, то это, конечно же, должно случиться с хорошими оценками. По правде говоря, меня удивляет то, что вы вернулись сюда. Энакин Арпади намекнул, что вы хотите закончить третий семестр в Южной Африке и продолжить потом обучение вместе с ним.

— Ага, значит вот что он сделал, — хрипло сказала я, и кровь ударила мне в голову.

Как он только посмел? Мне следует немедленно пройти через дверь и оторвать ему голову, если это не сделал уже один из революционеров.

— Я ещё хотела спокойно уладить все дела, — запинаясь, сказала я. — И, честно говоря, этот вопрос ещё не улажен, — я постепенно приходила в себя, и мои мысли прояснились. — Университет в Южной Африке всё таки не соответствует моим ожиданиям. Знаете, обучение здесь, в Теннебодде, намного лучше.

— В самом деле! — профессор Эспендом разглядывала меня со скепсисом во взгляде,

как будто была не совсем уверена в том, что я могу судить о качестве лекций. Потом она встала и взяла с подоконника лейку.

— Да-да, — сказала я и на одно мгновение меня охватило искушение доказать ей, что она полностью ошибается, если думает, что та магия, которой обучают здесь в Тенненбоде, хоть частично отражает то, на что способен маг.

Но я пообещала господину Лилиенштейну сохранить эту тайну, поэтому лучше держать рот на замке.

— Во всяком случае, я решила остаться здесь и продолжить учёбу в Тенненбоде, — закончила я предложение.

— Хорошо, — ответила профессор Эспендорм, поливая мясистые растения, она целиком посветила своё внимание этой задаче. — Если это ваше желание, тогда я ожидаю вас через две недели здесь, в моём офисе. Тогда вы сможете наверстать пропущенные экзамены, по крайней мере теоретическую часть. Как будет проходить практическая, вам нужно обговорить с профессорами соответствующих предметов.

— Спасибо, — сказала я, вставая.

— Не стоит благодарности, попросите моего ассистента, чтобы он назначил вам время. Ах, и если вдруг ваша бабушка свяжется в вами, тогда передайте ей, пожалуйста, что мы очень обрадуемся, если она вернётся в Шёнефельде.

— Конечно, — ответила я, задаваясь вопросом, что профессор Пошер снова напортачил.

— До свидания, — профессор Эспендорм закончила разговор и начала наполнять лейку в одной из раковин.

Я одно мгновение колебалась, пока наблюдала, как она обеспечивает водой и остальные уродливые растения.

— Вы видели Красного Мстителя? — в конце концов с любопытством спросила я.

Она удивлённо подняла взгляд от одного особенно толстого экземпляра бугристых растений.

— Да, видела. Странно, но вы уже вторая, кто спрашивает меня сегодня об этом. Палата сенаторов даже ожидает отчёта. Кажется, этот мужчина оставил неизгладимое впечатление.

— Не каждый день увидишь, чтобы на балу появился Красный Мститель, это быстро распространяется.

— По правде говоря, меня это тоже удивляет, потому что «Хроника короны» даже не упомянула об этом. Устная пропаганда работает безупречно.

— Да, это так, — сказала я. — Его требования не так уж и необычны. Так как он думают наверняка многие в Объединённом Магическом союзе.

Я выжидающе смотрела на профессора Эспендорм. Меня очень интересовало ее мнение по поводу требования свободы слова.

— Сельма, — сказал она и так знаяще посмотрела на меня своими светло-зелеными глазами, что я начала беспокоиться. Почти незаметно она провела по волосам с проседью, как будто из ее сложной, высокой прически, которую я тоже как-то носила, выпала прядь. — Забудьте о Красном Мстителе, даже не забивайте себе этим голову! Не думайте, что я не слежу за вами. Я наблюдала ваше развитие в прошлом году. Если брать успеваемость, то тут вы ничем не выделяетесь, у вас средние способности, не считая таланта, который вы продемонстрировали в науке о воде. Я также ценю ваше участие в команде по соревнованиям драконов, хотя у вас, к сожалению, не было возможности показать ваши способности из-за событий прошлого года. Но у вас, однозначно, есть способности к спорту.

Я также великодушно закрыла глаза на то, что Грегор Кёниг научил вас летать, хотя вы еще не получили летное удостоверение. Кстати, господин Трудиг не собирается прощать вам пропущенные уроки. Вам придется самой наверстывать весь материал. И тем не менее, вам стоит воздержаться от проверки таких подозрений, не говоря о том, чтобы верить им. Черная Гвардия займется этим делом, а значит эта тема для вас закрыта. В том, что вы замешаны в историю с профессором Шенхубер по-прежнему кажется мне подозрительным, говорю вам совершенно откровенно. На первый взгляд кажется, что вы случайно попали под так сказать перекрестный огонь, но я не до конца верю в то, что вы уж совсем никак не связаны с этим делом. Вы также никогда не сдерживались, что касается подозрений. Вам обязательно стоит поработать над собой в этом пункте. Я конечно не стала упоминать мои опасения перед Чёрной гвардией. Я никогда не подведу под удар одного из моих студентов или учителей, пока на все 100 процентов не уверена в его вине.

— А вы знаете, кто за всем этим стоит? В одиночку профессору Шёнхубер не пришла бы в голову такая идея.

— Я тоже размышляла об этом, — профессор Эспендом поставила лейку и снова прошла к окну, из которого могла обозревать внутренний двор замка. — В конце концов я знаю Елизавету уже много лет. Её поведение удивило меня и конечно я позволила себе задуматься о том, что было причиной такого изменения.

Я удивлённо стояла там, а мои мысли кричали так громко, что мне пришлось сдерживать себя, чтобы не выпалить их вслух.

— И кого же вы подозревали? — вместо этого осторожно спросила я.

— Подозревала? — она отвернулась от окна и с удивлением посмотрела на меня.

— Я бы поостереглась высказывать подозрения. Как я уже сказала, пока вина однозначно не доказана, я всегда исхожу из того, что подозреваемый невиновен, и хочу дать вам совет поступать также. Пока вы не можете доказать, что кто-то виновен, лучше оставьте ваши подозрения при себе. Без доказательств всё это только глупые сплетни, которые лучше не высказывать. Не всё, что происходит, нужно обсуждать.

— Интересно, — ответила я, потому что не смогла придумать ничего получше.

Возможно ли, что профессор Эспендорм знает больше, чем признаёт? Но она также ясно дала понять, что не хочет слышать недоказанные обвинения. Однако если я смогу найти доказательства, которые подтверждают вину Бальтазара, тогда, несомненно, найду в профессоре Эспендорм могущественного союзника.

— Я серьёзно отнесусь к вашим словам, — сказала я и твёрдо посмотрела ей в глаза.

Она кивнула и заняла место за своим столом.

— Обязательно сделайте это, а теперь я посоветовала бы вам срочно заняться подготовкой к экзаменам. Не забывайте, что требования будут повышаться от семестра к семестру, и кто не соответствует уровню успеваемости, тому нечего здесь делать.

— Хорошо, — запинаясь сказала я.

Она чётко выразилась по этому поводу.

Я попрощалась с профессором Эспендорм, которая снова вернулась к своим записям.

У меня внезапно появилась идея, которая больше не отпускала. Красный Мститель продемонстрировал нам это на своём примере. Если вызвать внимание, то подобное действие быстро распространится, хочет профессор Эспендорм слышать об этом или нет. И палата сенаторов не сможет здесь помешать, запретив сообщать в «Хронике короны».

Я попросила приветливого ассистента профессора Эспендорм назначить мне время для

сдачи экзамена и вышла из кабинета.

Было уже пять часов вечера, и коридоры на пятом этаже опустели. Я медленно шла мимо картин с королевскими семьями.

Когда я проходила мимо двери в номер люкс Энакина, на меня нахлынул странный ужас. Я вспомнила слова профессора Эспендорм. Он всё спланировал и точно выполнил. Никто бы меня не хватился, кроме Адама, а его он, скорее всего, обезвредил бы в какой-то момент сам. Адам часто говорил, что не сможет справиться с Энакином в бою, да и мне, лишь с трудом, удалось сбежать от его атак.

Я только теперь поняла, что едва спаслась от его интриг. Я начала бежать, когда меня внезапно охватил такой сильный страх, что я не смогла с ним справиться. Ужас был настолько реальным, что когда я достигла жилой башни, мои руки дрожали.

Здесь никого не было, и одиночество не уменьшило мой ужас. Я заперлась в комнате и стала ждать, когда страх отступит. Сидя на кровати, я вся дрожала, и мне так хотелось, чтобы Адам был рядом. Хотелось послать ему сообщение, чтобы услышать его голос, но с тех пор, как Энакин наложил на меня заклятье, даже это я больше не могла сделать.

В этот момент я приняла решение. Я стиснула зубы и встала. Всё равно я не смогу сейчас сосредоточиться на материале, который должна навестать. Две недели — это не так много времени, я и сама знала, а на уроке профессора Хенгстенберг заметила, сколько ещё нужно сделать. Всё же я произнесла заклинание, и когда моя комната загорелась, я решительно вошла в пламя и взяла мою записную книжку.

Это было намного важнее, потому что мне понадобятся все мои навыки, если проблема с Энакином ещё не до конца решена.

Я ещё раз прочитала абзац о контроле разума, в то время, как моя голова уже гудела, а буквы расплывались перед глазами. Затем я попыталась ещё раз: сделала глубокий вдох и сосредоточилась на инородном в моей голове, попыталась его визуализировать, но никак не могла подступиться.

Оно снова ускользнуло, как тёмное облако, за которое нельзя ухватиться пальцами. Я раздражённо выдохнула и встала. Наверное на сегодня достаточно себя мучить, я всё равно не сдвинулась с места.

В этот момент я услышала голос Дульсы в соседней комнате, а это означало, что уже восемь часов вечера, и я пропустила ужин. Я решила закончить на сегодня и произнесла вербальное заклинание, которое снова спрячет мои заметки.

Мгновенно мою комнату охватило огнём, и я зашла в извивающееся пламя, чтобы спрятать в нём записи.

Я ещё раз провела пальцами через огонь, потом вышла из пламени и посмотрела прямо в широко распахнутые от ужаса глаза Адама. Небрежным движением руки я заставила огонь исчезнуть.

— Ничего себе! — сказал он только одно это слово, когда тихо закрывал за собой дверь.

— Ах это, — небрежно усмехнулась я.

Я хорошо помнила, как сильно меня шокировало зрелище, когда я в первый раз увидела действие этого заклинания в книжном магазине господина Лилиенштейна. Но теперь я знала, что пламя не причиняет вреда тому, кто произнёс заклинание.

— Я же говорила тебе, что мы должны наконец начать практиковаться.

— Да, — сказал Адам, всё ещё не оправившись от изумления. Казалось слова застряли у него в горле.

— Я признаю, что до сих пор недооценил то, что ты рассказала мне об этой книге из Мантао, — он сделал шаг в мою сторону, внимательно разглядывая то место, где совсем недавно ещё стояла стена из огня. — Но это было более чем впечатляюще.

— Подожди! — сказала я и закрыла глаза.

У меня было хорошее предчувствие, потому что я снова была в прекрасной форме и хорошо отдохнула, а после дыхательных упражнений ощутила новую энергию в руках. Я сосредоточилась на световых шарах, как можно большем количестве световых шаров. В последний раз я зажгла только один, но в этот раз надеялась, что смогу вновь создать десять.

Я почувствовала ослепительно яркую энергию в голове и сразу поняла, что это сработало.

Адам ахнул, и мне показалось это странным. Может всё-таки что-то пошло не так?

— Сельма, — сказал он каким-то беззвучным голосом.

Я открыла глаза и снова закрыла их, так сильно меня ослепил свет. Что я сделала?

Потом я распахнула глаза, хотя свет жёг глаза. Там был не только один световой шар и не десять. В воздухе возле потолка должно быть парили сотни таких шаров. Вся комната пылала и светила, и я сначала усмехнулась, а потом рассмеялась.

Энергия вернулась, сильная и мощная. Я закружилась, проводя пальцами через свет.

— Это чудо, — сказал Адам.

— Нет, — сказала я и взяла его за руку. — Это то, на что мы действительно способны. Не только я, но и ты и любой маг.

Лицо Адама внезапно передёрнулось. Радость и удивление уступили место испугу.

— Он знал об этом, — тихо сказал он, и я удивлённо бросила взгляд в его сторону.

— Кто знал? — спросила я, всё ещё зачарованно разглядывая море из огней вокруг.

— Эникин знал об этом. Только так можно объяснить, почему он был таким сильным. Ты ещё помнишь? Даже адмирал был не в состоянии с ним справиться.

Слова Адама поразили меня. Небольшим движением руки я убрала все световые шары и внезапно снова стояла в сумерках моей комнаты. Через окно падал только ещё бледно-красный свет заходящего солнца.

— Как он мог об этом узнать? У господина Лилиенштейна единственный оригинальный манускрипт, который ещё существует, а силы Энакина не так сильны, как описывает манускрипт.

— Может он только начал тренироваться? Или он показал нам лишь малую часть того, что умеет? Разве ты не говорила, что господин Лилиенштейн уже делал копию для твоей матери? — Адам подошёл ко мне очень близко, как будто хотел защитить от невидимого врага.

— Конечно! — теперь я всё поняла. — И эта копия исчезла вместе с ней, и как раз в том месте, откуда родом Никанэ.

— Да, так и есть, — сказал Адам, и я услышала по его голосу, что он расстроился также, как и я.

— Нам нужно тренироваться, чтобы достичь такого же уровня, как он, — мрачно сказала я и внезапно подумала об Анне и людях в Антарктике. Если Эникин действительно обладает такими силами, то он, возможно, справился и с тысячью плохо обученных магов, как бы решительно те не были настроены.

Я слышала, как рядом Лиана и Дульса вытаскивали драконов и ставили поле для игры, но чувствовала себя такой слабой, что едва могла передвигаться.

— Дай мне твои заметки, я проработаю их сегодня ночью, а потом начнем тренироваться.

Я решительно кивнула и толкнула Адама в сторону. Проговорив вербальное заклинание, я вошла в огонь, после чего вернулась назад с записной книжкой в руке и погасила его.

— Заклинание для сокрытия стоит на первой странице. Воспользуйся им в любом случае, заметки не должны пропасть, и никому об этом не рассказывай.

Адам кивнул с серьезным видом и засунул заметки под мышку.

— Пойдем, — сказал он, взяв меня за руку. — Будем тренироваться на выходных, там, где нас никто не увидит. Если мы снова встретимся с ним, то должны быть сильнее, иначе все закончится намного быстрее, чем мы думали.

Я решительно кивнула. Здесь в Тенненбоде нам не найти места, где можно тренироваться тайком. Мы должны будем спрятаться где-то, где нас действительно никто не найдет.

— Если снова проиграю, то завяжу с Драбеллумом, — серьезно сказал Лоренц, когда мы вошли в рабочую комнату. В помещении был уютный свет, а рядом с игровой доской, на которой маленький вулкан уже начал извергать опасные клубы дыма, стоял чайник с чаем.

Ширли принесла чайные чашки и плюхнулась на диван между Лоренцом и Дульсой.

— Ты каждый раз так говоришь, — ответила Лиана и заняла свое любимое место.

Я подошла к столу.

— Эй, Сельма, иди сюда! Есть одно свободное место!

Она показала на кресло напротив, однако у меня как-то не было особого желания играть.

— Я буду смотреть как вы играете, этого будет достаточно, — ответила я и села.

Адам кивнул мне и ушел в свою комнату. Ему не хотелось участвовать в битве драконов, так же как и мне, ему нужно было переварить наше открытие. Насколько я его знала, он всю ночь напролет будет читать, и уже завтра утром удивит меня своим продуманным до мельчайших деталей планом тренировок.

— Тоже неплохо!

Лиана вытащила свою огнеупорную кожаную сумку, где хранились игрушечные драконы и сказала с серьезным видом:

— Расставляйте драконов!

Несмотря на мрачное настроение, я не выдержала и улыбнулась. Лиана играла в Драбеллум со всей серьезностью, граничащей с манией, наверняка она снова вытащила из сумки парочку новых драконов. Все еще улыбаясь, я выглянула из окна, где ночь уже окончательно окрасила небо в темный цвет.

— Ничего себе! — одобрительно сказал Лоренц. — Откуда они у тебя?

— Никогда таких не видела, — сказала Дульса явно под впечатлением, и даже у Ширли вырвался возглас удивления.

Я отвернулась от успокаивающей меня темноты и когда увидела, каких драконов Лиана только что поставила на игровое поле, я испуганно вскрикнула.

— Сельма?

Лоренц в испуге повернулся, Лиана и Ширли тоже смотрели на меня с непониманием.

— Успокойся, это просто фигурки, — нахмурившись сказала Ширли.

Я мужественно кивнула, но отодвинулась подальше от маленьких драконов.

Это были не просто какие-то игровые фигуры. Это были снежные драконы, и они

выглядели точно так же, как снежные драконы, которые тянули сани в Антарктике к моему сорванному свадебному параду. Воспоминание захватило меня врасплох, обдав холодом, но ещё более насущным был вопрос, как Лиана заполучила этих драконов.

— Откуда у тебя эти драконы? — спросила я и наклонилась над креслом, чтобы получше разглядеть драконов, которые теперь, когда их освободили из кожаной тюрьмы потягивались и неспешно изрыгали пламя.

— Это снежные драконы, я знаю, о чём они тебе напоминают, но снежные драконы были не только там внизу, — Лиана смотрела на меня с подозрением, как будто ожидала, что мой внутренний демон вновь оживёт, услышав её слова. — Раньше они встречались очень часто.

Лиана крутанула колесо посередине игрового поля.

Как всегда, она настояла на том, что начнёт игру первой, потому что была убеждена, что это ритуал, приносящий удачу, позволяющий ей выигрывать.

— Продавец, который управляет в Акканке магазином со всякими принадлежностями для драконов, дал мне их. Они появятся через пару недель. Но он хорошо знает, как сильно я люблю Драбеллум, и продал мне набор заранее. Мне уже не терпится увидеть, что драконы умеют. В любом случае, они выглядят опасными, — она толкнула Снежного дракона, который как раз шипел на одного из драконов Лоренца, собираясь уничтожить его на игровом поле огненным дыханием.

— Ты права, — ответила я, разглядывая воинственное, маленькое существо. Настоящие драконы были намного дружелюбнее.

— Я должна пропустить ход? — Лиана смотрела в недоумение на маленькое колесо. Но на поле явно было написано «пропустить ход». Это действительно случилось редко.

— Тогда теперь моя очередь, — сказала Дульса и повернула маленькое колесо. — Кстати я выяснила, как установить заклинание читающее вслух, — пока стрелка крутилась, она посмотрела на меня.

— Класс, — ответила я. — Оно тяжёлое?

— Атака! Да! — выкрикнула Дульса и приказала одному из своих драконов лететь и напасть на миниатюрную копию Авроры. — Само заклинание несложное. Если у тебя есть текст и ты хочешь, чтобы его читали вслух, тогда просто нужно произнести это вербальное заклинание, и всё начнётся, — она залезла в карман брюк и вытащила небольшую записку, которую передала мне.

— А как громко будет звучать текст? — спросил Лоренц, пока я просматривала строчки. — В конце концов мы хотим охватить огромную публику. И голос должен быть таким громким, чтобы часовня не могла заглушить текст. И кроме того, это должно случиться в подходящий момент.

Дульса выглядела такой испуганной, когда подняла взгляд от битвы двух драконов, своего и Ширли, что я в этот момент больше не была уверена в том, правильно ли с моей стороны просить её о помощи. У Дульсы уже и так достаточно проблем с семьёй. Было неправильно обременять её ещё и нашими планами.

— Что вы задумали? — спросила она, и внезапно её взгляд вспыхнул.

С удивлением я заметила, как благодаря этому взгляду изменилась вся её внешность. Мышиного цвета, короткие волосы больше не казались такими невзрачными, а её тонкая, миниатюрная фигурка наполнилась непривычной силой.

Взгляд Лоренца вопросительно метался между мной, Ширли и Лианой, туда-сюда.

— Нам нужна помощь, — в конце концов решительно сказала я. Мне был знаком этот взгляд, и возможно ей как раз нужно немного отвлечься. — Мы хотим предпринять кое-что против заявления о намерении вступить в брак.

— Против заявления о намерении вступить в брак? — Дульса оценивающе посмотрела на меня.

— Мы не хотим, чтобы нас заставляли на ком-то жениться, — сказала я. — Брак — это личное дело, в которое не должен вмешиваться Объединённый Магический Союз.

— Ммм! — Дульса склонила голову на бок и, казалось, размышляет над моими словами.

Надо признать, что мой мотив был слабым, но я не хотела втягивать в это дело Дульсу. Уже достаточно плохо то, что опасности подвергались Лоренц, Ширли и Лиана.

— Новый стиль правления не совмещается с либеральными взглядами Виллибальда Вернера. Во время соревнования драконов мы хотим стартовать кампанию, чтобы подобраться к нему и поговорить. В конце концов это он в ответе за изменение направления, — объяснила я.

Лоренц прокашлялся.

— У Ширли была эта блестящая идея прочесть громко вслух имена пропавших девушек. И пока силы безопасности будут заняты этим, Сельма сможет подобраться к Виллибальду Вернеру и воззвать к его совести.

— Интересная идея, — пробормотала Дульса. — Я ненавижу заявление о намерении вступить в брак! Понятия не имею, кто придумал этот мусор, но у меня нет желания попасть из-за этого в Хаебрам.

— У нас тоже, — сказала Ширли. — Поэтому-то мы и хотим действовать как можно более незаметно. Но палата сенаторов должна когда-то узнать, что не все согласны с этим заявлением.

— Я уверяю тебя, что не знаю почти никого, кто действительно был бы с ним согласен. Но никто не осмеливается сказать что-то против, потому что все боятся, — Дульса настоятельно посмотрела на нас. — Палата сенаторов в прошлом году ещё раз убедительно дала понять, что настаивает на соблюдение действующих законов.

— Возможно нам всё же придётся подумать о кампании с раздачей листовок, — смирившись сказала я. — Подобно Красному Мстителю. Если мы все против, тогда можем бороться вместе.

— Ты ничего не сможешь сделать со страхом, — сказала Дульса. — Это страх, который разжигали и укрепляли в течение многих поколений.

— Скорее всего! — задумчиво ответила я. — Всё-таки странно знать, что на самом деле почти никто не принимает заявление о намерении вступить в брак, а вести борьбу всё же никто не хочет.

— Нам нужно сосредоточиться на операции, которую мы собрались провести на соревнование драконов, — решительно сказал Лоренц.

— У тебя есть идея, как нам это сделать, Дульса?

— Заклинание, что я дала тебе, немного маловато для того, что вы планируете. Я могу попытаться переписать его, а ещё вам нужно достать список с именами. Я только могу привязать заклинание к листу бумаги, а эту бумагу вам нужно будет незаметно пронести туда и расположить таким образом, чтобы её не нашли слишком быстро, в противном случае кампания закончится уже после трёх имён.

— Правильно! — задумчиво ответила я.

Нам нужна незаметная вещь, которая не сразу бросается в глаза или которую так сложно сломать, что будет достаточно времени, чтобы прочитать список до конца.

— Я изготовлю список, — решительно сказала Лиана. — Лоренц ты pomoжешь мне. Это больше тысячи имён, которые нам нужно будет списать со спинок стульев в лекционных залах.

— У меня уже есть идея, как мы разместим список, — сказала Ширили. — Нужно только кое-что попробовать, — она задумчиво провела рукой по чёрным волосам, и я снова обнаружила под ними выбритые места, которые один раз уже отрастали.

— Потрясающе, а я попытаюсь узнать у профессора Эспендорн, где и когда состоится соревнование драконов, чтобы нам легче было планировать операцию, — задумчиво сказала я.

— Боже мой, как же это захватывает, — промурлыкал Лоренц. — Я чувствую себя так, будто учувствую в фильме про шпионов, — он восторженно хлопнул в ладоши, и я не смогла сдержать усмешку.

Дульса с недоумением на лице разглядывала Лоренца, в то время как Ширили презрительно фыркнула.

— Это совсем не фильм про шпионов, — сказала она. — Я скорее думаю о чём-то более великом, об эпохальной битве за добро и зло.

— Как хочешь, но с примесью шпионского триллера, на этом я настаиваю, — сказал Лоренц. — Мне ещё нужен шикарный костюм, чтобы я действительно хорошо выглядел.

— Если бы только знать, кто злодей, тогда можно было бы пойти туда и прикончить его, — пробормотала Дульса в этот момент.

Она уставилась в ночь, формируя пальцами огненный шар, который светился всё ярче.

— Но Бальтазара тебе больше не достать, он давно скрылся, — Лоренц наклонился над игровой доской и крутанул колесо.

— Ты, старая трещотка, — сердито закричала Лиана. — Для шпиона тебе нужно сначала научиться держать язык за зубами, — она указала головой на Дульсу, и в этот момент даже до Лоренца дошло, что Дульса конечно же ничего не знала о том, что мы сделали и выяснили прошлым летом.

В то время, как Лоренц испуганно прикрыл рот рукой, Дульса пристально смотрела на него, в руках всё ещё ярко сияющей, огненный шар.

— Детка, убери-ка своё оружие! — сказал Лоренц, успокаивая, когда Дульса не двинулась с места.

Казалось в её голове одна мысль перегоняет другую, и я вполне её понимала. Известие о том, что член правительства Объединённого Магического Союза в ответе за исчезновение больше тысячи девушек, за безопасность которых он на самом деле должен был нести ответственность, действительно могло выбить землю из-под ног. Потому что кому ещё тогда можно доверять?

— О! — Дульса удивлённо посмотрела на огненный шар в своих руках и убрала его. — Это..., - Дульса подыскивала подходящее слово.

— Мерзко? Ужасно? Отвратительно? Гадко? — помог ей Лоренц.

— Да, это тоже, — тихо сказала она. — Это отличная новость.

— Что? — Лоренц посмотрел на неё, как будто у неё не все дома.

— Нет, нет, — она умиротворяюще подняла вверх руки. — Я не это имела ввиду. Это отличная новость, потому что вам каким-то образом удалось выяснить, кто виноват. Вы ведь

это выяснили, не так ли? — она с нетерпением разглядывала нашу компанию.

— Да, выяснили, — сказала я, не вкладывая в голос особой надежды. — Но у нас нет доказательств, с помощью которых мы могли подкрепить наше обвинение, а сам Бальтазар исчез. Нам никто не верит, а самое ужасное в том, что палата сенаторов покрывает его, в противном случае кто-нибудь уже давно захотел бы узнать, почему сенатор просто так пропадает из своего министерства, а об этом даже не упомянули в краткой заметке в «Хронике короны».

— Что случилось с девушками? — спросила Дульса и я услышала легкую дрожь в ее голосе. Лиана тоже смущенно смотрела в пол.

— Этого мы к сожалению, тоже не знаем, — сказала я. — Пока Бальтазар скрывается, мы не можем найти ответ на этот вопрос. Но я тебе обещаю, если я еще раз повстречаю его на своём пути, это будет одним из первых вопросов, который я ему задам. Мы подозреваем, что он каким-то образом манипулирует Виллибальдом Вернером, — объяснила я. — Предположительно выкрал его дочь, чтобы претворить в жизнь свои представления о монархическом правительстве. Он жаждет стать королем, все что он делает, он делает для этой цели.

— Такого я не ожидала, — тихо сказала Дульса и посмотрела в пол. Ее плечи опустились, как будто эта новость положила на них тяжелую ношу. — При чем здесь девушки?

— Он ищет магическую партнершу, вместе с которой сможет захватить власть.

— Что?

Она резко подняла голову.

— Он без разбора крал девушек, чтобы найти свою магическую партнершу?

— Точно! — вставила свое слово Ширли. — Поэтому этого человека нужно остановить, пока он не причинил еще больше вреда. Но в данный момент мы топчемся на месте в том что касается Бальтазара.

— А что с Черной гвардией? — Дульса непонимающе посмотрела на меня. — Это же их обязанность предотвращать такие вещи.

— Как они должны предотвратить это, если Бальтазар был у них главнокомандующим и натравливал Морлемов на собственных людей, — сказала я.

— Это..., - Дульса подыскивала слова.

— Мерзко? Ужасно? Отвратительно? Гадко? — снова попытался Лоренц.

— Да, именно так, — устало ответила Дульса. Но вдруг ее глаза засветились. — Не важно, что вы планируете, я в деле, и буду помогать вам.

Я с уважением рассматривала ее решительное лицо.

— Ты понимаешь, что то, чем мы тут занимаемся, во-первых — опасно, во-вторых — незаконно.

— Я это хорошо понимаю, но вы должны знать, что мне нечего терять, я могу только выиграть, — голос Дульсы был ясным и твердым, как никогда раньше.

— Я же говорю, как в триллере про шпионов, — восторженно улыбнулся Лоренц.

В этот момент распахнулась дверь комнаты Адама, и он выскочил в рабочую комнату. Мы испуганно повернулись к нему.

— Что случилось? — спросила я, встала и пошла ему навстречу.

Поскольку Дульса и так всё знала, мне не обязательно скрывать от неё то, что происходит между мной и Адамом.

— Это просто невероятно, — сказал он, направляясь прямо ко мне, обнял и крепко прижал к себе. — Это спасёт нас, — пробормотал он мне в ухо.

— Я же всё время твержу тебе об этом. Наконец ты мне веришь, — улыбнулась я в ответ.

Адам вздохнул и выпустил меня из объятий.

— Я недооценил твои слова, — с сожалением сказал он. — Но такого больше не повторится, обещаю. Этот текст больше, чем просто информативный. Ты иди спать, а я хочу ещё поработать допоздна. Всё равно не смогу успокоиться, пока не попробую то, что там описывается.

Он поцеловал меня в щёку и снова исчез в своей комнате. Странное чувство эйфории охватило меня. Хорошее настроение Адама было заразительным, и я вовсе не хотела это менять.

— Вы узнали что-то, о чём нам нужно знать? — удивлённо спросил Лоренц. Дульса в свою очередь тоже бросила на меня любопытный взгляд.

— Да, узнали, — сказала я. — Но это ещё не до конца созрело, и я пока не могу об этом говорить.

— Ага, значит тайны? — промурлыкал Лоренц.

— Ты достаточно скоро всё узнаешь, — сказала я и рассмеялась, когда увидела его лицо.

Затем снова повернулась к Войне драконов. Только взгляд Дульсы ещё какое-то время покоился на двери Адама, как будто её напугало его бурное проявление эмоций.

Мне хотелось поделиться с друзьями своими знаниями, но сначала я должна обговорить с господином Лилиенштейном, насколько могу распространять эту тайну.

На следующее утро я спустилась к завтраку со странным чувством в животе. Адам действительно проработал всю ночь и после того, как спрятал утром мои заметки, он прилёг, чтобы немного наверстать ночной сон.

Возможно это было и к лучшему, потому что моё мрачное предчувствие не обмануло. И в самом деле на столах лежали каждому лично адресованные письма, прямо рядом со свеженапечатанным изданием «Хроники короны».

Заголовок сегодняшнего выпуска тоже бросался в глаза:

«Заявление о намерении вступить в брак вступает в силу.»

Я смирившись вздохнула. Значит профессору Эспендорм всё-таки удалось раздать все письма вовремя.

— Время пришло, — мрачно сказала я и плюхнулась на свой стул. — Крушение права выбора началось, если нам вообще можно было когда-либо свободно выбирать. Вы уже прочитали своё письмо? — я взяла то, что было адресовано мне.

— Какое письмо? — Лиана посмотрела на меня и подмигнула.

— Вот именно! — подтвердила Ширли. — Я никогда не получала никого письма, — она толкнула белоснежный конверт, и тот упал на пол.

— Это тоже способ, — сказала я, но мне было сложно улыбаться.

Я открыла конверт и достала бумаги. Затем быстро пробежала глазами строчки сопроводительного письма.

*Уважаемая госпожа Сельма Каспари,
мы хотим сообщить вам о том, что вы попадаете под группу лиц из параграфа 501 и последующих за ним документов и что к вам применяется закон с заявлением о намерении вступить в брак.*

Настоящим мы просим вас по истечении срока в 7 дней сообщить в письменной форме палате сенаторов, отделу по делам детей и молодёжи о том, с каким партнёром вы хотите обручиться.

Пожалуйста обратите внимание, что обручение разрешено только в том случае, если заявление о помолвке взаимно согласованно, и обручённые имеют одинаковый социальный статус.

Если вы не отправите заявку в установленный срок, вам назначат подходящего партнёра.

Обручение должно быть завершено в течение одного месяца.

С наилучшими пожеланиями

Густав Джонсон

Сенатор по делам детей и молодёжи

— А нельзя выдвинуть возражение? — спросила я мрачно, разглядывая распечатанные страницы с законом и подготовленный формуляр для ответа, прилагаемые к письму. Это письмо не содержало никаких больших сюрпризов, не считая ограниченного срока. Остались всего семь дней.

— Слово «возражение» не существует в Объединённом Магическом Союзе, — внезапно сказал Лоренц сзади. В его голосе слышалось столько презрения, что я испуганно повернулась.

Чёрт! Лоренц плохо выглядит. Он угрюмо сел, даже не взглянув на письмо, лежащее перед ним.

— Поскольку я принадлежу к незначительному меньшинству, которого якобы не существует в Объединённом Магическом Союзе, то мне даже не стоит надеяться на освещение в прессе, — смирившись сказала он.

В этот момент за столом профессоров зазвонил колокольчик, и я удивлённо оглянулась. Профессор Эспендорм встала, оглядывая всех студентов.

— Дорогие студенты, — сказала она так громко, что даже последние голоса в зале замолкли. — Как вы несомненно заметили, время пришло, и вы наконец получили приглашение сдать заявление о намерение вступить в брак, как это было объявлено в «Хронике короны». Срок сдачи начинается с доставке формуляра, а поскольку мы, за исключением двух больных, сегодня в полном составе, считается, что вы все получили заявление о намерение вступить в брак и срок сдачи начинается с сегодняшнего дня.

— Чёрт, — пробормотала Ширли, залезла под стол и выловила своё письмо.

— Для удобства, и чтобы избежать проблем с почтовой доставкой ваших формуляров с ответом, сдайте пожалуйста заполненный формуляр лично мне в руки в моём кабинете.

— Блин! — добавила тихо Лиана, наверное, таким образом провалился её план, просто забыть свой письменный ответ в рюкзаке.

— Пожалуйста обратите внимание на официальные и правовые основы. Если есть вопросы, то мы, конечно, в вашем распоряжение и ответим на них, в остальном думаю, что вас не затруднит выполнить этот небольшой формальный акт вовремя.

Она с таким ожиданием смотрела в зал, что мне хотелось вскочить и громко крикнуть, что сам по себе акт был небольшим — написать имя на бумагу — но за этим стояло решение, которое в Объединённом Магическом Союзе имело силу всю жизнь.

В этот момент в восточный зал вошёл Адам и твёрдым шагом направился к нашему столу, где опустился на последний свободный стул. Его лицо было гладким и бесстрастным, и он полностью сосредоточился на профессоре Эспендорм, которая продолжила свою речь, после того, как Адам наконец сел.

— Используя эту возможность, хочу сразу сообщить вам, что палата сенаторов назначила время и место для следующих официальных соревнований драконов. Ежегодные соревнования пройдут 15 мая здесь в Акканке. Из-за инцидентов в прошлом году, которые, к сожалению, привели к тому, что соревнования отменили, соперническая команда будет объявлена лишь незадолго до начала соревнований. Как всегда, вход и еда во время мероприятия для всех посетителей бесплатна, — профессор Эспендорм подняла руки, как будто самолично хотела раздать подачку, о которой только что объявила.

В свете объявления о следующем соревновании драконов, толпу в восточном зале охватила такая эйфория, что все возликовали, и небольшой пустяк с заявлением о намерение вступить в брак быстро забыли. Я не могла не восхищаться стратегическому ведению разговора профессора Эспендорм. Кроме того, она спасла меня, теперь мне не придётся вламываться в её кабинет, чтобы узнать детали о следующем соревновании драконов.

Вместо того, чтобы говорить о заявлении о намерение вступить в брак и его смысле или бессмыслице, я услышала, как за соседними столами разговор пошёл о возможных конкурентах университетской команды и какие шансы были у разных сопернических команд против Ариеля, теперь, когда Аврора не участвует. Она всё ещё была занята высиживанием яйца.

— У нас ещё есть несколько дней времени, чтобы как-то решить эту проблему, — смирившись с ситуацией сказала я Лоренцу, который между тем налил себе чая и мрачно помешивал его. Я сама знала, что этим не утишить, но не могла придумать ничего получше. — Мы сосредоточимся теперь на соревнованиях драконов.

Лоренц кивнул, но не поднял взгляда, и я решила, что пока лучше оставить его в покое.

На следующее утро, ровно в восемь часов, я сидела в аудитории профессора Хенгстенберг и подавленно смотрела в ярко-голубое небо над амфитеатром.

— Что случилось? — спросила Лиана, сидящая рядом и скептически посмотрела на меня. — Мы же решили, что делать дальше. Появилась ещё какая-то катастрофа?

— И да и нет, — вздохнула я. — Дело в том, что Адам очень сильно переживает из-за вступившего в силу заявления о намерение вступить в брак. Хотя он очень занят сейчас другим делом, но его настроение опять просто катастрофическое.

— Но это ведь не в первый раз, — сказал Лоренц, который только что вошёл и услышал моё последнее предложение. — Кстати, я только что видел Парэлсуса.

— Когда? — спросила Лиана, слова прозвучали, как выстрел из пистолета. — Он не появлялся уже несколько недель, как будто намерено избегает нас.

— Только что, когда я шёл из восточного зала, я увидел что-то белое скрывшееся за углом.

— Может это была летающая фиалка, сбежавшая из Акканки, — предложила Лиана.

— Они были фиолетовыми, — ответила я и начала беспокойно раскачивать ногами. — Мне так хочется пойти в старый лекционный зал, но, если я опять пропущу лекцию и ещё

больше материала, тогда профессор Эспендорм больше не в коем случае не закроет на это глаза.

— Всё в порядке, милая, — вздохнул Лоренц и взял в руки свою сумку. — Пойду я и посижу там часа два, даже если потом у меня весь день будет болеть колено.

— Спасибоспасибоспасибоспасибоспасибо, — сказала я и крепко обняла Лоренца.

— Да ладно, — ответил он и встал. — Мне самому интересно, куда ведет эта дверь, хотя уверен, что Парэльсус точно знает, что мы делаем и наблюдает за нами так же, как мы за ним.

Он набросил на шею леопардовый платок и исчез, перед тем как в комнату зашла профессор Хенгстенберг.

— Доброе утро!

При звуке ее голоса перед мысленным взором предстали цветущие луга и счастливые летние дни, а в помещении распространилась медитативная тишина. Никто из присутствующих не хотел пропустить ни одного её слова. Даже Скара, Эгони, Алекса и Дорина, которые обычно не особо соблюдали дисциплину на занятиях, молчали и слушали слова феи. На мгновение я ослабила внимание и тут же перед глазами возникли яркие усики выющихся растений и гармоничные картинки усыпанных цветами лугов и смеющихся маленьких фей.

Какое-то время я наслаждалась буйством красок и успокаивающей красотой сцен, но затем вспомнила, что гораздо важнее следить за материалом, который давала профессор Хенгстенберг, чем просто обращать внимание на гармонию ее голоса.

Я глубоко вздохнула и сконцентрировалась на биении сердца и шуме дыхания, сосредоточилась на пульсировании крови и почувствовала силу элементов глубоко внутри. Картинки исчезли, взгляд прояснился и слова профессора Хенгстенберг вновь обрели контуры.

— Уже в 1910 году нашего летоисчисления впервые появились размышления о том, является ли монархия подходящей формой правления для такого общества как наше. Однако всегда существовали силы, сопротивляющиеся реорганизации. Только в 1945 году нашего летоисчисления внутри королевских семей образовалось большинство, которое было за реструктуризацию. Однако понадобилось еще пять лет, для того, чтобы разработать все детали и провести первые демократические выборы. Хотя вначале были сложности и пришлось неоднократно произвести законодательные изменения, созданная демократия оказалась стабильной и прочной.

Пока я продолжала слушать профессора Хенгстенберг, во мне росло желание вскочить на ноги и объяснить, что о свободе выборов даже нет речи, когда восемьдесят процентов населения не имеют права принимать участие в выборах, и что система кончено была стабильной, если не допускалось никаких изменений. Но как бы сильно мне не хотелось сделать это, я всё же подавила импульс, потому что прекрасно знала, для таких основополагающих проблем она не тот человек, к кому следует обращаться. Решения, которые действительно могут привести что-то в движение, принимал Виллибальд Вернер.

Внезапно я поняла, как заставить его говорить.

— Летающие фиалки, — тихо прошептала я.

— Что? — Лиана испуганно посмотрела на меня со стороны. — Эта была просто шутка. Я хотел подразнить немного Лоренца.

— Я знаю, — прошептала я. — Нам нужна Летающая фиалка, чтобы заставить говорить

Виллибальда Вернера.

— Логично, — мрачно ответила Лиана, моя идея совсем её не вдохновила. — Тогда попытай своё счастье у Грегора Кёниг. Он единственный, кто ещё бережёт один экземпляр.

Пока я про себя размышляла, какого добьюсь успеха, если попрошу Грегора Кёниг о таком бесценном подарке, Фалько Гёрнер встал и громко сказал:

— Стоп!

Профессор Хенгстенберг удивлённо повернулась и с изумлением уставилась на него. Конечно она не привыкла, чтобы на её уроке вообще когда-нибудь кто-то мешал. Но Фалько Гёрнер казался невосприимчивым к сладкому голосу профессора Хенгстенберг.

— Это правительство не стабильно, потому что, если бы оно было стабильным, они не стали бы вновь вводить заявление о намерение вступить в брак, — сказал Фалько Гёрнер с высоко поднятой головой. — Если бы мы действительно жили в демократической стране, то плебейм разрешили бы принимать участие в выборах, и каждый мог бы сам искать себе партнёра, не имело бы значения маг он или не маг, плебей, патриций, лесбиянка, гей или помесь из феи и человека.

— Наконец-то кто-то сказал правду! — я вскочила с места и начала аплодировать.

Но мой аплодисменты угасли в тишине, в то время как мои сокурсники бросали на меня недоумевающие взгляды. Скара и её подружки захихикали, прикрыв рот рукой.

— Господин Гёрнер и госпожа Каспари, после лекции можете получить своё наказание и радуйтесь, что я не сообщу об этом в палату сенаторов, — сказала профессор Хенгстенберг, и я с удивлением заметила, каким резким может быть её сладкий голос.

Но потом она продолжила свою лекцию об Объединённом Магическом Союзе, как будто её вовсе не прерывали.

Вздыхнув, я снова села на стул. Случилось именно то, чего я и ожидала. Однако Фалько Гёрнер всё ещё продолжал стоять и вызывающе смотрел на профессора Хенгстенберг. Он собирался поспорить с ней, а мне хотелось сказать ему, что он обращается не к тому человеку, но, к сожалению, я всё ещё не могла посылать сообщения, поэтому не оставалось ничего другого, как ободряюще ему кивнуть. Но Фалько Гёрнер схватил свою сумку и взбесившись, покинул лекцию. Я так хорошо его понимала, но между тем уже знала, что этот гнев ничего не даст.

После лекции я подошла к профессору Хенгстенберг и нетерпеливо посмотрела на неё.

— Пожалуйста подметите лекционный зал, как только все покинут помещение, — недовольно сказала она, а потом повернулась к Дульсе, у которой был вопрос по поводу договора преобразования в демократию. Я смотрела им вслед, как они, углубившись в разговор, вышли из аудитории. Как раз в это время в амфитеатр внезапно ворвался Лоренц и прямо-таки бросился ко мне.

— Я добыл его, — выкрикнул он, округлив глаза.

— Нет, — беззвучно сказала я, не веря своим ушам.

— О да, последних два слова. Заклинание теперь полное, — Лоренц понял вверх помятую бумажку.

— Я просто не могу в это поверить, — возликовала я.

После стольких провалов нам наконец улыбнулась удача.

— Пойдём, давай сразу проверим, что там за дверью, я не выдержу больше ни секунды. Он даже ещё там, и мы наконец сможем узнать, что он там делает.

— Я ещё должна подмести аудиторию, — объяснила я и огляделась.

В этот момент как раз последний студент выходил из амфитеатра.

— Правда! — простонал Лоренц. — Да это займёт целую вечность.

Внезапно у меня появилась идея. Действительно понадобится вечность, если будешь подметать метлой, но для чего я тогда маг.

— Держись крепко за скамейку, — сказала я, обращаясь к Лоренцу, потом закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Выдыхая, я подняла руки и послала порывистый ветер по рядам скамеек. Он поднял пыль, задувая её вверх, как песочная буря. Я направила ветер в сторону и далеко за амфитеатром отпустила в пустоту.

— Все, готово, — сказала я и обернулась.

Лоренц с распахнутыми от испуга глазами держался за скамейку, а его прическа как-то косо стояла дыбом.

— Ты что-то приняла? — спросил он дрожащим голосом. — Это было нереально.

— Просто немного потренировалась, — сказала я и помогла Лоренцу встать со скамейки. У меня не было времени подробно рассказать ему о книге из Мантао. — Пойдем, надо воспользоваться паузой.

Я потащила его к выходу, и мы быстро побежали по пустому коридору, ведущему к старым аудиториям.

Мой голос дрожал, когда я стояла перед стеной и говорила заклинание. Я чувствовала себя как в детстве, когда следующий день рождения был бесконечно далеко, а год казался вечностью. Но вот вечность прошла и я наконец узнаю, что Парэльсус скрывал за этой дверью.

Когда прозвучало последнее слово заклинания, стена передо мной засветилась, и показались очертания двери.

Я чуть не взвизгнула от радости, но сдержалась и открыла дверь, прежде чем она снова исчезнет. Мне навстречу заструился свет.

— Вперед! — сказала я Лоренцу, и мы вместе вошли.

Когда я открыла глаза, мне показалось, что у меня что-то со зрением. Почему я стояла в антикварном магазине господина Лилиенштейна?

К моему удивлению Лоренц начал визжать, как будто встретил поп-звезду.

Я хаотично оглядывалась вокруг, чтобы найти причину его бурных эмоций. И теперь я ее тоже увидела.

За большим столом сидели собственной персоной Константин Кронворт, рядом с ним господин Лилиенштейн, Парэльсус и Ким Гёрнер, хозяин «Гостиной Шенефельде».

— Эм... — запнулась я, поняв, что мы помешали деликатной встрече. Но меня наверное не услышали, потому что Лоренц продолжал непрерывно визжать.

Когда ему пришлось сделать вдох, вдруг стало тихо, и четверо господ передо мной похоже тоже пришли в себя.

— Ну кто еще, кроме Сельмы Каспари, — вздохнул Парэльсус.

— Я тебе сразу сказал, что это дело с дверью недостаточно безопасно, — ответил Константин Кронворт, пытаясь через мое плечо разглядеть, не привела ли я подкрепление.

— Спокойно, господа, дверь была надежной, — вставил слово Ким Гёрнер.

— Не была, — ответила я совершенно спокойно. — Адмирал тоже идёт по вашему следу. Думаю, он считает вас Красным Мстителем.

— Меня? — удивился Парэльсус, проводя рукой по лохматым, белоснежным волосам.

Константин Кронворт начал хихикать.

— Тут он не по адресу, — он вновь захихикал.

— Ах, значит Красный Мститель это вы, — предположила я и посмотрела на него более внимательно.

Пропорции подходили, да и небольшой животик тоже явно указывал на него. Константин Кронворт подавился смехом и втянул живот, как будто догадался о моих мыслях.

Его реакция красноречиво подтвердила, что я права. Значит это он Красный Мститель, но зачем ему натягивать на себя красный костюм? Он ведь любимец Объединённого Магического Союза, и ему нет нужды бороться за свободу слова?

— Давайте помедленнее. Что вы вообще здесь делаете? — напористо спросил Ким Гёрнер.

— Я хочу поговорить с Парэлсусом, но он уже весь год избегает меня. Кроме того, у меня было подозрение, что он сотрудничает с палатой сенаторов. Мы следим за ним уже какое-то время, чтобы выяснить, что он от нас скрывает.

— От вас скрываю? С каких пор я должен перед вами отчитываться? — фыркнул Парэлсус.

Но я проигнорировала его негодование.

— Мне нужна информация из палаты сенаторов. С Виллибальдом Вернером что-то не так.

— Палата сенаторов! — выкрикнул Парэлсус. — Это всё в прошлом, моих Гройзелькрыс обнаружили, абсолютно всех. Мне вообще больше ничего не удаётся разузнать. Пришлось даже выехать из моего подвала.

— А это зачем? — спросила я в замешательстве.

— Потому что больше нигде небезопасно, разве не понимаешь? За мной наблюдают и следят. Палата сенаторов преследует меня. Я живу теперь в Шёнефельде, там легче скрыться.

— Но вы ведь принимаете участие в исследовательском проекте?

— Да, — захихикал он. — Палате сенаторов не терпится узнать, как работает МУП и как я создам универсальное мировое знание. Они построили в медиатеке огромную лабораторию. Больше всего им хотелось бы, чтобы я немедленно сделал для них доступными все умы магов. Но они ничего от меня не дождутся, — он скрестил руки на груди, как сердитый ребёнок.

— Значит вы не объединились с палатой сенаторов? — озадаченно спросила я.

Неужели мои предположения действительно были настолько ошибочными?

— Я? — Парэлсус укоризненно посмотрел на меня. — Эти бюрократы ничего от меня не узнают. Профессор Эспндорм настояла на том, чтобы я принял участие в проекте, потому что он принесёт свежие денежки в кассу Тенненбоде. В конце концов, с каждым годом число студентов уже долгое время сокращается. Но честно говоря, я взялся за новую тему, а проект МУП 2.0 продвигается с тех пор медленно. Надеюсь когда-нибудь палата сенаторов потеряет ко мне интерес. Вот так всё просто.

— А что вы делаете здесь? — спросила я в изумлении глядя на Парэлсуса. — Вы планируете вместе следующую миссию Красного Мстителя? Но, собственно, зачем? — я повернулась к Константину Кронворту. — Разве у вас недостаточно объектов искусства? Ваши читатели ждут от вас новых книг, — сказала я.

В этот момент Лоренц пришёл в себя и подошёл к столу.

— То, что я смог с вами встретиться, для меня большая честь, — заикался он, восторженно глядя на Константина Кронворта. — Когда вы снова начнёте оформлять фасад Теннебоде? С тех пор, как ваше искусство не сопровождает меня каждый день, моя жизнь совсем померкла.

Лоернц дал волю своему патетическому вдохновению, в то время, как Константин Кронворт смотрел на него со странной смесью неверия и сдержанности.

Но он не относился к Лоренцу, как к сумасшедшему поклоннику. Вместо этого выражение его круглого лица, медленно и неудержимо, становилось всё серьёзнее, чем дольше Лоренц говорил о чёрной дыре, которая образовалась в его жизни из-за паузы в артистической карьере Константина Кронворта.

— Вот видите, — внезапно вздохнул он не менее патетично, чем Лоренц, и отбросил свои жидкие, светлые волосы назад. — Я нужен моим фанатам, я их свет и солнце.

— Тогда возвращайтесь наконец к нам! — умолял Лоренц. — Я знаю, что сейчас у вас творческий кризис, но он закончится.

— Творческий кризис? — Константин Кронворт чуть ли ни выплюнул это слово. — У меня нет никакого творческого кризиса, я всегда креативен, круглосуточно. Палата сенаторов запретила выпускать мой том стихов, — он страдальчески закрыл глаза.

Потом снова распахнул их и посмотрел на нас горящим страстью взглядом.

— Палата сенаторов запретила меня, — красноречиво сказала он.

— Что? — я испуганно уставилась на мужчин. Но все кивнули, подтверждая его слова.

— Я слишком критически настроен по отношению к обществу и режиму, — с мрачным видом продолжил Константин Кронворт. — Мне больше нельзя ничего делать, они повсюду распространяют слух, что у меня кризис. При этом они не дают мне работать и угрожают послать в Хаебрам, если я нарушу запреты на выступление и публикацию. Какая наглость

— Это фатально, — испуганно пробормотал Лоренц и повернулся ко мне. — Мы должны помочь ему.

— Вы хотите нам помочь? — презрительно спросил Ким Гёрнер. — Вы даже не удосужились подыскать защищенное от прослушивания помещение, или вы думаете, я не подслушивал ваши разговоры?

— Не стоит недооценивать Сельму Каспари, — серьёзно сказал Парэлсус. — Она может достичь необычайных высот в непредсказуемости.

— Я же уже много раз извинялась, — сердито ответила я. — Если бы вы не скрывали от меня информацию, мне не пришлось бы шантажировать вас, но если вы хотите услышать извинение ещё раз, то я кончено скажу его. Извините! — последнее слово я сказала громче, чем было необходимо.

— Попридержите коней! — прервал нас господин Лилиенштейн, успокаивая. — Думаю, Сельма может ещё многое для нас сделать, а мы для неё. Мы просто должны быть открытыми и помогать друг другу, ведь мы в конце концов хотим одного и того же.

— Именно, — сказала я и подумала о совете в Антарктике, который сверг целое правительство.

Наконец кто-то выразил моё мнение. Но спор о всяких мелочах не поможет нам продвинуться вперёд. Нам необходимо объединиться.

— Тогда я начну, в знак того, что иду вам навстречу, — сказала я примирительно, переводя взгляд с одного на другого. — Мы собираемся во время соревнования драконов провести кампанию, чтобы отвлечь охрану от Виллибальда Вернера, а потом я хочу призвать

его к ответу.

— Очень профессионально, — придрался Парэлсус, и моё примирительное настроение сразу же испарилось. — Как будто Виллибальд Вернер захочет с тобой говорить.

— Выступление Красного Мстителя тоже было не шедевром, ведь так? — быстро ответила я. — Да и то, что господину Кронворту удалось уйти от Чёрной гвардии можно скорее назвать везением, а не разумным планом. И что насчёт листовок? Разве мы уже не пришли к заключению, что такие кампании совершенно бессмысленны? И между прочим Виллибальд Вернер точно со мной поговорит. Мне просто нужно подойти к нему достаточно близко.

— Что касается листовок, должен с ней согласиться, — сказал господин Лилиенштейн, который всё ещё любезно придерживался моего мнения.

— Давайте просто скомбинируем наши кампании, — предложил Лоренц, которому, в отличие от меня, легче удавалось сохранять хладнокровие. Он коротко описал, что мы запланировали, и когда рассказал о списке исчезнувших девушек, даже заработал восхищённый взгляд от Парэлсуса.

— Если мы хорошо спланируем, то у нас будет достаточно времени для наших требований. Сельма сможет поговорить с Виллибальдом Вернером, а вы бороться против цензуры. Возможно нам стоит распространить ваше подвергнувшееся цензуре произведение.

— Это хорошая идея, — Константин Кронворт вскочил и восторженно посмотрел на Лоренца. — Речь идёт о стихотворение, которое мне не разрешили опубликовать и поэтому сразу разрушили всю мою творческую карьеру. Это стихотворение нужно придать общественности, оно называется «Королевская кровь», — он снова повернулся к столу. — На листовках мы напечатаем стихотворение, а не скучные объяснения. А под ним припишем заметку, что Константину Кронворту запретили работать. Если у меня есть ещё больше таких лояльных поклонников, как он, — он с благодарностью посмотрел на Лоренца, — тогда публика отреагирует.

— «Королевская кровь»? — спросила я. — Как подходит.

— Кончено подходит, — ответил Константин Кронворт, словно поднялся в облака.

— Хорошо, тогда нужно обговорить детали, потому что нам осталось не так много времени для подготовки, — сказала я и под села к ним за большой стол, словно это было само собой разумеющимся.

В то время, как Парэлсус и Ким Гёрнер критично меня разглядывали, господин Лилиенштейн и Константин Кронворт ободряюще кивнули.

Когда и Лоренц занял место, я довольная, всех осмотрела.

Это был ещё не профессиональный совет, но в любом случае начало сделано, а опьяняющее чувство, что мои друзья и я были не единственными, кто хотел бороться с системой, невероятно меня окрылило.

Заявление о намерении вступить в брак

— Ты планируешь совместную кампанию с Лоренцем, Лианой, Ширли, Константином Кронвортом и Парэлсусом? — Адам смотрел на меня с нескрываемым скепсисом во взгляде, а лицо Торина говорило само за себя.

— По сравнению с Чёрной гвардией конечно нам не хватает немного профессионализма в таких заданиях, но этот нетрадиционный подход будет также нашей силой, — с уверенностью сказала я, но выражения лиц Адама и Торина не изменились.

— Ммм, — прорычал Адам, сформировал ослепительно- яркий огненный шар и пульнул его в одно из чучел на другой стороне луга. Оно можно сказать просто исчезло, такой интенсивной была сила, содержащаяся в огненных шарах Адама.

Меня просто впечатляло видеть, как силы Адама всего в течение нескольких дней невероятно умножились, что мой успех, по сравнению с его, казался ничтожным. Он бы и останется воином, и это просто у него в крови, гораздо больше, чем в моём случае, как бы много я не тренировалась.

В тот же момент в Таинственном саду появилось новое соломенное чучело, на которое тут же нацелился Торин.

— Это вовсе не плохая идея, — сказал он и сформировал такой же сверкающий огненный шар как у Адама.

— Я не говорил, что идея плохая, — ответил Адам. — Напротив, идея хорошая. Я просто переживаю за ее профессиональное воплощение.

— Это не первые соревнования драконов, которые проходят в Тенненбоде. Поэтому с получением протоколов соревнований проблем не было. Они даже были открыто опубликованы в МУП, — сказала я, чтобы доказать ему, что мы были отлично подготовлены. — Победитель гонки драконов будет в конце пожимать руку примусу, а команда-победительница стоять рядом с победителем. Есть даже фотографии этой торжественной церемонии. Если гонку выиграет Берт, то я окажусь поблизости от Виллибальда Вернера. Парэльсус отпечатал листовки, Константин Кронворт тоже знает, что ему делать. Дульса работает над заклинанием, а я еще раз попытаю счастья у Грегора Кёниг, чтобы выпросить у него цветок Летающей фиалки.

— Ты имеешь в виду последний цветок Летающей фиалки, — сказал Торин и бросил огненный шар в чучело, которое сгорело в горящем облаке. Ну для чего ему обязательно нужно напоминать о безнадежности моего мероприятия?

— А вы останетесь поблизости и, если что, будете держать от меня подальше охранников Виллибальда Вернера, — продолжила я и прицелилась в только что появившееся новое чучело. Я сформировала в руках новый огненный шар, который светился оранжевым почти так же ярко как у Торина и Адама. — Все получится, — сказала я, замахнулась и бросила огненный шар. Он попал соломенной кукле в голову, и она быстро сгорела. Это даже наполовину не подчеркнуло мои слова, как это сделали взрывы Торина и Адама.

— И чего конкретно ты ждешь от Виллибальда Вернера? — спросил Адам.

— Во-первых, я хочу получить подтверждение того, что Бальтазар шантажирует его, а во-вторых узнать, что может побудить его отменить заявление о намерении вступить в брак. Кроме того, было бы неплохо, если бы не только я узнала об этих вещах, но и адмирал или другие свидетели, вызывающие доверие, например, ты, Торин или один из этих любопытных

репортеров.

— Правильно, — сказал Торин. — Тебе нужна общественность, чтобы отменить заявление о намерении вступить в брак.

— Ты выступаешь против заявления о намерении вступить в брак? Это что-то новенькое.

Адам удивленно посмотрел на брата.

— Тебе что, не нравится женщина, которую тебе выбрала мама?

Лицо Торина мгновенно потемнело, а лукавство исчезло из глаз.

— Возможно Рамон с этим и согласен, но дело не в том, нравится мне женщина или нет. Дело в том, что я хочу выбрать себе жену сам. Леннокс, кстати, смотрит на это точно так же.

— Может быть, Леннокс и смотрит на это так, но ничего не говорит матери, — Адам в быстрой последовательности выстрелил заклинание из стрел в соломенное чучело, которое после этого разлетелось пух и прах. — Точно так же, как почти никто в этой стране не осмеливается открыть рот и сказать, что ему не нравится.

— Константин Кронворт попробовал, и ты видишь, что с ним случилось, — указала я на очевидное. — Неудивительно, что никто не осмеливается сказать что-то в открытую против решения палаты сенаторов.

— По крайней мере ты высказал матери своё мнение, когда она захотела тебя сосватать, — усмехнулся Торин. — Если ты когда-нибудь захочешь вернуться домой, тебе придётся извиниться перед ней за свои опрометчивые высказывания. Хотя..., - Торин задумчиво посмотрел на меня. — Лучше оставайся с ней. Мать возможно лет через десять успокоится, когда ты наградишь её внуками, — он шкодливо мне улыбнулся, но я не могла улыбаться в ответ.

— Ты сказал матери, что мы что мы всё-таки остались вместе? — спросила я напряжённо, просмотрев на Адама.

— Нет, — сразу успокоил он. — Я только принципиально выразил своё недовольство, — потом он повернулся к Торину. — Ты забываешь, что мать угрожала сдать Сельму. Ну хорошо, я буду участвовать в вашем плане, — сказал Адам. — Возможно это доказательство, которое нам нужно, чтобы проиллюстрировать адмиралу, что он много лет следовал за лжецом. Может это признание откроет нам путь к переменам. Если Виллибальд Вернер открыто признается, тогда это будет прорывом, которого мы так долго ждали.

— Очень хорошо, — довольно сказала я.

— Я буду всё время по близости, точно так же, как Торин. Как патриции, мы получим место на трибуне и как только дело примет серьёзные оборот, мы сразу будем на месте. Самое важное, это чтобы Виллибальд Вернер признался в присутствии свидетелей, чем больше свидетелей, тем лучше. Но есть ещё кое-что важное, — глаза Адама были серьёзными.

— Да?

— Тебе и дальше нужно сконцентрироваться на том, чтобы избавиться от проклятия, чтобы мы снова могли коммуницировать. Особенно во время такой операции необходимо, чтобы мы могли быстро посоветоваться. По крайней мере, ты должна всегда находиться с кем-нибудь рядом, с чьей помощью могла бы контактировать других.

— Поняла, — сказала я.

— Хорошо, — сказал Адам. — Если мы решили эту проблему, то сейчас у нас есть ещё

немного времени для одного урока.

Адам вытащил записи и описал следующее упражнение.

— Давай, Сельма! Ты начинаешь.

Было уже темно, когда я в воскресенье вечером пришла из Таинственного сада. Я зажгла световой шар и опустила его в чашу на стене. Потом я только ещё хотела быстро принять ванную и лечь в постель. Мои конечности болели, а в спине, казалось, образовались узлы, так сильно мои мышцы восставали против нагрузки, которую я взвалила на них.

Мне всё сложнее становилось сдерживать зевоту, и всё же я радовалась, что в выходные у меня была возможность отвлечься. Завтра вечером заканчивался срок сдачи заявления о намерение вступить в брак. Шушуканье между студентами на прошлой неделе всё возрастало и в конец концов достигло в пятницу апогея.

Я была счастлива, что смогла в выходные сбежать от суматохи и тренироваться с Адамом и Торином. Эти двоим всё ещё было мало, и они остались тренироваться ещё на пару часов.

Только завтра утром Адам хотел незаметно вернуться в Тенненбоде и отдельно от меня.

У меня болела голова, и я была совсем измотана. Спала я на выходных совсем немного, но даже если мои успехи, по сравнению с Адамом, были небольшими, всё-таки я была довольна. Только я никак не могла избавиться от этого проклятого заклинания.

Мне просто не удавалось ухватиться за него в моей голове, чтобы потом побороть. Я следовала соответствующим инструкциям из книги, наверняка я была не первой, кому навязали нежелательное заклинание. Но заклинание было удивительно сильным и постоянно ускользало из моей хватки, словно лёгкое масло. Каждый раз, когда я сосредотачивалась на нём и хотела ухватиться и уничтожить, мои мысли вдруг уклонялись, как будто у заклинания была гладкая поверхность, которая делала его неприступным.

Я задумчиво шла в ванную и в это время размышляла о том, сколько ещё понадобится времени, пока я наконец смогу освободиться от него. Когда я оказалась у двери ванной я остановилась. Там было что-то чёрное в углу. Я зажгла ещё один световой шар и когда увидела, что там сидит, у меня внезапно кровь застыла в жилах, и непринуждённое настроение сразу же улетучилось.

— Ширли, — выкрикнула я. — Ради бога!

В углу сидел скорпион, воткнув своё ядовитое жало в маленькое животное. Оно было похоже на крысу, но когда я увидела, как оно в панике меняет цвета, в то время, как жало скорпиона впивается в его плоть всё глубже, меня внезапно затошнило.

Это была не обычная крыса и я прекрасно знала, какие особенные способности имеют эти животные. Кто-то всё это время шпионил за нами.

— Что случилось? — Ширли спотыкаясь вылетела из своей комнаты и чуть не упала на скорпиона.

— Нет! — выдохнула она, когда поняла, что происходит перед её глазами.

— Дорогая, что ты тут так расшумелась? — Лоренц вышел из комнаты, но при виде скорпиона, он внезапно побледнел и начал нервно задыхаться. — Я же тебе говорил оставь это, — зашипел он на Ширли, которая подбиралась теперь к скорпиону.

Она проговорила заклинание наоборот и скорпион начал уменьшаться, пока не достиг нормального размера. Потом Ширли положила его назад в коробочку.

Остался только грызун, который лежал теперь на полу на последнем издыхание. Произошёл небольшой взрыв, и его тело исчезло, оставив запах серы и дыма.

— Нас подслушивали, — глухо сказала я. — Парэлсус утверждал, что думает, будто палата сенаторов шпионит за ним. Скорее всего они подслушивали и нас.

— Теперь он мёртв, — решительно сказал Лоренц.

— Возможно, но мы не знаем, был ли он единственным, и с каких пор нас подслушивают. Может быть палата сенаторов прикрепила к нам шпионов, — я огляделась.

— Нужно обыскать комнату, — сказала Лиана, которая наблюдала за сценой с безопасного расстояния. — До тех пор никто не говорит больше ни слова, — я бросила на неё серьёзный взгляд и кивнула.

Потом мы зажги световые шары и стали обыскивать каждый уголок этажа. Но и после того, как мы в течение двух часов проверяли каждый ящик, полочку и угол и заглянули под каждый шкаф, кресло и кровать, мёртвый грызун казалось был единственным бродившем здесь сегодня ночью.

Я начала разочарованно выстукивать одну дверь за другой. Где-то же должно было прошмыгнуть это животное. Я уже в прошлом году обыскивала этаж и обнаружила, что стены и пол были неповрежденными.

Незадолго до полуночи казалось я наконец что-то нашла.

— Вот оно! — хрипло сказала я.

Лоренц, Лиана и Ширли сразу подбежали.

Я указала на входную дверь, которую только что ощупала. Один из сучков сидел не прочно в текстуре двери. Нажав пальцем, у меня получилось его вытолкнуть, и образовалось отверстие диаметром около пяти сантиметров. Достаточно места, чтобы могла проскользнуть одна или несколько Гройзель-крыс.

— Ты была права, — пробормотал Лоренц, нервно задышав. — Кто-то раскрыл наши замыслы. Наша операция провалится. Нужно сматываться, в противном случае Чёрная гвардия поместит всех нас в Хаебрам.

— Успокойся, Лоренц, — сказала я и крепко обняла его. — Ещё мы не знаем, кто это следил за нами и почему. И пока не выясним, сохраняй спокойствие, согласен?

— Да, — пробормотал Лоренц и глубоко вздохнул.

Сильным толчком Ширли вбила деревянную пластину в отверстие.

— Давайте пойдём спать, сегодня ночью мы больше ничего не сможем изменить, — смирившись сказала Лиана. — Но завтра утром нам придётся подумать, что делать дальше.

Лиана, Лоренц и Ширли молча вернулись в свои комнаты. Но я никак не могла избавиться от этого смешанного чувства, и не смотря на усталость, охватившую меня, долго не могла уснуть.

— Ну и как? Вы уже сдали свои заявления? — тихо спросила я, когда следующим утром подошла к Лиане, Лоренцу и Ширли, которые уже заняли свои места возле ёмкостей перед профессором Пфафф.

— Нет, — вздохнула Лиана и посмотрела на Лоренца. — Мы решили последовать твоему примеру и не сдавать заявления. Пусть решает жребий, кто нам подойдёт.

— Лотерея брачного союза, — презрительно сказал Лоренц. — Какая абсурдная идея.

— До соревнований драконов осталось не так долго, и тогда мы поговорим с Виллибальдом Вернером, — тихо сказала я. — До тех пор это только ничего не значащий кусок бумаги. Прекратите блокировать себя этим. Нам нужно смотреть вперёд.

— Ты действительно веришь в то, что ещё сможешь выбраться из этого дерьма, я прав? — удивился Лоренц.

— Конечно я в это верю, — уверенно ответила я. Я не позволяла себя верить во что-то другое.

— Кто знает, что нас ожидает? — меланхолично вздохнул Лоренц. — Если так пойдёт и дальше, то нам и правда придётся вскоре чистить обувь Скаре и её подружкам.

— Такого никогда не случится, — возмущенно сказала Ширли, строго взглянув на Лоренца. — Сельма права. Мы должны смотреть вперед и сосредоточиться на решении проблемы.

— А я не вижу впереди света, — сказал Лоренц, и морщина на его лбу стала еще глубже. — Причем уже довольно давно.

— От агента я ожидаю больше самоотдачи и выдержки.

Я также строго посмотрела на Лоренца.

Однако он не отреагировал ни на мои слова, ни на слова Ширли, а повернулся к профессору Пфаффу, который только что вошел в комнату и громко откашлялся. Когда он уже стоял возле резервуара с водой, все без исключения студенты заметили, что лекция началась.

— Надеюсь вы тщательно подготовили упражнения, которые я показывал вам на прошлой неделе. Сегодня я проверю результаты. Если кто и сейчас будет отставать, то должен поспешить.

Он строго оглядел ряды и остановился на мне.

— Ах, Сельма Каспари вернулась. Я уже слышал от профессора Эспендорм, что Вы все-таки намереваетесь остаться в Тенненбодде. Как Вы смотрите на то, чтобы прямо сейчас выполнить экзаменационные задания? Это хорошее повторение для всех, у кого еще есть проблемы.

Он бросил многозначительный взгляд на Скару, которая за последнюю неделю не смогла выполнить даже базовых упражнений.

— Да, — сказала я и неожиданно громко выдохнула. — Почему бы и нет.

Хоть я и совсем не была подготовлена, но упражнения с водой никогда не доставляли мне проблем, а после интенсивной тренировки на выходных, я была в хорошей форме.

— Приятно слышать. Тогда подойдите сюда и для начала переправьте воду из правого резервуара в левый.

Упражнение было не слишком легким, но и не принадлежало к трудным заклинаниям. Я встала и пошла мимо рядов к водным резервуарам профессора Пфаффа. Они были разного размера и стояли рядом друг с другом. Все смотрели на меня, когда я подняла руки и вода подчинилась моей воле, поднявшись вверх как огромный пузырь. Она переливалась голубым и серебристым и слегка двигалась, как будто ее поверхности касался ветер. Я балансировала водой прямо над головой профессора Пфаффа, перенесла ее к левому резервуару и мягко отпустила. На поверхности воды не появилось даже ряби, когда я опустила руки.

— Впечатляет, — пробормотал профессор Пфаффа. — Не пролила даже капли.

Я гордо улыбнулась и мысленно поблагодарила господина Лиленштейна за то, что он просветил меня.

— А теперь тоже самое, но уже с морозным заклинанием, — сказал профессор Пфаффа, и я кивнула. Это задание было труднее.

Я снова подняла воду из резервуара и хотела просто полностью заморозить. Но мне уж слишком сильно переполняла радость, или же я немного быстро двинула рукой, точно не могла определить, что там случилось.

За крошечную долю секунды водяной пузырь взорвался и маленькие водяные капельки распределились по всей аудитории. Захрустев, капельки молниеносно замёрзли, и в воздухе вдруг затанцевали нежные снежинки. Снегопад был таким густым, как будто мы попали в апокалипсическую метель. Я едва могла разглядеть профессора Пфафф сквозь плотный снег.

— Ой! — сказала я испуганно, но снег заглушил мой голос.

Все голоса внезапно стали тихими. Испуганные и в тоже время восторженные крики моих сокурсников я слышала приглушённо, как будто они раздавались из далека.

— Экзамен вы сдали, — неожиданно пробормотал профессор Пфафф рядом со мной. В мелком снеге я даже не услышала, что он сделал шаг в мою сторону. — И после того, как вы наведёте порядок в моём водном кабинете, возможно вам при случае будет полезно сделать тест на склонность к пятому элементу. Пусть мой ассистент назначит вам время.

— Согласна, — сказала я и подняла руки, чтобы перенести воду обратно в резервуар.

Подобно тому, как быстро капельки распределились по комнате, они вернулись обратно, образуя водяной шар. Я услышала, как Александра и Скара испуганно вскрикнули, когда с одной секунды на другую, исчезла рождественская тишина, а вода невинно переливаясь, опустилась в ёмкость.

— Впечатляет, — серьёзно подтвердил профессор Пфафф, и я быстро вернулась на своё место.

После того, как я разрушила ветровой кабинет, надеюсь, метель не будет иметь такого большого веса. И в этот раз я, по крайней мере, никого не ранила и не несла большого ущерба.

После семинара водной теории мы отправились в Акканку. Искусственное солнце хорошо грело, и тропическое тепло накрыло меня как влажный кокон.

— Куда делся Адам? — нетерпеливо спросил Лоренц, когда мы собрались на рыночной площади Акканки, где Грегор Кёниг уже выставил в ряд невзрачные растения.

— Вообще-то он хотел пойти сегодня на утренние лекции, — тихо ответила я. — Скорее всего он всё ещё в Глиняном переулке 13.

— В вашем любовном гнёздышке? — захихикал Лоренц.

— Не так громко, — прошипела я. — Кроме того, он там с Торином, эти двое ещё тренируются.

— Ладно тебе, успокойся. То, что произошло с Гройзель-крысой мы можем обсудить и позже. Всё равно это уже случилось, — Лоренц вздохнул.

Казалось, он справился со своим вчерашним шоком.

— Думаю будет лучше говорить открыто только ещё когда мы стоим посреди толпы, и никто не обращает на нас внимание, — прошептала я.

— Не очень хорошая идея, — сказала в этот момент Лиана. — В толпе всегда может кто-то подслушать. Лучше мы в следующий раз встретимся у меня, в нашей коммуналке, внизу на рыночной площади.

— Да, думаю так будет лучше всего, — мрачно ответила я.

В этот момент подошёл Грегор Кёниг и начал урок. Он подробно объяснил к какому роду относится колокольчик Присель и какие у него бывают разные формы цветка, представив их, используя небольшие растения.

— Колокольчик Присель прекрасное средство против ожогов, вызванных огненными шарами. Берётся свежее растение, размельчается в густую кашицу и наносится на поражённую кожу. В течение короткого времени, благодаря теплу тела, из кашицы

колокольчиков Присель образуется похожая на резину повязка, — он поднял рукав и показал нам эластичный, зелёный компресс. — Спустя всего двадцать четыре часа ожёг заживает и компресс можно снять.

После того, как Грегор Кёниг ещё объяснил, в какой области можно встретить колокольчик Присель, он закончил урок. В общей суете складывающихся сумки студентов, которые собирались на обед, я хотела использовать шанс и подошла к Грегору Кёниг, чтобы помочь ему с уборкой экспонатов.

— Ну и как, у вас есть предположение, против кокой команды драконов мы будем соревноваться? — спросила я, пока мы грузили колокольчики Присель на парящие тележки.

— Я что Сибилла? — спросил он. — Или я так на них похож.

— Э, нет, — удивлённо ответила я и поставила горшок последнего колокольчика на погрузочную платформу.

У Грегора Кёнига было плохое настроение. Это не подходящий день, чтобы убедить его отдать мне цветок летающей фиалки.

— Извини, Сельма, — вздохнул Грегор Кёниг, после того, как мы остались одни на рыночной площади. — С тех пор, как профессор Эспендорм сделала это заявление, репортёры осаждают меня и не перестают задавать именно этот вопрос. Я больше не могу его слышать. Я сказал им, чтобы они использовали свою голову на плечах, вместо того, чтобы отвлекать меня от работы.

— И теперь они её используют? — осторожно спросила я.

— Надеюсь на это, по крайней мере пока они уехали, но эта свора не оставит меня в покое надолго, ты же сама знаешь, что произойдёт в ближайшее время, — он страдальчески вздохнул.

— Знаю, — сочувственно сказала я. — Скоро будет лупиться «Священное яйцо». А как назовут малыша или малышку?

— Выбери что-нибудь из примерно тысячи имён, которые предложили газетчики, — Грегор Кёниг провёл рукой по светлым волосам.

— А как дела с профессором Пошером? — спросила я.

Когда я упомянула имя профессора, Грегор Кёниг вновь страдальчески закатил глаза.

— Есть причина, почему я на данный момент прорабатываю на уроках лекарственные растения. При виде ранений Пошер, кажется, впадает в панику и, как правило, делает всё ещё намного хуже. Я очень рад, что у нас в этом году почти не было серьёзных травм.

— Да, это большая удача, — ответила я. — Если уж мы заговорили об удаче, в последнее время у вас получилось размножить летающие фиалки.

— К сожалению, нет, — ответил Грегор Кёниг. — Последний цветок отцвёл в прошлом месяце, не образовав семени.

— Отцвёл? — беспомощно спросила я, и все мои надежды рухнули.

Весь сложный план не сработает, если Виллибальд Вернер не заговорит, а добровольно он этого, скорее всего, не сделает.

— Да, но не беспокойся, растение пустило три новых бутона, и я думаю, что они скоро расцветут. Может быть тогда нам наконец повезёт, и мы сможем собрать семя.

Грегор Кёниг ободряюще улыбнулся.

— И когда же нам ждать это событие? — спросила я.

— Что ж, сложно сказать. Может быть уже в июле, самое позднее в августе должны точно расцвести, — Грегор Кёниг активировал летающую тележку и к счастью не заметил,

как меня охватил страх, и я замерла. — Спасибо за помощь, Сельма. Сейчас придут первокурсники, а я ещё должен подготовиться к занятию. Увидимся завтра на тренировке, — сказав это, он ещё раз помахал мне и направился к садам Акканки.

Во время обеда беспокойство целиком захватило меня. Вся комната гудела, напряжение было ощутимым. Сегодня после обеда состоится сдача заявлений о намерение вступить в брак, но не это заставляло меня нервничать. Не то, чтобы Грегор Кёниг не хотел отдать мне цветок летающей фиалки, цветков просто нет. Это была крошечная, но важная деталь. Я должна обсудить её с остальными, но посередине южного зала во время обеда это было просто невозможно. И снова я прокляла Энакина за то, что он наложил на меня проклятье. Прямо сейчас мне хотелось посоветоваться с Адамом.

— Боже мой, как я ненавижу этот цирк, — совершенно неожиданно сказал Адам и сел напротив.

Я испуганно вздрогнула. Я всё ещё не чувствовала, когда он находился поблизости, и мне ужасно не хватало этой связи между нами.

— Кому ты об этом говоришь, — ответил угрюмо Лоренц.

Он сидел перед своей пустой тарелкой и всё время тихо ударял по ней ложкой, как будто ритмичный стук успокаивал его.

— И когда же начнётся спектакль? — спросила Лиана, разглядывая переговаривающиеся друг с другом головы.

— Формуляры нужно сдать между двух и шестью часами вечера, — сказала Ширли, скептически глядя на толпу. — Я покончу с этим сразу после следующей лекции, не буду откладывать.

— И ты кого-то выбрала? — спросил Лоренц и поднял взгляд.

— Нет, я присоединяюсь к вам, пусть и моё имя бросят в большой лотерейный котёл. Хотя отец начнёт бушевать, но пусть себе на здоровье бушует. Я ведь этого больше не услышу.

— А за кого ты вообще должна была выйти замуж? — спросила я.

— Это совершенное безумие, — ухмыляясь ответила Ширли.

— Да скажи уже, меня это не шокирует, — ответила я.

— Как хочешь, но только не смейся, — она посмотрела на меня подчёркнуто серьёзно. — Я должна была выйти за Торина.

— За Торина? — мой голос прозвучал немного пронзительно. И мне точно было не до смеха.

— Да! — кивнула Ширли. — Я ничего не имею против него, но я даже его не знаю.

— А что на это говорит Торин? — спросила я, поворачиваясь к Адаму, который мрачно смотрел на Ширли.

Поскольку он не был удивлён, я предположила, что он уже знал, что родители планировали для Торина.

— Ты знаешь мнение Торина на эту тему, — тихо сказал Адам.

— Да, — кивнула я.

— Неважно что говорит Торин. Речь здесь о том, что я сама выберу себе мужа. В каком веке мы в конце концов живем? — возмущенно сказала Ширли и взяла себе супа из ячеечных лесных червей. Кажется, за столом ни у кого кроме нее не было аппетита.

— Так или иначе, вы все равно будете вместе, — мрачно сказал Адам. — Если у тебя не появится другой кандидат, палата сенаторов будто бы чисто случайно прикрепит тебя к

Торину, если так решили наши родители. Они знают пути и методы, чтобы добиться своего.

— Правда?

Ширли замерла, когда Адам мрачно кивнул.

— Ты даже не представляешь, насколько коррумпирована эта система.

Пронзительный взгляд Адам бегал между мной и Ширли. Я ничего не могла поделать, его нынешнее настроение задевало меня за живое. Я испытывала страх, а внутри начало распространяться чувство неловкости. Несмотря на то, что после моей новости его настроение еще больше ухудшится, я должна ему сказать, что наш план действий во время соревнования драконов требует переработки. Нужно найти альтернативу для летающих фиалок.

Только я собралась начать издали, чтобы в конце подвести разговор к состоянию летающей фиалки, как Адам вдруг застыл на месте.

Некоторое время он неподвижно сидел в одной позе, и я поняла, что он получил какую-то новость. Потом внезапно вскочил и громко и рассерженно сказал: "Нет!" И только потом заметил, что стоит посреди столовой.

— Мне нужно уйти, — в спешке сказал он.

— Что случилось?

Увидев выражение его лица, у меня внутри все еще больше похолодело.

— Морлемы, — резко сказал Адам. Одного этого слова было достаточно.

Испуганные голоса Лоренца, Лианы и Ширли вдруг зазвучали где-то совсем далеко.

— Где? — спросила я ослабевшим голосом.

— Их видели в Испании. Я немедленно должен отправиться туда. Черная Гвардия уже в пути. Я знал, что они не просто так исчезли. Я побежал!

Адам снял кожаную куртку со стула и набросил ее на плечи. Затем вытащил из кармана конверт и вложил его мне в руку.

— Отдай это за меня!

Он сформировал губами слова "я люблю тебя" и поспешно убежал.

Я уставилась на конверт в руке. Это было заявление Адама о намерении вступить в брак, которое он доверительно оставил мне.

В этот момент я почувствовала, что за мной наблюдают и испугалась, поняв, что прощание Адама посередине южного зала не было таким сдержанным, каким должно было быть, чтобы обеспечить нам безопасность.

Но не успела я беспокойно осмотреться, чтобы убедиться, что в суматохе никто не обратил внимание на то, что мы сделали, и что никто не увидел этот короткий, крошечный момент доверия, как страх окончательно овладел мной и мои руки затряслись.

Если Морлемы снова появились, тогда Бальтазар точно не умер. Также было однозначно доказано, что он и в правду неуязвим, как мы уже предполагали в течение месяцев.

Я посмотрела в сторону профессора Эспендорм, которая преспокойно ела свой обед, углубившись в горячий спор с профессором Нелль. Я могла бы сказать ей, что у меня есть доказательство, но лишь появление Морлемов не являлось в её глазах доказательством того, что Морлемы имеют что-то общее с Бальтазаром.

Требовалось больше, и прежде всего необходимо признание Виллибальда Вернера. Но без летающей фиалки будет сложно получить от него признание. Может быть у Торина есть шанс проникнуть в его разум и прочесть правду в голове.

Главное, чтобы оба вернулись назад до соревнования драконов.

— Эта катастрофа, — пробормотала Лиана.

— Это был лишь вопрос времени, когда они снова появятся, а значит теперь настал час.

Мы должны быть готовы ко всему, — серьёзно сказала я. Потом я наклонилась вперёд, чтобы действительно убедиться в том, что нас никто не сможет подслушать. — Встретимся сегодня вечером в квартире Лианы и Ширли, там нас никто не побеспокоит.

Все трое слабо закивали. Я встала, всё ещё крепко держа конверт, который Адам сунул мне в руку. Хотя я, по отношению к другим, пыталась выглядеть сильной, меня совершенно неожиданно охватил страх за Адама.

Он был хорошо подготовлен и несомненно превосходил Морлемов, но всё же, казалось, будто я вернулась в тот день, когда уже сама сталкивалась с ними и заглянула в их пустые глаза. У них не было сострадания, если они вообще были способны что-то чувствовать. Теперь я совсем не была в этом уверена. Эти существа тьмы знали только одно: смерть и ещё раз смерть.

Меня внезапно охватило желание сбежать, и я прямо-таки выскочила из южного зала. Я просто хотела некоторое время побегать вверх-вниз по лестнице, пока беспокойство и паника не поутихнут настолько, что я смогу пережить следующую лекцию.

Но далеко я не ушла, потому что сразу за дверью стояла Скара, и я полетела прямо в её объятия. Прежде чем я опрокинула её на пол, мне удалось остановиться.

Хотя я вылила на неё поток ругательств, она, к моему удивлению, осталась совершенно спокойной и смотрела на меня рассудительно.

— Сельма, — сказала она со странным оттенком в голосе. Мне пришлось прислушаться, чтобы понять, что это веселье звучало в её словах. — Нам нужно поговорить.

Теперь моё удивление переросло в недоумение. Скара ещё никогда не вела со мной мало-мальски благоразумный разговор. До сих пор она явно давала мне понять, что я была не больше, чем назойливая муха в её жизни.

— Поговорить? — повторила я не особо остроумно.

— Пойдём! Прогуляемся по двору замка, там нам никто не мешает, — Скара не стала ждать моего ответа, а просто пошла вперёд.

Я автоматически кивнула и последовала за ней, как будто у меня не оставалось другого выбора. Меня охватило странное чувство. Это было предчувствие поднимающейся опасности. Возможно так же, как птица чувствует приближение грозы, и было бы благоразумнее скрыться в убежище.

Вопреки моей интуиции я всё-таки последовала за Скарой, так как во мне так же проснулось любопытство. Мне было интересно, что она собирается сказать. Она была высокомерным патрицием, которая своё сословное чванство возвела до религии и поклонялась ей до одержимости, граничащей с фанатизмом. Но такой проблемой страдало всё это общество, поэтому я не могла обвинять только её. Ей навязали шаблонное поведение, которое она с радостью приняла. Если бы она родилась в другой жизни, то возможно стала бы восторженным последователем какой-нибудь другой идеи. На это можно было смотреть скорее, как на слабых характерность, чем толковать как выбранную ей позицию.

Я ничего не могла с собой поделать, мне даже стало её жаль, когда мы вышли через входную дверь во двор замка. Солнце стояло в зените, а его лучи, теперь в апреле, имели уже столько силы, что в них угадывалось жаркое лето.

Нежная зелень покрывала луга и деревья, а весенние цветы прорастали из земли с

полной силой.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала, — сказала Скара дружелюбно, взяв меня под руку, как будто я её лучшая подруга.

Я в недоумение смотрела на фамильярный жест, в то время как мы прохаживались под просвечивающими деревьями, растущими посередине двора, образующими небольшой парк.

— И что же это? — подозрительно спросила я, хотя она пыталась расположить меня своим голосом к себе.

Мы дошли до туннеля, ведущего в Акканку, и я вывернулась из её хватки.

— Ты позаботишься о том, чтобы в заявление о намерение вступить в брак, которое сдаст сегодня Адам, было внесено моё имя, — сказала она так тихо и спокойно, что мне понадобилось какое-то время, пока до меня дошли её слова.

— Твое имя? — хрипло прошептала я и заулыбалась. Ее требование было таким абсурдным, что я даже не могла сердиться.

— Ты наблюдала за мной? — пренебрежительно сказала я. — Ты ошибаешься, Адам просто передал мне домашнее задание.

Было заметно, что ее раздражает мое поведение. Она насупилась, отчего на ее лбу появились морщины.

— Лучше тебе сделать то, что я говорю, иначе я выдам тебя и Адама Черной гвардии, — угрожающе сказала она. Все дружелюбие моментально исчезло из ее голоса.

— А нечего выдавать, — быстро ответила я, холодно глядя ей в глаза. — Кроме того, у Черной Гвардии сейчас другие проблемы.

— Напротив, есть много чего, что можно им рассказать, — ответила она не менее решительно.

— Твои спекуляции уже в прошлом году оказались неверными. Не думаю, что в этот раз тебе кто-нибудь поверит.

Я продолжала холодно смотреть на нее, надеясь, что решительность на моем лице заставит ее отказаться от своих мыслей. Скара видела нас вместе лишь изредка. Это не было веским доказательством того, что между нами было нечто большее, чем просто дружба.

— В этот раз, Сельма Каспари, — она растянула мое имя больше, чем нужно, — я лучше навела справки.

— Ага! — только и сказала я, выжидающе глядя на нее.

Пусть говорит, какие слабые доказательства ей удалось собрать. Мы всегда были осторожны, даже более чем.

Она улыбнулась, дьявольская усмешка была и в ее глазах.

— Глиняный переулок номер 13, - радостно сказала она, а у меня кровь застыла в жилах. — Я проследила за вами. И даже сделала несколько фотографий на всякий случай.

Хотя у меня было такое чувство, что мои голосовые связки заморожены, я продолжила хрипло говорить.

— Это вообще ничего не доказывает. Точно так же ты могла бы приписать мне отношения с Ширли. С ней я уже тоже не раз гуляла по Шёнефельде. Это абсурдно, и я больше не собираюсь слушать твои выдуманные фантазии.

Я уже хотела уйти, но Скара схватила меня за руку.

— Гройзель-крысы считаются на суде признанным доказательством, — тихо сказала она, но её слова возымели действие.

— Ты? — хрипло выдохнула я, когда поняла, что ошибочно подозревала палату

сенаторов в том, что она за нами шпионит.

— Интересно, какие вы там ведёте разговоры. За это я могу всех вас отправить в Хаебрам.

Последние слова она выкрикнула с ненавистью, а моё тело окончательно покинуло всё тепло. Колени начали дрожать, и мне пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть.

— Нет! — сказала я.

— Ты ещё можешь спасти своих странных друзей, а также Адама и себя. Внеси моё имя в заявление о намерение вступить в брак, и я закрою на это глаза.

Я смотрела на неё в смятение.

Адам и Скара гремело у меня в голове. Эта мысль прямо убивала. Это было неправильно, так ужасно неправильно, как только что-то может быть. Ведь он был моим счастьем и любовью. Уже только мысль о нём заставляла кипеть кровь, а на губах появлялась широкая улыбка. Наша любовь была чистой и незапятнанной, сильной и глубокой. Она была моей опорой в тёмные времена, то, за что я держалась, когда надежда полностью оставляла меня.

Я ожидала всё что угодно, интриги Бальтазара, политические вмешательства, слезку со стороны палаты сенаторов или атаки Морлемов. Но видимо я недооценила Скару.

Она уже всегда хотела заполучить Адама, и никогда не делала из этого тайну. А теперь мне самолично придётся передать его Скаре.

Моё сердце замирало, в голове царила абсолютная пустота, в то время, как мой мир рухнул. Как будто из глубокого подсознания внезапно всплыли слова Сибилл и болезненно напомнили, во что я ввязалась.

Твоя любовь — это дорога, её цель правда. Твоя удача делает тебя сильной и покажет путь, когда вокруг станет темно. Всё связано друг с другом и тебя поджидают большие опасности. Ваша любовь несёт смерть

Может теперь настал момент отпустить и заплатить по счётам за моё счастье, чтобы никто не умер. Хаебрам означал смерть не только для Адама, но и для меня. Я должна свернуть сейчас с дороги любви и направиться во тьму, чтобы спасти жизнь Адама.

Скара была не первой, кто подвергал нашу любовь опасности. Нам так часто везло, и в последний момент удавалось избежать угрозы. Под окном профессора Эспендорм я даже не могла сразиться со ней. Может быть у меня и был бы шанс взять под контроль её мысли и заставить забыть эту абсурдную идею. Но мой разум заблокирован, с тех пор, как Энакни проклял меня, и я даже не могла позвать на помощь Адама или Торина, потому что оба уже давно направлялись к Морлемам.

Кроме того, я почему-то была уверена, что Скара не даст мне ещё такую возможность и больше не подпустит к себе настолько близко, чтобы я могла воздействовать на её мысли. Я проклинала Энакина и его одержимость моей кровью.

— Итак! — нетерпеливо прорычала Скара.

— Я сделаю это, — устало сказала я.

Мой голос показался мне каким-то незнакомым, как будто был вовсе не моим. Я стояла рядом с моим телом и слушала, как будто это был посторонний человек.

— Я сдам заявление о намерение вступить в брак, а ты за это передашь мне свои доказательства.

— Договорились, — сказала Скара, и я увидела, как блеснули её глаза. Мне был знаком этот блеск — успех, окрыливший Скару. — Встретимся через час перед кабинетом

профессора Эспендорм. И не смей даже рассказывать об этом кому-нибудь из своих друзей. Тогда ещё сегодня вы все исчезните из Тенненбоде, ясно?

Я слабо кивнула, наблюдая за тем, как Скара быстро возвращается к входным дверям. Её шаги казались жизнерадостными, и, хотя я бросала ей вслед ненавистные взгляды, она не упала замертво, а казалось прямо-таки парит.

Её мечты сбывались, а мои разбились вдребезги. Как только я сдам заявление о намерении вступить в брак, пути назад не будет. Уже в следующем месяце они должны будут пожениться, и таким образом будут связаны друг с другом до самой смерти.

Ноги больше не держали меня, и я осела. Лёгкие отказывались наполняться кислородом, как будто на грудь давил тяжёлый груз, и я едва могла дышать.

Я чувствовала песок под коленями и руками, а потом мой взгляд внезапно расплылся, когда на глазах появились слёзы.

Мы прошли вместе через столько испытаний, преодолели разлуку и недоразумения, а теперь мне придётся самой толкнуть Адама в объятия Скары?

— Нет, — сказала я громко. Нельзя сделать для Скары всё так просто. Потому что, если я предам Адама, тогда это предательство будет намного серьёзнее, чем все враги, с которым нам когда-либо приходилось сталкиваться. Предательство убивает доверие, а доверие — это основа наших отношений.

Но я также не могла позволить Скаре выдать нас Чёрной гвардии. Если она это сделает, а я не сомневалась в том, что она без колебаний приведёт в действие свою угрозу, много времени не потребуется, и нас осудят и сошлют в Хаебрам.

Должен быть другой способ, чтобы выбраться из этой передраги. Я не хотела мириться с тем, что могу выбрать только из этих двух зол, потому что нет никаких сомнений, каким будет мой выбор.

Не знаю, как долго я сидела на земле, пока ломала себе голову.

Но в конце концов я заставила себя встать, потому что Скара, прекрасно всё понимая, дала мне мало времени. За такой короткий срок будет сложно найти решение. Но у меня появилась идея, кто, возможно, сможет мне помочь так быстро.

Я немедленно побежала в замок, пересекла вестибюль и взлетела вверх по лестнице до общего зала нашей жилой башни. Умерив шаг, я как можно более незаметно прошла мимо Фалько Гёрнера, который обсуждал с Клаусом и Эрвином появление Морлемов. Но я не стала углубляться в содержание их разговора, только отметила, что эта новость очень быстро распространилась. Потом побежала по узкой лестнице до четвёртого этажа жилой башни.

Я нетерпеливо застучала в дверь, отчаянно молясь, чтобы Дульса была на месте. Когда дверь приоткрылась и на меня, широко распахнув глаза, уставилась Сесилия, я облегчённо выдохнула. Если Сесилия здесь, то Дульса обычно недалеко.

— Я хочу поговорить с Дульсой, — сказала я, нетерпеливо заглядывая Сесилии за плечо. Но Сесилия не сдвинулась с места, а только пристально на меня смотрела. Жуткая дрожь пробежала по спине. Я знала, что она понимает, но казалось, вообще не реагирует. И словно привидение, она открыла дверь шире и без всяких жестов отступила назад.

— Дульса на лекции? — нетерпеливо спросила я. Время уходило. Дульса была ходячим лексиконом, и именно эта помощь была мне сейчас нужна. — Ты не можешь позвать её? Это очень срочно.

Мне показалось, что она кивнула, но я не была в этом уверена. Сесилия, бледная и прозрачная, как эфирный образ, который лишь слегка привязан к нашему миру, проплыла

назад в рабочую комнату и опустилась на диван. Я озадаченно посмотрела ей в след. Значит ли это, что я должна теперь ждать прибытия Дульсы?

Я издала отчаянный стон и последовала за Сесилией в рабочую комнату, форма которой была похожа на нашу несколькими этажами выше. Но обстановка была другой.

В то время, как на нашем этаже преобладали нежные тона, диван и кресла здесь были ярко синими, придавая комнате холодный облик.

Я зачаровано наблюдала за тем, как Сесилия неподвижно сидит. Она была похожа на статую и то, что она вообще ещё жива, выдавало только лёгкое поднятие груди и то, что она иногда моргала.

Интересно, она проводит так целый день?

Скорее всего.

— Сельма? — спросила загнанная Дульса позади меня.

Испугавшись и в то же время испытав облегчение, я повернулась.

— Дульса, слава Богу. Мне нужна твоя помощь.

— Что случилось? — Дульса закрыла за собой дверь и потянула меня к дивану.

— Скара шантажирует меня. Она хочет, чтобы я вписала её имя в заявление о намерении вступить в брак Адама.

Дрожащими руками я достала бумагу, которую Адам отдал мне.

— Ты ведь это не серьёзно? — испуганно спросил Дульса.

— К сожалению, серьёзно, — ответила я. — Но я не могу предать Адама, понимаешь?

— Конечно, — Дульса задумчиво разглядывала меня.

— Через полчаса я должна ждать её возле кабинета профессора Эспендорм, — я развернула документ в поисках того места, куда должна вписать имя Скары, но замерла, когда увидела, что Адам уже внёс имя.

Я, как сквозь туннель, смотрела на красивые, изогнутые буквы, которые он написал своим характерным, элегантным почерком и просто не могла поверить в то, что прочитала.

Сельма Каспари.

Он выбрал меня.

Это был протест против правил и выпад против истеблишмента. Без моего заявления его было недействительным, оно уже было таким само по себе, потому что даже Адам Торрел не мог пойти против действующих правил.

Значит он хотел протестовать против правил, и его протест будет услышан. Но даже если он будет услышан, я не была уверена, что кто-то сделает для него исключение.

— Я ищу что-нибудь, что могло бы мне помочь, — тихо сказала я и посмотрела на Дульсу, которая проследила за моим взглядом и улыбнулась. — Исчезающие чернила, например, или траву, которая заставит Скару забыть о своих планах.

— Хмм, — задумчиво сказала Дульса и отсутствующим взглядом посмотрела на сестру.

По морганию Сесилии я поняла, что она слышала наш разговор и не только. Они переговаривались между собой, хотя я ничего не замечала.

— Существуют соки растений, которые потом исчезают, но тем не менее профессор Эспендорм уже примет к сведению формуляр. Иллюзорное волшебство тоже не решит проблему. Будет лучше, если ты заставишь Скару отказаться от шантажа.

Я поняла, о чем думает Дульса.

— Я не могу, — напряженно сказала я.

Энакин заблокировал мой разум, а я даже не могла объяснить ей почему. Нужно было

наконец избавиться от этого проклятия. От него постепенно начинала исходить непредсказуемая опасность. Однако в данный момент у меня были заботы поважнее.

— Я бы могла это сделать, — в этот момент сказала Дульса. — Но прошу тебя об одном одолжении.

Она вновь посмотрела на Сесилию, как будто опять вела диалог со своей сестрой-близняшкой, которой я не могла слышать.

— Все, что хочешь, — облегченно сказала я.

— Я знаю, что ты, Лоренц, Лиана и Ширли что-то планируете против Бальтазара. Позвольте мне тоже поучаствовать! — она посмотрела на меня большими глазами.

— Ты же уже учувствуешь, — удивленно ответила я.

— Нет, я помогаю вам, но не посвящена во все детали, — возразила Дульса.

— Потому что это опасно, и мы хотим защитить тебя от Хаебрама, — указала я на проблему. — Не только тебя, но и твою сестру тоже, — я бросила взгляд на Сесилию, которая всё ещё сидела на диване.

— Об этом тебе не стоит беспокоиться, — сказала Дульса и посмотрела мне прямо в глаза.

В этот момент я была поражена, насколько сильно она повзрослела с тех пор, как мы пошли в университет и какой была сильной личностью.

— Согласна, — сказала я.

Мне не нужно было продолжать рассказывать Дульсе об опасностях, угрожающих ей. Она и сама хорошо всё знала.

Дульса кивнула и забрала у меня из рук заявление Адама о намерение вступить в брак. Потом направила взгляд на чернила, и я увидела, как задвигались буквы и изменились. Это не заняло много времени, и теперь на том месте, где только что ещё было написано моё имя, стояло имя Скары. Это выглядело неправильно, и ощущение было таким же. Но ведь это ненадолго, только, чтобы отвлечь Скару и дать Дульсе возможность проникнуть в её сознание и заставить забыть об этом.

Дульса вернула мне письмо, и я быстро его сложила.

— Я встречаюсь со Скаррой через пятнадцать минут возле кабинета профессора Эспендорм. Она проверит, выполнила ли я её требование, а я, принесла ли она свои доказательства. Это единственный момент, когда она отвлечётся.

— Понимаю, — сказала Дульса. — Оставь это на меня. Я пойду вперёд.

Я крепко вцепилось в заявление Адама о намерение вступить в брак, когда вскоре после этого направлялась к кабинету профессора Эспендорм. Дульсу я нигде не обнаружила, зато узнала Скару, которая стремительно шла мне навстречу с другой стороны коридора.

В руке она держала небольшой ящичек, и я сосредоточилась на нём. В него она сложила все свои доказательства, и я должна заполучить этот ящик.

Я посмотрела ей в глаза, когда мы подошли ближе и наконец встали друг против друга. Я сосредоточилась только на тёмном, лакированном дереве в её руке.

— Я сдам это только в том случае, если ты гарантируешь мне, что других доказательств нет, — сказала я холодным голосом, подняв вверх заявление о намерение вступить в брак.

— Когда я заполучу это, — она с жадностью посмотрела на заявление в моей руке, — тогда я в любом случае закончила с тобой. Единственное, чего я от тебя хочу, это Адам.

— Покажи мне свои доказательства! — сказала я.

Сначала я хотела узнать, какие именно доказательства у неё есть против меня.

— Ты мне что, не доверяешь? — Скара усмехнулась и приоткрыла коричневый ящик. И в самом деле я слышала из него негодующий писк Гройзель-крысы, такой же серой, как войлок, каким был обит ящик изнутри.

— И это всё, что у тебя есть? — скептически спросила я.

Скара вытащила конверт из сумочки и протянула мне.

— Здесь фотографии и конечно негативы. Как я уже сказала, как только я заполучу Адама, все это мне больше не понадобится.

— Покажи мне фотографии! — резко сказала я.

Скара сердито засверкала на меня глазами и мгновение колебалась. Потом неохотно открыла конверт и вытащила из него одну фотографию, на которой в рассеянном свете сумерек были видны две фигуры перед домом под номером 13 в Глиняном переулке.

— А теперь ты покажи мне, что имя написано в нужном месте, — потребовала Скара и положила фотографию в конверт, прежде чем я смогла рассмотреть снимок поближе.

— Хорошо, — сказала я немного громче, чем требовалось. — Я покажу тебе.

Это было ключевое слово для Дульсы. Я понятия не имела, где она. В коридоре никого не было видно. Могу ли я на неё положиться?

Мои пальцы дрогнули, пока я разглядывала жадное выражение лица Скары и подумывала о том, чтобы покончить с этим делом, применив силу.

— Покажи мне! — потребовала Скара, в её голосе звучала непреклонная нотка.

Я медленно вытащила заявление о намерение вступить в брак из конверта и развернула. Потом подняла его вверх, так чтобы Скара могла убедиться в том, что её имя действительно было внесено в формуляр.

В тот момент, когда она склонилась над бумагой, от стены внезапно отделилась тень и подошла к Скаре.

В то время как я ещё стояла, замерев от испуга, я слышала грохот и увидела, как профессор Пошер завернул в коридор.

Нет! Только не сейчас!

Тень вновь отступила к стене, Скара её даже не заметила.

— Сельма Каспари, — строго сказал профессор Пошер, направляясь ко мне, а я быстро опустила вниз заявление о намерение вступить в брак. Даже Скара, казалось, не хотела, чтобы её поймали и спрятали ящик с Гройзель-крысой за спиной. — Мне не хватало вас сегодня на лекции.

— Извините, — хрипло сказала я.

Почему-то в этот момент я никак не могла придумать подходящее оправдание. События как раз стремительно развивались, а профессор Пошер в этот момент очень сильно мешал. Сейчас у меня не было времени для выговора. Я только хотела, чтобы он побыстрее исчез, и мы наконец смогли покончить с этим делом.

— Извинения вам никак не помогут. Я ожидаю от вас результатов. Завтра я увижу вас на уроке. Профессор Эспендорм попросила меня принять практическую часть вашего экзамена. Будь моя воля, я уже давно исключил бы вас с этого урока. Здесь есть только место для студентов, которые действительно хотят чего-то достичь, а не для лентяев, — он кивнул мне, прежде чем я смогла ответить и твёрдым шагом направился вдоль коридора к своему кабинету. Больше всего мне хотелось последовать за профессором Пошером в его кабинет и крикнуть в ответ, что только его образцовый студент Энакин Арпади виноват в том, что я

пропустила столько много занятий. Но в то же момент, когда я подавлюсь моими словами, я, вероятно, убью его дыроколом.

Примерившись, я повернулась к Скаре. Почему она не может спросить, что я пережила во время каникул? С ней я, скорее всего, даже не буду прилагать усилий вежливо закончить разговор какой-нибудь отговоркой.

Как только профессор Пошер исчез в своём кабинете, тёмная тень вновь отделилась от стены и заскользила в сторону Скары, которая сделала шаг в мою сторону. Я пыталась узнать Дульсу в тени, но, когда смотрела прямо на неё, тень расплывалась перед глазами как туман на ветру.

— Теперь давай! — сказала Скара и протянула мне ящик, на котором лежал конверт с фотографиями. — Поменяемся одновременно.

Я медленно подняла заявление о намерение вступить в брак.

— Скара, — выдохнул в этот момент слабый голос рядом с её ухом, и в том, кто говорил, я с облегчением узнала Дульсу. Однако она так ловко изменила голос, что можно было подумать со Скарой говорит призрак.

Скара замерла.

Повернись, умоляла я и посмотри на Дульсу, чтобы та смогла воздействовать на твой злобный разум.

— Скара, — снова выдохнул голос и прозвучал ещё холоднее. Если бы я не знала, что там стоит Дульса, то ожидала бы убийцу с обнажённым ножом в руке.

Скара побледнела как простынь. Она очень медленно начала поворачивать голову, чтобы ещё отложить осознание ужаса.

Я напротив, мысленно уже ликовала. Всё шло по плану. Сейчас Дульса сможет посмотреть ей в глаза, и судя по тому, насколько Скара была в этот момент сбита с толку, не должно возникнуть проблем проникнуть в её разум и заставить забыть, какой коварный план она преследовала.

В этот момент с громким стуком открылась дверь кабинета профессора Эспендорм. Это случилось так внезапно и без предупреждения, что я испуганно отпрянула. Скара вскрикнула, а тёмная тень, скрывающая Дульсу снова слилась со стеной. Как раз в этот момент профессор Эспендорм вышла в коридор.

— Кто-то пострадал? — спросила она, в недоумение смотря на Скару, которая всё ещё быстро дышала, прижав руку к груди.

— Там был..., — заикалась Скара, в панике оглядываясь. Но там ничего не было, кроме стены и тёмной тени за дверью. Потом она посмотрела на меня, и я прямо-таки почувствовала, как она скомбинировала улики и сделала правильные выводы. Внезапно она успокоилась, а её взгляд загорелся.

— Сельма пришла, чтобы передать вам заявление Адама Торрела о намерение вступить в брак, — сказала она резко, не отрывая от меня взгляда.

— В самом деле? — спросила профессор Эспендорм и бросила взгляд на заявление о намерение вступить в брак в моей руке, которое выглядело уже довольно потрепанным.

— Нет, это заблуждение, — быстро сказала я. — Адам Торрел сдаст своё заявление о намерение вступить в брак позже. Его вызвали на задание.

— Да, Морлемы снова появились, — подтвердила профессор Эспендорм.

— Это заявление о намерение вступить в брак Адама Торрела, — настаивала Скара.

— Нет, это не оно, — прошипела я, сердито сверкая на Скару глазами.

Мы ещё проверяли доказательства и фотографии, которые она показывала. Ей ещё не удалось убедить меня, что доказательства могут отправить нас в Хаебрам.

— Это мы сможем быстро выяснить, — нетерпеливо сказала профессор Эспендорм и закрыла глаза. Понадобился только короткий момент, и он снова их открыла.

— Адам Торрел подтвердил, что вы должны сдать сегодня его заявление о намерение вступить в брак. И он настоял на том, что имя, которое стоит на этой бумаге, соответствует его желанию.

— Нет, — хрипло сказала я. — Это огромное недоразумение.

— Хватит, — прикрикнула профессор Эспендорм. — Покажите мне документ, тогда увидим чьё это заявление Адама или нет, — она протянула руку, а я закрыла глаза и попыталась послать Адаму сообщение, чтобы он смог ещё прояснить это недоразумение, эту роковую ошибку.

«Адам, это фальшивое заявление о намерение вступить в брак», — выкрикнула я мысленно. Вспышка перед глазами и внезапная боль в голове на одно мгновение помutilи моё сознание. Чёрт, я совсем забыла про проклятие в этот момент.

Я неясно видела, как профессор Эспендорм схватила заявление о намерении вступить в брак, развернула его, кивнула и исчезла в своём кабинете.

Когда боль прошла, было уже поздно. Скара с улыбкой на губах сунула мне в руки ящичек с Гройзель-крысой и последовала за профессором Эспендорм в кабинет.

Мои колени подкосились, а шея напряглась.

— Мне очень жаль, — сказала Дульса, внезапно появившаяся возле меня и положила мне на плечо руку. — Но я бы не смогла одурачить профессора Эспендорм иллюзией тени.

— Ты сделала все, что могла, — сказала я слабым голосом. — Просто не получилось. Спасибо за помощь.

Сказав это, я просто ушла, так как больше мне здесь нечего было делать.

Остальную часть дня я провела как во сне. Пошла на лекцию профессора Хенгстенберг и послушала её доклад о различных расах и существах, которых можно было встретить в магическом мире. Чтобы выучить их наизусть, понадобится несколько часов, думала я, в то время как она подробно говорила о теневых саламандрах, встречающихся в гротах, которые образуются под солнечными деревьями. Это маленькие животные принадлежит к существам, которые, если угрожает опасность, сами могут превращаться в чёрный туман. Питаются они горными ежовником, разновидностью растений, только благодаря которому и возможно такое превращение.

Даже когда профессор Хенгстенберг начала подробно рассказывать об образе жизни, размножение и распространённости этих невзрачных животных, я не допускала в голову никаких других мыслей, кроме как о теневых саламандрах. Лоренц, Лиана и Ширли сегодня тоже были молчаливыми, поэтому никто не заметил, что я утратила все слова.

После лекции мы всё ещё молча поднялись в нашу жилую башню.

— Что это такое? — спросила Ширли, когда мы зашли в рабочую комнату. Ящик и фотографии я бросила на стол без всякого стимула.

— Гройзель-крыса, — тихо сказала я и плюхнулась на диван. Я выглянула в окно, посмотрев на светло-розовые облака и попыталась порадоваться нежному солнцу.

— Ты тоже хочешь за кем-то шпионить? — ухмыляясь спросила Ширли.

— Нет, — сказала я. — Это не моя крыса. Она принадлежит Скаре. Это она шпионил за нами.

— И это ты говоришь только сейчас? — голос Лоренца прозвучал тоненько и испуганно.

— Не беспокойся, — ответила я устало. — Речь никогда не шла о вас. Для неё всегда был важен только Адам.

— Что ты сделала? — холодно спросила Лиана, как будто уже догадалась, что случилось.

Я встала и подошла к окну. Я просто не могла об этом говорить, потому что не знала, что делать дальше.

— Что ты сделала? — повторила Лиана уже мягче, когда подошла ко мне и дотронулась до моей руки. Этот утешительный жест довел меня до слез, и я начала всхлипывать. — Что Скара хотела от Адама?

— Она выйдет за него замуж, — сказала я слабым, хриплым голосом.

— Замуж? — возмущенно крикнула Ширли.

Я кивнула.

— Она видела нас и хотела выдать Черной гвардии. Мы с Дульсой хотели застать ее врасплох и попытаться отговорить делать это. Но ничего не получилось. Поддельное заявление о намерении вступить в брак сейчас находится у профессора Эспендорм.

— Ты подделала его заявление о намерении вступить в брак? — Ширли в ужасе посмотрела на меня. — Будут неприятности, — тихо сказала она. — Адам взорвется, если узнает об этом.

— Я знаю, — ответила я запинаясь. — Но я ведь не могла просто смотреть, как она заложит нас всех и ничего не сделать. У Скары были доказательства, и она не стала бы колебаться и предала нас. Не только Адама и меня, вас бы она тоже подвела под монастырь, если бы я не сделала то, что она от меня требовала.

— Но так ты предала Адама, — тихо сказала Лиана. Мне ничего не оставалось, как кивнуть.

Мне придётся жить с реакцией Адама, но лучше так, чем всю жизнь упрекать себя, что я была в ответе за его изгнание в Хаебрам, то есть это на тот случай, если я вообще буду ещё способна на такую мысль в Хаебраме.

— Что это вообще за доказательства? — Лиана подошла к столу и, недолго думая, открыла деревянный ящичек. — Сельма, дорогая, — сказала она спустя какое-то время и растягивая слова. — Это совсем не Гройзель-крыса, это самая обычная домашняя крыса.

— Что? — я испуганно развернулась, кровь, казалось, застыла в жилах.

В это время Ширли открыла конверт и разложила фотографии на столе. Я бросилась к столу и споткнувшись, чуть не упала, когда услышала испуганный крик Ширли.

Теперь я тоже это увидела. На фотографиях не было ни меня, ни Адама, всё нечёткие снимки только Глиняного переулка под номером 13.

— Нет! — беззвучно выдохнула я. У неё ничего не было против нас, совсем ничего. Это всего лишь было предположение с её стороны, которое я подтвердила своей реакцией.

— Чёрт, — сказала Ширли. — Стерва провела тебя.

Так не могло продолжаться. Моя неспособность отправлять сообщения превратилась из простой помехи в опасность.

Я по очереди посмотрела на моих друзей. На Ширли, которая в ужасе уставилась на меня из-под своих покрашенных в чёрный цвет волос, хорошо понимая, что значит для меня то, что случилось сегодня.

На Лиану и Лоренца, которые совершенно неожиданно взялись за руки и так испуганно смотрели на меня, как будто я сейчас упаду в обморок.

Даже если казалось так заманчиво провалится сейчас в какую-нибудь дыру и потерять сознание, во мне всё же вспыхнула другая мысль: я должна что-то сделать. Существует только один человек, который может мне помочь, и теперь пришло время навестить его.

Холодный, ночной воздух задувал мне в глаза, но я не чувствовала ни слёз, которые текли по онемевшим щекам, ни боли в ледяных пальцах. Онемение, что окутало, нравилось мне. Оно держало подальше от пустоты, всё больше распространяющейся в моём сердце, чем дальше я летела в ночи одна.

Ещё тем же вечером я навестила господина Гондена, который уже однажды предпринимал путешествие к моей бабушке. Он охотно объяснил мне, как найти Темаллин. Прямо с порога его дома я полетела, не хотела терять больше ни одной секунды.

Господин Гонден заставил меня пообещать, что я верну бабушку в Шёнефельде. Его здоровье ухудшилось, а профессор Пошер не слишком отличился в умение оказать помощь.

Но тепло, которое вызвал во мне дружеский разговор с господином Гонденом всё больше бледнело, чем дальше я летела.

Казалось, будто дорога до Темаллина поглощала мою энергию. Возможно, убеждала я себя, меня изматывало также растущее сомнение в успехе этого путешествия. Я никак не могла отбросить мысли, которые, словно спираль, накручивались в голове.

Непрощенные противоречия и сомнения одолевали меня, не давая покоя, как бы я не пыталась от них избавиться.

К несчастью, здесь не было ничего, что могло бы отвлечь меня от мысли, что это я виновата в том, что имя Скары теперь стоит в заявлении Адама о намерении вступить в брак. А этот официальный документ лежит в кабинете профессора Эспендорм. И всё впустую. Я по-прежнему была у Скары в руках, и эта мысль просто убивала. Я изо всех сил старалась думать о чём-то положительном. Но мне никак не удавалось представить бабушку в качестве спасительницы из этой запутанной ситуации.

Она никогда не скрывала, что не одобряет тот путь, который я избрала.

Возможно она посмотрит на это, как на справедливое наказание за моё поведение. А может быть я вообще зря ломаю себе голову, и моя бабушка даже не примет меня, как случилось с Торином и Адамом.

Постепенно горизонт стал менять цвет. Всё началось с лёгкого отсвета, который почти не было видно и всё же, он непрестанно и не останавливаясь становился всё сильнее.

Со светом также медленно возвращалась надежда, прогнав ночные тени, которые привели меня в мои собственные самые тёмные глубины.

Когда на горизонте поднялся яркий солнечный шар, затопив мир подо мной светом, надежда наполнила меня ещё сильнее. Должен найтись выход и решение. Адам был всем, чем была я. Я не позволю Скаре уничтожить «нас» и «мы».

В ярком свете начинающегося дня я видела внизу бесконечную степь. Небольшой город с башнями-близнецами я пролетела уже шесть часов назад, оставив таким образом последнее поселение позади.

Я знала, что уже была близка к цели. Если я конечно не заблудилась, тогда скоро должен появиться огромный каменный дуб, который отмечал место, где находился вход в город друидов.

Я не чувствовала усталости, а голод и жажда были терпимыми, поэтому решила не делать перерыва, а лететь дальше.

Когда солнце покинуло горизонт и поднялось в небо, я увидела вдалеке на горизонте

белую точку. Чем ближе я подлетала, тем больше вырисовывались очертания огромной, белоснежной кроны дерева.

Я испытала такое облегчение, что наконец добралась до цели, что даже невольно улыбнулась. Теперь я также заметила волнение, которое всё больше возрастало.

Пока я мысленно приводила аргументы, почему бабушка обязательно должна мне помочь и исключала возможность, что она не поддержит меня, меня вдруг охватила странная, холодная дрожь. Ощущение было такое, будто внезапно и неожиданно, в тёплый летний день моей кожи коснулся холодный ветерок.

Но сейчас ведь не тёплый летний день, и погода не безветренная, чтобы её внезапно прервал ветерок. Всё совсем наоборот. Температура была не больше семи градусов, а ветер не переставал хлестать меня уже на протяжении нескольких часов, так что я была уверена, что не смогла бы даже почувствовать нежный ветерок.

Я нервно огляделась, потому что это чувство могло означать только одно. Что-то находилось поблизости, и это что-то имело тёмную сторону. После того, как я детально оглядела окрестности и ничего не обнаружила, я снова сосредоточилась на каменном дубе, к которому уже значительно приблизилась. Теперь можно уже было разглядеть отдельные ветви в кроне дерева, с которых свисали белоснежные листья, придающие дереву его типичный вид.

Хотя я во всём теле ощущала, что пролетела всю ночь, и почти больше не чувствовала мышц на спине, я ещё раз мобилизовала все силы. Не позволю так близко к цели остановить себя и доберусь до Темалина.

Когда от каменного дуба меня отделяли всего несколько метров, я вдруг увидела, как в кроне дерева блеснуло что-то темное. Там что-то было и чем ближе я подлетала, тем сильнее я ощущала холод в голове, нарастающий как головная боль.

Снизив скорость, я все ближе подбиралась к цели. Мне нужно просто подойти к дереву и дотронуться до его ствола. Тогда друиды узнают, что я здесь и сами решат пускать меня в Темалин или нет.

Черные пятна становились все больше, чем ближе я была к дереву. Выглядело так, словно кто-то развесил на дереве полотенца для просушки или как будто по некоторым веткам распространились лишайники.

На расстоянии двадцати метров, когда уже можно было разглядеть отдельные листья, я вдруг поняла, кто поджидает меня там. Меня обуял ужас, прогнав одним махом всякую надежду. Это были не полотенца или растительные паразиты, поразившие дерево.

Меня ждали Морлемы.

Закутанные в черное фигуры двигались быстро, как тени, скользящие по стене. Их глаза были пусты, но тем не менее они все смотрели на меня, в то время как я застыла в воздухе. Из-за шока мне стало трудно дышать, и я начала судорожно придумывать как спастись.

Морлемы снова появились не только в Испании. Они также блокировали вход в Темалин. Конечно они уже давно обнаружили меня и наблюдали, как я приближаюсь. Пока я зависала в воздухе, из кроны дерева вылезло примерно двадцать Морлемов и, чтобы захватить, начали образовывать вокруг меня полукруг.

Чего они от меня хотят? У Бальтазара была возможность сделать меня своей магической партнёршей, и это не сработало. Он всё-таки хочет избавиться от меня, потому что мне известны его тайны? Но у меня не было желание выяснять это.

Я смотрела на тёмные фигуры вокруг, и меня всё сильнее охватывала паника. В

отчаяние я огляделась, но нигде не обнаружила друидов. Их здесь должны быть сотни, но видимо они не видели необходимости в том, чтобы позаботиться о порядке перед дверью своего дома.

Моё сердце стучало как бешеное, когда я увидела, что круг из Морлемов между тем сомкнулся, они подлетали всё ближе. Я смотрела на тёмные крылья и чёрную одежду, развивающуюся вокруг их фигур.

И тут я наконец вспомнила, что у меня нет оружия, с помощью которого я могла бы ранить Морлемов. Значит оставалось только одно, прежде чем они схватят меня. Я должна сдержат их с помощью магических сил и использовать момент неожиданности, чтобы долететь до ствола каменного дуба.

Потом я могу только надеяться на то, что друиды позволят мне войти, прежде чем Морлемы опомнятся и одолеют меня.

Я глубоко вдохнула, и, хотя моё сердце неслоь вскачь, как будто хотело выпрыгнуть из груди, мне удалось сконцентрироваться на дыхании. Выдыхая, я подняла руки и сосредоточилась на силе огня. Однажды я уже создала огненное кольцо, так что оно должно получиться снова.

Краем глаза я видела, что круг Морлемов становится всё меньше, а чернота всё плотнее и компактнее. В последний раз я сделала глубоких вдох и при выдохе опустила руки, и в самом деле, вокруг меня появился узкий круг из огня. Покалывание в пальцах овладело мной и прогнало страх и панику.

Морлемы удивлённо отпрянули назад, когда перед ними, будто из неоткуда, возникло пламя. В круге появились пробелы, некоторым показалось неладным то, что я сделала. Но они быстро оправились и сомкнули круг плечо к плечу.

Для того, чтобы отогнать их по крайней мере настолько, чтобы я могла добраться до ствола каменного дуба, моего заклинания было недостаточно. Я сразу закрыла глаза, чтобы получше сосредоточится и ещё раз глубоко вдохнула. Потом прислушалась к себе, к стуку сердца и перенесла ритм в руки. Я качала всё больше энергии в заклинание и когда распахнула глаза, меня окружал ослепительно яркий, красный свет. Диаметр огненного кольца был по меньшей мере десять метров. Но вокруг него всё ещё парили Морлемы и блокировали мне путь к друидам. Эти упрямые существа просто не хотели сдаваться.

Я снова вдохнула и начала наносить руками удары влево, после чего огненное кольцо зашевелилось и стало вращаться. словно чудовищное колесо, оно начало свою разрушительную работу. Пламя всё быстрее извивалось вокруг, хлеща жаром и пеклом во все стороны. Наконец, когда огонь к ним приблизился, Морлемы испуганно отступили.

Теперь настал мой момент. Я оттеснила их настолько, что у меня был реальный шанс добраться до каменного дуба. Прижав крылья к телу, я полетела вниз, выпав из огненного кольца.

Свежий воздух, дующий мне навстречу, охладил мои разгорячённые щёки. Незадолго до того, как удариться о твёрдую землю степи, я вновь расправила крылья и помчалась в метре над поросшей травой равниной, не выпуская из виду ствол каменного дуба. Я не смотрела вверх и не обращала внимания, следует ли кто-нибудь за мной. Это был мой последний шанс, чтобы спастись. Скорее всего я не смогу выдержать бесконечную погоню через этот одинокий пустырь.

Когда передо мной оставались ещё десять метров, я услышала крик негодования и поняла, Морлемы обнаружили, что я сбежала из огненного кольца.

Множество голосов присоединились к боевому кличу, и это могло только означать, что охота на меня открыта. Я быстрее замахала крыльями, очень надеясь, что доберусь до цели быстрее, чем они. Я со всей силы врезалась в дерево и положила обе руки на кору.

Голоса позади были уже близко.

— Друиды Темаллина, впустите меня. Мне нужна помощь, — в панике выкрикнула я и крепко прижала руки к шершавому стволу, так как показал мне господин Гонден.

Морлемы позади меня выкрикивали друг другу команды на грубом и резком языке, который был мне незнаком. На самом деле я даже была рада тому, что не знаю, что планируют со мной сделать эти существа.

— Пожалуйста впустите! Здесь Морлемы, они убьют меня, — умоляла я в отчаяние, потому что их голоса были такими громкими, что они должно быть стояли уже прямо позади меня.

Теперь мне нужно решить, либо надеяться на милость друидов, что они впустят меня, либо оставить каменный дуб и защищаться самой, насколько хватит сил.

— Пожалуйста! — крикнула я в последний раз, потому что уже отчетливо ощущала холод позади, не оставлявший мне времени для дальнейших просьб.

Это было бессмысленно. Друиды не хотели помогать, разочарование из-за этого, болью отозвалось у меня внутри. Я набрала в легкие воздуха и собиралась повернуться навстречу Морлемам. Последняя битва не на жизнь, а на смерть. Во всяком случае живой они меня не получают.

Я стиснула зубы, раздумывая над тем, есть ли внутри их тел жидкость, которую я могла бы заморозить, как вдруг образ дуба расплылся перед моими глазами и стал прозрачным.

Я обернулась и увидела, что один из Морлемов хотел схватить меня за плечо. Но его рука прошла сквозь меня, словно я была голограммой. Исчезало не моё окружение, а растворялась я сама. Морлем становился все прозрачнее и прозрачнее, и я не смогла сдержать злорадной улыбки.

В конце все стало белым.

Но когда мир снова обрел контуры, я увидела совершенно другие цвета.

В то время как степь была окутана в коричневые, бежевые и жёлтые тона, здесь всё было бледно-зелёным и голубым. Почти так, будто на всём лежал мелкий, белый туман, смягчающий мир. Я моргнула и снова посмотрела на панораму. Водопады обрушивались с высокого края в узкую долину, которая как лощина, становилась всё уже и в конце концов полностью заполнялась бурным горным потоком. Это брызги водопадов окутывали всю долину в мелкую водяную пыль.

— Изумительное зрелище, не так ли? — спросил нежный голос, слишком хорошо мне знакомый. — Иногда я сижу здесь и просто смотрю, как вода бесконечно падает на землю.

— Это успокаивает, — ответила я, поворачиваясь к бабушке. Только теперь я увидела, где вообще нахожусь. Я лежала на лежанке, стоящей на просторной крытой террасе.

Моя бабушка выглядела отдохнувшей и расслабленной. Время в Темаллине принесло ей пользу. Скорее всего любому полезно дать отстояться проблемам в своей жизни, вместо того, чтобы зарываться в них ещё глубже.

Тёмное дерево навеса гармонировало с каменным полом. Вообще казалось, будто здесь всё гармонирует друг с другом и согласуется. Даже растения на скалах и насекомые, слетающиеся к ярким цветам, казались все на своём месте.

Внезапно я снова вспомнила, как сюда попала.

— Морлемы! — испуганно сказала я и села.

— Они не могут войти в Темаллин, — сказала бабушка, и теперь в её голосе слышалась подавленность, которая была мне так хорошо знакома. — Они уже несколько недель подряд осаждают каменный дуб, как будто ожидали, что ты прибудешь сюда.

— Наверное, Бальтазар расставил их там, где предположил, что могу появиться я, — с сожалением сказала я.

Значит охота на меня была открыта уже какое-то время, и у Морлемов была ясная цель.

— Всё ещё Хеландер Бальтазар, — вздыхая, сказала бабушка и убрала с лица прядь волос, которая высвободилась из заплетённой косы.

— Ты такая спокойная, — удивлённо сказала я, села и посмотрела в её знакомые зелёные глаза.

— В Темаллине любой в какой-то момент обретает покой. Один раньше, другой позже, — ответила она. — У меня было много времени, чтобы подумать.

— Ты сожалеешь о своём решении? — спросила я прямо.

— Как можно сожалеть о том, что ты находишься в таком месте?

Она развела в стороны руки, и когда я скользнула взглядом по захватывающим водопадам, падающим вниз с сотни метров высоты, я могла по крайней мере частично согласиться с ней. Было очень красиво, но если остаться на долго, то надоест. Точно так же, как мне когда-то надоела прекрасная и мирная жизнь в Шёнефельде.

Внезапно я снова вспомнила, для чего сюда прилетела.

— Я здесь, чтобы кое о чём тебя попросить, — медленно сказала я.

— Я почти так и подумала, — моя бабушка не отрывала от меня взгляда.

Я медленно вытащила из кармана брюк маленький, свёрнутый лист бумаги, записку, которую когда-то написала в Антарктике. Она была единственным способом рассказать бабушке об этом пережитом мной злоключении.

Она нерешительно взяла записку, развернула и скептически посмотрела на замаравшую её кровь, как будто уже догадывалась, что её ожидают плохие новости. В её оправдание нужно сказать, что она сделала глубокий вздох, но всё-таки прочитала то, что я написала.

Пока она читала мои слова, её брови поднимались всё выше, и в конце концов она распахнула глаза.

— Это правда? — испуганно спросила она.

Я с трудом кивнула, чувствуя, что мои руки начали беспокойно дёргаться.

Я быстро встала и прошла к перилам террасы, прижимающимся к скале. Отсюда открывался вид до самого низа, где вода в огромном облаке брызг падала на землю.

— Поскольку ты передала записку и не говоришь со мной, полагаю, на тебя наложили заклинание, которое мешает тебе говорить об этой специальной теме?

Я не ответила, но мысленно поблагодарила бабушку, что она может так хорошо комбинировать.

— Также я полагаю, что ты пришла ко мне, потому что думаешь, что я могу освободить тебя от этого заклинания.

Я повернулась и встретила её укоризненный взгляд. Я знала, что она совершенно справедливо винит меня, но теперь это случилось, и я не могла отменить того, что сделано.

— Это действительно серьёзное дело.

Бабушка подошла ко мне и положила руки на виски. Мою голову пронзили молнии и появилось неумное желание схватить кого-нибудь за горло и крепко сжать.

Бабушка отпустила виски, и моя кровожадность прошла так же быстро, как и появилась.

— Щекотливая ситуация, но не слишком трудная, — сказала она, оценивающе взглянув на меня. — Есть два способа избавиться от этого заклинания. Либо ты убиваешь того, кто наложил его, либо освобождаешься своими силами.

— Это я уже знаю, — разочарованно сказала я. — Виновника всего этого не так-то просто убить, а своими силами избавиться от проклятия я не могу.

— Это дело техники, я имею в виду не технику боя, а технику, которую изучаешь, когда получаешь образование духовного странника.

— Я изучала эти технику, — настойчиво сказала я. — Но у меня не получается, сколько бы я не старалась.

— Читать это одно, но тебе нужен учитель, который действительно научит тебя этому. Как долго ты пробовала? Несколько дней, недель?

Я смущенно кивнула, бабушка права, это были всего несколько недель.

— Я тебе говорила, учиться на духовного странника нужно годами, и на то есть причина. Такие навыки нельзя получить за несколько месяцев, вне зависимости от таланта и решимости. Наверняка ты уже продвинулась вперед, но все равно стоишь на самой низшей ступени.

Я долго смотрела на бабушку, в то время как внутри меня созревало решение.

— Помоги мне, научи меня всему, — тихо сказала я, потому что не видела другого выхода, чтобы избавиться от заклинания Энакина.

— Это не так просто. Законы друидов не позволяют мне в этой декаде обучать духовных странников. Их уже достаточно.

Я в недоумении посмотрела на бабушку, и моя надежда рассеялась как облако пыли на ветру.

— Если так, и ты не можешь мне помочь, значит я зря отправилась в это путешествие, — разочарованно сказала я. — Извини, что потревожила твою идиллию.

Я огляделась в поисках выхода. Бабушка не готова изменить своё мнение, а я не изменю своего. Всё было, как всегда. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как выбрать разные пути. Я надеялась, что Морлемы, тем временем, освободили дорогу, чтобы я могла вернуться в Шёнефельде.

— Подожди! — сказала в этот момент бабушка. — Эта ситуация очень опасная, — она подняла записку, на которой я написала, что Энакин держит меня в плену в Антарктике.

— Правильно, — сказала я между тем уже не слишком терпеливо. — Это ситуация и впрямь опасная, и я даже не уверена, действительно ли всё закончилось. Но проблема так же в том, что господин Гонден плохо себя чувствует, а профессор Пошер совсем не подходит на роль целителя и приносит больше вреда, чем пользы.

Сейчас много чего находится в плачевном состоянии и этого не исправить, если ты отворачиваешься и говоришь, меня это не касается, пусть сами позаботятся о том, чтобы с ними ничего не случилось. Ты знаешь, какую систему хочет ввести Хеландер Бальгазар, и видимо он нашёл способ достичь своей цели. Только я не могу этого доказать. Но одно я знаю наверняка. Если ему действительно удастся воплотить это, тогда жизнь в Объединённом Магическом Союзе уже не для кого не будет прежней, и я не думаю, что он остановится перед друидами в Темаллине.

— Друиды уже всегда сами вели свои дела, и здесь ничего не изменится, — сердито сказала бабушка.

— Ты не понимаешь, правда? — спросила я и твёрдо посмотрела ей в глаза. — Возможно друидам и удастся сохранить Темаллин, как скрытый рай, но мир вокруг будет уничтожен. Пока ещё мы можем что-то предпринять, но если не остановим Бальтазара на его пути к власти, то в какой-то момент он будет настолько сильным, что уже больше никто не сможет его остановить. Это только вопрос времени, пока Морлемы поймают меня. Тогда я умру, а ты освободишься от своей ответственности.

— Как ты можешь такое говорить? — с негодованием воскликнула бабушка, её бледные щёки окрасил румянец. — Ты моя внучка, даже больше, ты для меня как дочь.

— Тогда прекрати только говорить об этом! — в отчаяние ответила я, у меня было такое чувство, что мы снова ведём тот же разговор, что в прошлом году. Видимо ничего не изменилось.

— Возвращайся и помоги мне. Вместе мы сможем достичь намного больше. Есть столько всего, что я хочу тебе рассказать, но..., - я замолчала, потому что хотела сказать, что она не захочет это слышать, но на самом деле было много вещей, которые я даже не могла произнести.

— Мы отложим решение, — внезапно сказала бабушка, резко прервав наш разговор. — Пошли! Я покажу тебе Темаллин. Это только приёмная, где приветствуют гостей. Может быть ты поймёшь меня, когда получше познакомишься с этим местом, — она просто пошла вдоль террасы, как будто ожидала, что я последую за ней.

Я немного подумала, стоит ли принять то, что она не дала мне ответа, но потом остановилась. Может ей требуется немного времени, чтобы подумать, и я решила дать его ей. По правде говоря, мне не хотелось возвращаться домой не солоно хлебавши, да ещё с ордой мстительных Морлемов на хвосте.

Приняв решение, я последовала за её развивающимся белым платьем вверх по лестнице, которая вела в туннель.

— Пойдём, — мягко сказала бабушка и взяла меня за руку, когда свет, проникающий через приёмную, стал слабее.

Было странно идти вместе с ней в темноте, и в то же время чувство было таким знакомым. Внезапно я поняла, что мы всё ещё связаны. Разногласия не исчезли, но между нами существовала нерушимая связь, которую не смогут разрушить никакие разногласия.

Я охотно последовала за ней, потому что она, видимо, так хорошо ориентировалась, что ей не нужны были ни свет, ни указатели. Мы шли по плотно утрамбованной земле, поворачивая то вправо, то влево, так что я полностью потеряла ориентировку. Всё же меня никогда не охватывало ощущение, что мы находимся в опасности.

— Ты уверена, что мы на правильном пути? — всё-таки спросила я, спустя какое-то время, когда был слышен только глухой звук наших шагов. — Я могла бы зажечь свет, — предложила я.

Бабушка засмеялась, а я с удивлением слушала. Я не могла вспомнить, когда она в последний раз смеялась в Шёнефельде.

— Ты не сможешь зажечь здесь свет, ни магическим способом, ни обычным. Через этот туннель можно найти дорогу только если собственные силы находятся в равновесии и конечно только в том случае, если Темаллин принимает посетителя в качестве гостя. Тебе требуется хорошая связь с элементом земля. Ты должна полностью отдаться ему и почувствовать силу природы. Это женский элемент и сила, лежащая в нём, по праву почитается как богиня. Здесь, в Темаллине, мы сохраняем это знание живым. Земля приняла

нас и укажет нам верный путь. Тебе нужно только довериться себе, тогда ощутишь это.

— Правда? — спросила я и скорее почувствовала кивок бабушки, в то время как прислушиваясь к себе, пыталась услышать и почувствовать силу земли. Я была рада, что мне показывали дорогу, потому что, надо признать, без бабушки, никогда не нашла бы выхода.

Однако меня это не удивляло. Я совсем обессилила и испытывала эмоциональное напряжение. Я только что предала любовь всей моей жизни моему злейшему врагу в Тенненбоде, да к тому же полёт в Темаллин и сражение с Морлемами изнурили меня. Пока мы шли через тёмные тоннели, вместо направляющей силы, я всё больше ощущала давящую на меня усталость. Не раз я ловила себя на мысли, как сильно мне хотелось свернуться в калачик прямо здесь, на земле, и немного поспать. Странные мысли крутились в голове, в то время как я шла вперёд в монотонном ритме, а ноги становились всё тяжелее.

Я, словно еще раз проживала воспоминания последних месяцев, и ничего не могла с этим поделать. Сначала в моей голове появились мирные картинки Килеандроса, голубое море, нежные волны которого разбивались о мелкий песок. Я почти все время провела в гамаке на пляже и много спала. Воспоминания о встрече с Бальтазаром были еще свежи, но я чувствовала себя в безопасности, потому что Адам всегда был рядом. Его образ, как он идет по пляжу мне навстречу, болью отозвался внутри, так как в этот момент я поняла, что у меня, видимо, не останется ничего, кроме этих воспоминаний. Все кончено.

Кино в моей голове переключилось на нашу первую поездку в Антарктику, где мы на протяжении нескольких дней безуспешно искали следы моих родителей и ничего не нашли, кроме снежного гнома и снежных волков. Я знала, что когда-нибудь мне придется еще раз отправиться туда.

Эта пещера служила входом к тайнику, где спрятан грааль патрициев, но без подходящего заклинания от этих знаний не было никакого толку.

Вспомнились первые недели в Тенненбоде. Я хорошо запомнила первую встречу с Энакином Арпади. Если бы я только тогда держалась от него подальше, сейчас бы не было всех этих страданий. Если бы я продолжила вести себя с ним не вежливо, как мне подсказывала интуиция. Я увидела Парэльсуса и его укрытие в старой аудитории, господина Трудига на лекциях лётной подготовки, и наконец себя саму, как я в темноте следую за Энакином к дому Арпади и попадаю в Антарктику. Мне вдруг стало стыдно, что поначалу я была в восторге от страны и семьи Энакина.

Но с тех пор, как Энакин наложил на меня проклятие, мои позитивные впечатления исчезли без следа.

Я вспомнила долгое, разрушительное время, когда Энакин удерживал меня после неудавшейся свадьбы, вспомнила Анну и день революции, в время которой я смогла сбежать и попала прямо в объятия Адама.

Затем события в Теннебоде быстро развернулись. Нас подслушивали, и в конце концов Скара шантажировала меня. Я больше не хотела думать о том, что сделала, и всё-таки мои воспоминания привели меня к тому моменту, когда заявление Адама о намерение вступить в брак, с именем Скары, попало в руки профессора Эспендорм. Наконец всё закончилось, и именно в этот момент я увидела тусклый проблеск, который становился всё светлее, при каждом проходящим нами метре. Выход приближался, и я надеялась, что там, где-нибудь, найдётся для меня кровать, потому что возвращение ко множеству тёмных моментов утомило меня больше, чем полёт в Темаллин.

— Ещё немного и ты справишься, — сказала бабушка, как будто догадывалась, как я

себя чувствую. — Что ты ощущаешь теперь? — спросила она как бы между прочим и посмотрела на меня.

Её взгляд был таким свежим и молодым, что я подумала, будто разговариваю с более молодой версией её самой. Но казалось, это лежащее на ней волшебство Темаллина, позволяющее излучать это невероятное спокойствие.

— Я чувствую себя какой-то пустой, — слабо и в то же время изумлённо сказала я. — И я невероятно устала, — добавила я заплетающимся языком.

Я всё отдала бы за кровать, в этот момент даже кусочка мягкого луга было бы достаточно. Меня охватило странное ощущение, что я больше не могу держать голову прямо.

Моя бабушка рассмеялась.

— Это земля, она тебя проверяет.

Мне ещё удалось скептически посмотреть на неё, но даже мои мысли были слишком вялыми, чтобы понять, что сделала со мной земля в этих тоннелях.

— Пойдём, я отведу тебя в мой дом, там ты сможешь выспаться.

Я кивнула, в то время, как свет становился всё ярче и ослепил меня. В конце концов я различила тёмные контуры тоннеля и под ручку с бабушкой зашла в Темаллин.

Я дважды моргнула, потому что пейзаж, представший перед моим взором, был таким тихим и спокойным, что даже я не могла сопротивляться чувству, которое вызвал во мне этот вид.

Передо мной распростёрся плодово-фруктовый сад. Яблони должны были вот-вот расцвести. Маленькие, бледно-розовые бутоны разбухли и были полны жизни. Зелёная трава под ними была свежей и сочной и выглядела такой мягкой, что больше всего мне хотелось просто лечь.

В Темаллине была весна. Солнце излучало тепло, а голубое небо было покрыто маленькими белыми облаками.

Далеко за живописным плодово-фруктовым садом, который, казалось, бесконечно тянется вокруг горы, я увидела возвышающийся дубовый лес, ветви которого были ещё коричневыми, их покрывало лишь немного зелени.

— Здесь очень красиво, — удивлённо сказала я, потому что на всём лежала мирная атмосфера, которая полностью охватила мою бабушку, я тоже больше не могла ей противостоять.

Это место окутывала магия, в этом я больше не сомневалась.

Бабушка молча потянула меня дальше, и мы пересекли сад, идя рука об руку под цветущими деревьями. С каждым шагом, который я делала, горе отступало всё дальше, а мои заботы померкли, как будто были всего лишь сном из тёмного мира, который я оставила позади в тёмных пещерах.

— Скоро уже сможешь прилечь, мы почти дошли.

— А где все друиды? — удивлённо спросила я, потому что кроме бабушки до сих пор никого не встретила.

— Некоторые сейчас наверху, возле источника и приветствуют день, — сказала она и посмотрела в сторону дубовой рощи. — Другие уже в садах друидов и заботятся о растениях.

— Ага, — только и сказала я.

Собственно, я хотела задать ещё больше вопросов, но от усталости у меня закрывались глаза. Спокойствие, которое снизошло на меня здесь, видимо раскрыло всё моё истощение.

— Вон там впереди мой дом, — она указала на один из множества маленьких, белых

домиков, стоящих на краю сада, как раз перед тем, как сад расширился, создавая доступ к дубовому лесу. — Здесь живут женщины, у мужчин есть своё собственное поселение на другой стороне.

— И каждое утро вы, вероятно, встречаетесь на горе, — сказала я, не в силах сдержать насмешку перед лицом средневекового разделения полов.

Но моя бабушка не отреагировала. Сказала только «верно» и целеустремлённо направилась к одному из домов, чей белый цвет в свете солнца отливал желтизной. Она исчезла внутри, а я последовала за ней.

Домик был оборудован также просто внутри, как выглядел снаружи. Имелся открытый камин, который не только обогревал помещение, но и использовался в качестве печи.

Больше здесь внутри ничего не было, кроме широкой кровати, стола и двух стульев.

— Там ты можешь поспать! — сказала бабушка, указывая на кровать.

Затем прошла к окну, чтобы задвинуть занавески. Я стянула с ног обувь и бросила джинсы и куртку рядом с кроватью, с удовольствием последовав её приглашению. Когда моя голова опустилась на подушку, и я натянула на себя грубое одеяло, вдохнув успокаивающий запах трав, запах, который сопровождал мою бабушку с тех пор, как я её знала. Я только ещё держалась за этот запах, погружившись в глубокий сон.

— Просыпайся, время пришло, — прошептал незнакомый голос возле моего уха.

Я открыла глаза, и мне потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, где я нахожусь и как вообще сюда попала.

— Для чего пришло время? — сонно спросила я.

В доме моей бабушки было уже темно и за окном виднелся только бледный проблеск света.

— Для утреннего приветствия, — совершенно спокойно ответила бабушка, расчёсывая и заплетая волосы.

Я в замешательстве села.

— Я проспала весь день? — я спустила ноги с края кровати.

Свет исходил не от заходящего, а от восходящего солнца.

— Да, весь день, и этот сон был тебе крайне необходим. Давай, одень вот это и пойдём со мной! В Темаллине мы приветствуем восходящее солнце вместе, — она протянула мне белое платье, которое выглядело так же, как то, что было одето на ней.

— А я не помешаю друидам, если присоединюсь? — я одно мгновение переводила взгляд то на мои джинсы, то на платье, туда-сюда, а потом решила всё-таки одеть джинсы.

Для белоснежного платья я чувствовала себя недостаточно чистой, и кроме того, это означало бы, что я останусь здесь. Я была уверена в том, что моя бабушка заигрывает с мыслью, что мы смогли бы стать здесь вместе счастливыми.

Но я не собиралась задерживаться здесь надолго. Точно так же, как я не хотела прятаться вместе с Адамом в таинственном саду, также не желала уединяться здесь в Темаллине. Я должна вернуться к моей жизни и справиться с проблемами, если возможно, то вместе с бабушкой.

— Они уже давно приняли тебя в свои ряды, в противном случае ты не смогла бы войти в Темаллин, — успокоила меня бабушка. — Ты преподнесла друидам ценный дар. Теперь они знают, как исцелить внушающее ужас отравление от демонического теневого плюща.

— Без хроники Акаши я бы тоже ничего об этом не знала. Друидам нужно было всего лишь спросить её, — сразу же ответила я.

— Они могли бы это сделать, но до того момента не было сомнений в том, что отравление демоническим тeneвым плющом не излечивается, поэтому никто не посчитал нужным спрашивать об этом. Задавать умные вопросы — это великое искусство. А теперь идём, мы можем поговорить об этом позже.

Моя бабушка направилась к двери, а я быстро последовала за ней. Я заметила, что хотя она не слишком хотела углубляться в эту тему, но всё же поговорила со мной о хронике Акаши. Прошлым летом даже это было невозможно, и я расценила это развитие, как положительный знак.

Когда я босиком ступила на мягкую лужайку, то хотела вздохнуть от наслаждения, такой живой казалась земля под моими ногами. Чарующее покалывание распространилось от подошв ног по всему телу, как светлая и чистая энергия, которая совершенно меня наполнила. У меня было такое чувство, что я ещё никогда не спала так хорошо, как в прошедшие двадцать четыре часа.

Мне охватило чувство невесомости, больше всего хотелось сейчас расправить крылья и

пролететь круг над Темаллином, чтобы разглядеть очаровательный пейзаж сверху. Но моя бабушка уже была на полпути к дубовому лесу, и я, чтобы не отстать, быстро последовала за ней.

Мы проворно шли вдоль мягкой лесной тропинке, следуя по извилистой дорожке всё дальше вверх. Свет становился всё светлее, и я видела, как мелькает белая одежда между дубов.

На вершине горы зелёная поляна сформировала небольшой круг, посередине которого из камней бил ключом прозрачный источник.

Никто не сказал ни слова, когда моя бабушка присоединилась к друидам, окружившим источник. Она жестом подозвала меня к себе, и я нерешительно тоже зашла в круг.

Но ощущение было не странным, скорее таким, будто я вернулась домой. К моему собственному удивлению меня охватило чувство принадлежности к этим незнакомцам, так, как и обещала бабушка. Я разглядывала лица женщин и мужчин вокруг. Несмотря на то, что они были разными, всё же на каждом лице лежала одинаковая вуаль спокойствия, которую я заметила сразу, как попала сюда.

Когда небо стало светлее, друиды запели мечтательную мелодию, наполненную радостью и силой. Они пели на старом языке о жизни, и даре, который она из себя представляла.

Пока солнце всходило, а красные лучи света, преломляясь на горизонте, окрасили одеяния друидов в пурпурный цвет, я больше никогда не хотела покидать это место. Меня охватило возвышенное чувство, казалось, будто я внезапно поняла смысл жизни и славу бытия.

Я никогда больше не буду упрекать бабушку за то, что она удалилась от невзгод земной жизни, чтобы испытать чувство чистой силы и радости, которое дарило это место своим гостям и жителям.

Когда встало солнце, пение усилилось и стихло. Друиды поблагодарили землю, ветер, огонь и воду и вместе стали спускаться вниз по узкой тропинке с другой стороны горы.

— Куда мы идем? — спросила я, когда мы примкнули к процессии.

— Мы идем в сады друидов, где проведем день, — сказала бабушка.

Ей больше не нужно было ничего говорить, потому что в этот момент мы вышли из дубового леса, и перед нами открылась равнина, разделенная на множество небольших участков земли, прилегающих друг к другу как цветные лоскуты.

Друиды устремились в сады, и мы с бабушкой последовали за ними, удивленно оглядывая деланки, мимо которых пролегал наш путь.

На каждой из них рос свой вид растений, например, я узнала участок с йодовыми кактусами и с лимонным гулявником. Я гордилась уже тем, что сумела распознать хотя бы одно растение, потому что были тысячи растений, чьи названия я ни разу не слышала.

— Это летающие фиалки? — спросила я, показывая на маленькое, темно-зеленое растение, чьи цветки переливались в лучах солнца всеми цветами радуги.

— Правильно, — радостно сказала бабушка.

Она хотела идти дальше, но я остановилась, в раздумьях смотря на участок земли со множеством летающих фиалок, чьи маленькие цветки подергивались на стебельках, как будто хотели улететь.

— Все в порядке? — спросила она.

— Летающие фиалки использую как средство против лжи, — тихо сказала я. — Если

растворить порошок сухих цветков в воде и дать кому-то выпить, тогда он должен примерно десять минут говорить правду.

— Я впечатлена, — сказала бабушка, в изумление посмотрев на меня.

— У Грегора Кёниг осталось всего одно растение в Акканке, и оно расцветёт снова только в июле, — сказала я. — Он бережёт её зеницу ока.

— Конечно, — ответила бабушка. — Эти растения очень сложно размножаются. Чтобы они хорошо росли, поливать их нужно в определённое время и с правильным количеством воды. Это требует время и дисциплину, которая есть у друидов Темаллина, как ты смогла заметить по этим растениям.

— Как думаешь, я могу взять для Грегора Кёниг одно растение? — осторожно спросила я.

И тогда несомненно подвернётся случай оставить один цветок себе. Я не видела необходимости в том, чтобы посвящать бабушку в подлинный план, который лелеяла. Очевидно, её не убедить, что есть смысл в том, чтобы действовать против Бальтазара. Но летающая фиалка, возможно, даст мне решающее преимущество. Я узнаю, действительно ли Бальтазар похитил дочь Виллибальда Вернера и чего он хочешь этим добиться.

Кроме того, он должен рассказать мне, какие атрибуты власти существуют и где они спрятаны.

А потом Виллибальд Вернер должен совершенно честно сказать, что нужно сделать, чтобы он отменил заявление о намерение вступить в брак.

— Я спрошу совет друидов, позволят ли они передать одну из фиалок Акканке, — произнесла бабушка.

— Спасибо, — сказала я, надеясь, что решение не заставит себя долго ждать.

Соревнование драконов было не за горами. И теперь, когда у меня появилась надежда всё-таки заполучить летающую фиалку, я еще больше укрепилась в решимости встретить Виллибальда Вернера.

Я удовлетворённо повернулась и последовала за бабушкой, которая уже прошла к следующей делянке.

В течение нескольких часов я бродила с ней по чудесным садам. Когда мы были голодны, то брали фрукты, растущие вокруг нас, а когда испытывали жажду, пили воду из маленьких ручейков, которые бурля, текли между делянок.

Когда мы вечером возвращались к домам друидов, я внезапно услышала мягкое шуршание наверху.

Раздалось нежное жужжание, а к нему примешался сладкий и чарующий тон. Я подняла взгляд. Над моей головой пролетали феи. Они были похожи на профессора Хенгстенберг, только казались ещё более нежными и хрупкими, чем профессор.

— Феи живут в Темаллине? — удивлённо спросила я.

— Да, так и есть, — ответила бабушка. — Темаллин большой и предоставляет многим существам убежище.

— Почему тогда профессор Хенгстенберг не живёт здесь?

— Она не чистокровная фея, её отец маг, а мать фея, — сказала бабушка.

— И поэтому феи исключили её из своих рядов? — в замешательстве спросила я.

— Нет, но она никогда не чувствовала себя связанной с ними. Она захотела пойти другой дорогой, поэтому пошла в Тенненбоде.

— Ага, — сказала я, но в этот момент идиллия Темаллина немного поблекла.

Каким бы красивым не был Темаллин, он всё-таки был не идеальным. Я не хотела потеряться в нём и обо всём забыть.

Потому что, хотя было заманчиво оставить тёмные события в прошлом и приспособиться к рутине Темаллина, всё же я не хотела забывать о прекрасных вещах. О любви, которая связала меня с Адамом и о дружбе с Лоренцем, Лианой и Ширли. Я была уверена в том, что и эти чувства, со временем, потеряют здесь свою силу.

— О, только посмотри, — сказала бабушка, когда мы добрались до дома. — Друиды позволяют тебя взять с собой одну из летающих фиалок.

Я хотела ликовать от счастья, когда увидела маленький цветочный горшок на подоконнике дома бабушки. Над тёмно-зелёными листьями цвело множество маленьких, фиолетовых цветков, беспокойно вздрагивающих на стеблях.

— Мне пора возвращаться домой, — тихо сказала я.

Я хотела вернуться в Тенненбодде и сосредоточиться на соревнованиях драконов. С летающей фиалкой я сумею выудить из Виллибальда Вернера то, что сможет ещё спасти меня и Адама. Но прежде я должна ещё кое-что сделать, потому что это горело в моём сердце уже несколько недель.

— Я не успела поблагодарить тебя, — сказала я. — Без книги из Мантао я уже давно была бы мертва. Я благодарна за то, что тебе как-то удалось заполучить её.

Выражение лица бабушки внезапно изменилось. Только что на нём ещё отображался спокойный скептицизм, а теперь оно превратилось в чистый ужас.

— Что такое? — спросила я в замешательстве.

Хотя я и ожидала, что она будет не слишком рада, когда узнает об этом, но в конце концов это ведь она сама достала когда-то книгу из Мантао.

— Корнель Лиллиенштейн, — презрительно сказала бабушка. — Как он посмел вмешиваться в мои дела. Я очень сожалею, что рассказала Катерине про книгу. Без этой чертовой книги она бы не стала так переоценивать саму себя.

— Но это работает, я прогнала Морлемов, да не одного, а двадцать, — быстро сказала я. — Без всех этих вещей, которые я почерпнула из книги из Мантао, меня бы здесь сейчас не было. Она спасла меня.

— Спасла! — презрительно сказала бабушка и встала. — Ты бы сама могла спасти себя, если бы не стала вмешиваться во всё это.

— Но я уже вмешалась, и ситуация тем временем в корне изменилась. Ты знала, что снова было введено заявление о намерении вступить в брак?

— Вот как? — Бабушка приподняла бровь. Видимо «Хроника короны» не принадлежала к обязательному чтиву у друидов Темаллина.

— Ты знала, что Виллибальд Вернер не самостоятельно принимает решения, а предположительно, выполняет приказы Хеландера Бальтзара?

Я с серьёзным видом смотрела на бабушку.

— Это может быть случайностью, политические решения принимает не только примус, но и сенаторы, в особенности Теодор Дусс довольно старомоден и не имеет ничего против Бальтзара. С чего ты вообще это взяла?

— Дочь Виллибальда Вернера исчезла, с тех пор он поменял свою политику на 180 градусов, странное совпадение, не так ли?

— И ты, наверное, собиралась по этой причине привлечь его к ответу? — вздохнув сказала бабушка.

— Да, действительно собиралась и привлеку, но к сожалению, это обстоятельство..., - я указала на мою голову, — стоило мне три месяца моей жизни, и только благодаря книги из Монтао, я вообще ещё могу стоять здесь. Может господин Лилиенштейн и вмешался в твои дела, но я, честно говоря, рада этому, потому что без его помощи не стояла бы здесь. Так что теперь это уже давно не твоё дело.

— Ты смеешь говорить мне нечто подобное? — бабушка повысила голос.

— Смею, — спокойно ответила я, зашла в дом и собрала вещи.

— Оставайся в Темаллине! — сказала я, когда снова вышла на улицу. — Я могу понять, почему тебя так очаровало это место. Оно прекрасно, и умиротворяет твою душу. Я буду бороться с Бальтазаром и позабочусь о том, чтобы ты и дальше могла жить здесь в мире, — я взяла свою куртку и положила её на руку. — Если мне когда-нибудь удастся избавиться от этой проблемы, — я снова указала на голову, — тогда я пошлю тебе весточку о том, как у меня дела, — я взяла цветочный горшок с летающей фиалкой и в последний раз решительно посмотрела на бабушку.

Я не стала умолять или просить, и ни о чём не сожалела. Моя бабушка приняла своё решение, а я своё. Теперь я попытаюсь извлечь максимальную пользу из ситуации, как уже делала всегда.

Но глаза моей бабушки решительно вспыхнули, и я увидела в них огонь, которого ещё никогда там не замечала. Внезапно я поняла, что что-то изменилось. Возможно дело было в Темаллине, что здесь можно было предугадать вещи, прежде, чем они на самом деле произошли. Но внезапно я поняла, что победила.

— Нет, — сказала она также решительно, как я с ней прощалась. — Я не собираюсь отдавать твою судьбу в руки Корнеля, — она сглотнула, и мне стало интересно, какое прошлое её связывает с Корнелем Лилиенштейном.

Я с надеждой посмотрела на неё, а она, не колеблясь ни секунды, сказала:

— Мы найдём способ сделать из тебя духовного странника. Я возвращаюсь с тобой в Шёнефельде.

Это было дождливое майское утро, достойное такой поздней весны. Бледного света, затянутого тучами солнца, как раз хватало, чтобы не возник соблазн включить на кухне свет для прочтения газеты. Но когда я открыла «Хронику короны», свет стал совсем не важен. Я ошеломлённо уставилась на заголовок и углубилась в чтение статьи.

Морлемы вновь объявились — Чёрная гвардия в чрезвычайном положении

Чёрная гвардия мобилизовала все силы, чтобы справиться с угрозой, исходящей от вновь объявившихся Морлемов. Ещё пока не ясно, какую цель преследуют Морлемы. До предельного срока сдачи газеты не было никаких нападений или похищений. Но Чёрная гвардия находится в состоянии боевой готовности и ожидает всё возможное.

Как сообщил адмирал в коротком комментарии, Чёрная гвардия ожидает также нападений на новые, на данный момент неизвестные цели и готовится к разным сценариям. Постоянная тренировка на высоком уровне теперь окупается. Хотя Морлемов долгое время не было видно, Чёрная гвардия всегда ожидала, что они вернуться и держала вооружённые силы Объединённого Магического Союза в боевой готовности.

Теперь это окупается, подчеркнул адмирал. Можно быстро и прекрасно скоординировано реагировать на всемирные атаки. Кооперация с войсками на африканском и американском континентах тоже отлично работает. На самом деле Морлемы были замечены по всему миру в самых разных местах, также в Темаллине, возле Шёнефельде, в Беларе, африканском поселение магов и недалеко от фабрики семьи Торрел, где производят стеклянные шары.

Как заявил бургомистр Хельмут Нойфрид, в Шёнефельде пока не было замечено никакой активности, но являясь руководством городского совета Шёнефельде, мы готовы ко всему. Однако нападения не вызывают особого беспокойства. Как ещё раз пояснил Хельмут Нойфрид, вокруг Шёнефельде установлено городское кольцо — магический барьер, который Морлемам ещё никогда не удавалось преодолеть, и, видимо, они об этом знают.

Чёрная гвардия, во всех названных местах, поставила дежурить проверенных бойцов и ожидает, когда Морлемы наконец покажут, за чем охотятся, а с ними ждёт и весь Объединённый Магический Союз.

Я задумчиво подняла взгляд. Что выслеживают Морлемы в этих местах? Теперь Бальтазар ищет магическую партнёршу по всему миру? Я никак не могла понять его действия.

— Доброе утро! — я испуганно вздрогнула, когда на кухню вошла бабушка. Только благодаря ей мы добрались до Шёнефельде так быстро. В отличие от Морлемов, она знала другой путь, как можно покинуть Темаллин, кроме как всем известный вход через каменный дуб.

Если бы я знала раньше, что один из этих проходов ведёт прямо в драконьи пещеры Акканки, то не нужно было бы предпринимать это длинное и трудное путешествие через степь.

Пещерные врата, через которые мы вошли после длинного путешествия по подземным

туннелям и чуть до смерти не испугали Грегора Кёниг, по словам бабушки, действительно знали ещё только некоторые старые друиды. Во время правления монархии друиды были ближайшими советниками правящей королевской семьи и должны были быстро появиться, когда требовалось принять важное решение. Посетители тоже использовали проход, когда им требовалась помощь друидов.

Однако теперь значение друидов было уже не тем. Между тем примус советовался с сенаторами, а помощь друидов требовалась только при сложных магических травмах или отравлениях. Так, постепенно, знание о проходе в Темаллин было забыто. Тем более, что у этого прохода, по словам бабушки, была плохая репутация.

Не раз случалось так, что предприимчивые маги терялись в туннелях, не прислушавшись к своему внутреннему голосу или Темаллин отказывал им в доступе, так что они больше не могли найти выход или попадали в руки гномов. Каждого мага королевский дом должен был выкупать, выплачивая высокий штраф, из-за чего, в конце концов, использовать проход разрешили только друидам, чтобы не разорить Объединённый Магический Союз.

— Доброе утро, — улыбнулась я.

Каждый раз, когда я думала о Темаллине, меня будто охватывал мягкий свет и появлялось весёлое настроение. Словно энергия, которой я зарядилась там, всё ещё была в моём распоряжении. Но потом мой взгляд вновь остановился на статье.

— Я больше совсем не уверена в том, что Бальтазар ищет меня, — мрачно сказала я и показала бабушке статью. — Они действуют по всему миру. Может, Бальтазар планирует что-то большое, а мы понятия не имеем что это.

Она быстро взглянула на газету, но видимо эта новость её не шокировала, поэтому я предположила, что она уже обсудила это с городским советом Шёнефельде.

В то время, как бабушка приготовила себе кофе и села рядом со мной, я открыла вторую страницу газеты и просмотрела следующую статью, в которой были выдвинуты предположения о возможных соперниках в соревнованиях драконов. После, того как репортёры сравнили, по-видимому, все расписания рассматриваемых сопернических команд, выяснилось, что это, скорее всего, будет североамериканская команда. У неё в середине мая ещё не было никаких официальных обязательств. К тому же, в подробно высказываемых предположениях статьи, растянувшейся на всю страницу, роль сыграли так же хорошие связи семьи Торрел.

Внезапно я перестала дышать. Это была всего лишь небольшая заметка, бросившаяся мне в глаза, но сердце подскочило, когда я её читала.

Время обработки заявления о намерении вступить в брак было продлено

Как сообщил представитель палаты сенаторов, обработка заявлений о намерении вступить в брак временно приостановлена, поскольку из-за нового появления Морлемов все кадровые ресурсы палаты сенаторов исчерпаны. Актуальная внешнеполитическая ситуация требует постоянной бдительности палаты сенаторов и её сотрудников. Были сформированы рабочие группы, которые находятся в постоянном контакте с Чёрной гвардией и комитетами поселений.

Как только обстановка немного успокоится, выполнению параграфа 501 будет вновь посвящено всё внимание, уверила палата сенаторов в ещё одном заявлении. Закон был повторно введён несколько месяцев назад стараниями примуса Виллибальда Вернера.

— Да, — радостно сказала я и закрыла газету.

На горизонте всё ещё была надежда, а Скаре придётся долго добираться до цели своей мечты. Хотя за окном лил непрекращающийся весенний дождь, меня охватило радостное и полное надежд настроение.

— Хорошие новости? — спросила бабушка, в ожидание посмотрев на меня.

— Да, — ответила я. — В первый раз Морлемов стоит за что-то отблагодарить.

— В самом деле? — бабушка приподняла вверх бровь.

— Да, — жизнерадостно сказала я, встала и налила себе ещё кружку кофе. — Осуществление заявления о намерении вступить в брак откладывается, потому что у палаты сенаторов много работы.

— А чьё имя стояло в твоём заявлении? — спросила бабушка, в ожидание меня разглядывая.

— Я не сдавала заявления, а это означает, что мне назначат партнёра, — призналась я.

— А что говорит по этому поводу Адам? — спросила она, и её осведомлённый взгляд смутил меня.

— Адам хочет жениться на мне, — вздыхая, ответила я. — Но этого пока не произойдёт.

Когда я вспомнила, что Адам всё ещё не знает, что я сделала, хорошее настроение внезапно улетучилось. Но сейчас у него нет времени думать об этом, потому что охота на Морлемов держит Чёрную гвардию в напряжение. У меня ещё есть в распоряжение две недели до соревнования драконов, и я должна их использовать.

— Я разговаривала с профессором Эспендором, — сказала бабушка, как будто почувствовала, что я пока не хочу углубляться в эту тему. — Она была очень недовольна, что ты опять пропустила занятия на прошлой неделе.

— Я знаю, — ответила я, только что вспомнив, что пропустила на прошлой неделе не только лекции. Я прогуляла также экзамен, который должна была навестать.

— Придётся пойти к ней ещё раз и умолять на коленях, дать мне второй шанс, — с сожалением сказала я.

Если профессор Эспендорм вышвырнет меня из университета, то мои проблемы умножаться экспоненциально.

— Тебе не придётся, — улыбнулась бабушка. — Она была так благодарна, что ты вернула меня в Шёнефельде, что согласилась простить тебе пропущенные экзамены. Но мне пришлось поклясться, что в будущем, ты не пропустишь ни одной лекции, а летом, в любом случае, появишься на экзаменах.

— Правда? — Я удивленно посмотрела на бабушку. — Спасибо.

— Не за что, — сказала бабушка. — Надеюсь теперь твоя голова свободна, и мы сможем заняться проклятьем. У нас есть только сегодняшнее воскресенье. А завтра утром ты должна будешь отправиться в Тенненбодде. Профессор Эспендорм не будет еще раз закрывать глаза на то, что ты пропускаешь столько занятий.

— Я обещаю, что буду ходить на занятия до конца семестра, — сказала я с высокой долей мотивации. — А теперь жду не дождусь, когда ты посвятишь меня в тайны духовных странников.

Спустя немного времени мы прошли в ателье, и было странно, как присутствие Джорджетты фон Норденах сразу вернуло жизнь в эту маленькую комнату.

Внезапно я снова почувствовала себя в Каменном переулке как дома, и это чувство

успокаивало.

Бабушка разожгла в камине огонь. Из-за дождя стало холодно, и было приятно чувствовать тепло пламени. Но видимо огонь играл совершенно другую роль.

Бабушка взяла с полочки чашу с землёй и послала меня с такой же чашей на кухню, чтобы я принесла воду.

Когда я вернулась в ателье, бабушка ещё в одной чаше пробудила к жизни крошечный смерч, который весело танцевал, но всё-таки не мог покинуть свою полукруглую тюрьму. Она забрала чашу у меня из рук и расположила её на полу, точно между двумя другими. Затем взяла меня за руку и завела в круг из воды, земли, огня и воздуха.

— Начнём с того, чтобы ты ощутила элементы. Они основа нашего существования и нашей магии.

Я кивнула и закрыла глаза. Упражнение было мне знакомо, потому что с этих дыхательных упражнений, помогающих сконцентрироваться, начинались уроки в книге из Мантао. Почувствовав, что биение моего сердца стало спокойнее и я смогла вытеснить из мыслей повседневную жизнь, я начала глубоко вдыхать и выдыхать и сосредоточилась на самой себе.

Прошло совсем немного времени, и я почувствовала тонкое, кристально-чистое гудение воды, успокаивающее, ритмичное потрескивание огня, монотонный свист ветра, а также тёплое сияние материнской земли, которое после визита в Темаллин, стало мне так близко.

Я продолжала дыхательные упражнения и почувствовала, что сила элементов возросла. Спустя казалось вечность, я снова услышала тихую мелодию, присущую элементам, которую уже давно не ощущала.

В этот момент я вспомнила ночную мелодию, которую нёс ветер, а с ней сцены и воспоминания о моих родителях и брата с сестрой. От поиска того, что с ними случилось, меня отвлекло так много всего. Внезапно и совершенно неожиданно меня охватило отчаяние и тоска по ним, и я почувствовала, как бегут по щекам слёзы. Потом звук мелодии изменился, стал глубже и более меланхоличный, и я внезапно увидела перед собой Адама, и теперь это случилось окончательно. То, что я пыталась забыть, всплыло на поверхность, и мои чувства к нему были словно ослепительно яркий свет в сердце, дающий мне жизнь и смысл. Я любила его так сильно, что это чувство полностью меня поглотило, проникнув в каждую клеточку. Оно было таким сильным, что у меня закружилась голова. В одно и тоже время мне хотелось взорваться от счастья и исчезнуть от боли. Хотелось просто раствориться в воздухе, потому что боль из-за того, что я могла потерять Адама из-за Скары, охватила меня настолько необузданно и сильно. Чего бы я сейчас не отдала ради того, чтобы услышать его голос.

— Уступи своему желанию, — в этот момент прошептала бабушка.

На одну секунду я удивилась, что она здесь. Но видимо она следовала за моими мыслями и действовала настолько умело, что я даже не заметила этого.

— Я люблю тебя, — сформулировала я в мыслях и попыталась послать слова Адаму, как уже часто делала.

Я сразу же почувствовала резкую головную боль, было такое ощущение, будто кто-то вызвал в моём мозгу короткое замыкание. Вскрикнув от удивления, я распахнула глаза и прижала руки к вискам. Лишь с трудом мне удалось остаться на ногах.

— Это уже было хорошее начало, — улыбаясь сказала бабушка и снова взяла меня за руку.

— Хорошее начало? — спросила я с сомнением и с облегчением отметила, как боль, пульсируя, стихла. Эта боль была всё такой же, и мне не казалось, что здесь что-то улучшилось.

— Это стало лучше, потому что я снова могу сопровождать твои мысли. Когда ты прибыла в Темаллин, мне удалось это только частично.

— Что? — в замешательстве спросила я и сразу подумала о нашем длинном путешествии под землёй, во время которого у меня непрошено всплыли некоторые мои воспоминания. — Ты рылась в моей голове?

— Да, но смогла узнать тогда совсем немного. Я должна была понять, насколько сильно заклинание. Теперь я знаю, что, хотя ты ни о чём не можешь говорить и никому не можешь передавать свои мысли, но другие могут проникнуть извне в твою голову. Однако они должны сделать это так, чтобы ты ничего не заметила. Как бы там ни было, — она ободряюще мне улыбнулась.

— Учитывая то, что это сработало, я уверена, что через пару лет ты сможешь избавиться от заклинания сама. Тебе просто нужно снова и снова вызвать эти воспоминания и претерпеть. В какой-то момент ты станешь сильнее, чем боль и чем больше ты объединишься с элементами, тем сильнее становится твой дух. Я неохотно признаю, но с тех пор, как ты начала работать с книгой из Мантао, ты уже достигла огромных успехов, хотя я всё ещё не одобряю то, что ты хочешь использовать эти силы для борьбы.

— Эти силы уже спасли мне жизнь. Но я обещаю, что использую их только в чрезвычайных случаях и не буду обращаться с ними небрежно.

Я даже не пыталась дать бабушке обещание, которое не смогу сдержать. Книга из Мантао была для меня благословением, и я не собиралась из-за ложного убеждения отказываться от этих сил.

— Я знаю, — бабушка слегка наклонила голову. — Ты очень изменилась за последний год.

— Правда? — я удивленно посмотрела на нее.

— Конечно, — подтвердила она. — Ты стала более зрелой, серьезней и взрослой, а главное, ты принимаешь решения более обдуманно, чем еще год назад. Вместе с магическими силами, в тебе возросло чувство ответственности и спокойствие. Думаю, ты стала сильна и способна на многое.

— Может и так, но до сих пор я достигла совсем немногого, — разочарованно ответила я, думая о еще незаконченных делах.

— Будь терпелива, я абсолютно уверена, что события скоро будут развиваться стремительно, — сказала бабушка голосом, напоминавшим мне мой визит к Сибиллам.

— Новости из царства грез? — с любопытством спросила я.

— Да, именно они. Сгущается всё больше вещей. Напряжение, которые скоро разрядятся во всех направлениях. Их столько много, что я едва могу различить, откуда они исходят, но одно я чувствую совершенно отчётливо, и оно ледяное.

— Я вернусь в то место, — мрачно сказала я, думая об Антарктике.

Если уж не могла произнести это слово, то хотела, по крайней мере, показать бабушке.

— Да, вернёшься и очень скоро. Жди знака, тогда можешь идти. Не делай этого раньше, в противном случае подвергнешь себя опасности.

— Ты прямо-таки создаёшь серьёзную конкуренцию Сибиллам, — сказала я и улыбнулась, пытаясь переиграть страх, который охватил меня, когда я услышала её слова.

Мне придётся ещё раз встретиться с Энакином. Но я всегда знала, что этот момент наступит.

— Я могу предсказать намного больше, чем могут Сибиллы. Если сравнивать мою связь с царством грёз, то их способности можно считать просто радиопомехами. Но хотя я и могу предсказывать, я не хотела делать этого долгое время. О некоторых вещах лучше не знать наперёд, а просто жить своей жизнью. Разве интересно жить, когда ты уже всё знаешь заранее? Однако мне видимо стрит упомянуть о вещах, которые могут подвергнуть тебя опасности.

— Да, стоит, и я тебя за это благодарна. Твоя поддержка много для меня значит.

Мне было сложно выразить словами, насколько я ценила то, что бабушка снова находилась рядом, и что в этот раз была на моей стороне и поддерживала.

Бабушка одно мгновение улыбалась мне знакомой улыбкой, потом её черты лица стали серьёзными, и она сделала глубокий вдох.

— Тогда давай продолжим практиковаться, перед тобой лежит ещё долгий путь.

Я решительно кивнула и начала упражнение сначала.

Снова и снова я пробовала отправить Адаму сообщение, не будучи уверенная в том, что хоть одно слово дойдёт до него.

И в очередной раз боль беспощадно терзала меня. Но в этот день я не хотела сдаваться. Я хотела доказать бабушке, что выдержу, и что она по праву полагает, что я смогу справиться с моими проблемами.

Когда мы вечером сидели на кухне, я устало смотрела на пламя небольшого огня в камине. Ночь уже наступила, и снаружи темнота окутывала грядки. Осталось совсем недолго, и бабушка снова наполнит их жизнью, так же, как наполнила жизнью дом. Я попыталась улыбнуться, но моя голова болела, как будто я выпила залпом бутылку водки из колючей актиностелы, и сегодня вечером жаждала только ещё спокойствия и мира.

— Выпей это, — сказала бабушка и протянула мне чашку чая. Затем села рядом. — Это блошиная трава с чуточкой фангольда.

— Чай из фангольда придаёт хорошее настроение, — вспомнила я и понюхала чай, который сладко пах ежевикой.

— Правильно, а блошиная трава снимает напряжение и укрепляет умственные силы.

— Значит эта блокада чисто умственная, — сказала я и выпила глоток ароматного чая.

— Да, — без колебаний ответила бабушка.

Я сделал ещё один большой глоток, надеясь, что чай быстро подействует. Пока я продолжала смотреть на пламя, я размышляла о том, что произошло сегодня.

Но мне было сложно думать об упражнениях, в голове роилось так много мыслей, столько вещей, которые я ещё хотела обговорить с бабушкой, теперь, когда казалось, что она наконец действительно находилась рядом и верила в то, что я могу принимать свои собственные, ответственные решения.

Я знала, что рискую своими вопросами нарушить хрупкий мир, установившийся между нами, но всё же эти вещи не давали мне покоя, когда существовала вероятность того, что бабушка даст мне ответы.

— Ты знала, что дедушка и бабушка Никанэ уехали из Объединённого Магического Союза тем же летом, когда исчез дедушка? — осторожно спросила я, но к моему удивлению бабушка не вскочила в бешенстве, а только тихо вздохнула, как будто уже ожидала, что я заброшу её вопросами.

— Я знаю, — тихо ответила бабушка. — Я всегда подозревала, что здесь может быть

какая-то связь, но не нашла следов Арпади. Теперь мне конечно понятно, почему они как сквозь землю провалились. Никогда бы не подумала, что они живут в вечных льдах, но это ещё ничего не значит. Это может быть просто странным совпадением, вот и всё.

— Да, — ответила я, растягивая слова, вновь почувствовав, как во мне пробуждается беспокойство, вызываемое проклятием.

Но после интенсивной тренировки с бабушкой я почувствовала, что частично могу контролировать своё провидение, и это дало мне надежду.

— Ты что-нибудь знаешь о граале патрициев? Господин Лилиенштейн знал, что некоторое время назад он принадлежал палате сенаторов.

— Значит речь идёт о граале патрициев... — моя бабушка замолчала и испытующе посмотрела на меня, как будто уже давно не знала, что мной движет.

— Да, — ответила я точно также осторожно.

Было такое чувство, будто я пытаюсь бежать по скользкой поверхности и не поскользнуться.

Моя бабушка знала много о таких вещах, но она также знала, какое разрушение может нанести информация, если попадёт не в те руки и как она может решить судьбу. — Упоминания о его местонахождении однозначны, но говорят, что его защищает мощное заклинание, — напомнила я ей.

— Грааль — это атрибут власти, а у любого атрибута есть слабость. Чаще всего эту слабость можно найти в том, из чего он был создан.

— Хроника Акаши сгорела в огне, — задумчиво сказала я, удивляясь, что мы внезапно заговорили о чём-то другом.

— Ты уверена, что она сгорела? — спросила бабушка.

— Адам сказал, что храм загорелся.

Я хорошо помнила тот день, когда после битвы с Бальтазаром пришла в себя, и Адам передал мне эту новость.

— В этом нет сомнений, но была ли хроника Акаши действительно уничтожена во время пожара, в этом я сильно сомневаюсь, — моя бабушка задумчиво нахмурилась.

— Ты имеешь в виду..., — прохрипела я, но слова застряли в горле, когда я поняла, что могло случиться.

— Вполне возможно, что она ещё существует.

— Но мало кто знал, что она находится в храме, на самом деле, наверняка об это знали только двое, — я задумчиво посмотрела в ночь. — Потому что я не думаю, что охранники понимали, что именно охраняют. Без сомнений, Бальтазар и Виллибальд Вернер были уже там, приказав обыскать руины в поисках хроники Акаши. Ещё одна причина поговорить с Виллибальдом Вернером.

— Ты хочешь поговорить с Виллибальдом Вернером? — бабушка критически изучала меня.

— Да, хочу, — ответила я, и сделав глубокий вдох, начала рассказывать ей о нашей подготовке. И даже не стала умалчивать о предназначение летающей фиалки.

— Во время соревнований драконов? — в конце концов спросила она, после того, как я закончила, и она какое-то время молча меня изучала. — Думаешь, у тебя будет шанс пообщаться с нему?

— Шанс появится, если команда Теннебоде выиграет соревнования, — сказала я и внезапно занервничала, потому что если хроника Акаши действительно ещё существует, то

получается, в попытке разрушить власть патрициев, я совершенно ничего не добила.

— Ты думаешь, что можешь выиграть соревнование? — спросила бабушка, выразив сомнение.

— Нет, — сразу ответила я. — Берт наш лучший жокей. У него хорошие шансы победить. Конечно, это зависит также от противника.

— И в этом также участвуют Констанитн Кронворт и Парэлсус? — в голосе бабушки хорошо можно было расслышать, что она сомневается.

— Да, — нетерпеливо ответила я. — Как можно уничтожить хронику Акаши? — решительно спросила я.

— Ты знаешь, как её изготовили? — бабушка откинулась на спинку стула.

— Нет, — ответила я.

— Это только слух, который я слышала много лет назад, но говорят, что бумага была сделана из древесины дерева Уоло.

— Дерева Уоло? Ты имеешь в виду то растение, из которого был получен порошок, исцеливший меня.

— Правильно, у него есть регенеративные свойства, из-за чего хронику Акаши сложно уничтожить. Также чернила, которыми была написана книга, не обычные.

— Древесину дерева Уоло можно сжечь только огнём из титановых щепок, — задумчиво сказала я, в то время как бабушка бросила на меня удивлённый взгляд. Скорее всего она не ожидала, что я настолько хорошо улучшу мои знания в ботанике. — И какими же чернилами её писали? — удивлённо спросила я. Насколько я помнила, страницы этой книги были пустыми.

— Этого я не знаю, но заклинание, которое даёт книге жизнь, было в ней записано.

— Вот как! Откуда ты столько знаешь о таких вещах? — спросила я.

— Ты видимо забываешь, в какое время я выросла, — сказала бабушка.

— И вам рассказывали об атрибутах власти? — удивлённо спросила я.

— Конечно нет. Я знала только о хронике Акаши, потому Эльза Донна рассказала. В противном случае, я бы о ней ничего не знала. Каждая королевская семья хранила атрибут власти, они завидовали силе, которую атрибут давал другой семье, и на протяжении истории постоянно пытались выманить их друг у друга. Каждый знал, что соперник владеет чем-то могущественным, но что это за атрибуты власти и где они хранятся, было большой тайной.

В общем-то все это было ничем иным, как огромной конструкцией, состоящей из тайн и запретов, — вздохнув сказала она и подложила еще дров в камин. — Решение ввести демократию было правильным. Королевские семьи вынуждены были отдать атрибуты палате сенаторов, где их охраняла личная охрана примуса. Это был жесткий шаг, понравившийся далеко не всем.

— Могу себе представить, — я вспомнила с каким ожесточением Бальтазар стремился вернуться к власти. — Однако примус снова отдал их королевским семьям.

— Да, но не из щедрости, а потому что не мог гарантировать их безопасность. Незадолго до перехода Объединенного Магического Союза к демократии, внезапно начали происходить нападения на тайники палаты сенаторов. Семья Бальтазар быстро попала под подозрение. Это был, так сказать, всем известный секрет. Они уже тогда с упорством и решительностью добивались отмены решения. Но доказать ничего не удалось. Поэтому они были единственными, кто не получил свой атрибут назад.

Бабушка вернулась на свое место рядом со мной.

— Значит примус больше не хранит атрибуты власти? — разочарованно спросила я, потому что до сих пор была уверена в этом.

— Именно так, — подтвердила бабушка.

— А что с атрибутом нашей семьи? — с любопытством спросила я. — Это значит, он хранится у тебя?

Я позволила себе короткий момент надежды, но уже по лицу бабушки поняла, что надежда была тщетной.

— Нет, к сожалению, у меня его нет. Такое решение приняла моя бабушка, ведь это она голосовала за отмену монархии. После того, как палата сенаторов в шестидесятых годах вернула атрибуты власти на хранение королевским семьям, бабушка отнесла его обратно в потайное место. Она никому не рассказывала о нем, и эта тайна умерла вместе с ней. Но честно говоря, я никогда их и не искала и даже не хотела заново открывать эту главу истории.

— Значит атрибуты власти вернулись к королевским семьям, — задумчиво сказала я. Нужно будет поговорить с Адамом, ведь получается, в его семье тоже хранится атрибут.

— Насколько я знаю, так и было. Конечно за исключением хроники Акаши, которая осталась на сохранение в палате сенаторов, потому что семья Бальтазар попала под подозрение, что хочет объединить атрибуты.

— Значит ты понятия не имеешь, где наш атрибут, — задумчиво сказала я. — Может ты знаешь, о какой вещи идёт речь?

— Не знаю даже этого, — вздохнула она. — Вскоре после того, как моя бабушка спрятала атрибут, она умерла, и мне даже в голову не пришла мысль искать его.

— А что с атрибутом семьи Некельсхайм? У Эдгара ведь тоже должен был быть доступ к нему.

— Для твоего деда эта тема тоже была закрыта. Он больше не хотел вспоминать старые времена. Мы никогда об этом не говорили. Он был за демократию и отказался от всего старого. Сегодня, возможно, это сложно понять, но для нас преобразование монархии в демократию было вступлением в новую эру. Мы хотели оставить позади всё старое и вчерашнее и направиться в новое, современное и светлое будущее.

Наследие монархии не интересовало нас. Эдгару действительно было всё равно, куда его бабушка и дедушка или родители отнесли атрибут. Мы никогда не говорили об этом. У нас были другие заботы. Мы поженились, и хотели построить нашу жизнь во внезапно помолодевшем обществе. Но потом всё пошло не так, — бабушка внезапно встала и прошла к окну, где молча выглянула в ночь.

— Значит с ним исчез также атрибут его семьи, — тихо сказала я.

— У него не было братьев и сестёр, только несколько кузенов и кузин, живущих по всему миру. Все остальные, кто мог что-то знать, уже давно умерли. В то время я потратила много времени, чтобы выяснить, почему он исчез и куда. Конечно я заметила, что семья Арпади тоже внезапно покинула страну, но они исчезли бесследно, а Катерине исполнилось тогда всего полгода. У меня были другие заботы. Ей была нужна мать, а не отчаявшееся женщина, которой больше не хотелось жить. Я пыталась заботиться о ней, закрыв дверь в этот болезненный период моей жизни.

— Мне очень жаль, — сказала я, встала и подошла к ней, чтобы обнять. — Мне так жаль, что я снова бережу все эти раны, — я не смогла подавить всхлип.

— Тоже сделала Катерина, и я не смогла с этим справиться, — тихо сказала она, нежно

погладив меня по волосам. — Когда и ты пошла по этому пути, я думала, что умру от боли. Но так просто не умираешь. Между тем я восстановила душевное равновесие, и кое-что поняла: судьба бросает мне вызов, и в то время я не приняла боя, а отступила. Поэтому события повторяются снова и снова и будут повторяться до тех пор, пока когда-то совершённая несправедливость не компенсируется. За всё в жизни нужно платить. Я также знаю, что у тебя больше нет другого пути. Арпади заманили тебя в Антарктику, и в этом есть причина. Ты сильная, и я верю в то, что ты сможешь освободиться из их когтей. Ты должна это сделать, и ты вернёшься снова ко мне. Я твёрдо в это верю.

— Обещаю, — шмыгнула я.

Я хотела сказать больше, поблагодарить её за понимание или просто за то, что она вернулась ко мне. Но бабушка поняла меня и без слов, как уже понимала всегда.

Она крепко прижала меня к себе, и так мы долгое время стояли в свете огня, понимая, что это только затишье перед бурей.

На следующее утро я встала рано и ещё перед чашкой кофе выполнила упражнение, которое повторяла вчера целый день с бабушкой. Даже если мне, скорее всего, только казалось, будто головная боль стала чуть слабее, когда я пыталась послать любовное сообщение Адаму, я всё-таки расценила это как положительный знак. Только не нужно отчаиваться, мужественно говорила я себе, когда в третий раз поднималась с пола. Бабушка пообещала, что я в конечном итоге справлюсь с заклинанием, и я крепко держалась за это обещание.

Вдохновлённая этой мыслью, я собрала на рассвете вещи, попрощалась с бабушкой и направилась в Теннебоде.

Я медленно шла по Каштановой аллее и наслаждалась утренним спокойствием. Дождь прекратился, и день предвещал стать солнечным. В магазине бабушки Лианы ещё было тихо, и на торговой площади я тоже никого не встретила. Не было видно даже Корнеля Лилиенштейна в его книжном магазинчике. Видимо весь город ещё крепко спал, пока я шла на рассвете через Шёнефельде.

После того, как бабушка вернулась в город, она, несомненно, будет искать разговора с господином Лилиенштейн. Улыбаясь, я подумала, что на самом деле только благодаря его вмешательству, как это назвала моя бабушка, она была снова здесь.

Как раз, когда я собиралась покинуть рыночную площадь, мне навстречу вышла маленькая, тощая фигурка, и когда этот человек узнал меня, он внезапно остановился.

Не хотела я повстречаться так рано утром с господином Трудиг, и по выражению его лица, становящегося всё резче, чем ближе я к нему подходила, я поняла, что он на меня сердится.

— Доброе утро, — всё же дружелюбно поприветствовала я, когда мы встретились и хотела просто пойти дальше, но господин Трудиг остановил меня энергичным жестом, который сильно напомнил мне полицейского, патрулирующего улицы.

— Даже если профессор Эспендорм на радостях из-за того, что вы вернули назад в Шёнефельде Джорджету фон Норденах, придерживается ложного мнения, что вас нужно освободить от экзаменов прошлого семестра, я не разделяю её мнения. Только чтобы вы это знали. Я только что говорил с ней и ещё раз напомнил, что теоретическая подготовка тоже очень важна, — господин Трудиг смотрел на меня, сверкающими глазами, свои худые руки он провокационно упёр в бока, так что в этот момент напомнил саранчу.

— Ну..., -начала я, лихорадочно размышляя, как более-менее дипломатично выйти из

этой ситуации. — Я очень ценю ваши занятия и мне жаль, что я столько много пропустила...

Я набрала в лёгкие воздух, и внезапно я услышала позади знакомый голос.

— Но конечно мы предоставили Сельме весь учебный материал. — Лиана и Ширли внезапно появились и встали рядом. От радости, что встретила их, я чуть не запрыгнула им на шею. Но Лиана была такой серьёзной, что я не осмелилась прервать её. — И, конечно, мы по пунктам рассмотрели с ней все важные правила, так что вам не стоит беспокоиться. Сельма прекрасно сможет ориентироваться в воздушном пространстве. Кстати, ваша лекция о разных пунктах взлёта и посадки была превосходной. Сельме тоже было очень интересно узнать, что у нас в Шёнефельде есть только одна взлётная и посадочная площадка, которая расположена во дворе замка Теннебоде, — Лиана мне подмигнула.

— Да, это действительно было очень интересно, — согласилась я и со всей серьёзностью посмотрела на господина Трудиг.

— Экскурсию, которую вы организовали, и впрямь прекрасно оживила теоретические занятия.

Теперь господин Трудиг в первый раз улыбнулся.

— Это была идея моей жены, — признался он.

— И то, что вы сразу показали нам официальные методы взлёта и посадки, действительно было очень наглядно, — поддержала её Ширли. Теперь господин Трудиг казалось наконец был настроен миролюбиво.

— Ну ладно, — сказал он, разглядывая нас по очереди. — Кажется, вы всё-так серьёзно относитесь к делу.

— Конечно, — быстро сказала я.

— И в конечном счёте это действительно огромная польза для Шёнефельде, что Джорджетта фон Норденах вернулась к нам. По правде говоря, я испытываю огромное облегчение. У меня проблемы с гунявыми клопами, — внезапно кожа вокруг его ушей покраснела. — А профессору Пошер так и не удалось составить травяную смесь в верных пропорциях. Во всяком случае, гунявые клопы скорее размножились, а не исчезли. Я сегодня же навещу Джорджетту. Желаю вам ещё доброго утра.

Господин Трудиг кивнул нам ещё раз, а потом быстро исчез в своей автошколе.

— Гунявые клопы? — задумчиво спросила я.

Я не могла вспомнить, что уже когда-нибудь слышала он них.

— У меня они были в детстве, неприятная зараза, — сказала Лиана, когда мы направились к входу в Теннебоде. — От них очень тяжело избавиться, они цепляются за матрас, словно приклеенные. А гораздо хуже их укусы. В тех местах вырастают волосы различных цветов и ужасно чешутся. Не помогает ни стирка, ни смена белья. Только на определённую смесь трав они реагируют чувствительно и исчезают. Но здесь господин Трудиг прав, очень непросто приготовить верную травяную смесь.

— Спасибо за вашу помощь, — сказала я, когда мы добрались до стоянки и прошли мимо розового фольксвагена сирокко Лоренца, который в свете восходящего солнца блестел как конфетка.

— Нет проблем, — ответила Ширли. — У нас есть для тебя ещё больше хороших новостей.

— Правда? — спросила я, протягивая удостоверение личности через контрольное устройство возле дверей, ведущих в массив, которые после этого открылись.

— Нам вместе с Дульсой удалось собрать читающее вслух заклинание, которое

превзошло все наши ожидания, — сказала Лиана, её голос отдавался от стен коридора.

— Оно действительно читает очень громко, — захихикала Ширли. — Когда мы проводили с ним тест, не прошло и трёх минут, как в комнате появилась мадам Виллоури.

— Это ничего не значит, — сказала Лиана. — Её нервы сейчас пошаливают, потому что она должна найти работу для всех фавнов, что перешли из палаты сенаторов в Тенненбоде.

— Фавны сбежали из палаты сенаторов? — удивлённо спросила я.

— Именно, — захихикала Лиана.

— Оказывается вот почему эта задержка с заявлениями о намерение вступить в брак, — заключила я.

— Это такой способ госпожи профессора Эспендорм показать, что она не согласна с решениями палаты сенаторов. Профессор Нёлль ушел в отпуск, потому что не хочет поддерживать такой протест, поэтому у мадам Виллури сейчас много работы. У паутины в старых аудиториях не будет никаких шансов. Во всяком случае, наше заклинание невероятно громкое. Можно оглушить всю Акканку. Дульса предложила нам спрятать свиток с именами на чердаке в доме ее бабушки. Пока его найдут и так сказать обезвредят, список уже будет полностью прочитан.

— Это и правда хорошие новости, — ответила я, пока мы поднимались по ступенькам. — Но и я тоже узнала кое-что новенькое.

Я рассказала Лиане и Ширли, что пережила в Темалине и что рассказала мне бабушка об атрибутах власти. Упомянула также о её в некотором смысле предсказание, а также то, что завладела летающей фиалкой, которая даст мне решающий козырь в разговоре с Виллибальдом Вернером.

— То, что хроника Акаши, возможно, не уничтожена, просто невероятно, — мрачно сказала Ширли, когда мы поднялись по лестницам и вышли во двор замка.

— Это просто предположение, — сказала я. — Точно может сказать только Виллибальд Вернер, ну или Бальтазар.

Я немного помедлила, словно мне было тяжело думать о нем, но на самом деле я хотела задать следующий вопрос. — Вы... Вы что-нибудь слышали об Адаме? — осторожно спросила я.

О его здоровье я больше не переживала. Он прочитал книгу из Мантао и теперь превосходил по силе даже Морлемов.

— Он каждый день мучил меня сообщениями, в которых хотел узнать, как у тебя дела, — вздохнула Ширли. — Но, к сожалению, я мало что могла ему рассказать, ты ведь исчезла. Тебе нужно поскорее справиться с проблемой послания сообщений. Ещё раз я не выдержу такую не прекращаемую любовную осаду.

— Я уже над этим работаю, — сказала я, когда мы пересекали двор замка. — Скажи ему, что я вернулась и скучаю по нему.

Меня охватили смешанные чувства, потому что я больше не заслуживала любви Адама. Я предала его, и это вобьёт между нами клин, который всё испортит. Однако лучше об этом не думать, твёрдо напомнила я себе о моём решении.

— Мы наблюдали за Скаррой всю последнюю неделю, — сказала Лиана, когда мы подошли к входным дверям.

Фасад Тенненбоде был всё ещё мрачным и тёмным. Как жаль, что Константину Кронворту не дают работать.

Я, пока открывала дверь, с подозрением разглядывала жутких горгулий надо мной, а

затем скрылась в вестибюле.

— Она была неприлично счастлива и в прекрасном настроении, — сказала Ширли, в то время, как мы поднимались по лестнице вверх. — Больше всего мне хотелось сбросить её за проделку с Гройзель-крысой с массива. Она втянула в это всех нас. Может посоветовать ей спросить тебя, как ты провела свои последние каникулы.

— Хорошая идея, — ухмыльнулась я. — Но я начинаю постепенно лучше себя контролировать. Занятия с бабушкой уже дают о себе знать.

— Это не помогло бы, — энергично сказала Лиана, её светлые локоны подпрыгивали также быстро, как она трясла головой. — Помимо того, что Сельма оказалась бы Хаебраме. Здесь нужно действовать более умело.

Между тем мы добрались до пустой общей комнаты и пока прервали разговор. Хотя здесь внизу не было ещё ни одного нашего сокурсника, но мы не могли быть уверенными в том, что нас никто или ничто не подслушивает.

Молча мы поднялись по узкой лестнице на наш этаж.

— Доброе утро, Лоренц..., - поприветствовала я, когда мы зашли, увидев его сидящего на большом диване в ярко красной, сатиновой пижаме.

Я хотела сказать что-то ещё, но замолчала посередине предложения. Комната выглядела иначе, чем ещё неделю назад. Мебель стояла там, где и была раньше, только внезапно всё стало таким зелёным. Почти на каждой свободной поверхности возвышались горшечные растения, у которых были толстые мясистые вьющиеся стебли, а прямо перед Лоренцем, посередине стола, стояла большая лейка.

— Отличный декор, — сказала я, оглядываясь.

Зелень хорошо вписывалась в комнату. Благодаря ей она казалась ещё более уютной. Почему-то эти растения казались мне знакомыми.

— Мы приобрели эти очаровательные растения не потому, что они такие прекрасно зелёные. Тогда я, воистину, смог бы выбрать что-то более привлекательное, но согласно нашим исследованиям эти корнесосы единственная возможность держать на расстоянии

Гройзель-крыс. Сегодня ночью они снова поймали одну, — Лоренц показал на одно из растений. — Пока растения здесь, мы можем говорить открыто. Отсюда больше не сможет выбраться ни одна Гройзель-крыса.

— Ещё больше Гройзель-крыс? — испуганно спросила я. — У Скары всё ещё недостаточно информации?

— Мы этого точно не знаем, может за этим стоит Скара, а может, всё-таки, палата сенаторов, — задумчиво сказала Лиана. — Но теперь мы в безопасности.

Я подошла ближе к растению, на которые указал Лоренц, и правда в одном мясистом, вьющимся стебле торчало что-то похоже на проглоченную крысу.

— Впечатляет, — пробормотала я, с благоговением разглядывая природное явление. — А моя бабушка ещё говорит, что это я делаю успехи. Вы просто потрясающие.

В этот момент я вспомнила, где уже видела такие растения. А именно, в кабинете профессора Эспендорм. Значит мы не единственные, кто знает, что их подсушивают.

— Ах, ерунда, — Лоренц отмахнулся. — С заявлением о намерение вступить в брак мы ещё ничего не добились. Я так отчаялся, что был вчера у Сибилл, и они предсказали мне, что я наконец познакомлюсь с любовью моей жизни. Но сказочному принцу придётся подождать, если я должен жениться на женщине, — Лоренц в отчаяние скривился, и я быстро

подошла к нему.

— Ты ещё не читал газеты, ведь так? — спросила я, плюхнувшись рядом с ним на диван.

— Нет, милая, сейчас только седьмой час, и сегодня утром я ещё ничего не успел сделать, только полил цветы.

— Обработку заявлений о намерение вступить в брак пока приостановили, потому что палата сенаторов не справляется из-за внезапного появления Морлемов и связанной с ними работой.

— У них не осталось персонала? — ухмыльнулся Лоренц.

— Именно, — ответила я. — Это не решит проблему в долгосрочной перспективе, но по крайней мере даст нам время.

— Невероятно, — восторженно воскликнул Лоренц. — Говорю же, такое ощущение, будто Сибиллы предчувствовали это, — он довольно улыбнулся. — Мне нужно немедленно в ванную, — внезапно сказал он, резко вскакивая. — Если я в любое время могу встретить моего сказочного принца, то должен всё время выглядеть безупречно.

Сделав несколько быстрых шагов, Лоренц исчез в ванной, и я услышала, как зажурчал душ. Тем временем я прошла в свою комнату, убрала вещи и одела спортивную одежду.

После обеда я воспользовалась паузой между последней лекцией и летной подготовкой, чтобы спуститься в Акканку. Я соскучилась по драконам, а также хотела передать Грегору Кёнигу хорошую новость, что у меня есть для него летающая фиалка.

Когда я открыла последние ворота и меня обдало влажным, теплым воздухом, я ощутила спокойствие. Мне хотелось расправить крылья и полететь к пещерам драконов, но я призвала себя к порядку и побежала вниз по ступеням в сторону леса Акканки.

Госпожа профессор Эспендорм была более чем добра ко мне, да и господин Трудиг смилостивился, после того как Ширли и Лиана вступились за меня. Поэтому я не хотела нарушать действующие законы в полетах, что привело бы к новым неприятностям. Прогуливаясь по тропическому лесу, я тщательно следила за тем, чтобы не сойти с вымощенной дороги. В небо вдруг поднялась стая хамелеонеров, я восторженно наблюдала, как быстро их перья меняют цвет, прежде чем до меня дошло, что они так быстро меняют цвет только в том случае, когда чего-то испугались и запаниковали.

В тот же момент, когда я осознала этот факт, я уже услышала глухой топот и треск ломающихся веток где-то поблизости.

— Стой на месте! — услышала я чье-то ругательство, после чего из листвы показалась огромная, чешуйчатая голова, повалив при этом пальму, которая с грохотом упала поперек дороги всего в нескольких метрах от меня.

Я сразу узнала Ариэля, а также задорный блеск в его глазах. С невероятной скоростью он бежал прямо на меня, и учитывая его размеры, я внезапно снова почувствовала большое почтение перед его физическими силами. Всё же я загородила дорогу, широко расставив ноги и подняв обе руки вверх.

Затем громко выкрикнула:

— Консар! — подчеркнув мой энергичный приказ остановиться сильным ветром.

Я не была уверена в том, что Ариэль остановится, но всё же осталась стоять и строго на него смотрела, в то время как он выбрался из подлеска — теперь хорошо была видна вся его величина — и продолжил бежать в мою сторону.

Я уже хотела зажмуриться и броситься на землю, как он внезапно остановился прямо перед моими вытянутыми руками и очень нежно прикоснулся мордой к ладоням.

— Молодец, — с облегчением прошептала я, глубоко вздохнув.

В этот момент, тяжело дыша, из подлеска вырвался Грегор Кёниг, преследуя Ариэля по пятам.

— Привет, — сказала я и улыбнулась, поглаживая морду Ариэля, который сел рядом со мной, как будто не имел никакого отношения к хаосу вокруг.

— Спасибо, Сельма, а ты, мой дружочек..., - он сердито сверкнул на Ариэля глазами, который тем временем под моими руками принялся издавать рокот, показывающий, как сильно ему нравится ласка. — Ты немедленно вернёшься в драконьи пещеры, — закончил он чуть мягче своё предложение.

Перемена настроения Ариэля, казалось, успокоила и его.

— Что случилось? — спросила я, бросив взгляд на просеку, которую Ариэль проломил в лесу Акканки.

— Драконы совсем сбиты с толку, — вздохнул Грегор Кёниг, сядя на поваленный ствол пальмы. — Время вылупливания «Святого яйца»..., - он пренебрежительно подчеркнул это слово, — всего через два месяца, и репортёры осаждают нас, на тот случай, если это всё-таки произойдёт раньше. Они все здесь, люди из «Хроники короны», точно так же, как репортёры из «Мира драконов» и даже люди из «Мира Чёрной гвардии». Им сейчас больше нечего делать, как околачиваться в Акканке и нервировать драконов. Как будто бы не о чем писать теперь, когда снова появились Морлемы.

— Морлемы пока ничего не делают, за исключением того, что снова появились. Это не слишком интересно. Значит Ариэль плохо переносит внимание?

— Да, и это неудивительно. Кто-то постоянно пробирается в драконьи пещеры и хочет проверить, ни треснуло ли уже яйцо и появилось ли что-то, о чём можно написать. При этом они каждый раз пугают всё стадо. Ариэль непредсказуем. На этой неделе он улизнул уже во второй раз и потом, как сумасшедший, бегает по лесу. Ты же знаешь, что он никогда не ходит пешком, Ариэль всегда летает.

— Я знаю, это означает, что он совсем не в себе. Вы не можете вышвырнуть репортёров, пока яйцо не треснет?

— Невозможно, — смирившись, ответил Грегор Кёниг. — Менее чем через две недели состоится соревнование драконов. Подготовка уже сейчас идёт полным ходом. Я так рад, что ты вернулась. Тебе обязательно нужно на этой неделе посетить тренировки. С тех пор, как этот ненадёжный аристократ исчез, мне опять не хватает жокея. Ты нужна мне для соревнований.

— Я буду там, обещаю, — серьёзно ответила я. — Мне очень жаль, что меня не было на прошлой неделе.

— Неважно, ты привезла с собой Джоджетту, — он с благодарностью улыбнулся. — С тех пор, как профессор Пошер служит здесь целителем, на занятиях я преподавал только ещё не ядовитые растения и животных. Он не смог бы даже справиться с укусом зелёного грютца.

— Вы и в половину не так счастливы, как я, что она снова здесь, — ответила я.

— Понимаю, — ухмыльнулся Грегор Кёниг. — У тебя ведь больше нет другой семьи.

От его слов я невольно вздрогнула. Конечно у меня кроме бабушки, есть и другие члены семьи. Мать, отец, брат, сестра, а также дедушка. То, что их нет со мной рядом, ещё не значит, что они мертвы.

— Кроме того, я привезла вам подарок от друидов из Темаллина, — перевела я разговор

на другую тему.

— В самом деле? И что это?

— Летающая фиалка, — сказала я с усмешкой, хорошо зная, что сильно его обрадую.

— Сельма, это бесценный подарок. Спасибо! — он отечески прижал меня к себе и весело улыбнулся. — Так много хороших новостей за один день ещё сделают меня сентиментальным. Не хочешь вернуться на спине Ариэля в драконьи пещеры? — спросил Грегор Кёниг и улыбнулся. — И сразу продемонстрируй репортёром, что им следует многого ожидать от команды Теннебоде. А я в это время пойду покормлю других драконов, без бури вспышек.

— Согласна, — ответила я, радуясь, что он предложил мне немного отвлечься и забралась на спину Ариэля. Мне не пришлось долго его уговаривать, он сразу взлетел и помчался крошечными спиралями вдоль реки над самой поверхностью, так что я почти могла прикасаться к шёлковым пираньям.

Соревнования драконов

В субботу утром я проснулась вовремя, и едва открыв глаза, ощутила беспокойство. Когда я направилась в ванную, в жилой башне все было тихо. Тщательно помывшись и почистив зубы, я полила корнесосы, которые сегодня ночью видимо остались без добычи и испытывали жажду.

Затем я опустилась на диван и наблюдала за тем, как начинается утро, а на улице становится светлее. Это было прекрасное майское утро. Деревья наконец позеленели, ночами не было заморозков, так что температура воздуха поднималась все выше.

Это было подходящее время, чтобы веселиться, устраивать вечеринки и наслаждаться жизнью с друзьями. Но сегодня меня ожидало кое-что другое. Не хотелось думать о том, что могло бы пойти не так. Чтобы отвлечься, я закрыла глаза и до тех пор пыталась отправить Адаму сообщения, пока головная боль стала невыносимой.

— Все в порядке? — спросил Лоренц, когда немного поговоря с ним, полностью одетый, встал рядом со мной.

— Адама и Торины все еще нет, — разочарованно сказала я и встала. Чем ближе были соревнования драконов, тем нетерпеливее я становилась, ожидая, когда эти двое вернутся в Тенненбоду.

— Мы все равно доведем дело до конца, неважно сколько Морлемов рыщут там снаружи, — решительно сказала Лиана, а Ширли одобрительно кивнула. Сдаваться никто из нас не собирался.

— Я тоже так думаю, но было бы проще, если бы они были здесь, чтобы помочь нам, — я нервно провела рукой по волосам. — Лоренц, отправь ему сообщение, я должна знать, где он.

— Хорошо.

Лоренц вздохнул, закрыл глаза и сосредоточился.

— Вчера вечером снова появились Морлемы, — сообщил Лоренц. — И адмирал передал руководство над ударной группой Торины. Они не могут уйти, если не хотят попасть, как изменники родины, на скамью подсудимых.

— Нет, — с негодованием сказала я.

Моя надежда, что Адам всё-таки сможет появиться в последнюю секунду, улетучилась.

— Адам говорит, чтобы мы действовали без них, — продолжил Лоренц. — Адмирал во время церемонии награждения будет рядом с примусом и станет отличным свидетелем для признания.

— Хорошо, — я решительно кивнула. — Тогда всё идёт по плану. Если даже моя бабушка поборола свои сомнения и хочет нам помочь, тогда у нас обязательно всё получится.

Кроме того, это просто должно сработать. Надо мной, как дамоклов меч, навис истекающий срок исполнения заявления о намерении вступить в брак. В последние дни мне пришлось наблюдать, как мои однокурсники планируют свою свадьбу и обсуждают свадебные платья и обручальные кольца. Хотя я и пыталась обходить стороной такие группы и сосредоточиться только на соревновании драконов, но всё же до моих ушей постоянно доносились отрывки предложений.

— Я согласна, — сосредоточенно сказала Ширли. — Давайте ещё раз обговорим ход

событий, чтобы не было никаких недоразумений.

Я кивнула, и мы вместе сели на диван.

Акканка была переполнена, когда мы два часа спустя зашли в ворота и спустились вниз по лестнице.

Уже даже отсюда сверху было видно, что на дорожках полно магов, и казалось, почти невозможно пройти. А до первого состязания ещё целых два часа.

— Имя? — спросил монотонный голос.

Я чуть не споткнулась о мужчину, который у подножия лестницы выстроил барьер и смотрел на меня, держа в руках планшет с зажимом.

На его груди красовалась широкая надпись, на которой стояло: «палата сенаторов».

— Сельма Каспари, — удивлённо сказала я, наблюдая, как он проверяет свой список.

— Плебей, в команде драконов, — сказал он, растягивая слова. — У вас есть разрешение на проход до драконьих пещер, а также вы можете сегодня летать. Показывайте на базах вот эту карточку.

Он сунул мне в руку маленькую, жёлтую карточку и ощупал мои карманы в поисках несанкционированных предметов.

— Имя? — он посмотрел на Лоренца, который был прямо позади меня.

— Лоренц Сильвер, — ответил тот, скептически глядя на работника палаты сенаторов, пока тот листал свой список и в конце концов пометил галочкой имя Лоренца.

— Плебей, зритель. У вас есть разрешение на проход до рыночной площади Акканки. Пожалуйста обратите внимание на красное ограждение. Имя? — после ощупывания карманов Лоренца он посмотрел на Ширли.

— Ширли Мадден, — ответила Ширли.

— Патриций, — сказал работник палаты сенаторов, а потом выражение его лица внезапно изменилось, а губы растянулись в улыбке. — Добро пожаловать на соревнования драконов в этом году. Надеюсь, вы хорошо сюда добрались, — его не остановило то, что Ширли раздражённо закатила глаза. — Вы можете ходить по всей Акканки, а также можете сегодня летать. Просто показывайте на базах вот эту карточку, тогда вас везде пропустят, — он сунул Ширли в руки золотую карту и не стал проверять карманы. — Желаю вам приятного отдыха.

Улыбка исчезла с его губ, когда он повернулся к Лиане.

— Имя?

— Лиана Гольдманн.

Он пролистал свой список и пометил галочкой.

— Плебей, зритель. У вас есть разрешение на проход до рыночной площади Акканки. Пожалуйста обратите внимание на красное ограждение. Имя? — после того, как он ощупал карманы Лианы, он повернулся к следующему в очереди, уже образовавшейся позади нас.

— Тебе следует полететь к драконьим пещерам, — сказала Лиана, бросая взгляд на толпу перед нами. — Потребуется какое-то время, пока мы пробьёмся здесь вперёд.

— У меня ещё есть немного времени, — мрачно сказала я, разглядывая яркий барьерной скотч, которым Грегор Кёниг огородил пути.

Но я не думала, что это было так необходимо. Учитывая шум, который царил здесь, ни один огненный питон не осмелится выползти из своей норы.

— У вас всё с собой? — спросила я.

— Ты спросила об этом уже в пятый раз с тех пор, как мы вышли из жилой башни, —

усмехнулся Лоренц. — Расслабься, дорогая, у нас всё под контролем. Сейчас мы встретимся с Парэлсусом. Список Дульса уже вчера вечером спрятала в доме на чердаке и теперь ждёт там, когда мы подадим ей знак, чтобы активировать заклинание. Как только заклинание начнёт действовать, ты сразу услышишь, и тогда настанет твой черёд. А сейчас сосредоточься на соревнованиях и болей за Берта. Как только твоя команда, в качестве победителей, поднимется на трибу, мы позаботимся об отвлекающем манёвре.

— Может быть действительно будет лучше полететь уже сейчас к драконьим пещерам, — сказала я.

Прежде, чем я взорвусь от волнения.

— Конечно лети! Желаю удачи, и позаботься о себе!

Лоренц обнял меня, а затем я расправила крылья. В то время, как Лоренц, Лиана и Ширли влились в толпу, чтобы протолкнуться к рыночной площади Акканки, я поднялась и полетела высоко над головами к драконьим пещерам. Я мягко приземлилась на уступе и наткнулась прямо на Грегора Кёниг.

— Эти репортёры сводят меня с ума, — ругался тот. — Даже охранникам Виллибальда Вернера не удаётся держать подальше от драконьих пещер этих наглых охотников за фотографиями. Только что один из них снова пробрался во внутрь. Я сказал ему, что следующего репортёра выгоню из драконьих пещер, используя огненные шары. Когда яйцо проклюнется, я дам знать. Сейчас у меня реально другие проблемы.

— Именно, — ответила я.

Мне было не по себе, когда я обводила взглядом Акканку. Отсюда сверху было видно огромную трибуну, которую снова возвели для высшей элиты. Рыночная площадь была обгорожена, и пустое пространство, вокруг которого толпились массы, казалось каким-то голым. Посередине рыночной площади была разбита дорожка, примерно пять метров в ширину, ведущая как раз вдоль почётной трибуны. На ней, на своих драконах, будут стартовать по два жокея.

Напротив почётной трибуны были разбиты десять кругов, в которых драконы будут ждать своей очереди. Даже отсюда сверху я увидела уже подготовленные огромные лохани с водой, а примерно в десяти метрах над почётной трибуной развивалась красная финишная лента.

Гоночная трасса тоже уже была отмечена в воздухе красными световыми шарами, так что хорошо был виден маршрут в виде восьмёрки.

— Уже подтвердили, что мы соревнуемся с североамериканской командой? — спросила я, чтобы немного отвлечься от волнения.

— Нет, но против кого ещё? Это не может быть какая-то другая команда. Ты отлично справишься, — убедительно сказал он. — Ты сможешь. Помни, что нужно уже с первого состязания вырваться вперёд. Ты знаешь, что таким образом обеспечишь себе билет в финал.

— Я знаю, — ответила я. — Пять против пяти. Самый быстрый жокей из первых пяти состязаний попадёт в финал, а остальные должны будут соревноваться за оставшееся место.

— Именно.

Он посмотрел на меня со скепсисом во взгляде, и я подумала, что он хочет ещё подбодрить меня, но в этот момент вспыхнула вспышка, и Грегор Кёниг с яростным криком устремился на испуганного репортёра, который быстро бросился бежать.

А потом пришли Берт, Карл и другие, и больше не осталось времени для разговоров. Мы одели оранжевые гоночные костюмы, почистили драконов и одели им дорогие головные

уборы, которые те носили только во время официальных соревнований.

Мы были хорошей командой, каждый знал, что делать, и всё-таки это было наше первое соревнование, и волновалась не только я. Янина постоянно убирала за ухо один и тоже каштановый локон, пока ещё раз поила дракона.

Берт, напротив, становился всё молчаливее, чем больше приближался момент, когда нам придётся выйти из драконьих пещер и предстать на рыночной площади перед зрителями Акканки.

Мои мысли почти не занимало соревнование, я снова и снова повторяла вопросы, которые хотела задать Виллибальду Вернеру, размышляя, какой из них был самым важным. Стоит ли мне начать с его дочери или сразу пустить в игру Бальтазара? А может всё-таки ещё важнее хроника Акаши? Кроме того, я должна спросить его, почему он подверг цензуре новый том стихов Константина Кронворта.

Я понятия не имела, сколько у меня будет времени. Бутылка с распылителем, в которой была вода с растворённым порошком летающей фиалки, находилась в моём костюме и была такой плоской, что почти не бросалась в глаза.

Я поместила её сюда уже вчера, хорошо зная, что палата сенаторов будет проверять карманы. Всё зависит от того, сколько раствора, который приготовила для меня бабушка, я смогу влить Виллибальду Вернеру, прежде чем кто-то меня остановит.

Я вздохнула. Возможно его даже не будет здесь, и мы напрасно надеялись. Я заскрипела зубами и почти пропустила слова Грегора Кёниг, который призвал всех сесть на драконов.

Соревнования начались, дороги назад нет. Надев оранжевый шлем, я пошла к Ариэлю. Сегодня я полечу на нем, все наши надежды мы возлагали на Берта, который в тренировках с Салусом был самым быстрым. Ариэль был самым большим и тяжелым драконом. На узких поворотах гоночной трассы в форме восьмерки, он временами отставал. Карл и Эрвин летели на Фелисите и Диане, дочерях Ариэля и Авроры. По времени они были где-то посередине.

— Удачи! — пожелал мне Грегор Кёниг, когда я взлетела вскоре после Берта и последовала за ним на рыночную площадь.

Когда мы влетели на драконах, раздалось оглушительное ликование. Зрители махали национальными флагами лилового и черного цветов, а студенческая музыкальная группа Тенненбодде исполняла гимн Объединенного Магического Союза. Однако до нас доносились только некоторые такты, так как толпа не переставала реветь.

Приземлившись, я увидела, что все патриции на почётной трибуне встали и начали петь гимн, а я так нервничала, что даже затряслись руки.

Я быстро оглядела трибуну и заметила, что некоторые места пустовали, видимо их зарезервировали для высокопоставленных лиц команды соперников.

Когда спели гимн и Янина с Пико приземлились, наступила тишина, все стали ждать официальной речи.

Я почувствовала облегчение, когда Виллибальд Вернер выступил вперед и подошел к микрофону.

— Дорогие граждане Объединённого Магического Союза я очень рад, что мне выпала честь открыть соревнование драконов в этом году, даже если из-за появления Морлемов оно находится под недобрый знаком. Несмотря на всё это, палата сенаторов решила, что мы не хотим отказываться от такого важно спортивного события, какой бы сложной не была ситуация. Мы не позволим испортить нам радость от этого спорта, да к тому же во второй

раз.

Раздалось громкое ликование, и только когда Виллибальд Вернер успокаивающе поднял руки вверх, звуки восторга стихли.

— Тем не менее, мы приняли серьёзные меры предосторожности, среди прочего, тщательно хранимый секрет, против какой команды мы будем соревноваться. Но теперь, наконец, пора объявить с какой командой будут состязаться драконы Акканки. Мои дорогие маги, я рад представить вам особенную команду по особенному случаю, — Виллибальд Вернер прочистил горло, вложив в свою речь драматическую паузу, чтобы ещё больше увеличить напряжение.

— Да не издевайся, — тихо прорычал Грегор Кёниг, который вырядился в шикарный костюм и теперь стоял рядом с Ариэлем. — Мы уже все давно знаем, кто сейчас сюда завалится. Всегда раздувают такую секретность.

Я не смогла сдержать улыбку, когда услышала его слова. В этот момент от входа в Акканку донеслись высокие крики драконов. Команда соперников прибыла и сейчас влетит. Нахмурившись, я должна была признать, что драматический эффект был хорошо подготовлен.

Так же, как тысячи магов, окружающих меня, я повернула голову влево, чтобы увидеть, как драконы влетают.

Когда я увидела цвет первого дракона, который только что поднялся в воздух с выступа утёса, кровь в жилах застыла. Не может этого быть! Грегор Кёниг рядом со мной тоже удивлённо вскрикнул.

Снежный дракон!

Я только что увидела, как по небу Акканки парят белоснежные драконы. Должно быть я страдаю галлюцинаций, вижу сумасшедший сон, который нашептал мне страх перед Энакином. Я закрыла глаза и снова распахнула, но драконы всё ещё были здесь. Однако это не может быть сном, потому что в таком случае, Грегор Кёниг видит точно такой же. В этот момент он пробормотал что-то насчёт того, что эти чёртовы репортёры основательно его надули.

— Поприветствуйте команду из Антарктики, — в этот момент торжественно воскликнул Виллибальд Вернер, и среди изумлённых возгласов ликования, последовавших за его словами, никто не заметил, что я начала задыхаться от паники.

— Сельма? — обеспокоенно спросил Грегор Кёниг.

Но я не могла ответить. Всё, что мне пришлось пережить, в этот момент нахлынуло на меня, все кошмары ожили, а рядом не было никого, за кого я могла бы держаться.

Виллибальд Вернер теперь продолжил свою речь:

— Поприветствуйте со мной моего хорошего друга Гвидо Арпади, его жену Моник Арпади и сына Энакина Арпади, королевскую семью Антрактики, — раздались бурные аплодисменты, когда Энакин и его родители внезапно появились на сцене. — Антарктика новый официальный партнёр Объединённого Магического Союза, и мы очень рады, что наладили сегодня первые контакты с нашими друзьями из страны вечных льдов. Объявляю соревнования драконов открытым и даю слово Вэндолину Габриэлю, который будет вести сегодняшнее мероприятие.

Виллибальд Вернер передал микрофон пожилому господину, который начал приветствовать публику скучным и сонорным изложением событий и объяснять правила соревнований драконов. Но меня не интересовал автор эмоциональных стихов. Я уставилась

на Энакина и Гвидо Арпади, которые теперь вместе с Виллибальдом Вернером заняли на почётной трибуне оставшиеся свободные места с таким видом, будто находились у себя дома.

Однако у меня не осталось времени для того, чтобы переварить испуг, потому что пока Вэндолин Габриэль говорил, я вместе с Ариэлем должна была пройти на своё место. Прямо напротив почётной трибуны для него был обозначен круг. Ариэль знал, что нужно делать с других соревнований и послушно побрёл к своему кругу, где первым делом опустил морду в лохань с водой и попытался извергнуть пламя.

— Прекрати эту ерунду, — сказала я, вытирая забрало, потому что внезапно оказалась в тумане из водяного пара. Я слезла со спины Ариэля и встала рядом.

— Антарктика? — спросил Берт, занявший с Салусом круг, который находился рядом с моим. — Сюрприз удался. Разве Энакин не рассказывал, что он якобы из Южной Африки, или я что-то неправильно понял?

— Нет, — сказала я, голос был приглушённым из-за шлема. — Он соврал.

Я избегала называть его имя, потому что сейчас было бы не кстати, если бы мне пришлось сражаться с этим проклятием. На данный момент нужно направить всё внимание на соревнования.

— Удачи! — успел ещё крикнуть Берт, когда Вэндолин Габриэль вышел вперёд с золотой чашей, из которой должен был вытянуть жребий для первых соперников.

— Соревноваться сегодня будут десять драконов, чтобы в честном состязании определились, кто из них самый быстрый, выносливый, ловкий и может хорошо применить стратегию, — выкрикнул Гвэндолин Габриэль и теперь я, наконец, услышала в его голосе энтузиазм по поводу соревнований, который уже давно охватил толпу. — За команду Антарктики выступят, — студенческая музыкальная группа Тенненбоде подчеркнула этот момент барабанной дробью, — Силенос, Лионидас, Мелания, Лазарь, Космас.

Снежные драконы один за другим поднимали свои головы, когда раздавались их имена, и казалось, будто они оказывают нам милость, когда принимали приветствия.

— За команду Тенненбоде выступят, — снова барабанная дробь, — Ариэль, Пико, Салус, Фелисита и Диана.

Когда Вэндолин Габриэль произносил имя Дианы, его голос взмыл вверх, и теперь стало ясно, что у нас преимущество родного города. Вся Акканка задрожала от восторженных криков и аплодисментов, а призывы Вэндолина Габриэля к тишине затерялись в ликование. Только когда он поднял вверх золотую чашу, крики стихли.

— Дамы и господа, уважаемые маги прошу тишины. Сейчас мы вытянем имена тех, кто будет выступать в первом состязании, — он опустил свои руки в золотую чашу, как в раковину и вытащил два конверта. — В первом состязании будут соревноваться, — он неуклюже открыл конверты, — Мелания и Пико.

Вэндолин Габриэль повторил процесс ещё четыре раза, пока не были разыграны все состязания и установлено, что сегодня утром будут соревноваться друг с другом Фелисита и Лионидас, Диана и Силенос, Саулс и Космас и Ариэль и Лазарь.

— Как обычно, самый быстрый дракон, вышедший из этих предварительных раундов, автоматически попадает в финал, — напомнил Гвэндолин Габриэль ещё раз. — Теперь я хочу попросить жокеев подготовить драконов и занять места на стартовой линии.

Чтобы скоротать время до официального стартового сигнала вам сыграет студенческая музыкальная группа Тенненбоде. Хотим уже сейчас поблагодарить за музыкальное

сопровождение этого мероприятия.

После того, как студенческая музыкальная группа начала играть следующую мелодию, внезапно всех охватило праздничное настроение. До первого старта было ещё пол часа времени, и маги использовали его, чтобы быстро запастись бесплатными угощениями, которые раздавали разносчики на улицах Акканки.

Грегор Кёниг быстро подошёл к Янине, которая будет стартовать на Пико первой. От волнения, она кое-как забралась на дракона. Он успокаивающе поговорил с ней и помог поправить головной убор Пико.

Я бросила осторожный взгляд к почётной трибуне. Видимо Энакин был углублён в разговор с Виллибальдом Вернером и его женой, и казалось, его совсем не интересуют драконы. Конечно он понимал, что я где-то здесь, но не мог точно знать, под каким я шлемом и на каком драконе полечу сегодня. Может быть он полагал, что я истекла кровью от тех ранений, что он нанёс мне и давно умерла.

Однако гораздо больше меня интересовало то, как он смог вернуться сюда. Мятеж действительно подавили, а Анна с советом народа Антарктики потеряли власть, которую с таким трудом завоевали?

Грааль патрициев! Внезапно я поняла, что это он позволяет Арпади запутанными путями всегда возвращаться на королевский трон. Пока этот атрибут власти в их руках, ничего не изменится.

Я прислонилась к Ариэлю, который успокаивающе зафыркал.

— Берт должен выиграть эти чёртовы соревнования, — тихо сказала я.

Но Ариэля в этот момент не интересовало моё удручённое настроение, он принюхивался к Мелании, которую жокей как раз проводил мимо, направляясь к стартовой позиции.

Когда я задумчиво направила взгляд на толпу за барьерным скотчем, я внезапно увидела, как кто-то возбуждённо машет. Почему-то леопардовый рисунок брюк показался мне знакомым.

О чёрт! Это же Лоренц.

Я прошипела Ариэлю, чтобы тот вёл себя хорошо и прошла к Лоренцу, рядом с которым стояла также Лиана.

— Что случилось? — спросила я и подняла вверх забрало, чтобы лучше расслышать Лоренца.

— Я послал Адаму сообщение, предупредив, что Арпади появились здесь, — он постучал пальцем по голове. — Адам говорит, чтобы ты отказалась от соревнований и шла в Глиняный переулок под номером 13. Тёмный герой очень ясно дал понять, что он настаивает на том, чтобы ты немедленно исчезла. Кстати, мне нравится его строгая сторона, — Лоренц захлопал ресницами, и не смотря на напряжённую ситуацию я ухмыльнулась.

— Я не могу уйти, соревнования сейчас начнутся, а Виллибальд Вернер наконец в пределах досягаемости, — сказала я, бросив взгляд на трибуну.

— Да, но там также сидит Энакин, а после всего, что он тебе причинил, тебе действительно лучше обходить его стороной. По крайней мере до тех пор, пока не появится Адам.

— А когда Адам будет здесь? — спросила я.

— Подожди, — сказал он и закрыл глаза.

— Он велел передать, что до полуночи добраться не сможет. Он только что покинул своё подразделение, и его будут судить как предателя родины. Но теперь он как можно быстрее хочет попасть в Шёнефельде, и встретиться с Энакином лично. И в этот раз тот не отделается лёгким испугом. И если ты немедленно не исчезнешь из Акканки, он очень..., - Лоренц помялся. — Ну, скажем так, он сильно рассердится, если ты будешь ещё здесь.

— Я должна участвовать в соревнованиях, — настойчиво повторила я, и Лоренц передал моё сообщение Адаму.

Другого выхода нет, даже если Арпади будут стоять на моём пути, и мне придётся их обойти. Я должна поговорить с Виллибальдом Вернером и заставить его отменить заявление на намерение вступить в брак. Это единственный способ не дать Скаре выйти замуж за Адама. Не зависимо от того, насколько сильно сейчас разозлится Адам, я не могла упустить шанс, который ждала столько много месяцев. Не могла отказаться от него после того, как мы вложили столько много работы в подготовку. Кроме того, его гнев будет ещё более невыносимым, если он узнает, что я сделала.

— Он использовал неприличные слова и угрожал снести мне голову, если я не позабочусь о том, чтобы ты исчезла, — сказала Лоренц, распахнув глаза. — Постепенно мне становится страшно.

— Со мной ничего не случится, — ободряюще сказала я. — Я защищу тебя, когда Адам появится здесь. Но не могу сейчас уйти, — сказав это, я отвернулась от Лоренца и вернулась на место. На трибуне тоже все заняли свои места.

И тут сразу же раздался голос Вэндолина Габриэля:

— Уважаемые дамы и господа, я очень рад, что падать в этом году официальный сигнал к началу соревнований поручили мне. Первыми будут состязаться Янина Лосмюллер на Пико против Филлипо Тройтнер на Мелании. Мы желаем всем жокеям успеха.

Вэндолин Габриэль поднял руку и сформировал голубой световой шар. Потом тот с громким шипением выстрелил в воздух и в то же момент Пико и Мелания стартовали.

Я зачарованно наблюдала, как они на захватывающей скорости летят к первому повороту.

— В настоящий момент оба дракона несутся бок о бок, — комментировал Вэндолин Габриэль. — Решающим для последующего развития состязания будет то, кто первый доберётся до крутого поворота. В настоящий момент оба дракона летят наравне, и эта встреча обещает быть очень интересной. Первый крутой поворот всё приближается, и теперь Пико удалось выйти немного вперёд. Но будет ли этого достаточно, чтобы первым войти в поворот? Да, этого достаточно, команда Тенненбодде лидирует.

Слова так и сыпались из уст Вэндолина Габриэля. Чем дольше он говорил, тем видимс лучше мог показывать свои чувства. Толпа зрителей сопровождала опережающего Пико восторженным рёвом.

— Оба дракона летят теперь по длинной прямой, и Пико удаётся увеличить свой отрыв ещё больше. Кажется, победа у него уже в кармане. Но Мелания не сдаётся, оставаясь у Пико на хвосте, даже если ей сложно следовать за ним.

В этот момент драконы промчались над рыночной площадью Акканки, и у толпы вырвался удивлённый возглас, когда по головам прошёлся резкий ветер, срывая шапки и вырывая из рук стаканы с напитками. Скорость действительно была захватывающей.

— Состязание ещё далеко от завершения. О, что я вижу. Кажется, Пико больше не может держать эту высокую скорость. Малания сантиметр за сантиметром нагоняет.

Последний крутой поворот уже очень близко, и, возможно, Пико снова удастся увеличить свой отрыв.

В воздухе внезапно образовалось такое напряжение, что даже заставило замолчать Вэндолина Габриэля. Вся Акканка молча наблюдала, как Мелания перед самым поворотом оказалась на нос впереди Пико и повернула первая.

— Нет, — выкрикнул Вэндолин Габриэль, а толпа застонала.

— Не сдавайся! — выкрикнул Грегор Кёниг.

Но Янина была так удивлена перерезающей ей дорогу Меланией, что не смогла отреагировать, и Пико залетел на повороте слишком далеко, таким образом потеряв драгоценное время.

— Мелания находится на финишной прямой, и не похоже, что Пико ещё сможет её нагнать.

В этот момент белый дракон с оглушительным шумом промчался через финишную черту, находящуюся над почётной трибуной.

— Первое состязание выиграла Мелания из команды Антарктика, мои поздравления.

Прозвучали вежливые аплодисменты, и студенческая музыкальная группа Тенненбодде заиграла первые такты музыки, объявляя паузу.

— Чёрт, — выкрикнул Грегор Кёниг, но потом, видимо, опомнился и вспомнил, что Янина совсем недавно в первый раз села на дракона. Когда она приземлились на широкую дорогу, он прошёл к ней и помог отвести Пико на место.

— Это будут трудные соревнования, — вздохнул Берг.

— Да, но мы всё равно их выиграем, — рассеянно сказала я, потому что увидела, как за ограждением дико машет руками Лоренц.

Вздохнув, я подошла к нему. Я уже догадывалась, что он хочет сказать.

— Я его боюсь, — вздохнул Лоренц.

— Просто закройся, — посоветовала Лиана. — Я твержу тебе об этом уже всё это время.

— Где Ширли? — озираясь спросил я.

— У Дульсы, выполняет последние работы. Они нашли заклинание, блокирующее двери и окна, чтобы никто не смог добраться до списка. Дульса просто классная. Какими бы сложными не были заклинания, которые тебе нужны, она найдет их, и что еще более важно, с помощью Сесилии сможет применить.

— Сесилия тоже участвует? — как бы между прочим спросила я и посмотрела на стартовую дорожку, где уже выстроились Фелисита и Леонидас.

— Как мрачная тень, — накаркал Лоренц.

— Сельма, — в этот момент крикнул Грегор Кёниг и подбежал ко мне. — Ты выступаешь последней. Скорей беги к пещерам драконов и посмотри, как там Аврора. Я не доверяю охране. Вдруг репортеры заскучают во время пауз и им взбредут в голову какие-нибудь глупые идеи.

— Хорошо, — сказала я и прошмыгнула через ограждение.

— Но возвращайся вовремя. А я пока присмотрю за Ариэлем.

— Не волнуйся, я не опоздаю, — пообещала я. — Вы хотите пойти со мной?

— Нет, спасибо, я не очень лажу с драконами. Лучше возьму себе еще мясных пончиков. Надо же воспользоваться моментом и для разнообразия попробовать вкусную, вредную пищу, которой иначе не бывает в Акканке.

— А меня еда успокаивает, — сказала Лиана и присоединилась к Лоренцу. — До скорого.

Я начала протискиваться сквозь толпу, которая с началом второго состязания, снова толпилась у заграждений.

Благодаря моему маленькому удостоверению, охранники пропустили меня, и я зашла в драконьи пещеры. В некотором смысле я была рада, что смогла на какое-то время сбежать от суматохи. Здесь наверху было тихо и спокойно. Аврора блаженно каталась в угольной пыли, и удивлённо подняла взгляд, когда я вошла.

— Я только хотела проверить, как твои дела, — тихо сказала я и подошла ближе.

Но всё было в порядке. Яйцо, хорошо накрытое, лежало в углу, и, когда я направилась к ней Аврора, защищая, загородила его.

Репортёры, если хотели сделать фотографию, должны были действовать быстро. Аврора защищала своё яйцо изо всех сил. Я не переживала за неё. Она была опытной матерью, и уже вырастила двух драконов.

Я вернулась к выходу окинула взглядом Акканку. Теперь, когда здесь было столько много магов, она выглядела совершенно по-другому.

Соревнования ещё далеки от завершения, и вот когда стартует Берт, тогда снежным драконам ещё расхочется побеждать.

В этот обнадеживающий момент я внезапно услышала чужой голос. Я в недоумение огляделась по сторонам. Здесь никого не было. Охранники оцепили драконью пещеру, да и из потайной двери в Темаллин не появлялось никаких друидов, к тому же я сомневалась, что друидам интересны соревнования драконов.

— Сельма, я запрещаю тебе даже ещё секунду оставаться в Акканке, — внезапно заругался замечательный голос, и в этот момент я поняла, что получила сообщение. Я хотела удержать голос, но он уже стих.

— Где ты? — мысленно спросила я, но головная боль, сопровождающая эту мысль, ясно дала понять, что ещё далеко не всё в порядке. Я с нетерпением ждала какое-то время, но чуда не повторилось, а значит я всё ещё не могла принимать сообщения.

Внезапно я услышала громкие аплодисменты, что могло означать только одно: следующее состязание было решено в пользу Тенненбоде, и Фелисита одержала победу.

Ещё два состязания, потом моя очередь.

Я медленно возвращалась на рыночную площадь Акканки, и ещё успела увидеть, как Диана, обогнав совсем чуть-чуть, первая пересекла финишную черту. Акканка бушевала, напряжение было ощутимым. Особенно потому, что Берт считался абсолютным фаворитом, а его старт будет следующим. Это вдохновляло фантазии о предстоящей победе. Все ожидали, что он достигнет рекордного времени, и сразу попадёт в финал. А если ещё один дракон попадёт в финал, тогда победа команды будет нашей, и сражаться за золотой кубок мы будем между собой.

— На стартовой линии находятся сейчас Берт Фрёлих на Салусе, во время тренировок, они смогли установить новое рекордное время. Рядом с ними Энакин Арпади на Космасе. Энакина Арпади некоторые из вас возможно уже знают, на прошлом семестре в Тенненбоде он привлёк к себе внимание своими навыками, как отличный наездник драконов. Это обещает стать захватывающим состязанием.

Свист светового шара и старт для обоих драконов был плохо слышен.

Я не ожидала, что Энакин примет участие в соревнованиях. Почему он вообще здесь? Я

не могла понять.

— Салус и Космас летят вровень перед первым крутым поворотом, и ещё не ясно, какой из драконов повернёт первым. Но что это? Космас увеличивает темп, таким образом опережая на один сантиметр и входит в поворот первым. Невероятно, на какое мастерство он способен. Опережая совсем чуть-чуть, Космас поворачивает на длинную прямую. Сможет ли он удержать эту скорость? Салус постепенно нагоняет и..., - резкий свист оборвал предложение Вэндолина Габриэля, когда драконы промчались над головами публики, — ... теперь драконы снова летят наравне. Салус не хочет сдаваться, и всё выглядит хорошо, он ещё сможет победить. Отображаемое время уже на половине дистанции показывает новый рекорд. Но теперь всё зависит от того, смогут ли драконы сохранить эту скорость. Ноздря в ноздю они мчатся к повороту. Ни один из двух жокеев не хочет сдаваться и теперь... о, нет...

Толпа испуганно завизжала, когда драконы мчались к повороту. Они находились так близко, что их крылья мешали друг другу. При такой высокой скорости одна ошибка могла означать конец. Салус сошёл с курса, Космас тоже потерял равновесие, но ни Берт, ни Энакин не хотели сдаваться и продолжали двигаться друг к другу. Всё это плохо закончиться. Мне хотелось закрыть глаза, когда и Вэндолин Габриэль вскрикнул.

— Чёрт, — закричал Грегор Кёниг, когда драконы действительно столкнулись. Салус вылетел из поворота, а Космас сбил один из барьеров, отмечающих трассу. Но казалось, раненых не было. Энергично ударяя крыльями, оба дракона вернулись на трассу.

— Напряжение почти невыносимо, — выкрикнул Вэндолин Габриэль в микрофон, а и я должна была с ним согласиться. — Длинная прямая решит, кто из них победит. Но что это? Вот незадача! Салус отстаёт, Космас оставил его позади. Похоже Салус всё-таки был ранен во время столкновения.

Белое шипение над моей головой закончило гонку.

— Победителем в этом состязании стал Космас, а теперь и Салус пересёк финишную черту, таким образом фаворит драконьей команды Теннебоде выбыл из соревнований.

Это были даже не вежливые аплодисменты. Послышались первые возгласы неодобрения, и мне так сильно хотелось присоединиться к ним. Берт был гарантией победы, а теперь Энакин одержал верх. Мой шанс приблизиться к Виллибальду Вернеру был только что сведён к нулю. Энакин выступил только по одной причине, он хотел победить в этом соревновании. Хотя я всё ещё понятия не имела, для чего ему это нужно, но была решительно настроена помешать.

В этот момент Салус приземлился на площади, и я вместе с Грегором Кёниг побежала к нему.

— Мне жаль, — сказал Берт, когда спускался вниз.

— Ты сделал всё, что мог, — сказала я и посмотрела в сторону почётной трибуны, где родители Энакина гордо его приветствовали. Отец уверенный в победе, похлопал его по спине, и при виде Арпади, которые снова свободно и непринуждённо передвигались в обществе, мне стало плохо.

— У Салуса ушиб на коленном суставе, в остальном он в порядке, — сказал Грегор Кёниг, после того, как быстро осмотрел дракона. — Я отведу его в драконью пещеру и заодно проверю Аврору. Желаю удачи, Сельма, я знаю, что ты справишься, — он кивнул, ему не нужно было говорить, что теперь дело за мной.

Я быстро прошла к Ариэлю, поправила его головной убор, который он пытался снять,

используя свою лохань с водой и взобралась на него.

— Давай колобок, — пробормотала я и похлопала его по покрытой чешуёй шее. — Нам нужно выиграть соревнования.

Ариэль решительно проворчал и рысцой побежал к стартовой линии, где уже ждал Лазарь. Я подозрительно разглядывала жокея из команды соперников. Но у меня не осталось достаточно времени, чтобы оценить моего соперника, потому что только что заиграла музыкальная группа Тенненбоде и Вэндолин Габриэль провозгласил последнее состязание предварительного раунда. Я почти не слышала, что он говорит, потому что очень сильно разволновалась. Я вцепилась в шею Ариэля и сосредоточилась только на шипении стартового сигнала.

Когда он наконец прозвучал, я сжала пятками шею Ариэля, и Ариэль полетел, как пушечное ядро. Из-за его величины и веса ему требовалось немного времени, чтобы разогнаться. Лазарь, который был намного меньше, сразу же на старте вышел вперёд.

Я держала белого дракона на мушке и подгоняла Ариэля лететь быстрее. На прямой у нас наконец появилось преимущество, и я следовала за Лазарем по пятам, навстречу первому повороту.

Прямо передо мной белый дракон промчался мимо ограничения трассы по внутреннему радиусу, а я следовала за ним всего в нескольких сантиметрах. В конце поворота Ариэль увеличил скорость, и теперь всё зависело от этой прямой.

Я прижалась к спине Ариэля и медленно, но верно, он постепенно нагонял Лазаря. Незадолго до последнего поворота мы выровнялись, и я мчалась ему навстречу не замедляя скорости. Ариэль был намного больше Лазаря, поэтому я не боялась столкновения.

«Да», подумала я, не веря своим глазам, что первая вошла в поворот. Я увидела, как внизу бушует толпа, когда мчалась к красной финишной линии. Теперь я снова стала слышать жестяной, грохочущий голос Вэндолина Габриэля, ведущего соревнования и увидела подо мной развивающиеся флажки и надписи из пламени, формирующие имя Ариэля. Я быстро оглянулась и заметила, что мы оторвались от Лазаря. С громкими приветствиями я пересекла финишную черту.

— Ариэль выиграл это состязание, таким образом команда Тенненбоде определённо снова в игре, — услышала я, как объявляет Вэндолин Габриэль, когда снова приземлилась на рыночную площадь Акканки. Моя команда подбежала ко мне с поздравлениями. — Давайте закончим первый раунд с этими захватывающими впечатлениями. В четвертьфинале соревноваться друг с другом будут Диана и Косамс, а также Фелисита и Мелания. С самым лучшим временем в предварительном раунде Ариэль попадает прямо в финал. Мои поздравления.

Что? Я в финале? Я была совершенно уверена в том, что в финал попадёт Энакин. Но из-за столкновения с Салусом он, видимо, потерял драгоценное время. Невероятно!

Берт, Янина, Эрвин и Клаус тоже так подумали и принялись изрядно меня поздравлять. Пока будет проходить второй раунд, у меня есть время, и я решила спрятаться в драконьих пещерах, чтобы немного отдышаться и понаблюдать за следующим состязанием Энакина издалека.

Грегор Кёниг уже позаботился о Салусе и как раз принимал Пико, который тоже выбыл из соревнований. Янина и Берт пришли теперь тоже сюда, и в драконьих пещерах внезапно поднялась такая суматоха, что это место больше меня не успокаивало.

— И первое состязание выиграл Космас, — раздался как раз в тот момент, когда я

ступила на выступ перед драконьей пещерой, голос Вэндолина Габриэля, и я поджала губы.

Когда я спускалась в Акканку, на старт вышли Фелисита и Мелания, кажется они опять шли ноздря в ноздю, хотя я давала Фелисите хорошие шансы. Снежному дракону было тяжело в жаркой Акканке, и чем дольше затягивалась гонка, тем больше у нас было преимуществ.

Я должна была знать, что это неизбежно. И когда ближе к обеду стояла напротив Энакина в финале, мне было не по себе. Должна быть причина, почему Энакин находился здесь, и мне трудно было поверить в то, что она заключалась лишь в установление контакта семьи Арпади с Объединенным Магическим Союзом. После того, как он так настойчиво удерживал меня в Антарктике, он мог находиться здесь лишь для того, чтобы забрать меня туда и все-таки отпраздновать свою свадьбу. Но как Энакин собирался добиться этого во время соревнований драконов?

Здесь он мог только выиграть у меня, тем самым указав на мое место. Однако он не мог на глазах у всех жителей Акканки и Шёнефельде схватить меня и увести с собой.

Сколько бы я не размышляла, садясь на Ариэля и прижимаясь к его спине, появление здесь Энакина не имело смысла. Хотя шансы выиграть были небольшими, я не собиралась отдавать Энакину победу просто так, потому что она нужна была мне и для другой цели.

— Дорогие любители драконьего спорта, я невероятно рад, что удостоился чести открыть финал, тем более, что один из жокеев, попавший в этом году в финальный раунд, из здешней команды драконов. Состязаться между собой будут Сельма Каспари на Ариэле и Энакин Арпади на Космасе. В этом финале речь идёт о победе всей команды, которая вознаградится щедрой денежной суммой. Эту сумму каждый год предоставляет фонд, учреждённый для сохранения и поддержки драконьего спорта, и её сам лично передаст команде победителей председатель фонда — Виллибальд Вернер. Кроме того, речь также идёт о кубке в индивидуальном рейтинге. Победителя соревнований в этом году ожидает также двухнедельный отдых на летающих островах Гиннинг, спонсируемый «туристическим агентством Трудиг — Мы исполняем ваши мечты» и купон на 200 евро продуктового магазина Гольдманн. Ну, разве это не мотивация, чтобы сделать всё возможное для победы, — Вэндолин Габриэль возбуждённо рассмеялся в микрофон. — Кроме того, оба финалиста приглашаются принять участие на сегодняшнем вечернем приёме. Теперь я желаю нашим драконам удачи. Считайте со мной последний обратный отсчёт: 10... 9... 8...

Пока вся Акканка вместе с Вэндолином Габриэлем считала секунды до сигнала старта, я упорно смотрела вперёд и сосредоточилась исключительно на том, чтобы идеально стартовать. Большинство состязаний драконов решались уже на стартовой линии.

3... 2... 1 Раздалось шипение вспышки, и в ту секунду, когда я сжала пятками бока Ариэля, он уже вылетел вперёд. Он знал, что нужно делать, ведь участвовал уже во множестве соревнований.

Краем глаза я видела белое мерцание и знала, что Энакин летит прямо за мной. Я сосредоточилось на первом крутом повороте. Из-за веса Ариэля и его размера ему, хотя и сложнее было разогнаться, но зато на узких местах он имел преимущество, потому что драконов поменьше мог просто оттолкнуть в сторону, и это преимущество я должна разыграть с самого начала.

Белое пятно рядом со мной становилось всё больше, что могло означать только, что Энакин догоняет.

Ещё всего несколько метров до поворота. Не обращая внимания на приближающегося

снежного дракона, я в оптимальном положении влетела в поворот и почувствовала, как снежный дракон действительно коротко коснулся Ариэля. Но Ариэль был крепким и абсолютным профессионалом в соревнованиях, кроме того, он хотел получить двадцать Вингтойблелей, которых пообещал ему Грегор Кёниг, если тот победит.

Мы ускорились сразу из поворота и оптимально влетели на длинную прямую. Теперь всё зависело от того, насколько хорошо мы оторвались от снежного дракона. Когда мы пронеслись над почётной трибуной, рядом со мной не было видно никакого снежного дракона. Я с трудом подавила победный клич и охватившую меня эйфорию, потому что состязание ещё не закончилось. Но моё рукопожатие с Виллибальдом Вернером казалось вполне реальным. Я должна победить, и не допущу больше никаких других мыслей.

Последний крутой поворот был уже очень близко, и в этот момент Энакин пронёсся мимо меня. Он летел так быстро, что это просто было невозможно. Прямо передо мной он снова влился в колею и первый вошёл в поворот.

Мне хотелось завывать от ярости, но я прижалась к шее Ариэля и издала лишь решительный боевой клич.

Состязание ещё не закончилось, пока ещё я не собиралась сдаваться. Ариэль оптимально влетел в поворот и максимально разогнался на выходе из поворота, так что я оставалась у снежного дракона на хвосте. Я смотрела ещё только на финишную черту и даже не замечала толпу подо мной, которая скорее всего рвала сейчас себе глотки от криков.

Я всё больше нагоняла снежного дракона, но мне было ясно, что я не смогу его обогнать. Ариэль был слишком тяжёлым, чтобы ещё больше увеличить скорость, а Космас казался сегодня в оптимальной форме.

Но пока я сдавшись, пыталась понять, что это состязание больше не выиграть, снежный дракон внезапно начал терять темп, и Ариэль нагонял его всё быстрее и быстрее. Видимо Космас сражался до предела своих возможностей и теперь ему не хватало сил для последних метров.

Но я не стала больше размышлять об этом, неуклонно подгоняя Ариэля вперёд, и промчалась через финишную линию, опередив снежного дракона на пол морды.

Теперь я громко закричала от радости, облегчения, ах просто из-за всего. Когда я приземлилась на рыночной площади Акканки, меня встретили оглушительные крики ликования. Но посреди всего этого рёва и эйфории я внезапно успокоилась. Нельзя сейчас отдаваться восторгу, нужно сосредоточиться, потому что теперь приблизился момент, ради которого я так старалась.

Я сняла шлем, позволила Грегору Кёниг бурно меня обнять и пока улыбаясь, благодарил его, глубоко вдохнула.

Всё ли сработает так, как мы запланировали? Я понятия не имела, но прежде всего у меня больше не было времени думать об этом, потому что Вэндолин Габриэль только что призвал всех участников появиться на церемонии награждения.

Всё началось.

Когда я поднималась по небольшой лестнице на сцену, и Энакин вышел мне навстречу, у меня внезапно появилось очень гадкое дежавю. К счастью на мне был одет оранжевый гоночный костюм, а не белое платье, так что мне удалось остаться в реальности, а не провалиться в воспоминания.

Тем не менее у меня на лбу резко выступил пот. Я до сих пор до конца не переварила нашу встречу в Антарктике, и уж тем более ничего ему не простила.

— А вот и команда-победительница, поприветствуйте вместе со мной Сельму, Берта, Янину, Эрвина и Карла.

Начался фейерверк, и над головами тех, кто поздравлял команду драконов из Тенненбоде, образовались огромные огненные надписи. Глаза слепило от вспышек репортеров, делающих сотни фотографий. Я прикрыла глаза рукой, чтобы разглядеть Вэндолина Габриэля, которому, кажется, ничуть не мешали фотовспышки. Он, улыбаясь, позировал перед камерами и взял себя в руки лишь когда Виллибальд Вернер встал рядом с ним и похлопал его по плечу.

— А вот и Виллибальд Вернер, он пришёл, чтобы поздравить успешную команду и передать чек благотворительного фонда.

Вэндолин Габриэль отступил в сторону, и я посмотрела вверх. Наступил момент, когда должен был появиться Красный Мститель. Однако я никого не увидела. Затем обвела глазами сцену, в поисках свидетеля, который мог проследить мой разговор с Виллибальдом Вернером. Адмирала нигде не было видно, и даже Вэндолин Габриэль стоял так далеко, что не сможет подслушать разговор.

«Где же Красный Мститель?» — я в панике послала сообщение Константину Кронворту, а следом Дульсе. «Можно начинать!» — я не знала, получили ли они мои сообщения, но по крайней мере в этот момент у меня не заболела голова, как это часто бывало, когда я пыталась отправить сообщение.

И вот, когда я уже протягивала руку Виллибальду Вернеру, это наконец произошло.

Тихое потрескивание, затем очень громкий писклявый тон, сразу привлёкший всеобщее внимание. Виллибальд Вернер озадаченно обернулся, его рука застыла в воздухе на полпути к моей.

— Хеландер Бальтазар совершил ужасное преступление, — голос прогремел так громко, что я вздрогнула. — Это он похищал дочерей Объединенного Магического Союза. Эти имена никогда не должны быть забыты. За преступление нужно платить, — так же громко продолжил голос непонятно какого пола. Наверняка его было слышно в самых отдаленных уголках пещер драконов. Дульса проделала отличную работу. — Нам каждый день не хватает: Иоланды Мюллер, Карины Лоппен, Фрэнсис Хеннинг...

Когда прозвучало первое имя, я схватила руку Виллибальда Вернера и подошла к нему совсем близко.

— Вашу дочь похитили? — прошипела я ему в ухо. Он испуганно повернулся и растерянно посмотрел на меня.

— Я спрашиваю, похитил ли вашу дочь Хеландер Бальтазар? — повторила я вопрос, но Виллибальд Вернер видимо не мог справиться с ситуацией.

В панике он оглядывался по сторонам, в то время как заклинание непрерывно шло дальше, читая одно имя за другим. Как я и ожидала, он не будет сотрудничать добровольно. Я быстро вытащила из кармана флакон аэрозольного распылителя, и прежде, чем огорошенный Виллибальд Вернер понял, что произошло, я брызнула ему струю в открытый от испуга рот.

— Что вы делаете? — удивлённо забулькал он и выплюнул.

Теперь всё стало серьёзно, и мне нужен заслуживающий доверия свидетель. Я лихорадочно огляделась, но последние силы безопасности соскочили со сцены и отправились на поиски источника голоса. Энакин застыл, а потом сделал несколько нерешительных шагов в сторону родителей, которые сидели на трибуне, бледные как смерть.

Наверное боялись, что их снова прогонят с почётной трибуны огненными шарами.

Внезапно у меня появилась идея. Я быстро шагнула в сторону Вэндолина Габриэля и вырвала у него из рук микрофон.

— Господин Виллибальд Вернер, вашу дочь похитили? — настойчиво повторила я мой вопрос в микрофон, таким образом заставляя Виллибальда снова посмотреть на меня.

Надеюсь струи, попавшей ему в рот, будет достаточно.

Я увидела, как задёргались его глаза, теперь он, кажется, наконец понял, о чём я говорю. Я поднесла микрофон к его губам.

— Да, Кассандру похитили, — запинаясь сказал он. — Никто не может ей помочь, мы не знаем, где она. Последнюю весточку от нее я получил прошлым летом. Это были бессвязные обрывки фраз. Больше я ничего не знаю.

— Ее похитил Хеландер Бальтазар? — продолжила я допрос.

Виллибальд Вернер кивнул.

— Он убьет ее, если я не сделаю то, чего он хочет.

Эти слова четко и ясно прозвучали по всей Акканке, и я надеялась, что кто-нибудь услышал их во всеобщей суматохе.

— Это Хеландер Бальтазар потребовал ввести заявление о намерении вступить в брак? — спросила я.

— Да, — ответил Виллибальд Вернер. — Он заставил меня, иначе я никогда не увижу свою дочь.

Когда позади меня раздались испуганные вскрики, я поняла, что слова Виллибальда Вернера всё-таки слушают многие.

Я опустила микрофон, потому что в этот момент по небу Акканки пролетела красная стрела, и вниз посыпался дождь из листовок. Снова появился Красный Мститель, и по толпе пронеслось бормотание. Большинство посчитали Красного Мстителя частью церемонии награждения победителей и с любопытством подняли первые листовки, упавшие на землю. Но стража Виллибальда Вернера хорошо знала, с кем имеет дело. Как стая тёмных птиц, они подняли в воздух и хотели наброситься на него. Но Константин Кронворт оказался быстрее, и у него была цель.

Как мы и условились, он помчался к драконьим пещерам, где хотел сбежать через проход в Темаллин. Моя бабушка ждала его там, и безопасно проведёт через лабиринт.

— Хроника Акаши находится у вас? — продолжила я тем временем допрос Виллибальда Вернера.

Микрофон я направила в землю, потому что об этих вещах публики знать не нужно.

— Конечно, нет, — резко ответил он. — В противном случае уже давно сам нашёл бы свою дочь.

— Вы знаете, куда делись другие атрибуты власти?

Виллибальд Вернер странно заморгал, как будто удивился моему вопросу. Воздействие летающая фиалка постепенно проходило. Всё-таки он ответил на вопрос.

— Их в шестидесятых вернули королевским семьям.

— Что я должна сделать, чтобы вы отменили заявление о намерение вступить в брак? — задала я вопрос, который интересовал меня больше всего.

— Я отменю изменения, которые приказал сделать Хеландер Бальтазар, только когда моя дочь будет в безопасности, — решительно сказал он.

— А где находится Хеландер Бальтазар? — спросила я.

— Я понятия не имею, а теперь оставь меня в покое со своими детскими вопросами. Ты всё равно не сможешь ничего изменить, — Виллибальд Вернер вырвался и выкрикнул адмиралу, который между тем появился на трибуне и стоял под дождём листовок, приказ. На каждой из этих листовок был напечатан запрещённый стих Константина Кронворта, а с ним упоминание о запрете на публикацию, который палата сенаторов наложила на него, и открытие, что он будет бороться за свои права как Красный Мститель.

Я разочарованно смотрела на Виллибальда Вернера. Он не знал ничего полезного, и это не смогла бы изменить даже летающая фиалка. Не может же всё так закончиться. Все приложенные нами усилия были напрасны, кроме подтверждения, что наши предположения верны.

— Найдите источник этого краха! — закричал теперь Виллибальд Вернер.

Вэндолин Габриэль снова вырвал у меня микрофон.

— Дорогие дамы и господа, — нервно заикался он, в то время, как люди уже давно поняли, что здесь пошло что-то наперекосяк и в недоумение оглядывались. Многие тем временем также уже прочитали листовку и поняли, что Красный Мститель — это Константин Кронворт, потому что послышались первые выкрики его имени. Все видели, как охрана Виллибальда Вернера набросилась на деятеля искусств.

— Мы ненадолго прервём программу и скоро вернёмся к вам, — растерянно заикался Вэндолин Габриэль и в тоже время читал одну из листовок. — Что? — его голос был ещё слышен какое-то время, потому что он забыл выключить микрофон. — Запретили? Вы же не можете просто...

Теперь раздался громкий скрип и микрофон замолчал. Вместо этого начала громко играть студенческая музыкальная группа Тенненбоде, но они не смогли заглушить заклинание Дульсы, таким оно было громким.

— Привет, Сельма, — сказал в этот момент слишком уж знакомый голос. Мои волосы на затылке встали дыбом. — Отличная компания с Виллибальдом Вернером, но кажется, сейчас она никого не интересуется.

— Что тебе надо? — повернувшись, прошептала я. — Как ты выбрался оттуда?

— Моего отца выбрали новым примусом. Мы исполнили желания народа и открыли портал в Австралию для путешествий. В знак благодарности наша семья вернулась ко власти.

— Надо же, какое совпадение, — сказала я. — И первое, что пришло тебе в голову, это посетить соревнования драконов в Акканке?

— Антарктика хочет снова стать серьёзным партнером на мировой политической арене. Кроме того, я не мог упустить шанс выступить против тебя в честном соревновании.

Он тепло улыбнулся.

— Я с радостью жду торжественного вечера, при условии, что Виллибальд Вернер справится со своим хаосом.

Он снова улыбнулся, и в моей голове словно что-то щелкнуло.

Он позволил мне выиграть, потому что ему была не важна победа. Энакин просто хотел провести со мной торжественный вечер, поэтому ему было достаточно выбить из гонки Берта, чтобы победу могла одержать я.

Мне вдруг стало ясно, что Энакин что-то запланировал для этого мероприятия. Может быть снова заколдовать меня или устроить что-то такое, что позволит ему вновь сослать меня в Антарктику.

— Наверняка будет очень мило, — хладнокровно ответила я.

Даже сто драконов не смогли бы затащить меня туда. Я должна окончательно устранить опасность, исходящую от Энакина.

В одно мгновение в моей голове возникла кристально-ясная мысль. Я больше не воспринимала громкие голоса и суматоху вокруг. Я должна уничтожить грааль патрициев.

Ну конечно! Пока этот атрибут власти находится у семьи Арпади, они снова и снова будут здесь появляться. Сила грааля постоянно будет возвращать Арпади ко власти, и этот замкнутый круг нужно окончательно прервать.

Раз уж мне не удалось убедить Виллибальда Вернера отменить заявление о намерении о вступлении в брак, тогда я снова сконцентрируюсь на том, чтобы свергнуть патрициев.

Без классовой разницы заявление о намерении вступить в брак излишне. После того, как грааль патрициев только что так внушительно продемонстрировал мне свою силу, мои сомнения по поводу утверждений хроники Акакши полностью исчезли.

Нужно уничтожить следующий атрибут власти. И есть только одна возможность заняться поисками грааля патрициев, так, чтобы никто не смог мне помешать, и эта возможность открывается прямо сейчас.

Пока Арпади находятся здесь в Акканке и выполняют свои социальные обязательства, я смогу беспрепятственно попасть в Антарктику и уничтожить грааль патрициев. Когда Арпади вернуться сегодня вечером с праздничного мероприятия, надеюсь я уже всё сделаю и буду снова в Шёнефельде. Но сейчас нужно действовать быстро.

Однако церемония награждения ещё не закончилась, и если я теперь внезапно исчезну, то это заметит по крайней мере Энакин.

Виллибальд Вернер покинул трибуну, а Вэндолин Габриэль, со своим выключенным микрофоном, беспомощно стоял на сцене и растерянно смотрел в толпу, которая всё громче требовала Константина Кронворта. Но Красный Мститель исчез, укрывшись в безопасном месте.

Быстро приняв решение, я прошла к Вэндолину Габриэлю, забрала у него микрофон из рук и снова его включила.

— Дорогие дамы и господа, большое спасибо за ваше внимание...

В этот момент я услышала крик из драконьих пещер, в то время, как заклинание продолжало читать имена, и внезапно у меня появилась идея.

— «Святое яйцо» проклюнулось, — громко выкрикнула я, и эффект моих слов был удивительным.

Раздались радостные возгласы, и даже маги на трибуне повскакивали со своих мест и бросились в сторону драконьих пещер. Обстоятельства были просто превосходными. Посреди всей этой суматохи я спрыгнула со сцены и никем не замеченная, исчезла в толпе.

Из-за холода, что ударил мне в лицо из узкой щели в двери, у меня перехватило дыхание. В Шёнефельде было почти лето, но здесь я снова встретила зиму, которую думала, уже давно оставила позади.

Но не только холод заставил меня на одно мгновение замереть. Как только я приблизилась к этой двери, на меня также непрощено обрушились тёмные воспоминания.

На самом деле должно быть Энакин приходил сюда. Блокады, которые выстроил Торин, были убраны в сторону, что могло означать только одно, кто-то открыл дверь снаружи.

Но нельзя, чтобы мои страхи мне помешали, снова и снова убеждала я себя. Разум прекрасно это понимал, но мои колени дрожали, а перед глазами стояла сцена, как я окровавленная в белом платье бегу из Антарктики.

Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и напредила себе, зачем я здесь. Речь шла не о том, чтобы справиться со страхами, всё дело в Адаме. Тёплое чувство, что затопило меня, как только я подумала о нём, заглушило тёмные сцены моего стремительного бегства. Теперь я вспомнила также ещё одну причину, по которой стояла здесь. Я делала это из-за моих родителей, людей, с которыми не смогла по-настоящему познакомиться и чьи личности хотела собрать по кусочкам, словно в пазле, чтобы по крайней мере представить, какими они были.

Шанс беспрепятственно обойти Антарктику, был просто идеальным. Я с лёгкостью смогла исчезнуть в неразберихе, которая возникла позади меня. Пока во время праздничного ужина кто-то заметит, что меня нет, я надеялась уже вернуться.

Я осторожно заглянула в узкую щель, пытаюсь рассмотреть есть ли там кто-то из караула. Но всё было спокойно и тихо, и я открыла дверь чуть шире, однако всё ещё никого не обнаружила. Скорее всего Морфий и его люди в Акканке, стоят инкогнито в толпе и пытаются поймать меня там.

Но я смогла от них сбежать, а они точно не ожидают, что я добровольно вернулась в логово льва.

Сейчас или никогда, призвала я себя, хотя меня всё ещё сопровождало странное смешанное чувство, которое приклеилось ко мне, словно чёрная смола.

Но времени было мало, сейчас не подходящий момент колебаться, теперь важно действовать. Я решительно открыла дверь и прошла через неё.

Так как меня всё ещё никто не остановил, я поспешила дальше, спускаясь быстрыми, неслышными шагами вниз по ступенькам. Ворота были закрыты, но это для меня не препятствие. Не останавливаясь, я расправила крылья и осторожно взлетела на стену, потом заглянула за неё и с облегчением обнаружила, что она действительно не охраняется. Вместо этого я увидела на другой стороне конструкцию, напоминающую место посадки и взлёта в Теннебоде.

Когда я приземлилась на другой стороне, я взглянула на неё повнимательнее. Точно так же, как в Теннебоде, на ней стояло время путешествий, что могло означать только одно: Арпади действительно пошли на уступки, приняв требования народа.

Но у меня не было времени долго раздумывать над тем, была ли щедрость Арпади настоящей или результатом шантажа. Я не доверяла им, и в этом ничего не изменится, а здесь внизу я не в коем случае не хотела встретиться с ними ещё раз.

Я знала, где найти грааль, мне лишь нужно ещё заклинание, которое позволит прикоснуться к нему и не умереть так же, как бедные гномы, которые пытались уничтожить его до меня. Когда у меня будет заклинание, я смогу проникнуть извне, мне даже не нужно будет входить в Антарктику. Не осознавая этого, я уже однажды приблизилась к граалю патрициев.

Я просто предположила, что они записали это важное заклинание, как было обычно принято. Надеюсь, что текст Арпади надёжно хранили в своём замке. Как только я заполучу его, я ещё навещу женщину во льду, чтобы выяснить, не является ли она моей мамой, а потом никогда больше не вернусь в Антарктику.

Тихо зашуршав, я вновь расправила крылья и направилась к замку. Можно было забыть о том, чтобы передвигаться незаметно, потому что на мне всё ещё был одет оранжевый гоночный костюм. Он светился на фоне льда, как сигнальная лампа. На улицах я увидела всего несколько магов, но они смотрели вверх, когда я, словно метеорит, пролетала на максимальной скорости над крышами.

Но я не дала сбить себя с толку, направившись к одной из верхних террас, двери которой вели в столовую. Два месяца я каждое утро сидела перед ней и знала, что стёкла здесь наверху не зарешечены так, как в комнате, в которой жила я. Кроме того, персонал имел привычку часто проветривать в комнатах, в которых принимали пищу. Наконец мои, длившиеся месяцами наблюдения, принесли пользу.

Когда я приземлилась на узкую террасу, то почти не поверила в мою удачу. Действительно сбоку была открыта небольшая дверь, в которой развивалась белая занавеска. Я проскользнула в столовую и вздохнула от облегчения, когда никого там не встретила. Комната была пустой, и я быстро её пересекла, пытаясь представить, как мыслят Арпади. Когда я открыла дверь в коридор, я всё ещё никак не могла решить, в какую сторону повернуть.

Где бы я спрятала сокровище, которое значит для меня больше всего и является основой существования и всего моего мировоззрения.

Скорее всего где-то поблизости, где я всегда смогла бы проверить, что оно ещё на месте.

Я вышла в коридор и повернула налево, где извилистые коридоры приведут меня к покоям Гвидо Арпади и его жены.

Когда я попыталась открыть запертую дверь, мне пришлось признаться, что мой план что-то найти, был не особо хорошо продуман.

Быстро приняв решение, я выстрелила сконцентрированным огненным шаром в запертую дверь, и лёд лопнул, разлетевшись на тысячи осколков. Даже не дождавшись, когда дождь из осколков упадёт на пол, я вбежала в роскошные комнаты и лихорадочно огляделась. Просторные комнаты были пышно украшены коврами, подушками и картинами. Было бесчисленное множество вариантов, где можно было спрятать лист бумаги. Узкие книжные полки стояли вдоль стен, а кристальные люстры подчёркивали излишнюю роскошь.

Я начала со спальни, пробираясь сквозь подушки, корзинки, полочки и книги. Я нашла всевозможные украшения, романтические книги со стихами и множество рукодельных вещей, которыми постоянно любила заниматься Моник Арпади. Каждая шкатулка, которую я брала в руки и с надеждой открывала, содержала ещё больше ненужной роскоши, но в них не было свёрнутой в рулон бумаги. Когда я копалась в витрине, перебирая золотые кубки, я

внезапно замерла.

Я вспомнила предложение, которое Энакин сказал мне много недель назад.

Грааль имеет для Арпади особенное значение.

Я захлопнула дверь витрины и выбежала из апартаментов. Быстро, как на крыльях, я сбежала вниз по множеству ступенек, при этом чуть не сбила с ног нескольких слуг, которые торопливо бросались в рассыпную, чтобы испуганно уступить мне дорогу.

Когда я подбежала к витрине в семейном музее, я была уверена, что нашла то, что ищу. В этом граале должен лежать свиток. Я начала медленно и осторожно топить лёд витрины. Внезапно раздался высокий звуковой сигнал, и у меня волосы на голове встали дыбом. Но я продолжила растапливать витрину, игнорируя сигнал тревоги, потому что знала, что охрана, для которой он предназначен, не придёт.

Охранники находятся в Акканке и скорее всего ищут меня там, а прислуга так напугана силой королевской крови, что не станет преграждать мне дорогу. Я схватила мокрый кубок и нетерпеливо заглянула в большую, золотую чашу.

Ничего!

Я трясла и поворачивала кубок туда-сюда.

Этого просто не может быть! Я была так уверена, что они спрятали заклинание здесь.

Я с размаху поставила грааль на место, лихорадочно размышляя, где Арпади могли бы ещё спрятать заклинание.

В тронном зале! Конечно — там Гвидо Арпади проводит большую часть своего времени.

Я быстро побежала дальше, спеша вернуться в замок.

Тронный зал был не заперт, но это ещё ничего не значит, подумала я, когда вбежала в огромную комнату. Я всё время придерживаясь широкого, красного ковра, который вёл прямо к огромному, золотому трону. Гвидо Арпади обильно придавался своим королевским фантазиям.

Я только собралась обыскать трон сверху донизу, чтобы найти какой-нибудь потайной ящик или ещё какое-нибудь потайное место, как вдруг услышала тихие шаги по мягкому ковру.

Я испуганно обернулась и запаниковала. Кровь стучала в ушах как удары грома.

— Просто прекрасно, что ты мне так все упрощаешь, Сельма, — сказал Энакин, остановившись перед троном.

Я выпрямилась как в замедленной съемке.

— Упрощаю? — спросила я, растягивая слова. — Ты действительно вернулся в Акканку, чтобы забрать меня в Антарктику?

Я наслаждалась тем, что могла наконец произнести это слово, но хотела, чтобы на меня снова нашло проклятие, и я могла вызвать Энакина на поединок.

— Правильно, — подтвердил он мое подозрение. — Но если ты сама нашла дорогу назад, то для меня это даже ещё проще.

— Я пришла не для того, чтобы остаться, — дерзко возразила я. — Я пришла, чтобы забрать кое-что, и затем снова уйду.

— Дайка я угадаю! — Энакин улыбнулся. — Ты ищешь грааль патрициев, и никогда не скрывала этого. Но твои старания тщетны, ты не найдешь его.

— Я уже знаю, где грааль, тебе нужно всего лишь сказать мне заклинание, с помощью которого я смогу к нему подобраться, — небрежно ответила я, как будто то, что я знаю

секреты семьи Арпади, было в порядке вещей. Энакин побледнел.

— Даже не подумаю выдать тебе заклинание, потому что не собираюсь менять свою жизнь, — ответил Энакин и подошел. — Грааль останется у моей семьи и так будет всегда.

— Не будет, — ответил чей-то глубокий, холодный голос; чужой и одновременно такой знакомый, что у меня на несколько секунд замерло сердце.

В помещение вошел Хеландер Бальтазар.

— Подождите, — услышала я голос Гвидо Арпади.

Видимо он бежал за Бальтазаром. Я не понимала, что происходит. Разве Арпади не должны быть в Акканке и сидеть на торжественном приеме?

— Черт, — прошипел Энакин и к моему удивлению встал передо мной, видимо, чтобы защитить. Я в недоумении наблюдала за этим странным жестом.

Для чего Бальтазар появился здесь?

И что связывает его с Арпади?

— Отойди в сторону, парень! — холодно сказал Бальтазар, и теперь я увидела его через плечо Энакина.

Он носил ещё всё те же старомодные усы, его взгляд был холодным, а серебряный блеск в них заставил кровь в жилах остановиться. Один раз мне удалось от него сбежать, что было скорее случайностью, а не мастерством с моей стороны. Но Адам ещё находился на пути в Шёнефельде, а моя бабушка была в Темаллине.

— Нет, не отойду. Я женюсь на ней, она станет моей женой, — внезапно решительно сказал Энакин.

Почему он так упорно на этом настаивает?

— Мы должны были привести её в Антарктику и так долго удерживать, пока она не понадобится Хеландеру. Таков был уговор, вследствие которого я вообще согласился отпустить тебя из страны, — прошипел Гвидо, и я испуганно посмотрела на него. — Прекрати цепляться за неё, как хныкающий ребёнок.

Сердитое шипение, которое издал Энакин, удивило даже меня. Однако мне уже было знакомо его упрямство. Меня охватило тёмное предчувствие.

— Время истекло, Гвидо, — сказал Бальтазар. — Теперь я заберу девушку с собой, и слова заклинания ты тоже наконец мне скажешь.

— Нет, — решительно запротестовал Гвидо. — Я сделал тебе одолжение и послал Энакина в Теннебоде, чтобы он заманил для тебя эту девушку в Антарктику.

— Это было также в твоих интересах, в конце концов ты ведь сам хотел наладить связи с магическим миром, — ответил Бальтазар. — А я использовал все свои связи, чтобы у тебя вновь появился дипломатический доступ ко всем учреждениям.

— Мой дорогой, старый друг, — произнёс Гвидо льстивым голосом. — Мы знаем друг друга вот уже всю нашу жизнь. Я благодарен тебе за то, что ты дал мне возможность присоединить Антарктику к магическому миру в соответствии с её положением и так, чтобы никто не задавал лишних вопросов. А мой сын Энакин был рад взамен позаботиться о том, чтобы ты получил эту девушку. Но грааль патрициев принадлежит семье Арпади, точно так же, как хроника Акаши семье Бальтазар.

— Хроника сгорела, — выкрикнул Бальтазар. — Этот чёртов выродок примус положил её на подставку из титанового дерева. Он предпочёл, чтобы она сгорела, чем отдать её кому-то другому.

— Поэтому вы похитили его дочь и этим шантажировали его? — внезапно вмешалась я.

Гвидно Арпади удивлённо на меня посмотрел, как будто бы заговорил стул.

— И кто это здесь снова вынюхивал? — Бальтазар смерил меня холодным взглядом, но это меня не остановило.

— Значит это правда, вы заставили примуса ввести заявление о намерении вступить в брак и позаботились о том, чтобы никто в Объединённом Магическом Союзе не удивлялся, что занимающий пост сенатор, с одного дня на другой, просто исчез. Почему вы снова ввели именно заявление о намерении вступить в брак? — решительно спросила я.

— Заявление о намерении вступить в брак? — переспросил он насмешливо. — Здесь нет никаких особенных причин. Я просто аннулирую все законы, которые были введены во время этой неопишуемой демократии. Они исчезнут один за другим, в том же порядке, в каком появились. Пока в конце не останется одна лишь монархия, — ответил улыбаясь Бальтазар. — Я также позаботился о том, чтобы запретили этого нелепого деятеля искусств и его инакомыслящие высказывания и чтобы законодательство снова находилось только в руках примуса, а газеты печатали только то, что хочу читать я. Таким образом я отлично подготовлю Объединённый Магический Союз к тому, чтобы его снова возглавил король, а сейчас я предприму ещё одну попытку сделать тебя моей магической партнёршей. Следующим же шагом будет увольнение сенаторов и запрет свободных выборов. Я понятия не имею, что в прошлый раз пошло не так, но скорее всего Джорджетта приложила к этому свою руку. Но в этот раз она не расстроит мои планы, потому что я подготовился ко всему. Хроника Акаши никогда не ошибается, а если снова что-то пойдёт не так, то я окончательно тебя убью. Ещё раз ты не получишь шанса воткнуть мне в грудь меч.

— Что...? — пробормотал запинаясь Гвидно Арпади, который вместе с Энакином безмолвно следил за нашим разговором.

— Ты же уже сам заметил, что Сельма фон Норденах бунтарщица и смутьянка, — парировал Бальтазар.

— Меч? — запинаясь спросил Гвидо Арпади, как будто не мог понять, как такая маленькая, незначительная женщина как я, могла на такое осмелиться.

— Да, — решительно ответила я. — И сделаю это вновь. Тот, кто похищает девушек и убивает их, ничего другого не заслуживает, кроме как меч в грудь. И в следующий раз я буду целиться получше, чтобы вы больше не смогли воскреснуть.

— А кто здесь говорит об убийстве, — галантно ответил Бальтазар. — Девушки ещё живы и в прекрасном здравии, и пока продолжают хорошо выполнять свою работу, здесь ничего не изменится. Ты ничего не смыслишь в политике, в противном случае знала бы, что для того, чтобы править, требуется рабочая сила. Я убиваю только тех, кто стоит на моём пути.

Он смерил меня холодным взглядом, и я поняла, что мой смертельный приговор уже давно предрешён, если я снова окажусь не его магической партнёршей.

Я совсем не удивилась, потому что уже какое-то время ожидала смерти. Вопрос всегда был лишь в том, когда это случится, когда мера фортуны будет настолько полной, что потребует противовеса.

Но так просто я не позволю Бальтазару победить. Уже слишком часто я стояла перед безнадёжными ситуациями и всё-таки пережила их. И сдамся я лишь, испустив последние дыхание. А до этого безнадёжного момента буду сражаться изо всех сил за то, чтобы Бальтазар исчез из этого мира.

— Достаточно разговоров, — решительно сказал Бальтазар. — Я долго проявлял

дружеское терпение и выполнил все твои желания, теперь пришло время платить по счетам. Назови мне заклинание.

— Я с удовольствием передам тебе девчонку, ведь речь всё это время шла о ней, но грааль патрициев я не могу тебе отдать, потому что в противном случае, дело всей моей жизни будет разрушено.

— Сельма останется со мной, — выкрикнул в этот момент Энакин и поднял руки, как будто хотел защитить себя и меня.

Кажется его любовь была с самого начала настоящей, поняла я в этот немислимый момент.

— Нет! — закричал Гвидо. — Я с самого начала говорил, что ты можешь развлекаться с ней до тех пор, пока не придёт время отдать её Бальтазару. Даже позволил тебе эту ерунду со свадьбой. Твоя сентиментальщина теперь не уместна. Уйди с дороги!

Я чувствовала себя, как какая-то вещь, за которую торгуются.

— Я уже вижу, — сказал Бальтазар, растягивая слова. — Бессмысленно продолжать в таком ключе.

Он поднял вверх руку, как будто хотел позаботиться о спокойствии, и внезапно Энакин застыл прямо посредине движения.

Воцарившаяся после этого тишина была жуткой. Только нежно и изящно зазвенел лёд, как будто не случилось ничего важного.

— Нет! — закричал Гвидо и уставился на своего сына, в панике распахнув глаза.

Только сейчас я поняла, что сделал Бальтазар.

Заклинание крови! У меня вырвался страдальческий стон. Не Арпади завладели книгой из Мантао, она попала в руки Бальтазара. Но если она была у Бальтазара, тогда он и моя мать должны были встретиться, прямо здесь в Антарктике.

— Твой сын не уступил бы, — холодно сказал Бальтазар. — Он сражался бы до смерти за эту девчонку. Какая бы там ни была причина! — он отмахнулся. — Теперь вернёмся к моему вопросу. Назови мне заклинание, чтобы можно было прикоснуться к граалю патрициев.

— Ты заморозил моего сына. Отмени заклинание немедленно! — закричал Гвидо Арпади, его голос прозвучал так чуждо, что меня охватил страх невероятного масштаба.

— Это заклинание необратимо, — хрипло прошептала я и сделав шаг назад, спряталась за трон.

Столько много разных мыслей пронеслось у меня в голове. Я была свободна от заклинания, которое наложил Энакин, но всё-таки не хотела, чтобы он умер от руки Бальтазара прямо на моих глазах. Он угрожал и причинил мне боль, и всё-таки в этот момент я испытывала невыразимую жалость к нему и его отцу. Внезапно я совсем не была уверена в том, что смогла бы убить его сама. Если бы он смотрел мне в глаза, я, скорее всего, сдалась бы. Ведь я не убийца, и даже мой гнев не сделал бы меня таковой.

— И снова молодая леди удивляет меня своими удивительными знаниями. Ни одна тайна не ускользнёт от неё. Тебе нужно быть осторожным в том, что ты говоришь в её присутствии, — он подмигнул Гвидо, как будто между ними было всё в порядке, и он только что не убил его сына.

— Необратимо, — прошептал Гвидо, в оцепенении глядя перед собой. — Нет!

Выражение лица Бальтазара изменилось с одной секунды на другую, его лицо исказилось в отвратительную гримасу.

— Моё терпение закончилось, — закричал он, а его голос дрожал от гнева. — Заклинание, иначе следующей, кого я убью, будет твоя жена.

Гвидо Арпади смотрел на Бальтазара со странным отрешённым выражением лица.

Я ещё одно мгновение думала, что он будет сопротивляться, примет вызов и сразиться с Бальтазаром, но в этот момент я ощутила в комнате магию. Бальтазар только что заставил Гвидо подчиниться своей воли. Должно быть это потеря, которую он только что пережил, сделала его таким слабым, а разум таким проницаемым. Даже Бальтазар не мог так просто воздействовать на волю такого обученного и сильного мага, как Гвидо Арпади.

Я наострила уши, когда Гвидо Арпади начал шептать, и запомнила каждое слово заклинания, произнесённое на старом языке.

К счастью заклинание было не длинным. В этот момент я испытывала такое сильное напряжение, что не была уверена в том, сможет ли мой мозг всё надёжно сохранить. Я ещё раз повторила заклинание про себя, а потом увидела, как выпрямилась спина Бальтазара, а Гвидо Арпади внезапно застыл, так же, как недавно его сын.

«Я убиваю только тех, кто мне больше уже не нужен» — стучало у меня в голове.

Я с трудом подавила хриплый крик, так как понимала, что когда-нибудь и мне придет конец, когда я больше не буду нужна Бальтазару. Но прежде, чем он повернулся ко мне, в тронный зал вбежал Морфей.

Я в недоумении остановилась, наблюдая за разворачивающейся передо мной сценой. Бальтазар не медлил, он выпрямился и смотрел прямо на Морфея.

— Проинформируй народ, что семья Арпади отошла от правительственных дел и объяви, что на престол Антарктики взошел Хеландер Бальтазар. Ты займешься всеми делами, пока я не вернусь. Совершишь ошибки, заплатишься жизнью, как и эти двое, понятно?

Морфей кивнул, не мешкая. Даже если он и сомневался, то умело скрывал ото всех свои сомнения. Я видела, что у него было сердце. Он не хотел просто взять и уничтожить население Антарктики, однако он сам понимал, что ничего не сможет сделать против Бальтазара и его силы.

— Я скоро приду и дам тебе инструкции, а пока мне нужно уладить кое-какие важные дела.

Морфей щелкнул каблуками и повернулся, чтобы покинуть тронный зал и выполнить приказы Бальтазара.

Я скользнула ещё дальше за трон, чтобы спрятаться. Без боя я не сдамся.

Я видела, как Бальтазар медленно приближался в мою сторону. Я уже обдумывала, какое заклинание я могла применить против него, как вдруг у меня земля ушла из под ног и я грубо ударилась спиной о ледяную стену.

Это произошло так быстро, что я даже не поняла, что случилось. Раздался скрипящий звук и ледяная стена прямо у меня на глазах сдвинулась с места.

— Беги! — прошипел тонкий голосок и чья-то большая, сильная рука схватила и потянула мою руку.

Я узнала снежного гнома и поняла, что произошло. Должно быть позади трона он затащил меня в один из проходов за стенами дворца.

Немедля ни секунды, я побежала по узкому проходу, следуя по пятам снежного грома.

Мы уже пробежали несколько метров, когда я услышала разъяренный крик Бальтазара. Он понял, что я в один момент исчезла, и это ему явно не понравилось.

Проход позади нас с грохотом обвалился. Видимо Бальтазар отказался от идеи сделать меня своей магической партнершей и предпочел сразу убить.

Снежный гном бежал впереди проворно как белка, а я задыхалась и хватала ртом воздух, следуя за ним по узким коридорам.

— Мы должны первыми добраться до грааля патрициев, — объяснил он, почему мы так бежим.

Ага, разочарованно подумала я, значит он помогал мне не для того, чтобы спасти мою жизнь, а просто понял, что ему представился шанс наконец-то заполучить грааль.

Однако гном прав, подумала я, посмотрев в темную трубу, служившую ледяным спуском в никуда. Бальтазар знал, что я ищу грааль патрициев, теперь вопрос заключался лишь в том, кто завладеет им первым.

Глубоко вдохнув, я прыгнула вслед за снежным гномом в темный туннель.

Грааль Патрициев

Ничего не делая со своей стороны, я скользила и неслась по узким коридорам, там, где было недостаточно силы притяжения меня подталкивали искусно настроенные ветра. И пока я неслась, искренне надеясь, что снежный гном знает короткий путь к граалю патрициев, я пыталась упорядочить мысли.

Бальтазар весь этот год использовал Арпади, чтобы заманить меня в Антарктику и создать Антарктике безупречный в политическом отношении доступ к Объединённому Магическому Союзу.

Он с самого начала планировал захватить в Антарктике власть и таким путём вернуться в Объединённый Магический Союз.

В тоже время, при помощи Виллибальда Вернера, он продырявил защитные механизмы Объединённого Магического Союза изнутри, таким образом сделав развивающуюся демократию уязвимой.

Он всё ещё был решительно настроен захватить власть политическим путём. Видимо насильственный захват с моей помощью, в качестве магической партнёрши, был лишь планом Б.

И когда я размышляла об этом, мне стало ясно кое-что ещё. Не только я искала атрибуты власти, Бальтазар тоже хотел завладеть ими. Но в то время, как я желала найти могущественные предметы, чтобы уничтожить их и устранить власть патрициев, Бальтазар хотел использовать их, чтобы сосредоточить могущество патрициев только на одном короле. Видимо он подготавливал несколько путей, чтобы в любом случае добиться своей цели.

Этот мужчина стреляный воробей, и его нужно остановить во чтобы то не стало. Состязание за первый атрибут власти выиграла я. Хроника Акаши была уничтожена, и мне обязательно нужно заполучить грааль патрициев.

Бальтазар всё так комплексно запланировал, что я долго не замечала связи.

«Сельма, где ты?» — внезапно услышала я в голове голос Адама.

Хотя я прекрасно расслышала гнев в его словах, в этот момент его голос утешил меня и придал сил.

«В Антарктике», — быстро ответила я и забросала Адама фактами, прежде чем он успел мне ответить. «Бальтазар использовал Арпади, чтобы заманить меня сюда. Теперь он убил их, и хочет провозгласить себя королём. У него дочь Виллибальда Вернера, однако она ещё жива, кроме того, это он завладел копией книги из Мантао, и скорее всего непобедим. Тебе нужно каким-то образом позаботиться о том, чтобы Виллибальда Вернера отстранили от власти. Бальтазар хочет захватить Объединённый Магический Союз, используя Антарктику. Я со снежным гномом на пути к граалю патрициев, и Бальтазар тоже. Он хочет заполучить атрибут власти, но мы его опередим. Как только я здесь закончу, я вернусь. Я позабочусь о себе, обещаю.»

Я прислушалась к темноте, но либо моя голова всё ещё была не до конца свободна от блокады, либо Адам не захотел отвечать. Молчание беспокоило меня, но с другой стороны даже лучше, что мы не начали длинную дискуссию, потому что именно в этот момент я снова почувствовала под ногами землю и должна была сосредоточиться. Но когда мои ботинки заскользили, я поняла, что приземлилась на скользкий лёд. Я упала, ударилась и заскользила дальше, пока меня не остановила стена.

Я быстро зажгла световой шар и потёрла ушибленные колени.

— Сельма фон Норденах, нам сюда! — раздался властный голос.

Снежный гном стоял недалеко от меня, указывая на круглый проход. Я быстро встала и заскользила вслед за ним в свете моего верного светового шара.

— Как можно уничтожить грааль патрициев? — спросила я, в то время как мы бежали по переходам, поворачивая поочерёдно то вправо, то влево.

— Предоставь это мне, — прорычал снежный гном, который теперь по меньшей мере задыхался так же сильно, как и я.

— Нет, — решительно сказала я. — Я должна быть уверена в том, что он уничтожен. Мне нужна абсолютная уверенность, в противном случае я засуну его в куртку и исчезну вместе с ним.

— Это такие секреты, которые не касаются магов, — произнёс снежный гном, почти фыркая.

— Тогда давай оставим его Бальтазару, пусть он в будущем поработит тебя, — парировала я и остановилась.

Я не могла рисковать и доверить такое важное решение ненадёжному снежному гному.

— Ладно, ладно, — в панике выкрикнул он. — Только пойдём, в противном случае упустим шанс, и следующий маг придёт к власти.

— Говори! — сказала я и побежала.

— Грааль патрициев сделан из особенного металла, его называют ранниум. Из этого металла изготавливают также оружие для Чёрной гвардии, — снежный гном сделал глубокий вдох, а потом тяжело дыша, продолжил, в то время как мы неслись по переходам из гладкого льда. — Гномы и снежные гномы пока уют, могут присоединить к нему магию. Морлемы — это бестелесные существа, они состоят из ветра и земли. Маг пробудил этих призрачных созданий к жизни, точно так же, как снежных волков. Даже самое сложное заклинание не может их убить. Но пока живёт тот, кто их сотворил, живут также и эти создания. Только у ранниума есть сила пройти сквозь наружное защитное кольцо и уничтожить этих созданий изнутри. Для этого требуется очень сложное заклинание, — он быстро вдохнул, чтобы продолжить. — Грааль патрициев был изготовлен из токового же металла и ему присуща ещё более мощная магия. Множество снежных гномов принимали участие в его создании, и только самым искусным было позволено работать над ним. Ранниум извлекается из глубин земли, и только снежные гномы и гномы способны выдержать высокую температуру, которая преобладает на этой глубине. Больше чем две тысячи лет назад снежные гномы преподнесли этот грааль в качестве подарка королеве магов, чтобы поддержать её добрую волю и изгнать насилие с лица земли. Гномы и снежные гномы тоже имели выгоду от этого мирного времени. Они вели торговлю с магами. Но Арпади использовали грааль, чтобы поработить снежных гномов. Нельзя, чтобы такое повторилось ещё раз, — он сплюнул в угол, как будто уже только имя Арпади испачкало его язык. — Грааль должен вернуться в землю, туда, откуда когда-то был извлечён его металл. Грааль нужно погрузить в раскаленную огненную лаву. Только она способна уничтожить его. В Антарктике есть озеро из лавы, и грааль отправиться именно туда, как только я заполучу его.

— Хорошо, — удовлетворённо сказала я.

Но времени не оставалось, чтобы проверить утверждения снежного гнома. Я знала, что в Антарктике есть озеро из лавы, встречала его на картах, которые так внимательно изучала прошлым летом. Да и то, что он сказал, совпадало с тем, что знала моя бабушка об атрибутах

власти.

— Мы пришли, маг, — сказал снежный гном, указывая на туннель, закрытый щитом из льда.

— А где же грааль? — озадаченно спросила я.

— Ты должна сначала преодолеть барьер, — сказал снежный гном, и теперь я вспомнила нашу первую встречу в пещере, из которой я когда-то освободила его.

Я подняла руки и принялась палить огненными шарами в щит из льда, который начал таять под моим непрекращающимся обстрелом.

Когда в туннеле образовалось достаточное отверстие, чтобы я могла пройти, я подошла ближе. Осторожно и не прикасаясь к ледяным краям, я пролезал в дыру, которую проделала во льду.

Я ещё хорошо помнила, как меня ударило током, когда я в последний раз прикоснулась ко льду. Из-за этого удара я не могла двигаться, и только наблюдала, как убегает снежный гном, не в состоянии что-либо сделать.

Снежный гном последовал с той же осторожностью. Он помнил точно также хорошо ледяную тюрьму, в которой я нашла его тогда. И когда туннель расширился, с каждым шагом становясь всё выше и выше, пока потолок полностью не исчез, и мы вышли в пещеру, я поняла, что мы на месте.

Я зажгла ещё больше световых шаров и вытянув руку, заставила их парить по помещению. С каждым метром, с которым они удалялись, они освещали пещеру вокруг нас. Она была примерно пятьдесят метров в высоту и расширялась далеко вглубь. Самое удивительное в этом соборе из льда было огромное озеро посередине, которое казалось почти полностью заполняет пещеру.

Кристально чистая вода лежала перед нами, на поверхности никакого движения, гладкая, словно зеркало. Она мерцала синевой, этот цвет так болезненно напоминал тёмные, синие глаза Адама, что я на мгновение замерла. Я сразу же поняла, что в этой воде содержится магия, в противном случае озеро уже давно бы превратилось в лёд, как и всё на этом континенте.

— Быстро, ты должна прыгнуть в воду. Грааль находится на дне озера, — прошипел снежный гном, вырвав меня из оцепенения.

— На дне? — спросила я, вглядываясь в воду. — Как глубоко лежит грааль?

— Примерно в тридцати метрах, поторопись, у нас не так много времени. Единственный путь, который ведёт сюда, находится вон там, и Бальтазар скоро появится, — снежный гном указал на ещё один вход в туннель на другом конце пещеры.

Я заглянула в бесконечную глубину воды и приняла решение. О том, чтобы нырять, не могло быть и речи. Вода была ледяной, а под водой я не смогу произнести заклинание.

Не обращая внимание на хныканье снежного гнома, который увидел мою нерешительную реакцию, думал, что все его надежды рушатся, я сделала глубокий вдох и выдох, а потом быстро шагнула вперёд и махнула краями ладоней вниз. А затем развела руки в стороны и так осталась стоять, как будто застряла между стенами и хотела раздвинуть их руками.

Надеюсь, что в этот раз всё пройдёт гладко, и мои беспорядочные силы сфокусируются в том направлении, в котором мне нужны. Снежный гном испуганно закричал, и я быстро открыла глаза.

Это сработало. В воде образовалась глубокая просека, такая глубокая, что был виден

чёрный камень на дне. Справа и слева вода возвышалась огромной стеной, и я сделала ещё один глубокий вдох и хотела заморозить воду.

«Нет», — подумала я, пока снежный гном все еще хватал ртом воздух. Воду нельзя так просто заморозить. Я должна рискнуть и просто полететь вниз, в надежде, что смогу удерживать эту мощь, пока не доберусь до грааля.

Сощурившись, я посмотрела на дно озера. Там внизу и правда что-то поблескивало.

Я быстро расправила крылья и раскинув руки, осторожно полетела в глубину.

Приземлившись рядом с блестящим предметом, я была вне себя от счастья. Я так долго искала грааль, а теперь вот-вот буду держать его в руках.

Однако ликование я оставила на потом, ведь я пока ещё, вместе с моим сокровищем, не в безопасности.

Я еще раз повторила заклинание про себя, чтобы убедиться, что я хорошо его запомнила, а затем проговорила его четко вслух.

Ничего не произошло!

А должно было что-то произойти?

Скорее всего нет, но есть только один способ выяснить это. Как раз, когда я хотела схватить грааль, я вспомнила, что всё ещё удерживаю руками массы воды, чтобы они не обрушились на мою голову и не похоронили меня под собой. Я переводила взгляд туда-сюда от грааля к возвышающимся рядом массам воды.

Есть только один путь. Я должна действовать невероятно быстро.

Больше не раздумывая о том, всё ли пройдет гладко, я схватила грааль патрициев, и, когда поднимала его, через мою руку прошёл электрический разряд. Видимо грааль признал меня своим хозяином, и хотел показать, что я могу отправляться завоёвывать мир.

Но у меня были дела поважнее. Казалось водные массы падают, словно как в замедленной съёмке, я видела, как две огромные стены из воды несутся на меня.

Ещё в ту же секунду я бросилась вверх и налево, в сторону снежного гнома. Но вода от волны добралась до моих ног. Она неумолимо тянула меня за собой. Кончики моих крыльев намочились, и я в панике быстро ими забила, чтобы набрать высоту. Сейчас массы воды встретятся посередине озера и выстрелят в высоту огромный гейзер.

В последнюю секунду мне удалось взлететь над волной. Я зажала грааль между ног и подняла руки, чтобы успокоить воду. Сейчас было бы не к стати наводнение переходов и каналов.

В воде содержалось много мощи, но в конце концов мне удалось укротить потоки, как раз прежде, чем снежного гнома унесло бы до самой Антарктики.

— Грааль патрициев! — пробормотал он с благоговением, когда я приземлилась рядом с ним, снова крепко держа грааль в руках.

— Верно, — тяжело дыша, ответила я, пока моё сердцебиение постепенно успокаивалось.

Всё чуть не закончилось катастрофой, и пока мы ещё не в безопасности.

Бальтазар направляется сюда, и возможно уже через несколько секунд появится.

Я бесцеремонно потащила снежного гнома, который всё ещё стоял, оцепенев от благоговения, назад в туннель, из которого мы пришли и потушила световые шары, оставив только один.

— Покажи мне самый короткий путь до женщины во льду! — потребовала я.

Потому что прежде чем покину Антарктику, я должна сделать ещё одну эту вещь, а кто

сможет отвести меня быстрее к пещере, чем снежный гном. Я обязана был сделать это ради моей семьи.

— Тогда получишь грааль!

— Отдай мне его сейчас! — потребовал снежный гном, даже не пытаясь скрыть жадность, прозвучавшую в его голосе.

— Отведи меня туда, снежный гном, да побыстрее, в противном случае мы можем быстро потерять этот грааль.

Я оглянулась назад, где мне показалось, что я уже слышу слабый звук, который могли издавать приближающиеся шаги.

Снежный гном и сам знал, что время на исходе, потому что в любую секунду Бальтазар мог добраться до озера и выяснить, что мы его опередили. И я могла только догадываться, каким безмерным будет его гнев, когда он поймёт, что того, к чему он стремился весь этот год, больше нет.

— Пошли! — недовольно прорычал снежный гном и забежал в туннель.

Снова мы бежали по узким трубам изо льда, скользили на крутых поворотах и оставляли позади бесконечные, узкие горки. Для меня они все выглядели одинаково, и я точно знала, что никогда не смогла бы ориентироваться сама в этой системе пещер.

Посредине одного перехода снежный гном внезапно остановился.

— Мы пришли, — тихо сказал он, указывая слева от себя на стену изо льда. — За стеной пещера, которую ты ищешь. А теперь пришло время сдержать своё обещание.

— Я сдержу своё, а ты поклянись, что уничтожишь грааль, — я протянула ему руку, чтобы он мог скрепить договор пожатием, а другой подняла грааль вверх.

— Нет ничего проще, — серьёзно сказал снежный гном и крепко пожал мою руку.

В этот момент оглушительный взрыв прервал наш разговор, и мы внезапно оказались под открытым небом. На небосводе сияли звёзды, и мне в лицо задул ледяной ветер. Не понадобилось даже секунды, чтобы понять, что Бальтазар меня нашёл.

Я молниеносно отреагировала, скорее инстинктивно, чем из соображений. Я отпустила снежного гнома, сунула ему в руки грааль и в тоже время сформировала над его головой массивный купол изо льда.

Потом быстро развернулась, готовая к бою, пока краем глаза наблюдала, как снежный гном поспешно прокапывается вперёд, чтобы попасть в наполовину обвалившейся переход, из которого мы пришли.

Бальтазар стоял, широко расставив ноги в десяти метрах от меня, направив руки в мою сторону.

Я установила защиту из огня и пригнулась, спрятавшись за ней, чтобы избежать попадания светлых огненных шаров, которые он метал в мою сторону. Моя защитная стена выдержала удары первых шаров, но затем ослабела и потухла.

С глухим звуком первые огненные шары ударились о купол, и он выдержал. Однако Бальтазар усилил бомбардировку, пока я пыталась укрыться за глыбой льда. В данный момент Бальтазара интересовала не я. Он непрерывно смотрел в одно единственное место, туда, где исчез снежный гном.

С громким треском мой купол раскололся, но было поздно. Снежный гном снова исчез во льду.

— Где грааль? — Бальтазар пытался перекричать снежный шторм, ринувшись ко мне. Должно быть он понял, что я не просто по доброте душевной защищала снежного гнома от

его атак.

— Его нет, — ответила я.

Я вдруг ощутила удивительное спокойствие. Я достигла своей цели, и больше не могла остановить то, что произойдёт теперь.

Если Бальтазар, как и обещал, собирается меня убить, на что указывало также его разъяренное выражение лица, то я буду бороться, пока не упаду замертво. На этот раз ему не будет так легко, как в прошлый. Он не получит снежного гнома с граалем в руках. Гном по своим тайным проходам убежал уже далеко.

— Нет! — закричал Бальтазар, выстреливая горящими залпами в то место во льду, где исчез снежный гном.

Я не смогла сдержать презрительного смеха. Теперь, когда снежный гном наконец заполучил грааль, он больше его не отдаст, и даже Бальтазар, чтобы догнать его, не в силах так быстро прокопать лёд. С каждой секундой, что мы стояли здесь, грааль направлялся навстречу своему уничтожению. Но Бальтазар продолжал швырять горящие залпы в землю, пока не образовалась огромная дыра, доходившая до самой Антарктики.

— Что вы сделали с моей мамой? — холодно спросила я, когда наконец и Бальтазар понял безнадежность своих действий и прекратил стрелять в дыру огненными шарами. Хотя я и знала, что скоро меня ожидает смерть, я всё ещё была абсолютно спокойна. Бальтазар же напротив, стоял передо мной тяжело дыша, с жатыми в кулаки руками и невыразимой яростью в серебряном взгляде.

— Твоя мать, — выкрикнул он, в его голосе слышалось пренебрежение, которое разозлило меня.

Он поднял руки и вызвал завывающий ветер, который взметнул снег и обнажил позади меня фундамент пещеры, которая должно быть находилась сразу под поверхностью льда. Бальтазар взорвал потолок пещеры, когда услышал меня и снежного гнома.

— Я знал, что ты придёшь сюда, чтобы найти мать. Тебя так просто раскусить. Если уже я не смог завладеть граалем патрициев, тогда попытаю ещё раз счастье с тобой, в качестве магической партнёрши. Если ты снова окажешься непригодной, то я окончательно сотру тебя с лица земли.

— Что вы сделали с моей мамой? — поворотила я вопрос внешне спокойная, хотя его заявление немедленно включило все мои инстинкты выживания, и я почувствовала, как ускоряется пульс.

— Твоя мать думала, что сможет меня убить, — улыбаясь сказал он. — И она действительно очень старалась. Она зафрахтовала самолёт и инсценировала крушение, чтобы симулировать перед Объединённым Магическим Союзом свою смерть. Она хотела наконец избавиться от сенаторов и Чёрной гвардии и вести где-нибудь со своей маленькой семьёй скучную, человеческую жизнь. И только я ещё стоял на пути к её счастью, потому что обязательно хотел сделать её своей женой и магической партнёршей. Тогда я не хотел так быстро отказываться от своего плана. Я был уверен, что в какой-то момент твоя мать поймёт, что создана для более высоких целей. Она, чтобы встретиться со мной, долетела с твоим отцом до самой Антарктики. Гвидо уже тогда жил в своём маленьком королевстве и был настолько любезен, что предложил ей убежище и заманил сюда. В этом есть своя ирония, ведь семья, убившая её отца, смогла обмануть и её. К сожалению, она ничего не успела узнать, но, по крайней мере, я могу рассказать об этом тебе, теперь, когда Арпади тоже больше не могут дать эту информацию.

— Арпади убили моего дедушку? — удивлённо спросила я, как будто уже давно не подозревала, что случилось нечто подобное.

— Да, — подтвердил Бальтазар, как будто передавал радостную весть. — На самом деле это был Томас Арпади, его собственный друг. Твой дед раскрыл его игру, потому что не только моя семья хотела заполучить атрибуты власти. Арпади тоже были заинтересованы в том, чтобы вернуть монархию. Однако Томас Арпади действовал не особо умело. Он хотел обокрасть палату сенаторов, и это обнаружили.

К сожалению, подозрение пало на мою семью, поэтому мы остались даже без хроники Акаши. Потом Томас Арпади пытался ограбить другие королевские семьи. Но твой дед не захотел выкладывать ему ни атрибут своей семьи, ни семьи твоей бабушки, да и Торрелы не собирались сотрудничать. Вместо этого твой дед хотел передать своего старого друга Чёрной гвардии. Поэтому он должен был умереть, это ведь очевидно.

— Очевидней некуда, — слабо, но с иронией ответила я.

Значит мой дед прекрасно знал об атрибутах власти, хотя ничего не рассказал о них бабушке.

— Я знал, что ты когда-нибудь поймёшь, что для того, чтобы добиться великой цели, нужно чем-то пожертвовать, а теперь вернёмся к твоему вопросу. Твоя мать..., — он поднял руку и послал ещё один порыв ветра, который сдул снег вокруг и высвободил огромный кусок льда, — сражалась со мной, чтобы убить.

— И я глубоко сожалею, что ей не удалось, — разгневанно ответила я.

Лицо Бальтазара застыло, когда он услышал мои слова, и он нахмурился.

— Я никогда не хотел убивать твою мать, и никогда не убивал, — решительно сказал он, и я подумала, что ослышалась.

— Значит она ещё жива? — осторожно спросила я.

— Посмотри сама, — прошептал он и показал на глыбу льда, которую освободил от снега.

Я проследовала за его взглядом, осторожно и подозрительно, с надеждой и в то же время ощущая предательский страх перед тем, что теперь узнаю.

Я разглядела тень во льду, и забыла про осторожность. Даже если это была ловушка, которую подстроил Бальтазар, в этот момент я не могла сопротивляться искушению.

Я осторожно подошла ближе, между тем я уже совсем замёрзла, и моё тело дрожало как осиновый лист в тонком гоночном костюме, который всё ещё был на мне одет. В Антарктике царил сейчас глубокая зима, и температура могла упасть до минуса семидесяти градусов. Я с каждым шагом отвлекала себя с помощью этих деталей, как будто таким образом могла отложить неизбежное. Столько лет я ждала этого момента — момента истины. На сердце легла тёмная тень, сжимая его всё сильнее, чем ближе я подходила к ледяной глыбе и чем больше тень уплотнялась в силуэт человека.

Лёд был прозрачным, без трещин и воздушных пузырьков. Как через окно, я увидела стоящую фигуру женщины. Её рыжие волосы разметались вокруг лица, как будто её обдувает ветер. Я прислонилась лбом ко льду и даже не почувствовала холода. Моя мать мертва, и вид её безжизненного тела уничтожил самую последнюю надежду, когда-нибудь увидеть её живой.

— Она наверняка считала это волей судьбы, что сможет рассчитаться со мной вдали от поселений магов. Она хотела заманить меня сюда и прикончить. С этой книгой в руках, она, как идиотка, думала, что у неё есть шанс победить, но я уже давно был здесь и поджидал.

Твоего отца я убил сразу же, как приземлился самолёт, он всё равно только мешал.

— Убил! — слабо прошептала я.

Но из его рта это прозвучало логично. Конечно он убивал тех, кто стоял у него на пути и для кого у него больше не было применения.

— Только вот остальную часть семьи она так хорошо спрятала, что я до сегодняшнего дня не смог её найти, но собственно, это и не играет большой роли. Только она была мне нужна, и она прекрасно это знала. Она вступила со мной в схватку, но не смогла одержать победу. Она быстро начала проигрывать, хорошо это понимая. Прежде, чем я смог сделать её своей партнёршей, она убила себя. Сама себя заморозила. Я больше не смог её спасти, — удручённо сказал Бальтазар, как будто ему всё ещё было жаль, что он потерял её. Только то, о чём он сожалел, была не моя мама, а шанс, который он упустил.

И, видимо, он забыл, что сам загнал её в угол и заставил пойти на крайность.

— Должно быть она предпочла смерть, чем править рядом со мной. Потеря, которую я действительно оплакиваю, но теперь нам стоит наконец перейти к более приятным вещам.

Звук его голоса пугал меня. Теперь он хотел навязать мне судьбу, которую планировал для мамы. Я посмотрела в её застывшее лицо и узнала его по фотографиям, узнала в нём саму себя.

В эти секунды, когда я осознала, что Бальтазар повторит историю, именно так, как предсказала бабушка, ярость внутри меня начала расти, как красный, необузданный демон, которого я с радостью приветствовала.

Весь год я сдерживала себя, практиковалась в умеренности и концентрации, упражнялась и надеялась, исследовала и училась, а теперь стояла перед трупом мамы и выяснила, что отец тоже мёртв, а брат и сестра пропали без вести. Даже мой дедушка стал жертвой этой непередаваемой войне. И всё только потому, что моя семья, в борьбе за свободу, была помехой для двуличных магов.

Это должно закончиться прямо сейчас. Я хотела жить свободно, а именно: вместе с Адамом и так, чтобы не прятаться всё время. Я не хотела провести жизнь в страхе, что нас обнаружат, и мы попадём в Хаебрам. Никто не имеет права указывать мне, кого я могу любить, а кого нет.

В первый раз, когда столкнулась с Бальтазаром, я была наивной и ничего не подозревающей. Я не знала, что меня ожидает, но теперь, когда он подходил всё ближе и ближе, я прекрасно знала, что он задумал, и не дам ему ещё одного шанса затащить меня в царство грёз, чтобы провести ритуал и сделать своей магической партнёршей.

Я продолжу теперь схватку, которую в прошлом году прервали Адам и бабушка, и в этот раз мы разойдёмся лишь в том случае, когда дело между нами будет решено.

Я закрыла глаза и выпрямилась. Его близость была словно ледяная тень, вцепившаяся в мою душу, собирающаяся забрать меня в никуда. Но я также ощущала внутри теплоту и достаточно силы, чтобы показать Бальтазару, что он не может брать всё, что захочет.

Когда он собирался меня схватить, я выдохнула и выполнила быстрый удар в левую сторону.

Бальтазар отлетел назад. Ещё когда летел, он расправил крылья и замер в воздухе.

Внезапно я вспомнила, что его так же, как Морлемов, нельзя ранить.

— Ты читала книгу из Мантао, — в ледяной, кристально чистой ночи его голос разносился над равниной изо льда и снега. — Но она не поможет тебе, точно так же, как не помогла твоей матери. Ведь я знаю книгу уже парочку лет дольше тебя. И вообще, чтобы

убить меня, не хватит ни десяти кинжалов, ни двадцати. Моё тело неуязвимо.

Он поднял руки, и равнина задрожала от его движения. Когда земля подо мной затряслась, и я увидела, как отломались огромные куски потолка над Антарктикой и полетев вниз, с глухим сотрясением приземлились на улицах, лишь тогда его слова дошли до меня.

Перед лицом землетрясения, которое чуть не сбило меня с ног, меня охватило не отчаяние, нет, это был осознание того, что что бы я не сделала, сколько бы пожаров и ледяных бурь не наслала на Бальтазара, он после всего встанет и снова атакует меня.

Ему просто нужно будет подождать, пока у меня не иссякнут силы, тогда он сможет заставить меня провести ритуал.

Осознание того, что борьба бесполезна, уничтожило всю мою ярость и решительность. Вместо них вдруг появился страх за жизнь, и начали дрожать руки. Что я могла противопоставить ему кроме ярости?

Ничего!

Мои попытки убить Бальтазара не вызовут у него даже усталой улыбки. Неужели я на самом деле вообразила себе, что могу сразиться с Хеландером Бальтазаром и после этой дуэли вернуться домой живой?

Я знала ответ, еще несколько часов назад я была уверена, что смогу быстро сбежать от него, но теперь все изменилось.

— Где девушки? — хрипло спросила я, пока страх еще позволял мне вымолвить хоть слово. По крайней мере это я должна узнать.

— Почему тебя это интересует? — спросил Бальтазар и посмотрел на меня так, будто не понимал, почему меня волнует этот вопрос.

— Потому что вы разделили семьи, — ответила я, снова ощутив прилив ярости. — Не каждый рад потерять сестру.

Он сразу понял укол насчет своей сестры Седони.

— Чего стоят несколько девушек, когда речь идет о том, чтобы весь Объединенный Магический Союз обрел новый блеск?

— Вам же не важно благополучие магов в этой стране, ваша единственная цель — это самому стать королем магического мира, не важно хочет мир вас в качестве короля и нужен ли ему вообще король.

Мой голос звучал на удивление уверенно, но зато руки все еще дрожали от страха.

— Возможно ты не понимаешь, что движет мной, да тебе и не нужно, ты всего лишь средство для достижения цели.

Во время нашего разговора он подходил все ближе. В свете, проникающем через пробитый потолок Антарктики, я увидела его черные крылья и то, как он глубоко вдохнул.

Мне был знаком ритуал вдоха и выдоха, с помощью которого можно было увеличить силу заклинаний во много раз. А также знакома сила, содержащаяся в этих заклинаниях. Её было достаточно, чтобы сместить с орбиты землю.

— Ты не сбежишь от меня ещё раз, — сказал он, пытаясь встретиться мой взгляд.

Я напряжённо посмотрела в небо и начала совершенно невинно вдыхать и выдыхать. Он не может заставить меня посмотреть ему в глаза, а ему требовался зрительный контакт, чтобы проникнуть в моё сознание и заставить провести ритуал для связи. Без моей помощи или по крайней мере пассивного разрешения мы не станем магической парой.

Это произошло совершенно внезапно, и я поняла, что заставило мою мать покончить жизнь самоубийством.

Способности Бальтазара были огромными и невозможно представить, что он делает с этими способностями, когда они удвоятся. Я не могла позволить ему сделать меня своей магической партнёршей, я должна это предотвратить, чтобы защитить всё общество от сумасшедшего, который уже и так принёс столько много страданий и боли.

История повторялась самым жестоким образом, и в данный момент я просто не могла придумать, как это предотвратить.

Бальтазар всё приближался, и я боролась с собой, не зная, что делать.

Если я спровоцирую бой, то только отложу ритуал. Бальтазара нельзя ранить обычным способом, а я понятия не имела, где его слабое место, если оно вообще было.

Позволить ему сделать меня своей магической партнёршей я не могла, даже представить было страшно, какое страдание он принесёт миру, если его сила ещё возрастет.

Поэтому мне оставалось только одно: уйти, прежде чем он с моей помощью сможет причинить миру ещё больше бед. Мне не пришлось принимать решение, оно как бы само напрашивалось. Страх исчез, когда решимость укрепилась, что всё закончилось. Зачем ждать и откладывать. Мы находились одни на равнине изо льда, посреди Антарктики, и спасения ждать неоткуда. И даже если спасение подоспеет, что можно сделать против неуязвимого мага с необыкновенно сильными способностями? Любой, кто придёт сюда, встретит свою верную смерть, а я не хотела, чтобы кто-то умер из-за меня.

Лишь об одном я ужасно сожалела в этот ясный момент. Я никогда больше не увижу Адама, никогда больше не смогу прикоснуться к нему и пережить чувство абсолютного счастья, когда он рядом.

Нам не дано даже попрощаться.

Между тем Бальтазар настолько приблизился, что я ощущала его дыхание. Я бросила последний взгляд на мир и закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться и не дать ему возможности помешать мне сделать то, что я задумала.

Я останусь здесь в Антарктике. Стану частью вечного льда, вместе с мамой и папой. Мне бы хотелось ещё познакомиться с братом и сестрой и узнать, что с ними стало. Но скорее всего они уже тоже мертвы, как мои родители.

— Я люблю тебя, — послала я последнюю тёплую мысль Адаму. — Больше, чем жизнь, больше, чем всё, кем я когда-либо была или стану. Не забывай меня!

Потом я сделала глубокий вдох в живот. Ледяной воздух облегчил мне задачу. Глубоко в мои лёгкие проник холод, и я почувствовала, как теряю ощущение в ногах.

— Ты не посмеешь просто так попрощаться со мной, — возмущённо крикнул Адам, и я улыбнулась. Он ведь знал, что это должно было в какой-то момент случиться.

Я продолжила фокусироваться на воде в моём теле, чувствовала своенравное, мощное гудение, которое скоро утихнет.

Сейчас исполнится пророчество Сибилл, и я умру. Никогда бы не поверила в то, что однажды я убью саму себя, но теперь, когда я стояла здесь, другого выхода не было.

— Чёрт, — прорычал Бальтазар.

Он наверняка заметил, что жизнь постепенно из меня выходит.

— Сельма, спасайся, — крикнул Адам, в его голосе слышалась паника.

Странно!

Его голос звучал так реально, как будто это не сообщение в моей голове, а он сам стоит рядом со мной.

Близкая смерть видимо хотела поприветствовать меня очень живым видением и сделать

шаг в вечность более терпимым.

Я не представляла себе, что это будет настолько приятным, болезненным да, и возможно печальным, взгляд на прошлое не помешал бы или полёт через ярко освещённый туннель.

Раздался громкий взрыв, и я испуганно распахнула глаза.

То, что я увидела, было таким невероятным, что я на всякий случай еще раз закрыла и открыла глаза.

Бальтазар больше не стоял передо мной, а парил в воздухе на расстоянии нескольких метров. Напротив него стояла Дульса, а позади неё сестра Сесилия, крепко держащая Дульсу за плечи.

Словно все происходящее и так уже было достаточно нереальным, у меня перед глазами вдруг возникло восхитительное лицо Адама.

— Что здесь делают Дульса и Сесилия? — в недоумение спросила я, глядя на эту странную картину.

Дульса выглядела так, как будто на полном серьёзе собиралась сразиться с Бальтазаром, и он действительно отдалился от нее на безопасное расстояние и с недоверием наблюдал за ней и Сесилией.

— Они увязались за мной, когда я появился в Акканке, чтобы доставить тебя в безопасное место.

Адам провёл руками вдоль моего тела, и меня обдало теплым ветром, который оттаял ноги.

— Они должны бежать, он неуязвим, — сказала я с искажённым от боли лицом, когда тепло снова хлынуло в ноги, и я почувствовала пальцы ног.

— Нет таких, кто был бы неуязвим, — ответил Адам и встал передо мной, когда увидел, что я снова могу шевелить ногами.

В этот момент Дульса выстрелила в Бальтазара огромным огненным шаром, от которого тот едва увернулся, и шар с громким треском попал в лёд. Значит вот что прогнало его от меня.

— Где она научилась так сражаться? — растерянно спросила я, наблюдая, как Дульса снова поднимает руки, как будто никогда ничего другого и не делала, кроме как обучалась борьбе. Она выглядела так, словно взяла несколько уроков у Чёрной гвардии.

— Понятия не имею. Но это мы сможем выяснить позже, сейчас нужно ей помочь.

Он потянул меня за руку в сторону, а я бросила взгляд в большую дыру. Как в игрушечном городке я увидела, как жители Антарктики бегут по улицам. Перед стеной, ведущей к дверям, собралась толпа. Маги бежали из города, покидая рушащееся сооружение, которое когда-то был их домом.

— Даже если мы не сможем его убить, то по крайней мере должны вывести из строя настолько, чтобы можно было убежать всем вместе.

Адам кивнул, у нас не было времени долго спорить.

Между тем Бальтазар, в свою очередь, тоже атаковал, и Дульса с Сесилией спрятались за щитом изо льда, который долго не выдержит.

Зачем они вообще пришли сюда?

Дульса должна будет всё мне объяснить, если нам удастся остаться в живых.

Но сейчас у меня не было времени долго размышлять, потому что, если только мы будем сражаться все вместе, у нас, возможно, появится шанс покинуть Антарктику живыми.

Адам коротко прикоснулся к моей руке, и тепло его кожи согрело моё сердце. Если мы умрём, то хотя бы вместе.

— Готова? — серьёзно спросил он.

Я кивнула и глубоко вдохнула, а потом мы побежали.

Тёмные времена

Огненные шары с треском попадали в снег, оставляя глубокие кратеры. Потолок Антарктики между тем полностью рухнул, и на равнине зияла огромная дыра, будто туда упал метеорит. Искусственное солнце потухло, только свет не прекращающих пролетать мимо огненных шаров освещало лёд.

В остальном не большая равнина, затерянная где-то в Антарктике, была погружена в темноту. Казалось, к новой жизни пробудился только шторм, и не переставая поднимал вверх снег и метал ледяные кристаллы, словно снаряды, в ночи.

Я уже давно не ощущала холода, ноги заостенели, лицо было бесчувственным, а руки уже некоторое время как онемели. То, как Адам неутомимо сражался, держало меня на ногах. Без признаков слабости он метал в сторону Бальтазара один огненный шар за другим. Он был здесь со мной, совсем рядом, и его сила делала сильнее и меня, позволяла мне забыть, что я уже почти замёрзла.

Беспощадная дуэль с Бальтазаром длилась уже целую бесконечность, и ещё не намечалось, что какая-то сторона выйдет победителем. Но я чувствовала, что так продолжаться не будет. Развязка была не за горами, я также знала, какой она будет. Бальтазар не проявил ещё никакой слабости, он непрестанно отражал наши атаки и отвечал на них с неизменной силой.

В одиночку он уничтожил бы нас без проблем, но так как мы атаковали с нескольких сторон, ему пока не удалось серьёзно ранить кого-то из нас.

Но наши силы заканчивались, а до сих пор не представилось возможности вывести Бальтазара хотя бы на одного мгновение из строя, чтобы можно было сбежать в Шёнефельде. Там я полагала, мы будем в безопасности, потому что надеялась, что он не знает заклинания для дверей.

Снова и снова мы обстреливали его огненными шарами, насыпали на него пылающие хлысты и ураганные порывы ветра. Но он отражал все удары и, в свою очередь, нападал сам.

Вчетвером мы ещё могли ему противостоять, если нам удастся продержаться. Дульса и Сесилия были невероятно сильны, а ещё сильнее казалась решимость Дульсы убить Бальтазара.

Мои силы даже близко были не такими мощными, как у Дульсы и Сесилии, да и Адам был сильнее, чем я, но всё же я могла внести свой вклад, и когда я стреляла, то часто попадала в цель.

Но хотя в Бальтазара попало много огненных шаров, казалось, ни один его не ранил. Попадания оттесняли его назад, заставляли спотыкаться и на короткий момент приостанавливаться, так что с каждым разом он отступал всё дальше, но ни одна наша атака не заставила его упасть на землю замертво.

Чем дальше мы сражались на морозе, тем выше была вероятность, что в одного из нас попадёт снаряд, а мы были уязвимы, это я прекрасно знала.

В этот момент Бальтазар задвигал руками по кругу, и вокруг него образовался неистовый вихрь, содержащий ледяные кристаллы. Когда ветер ударил мне в лицо и почти сбил с ног, я была уверена, что теперь бой скоро закончится.

Никто из нас не сможет продержаться долго. Лицо Дульсы по-прежнему было ожесточенным. Она не отступила ни на шаг. Сесилия, напротив, все больше теряла силу на

холоде, ведь с приближением ночи температура стала падать.

— Вперед, — выкрикнул Адам, вопреки бушующему шторму. — Мы должны уходить.

Я кивнула и посмотрела вниз на Антарктику, точнее на то, что от нее осталось.

Все маги сбежали, часть домов разрушилась и руины изо льда причудливо взмывали вверх, словно выцветшие скелеты. Отсюда я иногда видела, как блестит белая стена, за которой располагался наш путь к спасению, ведущий домой.

— Дульса тоже пойдет, — крикнул Адам. — Попробуем на счет пять. Один... два...

Адам не успел досчитать, потому что ураган, вызванный Бальтазаром, сбил Дульсу и Сесилию с ног и отбросил их назад в снег.

Я испуганно посмотрела на них, но они снова встали на ноги, и Адам продолжил считать, в то время как Бальтазар непрерывно наращивал мощь штурма.

Досчитав до четырех, Адам остановился, и я услышала низкий вой.

— Снежные волки, — сощурившись, крикнула я.

Позади урагана собрались снежные волки Антарктики и склонив головы и оскалив зубы, рычали и лаяли на нас.

Если они подчиняются Бальтазару, то нам точно пришел конец.

Я почувствовала, как меня покинули мужество и сила воли, когда посмотрела на эти оскаленные морды.

— Наверх! — крикнул Адам, расправив крылья. Не теряя самообладания, я последовала его примеру и поднялась на высоту.

Сверху мы обстреливали снежных волков залпами огня, от которых они с визгом уклонялись и отгоняли их назад. Держа в руке огненный хлыст, Адам хлестал им по мордам с острыми зубами.

Краем глаза я увидела, что Бальтазар укротил свой шторм. Его довольный смех, когда он увидел, что разорвал наши ряды, донесся даже до моих ушей.

Теперь мы были вынуждены сражаться на два фронта одновременно, и я знала, каким будет итог. Я посмотрела вниз на Дульсу и Сесилию, которые по идее должны были и дальше атаковать Бальтазара, чтобы у него не было возможности попасть в них. Однако Дульса и Сесилия, поднявшись, застыли словно ледяные скульптуры и просто стояли и смотрели на Бальтазара.

Мы должны что-то предпринять, хоть что-то, иначе все закончится.

В этот момент я увидела огромный, сверкающий луч, вырвавшийся из рук Дульсы. Это был не огненный хлыст, а поток энергии невиданных масштабов.

— Магическая пара, — прошептала я, с благоговением наблюдая, как луч достиг тела Бальтазара, как он удивленно закатил глаза и казалось, вот-вот лишится сознания. Энергия непрерывно исходила из рук Дульсы. У Бальтазара уже подогнулись колени, он беспомощно швырял в разные стороны огненные шары.

Упав на землю, Бальтазар бросил последний огненный шар, после чего опустился в снег. Огненный луч Дульсы также погас.

В тот момент, когда Бальтазар упал, снежные волки превратились в белые снежинки, которые унесло не прекращающимся ветром.

Все закончилось.

Некоторое время я оставалась в воздухе и смотрела вниз. Я почти ожидала, что Бальтазар снова встанет и продолжит бой.

Но он лежал как маленькая, неприметная тень на белом льду и не двигался.

Нет таких, кто был бы неуязвим. Я вспомнила слова Адама, и конечно же он прав. Даже атрибуты власти можно уничтожить с помощью верного средства. Нужно только знать какое это средство.

Адам скользнул на землю, и я последовала за ним. Когда мы приземлились рядом с Дульсой, меня внезапно охватило отвратительное чувство. Рядом с Дульсой на льду лежало неподвижное тело. Её крик прорвался сквозь метель, и навсегда отпечатался в моём мозгу.

Дульса не заметила, что мы приземлились рядом. Она склонилась над сестрой и не переставая трясла её за плечи, снова и снова выкрикивая её имя.

Её узкие плечи казались ещё более хрупкими, и внезапно я больше не могла понять, как такой слабый человек мог создать такое мощное заклинание. Она спасла всем нам жизнь. Но цену, которую заплатила за это, была слишком высока.

— Что с ней? — спросил Адам, всё же я слышала страх в его рутинном вопросе, который испытывала и сама.

Лицо Сесилии было бледным, со щёк сошёл весь цвет. Она казалась почти прозрачной, безжизненно лежа в руках Дульсы.

— Мы отнесём Сисилию в Шёнефельде. Там она снова поправится, — с уверенностью сказал Адам, но и сейчас я слышала сомнение, которое прозвучала в его словах.

— Она мертва, — сказала Дульса каким-то странным, чужим голосом.

— Нет, — в отчаяние выдохнула я.

Слова Дульсы повергли меня в отчаяние, и я начала задыхаться, пытаюсь лихорадочно вдохнуть в лёгкие воздуха.

— Мне так жаль, — тихо сказала я.

Я хотела сказать больше, хотела взять вину на себя, но слова застряли в горле.

Над нашими головами на безумной скорости неожиданно пронеслась тёмная тень. Это случилось настолько внезапно, что мы даже не успели вздрогнуть.

После того, как это что-то пронеслось над нами, Адам сразу же поднял руки, встав в боевую позицию, загораживая меня, Дульсу и Сесилию.

Но тень, похоже, не интересовалась нами. Она медленно опустилась на землю, и когда я в рассеянном свете разглядела её очертания на льду, то поняла, что находится перед мной.

— Дракон! — в панике прошептала я.

Он был невообразимых размеров, животное, на фоне которого даже массивное тело Ариэля казалось миниатюрным. Но это был не обычный дракон, его спину украшали острые зубцы, а глаза светились красным, даже в темноте антарктической ночи.

Но хотя дракон мог бы уничтожить нас небрежным фырканием, он этого не сделал. И как я теперь заметила, его интересовал только Бальтазар.

Что бы это могло значить?

Затаив дыхание, я смотрела на зрелище, представшее передо мной. Адам и Дульса тоже замерли на месте.

Дракон склонился над телом Бальтазара и, казалось, осматривает его. Внезапно он откинул голову назад и издал оглушительный, пронзительный крик.

Я почти ожидала, что дракон бросится теперь на нас. Скорее всего, Бальтазар не умер, я даже не хотела позволять этой надежде проникнуть в моё сердце. Но казалось он так сильно ранен, что был без сознания.

Дракон расправил крылья, а потом сделал что-то совершенно неожиданное. Он схватил когтями тело Бальтазара и поднялся со своим грузом в воздух, в разыгравшуюся метель.

Я не осмелилась послать вслед дракону огненный шар. Слишком большим был страх, что он может вернуться и в конечном итоге всё-таки убить.

Казалось, Адам оценил ситуации таким же образом, он оставался стоять, неподвижно замерев в боевой позиции, в то время как дракон улетал всё дальше.

— Что это было? — выдохнула я, когда он исчез в темноте, и я могла быть уверенной, что больше он меня не услышит.

— Независимо от того, что это был за монстр, нам как можно быстрее следует проваливать отсюда, прежде, чем он вернётся, — загнанно сказал Адам. — Дульса, ты можешь летать?

Дульса слабо кивнула и встала.

Я подошла и взяла ее руку.

— Мы возьмем с собой Сесилию, заберём её домой, — настойчиво сказала я.

Дульса кивнула и склонилась над бездыханным телом Сесилии.

Пока Дульса собиралась с силами, чтобы отправиться домой, я тяжело ступая, подошла к ледяной глыбе, которая чудом выдержала долгую битву.

Лицо моей матери выглядело мирным и расслабленным, на нем не было заметно переживаний последних лет. Казалось, она спит, мирным и бесконечным сном.

Я не хотела уходить, не сейчас, когда только нашла ее. Я погладила гладкую поверхность льда. Мне хотелось взять ее с собой, она тоже заслужила нормальные похороны в своем родном городе. Так же, как бабушка и я заслужили место, куда могли приходить в трауре.

Я услышала, как меня зовет Адам. Пришло время уходить, пока не вернулся черный дракон. Мы должны вернуться в безопасное место и доставить Сесилию домой.

С болью в сердце, я нехотя убрала руку со льда. Я не знала, где лежал мой отец, разве они не заслужили хотя бы после смерти быть вместе?

На глазах выступили слезы, когда я отвернулась и ушла от мамы. Осознание того, что она мертва, не было таким утешительным как я надеялась. Потому что с этим осознанием умерла надежда, что она где-то могла быть еще живой.

Но смерть была окончательным и необратимым процессом.

— Я возьму Сесилию, а вы летите вперед, — сказал Адам, кивнув мне.

Он догадывался, как я себя чувствую, но знал, что соблезнования были сейчас не уместны. Когда дракон вернется, отнеся куда-то Бальгазара, нас уже не должно быть здесь, иначе смерть Сесилии была напрасной.

С тяжёлым сердцем, я направилась вниз к руинам Антарктики. Я больше не оглянулась назад, хотя всё во мне горело. Теперь у меня была уверенность, жестокая, безжалостная уверенность. Боль от потери родителей вспыхнула с новой силой, и всё-таки кроме боли было кое-что ещё.

Я гордилась мамой, гордилась её мужеством пожертвовать жизнью, ради защиты других.

Она приняла тяжёлое решение и оставила всё, чтобы защитить меня. Но не только меня, она также защитила моих брата и сестру. Я почувствовала, как во мне растёт слабая искра надежды, на которую я до сих пор не обращала внимания. У меня ещё есть часть семьи, у меня осталась бабушка, и есть надежда снова встретиться с братом и сестрой.

История не повторилась, и этим я была обязана только Дульсе и Сесилии. Без их жертвы я была бы сейчас мертва, да и Адам, скорее всего, тоже.

Мечта Арпади об их ледяном королевстве была разрушена, а с ней закончилась и их семейная история.

Странное чувство охватило меня, когда я снова подумала об их роли. С самого начала они были пешками в игре Бальтазара, у которой была только одна цель: привести его к власти.

Мы молча прошли через дверь, после того, как я открыла её с помощью вербального заклинания. И когда мы стояли в тёмных руинах старого дома Арпади, а двери позади нас захлопнулись, я оставила всё позади.

Я больше не вернусь в Антарктику. Мои родители нашли упокоевание во льду, и там они останутся вместе до конца света.

Грааль патрициев был уничтожен, а снежные гномы вновь обрели свободу.

Мы оставили руины и с нашей тяжёлой ношей направились в Шёнефельде.

— Я связался с Чёрной гвардией, — сказал Адам, когда мы дошли до первых домов.

— Нельзя, чтобы смерть Сесилии замяли. Мир должен узнать, что сделали Арпади, и какую роль сыграл в этом Бальтазар.

Как раз, когда я кивнула, соглашаясь с Адамом, я увидела первых воинов, идущих нам навстречу. Широкие тени упали на улицу: адмирал, Торин, Леннокс и Рамон. И на дороге приземлялось всё больше наших, молча направляясь к нам.

События, которые произошли потом, я запомнила только фрагментами. Моя бабушка вернулась и позаботилась о Дульсе и её родителях. Адмирал снова и снова просил рассказать меня о том, как Энакин несколько раз заманивал меня в Антарктику, как наложил на меня проклятие и хотел заставить выйти за него замуж. Особенно события последнего дня интересовали его больше всего. Как я узнала, что за всем кроится Бальтазар и что он шантажирует Виллибальда Вернера, потому что похитил его дочь. Публичное признание примуса всё-таки осталось в памяти того или другого.

Я не стала рассказывать только о граале патрициев. Но о судьбе моих родителей не стала умалчивать, так же, как и о цели Бальтазара, захватить власть над миром в свои руки, сделав меня своей магической партнёршей.

Также не стала сдерживаться и неоднократно упомянула, что Адам уже прошлым летом рассказал ему обо всём, и то, что Сесилия теперь мертва, несёт вину и он.

Только когда уже наступил рассвет, и у меня от усталости заплетался язык, адмирал отпустил меня.

В слабом свете начинающегося майского дня, я шла по каштановой аллее домой.

Моё сердце переполняла печаль. Я горевала по Сесилии, чья жизнь была слишком короткой и я горевала по родителям, которые были безвозвратно мертвы.

Когда я завернула в Каменный переулок, я увидела бабушку, она уже стояла у окна и ждала меня.

Для неё сегодня утром окончательно умрут не только дочь и зять, но также её муж.

Я глубоко вдохнула и зашла в сад, который встречал утро невинными, яркими красками, как будто ничего не знал о том, что я пережила и узнала сегодня ночью.

Признания

Сон окутал меня, успокаивая и лаская, направил в прекрасные края забвения, позволяя померкнуть событиям прошлой ночи.

Когда я на следующий день проснулась рано утром, тёмные тени траура не исчезли, но стали немного слабее и более терпимыми.

Я выжила, и это единственное, что имело значение. Даже если я зарекалась не верить в то, что Бальтазар исчез из этого мира, всё же как проснулась, я поймала себя именно на этой мысли. Также и другая мысль посещала меня всё чаще. Бальтазар не нашёл Лидию и Леандро. Они ещё живы и прячутся где-то в этом мире, и я отправлюсь на их поиски.

Мысль о бабушке заставляла меня волноваться гораздо больше. Вчера мы часами обсуждали и вспоминали события. Я рассказала каждую деталь, комбинируя ее с воспоминаниями бабушки.

Таким образом мы проследили истории Арпади и Бальтазара до тех пор, как они встретили маму, и в конце концов оказались в Антарктике.

Бабушка была вчера спокойной и выслушала все, не теряя самообладания. Однако я не знала, что сотворят с ней воспоминания, сможет ли она спать и вообще успокоиться ли когда-нибудь.

Я пошла в душ и лила горячую воду на голову и спину так долго, пока мне не стало так жарко, что мысли об Антарктике больше не вызывали холодка на коже.

Затем я прошла на кухню и с беспокойством отметила, что бабушки здесь нет. Ну ладно, я бросила взгляд на часы. Было начало девятого, может ей просто хотелось поспать подольше.

Но когда я обернулась и обнаружила на кофеварке небольшое письмо, у меня закрались опасения, что она ушла, что информация о судьбе нашей семьи заставила ее вернуться в Темаллин, где она может все забыть. И я даже не могла упрекнуть ее в этом.

Тихий звонок прервал мои мрачные раздумья о том, стоит ли мне открывать письмо или нет. Я выбежала в коридор и уже по теплому покалыванию в животе поняла, кто стоит за дверью. Было так прекрасно и упоительно снова иметь это ощущение.

Но теперь настал момент выложить все карты на стол. У нас еще не было времени поговорить, но я должна наконец признаться Адаму, что Скара шантажировала меня и я вписала ее имя в заявление о намерении вступить в брак, и что он женится на ней, а не на мне.

Я медленно открыла дверь и в последний раз обрадовалась его сводящей с ума улыбке. Как только Адам узнает, что я сделала, он перестанет улыбаться. Такое большое предательство невозможно простить.

Адам выглядел отдохнувшим, его черные волосы слегка кучерявились на затылке. Мой взгляд скользнул по плавному изгибу его носа и губ. У него видимо не было времени побриться, но с трехдневной щетиной он выглядел даже привлекательнее.

Я вздохнула, когда мои глаза встретились с его синими глазами, смотревшими на меня с легкой иронией.

— Доброе утро, Сельма, не хочешь пригласить меня войти? — улыбнувшись спросил он.

— Да, конечно, — запинаясь сказала я.

С каких пор я снова вела себя как влюбленный подросток? Мы уже почти полтора года

были парой и знали друг друга лучше, чем кого-либо другого в этом мире.

— Почему ты заходишь с главного входа? У нас что получилось, и Объединенный Магический Союз отменил разделение на патрициев и плебеев?

В моем вопросе сквозили издевательские нотки, но, когда Адам прошел в коридор и заключил меня в объятия, во мне окончательно укрепилось неприятное ощущение, что между нами скоро все будет кончено.

— Что с тобой? — нахмурившись спросил Адам, заметив мое напряжение. — Произошли ужасные вещи, но к моему собственному удивлению, мы еще живы. Одно это уже является достаточным поводом для безграничной радости. Однако ты не рада, тебя что-то тяготит. В твоих прекрасных, зеленых глазах я вижу не радость жизни, а панику.

Я закрыла глаза и вздохнула. Он настолько хорошо меня знал, что видел, как я себя чувствую еще до того, как я сама это понимала.

— Я должна поговорить с тобой, — тихо сказала я, открыла глаза и высвободилась из его объятий.

Больше не было никаких причин переносить наш разговор. Я не смогла убедить Виллибальда Вернера отменить заявление о намерении вступить в брак, так же как не смогла вернуть ему дочь, потому что не знала, где Бальтазар прячет девушек. На этот счет он был не особо разговорчив.

Глаза Адама сузились до поблескивающих щелок, когда она заметил мою сдержанность, тем не менее он не сопротивляясь проследовал за мной на кухню, где я дрожащими руками наполнила кофеварку.

— О чем ты хочешь поговорить? — холодно и нетерпеливо спросил он, словно догадывался, что у меня были плохие новости. — У меня тоже есть кое-какие новости, которые я хочу обсудить с тобой.

Я села напротив Адама, пока кофе уютно булькал и шипел в кофеварке.

— Я не буду ходить вокруг да около, — сказала я, уставившись на столешницу. Не было смысла и дальше тянуть. Я уже давно должна была все рассказать Адаму. — Скара шантажировала меня, что выдаст нас всех, если я не впишу ее имя в твое заявление о намерении вступить в брак.

Я набрала в рот воздуха, чтобы выплеснуть последние слова.

— Я это сделала. У меня не было выбора. Я не смогла убедить Виллибальда Вернера отменить заявление о намерении вступить в брак, его дочь я тоже не нашла, хотя узнала, что она еще жива. Таким образом заявление вступило в силу, и ты должен жениться на Скаре, — я помолчала секунду, после того как выдавила из себя эти ужасные слова. — Прости, но видимо мы не сможем быть вместе, потому что скоро ты станешь мужем Скары.

Мой голос дрогнул, когда я произносила последние слова, а из горла вырвались рыдания. Я не могла иначе и закрыла лицо руками, потому что не хотела видеть, как он уходит, бросая меня.

— Эй, — мягко сказал он. — Посмотри на меня!

Мои рыдания постепенно затихли, когда я почувствовала, что он не вскочил сразу и не ушёл. Только теперь я осмелилась поднять взгляд. Выражение лица Адама совершенно сбilo меня с толку. Он не выглядел сердитым, как я этого ожидала, просто скептически смотрел на меня.

— И? — спросила я смущённо.

— Это довольно жестокий удар, — нерешительно ответил он. — И хорошо, что я узнал

об этом только сейчас.

— Почему? — осторожно спросила я.

— Я желаю жениться на тебе, а не на Скаре, — подчеркнул Адам.

— Но мы живём в стране, где это запрещено, — напомнила я. — Скара угрожала выдать нас Чёрной гвардии, и не стала бы колебаться, — я зашла из далека и рассказала Адаму, как пыталась перехитрить Скару с помощью Дульсы, и как всё пошло прахом. — В этот момент я не могла сделать ничего другого, как спасти твою жизнь.

— Я не виню тебя, Сельма, — Адам встал и подошёл ко мне. — На твоём месте я вероятно, поступил бы также. Но ещё ты должна согласиться, что я сам принимаю решения, потому что действительно отвечаю за свои действия, со всеми вытекающими последствиями. Ты показала мне, что нужно бороться за невозможное, и я не хочу жить в постоянном страхе. Я люблю тебя и хочу, чтобы об этом узнал весь мир. Я даю тебе слово, что если мы умрём, то умрём вместе, а до тех пор будем бороться за наши права изо всех сил. Если кто и может изменить что-нибудь в этом обществе, то мы. Я, пока я ещё патриций, и ты, с непревзойдённым талантом появляться всегда не в том месте и в неподходящее время и всё-таки в последнюю секунду ускользать от хаоса. Моим родителям тоже придётся жить с этим решением, а если они не смогут, тогда пришло время идти разными путями. Тебя же, я больше никогда не отпущу.

— Но таким образом мы пробиваем билет прямо в Хаебрам, а туда я точно не хочу попасть, — сказала я, больше не в силах сдерживать страх в голосе.

— В этом я не был бы настолько уверен, — сказал Адам и вытащил из кармана брюк «Хронику короны». — Пока ты высыпалась, в политике произошло несколько серьёзных изменений.

— В самом деле? — с удивлением спросила я.

— Заявление о намерение вступить в барк было отменено, — настойчиво сказал Адам и взял меня за руку.

— Правда? — спросила я, потому что никак не могла поверить в хорошие вести.

— И не только это, есть ещё больше хороших новостей, — он указал головой на газету, лежащую на столе.

Но как раз, когда я хотела заглянуть в газету, снова зазвонил звонок.

Я поспешила к двери и с нетерпением её открыла и, когда увидела за ней Лоренца, Лиану и Ширли, я, смеясь, бросилась им на шею.

— Я принёс с собой свежие булочки, — сказал Лоренц, поднимая вверх пакет. — Ведь у твоей бабушки есть этот ужасно вкусный клубничный джем.

— Несколько банок ещё осталось, — ответила я. — Но, кажется, нового нам не видать. Думаю, моя бабушка снова исчезла.

— Что? — спросил Лоренц и протиснулся мимо меня в коридор. — Ах, тёмный герой тоже уже здесь, — промурлыкал он, когда обнаружил Адама на кухне, и поправил свою рубашку. — Когда-нибудь я заманю его на свою сторону.

— С прекрасным принцем ничего не получилось? — спросила я, следуя за Лоренцем, который быстро шмыгнул на кухню.

— А кому вообще нужен прекрасный принц, — вздохнул Лоренц. — Я хочу что-то более приземлённое.

— Тогда найди себе дерево, — невозмутимо ответил Адам.

— Зануда! — прорычал Лоренц, бросая пакет с булочками на кухонный стол. Потом он

целестремленно направился к кофеварке. — Дорогуша, ты должна всё мне рассказать. Я понятия не имею, что случилось с тех пор, как ты исчезла.

— Именно, — подтвердила Лиана и достала из кухонного шкафа тарелки и чашки.

— С удовольствием, — ответила я, и когда стол был накрыт, да к тому же я обнаружила ещё две банки клубничного джема, я начала рассказывать: об Арпади, о Бальтазаре, о снежном гноме и граале патрициев. Когда я заговорила о маме и бабушке, Лоренц затаил дыхание.

В конце концов я добралась до того места, когда в Антарктике появился Адам, в сопровождении Дульсы и Сесилии. Когда я рассказывала о битве, которую нам пришлось пережить, Лоренц вздохнул, а Лиана вцепилась в край стола.

— А потом Дульса и Сесилия вывели Бальтазара из строя гигантским огненным потоком, — подойдя к концу, сказала я. — Но своим последним огненным шаром Балтазар попал в Сесилию. Она погибла на месте, — последние слова я прошептала шёпотом, и после этого все в комнате замерли.

— Её будут хоронить сегодня после обеда, — сказал Адам. — Но семья не хочет, чтобы присутствовал кто-то ещё. К сожалению, мы не сможем с ней попрощаться.

— А Бальтазар? — спросил Лоренц скрипучим голосом.

— Его утащил огромный, чёрный дракон. Мы не знаем, жив ли он ещё или умер.

— Ничего себе! — заметила Ширли. — Это просто нечто. Теперь всё изменится.

— Почему? — спросила я. — Что случилось в Акканке, после того, как я исчезла?

— Это было невероятно, — радостно сказал Лоренц. — Все бросились к драконьим пещерам, полный хаос. Репортёры подрались с силами безопасности, а Грегор Кёниг провозгласил чрезвычайное положение и вызвал Чёрную гвардию. Акканку эвакуировали, и это заняло несколько часов.

— Мне так жаль, но я не могла исчезнуть по-другому. Хотя Виллибальд Вернер признался, что его дочь похитили и что его шантажируют, но я была не в силах выполнить условия, при которых он был готов отменить своё решение. Арпади застряли в Акканке, и это был мой шанс, подобраться к граалю патрициев и положить всему конец.

— И это сработало, — сказал Лоренц. — С ума сойти, какое Энакин устроил здесь представление, и всё только для того, чтобы заманить тебя в Антарктику.

— А теперь всё вернулось к прежнему? — разочарованно спросила я. — Всё, что мы предприняли, чтобы хоть что-то изменить, не принесло никаких результатов?

— Нет, — сказал Адам, указывая на «Хронику короны», которая всё ещё лежала на столе.

— Адмирал наконец предпринял необходимые меры. Заклинание, которое вы где-то установили, громко и ясно объявило, что за исчезновение девушек ответственен Бальтазар, и кроме того, кто-то ещё добавил имя Кассандры Вернер. К тому же примус сам объявил, что выполняет ещё только волю величайшего преступника в истории. Адмиралу пришлось действовать, ведь в итоге даже погибла студентка.

Я бросила взгляд на передовую статью газеты:

Было образованно временное правительство

Виллибальд Вернер был отстранён от должности единогласным решением сенаторов, после того, как Чёрная гвардия в скрупулёзном расследовании выяснила, что бывший

сенатор по вопросам национальной безопасности, Хеландер Бальтазар, шантажировал примуса и заставил его произвести обширные изменения в законодательстве.

Хеландер Бальтазар несёт также ответственность за исчезновение похищенных Морлемами девушек, в том числе и Кассандры Вернер. Как изложил адмирал в интервью, правительство, которое подвергается шантажу, не приемлемо для либерального общества. Являясь ответственным за армию, адмирал занял во временном правительстве пост председателя и уверил, что обеспечит скорейшую организацию новых выборов.

Под влиянием Хеландера Бальтазара, кажется, также находилась семья Арпади которой теперь запрещён въезд в Объединённый Магический Союз. В столицу Шёнефельде нельзя войти ни им, ни Хеландеру Бальтазару. Общепринятое заклинание изгнания было произнесено Жоржеттой фон Норденах.

Далее целительница нашего народа заверила, что сделает всё от неё зависящее, чтобы такие инциденты больше не повторились.

Кроме того, она активно прилагает усилия, чтобы последние, произведённые Виллибальдом Вернером изменения в законодательстве, были незамедлительно отменены. Также аннулирован запрет на творения Константина Кронворта. В литературном разделе газеты вы найдёте опубликованным его актуальное творение «Королевская кровь», за которое он, в облике героя Красного Мстителя, требовал признания.

Как он уверил нас в интервью, он чувствует себя как отверженный деятель искусств, втиснутый в позицию, критикующую общество и будет прилагать все усилия, чтобы свободу слова никогда больше не подавляли.

— Поразительно, — сказала я.

— Да, и в этот момент либерального умонастроения нужно совершить что-нибудь, что воздействует на общественное мнение, — ухмыльнулся Адам.

— А что для этого подходит лучше, чем любовь?

— Определённо, — ответил Лоренц, откусив от своей булочки с джемом. — Но растения мы на всякий случай оставим. Никогда не знаешь, кто ещё захочет нам навредить.

— Как удобно, что Красного Мстителя мы знаем теперь лично и сможем регулярно напоминать ему о том, за что он хотел бороться, — вставила Ширли.

— Если бы кто-нибудь сказал мне это год назад, я бы посчитал его сумасшедшим, — сказал Лоренц, широко улыбаясь. — Надеюсь Константин Кронворт не забудет, что мы помогли ему.

— Если забудет, мы охотно ему напомним, — сказала я и направилась к кофеварке.

Я некоторое время размышляла, но потом открыла конверт бабушки.

Действительно, подумала я, когда прочла, что она ушла на заседание городского совета. Она всерьёз намеревается остаться здесь и бороться. Но подспудно я все равно была готова к тому, что у нее снова появятся сомнения и она захочет уединиться.

— Ты знаешь другие атрибуты власти? — спросил Лоренц, когда я вернулась с кофейником к столу, накрытому для завтрака.

— Нет, — сказала я. — Еще нет, но если Бальтазар когда-нибудь встанет на ноги, то я теперь знаю, что он тоже ищет атрибуты власти. Я должна опередить его. Только так я смогу помешать ему вернуться к власти, и не дать патрициям забыть, что они члены либерального общества.

— Ты имеешь в виду, что мы не дадим забыть, — напомнил Адам и подозвал меня к

себе.

— Именно это я и имела в виду, — ответила я, улыбаясь и охотно поддалась, когда он притянул меня к себе и усадил на колени.

Вечером я уединилась в саду и зажгла огонь. Адам хотел позже присоединиться ко мне, а пока я наслаждалась моментом тишины, после того как Лоренц, Лиана и Ширли провели весь день у меня. Они собирались отпраздновать большой успех нашего мероприятия в «Гостиной Шенефельде» с Кимом Гёрнером. Лоренц даже рассчитывал встретиться с Константином Кронвортом, но я горячо надеялась, что он всю ночь будет заниматься новым обликом Теннебоде. Кроме того, я не чувствовала себя настолько хорошо, чтобы идти развлекаться.

Завтра утром нужно будет снова рано вставать. Из-за политических беспорядков лекции сегодня отменили, но завтра снова всё пойдёт по нормальному руслу, ну, не совсем.

Адам хотел осуществить свои намерения и объявить всему миру о том, что мы пара, а я всё ещё не знала, действительно ли должна это приветствовать. Может быть я смогу убедить его отложить ещё ненадолго это публичное признание.

В этот момент я услышала тихий шелест в саду.

— Не пугайся, — тихо прошептал тоненький голосок.

— Дульса? — удивленно спросила я.

— Да, — робко ответила она, словно извиняясь за свое появление.

— Я рада, что ты здесь, — сказала я. — Сядь рядом со мной! — я ещё хотела спросить, как она себя чувствует, но почему-то вопрос застрял в горле. Как же ей себя чувствовать? Два дня назад она потеряла сестру.

— Дома сейчас просто невыносимо. Я рада, что завтра в Теннебоде снова начнутся лекции. Скорее всего, я вообще перееду в Акканку.

— Что случилось? — спросила я.

— Моей маме нехорошо, она убита горем. Всё ещё намного хуже, чем обычно. Отец и я решили сегодня, что дадим ей клубневые ягоды. Иначе она не вынесет больше ни дня. Мы боимся, что она совершит самоубийство, — Дульса положила подбородок на колени. — Твоя бабушка сейчас как раз у нас и всё подготавливает.

— Мм, — ответила я.

Я не знала, как на это смотреть, приветствовать или нет, ведь я не могла судить, насколько действительно плохо чувствует себя мать Дульсы.

— Собственно, почему Сесилия никогда не разговаривала? — спросила я, после того, как мы какое-то время сидели молча.

Дульса сжала губы, уставившись в мерцающее пламя небольшого костра перед нами.

— Мы были не просто двойняшками, Сельма, — в конце концов тихо сказала она, когда я уже думала, что она не ответит.

— Я знаю, вы были магической парой, — осторожно произнесла я.

— Я не это имею в виду. Мы были тройняшками.

Это слово какое-то время висело между нами, пока до меня дошло.

— Тройняшками? — недоверчиво повторила я.

— Именно. У нас была сестра. Её звали Джулия. Её похитили Морлемы.

— Девушки ещё живы, — выдохнула я. — Бальтазар похитил их и держит в плену. Он стёр их воспоминания и использует в качестве рабов.

— Откуда ты это знаешь? — недоверчиво спросила она, и я не могла винить её за

сомнения.

— Очень просто, он сам рассказал мне, — ответила я.

— Это значит, что Джулия ещё жива? — Дульса твёрдо посмотрела на меня, в её глазах пылал невероятно интенсивный огонь.

— Скорее всего, — ответила я. — Не важно, чего это будет стоить, Дульса. Я помогу тебе найти её.

Я просто пообещала ей это, потому что думала, что смогу таким образом компенсировать потерю, которую перенесла Дульса.

— Всё не так просто, — к моему удивлению ответила Дульса.

— Я не понимаю, — растерянно ответила я.

— Ты и не сможешь, потому что ничего не знаешь о бремени нашей семьи. Наша сестра Джулия была не простым ребёнком, в ней было что-то плохое, даже если нельзя так думать и говорить. Она убивала животных ради забавы, не понимая, что в этом ужасного. Насколько я себя помню, она мучила Сесилию и меня и неоднократно причиняла нам боль во время игры. Скоро она поняла, что ей просто нужно сказать, что это случилось нечаянно, и моя мать её прощала. Тогда я ненавидела её за это, но теперь начинаю постепенно понимать, что матери ничего другого не оставалось. Ведь Джулия её дочь, точно так же, как Сесилия и я. Она не могла её ненавидеть, поэтому всегда прощала. С каждым годом становилось всё хуже, а её злые поступки всё более нелепыми. Мы не могли спокойно спать, потому что всегда боялись, что она придёт ночью в нашу комнату и подожжёт нам волосы. Незадолго до нашего шестнадцатилетия её похитили Морлемы. Для меня это было освобождением, но мама и Сесилия не смогли с этим справиться. Моя мама впала в депрессию и утянула за собой Сесилию. Однажды она поведала мне, как сильно ей стыдно за то, что она радуется, что Джулия исчезла. С того дня Сесилия больше не разговаривала. Внезапно она стала намного ближе к матери, чем ко мне. В глубине души я думаю, что Сесилию мучило то же чувство вины, та же противоречивость чувств между радостью и стыдом. Она вместе с мамой замкнулась в себе, провалившись в депрессию, и спираль с каждой годовщиной, проходившей с исчезновения Джулии, опускалась для обеих всё ниже.

— Господи, — сказала я.

— Я знаю, — сказала Дульса. — Моя бабушка была единственная, кто говорил об этом вслух. Но с тех пор как она умерла, все стало намного, намного хуже.

— Мне очень жаль, — ответила я.

— Не нужно нас жалеть, ты же не виновата, никто не виноват.

— Будет лучше, если вы дадите матери клубневых ягод, чтобы она успокоилась.

В ее случае, наверное, действительно лучше просто все забыть.

— Да, — сказала Дульса, растягивая слова. — Я еще должна извиниться перед тобой.

— За что?

Я удивленно взглянула на нее.

— Это я подсунула вам гройзель-крыс в жилую башню.

— Ты?

Я в ужасе посмотрела на нее, вдруг вспомнив все неприятности со Скаррой, всеобщее волнение и страх, что за нами следит палата сенаторов.

— Прости. Я заметила в какой эйфории пребывал Адам, а если боец Черной Гвардии так реагирует, значит ты должна была передать ему ключ к абсолютному успеху в битве. Но

ты не хотела ничего рассказывать, а я не хотела настаивать. Гройзель-крысы сообщили мне о твоих заметках.

— Поэтому ты могла так необыкновенно хорошо сражаться, — заключила я тонким голосом.

Но могла ли я упрекать Дульсу?

— Ничего страшного, — вздохнула я. — Благодаря тебе наша жилая башня стала одной из самых хорошо защищенных от прослушивания комнат в Тенненбодде.

Дульса улыбнулась, и мы ещё только молча смотрели на пламя небольшого костра.

Нежные поцелуи Адама щекотали мой затылок, посылая по коже чувственную дрожь.

— Пора выходить, — тихо сказала я, всё же имея ввиду совсем другое.

— Пока ещё нет, — ответил Адам низким голосом с хрипотцой, обхватив меня рукой за талию.

Когда его руки обняли меня, я с наслаждением вздохнула. Громкая музыка, которая внезапно проникла в мою комнату, заставила меня вздрогнуть.

— Нет, пора, — слегка повернувшись, я выбралась из его объятий, и изумрудно-зелёное, бальное платье тихо зашуршало, следуя за моими движениями. — Хотя это и была идея Лоренца устроить бальную ночь в нашем саду, чтобы наконец отдать должное платьям Гизеллы Верпочи, к тому же он всё организовал, но в каком-то смысле мы здесь, в Каменном переулке, хозяева, и не должны отсутствовать в нашу первую бальную ночь.

— Полчаса раньше или позже — наверняка никто не заметит, — Адам снова подошёл и начал нежно и медленно целовать меня от плеча к затылку. Я вздохнула, мечась между двух огней. — В последнее время ты такая аккуратная, что это меня пугает. Ты посетила каждую лекцию и каждый семинар, что проводились. Ты сдала все экзамены и получила лётные права. Даже профессор Пошер признал сегодня утром твои достижения, что можно считать уже почти похвалой.

— Да, — ответила я. — Профессор Пошер оказался твёрдым орешком. Но это был последний экзамен перед летними каникулами, и только это имеет значение.

— Просто ты боишься, что кто-то тебя осудит, потому что ты скоро официально будешь сидеть, есть и спать рядом со мной, — мрачно сказал он, и я увидела, как слегка надулись его ноздри.

Адам собирался скоро сделать наши отношения официальными. И только ради меня он отказался от того, чтобы исполнить это немедленно.

— Нет, — сразу ответила я и прижалась к нему. — Это не так. После того, как заявление о намерении вступить в брак отменили, и теперь в офисах палаты сенаторов веет, так сказать, свежий ветерок, я надеюсь, что мы сможем быть хорошим примером. Но ещё я боюсь, что мы ошибаемся и неправильно оценили ситуацию. Вполне возможно, что многим не понравится то, что мы так открыто нарушим правила. Правовые основы всё ещё остаются неизменными. И не исключено, что кому-то влиятельному это будет не по нраву.

— Бальгазар исчез, адмирал официально заклеил его преступником, а поиск исчезнувших девушек стал главным приоритетом. Всё будет хорошо, — решительно сказал Адам. — Арпади мертвы, а население Антарктики официально принято в магическое сообщество Австралии.

Он твёрдым голосом перечислил все факты, которые я и сама хорошо знала. Теперь его голос стал мягче:

— И я не хочу ещё раз попасть в ситуацию, когда внезапно оказываюсь помолвлен со Скаррой, а ты должна выйти замуж за другого.

Я вздохнула, когда вспомнила тот ужасный момент.

— Осенью состоятся новые выборы. Пока адмирал управляет страной, нам, скорее всего, не нужно беспокоиться, но мы не знаем, что произойдёт потом. Я просто боюсь, что всё пойдёт наперекосяк, — подавленно сказала я.

Тень Хаебрама всё ещё лежала на нас, омрачая многие прекрасные моменты.

— Жернова бюрократии мелют, как известно, медленно, а до тех пор нам стоит насладиться теми прекрасными моментами, что у нас есть, — спокойно сказал Адам. — И, если даже мои родители успокоились и больше не собираются лишать наследства, тогда хотя у нас и нет прикрывающих фланг сильных союзников, но и сильных врагов за спиной тоже нет. Даже твоя бабушка больше не считает наши отношения неуместными, а приняла их. Другие тоже примут. Вот увидишь, постепенно маги привыкнут к этой новой ситуации и в какой-то момент законодательство подтянется и зановоотрегулирует закон о браке. После событий этого лета я твёрдо верю в то, что даже патриции, при выборе нового примуса, будут учитывать тот факт, что примус должен заботиться о сохранении и улучшении демократии.

— Большого и пожелать нельзя, — ответила я всё ещё сомневаясь. Я не могла полностью разделить оптимизм Адама. — Но существует ещё три атрибута власти. А когда я увидела, как грааль патрициев вернул Арпади к власти, после того, как всё казалось безвозвратно потерянным, я смотрю на ситуацию не так положительно, как ты, — я сжала губы.

— Я знаю, что тебя беспокоит, — сказал Адам более мягко и нежно провёл пальцем по щеке. — Мы найдём твоих брата и сестру.

Я неуверенно кивнула. Моя мать хотела спрятать от Бальтазара брата и сестру, и сделала это тщательно.

— В этом году мы достаточно пережили и достаточно пострадали, — сказал Адам, заглянув мне глубоко в глаза. — Мы должны остановиться и собраться с силами, прежде чем бросаться в следующее приключение.

— Так мы и сделаем, — пообещала я. — Завтра полетим в Килеандрос и проведём весь день на пляже, наслаждаясь солнышком.

— И я хочу насладиться этим временем с тобой в полной мере. Скорей бы уже, — ухмыльнулся Адам и быстрым движением рванул на себя, так что я снова оказалась в его крепких объятьях.

Его требовательные поцелуи на моих губах сводили меня с ума, лёгкие касания, становились всё сильнее и настойчивее. Какая разница, если мы опоздаем на полчаса? Перед нами была ещё вся ночь.

— Кто-нибудь видел мой жилет с леопардовым принтом? — в этот момент выкрикнул Лоренц в коридор так громко, что его можно было легко услышать даже за закрытой дверью.

Я захихикала, когда Адам скорбно застыл в своём движении. Настроение пропало, но с завтрашнего дня нам больше никто не мешает.

— Пойдём, — смеясь сказала я. — Я ещё хочу провести захватывающую ночь с моими друзьями, прежде чем все разъедутся в своих направлениях, и мы встретимся вновь только осенью.

— Я знаю, — вздыхая ответил Адам, и взял свою рубашку со спинки стула.

Я старалась на смотреть на его чётко выраженные брюшные мышцы. «Завтра» — сказала я себе. — «У нас будет предостаточно времени. Нас ожидает целое лето.»

Когда мы вышли в сад, и нас встретила музыка, у меня было такое ощущение, будто я вошла в другой мир. Небольшие огоньки горели везде, а световые гирлянды были вплетены в ветви яблонь.

Несмотря на безлунную ночь, сад светился тёплым, оранжевым светом. Я узнала

Дульсу, на которой было одето тёмное платье, Лиану, стоящую с Ким Гёером возле буфета. Братья Адама тоже пришли.

— Это платье выглядит потрясающе, — вздохнул Лоренц рядом со мной, а потом посмотрел на красочную толпу гостей. Некоторые танцевали, другие болтали с краю под яблонями.

— Я пойду поприветствую свои братьев, — сказал Адам, помигивая мне.

— Ты превзошёл сам себя, — обратилась я к Лоренцу.

Мой взгляд скользнул по буфету.

— Думаю, этим летом я действительно испытаю себя в качестве организатора мероприятий. Мне кажется — это у меня в крови. Вот это, так сказать, немагическая, бальная ночь, ведь в любой момент могут заглянуть соседи. Подожди и увидишь, какой взрывной будет атмосфера, когда я устрою магическое мероприятие. Что с тобой такое? — он нетерпеливо смотрел на Ширли, которая к своему умопомрачительному платью одела кроссовки.

— Делай, что хочешь, — ответила она. — Мне нужно уехать. У меня три месяца времени, достаточно, чтобы с рюкзаком за спиной объехать мир. Отправляюсь уже завтра.

— Вы делаете экзотические вещи, — подойдя к нам, сказала Лиана. — Я, как всегда, проведу лето в Шёнефельде. Необязательно ехать далеко, чтобы открыть для себя новые горизонты. Я буду читать и бездельничать, и время от времени помогать бабушке в магазине.

— И встречаться с Паулем, — усмехнулась я.

— Возможно, — с улыбкой ответила она. — Если и так, то я буду очень осторожной. Сначала посмотрю, действительно ли большая опасность миновала.

— А я не собираюсь осторожничать, — решительно вставил Лоренц. — Хочу провести бурное лето, со всем, что таковое в себя включает. С любовью, страстью и сильными чувствами. В этом году я встречу своего прекрасного принца, у меня предчувствие.

— Мечтая дальше, — сказал Адам, который в этот момент снова подошёл ко мне. — В мечтах можно встретить прекрасного принца, но в реальной жизни зря потратишь время.

— Я ещё докажу тебе, что и меня ждёт прекрасный принц, — Лоренц вызывающе поднял вверх подбородок. Потом обратился к Ширли. — А теперь я направлюсь к буфету и буду очень рад, если ты присоединишься ко мне.

Он подставил Ширли свой локоть, та взяла его под руку и несмотря на кроссовки, элегантно проплыла мимо.

— Я пойду с вами, — сказала Лина, заправляя за ухо локон. — Эти вареники просто потрясающие.

— Неужели ты снова стала только моей? — удивлённо спросил Адам, глядя вслед Лианы, Лоренца и Ширли.

— Похоже на то, — улыбаясь ответила я, прислонившись к нему.

Зазвучала медленная баллада, и Адам протянул мне свою руку, приглашая на танец.

Я с удовольствием позволила ему отвести меня на небольшую танцплощадку.

— Иногда я с трудом верю в наше с тобой счастье, — сказал Адам, покачивая меня в медленном такте мелодии.

Я ощущала его сильные руки, обнимающие меня.

— Мне больше ничего не надо, только чтобы это никогда не закончилось, — честно призналась я, но в голосе всё ещё звучала тревога.

— Не нужно бояться, — сказал Адам низким, серьёзным голосом. — Наша любовь

будет сильнее, чем вся ненависть этого мира.

Я решительно кивнула.

— Обещаю, никакого больше страха, только надежда, — отважно сказала я и улыбнувшись, подняла на него взгляд.

— Именно, и этим самым мы скрепим начало нашего будущего, — Адам очень нежно поцеловал меня, а потом так глубоко заглянул в глаза, что тёплое, яркое чувство полностью меня затопило.

Больше книг на сайте — Knigolub.net